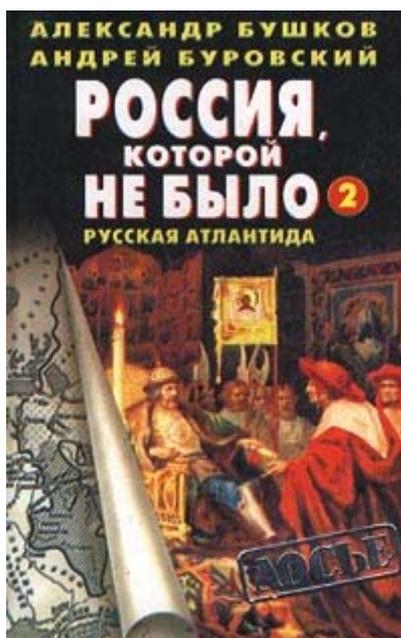

Александр Бушков Андрей Буровский Россия, которой не было — 2. Русская Атлантида

Россия, которой не было – 2

«Александр Бушков, Андрей Буровский. Россия, которой не было — 2. Русская Атлантида»: Издательства: Бонус, Олма-Пресс; Серия: Досье; 2001
ISBN ISBN 5-7867-0060-7, 5-224-01318-6

Аннотация

При изучении Киевско-Новгородской эпохи города и земли Западной Руси описываются как естественная часть Руси. Однако дальнейший исторический период претерпевает в научном восприятии удивительные преобразования: Московия оказывается не просто преемницей Киевской Руси, а ее ЕДИНСТВЕННОЙ преемницей. В науке сложилась традиция сводить историю Руси XIV—XVI веков к истории Московии — не самой важной и не самой цивилизованной части страны.

Книга посвящена расследованию исторического развития именно Западной Руси и сопоставлению процессов, происходивших в двух частях средневековой страны: Западной Руси и Московской Руси.

Большое место в книге отведено феноменам общественного сознания — объяснению причин, в силу которых история Западной Руси замалчивается учеными и «уходит на дно», как русский вариант Атлантиды.

Александр Бушков, Андрей Буровский

Россия, которой не было — 2. Русская Атлантида

(Россия, которой не было — 2)

Когда-то давно, в 1919 году, отступающие войска А. И. Деникина, похоронив павших в бою, оставили на могиле одну только надпись:

«Здесь лежат свободные русские люди».

В 1980 году я посетил это место и долго стоял возле длинной полосы, просевшей надо рвом земли, и глотал водку, и слезы, поминая своих павших братьев.

Книга посвящается всем свободным русским людям, жившим во все времена.

Андрей Буровский

ПРОВАЛЫ В ИСТОРИИ (вместо предисловия)

Сражающемуся с чудовищами следует позаботиться о том, чтобы самому не превратиться в чудовище. Слишком долго заглядывающему в бездну следует помнить, что и бездна вглядывается в него.

Ф. Ницше

Только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие.

Аристотель

Почитание Александра Невского — одна из политических традиций Руси. А образ Александра Невского — один из самых значительных и самых привлекательных образов князя-патриота. Уже в конце XIII века он был канонизирован Русской православной церковью и приобщен к лику святых. Как всякому официально признанному святым, ему полагалось «житие» с набором самых назидательных чудес; в «житии» Александра Невского выведут как идеального князя-воина, образец защитника Руси от врагов.

Так же будут почитать его и светские владыки Московии, и выросшей из нее Российской империи. Петр I захочет перенести его прах в новую столицу, в Петербург, и вина ли Петра, что не выдержал лед и тяжелый серебряный гроб-рака провалился на дно Невы? Петр I был в числе светских владык, которые и спустя много веков после смерти именовали Александра Невского основателем государства, великим героем, великим воином, отцом народа.

Интересно, а сам Александр Невский мог ли предвидеть свое будущее? ТАКОЕ будущее? Что от него пойдет династия владык, владения которых охватят шестую часть суши? Что под властью его потомков склонятся и потомки всех других русских князей, и Тевтонского ордена, и татар? Что его будут ставить в пример юношам в военных училищах? Что орден Александра Невского будет учрежден в Российской империи 21 мая 1725 года и

независимо от этого 29 июля 1942 года в СССР?

Ведь современники вовсе не так уж высоко оценивали его деяния.

Да, в 1240 году, в возрасте 16 лет, он разгромил войско скандинавского ярла Биргера. В 1241 году он лихо воевал с крестоносцами из Тевтонского ордена и 5 апреля 1242 года разбил их на берегу Чудского озера. По мнению современных историков, эта победа поставила Александра Невского в ряд с величайшими полководцами мира.

Но вот мнения его современников почему-то очень расходились: одни и впрямь преклонялись перед Александром; новгородские же летописи показывают другую, гораздо более сдержанную точку зрения на Александра Невского.

Ратные подвиги Александра Невского в Новгороде ценили, но не чрезмерно. А вот захватчивым, жадным, самовластным и неуживчивым называли, и трижды вече распахивало ворота перед Александром Ярославовичем, говоря, что «перед князем путь чист», и никакие его ратные заслуги нисколько не мешали в этом. По крайней мере, национальным героем никто его в Новгороде не считал. Интересно, в других землях Руси, где про немцев только слыхали, Александр был куда в большей чести! Почему бы?

Вот и первый удивительный провал. В летописях очень подробно описывается, как прогоняли Александра новгородцы. В учебниках же, в популярной литературе об этом нет и ни полслова.

Провал, конечно, не в цепи исторических событий, провал в историографии — в том, как пишется история. Что выгоняли — это история. Что этот факт замалчивают — это историография.

В 1990-е годы стали печатать Льва Гумилева, и выявился еще один провал. Оказывается, Александр Ярославович Невский стал приемным сыном Бату-хана, Батые русских летописей, близким другом-приятелем многих монгольских князей, своим человеком в Орде.

С точки зрения Льва Николаевича, тесная дружба с монголами — скорее преимущество Александра Невского. Ведь терпимые, разумные, добрые монголы очень похожи по характеру на русских и на Русь пришли чуть ли не как братья. По крайней мере, так думал Лев Николаевич и ставил в большую заслугу Александру Невскому войны с плохими, злыми немцами, которые утробно ненавидели все русское и шли на Русь исключительно с целью насилия.

Монголы высоко ценили дружеские чувства Александра — в 1252 году ярлык на великое княжение Владимирское вручен был именно ему. Но, оказывается, весьма многие люди думали совсем не так, как монгольские ханы и как Лев Николаевич Гумилев.

Во всех учебниках по истории пишут эдак остороженько: мол, во время монгольского нашествия или после монгольского нашествия вечевой строй на Руси кончился. «Кроме Новгорода», оговариваются иногда для объективности. Но ни точного времени, когда пал вечевой строй, ни обстоятельств дела как-то не упоминают.

Потому что вечевой строй на Руси вовсе не пал, а продолжал жить и развиваться, — это раз. Вся Русь, кроме северо-востока, знала вече вплоть до утверждения более европейских форм демократии — Магдебургского права, например. Вся Западная Русь знала демократию и самоуправление вплоть до Переяславской рады (1654 год), до отмены Литовских статутков на вошедших в Российскую империю землях Великого княжества Литовского — в 1840 году.

А на Северо-Восточной Руси запретили вече и сняли вечевые колокола вовсе не татары. Это два.

В 1262 году по всей Руси вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани — баскаков. В Новгороде, в Суздале, Ярославле, Владимире. Как писал летописец, «и побиша татар везде, не терпяще насилие от них».

Конечно, война — это всегда риск. Всегда очень трудно судить, как повернется война и насколько велик был шанс покончить с игом навсегда. Но война — это еще и выбор, в том числе и выбор нравственный.

Вечевая Русь, Русь, умевшая сама управлять собой, свой выбор сделала, ударив в

колокола и «побиша» недругов. Александр Невский тоже сделал выбор: вместе с ордынским, собственно татарским войском он активнейшим образом подавлял восстание во всех городах Северо-Восточной Руси. Подавлял с невероятной, просто пугающей жестокостью; дружинники Александра Ярославовича Невского, точно так же, как татары, отрезали пальцы, уши и носы, секли кнутом пленных, жгли дома и города.

Именно тогда кончился на Северо-Восточной Руси вечевой строй. И удавил самоуправление и демократию на этой части Руси не кто иной, как великий князь Владимирский Александр Ярославович Невский. Ведь это городские вече принимали решение бороться с татарами, вечевые колокола созывали народ на восстание.

Обвинять злых татар в том, что это они принесли на Русь азиатские методы правления и азиатский образ жизни, стало классикой. Но ведь еще брат прадеда Александра Невского, Андрей Боголюбский, за полвека до монголов попытался утвердить деспотизм восточного типа на северо-востоке Руси, но в конце концов был убит в своем любимом Боголюбове.

Может быть, монголы и помогли становлению такого типа власти, но вовсе не потому, что принесли его с собой. А потому, что умный и хитрый двоюродный правнук Андрея Боголюбского, Александр Невский, сумел использовать монголов для осуществления заветной мечты. Хотели, может быть, и многие князья, но именно он стал реальным «самовластцем» для себя и для своих потомков.

После 1262 года Орда прекрасно знала, что уж на кого-кого, а на эту линию княжеского рода очень даже можно положиться, и в первой половине XIV века собирал дань уже внук Александра Невского, знаменитый Иван Калита. Не кому иному расчистил Александр Невский дорогу, как своим внукам.

Глупо, конечно, судить исторические личности по меркам сегодняшней морали. В сущности, так и поступали советские власти — скрывали от населения страны факты, которые позволили бы называть Александра Невского коллаборационистом или предателем национальных интересов. Разумеется, ни тем, ни другим Александр Невский не был и в помине, но он сделал некоторый выбор и, вряд ли сам осознавая это, стал в начале новой российской цивилизации. Той самой версии российской цивилизации, которую со времен еще интеллектуалов XVII века Ордын-Нощокина и Василия Голицына называют азиатской.

Московия, начало которой положил Александр Невский, станет сильнее других русских государств и сумеет задавить «конкурентов» (почему — особый разговор). И понесет всей Руси традиции холопства, азиатчины. А очень многие стороны нашей же собственной истории от нас же начнут скрывать. И потому истории о том, как национальный герой Руси-России Александр Невский разорял Русь вместе с монголами, вы не найдете ни в одном учебнике по истории, ни в одном официальном справочнике советского времени.

И таких провалов в истории, вернее, в историографии, становится много, как только речь заходит о том, как русские люди выбирали европейский тип развития. Многие ли знают, что, когда Петр завоевал Прибалтику, часть русских людей оттуда уехала в Швецию? Предатели? Да, так их и называли солдаты Петра. «Мы привыкли быть гражданами; мы не привыкли быть холопами», — отвечали те. Об этом факте пишут шведские книги, а нам с вами знать о судьбе соотечественников не полагается.

Многие ли знают, что московский первопечатник Иван Федоров в Москве подвергался преследованиям, бежал на Западную Русь и много лет издавал там книги, а помер во Львове?

Провалы возникают всякий раз, когда факты опровергают исторические стереотипы или могут показать московский тип государства с невыгодной стороны.

Очередным стереотипом стало утверждение «прогрессивного характера» Ливонской войны. Мол, необходимо было выйти к Балтийскому морю, и это оправдывает все потери и все усилия.

Но вот первый провал: никакой необходимости двигать армии не было и в помине, потому что Древний Новгород давно и успешно вел активную морскую торговлю на Балтике. Вмешательство Москвы отнюдь не создало чего-то нового, а напротив, уничтожило уже давно достигнутое.

И второй провал: нигде не упоминается, что движение армии великого князя московского сопровождалось просто фантастическими зверствами, включая младенцев, вырванных из чрева матерей, изнасилованных до смерти, сожженных живьем в монастырях и храмах, посаженных на кол и четвертованных (список можно продолжить, читая древние хроники или сочинения Гоголя).

В 1577 году московитская армия не смогла взять Ревеля, но последний раз захватила большую часть ливонской территории. Был захвачен в плен маршал Гаспар фон Мюнстер. Он был ослеплен и бит кнутами, под кнутами и умер. Сохранились слова Гаспара фон Мюнстера: «Почему вы меня так долго не убиваете?»

Военачальников других городов сажали на кол, разрубали на части.

У нас нет многих данных о поведении русских войск в Казанском и Астраханском ханствах, кроме разве что массового убийства армянских пушкарей, но их поведение в Ливонии хорошо документировано и немецкими, и польскими, и литовскими хрониками.

Впрочем, история Ивана IV и его эпохи — это какой-то сплошной провал. К счастью, позади времена, когда ЦК ВКП(б) принимал специальное постановление, как НАДО видеть эту эпоху прогрессивной. «Прогрессивная» опричнина, тупое сопротивление «реакционных» бояр.

Но и позже историки закрывали глаза на совершенно липовые обвинения в адрес тех же бояр. Ведь вполне определено, что не было никакого заговора князя Воротынского, «впустившего» войска Девлет-Гирея в Москву.

Так же ясно, что не было никакой крамолы и измены в Новгороде, а были там разве что богатства, на которые зарились опричники.

Известно, что не был ни заговорщиком, ни колдуном боярин И. П. Федоров, по «делу» которого казнено более 400 человек, в том числе его крестьян: знали-де, что колдун, а молчали!

Многие вещи вообще невозможно оправдать никакими государственными интересами. Они просто выходят за пределы понимания психически нормального человека. Когда боярина сажают на кол и он умирает больше пятнадцати часов, а на его глазах насилуют его мать. Когда человека на глазах жены и пятнадцатилетней дочери обливают кипятком и ледяной водой попеременно, пока кожа не сходит чулком. Когда Висковатого разрубают, как тушу... Впрочем, продолжать можно долго.

Психически нормальному человеку трудно понять, как можно пировать под крики людей, пожираемых в яме специально прикормленным человечиною медведем-людоедом. Трудно понять садистскую игру с женами и дочерьми казненных, которых то пугали, то давали тень надежды, постепенно доводя до безумия.

Но о преступлениях опричнины пишут хоть что-то — хотя и далеко не все.

А где рассказано о том, что Иван Грозный ни разу не вышел на поле боя? Что он менялся в лице и дрожал при малейшей опасности?

Когда Девлет-Гирей в 1570 году сжег Москву и было убито от 50 тысяч человек до 500 (колоссальное различие в оценках доказывает одно — никто, как всегда, не считал), при подходе татар Иван IV бежал в Серпухов, потом в Александровскую слободу и, наконец, в Ростов.

Хан писал Ивану: «Я разграбил твою землю и сжег столицу за Казань и Астрахань! Ты не пришел защищать ее, а еще хвалишься, что ты московский государь! Была бы в тебе храбрость и стыд, ты бы не прятался. Я не хочу твоих богатств, я хочу вернуть Казань и Астрахань. Я знаю дороги твоего государства...».

Кстати, вот еще сразу два огромных провала. Первый, что Москву Девлет-Гирей сжег не просто так, не из «азиатской жестокости», а в порядке мести за действия Московии. Второй провал, что Иван IV вступил в переговоры с Девлет-Гиреем и слал письма, полные смирения, предлагал ежегодную дань, вел себя крайне униженно.

В 1572 году Девлет-Гирей понял, что Иван тянет время, и опять двинулся через Оку, но уже в 50 верстах от Москвы, на берегу речки Лопасни, столкнулся с войском Михаила

Ивановича Воротынского. Хан отступил, а Иван отказался от всех уступок и уже не унижался перед ним, а слал издевательские письма. Князь же Воротынский был обвинен в измене и зверски замучен. Иван лично рвал бороду Воротынскому, лично подсыпал угли к бокам 63-летнего князя.

Позже, потерпев от Стефана Батория сокрушительное поражение, Иван опять напишет письма Виленскому воеводе Николаю Радзивиллу и канцлеру Литвы Воловичу, где объясняет, что отказался от защиты Полоцка из соображений гуманности, не желая кровопролития, и надеется, что они поступят так же.

Так же он будет влиять и врать, написав и самому Стефану Баторию. Ответное письмо Батория сохранилось, и все оно, от первой до последней страницы, — плевков в физиономию Ивана. Помянув преступления армии Ивана в Ливонии, убийство им своих же людей, бегство москвитов в Литву, Стефан Баторий прямо обвиняет москвитов в трусости. «И курица прикрывает птенцов своих крыльями, а ты, орел двуглавый, прячешься!» — писал Баторий. И вызвал Ивана на поединок, на дуэль (дуэль, конечно же, не состоялась).

И более поздние эпохи тоже кишмя кишат провалами.

Вот, например... В 1795 году суворовские солдаты брали восставшую Варшаву. Захватив пригород Варшавы, Прагу, они устроили страшную резню. Весь мир обошел образ русского солдата с польским младенцем на штыке. И это не было преувеличением: суворовские «чудо-богатыри» махали еще кричащими младенцами на штыках в сторону не взятого города, кричали, что со всеми поляками сделают так же.

Многим в России до сих пор кажется, что если государство сильное, армия могучая и вызывает страх, то не очень важно, вызывают ли уважение страна и народ. Но даже если такой страны бояться — этот страх сродни страху человека перед хищником-людоедом или перед разбойником с дубиной.

Многие книги иностранцев про путешествия на Русь, написанные еще в XVII—XVIII веках, или не переведены до сих пор, или изданы мизерными тиражами. Чтобы вроде и издать, и чтобы широкому кругу не было известно, что написано. А то ведь неизвестно еще, к каким выводам может прийти читатель.

Книга же Иоганна Гмелина «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 год» не переведена до сих пор.

В этой книге автор, видите ли, «сделал резкие и необоснованные выпады против населения России». Книгу эту я читал, и уверяю вас, никакой напраслины Иоганн Гмелин не возвел. Писал правду: о продажности чиновников, о незнании людьми иностранных языков, о банях, где моются вместе мужчины и женщины, и т.д. Никто никогда, кстати, и не пытался опровергать всех этих «клеветнических измышлений»: да и какой смысл опровергать святую правду?

Можно долго рассказывать о тайнах самой истории, о ее проблемах, мифах и открытиях. Еще дольше можно говорить о том, как писалась история в СССР и как она пишется сегодня в Российской Федерации и на других осколках Союза: в Белоруссии и на Украине.

Наша книга посвящена одному громадному провалу истории. Внутри этого провала можно найти множество более мелких, но все это — части одной грандиозной «фигуры умолчания».

Если судить по советской и по современной российской историографии, можно сделать вывод: в конце XIII — начале XIV века куда-то исчезает вся Русь к западу от Смоленска. Только что она была — и вдруг куда-то пропадает! Потом-то она опять «всплывет», уже в XVII—XVIII веках, когда украинцы возжаждут «навечно соединиться» с русским народом, а там и начнутся разделы Польши. Но в XII—XIV веках история этой огромной страны своего рода тайна, скрытая от собственного народа.

Густой историографический туман висит над огромным периодом русской истории.

Я решил написать эту книгу, чтобы хоть немного рассеять этот туман и показать читателю, чем была, чем обещала стать, да так и не стала Западная Русь — Русская Европа,

чья история трагически прервана, а потом еще и замолчана всей мощью огромного государства.

*А. М. Буровский,
кандидат исторических наук,
доктор философских наук, профессор,
председатель Красноярского отделения Международной академии ноосферы,
член Санкт-Петербургского Союза ученых,
член Проблемного совета при Академии образования*

ЧАСТЬ I МИФЫ ИСТОРИИ

Глава 1 ПРОПАВШАЯ РОССИЯ

Чего не спохватишься — ничего-то у вас нет!
М. Булгаков

Придя в 5-й класс, школьник узнает о том, что существовала когда-то Киевская Русь. Даже ребенок, который до сих пор ничего не слышал об этом государстве, получает о нем представление.

Есть карты, на которых показаны границы Киевской Руси, и если для ребенка хоть что-нибудь говорят географические названия — например, Львов, Чернигов, Муром или тот же Новгород, он легко может соотнести исторические территории и современные. И легко убедится, что в Киевскую Русь входили территории Западной Украины и Белоруссии, а вот территории Московской, Владимирской и Ярославской областей — не входили.

О временах Киевской Руси написано множество романов и повестей. А. П. Каждан, В. Д. Иванов, С. Д. Складенко...

В детстве я увлеченно читал А. П. Каждана «У стен Царьграда» и «Край половецкого поля» О. Гурьян. Подростком и юношей — «Русь изначальную» и «Повести древних лет» В. Д. Иванова. Впрочем, не буду даже пытаться перечислять, тем более — систематизировать. Это тема отдельного большого исследования — художественная литература о Киевской Руси. И у каждого здесь свои предпочтения, свои любимые книги, свои воспоминания, свои открытия.

Многие прочитали литературные переложения «Былин», а их содержание тоже привязано к Киево-Новгородскому периоду русской истории. И содержание многих народных сказок.

Существует огромный пласт научно-популярной литературы, особенно по археологии ранних славян III—VIII веков по Рождеству Христову и Киевской Руси. Каждан, Раппопорт, Янин, Федоров, Монгайт. Чуть посложнее уже требуют некоторого усилия. Б. Д. Греков с его «Киевской Русью», книги Б. А. Рыбакова. Литературы очень много, и как правило увлекательной.

Для желающих изданы сочинения классиков русской исторической науки: В. Соловьева, Ключевского, Татищева, Костомарова и многих других, менее известных. Издания этих книг в 1950—1970-е годы были очень малотиражными.

Но уж издания 1990-х годов этим не страдают. В постсоветское время издавалось все, что было выгодно издавать, и тиражи классиков истории редко были менее 30—50 тысяч экземпляров.

Эти книги читать уже непросто, нужно иметь хоть какую-то подготовку. Но они —

доступны. Доступны, кстати, и издания летописей. И «Повесть временных лет», и прочие летописи более позднего времени изданы порой прекрасными изданиями, с комментариями и примечаниями.

Так что история Киевской Руси входит в жизнь человека рано и вовсе не только через страницы учебника. Было бы желание ее знать, а литература найдется.

Короткому периоду с 1184 года, когда Киевская Русь распалась на отдельные княжества, и до 1237 года, когда по раздробленной Руси ударила татарская конница, повезло меньше. О нем мало написано и художественных, и научно-популярных книг и статей. Но, во-первых, и о нем кое-что есть. Романы Павло Загребельного, Иванова, Скляренко, Хижняка... Опять же называю имена, выбранные исключительно потому, что эти авторы нравятся мне больше остальных, и только. Наверняка читателям известны произведения, о которых я не имею никакого представления и которые, может быть, даже превосходят названные здесь.

Учебники и любого периода советской истории, и Российской Федерации дружно отмечают, что с 1184 года в истории Руси начался период, который марксистские историки упорно называют периодом феодальной раздробленности.

На соответствующих картах видно, что территория Руси в XII веке даже расширилась. Например, к ней добавилось Владимиро-Суздальское княжество в междуречье Волги и Оки, куда раньше Русь не распространялась. В тексте учебников отмечено, что «в XI и XII вв. происходило освоение северо-восточных земель».

Русь в XI-XII вв.

Прекрасно представлена в историографии мрачная эпоха монголо-татарского нашествия XIII века. И в учебно-методической, и в художественной, и в научно-популярной литературе. Опять же, не буду называть имен... целое созвездие имен, от знакомого с детства В. Яна и до «крамольника» Льва Гумилева, перевернувшего все привычные оценки, начавшего рассматривать татарское иго, как великое благо.

В послевоенное время во многих городах РСФСР, УССР и БССР проведены невиданные по масштабам раскопки: в основном на местах, где всякая современная застройка была уничтожена бомбежками или в ходе ведения боевых действий. Результаты опубликованы. Есть прекрасные книги Каргера, Рыбакова, Грекова, Тихомирова. В основном, к сожалению, это книги только специальные, но кое-что попало и в научно-популярную литературу.

Но, во всяком случае, и эта кровавая, злая эпоха достаточно хорошо известна и ученику средней школы, и студенту исторического или филологического факультетов ВУЗа, и массовому читателю.

Подведем итоги. Современному россиянину хорошо известен Киево-Новгородский

период нашей истории, так называемая Древняя Русь. Известно, что на удельные княжества распалась вся Киевская Русь. Что монголо-татары ударили по всей Руси и что от этого всем было плохо — даже новгородцам, до которых монголы, на их счастье, не добрались.

Россиянин хорошо знает, что в культурном отношении Киевская Русь была единой. Что Киев был матерью городов русских и для жителей Галича, и для жителей Суздаля, и для жителей Новгорода.

Что святые страстотерпцы Борис и Глеб, жившие в Галиче, канонизированы в Киеве и почитались по всей Руси.

Что династия киево-новгородских князей, потомков Рюрика, продолжает править во всех княжествах, на которые распалась Киевская Русь.

Что память о Мстиславе, княжившем в Тмутаракани, хранится по всей Руси. Как и память о Владимире Мономахе, княжившем в Переяславле-на-Днепре.

То есть россиянин знает: до XIII века Древняя Русь была единой в культурном, языковом отношении. И что все раздробленные княжества — это временно отделившиеся части единой страны.

А вот потом начинаются чудеса... На огромной, только что единой территории Киевской Руси появляются какие-то неведомые, ничем не объяснимые «черные дыры», в которые проваливаются времена и территории.

Например, Галицко-Волынская Русь. Вот еще недавно она существовала для российской историографии.

Русь в XI-XIII вв.

Не будем даже ссылаться на Галицко-Волынскую и Ипатьевскую летописи, на «Повесть временных лет», на польские документы. То есть не будем доказывать давно известное, что Галицкая и Волынская земли существовали в составе Киевской Руси и что Галицко-Волынское княжество реально существовало с 1189 года как самостоятельное государство. То есть мы сейчас не будем заниматься историей как таковой. Будем заниматься историографией, то есть историей того, как люди пишут историю.

Конечно же, в истории никакой такой «черной дыры» не было и быть не могло. И город Галич вполне благополучно стоял на своем месте и после 1340 года, когда бояре призвали на княжение литовского князя. И Владимиро-Волынский не провалился сквозь землю в 1336 году, когда отошел под власть Польши. И Львов тоже не распался на части, не развалился ни в 1349 году, когда он был «захвачен польскими феодалами» [1]*, ни в 1772 году, когда он по первому разделу Польши отошел к Австрийской империи.

Конечно же, никакая «черная дыра» не поглотила всей Галицко-Волынской земли (Галисии, Галиции) оттого, что в середине XIV века эта часть Киевской Руси вошла в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского.

Разные области Галиции продолжали существовать и развиваться в составе Польши, Великого княжества Литовского и Австрии до 1795 года — до того, как они отошли к Российской империи по третьему разделу Польши, или до 1939 года, до того, как на эту территорию наложил лапу сталинский СССР по пакту Молотова-Риббентропа.

Более того. На этих территориях продолжала идти интенсивная историческая и культурная жизнь. Порой даже гораздо более интенсивная, чем в Москве или в Киеве, но обо всем этом в свое время.

Провал происходит не в истории, а в историографии...

И даже точнее — провал возникает только и исключительно в российской имперской и в советской историографии.

Из гимназических учебников Петербургского периода, из школьных советских учебников напрочь исчезла Галицко-Волынская Русь. Вообще. Галицко-Волынское княжество XI—XIII веков упоминается. А потом, начиная с XIV века, это княжество не упоминается. Совсем.

В советских учебниках за 9-й класс всплывало слово «Галиция» как одна из провинций Польши; в учебниках за 10-й класс — как название дивизии «СС Галиция», воевавшей на стороне немецко-фашистских захватчиков. Но имеет ли эта Галиция XX века какое-то отношение к Галицкой Руси — не разъяснялось, и большинство учеников не имели об этом решительно никакого понятия.

Такое же мертвое молчание — в художественной литературе. Может быть, конечно, я просто не в курсе дела.

В конце концов, могли же ускользнуть от меня какие-то важные сведения? Не могу же я прочитать все вышедшие на русском языке исторические романы? Что ж! Я буду очень благодарен, если мне назовут роман, действие которого происходит во Львове или, скажем, в окрестностях Галича.

Или научно-популярную книгу об архитектурных памятниках Львова. Но только пусть этот роман, эта книга повествует как раз о жизни Галиции... бывшей Галицко-Волынской земли в тот самый период — с 1336 до 1795 года.

А написан и, главное, издан пусть будет при советской власти. Даже роман А. Хижняка «Даниил Галицкий» обращается к гораздо более давним временам, почти за сто лет до интересующего нас срока.

Пока у меня нет сведений, что такого рода произведения были написаны и изданы.

Нет и никаких сведений в виде телевизионных или радиопередач, газетных и журнальных статей.

Такое же чудо происходит и с западными русскими княжествами: Туровским, Пинским, Смоленским, со всеми более мелкими княжествами, на которые разбились эти три.

Когда речь идет о Киево-Новгородском периоде, эти западные русские княжества упоминаются наряду со всеми. Не говоря ни о чем другом, именно в Полоцке жила женщина с германским именем Рогнеда. С нею связан не слишком оптимистический, но интересный эпизод из истории Древней Руси.

Когда печенеги убили на Днепровских порогах Святослава, власть в Киеве захватил его старший сын Ярополк.

В Новгороде тогда сидел Владимир, а в древлянской земле — Олег. Ярополк пошел войной на древлянскую землю, и Олег погиб в этой войне. А Владимир, «устрашившись», бежал в Скандинавию и только через два года вернулся в Новгород «со многою силой» и «наместников Ярополковых выслал».

Готовясь к войне с Ярополком, Владимир посватался к Рогнеде, дочери полоцкого князя. В летописях совершенно не идет речи ни о романтике, ни о каких-то сексуальных привязанностях. Владимир действовал из соображений политических: Рогнеда в то время была просватана за Ярополка, и откажи он ему — все Полоцкое княжество откачнулось бы к Владимиру. Рогнеда отказала Владимиру, сказав что «не хочет разувать сына рабыни». Тогда Владимир начал войну с Полоцким княжеством, убил отца и двух братьев Рогнеды, а саму

Рогнеду захватил, дал ей славянское имя Горислава и женился на ней.

По разным данным, Рогнеда-Горислава стала матерью будущего князя Изяслава Владимировича и еще нескольких детей. Умерла она около 1000 года, много позже после того, как Владимир принял христианство и женился на сестре византийских императоров Анне. Считал ли он своей женой и Рогнеду-Гориславу после венчания с Анной, история умалчивает.

Во всяком случае, Рогнеда не забыла обстоятельств своего «романа». «Когда он (Владимир. — А. Б.) имел уже других жен, то некогда пришел к Рогнеде, уснул. Она, помня свое прежнее насильство и настоящее оскорбление, хотела соннаго ножом зарезать». А когда Владимир, вовремя проснувшись, отвел удар и вырвал оружие, «в отчаянии и в слезах говорила»: «Отец, мать и братья мои от тебя лишились жизни, разорено отечество и я пред всеми поругана; и ныне по супружестве ненавидишь меня с бедным сим младенцем».

После чего Владимир, устыдившись, «велел возобновить отчизну Рогнедину Полоцк и ее на удел отпустил со старшим ее сыном Изяславом» [4].

Есть и другие версии этой страшенькой истории, в сравнении с которой бледнеют даже страсти Троянской войны; называют разное число детей Рогнеды-Гориславы; некоторые летописи упоминают четырех ее детей [5]. Во всяком случае, происходила она именно в Полоцке, в столице одного из западных русских княжеств. И эта история вошла и в учебники, и в исторические сочинения. Без нее невозможно подробное изложение истории Киевской Руси.

Но стоит Полоцку оказаться в составе Великого княжества Литовского, и в нем как будто перестает что-либо происходить. Прямо как в Смоленской летописи под некоторыми годами: «В лето не бысть ничего».

Хотя именно в Полоцке в XIV—XV веках вечевой строй достигает такого развития, что роль приглашаемых на службу князей напоминает роль князей новгородских и складывается формула: «по-полоцки править» — некий аналог Полоцкого права в своем роде.

Но и об этом ведь — ни звука ни в учебниках, ни в Другой литературе.

Так же не было ничего на протяжении тех же трех столетий на всей территории будущей Украины. Действительно, что происходило в Киеве, Могилеве, Львове, Дорогобуже, Сумах, Полтаве на протяжении XIV, XV, XVI, XVII веков? Если принимать всерьез советскую историографию, то ничего.

Еще более пикантно, что в советской историографии такой же оказалась судьба и матери городов русских, стольного града Киева. Во всех учебниках, во всех исторических трактатах упоминалось, что в декабре 1240 года его штурмом брали монголо-татары. Соответствующие «духоподъемные» сцены есть в романе «К последнему морю» В. Яна, во множестве других художественных произведений. Данные о раскопках слоя, свидетельствующего о взятии Киева монголами, — в книге М. К. Каргера «Древний Киев».

Но вот наступает 1362 год, и Киев входит в состав Великого княжества Литовского, и до 1654 года он будет находиться в составе Великого княжества Литовского и в составе Польского королевства.

И все. Три века жизни Киева выпадают... Нет, конечно же, вовсе не из истории выпадают эти три столетия. Но из советской историографии — выпадают.

Все эти города и Киев тоже «всплывают» в историографии только в XVII веке и только в связи с «борьбой украинского и белорусского народов за присоединение к России». Интерпретация событий на тогдашней Украине и Белоруссии крайне далека от действительности, но это уже второй вопрос. А территория нескольких русских княжеств, самое ядро формирования Древней Руси, исчезает на несколько веков. Исчезает, а потом вдруг всплывает под новым названием — Украина.*

Нет никакой информации и о Смоленской земле в тех же веках — с XIV по XVII. Даже в таком солидном справочнике, как БСЭ, сообщается только, что Смоленское княжество «в конце 12 в. распалось на несколько уделов и подверглось нападению нем, крестоносцев и литов, феодалов».

В нач. 15 в. С.к. было захвачено литов, князем Витовтом.

Смоленские земли вошли в состав Великого княжества Литовского. Смоленск и терр. быв. С.к. были окончательно возвращены России по Андрусовскому перемирию 1667» [2].

Отметим эту пикантную, но не новую деталь — Литва «захватывает» Смоленск, Москва только «возвращает». Но главное — нигде, ни в каком литературном источнике нет ничего даже отдаленно похожего на внутреннюю историю Смоленского княжества.

Действительно, как жил Смоленск и Смоленская земля в составе Литовско-Польского государства? Было ли в городе самоуправление? Если да, то какое? Какие кто платил налоги? Какие права имели православные смоляне в католическом княжестве? Кто княжил? Какую вел внешнюю политику? Как жили в нем люди в XIV и XV веках? По каким законам? Какие государственные деятели, какие деятели культуры вышли из смолян за три века жизни в Литве? Об этом нет ничего.

Смоленская земля в составе Литовско-Польского государства упоминается только раз — в связи с Грюнвальдской битвой. Говорится, что эта битва была выиграна главным образом усилиями русских дружин из Смоленска. Правда ли это? Скажем, в Литве и современные учебники, и выходившие в годы независимости (1918—1939) не акцентируют внимания на том, кто же сыграл решающую роль. Был общий враг. Его остановило войско, в составе которого были люди трех славянских этносов.

Сказанное касается даже Новгорода и Пскова — княжеств, которым повезло все же гораздо больше всех остальных. Все написанное во всех учебниках и учебных пособиях в советское время и в Российской Федерации относится только к двум сторонам жизни этих княжеств:

1. Как они воевали с Тевтонским орденом?
2. Как Москва завоевывала эти княжества? Причем завоевание однозначно рассматривается как акт присоединения Новгорода не к Москве, а к России. Отметим это.

В историографии Российской империи и в советской историографии получается так, что после нашествия монголо-татар история восточных славян странным образом перетекает на Северо-Восточную Русь. История подъема Москвы, история собирания княжеств Москвой, история строительства Московского кремля, собора Василия Блаженного, формирования политической системы — всему этому историки уделяют огромное внимание.

В Российской империи, затем в СССР и в Российской Федерации — наследниках Северо-Восточной Руси, Московии — до сих пор однозначно, с предельной однолинейностью рассматривают Москву как единственную наследницу и преемницу Киевской Руси. Все остальные земли Древней Руси в этих учебниках и программах имеют значение только как объекты завоевания или как территории, входящие в Московскую Русь.

Рис. 6. XI-XIII вв.

Но нигде нет никакой информации ни о внутренней жизни ни о геополитическом положении, ни о культурных достижениях, ни о внешней политике, ни о системе управления всеми землями, которые входили в состав Киевской Руси, но не вошли в состав Руси Московской.

История всех других княжеств, надо полагать, считается «менее актуальной». О том, как жили в XIV—XVI веках Рязань или Тверь, кто в них княжил и как, мы тоже не можем сказать.

Человек, который учился по учебникам и программам, принятым в Российской империи, СССР и Российской Федерации, у которого нет никакой информации, кроме официальной и общепринятой, не может узнать абсолютно ничего обо всех четырех веках истории Юго-Западной Руси, Галиции, Белой Руси, Смоленска, Новгорода.

Оставим пока в стороне политическую историю. Но я не уверен, что людям даже вполне взрослым и просвещенным известно: именно Юго-Западная Русь была источником просвещения, источником культурных новаций для диковатой северо-восточной провинции славянского мира — Московии. Что иезуитская академия в Вильно принимала славянских студентов с 1579 года. Что Львовский университет основан в 1661 году. Что Киево-Могилянская академия существует с 1632 года, и что роль Киево-Могилянской академии как мощнейшего славянского университета была куда сильнее, чем Московской славяногреко-латинской академии. Что значение Киево-Могилянской академии померкло только после открытия Московского университета (1755 год), и особенно Харьковского университета (1804 год), и что закрыта Киево-Могилянская академия была только в 1817 году.

Многим ли гражданам нынешней Российской Федерации знакомы имена Петра Могилы, Франциска Скорины, Георгия Сковороды или белорусского атеиста К. Лыщинского, автора безумно смелого трактата «О небытии Бога»?

Многие ли представляют себе архитектурные ансамбли и культурные богатства Львова, Умани и даже Киева?

А если и представляют, то в такой ли степени, как сокровища Санкт-Петербурга и Москвы?

Не хотелось бы оказаться понятым превратно. Вот, мол, шляпу надел, профессиональным историком заделался, а теперь еще и издевается, демонстрирует превосходство. Нет, сограждане, я делаю совсем не это. Я выражаю сожаление, и я сочувствую тем, кому неоткуда узнать о деятелях западной русской культуры. Неоткуда узнать, потому что о них нет никакого упоминания ни в школьных учебниках, ни в сочинениях историков, ни в художественной литературе.

И какую информацию можно извлечь из самых серьезных, универсальных справочников, если даже самые солидные издания советского времени о политических деятелях, о деятелях науки и культуры Западной Руси сообщали только самые фантастические сведения? «В начале 20-х гг. Скорина переехал в Вильнюс, где основал первую на территории СССР типографию» [3].

Тут только руками разведешь... Потому что в приведенном отрывке нет буквально ни единого слова правды. Франциск Скорина переехал не в Вильнюс, а в Вильно. Вильно был тогда немецким и польским, а вовсе не литовским городом. Основанная Франциском Скориной типография была далеко не первой на «территории СССР», и даже не первой в Вильно. Она была первой СЛАВЯНСКОЙ типографией.

И уж, конечно, в XVI веке не было никакого СССР и территории СССР.

Впрочем, не только история Великого княжества Литовского и Новгорода — терра инкогнита для ученика и для читателя. Точно такой же неведомой страной предстают и русские земли, вошедшие в состав Речи Посполитой. Территории, которые в советской историографии назывались Западной Украиной и Западной Белоруссией, вошли в состав Российской империи только после третьего раздела Польши, после 1795 года.

Тот же вопрос: что происходило в Гродно и во Львове в 1720... да и в 1795 году? Чем жили эти земли? Скажем, что думали профессора Львовского университета по поводу

пресловутых разделов Польши? Информации нет никакой.

Кстати, стоит этим территориям оказаться опять в составе Польши — с 1918 по 1939 годы, когда Российская империя развалилась, а пакт Молотова-Риббентропа еще не привел к четвертому разделу Польши, — и повторяется знакомая история. Никаких сведений о жизни этих земель в советской историографии не содержится.

Тут вообще странный случай. В забвении нескольких веков русской истории очень солидарны подданные Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации, причем в одинаковой мере. Солидарны профессиональные ученые и широкие народные массы. Солидарны власть предержавшие и все общество.

Усилиями очень большого числа людей или по крайней мере с их полнейшего согласия огромная территория Западной Руси как будто погружается в туман и мрак, скрывается под водой, как град Китеж. Только для такой территории, для миллионов людей будет мало озера, в котором Китеж все же поместился. Тут масштабы небольшого материка или громадного, сравнимого с материком острова. Речь идет о целой Русской Атлантиде.

Русская Атлантида — это не только и не столько даже Земля неведомая, terra incognita. В еще большей степени это *Marae Incognitum* — неведомое море, неведомый туман, поглотивший и скрывающий, не дающий рассмотреть землю. А если совсем точно — это территория, которая становится неведомой в определенное время своей истории. Неведомое время — темпус инкогнига. Неведомая жизнь по неведомым правилам и на неведомой земле.

Тут возникает не один какой-то вопрос. Нет, возникает огромное количество вопросов, которые можно свести в два огромных «пучка».

1. Что же представляла из себя эта Русская Атлантида, о которой в Российской Федерации и по сей день практически ничего не известно?

2. Кому нужно было сделать такую грандиозную «фигуру умолчания» по поводу Западной Руси? С какой целью напущено столько тумана?

Книга написана для того, чтобы ответить хотя бы на часть возникающих здесь вопросов.

Глава 2 БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ МИФ, ИЛИ ЛЕГЕНДЫ МОСКАЛЕЙ О САМИХ СЕБЕ

Мы русские — какой восторг!

А. Суворов

Дети! Храните себя от идолов!

1-е послание Иоанна, глава 4, стих 21

Исторические мифы — неизбежность!

Всякое государство и всякий народ неизбежно создают легенды про самого себя. Так получается даже против собственной воли: события истории истолковываются так, как их бы хотелось увидеть. Желание подтвердить верность своих представлений о мире, своих предрассудках оказывается сильнее фактов. Испорченный телефон исторической памяти отодвигает в тень одно, высвечивает другое, напрочь забывает третье, придумывает четвертое.

Многие примеры таких мифов сами по себе стали уже чуть ли не нарицательными.

Напомню хотя бы только выдуманный подвиг Ивана Сусанина. Подвиг, которого не было и который стал символом русского монархизма и патриотизма, своего рода национальным символом.

И это совсем не специфично для России. Такие же выдумки легко обнаружить и в истории других народов.

...1745 год. Идет война за австрийское наследство. Французские войска под командованием Мориса Саксонского осадили крепость Турне (в современной Бельгии). Англо-голландско-ганноверские войска под командованием герцога Камберленда движутся к крепости, хотят выручить ее из осады. Французские войска, не снимая осады, двинулись навстречу неприятелю и заняли позиции возле деревушки Фонтенуа. 11 мая 1745 года произошло сражение под Фонтенуа. Погибло 5 тысяч французов, у противника — 12 или 14 тысяч. Поле боя осталось за французами, которые захватили 32 орудия. Крепость Турне осталась в осаде и была взята 10 июня 1745 года.

Вот и все. Вот и все сражение под Фонтенбло — мало что решивший эпизод такой же полузабытой войны за полузабытое австрийское наследство. Но тут-то начинается легенда...

В те времена армии шли навстречу друг другу, пока солдаты не могли разглядеть белки глаз противника, — тогда имело смысл целиться и стрелять. Тем более, 11 мая 1745 года поле под Фонтенуа скрывал туман, солдаты обеих армий долго не видели друг друга.

Во всех английских учебниках по истории написано, что когда армии сблизились до расстояния прицельного выстрела, командующий английскими гвардейцами милорд Гей закричал:

— Господа французы! Стреляйте первыми!

Эта история прекрасно известна и во Франции, но с одной маленькой поправкой: там «точно знают», что кричал-то вовсе не англичанин, а француз. Кричал мосье Д'Атерош, капитан королевских гвардейцев, и кричал он, конечно же:

— Господа англичане! Стреляйте первыми!

Скорее всего, на поле под Фонтенуа действительно кто-то и что-то в этом духе прокричал: легенды редко возникают совсем уж на пустом месте. В обеих странах соответствующая легенда вошла в учебники, и сомневаться в ней знающие люди не советуют. Иностранцу простительно, конечно, но, усомнившись в общепринятой легенде, своим он рискует уже не стать. А уж для своего по крови такого рода сомнения и вовсе неприличны и свидетельствуют о катастрофической нехватке национального, патриотического духа. Французы отмечают, что французский тогда был международным языком, на нем говорили в высшем английском свете, и крик мосье Д'Атероша был прекрасно понятен британцам. Британцы столь же справедливо отмечают, что милорд Гей вполне мог кричать и по-французски — по той же самой причине. Кричал же Милорадович в 1812 году «Молодцы, французы!» по-французски.

Итак, кто-то что-то кричал, и этот крик стал своего рода национальной легендой. Но вот кто именно кричал, что именно и кому именно в этот теплый туманный день 11 мая 1745 года, мы, скорее всего, никогда уже не узнаем. Единственный надежный способ, насколько я понимаю, — это применить «машину времени».

Исторические мифы возникают, развиваются и растут по таинственным законам жизни выдумок и уходят, наконец, в небытие.

Но только не поймите, ради Бога, что в наше время не рождаются новые исторические мифы! Как раз вот сейчас, на наших глазах вскипели, возникли из небытия и пока не полностью ушли в прошлое и мифы про демократическую Россию и мифы про западное общество: про его разумность, щедрость, порядочность, интеллигентность и т. д.

Большой московский миф

Каждый народ творит миф о самом себе, переосмысливая историю в духе, нужном на

данный момент.

На этом фоне Большой московский миф (БММ) вовсе не исключителен, и только одно вызывает в нем некоторое удивление: очень уж долго существует этот миф, и очень уж он всеобщий, грандиозный, пронизывающий все стороны жизни Московии, претворившейся сначала в Российскую империю, потом в СССР.

Этот Большой московский миф о России-Московии хорошо известен всем моим читателям-россиянам. Потому что этот миф ложится в основу преподавания истории в школе и в ВУЗе, кричит о себе в сотнях литературных произведений и кинофильмов. Разделяют его не все, и в разной степени. Но этот миф исключительно важен. Не думаю, что будет преувеличением сказать: Большой московский миф лежит в основе национального самоопределения русских москвитов. Он так важен, этот миф, что вынь его — и зашатается чересчур многое в сознании многих россиян. А сам по себе миф этот прост и коварен.

Невозможно отделаться от мысли, что на просторах Российской империи (а может быть, и гораздо раньше) сформировался некий тип сознания, который может быть представлен в самых различных внешних обличьях: от «охранительного» до «революционного» и от «сталинского» до народнического.

В этот тип мироощущения, в этот Большой московский миф (БММ) входит несколько положений, которые трудно отчленить друг от друга и которые друг друга превосходно дополняют.

1. Во-первых, это идея четкой и однозначной исторической преемственности от Киевской Руси к Московской. Единственным наследником Киева признается Москва и только Москва. Остальные русские земли как бы и не имеют права на историческое бытие и являются только периферией то Киева, то Москвы.

Передам слово Сергею Михайловичу Соловьеву, который прекрасно и емко сумел выразить самую суть этой части мифа.

«Вообще движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, из страны, которая представляла путь из Северной Европы в Южную, из страны, которая поэтому находилась в постоянном общении с европейско-христианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на восток в области Верхней Волги, то связь с Европой, с Западом, необходимо ослабевает и порывается... Но Западная Россия, что же с нею сделалось? ...Западная Россия, потеряв свое значение, потеряла способы к своему дальнейшему материальному, государственному и нравственному развитию, способы иметь влияние на Восточную Россию результатами своего общения с европейцами... Татары и Литва разорили ее вконец... Запустелая, лишенная сил, раздробленная Юго-Западная Русь подпала под власть князей литовских. Галич, счастливый уголок, где было сосредоточились последние силы Юго-Западной Руси, быстро поднялся и расцвел, но скоро и пал в следствии своего уединения от остальной, живой Руси, то есть Великой, ибо Малую Русь в описываемое время нельзя было назвать живою» [6].

Ну вот, даже и Галич, как видите, пал (имеется в виду, видимо, его присоединение к Польше, не иначе), — а все от изоляции от «остальной, живой», так сказать, от «настоящей» Руси.

Н. М. Карамзин был даже еще лаконичнее: «...юго-западной Руси, которая со времен Батыева нашествия отделилась от северной, имея особенную систему государственную, связанную с делами Венгрии, Польши и Немецкого Ордена гораздо более, нежели с Суздальскими или Новгородскими. Последние для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего отечества» [7].

Можно привести еще множество цитат разного масштаба и из авторов прошлого, и из нынешнего века, но из этих цитат мы не получим никакой новой информации, будут крутиться все те же нехитрые идеи.

По существу, и так уже все ясно. Схема проста: Северо-Восточная Русь уцелела после

нашествия монголов, спаслись благодаря своему положению, а Западная Русь разгромлена степняками и Литвой, обнищала и потеряла всякое значение. Единственно, все авторы будут расходиться в частности, но основная схема приблизительно одинакова у всех: эти земли «отпали от Руси». А при завоевании Москвой опять «стали частью Руси».

Мнения разойдутся по поводу географического фактора — татар и Литвы, но останется нетронутым основное: после нашествия монголов, с XIV столетия вся Русь, кроме Северо-Восточной, рассматривается как пропавшая, выпавшая из истории до того времени, как Московия включит эти земли в свое государство.

Допустим, Карамзин писал «Историю государства Российского», и именно поэтому история западных русских земель никак не отразилась в его многотомном труде. Но ведь Соловьев писал уже «Историю России»! А у него — та же самая проблема.

Та же самая идея, та же схема проводится и во всех справочниках, куда бы ни обратился любознательный читатель.

Я уже приводил примеры оценок БСЭ, в которых Литва «захватывает» русские земли, а Москва их «освобождает».

Но эти оценки постоянны, в том числе и в тех статьях, где их, казалось бы, трудно ожидать.

Даже в статье «Украинский язык» приводится следующая эскапада: «...захват западных и юго-западных русских земель Литвой, Польшей и Венгрией — привели к расчленению древнерусской народности... Западные и юго-западные русские земли и их население на несколько столетий оказались оторванными от остальных русских земель» [8].

Если соотнести общее количество русских людей, живших в «оторванных» землях запада и юго-запада (2—3 миллиона человек по разным оценкам), и земель северо-запада, так сказать, «основных» русских земель, откуда «оторвались» остальные (несколько сотен тысяч человек), и все станет предельно ясно.

Впрочем, и в начале XVII века число русских подданных Речи Посполитой будет превышать число русских подданных Московии: порядка 6 миллионов человек к примерно 4 миллионам.

Но русская история, как известно, совершается в Московии.

Напомню еще, что статьи про Великое княжество Литовское ни в первом, двадцатых годов, ни во втором выпуске Большой советской энциклопедии нет. Вообще нет. Не было такого государства. Не будь третьего выпуска Большой советской энциклопедии, читатель мог бы узнать о его существовании только по косвенным упоминаниям в разных статьях.

Детская энциклопедия проявляет по поводу Литвы такую же сдержанность: не было такого государства! Упоминается разве что Ягайло, и то в роли изменника. Не верите?

Вот цитата: «В повести рассказывалось, как нечестивый хан Мамай с помощью изменников — рязанского князя Олега и литовского князя Ягайло — готовился к битве с русским войском» [9]. Впечатляет? Не менее интересно и совершенно фантастическое сообщение, что «в конце XV — начале XVI века все русские земли окончательно объединились вокруг Москвы» [10].

Позиция справочников очень зависит от времени их издания. «Всемирная история», вышедшая в конце 1950-х, сохраняет все «имперские» стереотипы. «Польские феодалы... лелеяли планы порабощения и эксплуатации богатых русских земель, захваченных ранее Литвой» [11]. Вот, пожалуй, самая емкая цитата, где сразу всем досталось.

«Советская историческая энциклопедия формировалась в годы разоблачения культа личности и сообщает немало сведений несравненно более корректно. Но и здесь Литва захватывает русские земли. Исключение статья о Смоленске который все-таки входил в состав Великого княжества Литовского» [12].

Та же самая схема, с небольшими вариациями, воспроизводится во всех школьных учебниках. Хоть в непотопляемом творении Нечкиной, хоть в любом из более современных.

Сейчас учебных пособий известно очень много [13], [14].

Приведу цитату из одного такого учебного пособия. Не потому, что оно так уж много

хуже всех остальных, а просто потому, что выпущено в моем родном Красноярске, многих его авторов я знаю лично, а сам учебник попался мне вовремя под руку: «Поражением Руси (от монголов. — А. Б.) воспользовались Польша и Литва, которые захватили западные княжества. Зачастую сами князья добровольно принимали литовское подданство, чтобы спастись от более тяжелого монгольского ига» [15].

И далее: «После татаро-монгольского нашествия на Русь литовцы сумели захватить многие западные русские княжества. Почти 2/3 территории Литвы состояло из бывших русских земель» [16].

Очень любопытны слова, которые авторы вряд ли и сами замечают: «...из бывших русских земель». А почему, собственно, из БЫВШИХ? Потому что не в составе Москвы?

А когда окажутся опять в составе Московского княжества, сразу же станут опять просто русскими, а не БЫВШИМИ русскими?

Но как мы видим, схема та же самая, и даже стоит русским землям оказаться в составе Литвы, как они становятся «бывшими русскими».

Из этих построений, понятное дело, вытекает представление о полном тождестве понятий «Россия» и «Московия». То, что не Московия — это, тем самым, и не Россия (вспомним «бывшие русские земли»). Причем само это тождество для сторонников этой идеи настолько очевидно, что они его даже и не обсуждают, а всем русским-русинам, жившим в разные времена и на разных территориях, приписывается один и тот же тип сознания — причем исключительно москальский.

С этим связана вторая составляющая Большого московского мифа.

2. Вторая нехитрая идея из составляющих Большой московский миф — России приписываются исконные свойства русского духа: антибуржуазность, коллективизм, вражда к Западу.

Разумеется, эти черты приписываются вовсе не одним москалям, а всем русским, включая и западных русских. Ведь, согласно первому пункту БММ, между ними нет и не может быть никакой разницы.

«Россич всегда хотел невозможного. Вечно голодный душой, он жил стремлением. Не жил еще на свете счастливый россич, ибо для себя самого он всегда оставался ниже своей мечты. Потому-то и добивался он многого.

Отстав от своих, затерявшись в толпе себялюбцев, россич казался жалким и глупым. В нем нет умения состязаться в уловках с людьми, убежденными в праве попирать других, жить чужим соком. Взавшись не за свое дело мелкой, личной наживы, россич всегда бывал обманут, и предан. Таков уж россич, на самого себя он работает плохо, ему скучна такая работа.

Но как только, поняв ошибку, россич сбрасывает чужое обличие, откуда только брались у него и умение, и сила! Он забылся, его не терзают сомнения. Тут все сторонились, как бы случаем не задела ступня исполина.

Таков уж россич от рождения, совершившегося на берегу малой реки, которая течет с запада на восток и впадает в Днепр с правой руки» [17].

А ведь как хорошо это сказано! Какое благородство интонации, какой превосходный слог!

А вот еще цитата из другого произведения того же великолепного писателя:

«Тем временем потомки Одинца, Гюряты, Тсарга, Изяслава, Доброги, Карислава, Отени, Расту, Тшудда (герои книги „Повести древних лет“) и других их братьев из киевских, северских и прочих южных, западных и восточных славянских земель, таких же как они по духу, чести и совести, без титулов и гербов, без турниров, без замков и богатых невест, беззвучно гнули спину в работе, страдали, терпели все муки, но с неотвратимой силой стихии осваивали непроходимые и почти безлюдные территории северо-востока и востока, шли в южные степи и выплавляли не порабощением, а трудом и дружбой людей всех племен в государство-монолит на одной части земного шара. Но это — в скобках, как общеизвестное» [18].

Насчет государства-монолита, да еще выплавленного строго трудом и дружбой, можно поступить как хочется — покрутить палец у виска, засмеяться, впасть в скорбь... Как угодно. Автор сих строк лишь отметит, что мы имеем здесь дело с еще одним мифом, и только.

Отмечу опять же благородство интонации и высокое искусство автора. Самыми простыми словами, очень легко и просто он умеет вызвать у читателя горделивое чувство причастности и отрешенности от скверны земной. Словно поднимаешься в некие надмирные выси, отрешаясь от мелочи и суеты, в эмпирии вершения истории...

Немаловажно и другое: приведенный текст начинается со слов «тем временем...», поскольку выше у В. Д. Иванова многословно описывается, какие гадкие люди иностранцы и иноземцы (конкретно в этом романе викинги занимают место византийцев, поносимых в «Руси изначальной»).

И это превосходное проявление еще одной составляющей мифа:

3. Эта составляющая БММ — Западу приписывается маниакальная ненависть к России. От философов прошлого века, Леонтьева и Аксакова, до современных авторов типа учеников Льва Гумилева тянется мысль о том, что европейское сознание проникнуто жизнеотрицанием, ненавистью к жизни. И, конечно же, ненавистью к Руси-России. По мнению Л. Н. Гумилева, это стереотип поведения у них такой.

Ну не любят они Руси, что тут поделывать!

И по страницам сочинений философов и ученых, и по страницам художественной литературы расхаживают хорошие славяне, гадкие, противные иностранцы. Если автор художественного произведения талантлив, гадкие иностранцы получают особенно омерзительными.

Как красиво объясняет Л. В. Никулин, до чего же ненавидят Россию европейцы, а особенно англичане! [19] Как красиво делает то же самое А. М. Борщаговский!

Как мерзки у него французы и британцы; как они низки духом, сволочны, эгоистичны, даже внешне непривлекательны! [20] Впрочем, перечислять долго, и все равно всего не перечислишь.

4. Четвертая составляющая Большого московского мифа в наибольшей степени — самостоятельный, автономный миф.

Эта идея в общем-то почти неприлична... В конце XX века она просто не имеет права на существование, а вот поди ж ты. Один немецкий теолог объяснял своим студентам, как он определяет ценность новой философской идеи: «Надо посмотреть, может ли эта идея оставаться неизменной после Освенцима. Если Освенцим не в силах изменить эту идею — держитесь от нее подальше».

Многое изменилось в мире после Колымы и Освенцима.

Идея национальной исключительности после Освенцима относится к числу неприличных, и ничего тут не поделывать.

А эта четвертая составляющая БММ, которая является самостоятельным мифом, — это идея исключительности России, ее мессианской роли в мире.

«Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой укроме смрада ничего не услышите. Не верьте западным мудрствованиям, они ни вас и никого к добру не приведут... Не лучше ли красивая молодость России дряхлой гнилой старости Европы? Она 50 лет ищет совершенства и нашла ли его? Тогда как мы спокойны и счастливы под управлением наших государей» [21].

Так поучает своих детей шеф корпуса жандармов барон Дубельт. А вот мнение Энгельса о Герцене: «...Герцен, который был социалистом в лучшем случае на словах, увидел в общине новый предлог для того, чтобы в еще более ярком свете выставить перед гнилым Западом свою „святую“ Русь и ее миссию — омолодить и возродить в случае необходимости даже силой оружия этот прогнивший, отживший свой век Запад. То, чего не могут осуществить, несмотря на все свои усилия, одряхлевшие французы и англичане, русские имеют в готовом виде у себя дома» [21].

Н. В. Гоголь так объясняет уничтожение второго тома «Мертвых душ», в котором он

показывает благородные русские характеры:

«Он (это изобретение) возбудит только одну пустую гордость и хвастовство. Многие у нас и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, а чтобы выставить напоказ и сказать Европе:

Смотрите, немцы: мы лучше вас!» [22].

Как видно, у каждого находится своя причина считать Россию «родиной слонов». У монархиста Дубельта — благоденствие под сенью царствующего дома. У социалиста Герцена — восхитительная крестьянская община. У Суворова — мощь русского оружия. Со временем найдутся и другие причины. Было бы интересно поискать, существует ли хоть одна сторона русской народной жизни (реальная или вымышленная), которая никогда не становилась бы основанием для «какого восторга!» и причиной полагать Россию выше всех остальных стран?

Православие, марксизм, государственническая идеология, народничество во всех его бесчисленных ипостасях — все они очень часто существуют лишь в виде неясных, противоречивых, порой нелепых представлений. Главное назначение в народном сознании и состояло в том, чтобы обосновать преимущества России-Московии перед тлетворным Западом.

Мифопэтика мифа

Большой московский миф — это очень удобный миф. И одновременно — очень практичный для собирания русских земель и для управления русскими. Управления — из Москвы, разумеется. Русский — значит подданный Москвы или потенциальный подданный.

Кто хотел бы быть подданным — не получается, потому что мешают или местные бояре (плохие, разумеется), или гады-иностранцы. Быть русским и притом не москвитом попросту невозможно. Ну... примерно так же, как невозможно быть итальянцем и одновременно не быть католиком.

Разумеется само собой, что все русские должны жить в едином государстве и что они хотят жить в таком государстве. Москва — столица для всех русских. Новгородцы и псковичи правильно отбивались от шведов и немцев. Глубоко верно топили в колодце татарских послов. Но вот с Москвой они воевали глубоко зря. Раз воевали — значит, не правильно понимали историческую необходимость.

Правда, не очень ясен вопрос: а что думали по этому поводу сами жители завоеванных Москвой княжеств?

И князья, и народные массы? Жители всех земель, которые мы называем русскими сегодня, не разделяли Большого московского мифа. Новгородцы, да и тверичи даже XV века, с ним бы категорически не согласились.

Но в российской, а затем и в советской историографии такие аспекты истории игнорировались, что называется, напрочь.

Миф придает Москве прелесть древности; некую благословенность более ранней, киевской истории. Ведь Москва — единственный наследник Киево-Новгородской Руси.

Все остальные наследники — ненастоящие.

Большой московский миф в своих бесчисленных модификациях включает и идею исторической несправедливости. Весь мир несправедлив к русским-москалям, не понимает их, не ценит сделанного ими.

Ведь сами по себе русские были необычайно милы. Русские всегда всем несли свет более высокой культуры. Если и совершались какие-то преступления или безобразия, например, разделы Польши, то такова была историческая необходимость, и вообще во всем виноваты правители. Русские как народ, конечно же, здесь совершенно ни при чем.

Более того, русские постоянно совершали исторические подвиги и всем помогали. А

эти услуги почему-то никто не хотел признавать. Например, именно Русь своей грудью защитила Европу от нашествия монголо-татар. А Европа, как известно, вовсе не пожелала считать себя спасенной. Европа нахально врала, будто бы монголо-татар разбили чешские и немецкие рыцари. Да еще придумывали, будто это Европа защитила принявшие католицизм Волынь и Галичину.

А кроме того, русских все и всегда обижали. Все и всегда пытались оторвать куски от русских земель. Мало того, что русских вечно обижали уже печенеги и половцы. Буйнопомешанные степняки, исключительно из природной подлости, угоняли скот, крали русских красавиц, сжигали села и вытаптывали посевы. Правда, А. С. Пушкин с простотой строителя империи кое-что и инкриминировал Олегу по поводу хазарских сел и нив, а «Слово о полку Игореве» описывает вполне разбойничий поход русских дружин, учиняющих безобразный половецкий погром. Но официальная советская историография ничего не упоминала о подобных ужасах. Речь шла только и исключительно о бесчинствах злых степняков на Руси.

Потом нас обижали татары. Мало того, что они нам опять же пожгли города и посевы и угоняли нас в Сарай, они еще и оторвали нас от Европы и помешали нам развиваться, в чем их историческая вина.

Потом нас обижали поляки, французы, японцы, американцы, англичане и немцы. Американцы, кстати, еще в 1867 году обманом оттяпали у нас Аляску — тоже все из-за ошибок царского правительства, в которых русский народ, конечно же, никак не виноват. А румыны и те же поляки воспользовались нашей временной слабостью во время Гражданской войны и опять же оттяпали у нас часть территории.

И мало того! Нас вечно недопонимал и славянский мир...

Казалось бы, на братьев-славян мы всегда могли бы положиться. Но вот ведь незадача! Не только чехи и поляки — даже и литовцы, и многие украинцы самым прискорбным образом не хотели жить в составе единого с русскими государства... Даже свои из своих — русские, новгородцы — и те предавали нас так же, как украинцы времен Мазепы!

В школьных учебниках и программах это слово стыдливо не упоминалось, но, вырастая, я узнал, что русских они (то есть другие славяне) обзывали нехорошим словом «москаль» и опять же всячески обижали. Например, не позволяли бороться за их счастье и вообще упорно считали нас дикарями...

В гимназиях Российской империи, затем в советских школах последовательно учили тому, что именно Московия и есть единственный спаситель славян и гарант их счастья и блаженства. Это Русь остановила немецких рыцарей на льду Чудского озера. Без русских полков польско-литовские феодалы никогда бы не смогли выиграть битву под Танненбергом. Богдан Хмельницкий правильно понял, что только Русь может спасти Украину от ужасов пребывания в Речи Посполитой. Этого не мог понять только такой негодяй, такой предатель, как Мазепа.

После того, как мусульманские захватчики обидели южных славян, их единственным защитником стала Русь — Российская империя.

Если человек любит не только историю, но и географию, тем лучше! Знание карты очень наглядно убеждает — от славянского мира враги все время отрывали кусок за куском. Немцы завоевали, истребили и онемечили полабских славян и родственных литовцам пруссов. Плохие польские паны поработали хороших украинских рабочих и крестьян. Дай им волю, в начале XVII века они завоевали бы и Московию, да их, к счастью, отбили.

Впрочем, с Европой-то и связано самое сложное... Вероломная Европа воспользовалась нашим бедственным положением и напала на нас, то есть на Псков и Новгород. Причем агрессия Тевтонского ордена рассматривалась, как действия немцев, т.е. как агрессия этноса, а не политического института. И этот этнос, получается, попытался завоевать часть нашей территории. Почему и в каком смысле она наша, никто и никогда не объяснял. Наша, потому что там живут русские!

Псковичи и новгородцы перестают быть нашими сразу же, как только речь идет о

завоевании этих княжеств Москвой. То есть, по официальной формулировке, о присоединении этих княжеств к Москве-России.

Точно так же рассматривается «захват» смоленских земель Великим княжеством Литовским. В Смоленской земле, получается, жили мы. А они захватили нас и оторвали от Москвы.

Вот Московское княжество никогда и никого не завоевывало. Оно только объединяло русские земли вокруг своего естественного центра. Если в Смоленск, в Новгород или в Псков входили войска московских князей, это было объединение. Если в эти же города входило войско Великого княжества Литовского, это было завоевание. И никому почему-то не приходит в голову элементарная мысль — выяснить, что же, собственно, думали об этом жители Смоленска или Пскова?

Впрочем, как раз известно, что думали новгородцы и псковичи, по крайней мере, на берегах Шелони в 1453 году.

Но их мнение, конечно же, было исторически не правильным. Оно не отражало исторического тяготения всех русских земель к Москве, желания всех русских людей объединяться в единое государство и было делом глубоко консервативным, противоречащим прогрессу. К тому же в Новгороде и Пскове всем заправляли бояре, и решения вече, вероятно, отражали только их глубоко ненародное мнение...

Если в моих словах и есть некое преувеличение, право же, очень и очень незначительное. В историографии Российской империи поразительно большое место занимает эта нехитрая идея: идея постоянного хищного давления на Русь-Россию врагов. Россия подобна осажденной крепости. И если пределы только защищавшейся страны почему-то расширялись всю ее историю, то это только по причине отсутствия на ее границах естественных рубежей да избытия все новых врагов.

Русь-Россия оказывается вечно осажденной, а русские — народом, которого все не любят и все к нему несправедливы. Французы, англичане и немцы постоянно нагло живут за счет русской крови и русских усилий, а потом отнимают все, что русским причитается по праву.

Из Большого московского мифа вытекают, естественно, некоторые, так сказать, организационные последствия. Попробую систематизировать их и перечислить:

1. Все русские должны быть подданными Москвы. Москва — само собой разумеющаяся столица всех русских. Русские, которые не хотят быть подданными Москвы, — предатели.

2. Русские наивны, добры, терпеливы, трудолюбивы. Их душа очень широка и способна вмещать весь мир. Русские всегда и всем хотели только добра. Иностранцы не понимают замечательных качеств русского народа, особенно его широты, и клеветают на него, обзывая нехорошими словами.

Разумеется, иноземцы нагло врут!

А слова Пушкина о том, что мы ленивы и нелюбопытны, объясняются тяжкими невзгодами в личной жизни поэта по вине царского правительства — и не более.

3. Завоевания русскими любых стран и подчинение их Москве имело только самые лучшие последствия для тех, кого завоевали. Российское государство никогда не проводило ни политики геноцида, ни политики национального и религиозного угнетения. А русские никогда не были расистами и националистами и всегда всех любили.

4. Все страны и народы всегда ненавидят Россию и русских и стремятся воевать с нами, отнимать наши земли и вообще всячески обижают. В числе прочего иностранцы постоянно отнимают у нас наши достижения, — и все потому, что мы по своей детской наивности не умеем их защищать.

Россия — это лагерь, осажденный чудовищами и негодьями. Итак, мифопоэтика принадлежности русских единому централизованному государству. Мифопоэтика осажденного лагеря, внутри которого все хорошие, а снаружи — все плохие.

Эта мифопоэтика пережила века и государства. Судя по множеству признаков, она

существовала уже в московское время, по крайней мере в XVII веке. Она пережила весь Петербургский период нашей истории и весь советский период — так сказать, весь второй Московский период 1922 — 1991 годов.

На этот комплекс мифов работала почти вся историческая литература, во всяком случае, вся популярная и художественная литература, то есть все, что приходило к массовому читателю.

ЧАСТЬ II ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ РОССИЯ?

Великий, могучий... на удивление несчастливый народ.
А. Янов

Глава 3 ОТКУДА МЫ ВСЕ ЭТО ЗНАЕМ?

*Жилье археолога — палатка.
Еда археолога — консервы.
Орудие археолога — лопата.
Радость археолога — пожар.
Счастье археолога — помойка.
Мечта археолога — могила.
Студенческие «Заповеди археолога»*

Узнаем, конечно же, из исторических источников: из писем, документов, записей, рассказов, пришедших из других эпох. Самым ценным видом источников являются летописи — это ведь официальные документы, в которых полагалось фиксировать самое важное. Впрочем, в этом же и слабость летописи — в ней выражается некое официальное мнение. А ведь и у государства, и у могучего монастыря или княжества вполне могут быть свои политические интересы.

Например, смоленский епископ Иосиф Солтан очень хотел, чтобы Смоленское княжество перестало подчиняться великому князю литовскому и вошло бы в состав Московского государства. И епископ поручил написание летописи писцу Авраамке... Аврамкина летопись весьма полезна, содержательна, поскольку весьма подробно излагает историю Смоленской земли в XIV—XV веках. И, конечно же, из этой летописи ясно видно: ну до чего же все жители Смоленска, весь народ Смоленской земли не то что хотят... прямо-таки жаждут пойти под державную руку Москвы.

Или вот было в польском католическом городе Львове православное Львовское братство. Никто вроде бы особенно не обижал братчиков, но и король Польского государства, и католическая церковь, и подавляющее большинство населения были уверены: всем православным совершенно необходимо срочно перейти в католицизм. А вот братчики в этом вовсе не были уверены, и, конечно же, их отношение к происходящему отразилось в «Летописи Львовского братства».

Как быть? В первую очередь сравнивать записи в разных летописях. У археологов есть такая поговорка (к ней мы еще вернемся попозже): «Одна дата — это не дата». Точно так же и факт, о котором сообщено всего один раз в одной летописи, — это не факт. Все сообщения

всех летописей обязательно нуждаются в подтверждении. Вот, например, польские летописи сообщают о битве при Грюнвальде 15 июля 1410 года. О сокрушительном поражении немецкого войска. О том, что большая часть рыцарей Тевтонского ордена погибла или попала в плен, что магистр ордена убит и что немецкой орденской опасности над Польшей нету и в помине.

И возникает вопрос: а может быть, польские короли попросту придумали все это? Может, не было никакого Грюнвальдского сражения? А если и было, то не под Грюнвальдом? А если было под Грюнвальдом, то, может быть, оно закончилось совсем не так, как пишут в летописях? Были ведь случаи, и еще какие! Фараон Рамзес выдал за победу сокрушительное поражение, понесенное от хеттов при Кадеше. И не будь других источников, если бы современные ученые пользовались только египетскими записями, мы владели бы, мягко говоря, несколько неточной информацией.

Профессиональный историк, получив сообщение о Грюнвальде, просто обязан предположить нечто подобное. Одно сообщение — это еще далеко не достоверный факт! Может быть, польский король потерпел поражение и не под Грюнвальдом, а совсем в другом месте и в совсем другое время?

И, чтобы скрыть поражение, придумал битву под Грюнвальдом?

Но про Грюнвальд писали и хроники других участников сражения: и Тевтонского ордена, и Великого княжества Литовского. И смоленские хроники (в том числе и Аврамкина летопись). Польский хронист Ян Длугош лично участвовал в Грюнвальдском сражении и знал лично многих участников. Он написал книгу об этой войне. Известие о поражении Тевтонского ордена было настолько важным в международном масштабе, что почти по всей Европе прошла волна слухов, как от камушка, брошенного в воду.

Более чем в двадцати источниках разных стран и народов, на разных языках упоминается Грюнвальдская битва, передаются разные подробности. Иногда во Франции, в Голландии, где события в Польше и в Прибалтике далеки и не очень важны, — упоминания самые краткие. В Скандинавии, германских княжествах — гораздо более подробные. Конечно же, очень различны интонации. В хрониках Тевтонского ордена поражение оплакивается, героизм тевтонских рыцарей живописан самыми роскошными красками, а польско-литовскому войску приписываются потери, превышающие население всей Польши. В хрониках Геттингена — отношение сочувственное, но нет в них скрежета зубного.

Вот в хрониках города Бремена гораздо больше эмоций, потому что Бремен тесно связан с Тевтонским орденом и многие из его граждан лично принимали участие в войнах ордена.

Но все это уже мелкие детали, а главное можно считать установленным: значит, битва под Грюнвальдом все-таки была и победили именно славяне.

На этом примере видно, как вообще определяют, имело место быть событие или нет и какой вид оно могло иметь в реальности. Чтобы стало предельно ясно, историк не просто переписывает то, что отыщет в летописи. Он проводит работу наподобие детективной.

Вообще для серьезного исследования одна летопись — это источник явно недостаточный. Летописи дополняют друг друга; если используется несколько источников, это позволяет сравнивать несколько точек зрения и рисовать какую-то общую картину.

Киевские летописи до нас не дошли. В смысле, не дошли те бумаги, которые писал лично Нестор; но данные из его «Повести временных лет» включались во все русские летописи, составлявшиеся во все времена во всех русских княжествах. Известны московские, владимирские, псковские, новгородские, смоленские, тверские летописи. Известны летописи Западной Руси — тех областей, где сегодня находятся два суверенных государства — Белоруссия и Украина. Этот свод летописей еще в прошлом веке стали называть «Летописи западно-русские» или «Летописи литовские» — ведь они писались на территории Великого княжества Литовского [23].

И во всех этих летописях неизменно воспроизводится «Повесть временных лет», вплоть до написанной уже в XVIII веке Григорием Ивановичем Грабянкой украинской

летописи «Действия презельной и от начала поляков кровавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского с поляки».

Уже при советской власти началась грандиозная разборка где же именно чьи летописи?* Большая часть «Литовских летописей» написана вовсе не литовцами и не о литовцах. Это летописи западных русских княжеств, которые написаны русскими людьми и на русском языке [24].

Только одна из летописей, «Летописец князей Литовских», повествует о литовцах — о великих князьях литовских, потомках великого князя Гедиминаса. Но и эти летописи написаны на русском языке, кириллицей. Это очень огорчает некоторых литовских националистов, которым очень хочется, чтобы литовцы изначально были бы настоящими европейцами, писали бы латинским алфавитом и не имели бы ничего общего с этими ужасными славянами.

Оказались недовольны и некоторые белорусские историки. Весь север Западной Руси — это современная Белоруссия. Могилев, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Пинск — столицы русских княжеств, вошедших в Великое княжество Литовское. Так какое же право имеем мы называть эти летописи и литовскими, и русскими?! Они — белорусские!

В связи с отделением Белоруссии эти настроения очень усилились. Настолько, что Великое княжество Литовское уже начали порой называть Белорусско-Литовским.

Беда в том, что считать западно-русские летописи белорусскими можно только в одном случае: если не обращать никакого внимания на то, что думали сами о себе создатели летописей. А они-то считали себя вовсе не белорусами (у них даже слова такого не было), а русскими.

Можно за очень многое ругать бывший СССР, но порой в нем находились неглупые и даже изящные способы решения такого рода проблем. «Летописи литовские» или «Летописи западно-русские» стали именовать новым словесным уродцем — «Летописи белорусско-литовские». Так сказать, каждая сестра получила по своей законной сережке.

А кроме того, официальное мнение было таково: в составе белорусско-литовских летописей выделяются поздние, с XV века, белорусские и украинские. До этого — все-таки о западно-русских. На мой взгляд, решение, в принципе, вполне взвешенное, способное если не снять, то, по крайней мере, притушить страсти по национальной истории. Только вот и XV век, пожалуй, чересчур ранний срок для текстов на украинском и белорусском... С чем национально озабоченные историки, конечно же, не согласятся.

Известно 14 списков западно-русских летописей, включая украинские (Супрасльская, Густынская и др.), и белорусские летописи (Аврамкина, Баркулабовская, Витебская и т.д.).

Собственно западно-русские — летописи Великого княжества Литовского, которые подразделяются на три списка: краткие, средние и пространные.

Краткие состоят из русских летописей, дополненных местными известиями и из «Летописца князей Литовских», написанного около 1428—1430. Летописец излагает историю Великого княжества Литовского со времени смерти Гедиминаса и до смерти Витовта. «Летописец» доведен до 1446 и написан в откровенной апологии великого князя Витовта.

Идея защиты интересов княжества, его величия, его авторитета занимает большое место в «Летописце». Не защищаясь ни от кого, автор преисполнен гордости за свое княжество, чувства патриотизма и феодальной верности.

Пространные списки называются «Кройники Великого княжества Литовского и Жомойтского». Они дополнены, так сказать, с обеих сторон, то есть с одной стороны удревнены, дополнены легендарными сведениями из ранней истории Литвы, до Гедиминаса. С другой стороны, продлены до середины XVI века.

В них никуда не исчезает восторженное отношение к великому князю Витовту, но и великий князь Гедиминас очень поднимается на щит. В этих «Кройниках...» чересчур уж навязчиво подчеркивается величие, богатство, авторитет, нерушимость Великого княжества Литовского.

В них же предпринимаются попытки связать генеалогии некоторых родов литовской шляхты с римской аристократией и тем обосновать, что литовская шляхта древнее и лучше польской. В общем, в поздних западно-русских летописях появляется нечто похожее на чувство ущербности и даже переживание своей исторической неполноценности. С XV века появляется пласт, который можно с равным успехом назвать поздними западно-русскими летописями и белорусскими летописями. Ну хорошо, пусть будут белорусские, лишь бы всем было хорошо.

Белорусские летописи составлялись на основе уже бывшей традиции и развивались в основном в Смоленске, где в среде мещанства стало развиваться белорусское летописание, отражавшее и местные события, и общие события литовской и русской истории. В отношении ранних событий белорусские летописи компилятивны, то есть несамостоятельны. Все они берут сведения из более ранних, не дошедших до нас летописей, и только старательно их переписывают.

При описании же событий XV—XVIII веков они сразу же становятся совершенно самостоятельны, сообщая важные сведения из жизни местных городов (Орши, Могилева, Полоцка, Витебска, Себежа и т.д.) и о событиях русско-литовско-польской, русско-шведской борьбы, происходившей на территории Смоленской земли и Белоруссии. При описании событий авторы привлекают материалы из хорошо знакомых им польских исторических сочинений Длугоша, Стрыйковского, Кояловича, Меховиты и др.

Белорусские летописи предельно неоднородны. Аврамкина летопись, летопись Витебская, Баркулабовская, Могилевская хроника Сурты и Трубницких имеют и разное происхождение, и вскрывают очень разные исторические пласты.

Аврамкина летопись написана в Смоленске в 1495 году писцом Авраамкой по поручению смоленского епископа Иосифа Солтана. Сначала Авраамка старательно, хотя и кратко, излагает события всемирной истории, начиная от сотворения мира. Потом он дает краткое изложение исторических событий по «Повести временных лет», и пока что все это — чистейшей воды компиляция. С XIV века события излагаются подробнее и доводятся до 1469 года включительно. Самое интересное здесь для историка — сведения 1446—1469 годов и юридические статьи, в том числе и Русская Правда.

Авраамка лихо использовал Новгородские летописи, дополняя их описаниями событий местной истории, — Смоленской земли и всего Великого княжества Литовского.

И, конечно же, не забывает подчеркивать идею единства русской земли, стремление русских Великого княжества Литовского к единению с Москвой.

«Летопись Быховца» названа по месту ее обнаружения — в библиотеке польского чиновника А. Быховца. Написанная в конце XVI века на русском языке, но латинскими буквами, она излагает события с древнейших времен и до 1507 года. Полностью самостоятельна последняя часть, с 1433 года.

Витебская летопись наиболее самобытна. Она составлена в 1768 году С. Г. Аверкой путем объединения летописей, сделанных в Витебске в XVII—XVIII веках.

Основная ее часть — летопись мещанина Витебска М. Панцырного, начавшего описание событий, конечно же, с 896 года (и хорошо хоть не с сотворения мира).

А доведена летопись на основе русских и польских исторических сообщений и местных известий до 1709 года. Важный источник летописца — заметки отца составителя Г. В. Аверки, объединившего записи витебских мещан Чарновских (1601—1733) и дополнившего их собственными записями до 1757 года и польскими историческими сочинениями.

Историки очень ценят эту летопись за сведения о действиях администрации Российской империи в XVIII веке и об истории городских общин.

Украинские летописи не менее самобытны и плавно продолжают западно-русские.

Особняком стоит «Летопись Львовского братства» — летопись особого социального организма, кучки православных людей в равнодушном или прямо враждебном католическом окружении. Летопись охватывает XV—XVIII века и заканчивается историей Львовского братства.

Остальные украинские летописи писались в разных местах Украины в XV—XVIII веках в основном казацкой старшиной. Образованные, умные люди оказывались очевидцами невероятно интересных и ярких событий и стремились рассказать о них. Часть этих событий они видели сами, а порой и участвовали в них. Остальное они достраивали на основе дневниковых записей очевидцев и участников событий, казацких и польских хроник, духовных и мирских летописцев, официальных документов.

«Летописец, или описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году деялося в Украине» — Лизогубовская летопись, составлена в XVII веке, отражает историю XVI—XVII веков.

«Летопись Самовидца», или «Летописец о начале войны Хмельницкой» — повествует про начало войны Хмельницкого.

Автор основной части «Летописца...» — казацкий старшина Ракушка-Романовский. События с 1672 по 1702 год написаны в форме дневника. Другие авторы после смерти Ракушки-Романовского довели «Летописец...» до 1734 года.

«Летопись событий в Юго-Западной России» написал интереснейший человек — Самойло Васильевич Величко.

Родился он в 1670 году, умер не ранее 1728 года, а скорее всего — несколько позже.

Образованнейший человек, Самойло Васильевич окончил Киевскую академию, владел польским, немецким, латинским языками. В 1690 — 1708 годах он служил у генерального писаря В. Л. Кочубея и в генеральной войсковой канцелярии. После казни Кочубея, с которым был очень близок он, говоря современным языком, потерял место.

И вот тут-то начинается самое интересное. Самойло Васильевич поселился в имении сына Кочубея, в селе Диканька, под Полтавой. Там он создал школу, преподавал крестьянским детишкам... и там писал книгу.

Насыщенность летописи, доведенной до 20-х годов XVII века, официальными документами, сведениями по истории Турции и Польши, записками современников и личными воспоминаниями делает труд исключительно интересным.

«Действия презельной и от начала поляков кровавой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана Запорожского с поляки» написана Григорием Ивановичем Грабянкой.

Известно около 20 списков летописи. В ней повествуется об истории Украины с древнейших времен (то есть от «Повести временных лет») до 1708 года. И притом основное внимание уделяется эпохе Богдана Хмельницкого, времени с 1648 по 1655 год, — битва у Желтых Вод, и прочему. Войны этой эпохи стали важнейшим событием в жизни современников.

Сам Грабянка в этих войнах не участвовал, источниками ему послужили летописи, официальные документы, польские хроники, дневники, рассказы современников.

Летопись крайне интересна; настолько, что в 1734 году из этой летописи сделана выборка «Краткое описание Малороссии».

Мы не знаем даже, где и когда родился Григорий Иванович Грабянка. Погиб он около 1738 года — хорошо, что хоть это известно. Казачий полковник, он участвовал во всех походах конца XVII — начала XVIII веков — азовских, крымских, шведских — и в конце концов погиб, сложил голову в ходе войны с Турцией 1735—1739 годов.

Украинские и белорусские летописи интересны многим, в том числе и как опыт летописания в уже исторические времена [25].

Сведения, сообщаемые и в западно-русских летописях и в более поздних, подтверждаются данными летописей Великого княжества Московского, новгородскими и псковскими летописями, летописями княжеств Северо-Восточной Руси.

А очень многие сведения и летописями Польши, стран Скандинавии, Тевтонского ордена, германских государств, Венгрии.

Фактически у нас есть сведения об истории Западной Руси с IX века до самых исторических времен — до Российской империи. От эпохи племенных союзов и до

формирования современных народностей.

Спор о «не правильной» истории

Может быть, у кого-то из моих читателей уже мелькнула скептическая усмешка: «Как же! Рассказывайте! Разве вы не знаете, что вся эта история — не правильная»? Что все было совсем не так?»

В последние годы появилось довольно много книг, в которых отрицается все, что считается твердо установленным в академической истории, и предлагается своя собственная версия того.

Не будем говорить уже об Елене Блаватской, которую в свое время полиция выдворила из Индии за вульгарный подлог «писем махаришь», то есть неких высших существ, почти что вечных и всеведущих. «Махариши» регулярно писали Елене Блаватской письма, в которых поведывали невероятно интересные истории о прилетах духов и о материализации материков, слонов и «людей других ископаемых рас».

Письма, как выяснилось, писали слуги из соседней гостиницы; Елена Блаватская оказалась женщиной небогатой и в один прекрасный момент не смогла внести требуемую сумму. Слуги-«махариши» обиделись и обратились в полицию. А английские полицейские, по причине полного отсутствия фантазии и плохого отношения к жуликам, выдворили Е. Блаватскую из страны [26].

Вообще-то, упоминать Е. Блаватскую и Елену Рерих приходится, потому что их последователи продолжают рассказывать все те же сказки, в том числе и на исторические темы.

И пока поток доверчивых, но невежественных людей не иссяк, имеет смысл предупредить соотечественников. Даст Бог, кто-то и уберется.

Но в наше время по городам и весям ходят не менее оригинальные книги. Наверняка я знаю далеко не все «шедевры» этого типа, но приведу только три, хорошо мне известные:

1. Кандыба, доказывающий, что вся история человечества протекала возле Ильмень-озера, на Новгородчине (по просьбе историков из Новгорода специально оговариваюсь: они к этой теории не имеют никакого отношения, ее разработкой не занимались, а к самому Кандыбе относятся, мягко выражаясь, несерьезно) [27].

2. В. Н. Демин, «отыскавший» прародину «настоящей Руси» чуть ли не на Северном полюсе: «Гиперборейскую Русь» на севере современной Европейской России; тогда и климат был якобы иной. Обойтись без мистики, без ссылок на Рерихов и без множества совершенно фантастических аналогий славянских богов с эллинскими и с индусскими автор, конечно же, не в состоянии [28].

3. Юрий Дмитриевич Петухов, издававший некогда замечательную газету «Голос Вселенной» («Орган трансцендентных надправительственных сил»), а ныне написавший книгу, аннотацию к которой я привожу полностью и без комментариев: «История человечества, история земной цивилизации — это в основном история русов, древнейшего первонарода, породившего практически все нации и народности ностратической языковой семьи. Об этом и многом другом увлекательно рассказывается в статьях одного из ведущих ученых-историков нашего времени Ю. Д. Петухова» [29].

Естественно, ведущим ученым-историком никто Ю. Д. Петухова отродясь в научном мире не признавал, да и не за что. Самозванец — он самозванец и есть.

Но сейчас я вынужден анализировать совсем другое явление, поскольку именно оно может вызвать у кого-то из читателей протест: «Чего же это нам суют не правильную историю?»

Все началось с того, что в 1996 году два математика:

Глеб Владимирович Носовский и Анатолий Тимофеевич Фоменко опубликовали книгу «Империя», а через год, в 1997 году, еще одну — «Новая хронология Руси» [30].

Если передавать содержание книги предельно кратко, то авторы претендуют на

совершенно новое прочтение русской (и не только русской) истории. Все, что мы считаем историей русского народа, Руси и Российской империи, согласно авторам — фальсифицировано. В нашем прошлом не было никакой такой Киевской Руси, не было Господина Великого Новгорода. Тем более не существовало никакого такого монгольского завоевания Руси.

И не могло существовать, потому что до воцарения дома Романовых от Китая до Европы простиралась огромная империя, Русь-Орда. Единое государство, разные части которого говорили на разных языках, а своих императоров-царей-ханов называли разными именами. А единая церковь империи объединяла не только католиков и православных, но и магометан.

Авторы устанавливают множество тождеств между монгольскими, татарскими, византийскими, русскими правителями, проводят множество параллелей, «...в справедливости которых, как нам кажется, трудно сомневаться» [30, с. 235].

Великий князь Дмитрий Донской — это и есть Тохтамыш.

Ярослав, отец Александра Невского, — это, оказывается, и есть Батый; он же — Иван Калита. Его старший брат Георгий Данилович — это и есть Чингисхан, основатель империи; он же, «по совместительству», и Рюрик; именно с него-то и начинаются исторические времена. Просто их знают то под одним, то под другим именем.

Почему же никто в России (и во всем мире) не имеет представления о великой империи Руси-Орде и о тождестве деятелей мировой истории? Почему взволнованный рассказ о неведомой миру империи-Орде и о тождестве Батыя и Ярослава выглядит сегодня не повествованием историка, а бредом? А это потому, объясняют авторы, что все русские летописи полностью фальсифицированы.

Придя к власти, гадкие Романовы стремились фальсифицировать русское прошлое, уничтожить память об истинной истории Руси-Орды. Поэтому они уничтожали подлинные документы, стремительно создавали новые о каких-то высосанных из пальца исторических обстоятельствах и событиях. Все, чтобы оправдать свою узурпацию власти.

На самом деле Романовы захватывают власть после кровопролитной гражданской войны в XVI веке. Тогда правило четыре царя Ивана, позже объединенных под именем Ивана Грозного. Суть же борьбы — в ориентации на прежнюю сверхимперию или на нехорошую Европу. Романовы победили... и сделали все, чтобы представить историю в выгодном для себя свете: истинного царя Дмитрия обозвали самозванцем, Смутное время укоротили, чтобы не рассматривать свои неблагоприятные деяния, а Ивана Грозного выдумали, чтобы объяснить причины Смуты.

Как же доказывают авторы свои сногшибательные открытия? А никак! Основной звучащий аргумент выглядит текстуально так: «Такова наша гипотеза». Или: «Согласно нашей гипотезе». Казалось бы, авторы — профессиональные ученые: как-никак, должны понимать — гипотеза выдвигается не беспричинно и не на пустом месте. Гипотеза имеет свое обоснование, и именно это отличает ее от пустого домысла. Но Носовский и Фоменко представляют нашему вниманию именно набор ничем не обоснованных домыслов.

Единственно, на чем строится аналитический аппарат работы, — это игра на звукописи и игра на примерном совпадении дат.

Например, кто такие варяги? А очень просто! Варяги — это враги. Это не этноним, а название любого врага. Врага вообще. Кстати, как свидетельствуют профессиональные филологи (и что известно уже пятиклассникам, враг чередуется фонетически с ворогом, чередование — противоречит нормам). То, что таким словом никогда не называли никого, кроме норманнов, авторы либо игнорируют, либо просто не знают. Об их фантастическом невежестве еще придется говорить особо. Но это еще не все! Оказывается, такое же название было дано и итальянцам! Фряги, фрязи — это не кто иные, как фряжины — вражины [30, с. 119].

Но это еще что! Киев для авторов — это Хио (CHYO, CLEVA, Riona) западных летописей; делается вывод, что это... о-в Хиос (Chios, KHIOS) рядом с Грецией [30, с. 118].

Самарканд лихо оказывается Самарой, таурмены пляшут кекуок с турменами (т.е., на дикой смеси английского с тюркским — «мужчинами турок»)… Впрочем, всего не перечтешь.

Даже в магометанском летоисчислении по годам Хидждры (Гедждры) «улавливаются отголоски имени Георгий, его варианты — Гургий, Гургута. „Кроме того, слово Negira“ может быть слиянием двух — Гог и эра (напомним: эра=era), то есть могло обозначать просто эра Гога» или эра Готов» эра монголов». Горгий и Геджра вполне созвучны» [30, с. 120].

Вообще-то, в лингвистике давно известно, что сравнивать звукоподобия — совершенно бессмысленно: они просто ничего не доказывают. Ну, есть у побережья Якутии островок, называемый Африка. Ну, есть в Центральной Америке город Герма. Следует ли из этого, что в Якутии до якутов жили негры, а город Герму основали германцы?

Даже не учитывая, что жители Африки никогда не называли себя африканцами, а германские племена — германцами. И в этом случае случайные совпадения звуков не означают совершенно НИЧЕГО. Сама по себе похожая звукопись «доказывает» не больше, чем совпадение очертаний облаков в небе.

Существуют довольно строгие правила, по которым имеет смысл соотносить разные части слов в разных языках, а выводы о происхождении слов, названий, понятий делаются на основании кропотливого анализа корней слов, имеющих родственный смысл и употребляемых в близком контексте.

То, что у литовцев и пруссов почитали бога Перуна (Перкунаса), свидетельствует о близости народов. То, что у всех славян одинаково называются орудия сельскохозяйственного труда, а в балтских языках — литовском и прусском — другие названия, служит доказательством: балты и славяне разошлись до того, как появилось земледелие.

А вот звуковые параллели типа: орда-орден, монгол — мегалион, басурман — вессермен, атаман — гетман — гауптман и так далее [30, с. 238] — ничего не доказывают, ни о чем не свидетельствуют и могут представлять интерес разве что для игры в буримэ или для профессиональной работы психиатра, но никак не для истории и лингвистики. Здесь сравниваются слова, которые в своих языках имеют разное происхождение и разный смысл, а потому их совпадение (весьма относительное, впрочем) не говорит совершенно ни о чем.

Нет, для обмана читателя-то сие может представлять интерес. Но вот для доказательства главной идеи авторов книги, вроде бы ученых, — нет, никакого интереса эти параллели не представляют.

Идея тождества исторических лиц и целых династий питается столь же нехитрой игрой на весьма примерном совпадении сроков правления и самой жизни. Если к тому же совпадают (т.е. хоть как-то похожи и деяния) — то делается вывод о тождестве — в той же формулировке: «У нас появилась гипотеза».

Авторы считают тождественными династии киево-новгородских князей, московских князей и татаро-монгольских ханов. По их гипотезе — это одна и та же династия, называвшаяся по-разному в разных местах, с разными региональными именами одних и тех же князей-ханов. Русская история началась в XIV веке с Георгия Чингисхана, а Киевского периода истории Руси для них не было в самом буквальном смысле.

Что касается совпадений времени правления князей, ханов, герцогов (а также китайских ванов, японских микадо и «хранителей неба» древних майя), то причина их так же банальна и проста: при одном и том же или близком уровне и образе жизни люди живут, заводят детей и умирают во вполне определенные, хорошо просчитываемые сроки. При всем разнообразии выращиваемых сельскохозяйственных культур, экзотичности культов и различности языков, на которых говорили на Земле, все правители всех народов, с Древнего Египта до Европы и Руси XIX века и от Ирландии до Перу и Мексики, были правителями стран и народов аграрно-традиционной стадии развития. То есть земледельческих народов, живших по традициям, очень похожих в основных чертах: ранние браки, рождение многих

детей, ранние смерти. А это определяло и вероятный срок появления у человека детей, и вступления на трон, и смерти.

Вопрос, конечно, в способе наследования. Если сын строго наследовал отцу, то время пребывания на троне каждого представителя династии оказывается особенно хорошо предсказуемым: после одного или двух «длинных» сроков, по 25—40 лет, приходится один или два «коротких», лет по 8—15. Почему именно так? А потому, что после долговечного правителя его сын и внук садились на трон в более преклонном возрасте и срок их пребывания в правителях укорачивался.

Конечно, если королю (вану, великому князю, хану, хантенгри, кагану, герцогу, ярлу, императору) мог наследовать и младший брат, то сроки несколько искажаются. Внезапные насильственные смерти тоже «размывают» динамику сроков правления, а ведь очень многие правители погибали в войнах или в дворцовых переворотах.

Но, вообще-то, в совпадениях сроков правлений нет дефицита при сравнении любых династий в любых точках земного шара. Разумеется, сроки правления пап римских этой закономерности не подвержены: выбирали, как правило, не очень молодых кардиналов, и правили они недолго. Так же выбираются и далай-ламы, каждого из которых выбирали младенцем после смерти прежнего.

Но вот взять тех же Ягеллонов. Начиная с Гедиминаса и до Сигизмунда II сроки правления всех великих князей Литвы, а впоследствии польских королей выглядят так: 23 года; 32; 50; 10; 9; 42; 24.

Возьмем теперь сроки правления японских сегунов из династии Токугава, взошедшей на престол в 1603 году: 13; 5; 28; 29; 29; 45; 12; 9. Как видите, та же динамика длинных и коротких сроков правления.

Сроки правления франкской королевской династии Каролингов, восшедшей на престол в 687 году: 25; 26; 10; 46.

Сроки правления французских королей из прямой ветви Валуа, с 1328 года: 22; 14; 16; 42; 12; 15; 49.

Цифры совпадают весьма примерно, но ведь и у Морозова (о нем ниже) они совпадают не больше. А Фоменко с Носовским цифрами предусмотрительно не оперируют.

Не буду загромаждать книгу перечислением сроков правления императоров китайских династий Мин, Сун и Тан, правивших в разное время, царей Иудеи I тысячелетия до Рождества Христова, японских микадо IV—VII веков. Особенно похожи почему-то сроки правления микадо годов Тайра (середина VII века) и сроки правления Валуа.

Еще очень рекомендую посмотреть сроки правления полинезийских вождей: островов много, и при желании всегда можно подобрать подходящую династию.

Сходство деяний, в общем-то, тоже понятно: если не вдумываться в то, с кем же именно воевали и каковы результаты и если игнорировать сам характер проводившихся реформ, всякую деятельность абсолютно всякого вождя, от Карла Валуа до Териироо и от Василия Темного до Еритомо Минамото, легко облечь в самую простую, короткую, как мини-юбка, схему: воевал, проводил реформы. А воевали и проводили реформы, можно сказать, абсолютно все.

А сходные условия жизни порождали и похожие общественные группы. Например, мушеллимы Древнего Вавилона получали землю от государства и держали ее, пока несли военную службу. Таковы же были и стратиоты Византии.

Жившие на границах с племенами айну беглые японские мужики, постепенно отнимавшие их земли, похожи на наше казачество. «Люди длинной воли» в Монголии XI века до смешного напоминают мятежных баронов Англии XII—XIII столетия... Впрочем, примеры можно приводить до бесконечности.

Остается удивляться бедности фантазии Фоменко и Носовского. Вместо открытия евразийской империи, открывали бы сразу империю мировую, правители которой на разных языках назывались бы по-разному, имели разные имена, но по срокам жизни и правления неуклонно совпадали бы.

Особого риска тут нет — нужные сроки, обстоятельства и деяния совпадут у любой династии антропоидов, живущих на планете Земля и ведущих образ жизни земледельцев или скотоводов.

Попытались бы они доказать, например, что иудейский царь Ровоам, правивший в начале I тысячелетия до Рождества Христова, и ацтекский царь Монтесума, правивший в XVI веке, современник Ивана Грозного, — одно лицо. Что Гай Юлий Цезарь и есть Кон-Тики Виракоча, приплывший в V веке по Рождеству Христову на бальсовых плотках из Древнего Перу на остров Пасхи. Уж веселиться — так по-крупному!

Впрочем, есть серьезная причина не делать столь широких экскурсов — это чудовищно низкая квалификация авторов «концепции». Не уверен, что им известно что-либо про остров Пасхи, например. Потому что лично меня больше всего удивляет даже не сказочный гонор авторов. Даже не убожество аргументации, подобное разве что масштабности их же рассуждений и построений.

Больше всего меня поразило их фантастическое, прямо-таки сказочное невежество. Авторы не имеют представления об обстоятельствах, прекрасно известных любому историку-третьекурснику. Причем эти обстоятельства, уж извините, представляют собой никак не фальсификации и не предрассудки ругаемых авторами историков, а твердо установленные факты. Ничего не напишешь.

«...в русских источниках хранится подозрительно странное молчание о захвате турками Константинополя в 1453 году, — вполне серьезно заявляют авторы. — Немногие сохранившиеся отголоски русского отношения к этому событию показывают, что это отношение было скорее всего одобрительным по отношению к османам (рос-манам?)» [30, с. 234].

Не знаю, как насчет рос-манов; источники молчат о народе с таким названием. И ассоциация турок-османов (сельджукского племени кайы, принявшего название по имени Османа I, основателя династии и государства — ядра будущей Османской империи) с мифическими росманами — чистейшей воды высосанная из пальца выдумка. И никакого одобрения по отношению к османам ни в каких источниках обнаружить совершенно невозможно. Для таких утверждений надо не только полностью утратить чувство реальности, но и пренебречь всеми известными фактами.

Но взятие Константинополя в русской историографии XV века отражено во МНОЖЕСТВЕ источников — вот что главное. Более того: это известие оказало на историю и культуру Руси огромное и неоднозначное воздействие — вот это уже, простите, факт. Веками мы существовали словно бы в культурной тени огромной древней империи (на этот раз — вовсе не высосанной из пальца, а совершенно реальной). И в одночасье Русь оказалась единственной не покоренной магометанами православной страной... Источники доносят до нас и страх, и чувство неуверенности в будущем, и горделивое чувство избранности: «Два Рима пали по грехам своим, третий же стоит, и четвертому не бывать...».

Впрочем, авторы совершают не менее потрясающие открытия. Примеров такого же невежества, сказочного неведения самых элементарных вещей по всей книге много.

Прямо-таки невероятно много. Какую глупость считать самой глупой, какой пример вопиющей некомпетентности самым вопиющим — дело вкуса. Лично меня больше всего потрясла расправа с Господином Великим Новгородом.

Мало того, что стоящий среди болот Новгород никак не мог быть центром ремесла и средоточием торговых путей. Мало того, что настоящий Новгород — это... Ярославль, а новгородские концы — вовсе не части древнего города, а разные районы Новгородской... то есть, вероятно, Ярославской, земли. Но у авторов плюс ко всему пропадает в неведомые нети и... знаменитое Ярославово дворище. «...Никто не знает, где в Новгороде находится Ярославово дворище», — открывают авторы очередную высосанную из пальца сенсацию.

От такого заявления обалдеет не только профессиональный историк, но и любой житель города Новгорода. Ибо Ярославово дворище — это попросту говоря один из районов города, название которого не изменялось со Средневековья. Кстати, «концами» называли

части города местные жители еще в 1929 году, когда А. В. Арциховский начинал свои первые раскопки.

Да, о сенсациях... Слово это не всегда звучит синонимом «глупость», ибо книги пишут не только носовские и фоменки. Как раз раскопки Новгорода могут быть приведены как пример вполне сенсационного исследования. Раскопки Ярославова дворища 1938—39, потом 1947—48 годов не только полностью подтвердили легенду о его основании, но и дали колоссальный, поистине сенсационный материал.

А раскопки Неревского конца Новгорода с 1951 года заставили совсем по-новому осмыслить саму цивилизацию средневековой Руси. В числе прочего были найдены (и прочитаны) берестяные грамоты, и это заставило изменить наши представления о культуре, образе жизни, уровне развития личности у средневекового россиянина.

И все данные раскопок подтверждают как раз исключительную роль Новгорода как торгово-ремесленного центра.

В том числе и данные, содержащиеся в берестяных грамотах. И в немецких источниках, ибо именно этот, «утонувший в болотах» Новгород был членом Ганзейского союза, и об этом есть многочисленные документы из архивов Любека, Бремена, Гамбурга, Дерпта...

Или вот еще один перл. Авторы «сенсационной» книги готовы выдать за невероятное открытие результаты восстановления облика Тамерлана по черепу М. М. Герасимовым.

На самом деле европеоидность Тамерлана никого не способна повергнуть в удивление, кроме самого последнего невежды. Всем известно, что в числе племен Центральной Азии было много европеоидных; а если даже Чингисхан и был ярко выраженным монголоидом, то после многих поколений женитьбы потомков на тюркских (европеоидных или почти европеоидных) принцессах пра-пра-правнук Чингисхана Тамерлан, естественно, и должен быть европеоидом.

Кстати, одна из кличек Чингисхана звучит как «рыжебородый». Очень возможно, и он имел европеоидный облик, почему бы и нет? Носовский и Фоменко или сами этого не знают, или, попросту говоря, врут читателю. Предполагая при этом, что сам читатель об этом не имеет ни малейшего представления и поверит решительно чему угодно.

Рассуждения об облике Тамерлана мимоходом вскрывают еще один пункт невежества Фоменко и Носовского. Они всерьез полагают, что существует некий индоевропейский облик. Но языковая группа, язык — это одно, а расовая принадлежность — совсем другое. Наука кое-что знает о существовании индоевропейских языков — но нет такой расы.

На языках индоевропейской группы говорят и скандинавы, и жители Северной Индии.

Без переводчика могут понимать друг друга ярко выраженные монголоиды — якуты и такие же ярко выраженные европеоиды — турки.

Авторы приписывают профессиональным историкам, научному миру желание видеть Тамерлана непременно ярким монголоидом [30, с. 207]. Но это лишь один из многих случаев, когда они приписывают научному миру совсем не то, что на самом деле готовы отстаивать ученые.

Кстати, при обсуждении европеоидности Тамерлана авторы вступают в дикое противоречие с самими собой. Только что, буквально несколькими страницами выше, у них слово «монгол» означало «великий», — так сказать, самоназвание для верхушки высосанной из пальца империи. Теперь же оказывается, что монгол должен иметь строго монголоидную внешность... Где логика?! Где следование своей собственной выдумке?!

Еще раз повторяю. Авторы или совершенно не владеют предметом (даже в пределах выпускника средней школы), или сознательно врут.

У читателя может сложиться впечатление, что я сознательно вырвал самые нелепые, самые абсурдные утверждения авторов, невероятно преувеличил и раздул, а остальная часть книги выглядит несравненно приличнее. Но это не так. В том-то и дело, что я привожу вполне типичные примеры. Каждый может набрать свою пригоршню ничем не подтвержденного бреда... я хотел сказать — гипотез...

Я выбрал только то, что мне оказалось чуть-чуть интереснее остального. По личному

вкусу.

Не стану притворяться, будто мне так уж непонятна причина появления творений Носовского и Фоменко. Все духовные, все интеллектуальные революции сопровождались гротескными, нелепыми тенями. Ибо всякое новое знание позволяет двигаться и вверх, и вниз. Культурный взлет Рима в I веке до Р. Х. породил не только Цезаря, Августа и Мецената, но и торговца рыбой, пытающегося прослыть философом и меценатом.

Культ разума, создание в Англии Королевского научного общества сопровождалось появлением Ньютона и Левенгука, а заодно — паркетного шаркуна, смешного напудренного развратника, почувствовавшего себя свободным от пут придуманной попами морали.

Интеллектуальная революция рубежа XIX и XX веков привела в мир станционного телеграфиста, разыгрывающего сверхчеловека перед уездными барышнями.

Мы живем в эпоху научной и культурной революции.

На глазах меняется представление о границах возможного и невозможного, мыслимого и немислимого. Изменяется картина мира в целом. Казавшиеся бесспорными истины ставятся под сомнение. Раскопки Т. Хейердала, В. Массона, Дж. Мелларта, Н. Дженкинс, А. В. Арциховского изменяют наше отношение к прошлому.

На этом фоне мелькают свои гротескные тени. Те, кто встает на цыпочки, пытаюсь встать в ряды тех, кто способен совершить интеллектуальную революцию. Люди, из всего кипения научной жизни усвоившие одно — что никто ничего не знает, что каждый имеет право думать, как он хочет, и что путь к успеху — врать как можно более лихо. Но у поклонников Блаватской есть хотя бы свой священный авторитет — сама Блаватская. Авторы книги вынуждены быть сами себе таким авторитетом.

Любимый аргумент воинствующего невежества — что научный мир не может с ним спорить. В определенной степени — и впрямь не может. Попробуйте вести полемику с психом, всерьез утверждающим, что земля плоская. Или что насекомые и мыши могут сами собой самозарождаться из грязи и пыли. Или что вся история человечества была историей борьбы классов. Тут главная трудность будет не в том, чтобы понять неверность и даже бредовость слов оппонента.

Проблема в том, чтобы хоть как-то соотнести произносимое оппонентом и известное специалистам. Чтобы найти ту плоскость, в которой вы вообще можете о чем-то говорить и хоть как-то понимать друг друга.

Перлы Носовского и Фоменко невероятно трудно рецензировать, и не потому, что их аргументация серьезна, а приводимые доказательства неопровержимы. Дело в другом...

Во-первых, спор предполагает хотя бы сравнимые весовые категории. Владение хотя бы некоторыми общими знаниями. Спор профессора со студентом возможен все-таки, в основном в учебных целях. А тут такая бездна невежества, что и с семиклассником сравнить непросто.

А как прикажете хоть что-то объяснять человеку, не владеющим самым элементарным материалом?! Ты ему скажешь: «На Ярославовом дворище было найдено...» А он выпучит глаза: «Так ведь Ярославова дворища нет?!».

Во-вторых, ученые, как правило, люди занятые. Тратить время на споры с фоменками и носовскими им попросту не интересно. И я не стал бы тратить время, не будь нужды написать эту книгу.

Но я прекрасно понимаю, что должно делаться в голове у неспециалиста. Мы ведь, увы, живем в мире специализации, и пока что специализация только растет. Все мы становимся специалистами все более глубокими, то есть знающими все больше все о меньшем.

Однажды я принес книгу Носовского и Фоменко в один академический институт. Нет, это надо было видеть! Сотрудники института, профессиональные историки, буквально заходились, прямо-таки кисли от смеха.

— Ну, удружил! — радостно вопили историки, стирая со щек слезы восторга. Лютые враги объединялись против общего противника. Примирялись поссорившиеся друзья и любовники. Профессор Н., двадцать лет не разговаривавший с академиком М., после

выступления академика М., на ученом совете, почти улыбнулся ему после особенно ядовитой шутки в адрес Фоменко.

А самое смешное в этом то, что книга свободно продавалась на книжном лотке в квартале от здания института.

И никто ее не только не отрецензировал, но до моего появления с книгой никто ее даже не взял в руки. На мою же просьбу дать профессиональное заключение по книге народ ответил вполне откровенно:

— Старик, на ерунду времени нет.

И это очень напоминает мне историю времен полузабытого пионерского детства.

Лет 35 назад некий пионер Коля написал в редакцию журнала «Костер», что научился очень хорошо играть в шахматы и всех в классе обыгрывает, только вот конем пока ходить не научился. А теперь он хочет найти какого-нибудь гроссмейстера, чтобы его победить. Редакция пообещала Коле найти ему соответствующего гроссмейстера, не умеющего ходить конем. Пусть побеждает...

Возникает желание, чтобы Фоменко с Носовским рецензировали профессора, считающие Тамерлана негром и ничего не слыхавшие о всемирно знаменитых, составивших эпоху в археологии раскопках Новгорода.

Итак, позиция специалистов более-менее понятна: не связываться с неучами. Позиция логичная, нет слов!

Но такая позиция коллег мне представляется не очень корректной по отношению к огромному числу неспециалистов. В конце концов, человек не виноват в том, что он — не менее узкий специалист, чем историк, но совершенно в другой области. А знать историю своего народа (и не только своего) хочется.

Человек искренне хочет побольше узнать об истории...

Берет новую для него книгу, и... Кого убеждает аргументация (человек же не знает, что она полуграмотная), кого привлекает сам факт смелого, на грани безумия, отторжения всего привычного и, казалось бы, устоявшегося. А кроме всего прочего, заползает в голову мысль: если уж люди так уверены в себе, так смелы, то, наверное, у них есть для этого причины?!

И человек утверждает в самых черных подозрениях: а вдруг вся история, которой его учили со школы, не правильная?! Чаще всего он вовсе и не так уж уверен в правоте Фоменко, но некоторые сомнения заползают в душу, и человек начинает сомневаться во всем на свете: а была ли вообще античность? А существовал ли Древний Киев? А не был ли придуман заодно и Древний Новгород? А знают ли ученые точно, когда жил и как выглядел Чингисхан, или никто ничего не знает?

Мне доводилось общаться с людьми неглупыми и неплохо образованными, с врачами, чиновниками, предпринимателями, которые или занимали ни к чему не обязывающую и довольно удобную позицию: «Почему бы и нет?», или же начинали сомневаться в любых исторических сведениях, сообщаемых на основании любых источников. Ведь все равно же никто ничего не знает!

С другой стороны, находятся люди, знающие мировую историю и выдвигающие идеи, весьма далекие от устоявшихся, санкционированных официальной наукой. И, что самое удивительное, у этих бунтарских, новаторских идей есть свои корни и даже 600-летняя традиция.

Исследователь такого рода появился в Красноярске: писатель Александр Александрович Бушков, «король русского детектива», выпустил в свет книгу «Россия, которой не было» [33], вообще-то, ставшую отрядным явлением в море затопившего Россию околелитературного и околелисторического бреда (примеры я уже приводил). Она и достаточно корректна в большинстве случаев, и весьма, весьма информативна.

Книга понравилась мне и разоблачением мифов, хотя, с точки зрения ученого, строго говоря, подвергаются анализу никакие не исторические мифы, а утвердившиеся в обществе дикие, предельно далекие от истины представления. Некоторые из них — просто невинный плод невежества. Той самой простоты, что много хуже воровства. А большая часть возникла

не случайно и не стихийно: эти представления есть плод сознательной подтасовки фактов, трактовки документов в угоду надуманной схеме, подчинения истории политической злобе дня. Взять хотя бы превращение одного из самых бездарных и самых страшных монархов (Петра I) в главного российского просветителя и чуть ли не спасителя Отечества...

Понравилось и стремление Александра Александровича взять на себя труд выступить в роли просветителя соотечественников. Позволю себе процитировать некоторые его размышления о том, как современный исследователь может рассматривать проблемы достоверности исторических документов и принятой в науке хронологии:

«Сторонники короткой» хронологии, считающие, что часть так называемых «античных» документов попросту фальсифицирована, а часть описывает раннесредневековые события, в результате ошибки историков перенесенные в глубокую древность, выдвигали спорные, но зачастую не поддающиеся опровержению в рамках «традиционной» теории аргументы. Указывалось, что «античные» рукописи вряд ли смогли бы сохраниться, пролежав якобы многие сотни лет в сырых, заброшенных подвалах. Подозрения вызывало и то, что оригиналов подавляющего большинства «античных» трудов не сохранилось вообще, и появились они словно бы из ниоткуда уже в эпоху книгопечатания — причем и тогда оригиналов никто не предъявлял.

Не менее сильные подозрения у многих исследователей вызывала и личность человека, по сути, в одиночку и заложившего основы нынешней «длинной» хронологии. Жозеф Скалигер, ученый XVI в., уже тогда был уличен в подделке мнимоантичных трудов, а кроме этого в своей работе по глобальному уточнению исторических дат откровенно использовал так называемую числовую мистику. Что и неудивительно, поскольку Скалигер сначала был добрым другом и сотрудником Мишеля Нострадамуса, вместе с коим и решал не имеющие решения задачи вроде пресловутой «квадратуры круга». И лишь впоследствии, когда к ним обоим проявила интерес инквизиция, Скалигер в торопливых попытках реабилитироваться занялся богоугодным делом, сиречь созданием хронологии.

Еще великий поэт Петрарка разоблачил иные труды, считавшиеся античными. В XVI столетии испанский ученый впервые выдвинул обоснованную теорию о том, что античность и даже раннее Средневековье, собственно говоря, придуманы в эпоху Возрождения, что масса документов была отброшена в далекое прошлое, и историческая ошибка, однажды возникнув, лишь укреплялась с течением времени.

Подложность трудов Тацита (чуть ли не единственного источника по истории Древнего Рима) доказывали в разное время Вольтер, Лэнге и Ошар во Франции, Моммзен, Штар, Леман, Сивере и Шиллер в Германии, Росс и Меривал в Англии. В России критически относились к исторической достоверности Тацита не только А. Амфитеатов и В. Драгоманов, но и А. С. Пушкин.

Во второй половине XIX в. немецкие ученые, представители так называемого гиперкритицизма, пытались «почистить» европейскую историю от наиболее легендарных эпизодов и личностей, но успеха не имели еще и оттого, что французы, например, усмотрели в этом покушение проклятых «бошей» на славную французскую историю, пусть не подкрепленную документами, но романтическую и оттого великую, черт возьми!

Только в начале XX века научный мир «угovorился» считать «отца истории» Геродота именно историком, а не древним беллетристом. До этого времени существовало мощное направление, весьма обоснованно полагавшее Геродота не более чем талантливым сказочником...

Выдающийся ученый Н. А. Морозов, автор капитального восьмитомного труда «Христос», внес свежую струю, доказывая, что описания астрономических явлений, рассыпанные в «античной» литературе, при вдумчивом их изучении оказываются принадлежащими временам, стоящим к нам гораздо ближе, порой — Средневековью. По меткому замечанию одного из его сторонников, «труды Морозова были отвергнуты, но не опровергнуты». Точно такая же судьба ждала книги американского исследователя И. Великовского. С ним не спорили. Он попросту был объявлен сумасшедшим, хотя некоторые

положения, выдвинутые Великовским в 50-е годы нашего века, получили подтверждение после полетов американских космических аппаратов...

Весьма небезынтересны, хотя во многом и уязвимы, книги московских математиков Носовского и Фоменко, четырехтомный труд отечественных исследователей Валянского и Калюжного. Уже в последние годы группа немецких историков из мюнхенского университета выдвинула версию, что Карл Великий — не более чем обобщенный, сказочный персонаж, нечто вроде былинного князя Владимира Красно Солнышко. И выдвигает в поддержку своей версии достаточно серьезные аргументы. Более того, даже некоторые геологи в последнее время выступили с еретическими теориями, согласно которым возраст Земли гораздо моложе, нежели было установлено в XVIII столетии чисто эмпирически...» Собственно, этот свой подход к истории А.А. Бушков аргументирование представил в книге «Россия, которой не было» в главе под названием «Об истории, историках и фактах»:

«Известный английский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд оставил интереснейшую работу как раз по интересующему нас вопросу: как оценить степень достоверности тех или иных исторических фактов?

Коллингвуд писал: «Критерием истины, оправдывающим его (историка) утверждения, никогда не служит тот факт, что их содержание было дано ему источником». Считая, что, кроме механического восприятия запечатленных древним хронистом фактов, историк должен еще учитывать «достоверность» в качестве пробного камня, с помощью которого мы решаем, являются ли эти факты истинными, Коллингвуд приводит пример: Светоний говорит мне, что Нерон одно время намеревался убрать римские легионы из Британии. Я отвергаю это свидетельство Светония не потому, что какой-нибудь более совершенный источник противоречит ему, ибо, конечно, у меня нет таких источников. Я отвергаю его, ибо, реконструируя политику Нерона по сочинениям Тацита, Я НЕ МОГУ СЧИТАТЬ, что Светоний прав... я могу включить то, о чем поведал Тацит, в собственную связную и цельную картину событий и не могу этого сделать с рассказами Светония».

Проще говоря, любой вдумчивый исследователь имеет право на построение собственной версии — при условии, что она не противоречит логике, здравому смыслу, тому, что нам в общих чертах известно о данной эпохе. Скажем, можно с большой степенью вероятности утверждать: человек, исповедующий христианство, никогда не прикажет казнить другого человека за отказ поклониться языческим богам. Однако в повествованиях о злых «татаровьях» мы еще столкнемся с этим парадоксом: христианин-хан из Золотой Орды вдруг велит казнить русского князя-христианина за отказ поклониться языческому кумиру...

Выводов здесь может быть только два: либо летописец напутал и хан — вовсе не христианин, либо эта история — выдумка...

Но не будем забегать вперед, вернемся к Коллингвуду.

...любой источник может быть испорчен: этот автор предубежден, тот получил ложную информацию, эта надпись неверно прочтена плохим специалистом по эпиграфике, этот черепок смещен из своего временного слоя неопытным археологом, а тот — невинным кроликом. Критически мыслящий историк должен выявить и исправить все подобные искажения. И делает он это, только решая для себя, является ли картина прошлого, создаваемая на основе данного свидетельства, связной и непрерывной картиной, имеющей исторический смысл».

В самом деле, мы порой с излишним почтением относимся к полуистлевшим летописям, забывая, что писали их люди. Обуреваемые всеми человеческими страстями — от желания написать лишнюю, высосанную из пальца гадость про нелюбимого боярина до умышленного искажения истины по приказу своего князя, с которым не больно-то и поспоришь. Предубеждения и ложная информация... Любопытно, что на родине Коллингвуда, в Англии, во время Первой мировой войны родился любопытный миф о полках регулярной русской армии, которые, высадившись где-то на севере Британии, походным маршем прошли к Ла-Маншу, спеша помочь союзникам, после чего переправились во Францию и ринулись в бой с проклятыми «бошами».

Никогда ничего подобного не было. Русские части попадали во Францию морем, без захода в Англию. И тем не менее британские писатели и журналисты не единожды сталкивались с очевидцами», своими глазами зрившими, как шагали с бодрой незнакомой песней русские усачи-союзники...

А погибни в каком-нибудь катаклизме правдивые документы? И попади запись о «проследовавших через Англию русских» к историку следующей цивилизации, веке в XXIII разбирающем жалкие остатки письмен предшественников? Ведь внесет в свой ученый труд — и академика, глядишь, получит...

И наоборот. В Ипатьевской летописи, которой историки склонны доверять больше, чем некоторым другим, стоит краткая запись: «В лето 6750 не бысть ничтоже» — то есть не было ничего. Меж тем лето 6750 — это 1242 год! Тот самый год, когда Александр Невский разбил на Чудском озере псов-рыцарей! Представьте, что из всех русских хроник до нас дошла бы одна, Ипатьевская... То-то.

Вновь слово Коллингвуду: Мы уже знаем, чем не является свидетельство. Оно — не готовое историческое знание, которое должен поглотить и низвергнуть обратно ум историка. Свидетельством является все, что историк может использовать в качестве такового... Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени СЧИТАЛИ БЕСПОЛЕЗНЫМ... В истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков... Каждый новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и самые вопросы».

Справедливость последнего утверждения блестяще подтвердилась за последние десять лет нашей с вами истории.

Сначала дошло до того, что молодые люди году в 1986-м даже не знали, кто такие Бухарин и Берия (факт, зафиксированный в печати). Потом, с возвращением многих вычеркнутых из не такой уж давней истории имен, какое-то время «диссиденты», «демократы» и «либералы» внушали обществу, что все беды происходят от злодея Сталина, исказившего благостные и гуманнейшие «ленинские заветы», к которым следует непременно вернуться. И лишь впоследствии, не так уж давно, отважились признать, что эти «ленинские принципы» на деле — свод палаческих установлений и самый кровавый террор творился как раз при «дедушке Ильиче». Причины таких зигзагов лежат на поверхности: чересчур уж многие «демократы» и «диссиденты» были детьми и внуками ленинских палачей, а на Сталина злобились главным образом из-за того, что он, наводя глянец на красную историю России, без малейшей жалости перестрелял комиссаров в пыльных шлемах», ибо их дальнейшее существование никак не сочеталось с приличным вариантом советских мифов...

Вернемся к летописям и хроникам. Как уже говорилось, их авторы могли о чем-то не знать, что-то пропускать умышленно, что-то исказить (не обязательно умышленно). Далеко не все летописи и хроники дошли до нашего времени — вспомним Татищева и десяток разных вариантов одной и той же древней хроники. Мало того, мы подчас не можем быть уверены, что под теми датами, что указаны в летописях, подразумеваются именно те, которые приняты нами...

Простой пример. Древнерусские летописи датируются нынешними историками исключительно на основании византийского варианта летоисчисления, где дата сотворения мира — 5508 г, до нашей эры.

Меж тем, кроме этой даты имелись и другие...

Географические названия (не только городов, но и стран!) перемещаются по карте, один и тот же человек может быть известен под несколькими разными именами (что иногда вносит путаницу), точные датировки тех или иных событий нам сплошь и рядом неизвестны (поскольку наши предки и мы пользуемся разными системами отсчета исходных дат).

Летописец был пристрастен, а то и выполнял прямой заказ...

Есть и обратная сторона медали. Для тех случаев, когда летописец был стопроцентно честен. У современных историков порой проявляется крайне непонятное стремление поправить очевидца события, которое сами они наблюдать никак не могли. Однако отчего-то считают, будто знают лучше.

Несколько простых примеров. Доктор исторических наук Ю. А. Мыцк поправляет историка XVII века: «Первый крупный поход за пределы Монголии был совершен Чингисханом не в 1209 г., а в 1162». Читатель может подумать, будто за последние триста лет в руки ученых попали некие документы с точными датами...

Нет никаких документов. Просто-напросто в последнее время ученые договорились считать, будто дата «первого крупного похода Чингисхана» была другой. Следовательно, историк, живший гораздо ближе ко времени описываемых им событий... ошибается.

«Автор ошибочно считает, будто не новгородский народ, а князья решили истребить ордынских баскаков».

Одним словом, сплошь и рядом с исторического Олимпа пудовым камнем падают презрительные приговоры: «Летописец ошибался», «автор хроники был не прав». Очевидец события, извольте ли видеть, был не прав. Не понимал, что он видел — пока в XX столетии не разъяснили...»

Почему это все не правда?

1. Ну, во-первых потому, что во всех русских летописях есть выдержки из «Повести временных лет».

Вовсе не только в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. «Повесть временных лет» вовсе не стала известна в результате некоего внезапного открытия. Она была известна всему образованному русскому обществу со Средневековья. Я уже обращал внимание читателя на то, что все русские летописи во всех землях и городах начинаются или с сотворения мира (и тогда включают в себя «Повесть временных лет»), или прямо начинаются с «Повести...».

Если считать все славянские летописи подделками, созданными по заданию Романовых, то у меня возникает одно лишь смиренное замечание: это надо же, какой масштаб должна иметь работа по подтасовке летописей! И в кабинет польского чиновника Быховца, и в скромную украинскую Диканьку, и в городские архивы Витебска и Смоленска прокрались коварные агенты Романовых. Если учесть, что украинские летописи писались и в XVIII веке, я позволю себе восхититься еще одним: как же долго действовала программа замены правильных летописей на не правильные, подтасованные! И через сто лет после воцарения династии действует программа: как написали новую летопись, сразу же ее подменить! Куда там жидомасонскому мировому правительству!..»

Если же исходить из подлинности летописей, то приходится признать; «Повесть временных лет» прекрасно знали и считали подлинной во всех концах необъятного славянского мира. И использовали везде, где считали свое княжество, свою землю частью Руси. И это заставляет принимать Нестора-летописца всерьез.

Кстати, таким же образом получается и с Русской Правдой. Почему-то и в летописных сводах, и в юридических документах (вплоть до Литовских статутов, о которых речь еще пойдет впереди) есть отсылки к Русской Правде, причем четко различается Правда Ярослава и Правда Ярославичей. Если следовать логике моих не очень грамотных оппонентов, то и Русская Правда, Правда Ярослава, должна быть составлена то ли Калитой, то ли его близкими родственниками в XIV веке.

Но ведь на в Западной Руси ни Иван Калита, ни его братья не были, выражаясь мягко, очень популярными людьми. Об этом, впрочем, как раз подробно пишут и Фоменко с Носовским, и особенно подробно — А. Бушков. Неужели юридический кодекс, придуманный в Восточной Руси, мог бы лечь в основу юриспруденции Западной?! Не говоря уже о примитивности этого кодекса. В XIV веке Русская Правда могла стать основой для дальнейшей разработки права, но вот заимствовать такой кодекс из другого государства не было никакой необходимости.

2. Во-вторых, все летописные сведения проверяются по другим летописям. Источники разных племен и народов свидетельствуют об одном и том же и указывают на один и тот же возраст событий.

Упоминания славян и славянских городов Куявии, Артании и Славии известны из арабских летописей, из сочинений путешественников VIII—IX веков. Ну ладно, агенты Романовых и туда, в арабский мир, пробрались, уничтожили правильные летописи и коварно подбросили не правильные.

Но о событиях в Киевской Руси пишут и польские, и венгерские, и скандинавские летописи IX, X, XI веков.

В «Песне о Нибелунгах» упоминается «киевская земля», Land zu Kiewen. Слово «Русь» неоднократно появляется во французских романах и поэмах XII—XIII веков.

Аахенские анналы писались в VIII—IX веках, в эпоху Карла Великого, и велись на отменном верхненемецком языке. В этих анналах есть запись под 800 годом о том, что в Аахене появились какие-то незнакомые люди, называющие себя «славянами» и «русью». Эти рослые, сильные люди, заросшие бородами, охотно рассказик, что живут они в городе Киеве, принадлежат к племени полян, платят дань хазарам, а их владыка называется каган.

Фоменко с Носовским запамятовали рассказать, как агенты Романовых подменяли документы в польских и венгерских архивах. Образованные они были, эти агенты, столь блестяще владевшие и труднейшим венгерским языком!

А главное, все написанное — везде, от Скандинавии до Багдада — очень уж дополняет друг друга, очень уж ложится в некую единую концепцию.

Не хочу создавать у читателя впечатления, что так уж все совершенно понятно в этих древних сообщениях и так уж все однозначно. Попадают и совершенно фантастические, просто малопонятные сведения. Например, ибн Фадлан, арабский путешественник VIII века, весьма подробно описывает «огромного, грузного зверя», живущего в южнорусских степях. По описанию этот зверь очень похож на шерстистого носорога. О существовании в историческое время этого зверя ледниковой эпохи нет никаких других сведений, кроме подробного, очень точного описания ибн Фадлана. Но что делать с самим описанием, к какой категории исторических сведений его отнести — не знаю...

Или вот все те же арабские путешественники так же подробно, очень точно описывают дивов — огромных обезьян, живущих в стране русов на деревьях. Подробно описывается, как русы находят дивов по издаваемому ими пронзительному свисту (Соловей-разбойник?), ловят сетями и приручают. Во время сражений с половцами, по данным арабов, русы использовали таких дивов: дивы дрались огромными дубинками, и некоторые были так страшны, что приходилось держать их на цепи.

Оставляю это сообщение без комментариев, просто как пример — не все нам так уж понятно, так уж ложится в официальные версии.

3. Источники по истории Киевской Руси находят и много позже воцарения Романовых. Например, «Слово о полку Игореве» найдено только в 1792 году. Есть много свидетельств того, что «Слово» хорошо знали на Руси в XIV—XVI веках. В 1307 году писец Пантелеймонов монастыря переписывал «Апостол» и выразил возмущение междуусобицами князей цитатой из «Слова».

По некоторым данным, в XV веке списки «Слова» имелись в Москве, Пскове и в Белозерском монастыре.

Князь А. М. Курбский тоже знал текст «Слова» и размышлял о местоположении речки

Каялы.

Но тот список «Слова», который А. М. Мусин-Пушкин нашел в Ярославле и опубликовал в 1800 году, список XVI века, найден только в 1792 году. Как же его просмотрели агенты Романовых?!

С берестяными грамотами Новгорода получилось еще интереснее: об их существовании мир узнал только в 1950 году. С тех пор каждый археологический сезон в Новгороде приносил новые и новые открытия берестяных грамот.

По этому поводу можно сделать три предположения, два из них в духе Фоменко: а) Агенты Романовых нащипгивали культурный слой Новгорода берестяными грамотами.

Правда, при этом не очень понятно, как археологи XIX — XX веков ухитрились просмотреть перекоп — следы того, что в культурном слое кто-то копался. Различать перекоп от стерильного, не тронутого веками слоя, археологов учат еще после первого курса, во время археологической практики.

Как видно, с археологами тоже здесь что-то нечисто, и потому приходится плавно перейти ко второму предположению: б) Все археологи, филологи, лингвисты, историки, которые занимались этими грамотами, — агенты Романовых, и это они специально делали письма на бересте. Так сказать, утверждали право на престол уже не существующей династии.

Правда, в этих сильных, глубоко продуманных и достоверных версиях отсутствует один небольшой, но очень интересный штришок: и сам факт находок берестяных грамот, и их содержание «работает» только против убогой идейки Носовского и Фоменко. Что же они маху-то дали, агенты?

Или, может, кто-то их перекупил?

Ах, да! Есть еще третья версия: в) Перестать заниматься чепухой и изучать исторические источники, в том числе и берестяные грамоты, профессионально, то есть с учетом обстоятельств находки и характера документа. И признавать подлинными, если документ этого заслуживает.

4. В-четвертых, существуют ведь данные не только исторических источников. Есть, например, археологические данные о том, что в VII—X веках на Руси существовало двенадцать общностей... не знаю, как назвать их точнее. Ведь археологические данные не позволяют говорить, что это именно племена. Но общности есть, их именно двенадцать, и занимают они именно те места, о которых говорил Нестор.

С одним из племен, тиверцами, получилось вообще интересно. Нестор писал о них, что тиверцы «сидяху по Днестре».

Долгое время Нестора понимали весьма буквально: «на Днестре» — значит, непосредственно на берегах реки. Несколько поколений археологов пытались искать тиверцев на берегах Днестра. Не найдя племени, ученые начали вообще сомневаться в существовании тиверцев и склоняться к мнению, что Нестор, всегда вроде бы точный, все придумал. Возникли даже не лишние остроумия догадки: почему, для чего Нестор мог придумать тиверцев? Может быть, вопреки претензиям Византии на эту землю? Или чтобы племен оказалось ровно 12, священное число? Или перепутал славян с людьми совсем другой культуры?

Только в конце 40-х годов XX века молодой московский ученый Г. Б. Федоров сделал вполне безумное предположение: а что, если Нестор имел в виду, что тиверцы «сидяху» не по самому берегу Днестра, а на его притоках? Берега Днестра везде высокие, слой почвы не толстый, много выходов камня-известняка. Редкие села лежат на высоких берегах, далеко от воды. Неудобно и брать воду, и для земледельческого хозяйства. А на притоках было удобно жить для земледельцев.

Преодолев огромное сопротивление почтенных мэтров («разве Вы не знаете, что тиверцев найти нельзя?!») «многие их искали...» «бесперспективное занятие; займитесь чем-нибудь другим»), Георгий Борисович получил, наконец, право произвести археологическую разведку. Не сумей он получить результат за этот месяц, вся научная карьера Г. Б. Федорова

могла бы пойти прахом. Но все дело-то в том, что тиверцев он как раз нашел...

Получается, что сообщаемые Нестором сведения подтверждаются, и подтверждаются так, что лучшего нельзя и ожидать. Вероятно, и в остальных случаях на Нестора имеет смысл полагаться, не выясняя, почему он придумал то или иное?

Отмечу еще огромное количество находок IX—XIII веков, происходящих из Западной Европы: это и мечи, и украшения, и монеты-динарии. Монеты, кстати, очень хорошо датируются.

5. В-пятых, раскопки во многих русских городах выявили слой монгольского нашествия. Конечно, сам по себе «след набега, след пожара» доказывает только то, что город брали штурмом, и не более того. Да только вот в некоторых городах места, где шел самый отчаянный бой, где «лежал живой на мертвом и мертвый на живом», не были расчищены и убраны.

Например, древняя Рязань находилась в 12 километрах от современной. Называя вещи своими именами, после нашествия русские люди просто отстроили город в другом месте и дали ему прежнее название.

В Киеве и в Любече город отстраивали поверх слоя погрома и пожара: просто разровняли все, что можно, и стали строить город поверху.

Что тут поделаешь! «След набега, след пожара» открывает не очень приятное зрелище. То есть, может быть, Бушкову с его культом империй, войны, физической силы и прочими пережитками младшего подросткового возраста это зрелище и понравилось бы. Мне же оно категорически неприятно. Слой заполняют обугленные обломки бревен, костяки множества порубленных саблями, проткнутых копьями и стрелами людей. По положению скелетов видно, что многие пытались выбраться из завала еще живых и уже мертвых, когда рухнули горящие дома, погребая под собой людей.

Так вот, часть погибших — рослые европеиды, вооруженные прямыми мечами, типично русскими щитами, в столь же типичных панцирях и кольчугах. А другая часть — смесь европеидов, людей с легкой монголоидностью, и даже выраженных монголоидов. И эти люди вооружены кривыми саблями, щиты у них маленькие, круглые, типичные для всадников, а панцири типичны для Центральной Азии.

Есть и страшноватенькая находка в Киеве. Часть слоя гибели города — полуземлянка гончара, в одной половине которой располагалась мастерская, в другой, отделенной печкой, — жилая часть.

У входа в землянку лежат двое: среднего роста человек с легкой монголоидностью, в типичном для степняков шлеме, с кривой саблей. И рослый, без панциря, с топором. На полу мастерской — скелет молодой женщины, в позе распятой; в руки скелета вогнаны два кинжала, лезвия которых уходят глубоко в земляной пол. А на печке, в другой «комнате» — скелетики детей четырех и пяти лет.

Если Фоменко, Носовский и Бушков не в состоянии объяснить находку, я, кажется, берусь это сделать. Монголы (те самые, несуществующие) ворвались в жилище гончара, убили хозяина. Пока вымышленные монголы убивали их отца и насиловали мать, дети забрались на печку. А когда рухнула горящая кровля дома, монголы выбежали из дома так поспешно, что не успели его ограбить, и не успели унести своего убитого.

Комментировать нужно?

6. В-шестых, прекрасным аргументом против Морозова-Фоменко-Носовского-Бушкова стали раскопки Древнего Новгорода. Раскопки в Новгороде, помимо всего прочего, позволили создать два новых и очень точных метода датирования. Один — по слоям уличной замостки. Каждые сорок лет положенные на коровьи челюсти дубовые плахи зарастали грязью — и приходилось укладывать новые слои.

Между слоями замостки находят и монеты, и яркие, датирующие вещи, и берестяные грамоты с датировками.

Кроме того, известен слой, который можно датировать едва ли не до года. До завоевания Новгорода Иваном III здесь строили из местного белого камня. После завоевания

города москвитями строительство из белого камня запретили, и строить стали строго по-московски, из красного кирпича. Еще в конце 30-х годов XX века была найдена эта граница вольности новгородской.

Так что точнейшее датирование слоев городской застройки в Новгороде — дело совершенно обычное. Дошло до того, что один мой знакомый, научный сотрудник Эрмитажа, стал датировать время написания фрески, исходя из формы изображенных на этой фреске замков. На фреске изображен Христос, крушащий запоры ада. И эти запоры, естественно, художник изобразил такими, какие видел и знал: замки его времени. А замки, найденные в Новгороде при раскопках, имеют точнейшие даты благодаря слоям уличной замостки. Возраст находок каждого слоя можно определить с точностью до 10 — 20 лет.

Так вот, самые ранние слои замостки в Новгороде датируются X веком. И признать фальсификацией приходится не традиционную хронологию, а как раз выдумки фоменок и носовских — ведь каждый слой перекрывается всей толщиной позднейших...

Впрочем, тут тоже вопрос к оппонентам. Они что, никогда не слыхали не только про Ярославово дворище, но и про раскопки на Неревском конце Новгорода? Как говорит один мой нерадивый ученик: «У всех бывает, но не у всех проходит».

Второй созданный в Новгороде метод датирования — дендрохронологический. Дело в том, что сочетание холодных и теплых годов совершенно уникально. Никогда не бывает повторения оттепелей, заморозков, сроков наступления холодов, сочетаний холодного и теплого периодов.

Рисунок годовых колец любого дерева, когда каждое кольцо шире на 30% или вдвое уже предшествующего, совершенно уникален, как, прошу прощения за банальность, отпечатки пальцев человека.

Значит, можно построить шкалу изменения толщины этих срезов по годам; шкалу настолько древнюю, для какой только хватит материала. И можно определить, в какой из годов этой шкалы было срублено конкретное дерево, найденное при раскопках.

Вторая проблема в том, чтобы точно знать, на какой год приходится хотя бы одно кольцо — и тогда можно определить точную дату рубки дерева. Первые образцы точного датирования были получены на деревьях, срубленных в 20-е годы XX века, и теперь можно получить точные даты рубки дерева для любой эпохи, лишь бы в культурных слоях находили деревянные настилы мостовых, срубы домов.

Дендрохронологический метод родился в Новгороде, и именно в нем время постройки всех мостовых определено с точностью до года. Первая мостовая Великой улицы на Софийской стороне была построена в 953 году, а первая мостовая Михайловской улицы на Торговой стороне сооружена в 974 году [34].

Сейчас этот метод широко применяют в Северной Европе, и ученые действуют не железной линейкой и подсчетами на клочке бумаги, как в 50-е годы XX века, а компьютерными программами, которые сами обрабатывают данные.

В Англии дендрохронологическая шкала доведена до Римской эпохи. Известны римские крепости, камни которых положены на бревна, срубленные в 156 году по Рождеству Христову. А в этой крепости найдены и монеты, и датирующие металлические изделия...

Не исключаю, что по своей неслыханной наглости Фоменко с Носовским и по этому поводу заявят что-нибудь в духе: агенты Романовых подкинули эту римскую крепость со всеми находками.

Но если быть хоть немного серьезным, увы Фоменке!

Его «хронология» не выдерживает никакой, даже самой поверхностной критики...

Вот все сказанное выше и позволяет мне утверждать: принятая хронология Руси — вполне правильная хронология. По крайней мере, в основных частях она верна и полагаться на нее вполне можно.

Должен разочаровать сторонников Бушкова и Фоменко, но Киевская Русь все же была. Иван Калита — вовсе не то же самое, что и Рюрик, а его отдаленный потомок. И монгольское нашествие тоже было, жестокое и страшное. И династия русских князей не

тождественна татарским ханам...

А коли так, пора начинать наш рассказ, уже не отвлекаясь на бредни, может быть, и почтенного, но не очень образованного народовольца, «гроссмейстера» Коли, не умеющего ходить конем, бравых математиков, Е. Блаватской с пачкой писем от слуг-«махаришь» и прочей несерьезной публики.

Глава 4 СТРАНА РОССИЯ

...Мне чудится, что Россия — колония какого-то могучего имперского духа. В самом этнониме «русский» слышится плененность, принадлежность, а не самостоятельное бытие. Китаец, турок, немец, жид — все они обозначены именем существительным, все суть сами по себе. Только русский — имя прилагательное. Были попытки ввести другие имена: руссичи, россы, но они не прижились. Народ признавал себя русским (барским, царским, казенным, русским). Русские не владеют Россией; они принадлежат Руси... И началось это не в 1917 году, а лет на тысячу раньше.

Г. Померанц

Уже лет двести историки спорят о происхождении слова «Русь». Диапазон предположений невероятно велик и включает, разумеется, прямо противоположные утверждения. Иногда утверждается даже, что название страны начинается от русских кудрей. Там, где живут русые, — там Русь.

Более серьезные гипотезы делятся на две довольно различные группы.

Согласно одним гипотезам, Русь и славяне — изначально совсем не одно и то же. Русь — это германское племя, завоевавшее часть славянских земель. Или слово «Русь» считают более поздним и выводят его из названия германского народа-завоевателя. Росомоны, россы или росохи...

Норманнская теория, сочиненная приглашенными на русскую службу немцами, предполагала, что вообще славянская государственность возникла не самостоятельно.

Славяне — это «склявен», «склавины», то есть рабы. Государственность принесли к славянам только германцы-норманны из Скандинавии. Не случайно же славяне сами позвали варягов — Рюрика с братьями. Понимали, стало быть, что без немцев никак не обойдутся.

Не будем даже вспоминать, что Михаил Ломоносов ругался словом «норманист». Забудем, что своего пса Ломоносов выдрессировал так, что умный зверь кидался на того, кто произносил это слово. Метод, может быть, и варварский, но теория и правда на удивление подлая.

При всей несостоятельности и откровенном расизме норманнской теории, неплохо бы вспомнить, что в финском языке слово «Ruotsi» обозначает шведов. Что Рюрику возле Стокгольма поставили памятник, это, конечно, эмоции... но кто знает! Может быть, шведам и следует считать Рюрика дорогим сородичем и предком?

Исследователи напоминают о существовании и Reiland'a — области в Южной Германии, и острова Рюген... Впрочем, остров Рюген — славянская Руана или Руяна века до XII; так что германцы-Русь вряд ли вышли именно отсюда.

Много раз в истории человечества случалось так, что завоеванные перенимали и язык, и обычаи завоевателей, и даже его самоназвание. Потомки тех, кого завоевали англы и саксы, стали называться англичанами и даже гордиться этим именем. Лангедокцы и гасконцы не забыли, что они — потомки жителей особых стран, не подчиненных никому.

Но и название «французы» они к себе тоже относят.

Некоторые историки всерьез считают, что нечто подобное произошло и на Руси. Имя захватчиков — росомонов, россов стало самоназванием народа.

Есть убедительное мнение, что часть славян (справедливости ради — и не только славян, но об этом впереди) и впрямь переняла самоназвание ядра будущего суперэтноса.

Но что это ядро было вовсе не германским.

До сих пор впадает в Днепр его правый приток — речка Рось. Протекает она через Черный лес, по названию которого названа чернолесская археологическая культура, и большинство археологов считают, что эта культура праславянская. Многие считают, что и до чернолесской культуры в этих местах обитали славяне. И не одно тысячелетие.

Может быть, россами называлось одно из племен, входивших в племенной союз полян и ставшее самым главным, самым сильным племенем из союза? Тем племенем, вокруг которого собирались остальные?

Если это так, то мы до сих пор называем себя так же, как славянское племя росов, обитавших на речке Рось.

Интересное предположение высказал Дмитрий Ульянов.

На всякий случай уточняю, что к Владимиру Ульянову и ко всей его семье он не имел решительно никакого отношения.

Однофамильцы, и только.

По Ульянову россы, русские — это лучшие люди. Выходцы из разных родов, ставшие вне родовой организации, — и есть русь, русские.

Ульянов пишет остроумно и доказывает свои положения убедительно и красиво. Но даже если он и прав, все равно ведь непонятно, откуда взялось само слово? Может быть, как раз лучшие люди разных племен и родов и назывались по имени главного, самого лучшего племени? Так ведь и происходило во множестве других случаев. Когда Северная Франция завоевала Прованс и Лангедок, все жители этих земель, которые шли служить королю Франции, становились как бы французами.

Так же развивались события и в сотне других мест, от Японии до Испании. Так могло происходить и на Руси, в бассейне Днепра.

Вне зависимости от того, кто прав и откуда пошло слово «россы», русскими стала называть себя часть славян. Вне зависимости от того, откуда пришли и с какого времени известны славяне, в I тысячелетии по Р. Х. они уже обитали в Центральной и Восточной Европе.

Итак, русские, росские, русь — часть славян. Насколько же велика эта часть? Как она представлена на карте?

В X—XIII веках, до монголов, это было сравнительно ясно. Русью была страна, располагавшаяся в границах Киево-Новгородской Руси. Самоназвание русь, росы, русины относили к себе потомки двенадцати племен, о которых писала «Повесть временных лет». Стремясь к продвижению в Церковь своих людей, Ярослав Мудрый в 1051 году поставил в митрополиты русина Иллариона.

Позже все становится далеко не так определено. Приходится разграничивать понятия, которые сегодня в Российской Федерации мало кто умеет разделять: понятия «страна» и «государство». И в XIV, и в XV, и в XVI веках существует страна Русь. Страна — понятие географическое и культурно-историческое. Русь была географической территорией, на которой продолжали обитать потомки двенадцати племен, бывшие подданные киевских великих князей.

Русь говорила на одном языке и прекрасно осознавала свое культурное единство, но в ее пределах появилось много разных государств. С разным политическим строем, с разной религией, с ориентациями на разные цивилизации и страны. Судьбы разных частей Руси неизбежно начинали расходиться.

«Руссией владеют ныне три государя, большая часть ее принадлежит великому князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой» — писал Сигизмунд Герберштейн во второй

половине XVI века [35].

А. А. Манкиев в своей книге «Ядро российской истории» пишет о народах «...Московских, Русских, Польских, Волынских, Чешских, Мазоветских, Болгарских, Сербских, Кроатских и прочих всех, которые обще Словенский язык употребляют» [36].

Так же точно и Гизель говорит о народах «Московских, Славенороссийских, Польских, Волынских, Чешских, Сербских, Карвацких и всех обще, елико их есть, Славенский язык природно употребляющих» [37].

Как видно, все авторы весьма определенно разводят «московских» и «русских», выделяя еще и «волынские» народы, как нечто особое. Особенно интересна формула Гизеля о «славено-российских» народах. Что существуют народы «славенские», но не российские — очевидно. Но формула заставляет предположить — бывают еще народы и российские, но не славенские. Запомним это.

Сами русские, русины и Северо-Западной Руси, и жившие на территории Польско-Литовского государства, отделяли себя от Москвы. На рубеже XV и XVI веков литовские политики категорически отказывались именовать восточного соседа державой всея Руси.

По-видимому, литовцы хорошо знали и четко разделяли русских и московских. И опасались (право, не без оснований), что московские, москали, будут претендовать на земли всех русских, включая те, что вошли в Великое княжество Литовское.

Менее ясен вопрос, а не считали ли литовцы и себя тоже частью Руси? По крайней мере, какая-то часть их вполне могла думать именно так.

Завоевание Новгорода совершалось с такой отвратительной жестокостью, сопровождалось настолько откровенным и разнузданным грабежом, что оправдывать его приходится только соображениями общей пользы, прогрессивной роли Москвы и самой острой государственной необходимостью.

По официальной версии, Москва объединяла русские земли, и это было, среди прочего, необходимо для установления торговых и политических отношений с Германией и Скандинавией. Но как раз с этими целями завоевывать Новгород не было никакой необходимости, как и «рубить окно в Европу». И торговля с Европой, и признание в ней Северо-Западной Руси частью европейского мира было свершившимся фактом.

Другое дело, что «...Московское правительство попыталось установить непосредственные отношения с Западом» [38]. И что московское правительство, как видно, не устраивала политическая независимость от них русских, где бы, в каких бы государствах они ни жили; что само право их жить вне московского государства подвергалось сомнению, что «концепция централизованного государства круто замешана на московоцентризме» [38].

Приходится пересмотреть привычную трактовку событий и Ливонской войны, и Петровских завоеваний «исконных русских земель» в Прибалтике. В качестве основного мотива выходит стремление Москвы быть единственным русским государством. А сама возможность других, немосковских русских на самостоятельные сношения с иноземцами, на самостоятельное политическое бытие вызывало у Москвы истерику.

На первый взгляд. Российская империя объединила разорванную было Русь. К концу XVIII века возникло государство, в которое вошли все земли Древней, Киевской Руси.

Государство, которое создали русские, «Россия в собственном смысле слова занимает величайшую в мире площадь, граничащую с севера Белым и Словенским (Балтийским) морями, с запада — рекой Вислою до Карпат включительно, с юга — Русским, или Черным морем и с востока Уральским хребтом» [39].

Это мнение разделяли такие крупные ученые, как В. О. Ключевский и С. В. Соловьев.

У них получалось так, что в начале XX века русские живут там, где мы их давно не обнаруживаем. Картина, идиллическая для сердца «патриота».

Еще в начале XX века, до 1914 года, на географических картах «русские» жили от Тихого океана до пределов Австро-Венгерской империи. Никаких белорусов и украинцев.

Никаких галичан. Это в советское время говорилось о «трех братских народах»: русских, белорусах и украинцах. В Российской империи такими глупостями не занимались.

В число русских однозначно включались даже те, кого в Польше, Словакии и Австрии называли русинами. Причем если в католических, но славянских странах к русинам относили православных, то в Австрии русинами называли галичан и жителей Волыни. Славянское происхождение этих католиков достаточно сильно отделяло их от немецкого населения Австрии.

И в Средневековье, и на протяжении всего XVIII и XIX веков никому не приходило в голову, что русские и русины — это два разных народа. Всем было очевидно, что народ это один. И так было до Первой мировой войны. Вот в начале этой бойни руководителей общины русинов пригласил к себе министр внутренних дел Австро-Венгрии, граф Черни (сама фамилия, кстати, неопровержимо свидетельствует о славянском происхождении предков графа). Граф Черни предложил русинам объявить себя особым народом, который не имеет ничего общего с русскими и с Российской империей. Тогда они могут рассчитывать на лояльное отношение Австрийского государства и на помощь в организации культурной автономии — создании печати на своем языке, преподавания на русинском языке в школах и так далее.

Граф Черни не скрыл, что правительство опасается: если русины будут считать русских дорогими соплеменниками, то Российская империя легко найдет среди них своих шпионов и агентов влияния. Австрия не допустит, чтобы русины стали «пятой колонной» для Российской империи. Если они не согласятся с предложениями Австрийского правительства, они подвергнутся репрессиям, как жители враждебного государства.

Руководители общины согласились с предложениями австрийцев. Община приняла решение своего руководства.

Но до этого все думали не так, и притом в разные исторические эпохи — по-разному.

Потому что историческая реальность такова: русские — это, конечно же, не все славяне. Но русские несравненно более широкое понятие, чем московиты. Или, скажем так, московиты — одна из территориальных групп русских.

Русские и русины — это два названия одного и того же народа. Разница в названиях, конечно же, есть, и скажу откровенно: слово «русин» мне нравится значительно больше, чем «русский». Потому что русские — это некое притяжательное название, в котором главным является то, что люди принадлежат земле. Русские — принадлежащие России.

А русины — это название самодостаточное. Такое же, как поляки, англичане, шведы или, скажем, каталонцы.

В современной польской литературе используются обе формы названия — и русские, и русины. Государство обычно называется русским, такой формы, как «русинское государство» я не встречал. Но и для современных поляков мы вполне можем быть названы русинами.

Какая форма предпочтительней? Вопрос в том, что признается главным. Или мы — часть страны, ее принадлежность и атрибут. Или мы важны именно как совокупность людей с общей культурой, историей и языком.

Но названия — одного народа. Народа, в начале XX века жившего от австрийских владений Габсбургов и западных районов Польши до Калифорнии и Аляски.

Народа, который может жить в одном государстве, а может — в разных. Части которого могут иметь одну историческую судьбу, а могут — и разную.

Глава 5 ГЕОГРАФИЯ СЛАВЯН

— Историки не любят географии...

— Нет, что Вы — историки-то любят.

Это дураки географии не любят.

А география — их...

Разговор на конференции по социоестественной истории

Русь — часть славянского мира

Русь так велика, что разные группы русских живут в очень разных условиях. Не принимать этого во внимание попросту рискованно. Всегда есть опасность не понять, не учесть каких-то важных обстоятельств.

Но Русь занимает только часть славянского мира. Ее судьба — часть судьбы других славян. А судьбы славянского мира тесно связаны с огромностью пространства между Балтикой и Средиземным морем.

Где появились первые в истории славяне, народная память удержала очень слабо. По «Повести временных лет», славяне родом с Дуная и по дороге на Днепр пересекли Карпаты.

В пользу отрогов Карпат, обращенных к Дунаю, говорит контрастность, мозаичность ландшафтов в этом месте.

Может быть, «Повесть...» и не врет.

Но так же подозрительны все вообще места, где есть лесные поляны, заканчивались горы или проходят леса и степи. Северные отроги Карпат ничуть не менее контрастны, чем южные, и некоторые ученые всерьез полагают, что славяне появились в верховьях Вислы. Стоит ли упоминать, что первыми высказали такое предположение ученые-поляки? Честно говоря, сам не могу сказать, важно ли это.

Есть теория появления славян на Верхнем Днепре. Ее очень любят ученые русского происхождения.

Есть теория возникновения славян на востоке Карпат, в долине реки Тисы, на территории современных Волынской и Львовской областей Украины. Ученые какого народа особенно любят эту теорию, не так уж трудно догадаться.

Есть и другие теории, еще более экзотичные, — например, итальянской прародины или выводящая славян с Северного Кавказа.

Место появления славян, как видит читатель, остается куда как неясным. Но хорошо известно, какую территорию славяне считали «своей» и на какой территории они тогда обитали.

Где бы ни сложились славяне, откуда бы они ни пришли, но в первые века по Рождеству Христову их родина известна достаточно хорошо.

В VIII—X веках землей славян была огромная, редко заселенная территория — от Балтики до Адриатического моря и от центра Европы до бассейна Дона.

Это Центральная Европа — территория, на которой располагаются сейчас Польша, Чехия, Словакия, восточная часть Германии, от бассейна реки Эльбы-Лабы. И это западная часть Восточной Европы. Но далеко не ВСЯ Восточная Европа! Это центр и север Украины, юг Белоруссии, крайний запад современной Российской Федерации.

На этой территории известны самые древние археологические культуры, которые уже наверняка созданы славянами: тушемли-колочинская, черпеньковская, пражско-корчакского типа, мощинская и т.д.

Южная Европа, все, что к югу от Дуная, изначально не славянская земля. Но возникнув, новая культура и должна распространяться везде, куда в состоянии проникнуть. А имперские земли манят и богатством, и цивилизацией — каменными строениями, письменностью, многолюдством, разнообразием, яркостью жизни. Так же тянуло германские племена в Италию, Галлию, Испанию. И к богатству, и к новым возможностям.

Что происходило со славянами в IV—VI веках, нам судить очень непросто. Письменности у славян еще нет, археологические данные отрывочны, неточны. К счастью, есть книги, написанные представителями более цивилизованных народов.

В IV—VI веках Дунай перестал быть рекой романизированных племен иллирийцев и стал славянской рекой.

И к северу, и к югу от Дуная славянское население преобладало. В Македонии, где когда-то в Пелле кривой Филипп приглашал Аристотеля для обучения Александра, возник славянский этнос с таким же названием: македонцы. Даже в саму Грецию славяне проникали. И не по одному человеку. В VII веке славяне составляли 80% населения Пелопоннеса (правда, уже к X—XI векам они оказались полностью ассимилированы). В 622 году славянский флот появился даже у берегов Италии. Славяне переселялись на субтропические имперские земли: на Крит, в Малую Азию, в Италию.

Арабы тоже хорошо познакомились со славянами. Ибн Фадлан в VIII веке обнаружил славянских переселенцев на... Северном Кавказе.

Византийский писатель Прокопий Кесарийский много писал о славянах, и от него мы знаем, как именно в это время славяне проникали на юг, за Дунай, в коренные земли Восточной Римской империи.

Прокопий написал несколько книг, из которых основные — официальная книга «Войны», в которой он возводил императора Юстиниана на пьедестал почти что живого бога, и книга «Тайная история», где Прокопий смешивал императора-благодетеля с грязью. Но в обеих этих книгах, написанных в 550—553 годах, он уделял большое место славянам, подробно описывал их вторжения в империю. От него мы знаем, что славяне взяли такую крупную крепость, как Топер [40].

Много интереснейших вещей о славянах написал Иордан, по происхождению гот [41]. Он хорошо знал славян, проникающих за Дунай, а уже Поднепровье и территория современной Чехии были для него дикой северной периферией, где слишком холодно и о которой мало что известно.

О чем это свидетельствует? О том, что в VI—VII веках подина славян сильно приросла югом.

Вообще нечто постоянно и упорно влекло славянские племена на юг (даже когда обстоятельства требовали от них движения на север и восток, в холодные области). Движение русских и малороссов на юг в XV—XVIII веках удерживалось только татарской опасностью. Но при первой же возможности славяне начали заселение Кубани и Причерноморья, причем явно без качественного изменения привычных форм хозяйства.

Не забираясь на север дальше южного берега Балтики, славянские племена сумели расселиться даже в полусубтропических и субтропических землях Балканского полуострова.

И все-таки «южный вектор» славянской экспансии дал не очень большие результаты. Возник, конечно, мир задунайских славян, но в большей части земель они не прижились. Ни Северный Кавказ, ни Крит так и не стали славянскими.

На юг, во-первых, двигаться оказалось очень непросто.

Юг плотно заселен, и никто добром своих земель не отдает.

Во-вторых, проникшие на юг быстро ассимилируются, то есть смешиваются с другими племенами и народами, в тамошней-то разноплеменности и плотности населения. На юге живут народы цивилизованные, сильные, и именно они поглощают полудиких пришельцев-славян, а вовсе не славяне их. В жилах современных сирийцев, греков, турок немало славянской крови. Ну и что? К распространению на юг славян это не привело, а скорее только усилило местные народы притоком славянской крови, и только.

Почти одновременно с «южным вектором» славянского расселения возник и «восточный». Если славяне и появились на Днепре, то получается, что на восток они начали двигаться даже несколько позже.

«Восток», конечно, тоже понятие условное. Мы-то вовсе не называли бы эти территории «востоком», но для славян бассейн не только Волги, но и Дона еще в X веке оставался дикой восточной окраиной.

До IX века на Дону вообще нет славянских древностей, бассейн Дона — не славянская земля. В IX веке под современным Воронежем появляется одно-единственное славянское поселение. Точно так же и по Оке, и Волге, и по всей территории, которую мы сейчас называем «русским севером». Еще в VIII веке там совсем нет поселений славян.

В IX веке там появляются отдельные славянские поселения.

В X веке славянское население там уже присутствует, к XIII — преобладает.

Только в XV веке славянское население становится преобладающим в междуречье Оки и Волги, и только в XIV веке славянское расселение достигает Заволжья.

Получается, что целое тысячелетие, с IV по XV века, славянский мир становится все больше по территории, и в основном за счет восточных, в меньшей степени южных земель. Но есть в этом еще одна сторона, и ее необходимо обсудить.

На всей восточной территории расселения славян одновременно обитают и другие, неславянские племена: балтские, финно-угорские. Вся территория Волго-Окского междуречья, Северо-Восточной Руси — это земля финского племени меря. Финские племена воль, весь, чудь заселяют весь «русский север» и северо-запад.

Впрочем, и это все в истории достаточно обыденно.

Расселяясь как можно шире, новый народ занимает, завоевывает, захватывает земли с разноязычным, разнокультурным населением. Это население совсем не обязательно так уж радо пришельцам, и очень часто приходится покорять их силой оружия. Другое дело, что при благоприятном стечении обстоятельств завоеванные постепенно перенимают культуру завоевателей, их язык, образ жизни и даже самоназвание. Завоеванные сливаются с завоевателями, перестают отделять себя от них, и возникает новый народ, состоящий из потомков и завоевателей, и завоеванных.

Прекрасный пример этому народ, называющий себя до сих пор римлянами: румыны. В 106 году по Рождеству Христову император Римской империи Траян совершил последние крупные завоевания в римской истории. Армия Траяна сокрушила племенное ополчение даков, взяла штурмом их столицу Сермицегетузу. Сопrotивление даков было отчаянным, война затяжной и жестокой. Часть племени была истреблена или оттеснена на другие земли, на их территории стали возникать римские города.

Отслужившие свои 25 лет римские ветераны получали землю, заводили хозяйство. Не все успевали завести семьи за годы службы, а у успевших подрастали сыновья. Римляне смешивались с даками, рождались новые поколения, и становилось все более неважно, кто кого завоевал, когда и почему. Возникал новый народ, говорящий на романском языке и называющий себя ромеями, то есть римлянами. На местном диалекте — румынами.

Точно так же и потомки славянских поселенцев на «востоке» и местных финно-угорских племен говорили на славянском языке, называли себя славянами и русскими, и все дружно считали своей Родиной Волго-Окские ополья и Поволжье. И готовы были умирать за эту Родину, в точности как румыны, а до них даки, защищавшие Сермицегетузу от римлян императора Траяна.

Итак, славянский мир становится все больше и больше, распространяясь на юг и восток. Стоит напомнить, что еще во времена Святослава, в IX веке, разделения на восточных, западных и южных славян не существовало. Намереваясь перенести столицу в Искоростень на Дунае, Святослав скорее «возвращался домой», чем «уходил из дома». Кирилл и Мефодий в том же IX веке создавали письменный и церковный язык не для одного какого-то племени, а для всех славян.

Общеславянское единство было чем-то весьма реальным не только во времена Буса, в IV веке по рождеству Христову, но и в VIII—X веках.

Но вот дальше судьбы разошлись. Огромность территории с неизбежным разнообразием климатов, почв, фаун, речных систем быстро привела к сложению у славян нескольких и разных систем хозяйственной деятельности. Слишком в разных условиях они жили. Соответственно, сложились разные типы славянских культур.

Славяне расселились на территории, где при всем желании нельзя было вести хозяйство одними и теми же методами. На разные народы, даже на разные цивилизации развела славян не история, а сама по себе география.

Юг и север

На юге славянского мира всегда тепло.

Южнее Дуная климат близок к субтропикам. Здесь не надо много земли, чтобы прокормиться самому и прокормить семью. Земледелие здесь важнее скотоводства, и люди готовы распахать почти всю землю, которая годится под посевы.

Там, где такой земли много, то есть на всех равнинах, где горы и море не теснят человека с плугом и мотыгой, во всех таких местах люди будут жить очень плотно. В каждой деревне будет жить много людей. Ведь главное для земледельца — доступность своей земли. Если каждому земли нужно много, приходится селиться подальше друг от друга.

Если земли каждому нужно меньше, участки невелики, можно селиться тесно, вплотную друг к другу. А ведь люди в прошлом старались далеко не расходиться без нужды: вместе и веселее, и безопаснее.

На юге часты сильные ветры, особенно опасные потому, что леса на равнинах давно нет. На юге — проблемы с водой. Тем более, что людей много. Большие, многолюдные села юга не стремятся к возвышениям, наоборот. Большие села юга жмутся в понижения, чтобы спастись от ветров и оказаться поближе к воде.

На юге выгодно разводить сады. Яблоки, груши, орехи, персики — вовсе не лакомство, а самая обычнейшая пища.

При осадах, нашествиях, войнах сушеные фрукты — очень выгодный вид запасов: легкие, долго хранятся. И вкусные.

Значит, окрестности сел юга, их неказистые домики скроет сплошной покров фруктовых деревьев. Весной нежное белорозовое кипение вызовет обострение романтических чувств у юношей и девушек. Осенью звук падения спелых плодов — интерес совсем другого рода.

На юге тепло. Не нужны бревенчатые срубы, не обязательна каменная кладка. Можно сделать не избу, а хату. По мнению многих ученых, само слово «изба» — не коренное славянское слово. Оно происходит от германского *stube* — штабель и занесено к славянам германским племенем готов.

Штабелем клали бревна, делая теплое, в любом климате надежное, удобное жилище.

А вот хата, по мнению тех же ученых, как раз типично славянское, искони славянское жилище, и первоначально хата не имела ничего общего с избой. Потому что стены хаты делались из переплетенного лозняка — плетня, обмазанного сверху глиной. Сделать такую хату можно быстро, и трудовых затрат на постройку нужно немного, особенно если и пол сделать земляной или обмазанный глиной.

На юге мало хороших пастбищ, трудно прокормить рабочую лошадь. К счастью, рабочая лошадь на юге и не особенно нужна. Земли у хозяина мало, лошадь можно заменить медлительным, туповатым, но более выгодным волком.

На воле так много не вспашешь, но и поле на юге маленькое, и лето долгое, торопиться не надо.

На севере леса теснят пашни, окружают небольшие деревушки. Почвы скверные, большое значение имеет скотоводство. Для ведения хозяйства нужно много земли, и люди живут на расстоянии друг от друга. Дома строят из бревен, снабжают большими печами. Нужно возить лес на постройки, потом дрова на всю зиму. Распахать нужно большие поля вдалеке от дома. Каждую весну нужно вывезти много зерна для посева, много навоза для удобрения поля. Каждую осень — вывозить урожай.

Значит, необходима рабочая лошадь. Обширные пространства лугов, полян, лесного высокотравья делают выгодным скотоводство. Некоторые ученые считают даже, что и корова на севере нужна была вовсе не только для мяса и молока, но и для навозного удобрения. Само земледелие властно требовало тут соединять земледелие со скотоводством.

На севере выгодно использовать лес. Зачем разводить сады, тратя невероятные силы, если можно собирать прямо в лесу малину, землянику, голубику, чернику? Если там же

можно брать грибы и орехи-лещину? В лесу можно охотиться, в том числе и на крупного зверя. Один лось или медведь дадут столько же мяса, как и забитая свинья или корова.

А их ведь не надо выращивать.

Если читатель утомился следить за моими рассуждениями между югом и севером, я попрошу: поверьте, это очень важно! Эти различия крайне важны для того, чтобы понять разницу между славянским югом и севером. Потому что за этими различиями в образе жизни, в способах ведения хозяйства, даже в облике жилища стоят огромные различия в общественной психологии. Такие большие различия, что людям становится трудно понимать друг друга.

Чтобы жить на севере, нужно вести более сложное, многовариантное хозяйство. Нужно и пасти разные породы скота (а пасти их надо в разных местах), и заготавливать им сено или веники на корм. Нужно постоянно помнить, что сеять и на каком из каменистых, бедных полей. Надо собирать ягоды, грибы, выращивать огородные овощи, ловить рыбу и охотиться, то есть нужно постоянно думать, рассчитывать, решать самому, брать на себя ответственность.

И делать это приходится волей-неволей несравненно чаще, чем южанину.

Населенные пункты лежат далеко друг от друга, в случае несчастья, нападения волков или врагов помочь чаще всего некому. Значит, надо быть самостоятельным, умелым, объединяться с соседями, но самое главное — уметь помогать себе самому.

И еще... Северянин много может получить от своего многосложного хозяйства.

На юге повседневная еда — фрукты, которые лакомство для северянина. Но на севере масло и мясо — тоже повседневные продукты. На густо населенном, бедном юге лакомство как раз скорее масло.

Но сколько бы ни получал северянин, немного он может отдать. Ему нужен крепкий, теплый дом. Теплая одежда — те самые меха и кожи, которые роскошь на юге. Калорийная еда — без нее он не сможет работать. Даже лошадь на севере надо подкармливать овсом, вместо того чтобы съесть этот овес самому. Нужно расчищать лес под пашню, рубить на дрова — нужен железный топор. На плуг нужен железный сошник. Слишком многое необходимо северянину оставить себе для жизни и для ведения хозяйства. Слишком мало можно отнять от его хозяйства без риска погубить самого земледельца.

На юге крестьянин мог взять с земли гораздо больше, чем ему необходимо потребить. И для ведения хозяйства не так много ему было нужно, и не нужен был прочный, большой дом, теплая одежда зимой. На юге всегда оказывалось много тех, кто сидит на шее у земледельца.

На севере лес присутствует в повседневной жизни людей. Лес начинается тут же, зубчатая стена видна с крылечка, рисуется на фоне заката. Красиво, интересно... и далеко не безопасно. Потому что в лесу есть грибы и ягоды, но еще там есть медведи, волки и рыси. А лось, кстати говоря, бывает опасней медведя. Летом медведь человека обычно не трогает, а вот лося, бывает, очень не нравится, когда по его территории ходят всякие двуногие.

Уютные девичьи занятия типа сборов ягод и грибов легко прерывались зверьем. И тоже требовали храбрости, силы характера, ответственности.

А охота? Даже в наше время, с карабинами и двустволками, охота на крупного зверя требует, как иногда говорят, мужских черт характера. Говоря попросту, это бывает и опасно, и страшно. Что ж говорить о временах, когда медведя брали у берлоги на рогатину, а лося — во время гона, в октябре: тогда разъяренные быки не замечают ничего вокруг. Охота для средневекового человека означала необходимость идти против обезумевшего, дико храпящего зверя весом в полтонны, с горящими глазами, рогами-лопатами, копытами побольше коровьих.

Для жизни на севере необходимо было быть не только активным и самостоятельным, но и смелым. Необходимо было уметь владеть оружием, преодолевать страх, боль, томление тела, не желающего рисковать.

В феодальных обществах Европы охота считалась не просто привилегией знати. Она

была способом тренировать молодежь, приучать будущих воинов к определенному образу жизни, формировать в них нужные задатки.

В обществе, образом жизни которого была война, считалось необходимым научить будущего рыцаря-всадника скакать весь день на лошади, точно пускать стрелу, принимать на копье огромного зверя. И уметь подстраховывать друг друга, помогать товарищам, надеяться на выручку стоящих и скачущих рядом. Наконец, он должен был привыкать к чувству опасности, к виду крови, смерти, туш зверей со страдальческим смертным оскалом, самому акту убийства. И получать от всего этого удовольствие!

Не случайно же вся атрибутика европейских охот, этого развлечения знати, включает столько элементов ведения военных действий. И выезжали на охоту коллективно, во главе с сеньором, строго соблюдая все общественные ранги и различия, И действовали корпоративно, точно так же, как будут действовать на войне. Даже охотничий рог прямо происходит от римского буксина, которым созывали своих и в рыцарских дружинах европейской земельной аристократии.

Известен случай, когда арабские послы, прибывшие от знаменитого Гаруна-аль-Рашида к престолу Карла Великого, позорно бежали во время охоты на зубров [42].

В Европе дворянство далеко не случайно сделало охоту своей наследственной привилегией. Дело здесь, право, вовсе не только в бедности охотничьих угодий. Допустим, лесов и правда было мало в южной, субтропической Европе — в Италии, на юге Франции — в Лангедоке, в Провансе. А в Британии?

В знаменитом Шервудском лесу, прибежище Робина Гуда, простолюдин вполне мог бы застрелить оленя. Во-первых, умел застрелить. Во-вторых, оленей было еще много. Ясное дело, не потому введена была смертная казнь за убийство животного, что король был патологически жаден и жесток. А потому, что не нужны были королю и его приближенным простолюдины, умеющие пройти лесными тропками, уловить движение в кустах, успеть натянуть лук, послать стрелу. Если им позволить, они ведь смогут так же стрелять не только в оленей, а, чего доброго, и в королей?

Или уж, по крайней мере, в шерифов? Кстати, Робин Гуд как раз и доказывает, что подозрения феодалов очень даже не беспочвенны.

Ну так вот, та самая охота на славянском севере была самым обычным, повседневным занятием. Так сказать, видом хозяйственной деятельности.

В Британии же, получается, феодалы пытаются жить так, как мужики живут на славянском севере, а для простолюдинов устроить образ жизни жителей славянского юга. Без привычки к оружию, самоорганизации, дисциплины... Без бытовых привычек европейского дворянства и крестьянства севера Европы.

Такие же различия между югом и севером были, конечно, не только в славянском мире, но и в романо-германской Европе. Не случайно у норманнов была поговорка: «На юге легче гнутся спины». Не удивительно: на севере (Скандинавия, Дания, Германия, Польша) активное, самостоятельное крестьянство привыкло к оружию, которым и охотилось, и отбивалось от противника.

Вот и корни социальной психологии. Жизнь на севере формировала типы людей, которые различались, прощу прощения, как лошадь и все тот же неизменный вол.

Северянин просто по необходимости оказывался несравненно инициативнее, активнее, бойчее южанина. И уж, конечно, он несравненно больше уважал самого себя, и спина его гнулась непросто.

Люди севера, самостоятельные, предприимчивые, свободолюбивые, вовсе не привыкли, что ими кто-то командует, тем более — завоеватель. И взять с них можно сравнительно немного, хотя привыкли они жить... ну, богато — это сильно сказано. Но обеспеченно — это уж точно.

Даже завоевав землю северян, трудно было сделать их рабами. Само хозяйство требовало никак не рабских черт характера: инициативы, самостоятельности, предприимчивости. А даже сделав их рабами, трудно было разбогатеть их трудом.

На юге было легче завоевывать людей, подчинять их своей воле: «легче гнулись спины». А завоевав, легче было использовать их труд для обогащения.

Любопытная деталь: в крестьянских погребениях севера, скажем, Новгородчины, довольно часто попадаются золотые украшения. В сельских кладбищах Болгарии века с IX золота практически нет. На Юго-Западной Руси — Украине века с XII — тоже нет. На юге общественное богатство быстро перераспределяется достаточно своеобразно, стоит только появиться достаточно плотному населению и установиться тому типу ведения хозяйства, о котором мы говорим.

Весь юг — и славянский, и европейский (кстати говоря, и Византия) — это нищее крестьянство и сравнительно обеспеченное дворянство, феодалы на Западе; сравнительно обеспеченные горожане, бюрократы — на Востоке. Таковы Лангедок, Прованс, да вообще почти вся Франция, Италия, Испания, Балканы — и Греция, и славянские земли к югу от Дуная.

Но совсем не таковы Скандинавия, Дания, Новгородская Русь, да и Британия, где так и не возникло никогда слоя зависимых крестьян-рабов. А национальным героем стал Робин Гуд, а вовсе не ноттенгемский шериф.

В славянских землях очень легко определить границы распространения южного типа хозяйства. Для этого вовсе не нужно быть профессиональным историком, нет нужды поднимать особые документы. Для этого достаточно сесть на поезд, идущий из Петербурга в Крым или на Кубань, и разница между югом и севером предстанет предельно наглядно.

Чем дальше на юг, тем меньше лесов, тем виднее рука человека во всем. Но примерно до Харькова поезд будет грохотать на стыках, проносясь через сравнительно редкие деревни, в каждой из которых живет несколько десятков, самое большее — несколько сотен человек.

Эти деревни хорошо видны. Если даже их не поставили на возвышении, они все равно выделяются на местности, среди полей.

Южнее Харькова деревни становятся все больше, занимают все большую площадь и станут менее заметны. Эти большие деревни начнут жаться к понижениям, где меньше чувствуются ветра и где не так далеко до воды. Деревни прижмутся к днищу логов, распадков, балок.

Итак, вся Белая Русь (Белоруссия), вся Польша, вся Российская Федерация от широты по крайней мере Брянска и Смоленска — это зона северного типа хозяйства. Разумеется, четкую границу-линию провести никто не сможет, но вся современная Украина, кроме, может быть, крайнего запада, и все страны славян к югу от Дуная — Болгария, Македония, Сербия, Черногория — это зона распространения южного типа хозяйства.

Это следует иметь в виду, говоря о многих социальных и культурных размежеваниях и даже о политических событиях, — например, о польско-казацкой войне XVII века. В этой войне друг против друга идут люди, разделенные не только политически.

Сталкиваются люди, сформированные непримиримо разными системами ведения хозяйства. Люди с разными бытовыми привычками, разным пониманием общественной иерархии, вообще того, что же это такое — «общество». Люди с разной картиной мира, разными системами ценностей. Люди с совершенно разным мировоззрением и миропониманием, которые основываются на этих системах.

Восток и запад

Границы юга и севера в славянских землях еще можно выявить, хотя бы примерно.

Границы востока и запада определить невозможно в принципе, потому что восток — понятие совершенно условное. Это не географическое понятие. В каждую историческую эпоху восток славянской истории оказывался в другом месте, постепенно смещаясь к географическому востоку. Так же и Дикий Запад США в каждую историческую эпоху, чуть ли не каждое десятилетие, находился в другом месте, постепенно «дрейфуя» на запад.

Славянам изначально повезло: у них было куда больше земли, чем у германцев. Все племенные земли всех германских племен в общем-то невелики: от Рейна до левых притоков Эльбы, от Северного моря до северных отрогов Альп.

Всего-то километров 200—250 на 450—500. Вот и все они, пространства ранней германской истории.

Не случайно ведь германцы еще до Рождества Христова захватили и заселили Скандинавию, уже во II—III веках по Р. Х. начинают расселяться на юг, в земли Западной Римской империи. Идут целыми племенами, под командой вождей, идут не просто завоевать и ограбить, а чтобы осесть на захваченных землях.

Напомню, с чего началось германское завоевание территории Римской империи. В 365 году готы просили римлян отвести им хоть какое-то место под поселение. Римское правительство согласилось взять готов в союзники-федераты, то есть выделить им земли для поселения и нанимать на службу в армию. Была выделена и своего рода «гуманитарная помощь», то есть помощь продовольствием. Но римские чиновники помощь попросту украли. Готы не получили того, что было обещано им... более того — что уже выделило им римское правительство! А голодали готы жестоко; так жестоко, что были случаи продажи в рабство собственных детей. Этим детей, кстати, тоже скупали римские чиновники, укравшие пищу целого народа.

И тогда готы восстали. Считается, что боеспособные мужчины составляют примерно 20% всего народа. Народ из 350—400 тысяч человек мог выставить не менее 60—70 тысяч солдат по самому скромному подсчету.

Было взятие Рима готами в 410 году, вандалами в 455.

Захват Северной Африки вандалами. Расселение готов в Италии, где готы отобрали треть всех земель у владельцев.

И так же, как тевтоны, вандалы и готы, шли в земли империи и все остальные племена. Грозные численностью, готовые превратить всех мужчин в воинов... и полуголодные, в самом прямом смысле слова. Бургунды, франки, лангобарды, вандалы, саксы, англв... Все они шли в империю, буквально спасаясь от голода.

В отличие от германских племен, славяне имели много свободных земель. Плотность населения у них была гораздо меньше, меньше и земельный голод. Не случайно же на востоке империи, имевшей дело со славянами, давление варваров на имперские земли было несравненно слабее, чем на западе. Есть, конечно, много причин, по которым пала Западная Римская империя и сохранилась Восточная. Но одна из них, несомненно, состоит именно в этом: у славян было много земли. Не было необходимости любой ценой ворваться в Константинополь, которая привела в Рим вандалов и готов.

Характерно, что многие германские племена стремились в ПЕРЕСЕЛЕНИЮ. Уходили с родины, переселялись до последнего человека готы, вандалы, бургунды, свевы, лангобарды, франки.

Славяне не переселялись, а РАССЕЛЯЛИСЬ. На новые места уходила лишь часть населения, а все старые земли славяне полностью сохранили.

Что вытекает из обилия земли? Славяне могли брать от леса, реки и степи больше и непринужденнее, чем германцы, а тем более жители Римской империи. Непринужденнее в том смысле, что брать можно было любым способом, не очень задумываясь о последствиях. Истощили участок земли? Есть другие, ничуть не меньше и не хуже. Не ловится рыба? Будем ловить в соседней реке.

Разумеется, никакая земля не может оставаться неистощимой. Вопрос только в том, как долго удастся ее насиловать. В этом плане интересно проследить, какую роль в жизни славян играли самые примитивные формы использования земли: охота и рыбная ловля.

Археологи давным-давно научились изучать кухонные ямы, в которые человек сбрасывал пищевые остатки после своих обедов и ужинов. По костям, которые находят в этих ямах, легко сделать выводы, домашние или дикие животные шли в пищу и в каком соотношении, много ли ловили рыбы и какой и т.д. Если в кухонной яме находят кости

бобров, зубров, оленей, лосей, кабанов, а кости домашних коров и овец встречаются редко, какой вывод следует сделать? Ясное дело: домашнего скота было мало, резали его редко, берегли. А охота на разных животных занимала в хозяйстве очень заметное место. Такой состав костей типичен, например, для поселений лужицкой культуры, распространившейся в Польше на рубеже II и I тысячелетия до Р. Х.

А в дальнейшем кости диких зверей в кухонных кучах последовательно убывают. Особенно в кухонных кучах сел и деревень: охота все больше становится занятием все менее значительным, а там и делом феодалов, а не основной части населения.

Уже в кухонных кучах ранних славян, в VIII—IX веках, кости диких зверей и домашних животных составляют примерно 15—20% всего костного материала. А вот на востоке, у славян, живших по Дону, на крайней восточной периферии, — порядка 50%. Как в культурах, предковых для славян!

В кухонных кучах сел Польши, Чехии, Волыни уже в IX веке кости диких зверей — скорее исключение из правил.

На Украине они исчезают чуть позже — к XII веку.

На Северо-Восточной Руси кости зверей в сельских кухонных кучах обычны и в XIV, и в XV веках, составляя в отдаленных районах до 30% всех костей. А посещавшие Московию в XVI—XVII веках иностранцы описывали, что в хозяйстве охота занимает несравненно большее место, чем в хозяйстве европейских стран.

На западе Московии охота перестает быть такой уж значимой в тех же XVI—XVII веках, но на востоке Московии, в Заволжье, а тем более на Урале, в Сибири, роль охоты сохраняется и позже. В Восточной Сибири — до XX века.

Ничуть не менее интересные выводы можно сделать, выясняя, где и когда исчез метод земледелия, который называется длинно и красиво: подсечно-огневой.

Первоначально леса всей Европы умеренного пояса осваивались этим методом. Состоит он в том, что человек ищет подходящий, удобный участок леса. Умение его найти — такое же искусство хозяина, как выбирать семена на посев или хранить урожай всю зиму. Участок чаще всего небольшой. Ведь работать на нем будут не на рабочей лошади, а мотыгами. Семья может обработать вручную не больше гектара земли — вот и предельный размер участка.

Участок выбирают заранее, за год-два до того, как на нем будут работать, а то и за несколько лет. За год-два деревья подсекают, чтобы движение соков прекратилось, деревья погибли бы и хорошенько просохли. А весной, выбрав сухую погоду, участок поджигают. Это тоже одно из ценных умений сельского хозяина — выжечь участок так, чтобы не запылял весь лес. А потом участок с еще дымящимися корневищами и еще теплой золой обрабатывают и сажают зерно.

В первый год урожай колоссальный. С целинного участка, удобренного пеплом сгоревшего леса, можно получить в сорок, пятьдесят, даже в сто раз больше зерна, чем посадил. На второй год урожай посромнее: сам-30, даже сам-10. На третий год может быть еще меньше. За эти годы ищут, намечают новые участки, а на четвертый-пятый год истощенную землю забрасывают. Может быть, к ней вернуться через много лет, а может, не вернуться никогда.

Способ ведения хозяйства, конечно же, очень примитивный. Для такого хозяйства нужно много незаселенной, покрытой лесом земли. Как только плотность населения станет больше, для подсечно-огневого земледелия земли начинает не хватать. Люди вынуждены жить на большом расстоянии друг от друга, без крупных деревень и сел и жить полуседло. С полной готовностью, что в один прекрасный момент подходящих участков поблизости не окажется и придется уходить в другое место, где такие участки еще есть.

Это очень расточительный способ ведения хозяйства.

При нем постоянно гибнут большие массивы леса, а вместе с ними множество мелких животных и растений (не говоря о самой древесине). Такой способ ведения хозяйства могут позволить себе только люди, у которых очень, очень много земли.

Большинство ученых считают, что подсечно-огневое земледелие характерно для носителей пшеворской археологической культуры. Эта культура распространена была в Южной Польше, в примыкающих к ней областях Украины во II веке до Р. Х. — V веке по Р. Х. Носители этой культуры знали и двуполье, но подсечно-огневое и переложное земледелие у них, судя по всему, преобладало.

Но в VII веке по Р. Х. подсечно-огневого земледелия уже нет ни в Польше, ни в Галицко-Волынской Руси.

В X веке подсечно-огневое земледелие исчезает во всех землях Киево-Новгородской Руси, кроме Северо-Восточной.

В Северо-Восточной Руси подсечно-огневое земледелие исчезает только к XV—XVI векам, к эпохе Ивана III и Ивана IV Грозного.

Уже из этих данных видно, что граница варварских, примитивных форм хозяйства все время смещается на восток.

Что во всем славянском мире давно вынуждены были уйти от тех форм природопользования, которые на северо-востоке Руси, в Московии, продолжали сохраняться как самые обычные до самого недавнего времени.

Это касается не только форм ведения хозяйства, но и общественных отношений. Большая семья, в которой взрослые братья и их семьи не разделяются, ведут общее хозяйство, в России—Московии исчезла только после реформ Петра Великого. Петр I ввел подушную подать, взимая ее с каждого взрослого мужчины. До него подать взималась с дыма, то есть с домашнего хозяйства. И получается, что государство само делало выгодным не разделять хозяйства, сохранять совместное проживание как можно большего числа людей.

Крестьянская община в Германии исчезла уже в XIII веке.

В Польше, на Волыни — в XV веке. В Российской империи общине нанес удар П. А. Столыпин в 1906 году, а в СССР крестьянскую общину-колхоз сохраняли до самого последнего времени.

Дело, разумеется, не только в охоте и в подсечно-огневом земледелии. И трехполье можно вести по-разному. Например, можно забрасывать землю, как только она становится менее урожайной, и переселяться на еще не тронутые, целинные земли. Там тоже вырубается лес, заводится трехпольное хозяйство... до того, пока земля родит. Вроде бы, мы имеем дело с вполне оседлым населением. А на самом деле деревня переезжает каждые 20—30 лет.

Реалии и подсечно-огневого земледелия, и переезжающих деревень заставили ученых ввести хитрый термин «относительная оседлость», или «частичная оседлость».

Восток славянского мира — это и есть те области, где еще сохраняется первобытное изобилие природных ресурсов, где можно вести формы хозяйства, исчезнувшие во всем остальном мире.

Славянский восток — это область, где можно не заботиться о сбережении природных ресурсов, где можно брать все, что хочешь, и в каком угодно количестве.

Восток — это место, где можно не заботиться об отходах. Ни об отходах производства, ни об отходах собственной жизнедеятельности. Где нагадил, можно не убирать, можно уйти на восток.

Даже еще в 1890 году Антон Павлович Чехов замечал, что пренебрежительное отношение к отхожему месту в России приводит ко множеству болезней и эпидемий.

А Вам, дорогой читатель, я советую одно: побывать в любой из стран Прибалтики или в Польше. Ну, и посетить там это самое отхожее место, хоть в частном доме, хоть в любом учреждении. А если последуете моему совету, Вам останется только одно — сделать выводы. Делать их за вас я не вижу никакой нужды.

Но славянский Восток — еще и область, где все проблемы хозяйственного и общественного развития можно решать предельно просто — переходя на новые земли. А это имеет очень серьезные психологические, нравственные, культурные и даже политические следствия.

Кризисы природы и общества

Я приглашаю читателя вместе со мной вернуться в день, который многое изменил в моем отношении не только к абстракциям философии и науки, но и к самым насущным проблемам повседневной действительности. Это было 11 сентября 1995 года. Шла конференция с длинным и, наверное, не очень понятным названием:

«Человек и природа — проблемы социоестественной истории».

Конференции ведь совершенно не обязательно проводить в самое холодное время года и в самом скверном из возможных мест. И потому конференция состоялась в Феодосии, в Крыму, в начале сентября. Часть заседаний проходила на открытом воздухе, непосредственно на пляжах, у моря.

Это заседание, так врезавшееся в память, состоялось в Голубой бухте на Южном берегу Крыма. День был яркий, как переводная картинка. Необыкновенно чистый и прозрачный воздух позволял видеть за несколько десятков километров. Накупавшись, мы расселись на камнях и стали обсуждать доклад.

Три дня до этого мы говорили о том, что никогда кризис общества не бывает только кризисом идеологии или способа производства. Это всегда одновременный кризис общества и природы.

Всегда и во всех случаях кризис начинается с того, что земля оказывается не в состоянии прокормить столько людей. Историки давно ввели термин: относительное перенаселение. Относительное потому, что перенаселена страна только при существующем способе производства, а стоит изменить систему производства, и никакого перенаселения не будет. В Скандинавии времен викингов (X—XII века) жило меньше миллиона человек, и им, при тогдашнем-то малолюдстве, остро не хватало хлеба. Сегодня, при вдесятеро большем, подходящем к 12 миллионам человек, населении Скандинавии вопрос о голоде, что называется, не стоит.

Во время относительного перенаселения людям не хватает еды, и это вызывает сразу множество не только материальных, но и духовных проблем, сомнений, поисков. Раньше-то ведь всем хватало пищи! Что же произошло теперь?

Возникают сомнения и в религиозных догмах, и в правильности собственного поведения, сомнения в самых фундаментальных духовных ценностях, в богах, во всем привычном, устоявшемся за века (казалось, что и на века!) комплексе представлении о самих себе, о человеке, о мире.

Общество ведь всегда полагает, что должно жить и живет правильно, в соответствии с коренными законами мироздания. И пока оно правильно живет, будет этому обществу благо, в том числе и хлеб насущный.

Есть в этом убеждении что-то детское, что-то от «если я буду хорошо себя вести, мама даст мне конфету». Да, есть.

Но такова человеческая психология, что поделаться! В ней и правда очень много детского.

Когда начинается кризис природы и общества, это достаточно страшно. Земля перестает родить. Исчезают привычные с детства пейзажи и ландшафты. Начинает не хватать еды. Появляется множество нищих, больных и несчастных, обездоленных людей. Начинаются эпидемии, появляются новые, невиданные болезни. Вся жизнь общества и все существование привычной природной среды одновременно оказывается под угрозой.

И люди невольно задают вопрос: что же все-таки произошло? Одни пытаются понять: что они сделали не так?

Другие: что всегда было не так? Третьи приходят к выводу, что в мире вообще ничего особенно хорошего нет, рассчитывать не на что, и миром правит зло и сатана. Во всяком случае, правильными ответами на вопросы пока не обладает никто. Эти ответы предстоит

еще найти.

Когда начинается кризис природы и общества, перед испуганным, мечущимся обществом стоит выбор из четырех перспектив. Одна, казалось бы, самая простая: научиться получать с той же земли больше продуктов. Но как раз эта перспектива требует жесткого переосмысления всего прежнего пути, пройденного обществом. И поиск нового пути.

Такого, в котором появятся новые ответы на самые основные вопросы: кто я такой? Как устроен мир? Где границы дозволенного? Это — поиск новой гармонии с окружающим миром. Гармонии, при которой можно будет получать больше всего необходимого с той же площади земли.

Например, так было при переходе от подсечно-огневого земледелия к регулярному трехполью, а потом к многополью. Когда стало необходимым жить всю жизнь в одних и тех же многолюдных деревнях, возделывать из года в год одно и то же поле. Прогресс очень долго рисовали строго в розовых тонах: как обретение новых возможностей, решение проблем и так далее. А есть ведь и другая сторона прогресса, страшная и безобразная.

Во-первых, не все в состоянии перейти к новому мировоззрению, к новому образу жизни. Хорошо, если можно просто бежать..., например, на редко заселенный, богатый ресурсами восток. А если бежать уже некуда? Все верно, тогда — умирать. Между прочим, некоторые племена индейцев Южной Америки выбрали именно такой путь. Жизнь оставила им только два выбора: переход к земледелию или смерть. И люди выбирали смерть. Садились на деревенской площади, приносили маленьких детей. Потесней прижимались друг к другу, пока были силы — пели песни. И умирали.

Не уверен, что история прогресса наших предков была менее драматичной. Только индейцы умирали в XIX веке, на глазах у европейских путешественников, а славяне становились земледельцами, отказывались от подсечно-огневого земледелия уже очень давно. Грязь, жестокость и кровь давно забыты, осталось лучезарное зрелище прогресса. Так сказать, восхождения к более совершенным формам жизни.

Во-вторых, за прогресс всегда есть и цена — отказ от какой-то части своей культуры. И потому прогресс — путь не только приобретений, но неизбежных потерь. Что мы утратили вместе с подсечно-огневым земледелием, наверное, мы никогда так и не узнаем. По крайней мере, до конца.

Люди всегда если и не понимают этого сознательно, то уж, во всяком случае, чувствуют двойственность прогресса, даже самого необходимого. И еще раз повторяю с полной убежденностью: люди не любят прогресса.

Скажем откровенно: общество очень не любит развития. Потому что развиваться — это изменяться. А изменения непредсказуемы и для общества в целом, и для его отдельных членов. Никто не знает, что будет лично с ним, если начнутся изменения. С ним лично, с его детьми и внуками, с его общественным кругом, с людьми, похожими на него психологически.

Люди не любят развития, чреватого непредсказуемыми переменами. Если есть хоть малейший шанс избежать развития, общество стремится его избежать. Или уж если перемены неизбежны, пусть их будет поменьше. Чем меньше перемены, чем они формальнее, мельче, тем лучше!

Во время кризиса природы и общества есть и еще три возможности, кроме развития.

Можно завоевать богатую и культурную страну и какое-то время жить за ее счет. Рано или поздно завоеванная страна или стряхнет с себя завоевателей, или ассимилирует их. Но какое-то время так жить можно! В этом случае можно и не решать никакие вопросы развития общества. Не надо отказываться от наследия мудрых предков, пересматривать привычные нормы человеческого общежития, не надо работать ни больше, ни лучше, чем раньше. Можно еще какое-то время жить так, как привыкли, совершая только одно усилие: чтобы завоеванная страна, паче чаяния, не освободилась.

Так жили норманны в Бретани и в Сицилии, франки в Галлии, готы — в Италии, вандалы — в Северной Африке.

Есть и другая возможность: расселиться в географическом пространстве, освоить новые земли. Для этого нужно иметь большой запас свободных земель, причем таких, на которые можно переселиться, не меняя привычных форм хозяйства. Тогда тоже можно не решать никаких насущных проблем. У тебя мало хлеба? Переселяйся! Так двигались по земле племена индоарийцев, завоевавших Индию, но не для того, чтобы ее ограбить (грабить было особенно нечего), а чтобы в ней поселиться и жить. Так действовали буры в Южной Африке, уходя жить от побережья океана в богатые саванны за реку Вааль. Так расселялись племена германцев в Скандинавии.

Третий способ выглядит страшнее всех, но он и легче: надо, чтобы людей опять стало поменьше. Хорошо, если сам Бог послал подходящую эпидемию или голод. Как, например, стало просторно в Европе после пандемии чумы в XIV веке! То уже начинался протестантский переворот, коренное изменение религии, образа жизни и форм человеческого общежития. Начинался, кстати, в славянской Чехии, о чем еще пойдет речь. А тут померла треть населения, и на какое-то время стало ненужным ни открывать Америку, ни реформировать католическую религию! Вот радость-то!

Но общество умеет и организовывать свою жизнь так, чтобы людей все-таки становилось поменьше. Те же походы викингов... В морские походы на непрочных дощатых судах-драккарах, «драконах моря», отправлялась молодежь.

Молодые мужчины, цвет нации. Без труда, без усилий которых не сможет существовать народ. Гибель каждого из которых будет означать и гибель не родившихся от него детей и гибель всех, кто не сможет прокормиться без именно этой пары рук.

Сколько скандинавских парней ушло на дно морей, было убито в сражениях, умерло от непривычной пищи и скверной воды в чужих странах, знает только Господь Бог.

На примере Скандинавии, кстати, очень хорошо видно, как совмещаются все три способа избежать развития.

Удастся завоевать большую и богатую страну? Например, Бретань или Сицилию? Очень хорошо! Избыточное население уходит туда, проблема снимается.

Удастся найти «пустую» страну с похожей природой и климатом? Исландию, Гренландию, Америку? Еще лучше!

Туда можно расселиться, и проблема тоже будет снята.

А если даже завоевать никого не удастся, а новые страны не находятся, тоже неплохо! Молодежь гибнет, людей становится меньше, проблемы можно уже не решать, развиваться не обязательно.

Скандинавия времен викингов успешно избегнула «ужасов» развития. Вот только впоследствии это ей мало помогло. Все равно настал момент, когда пришлось меняться и меняться.

Вернемся к славянскому миру

В славянском же мире этот момент отсрочить оказалось много проще. Славянский Восток всегда имел специфическую возможность не развиваться, снимая все проблемы перенаселения простым перемещением людей на еще пустые земли. На самом деле земля могла быть вовсе и не пустой, но финно-угорские племена чуди, мери и муромы всегда были слабее славян, менее развиты, разобщены.

А то, что было для мери и муромы густонаселенными землями, для славян представлялось вполне ничейными лесами.

Разумеется, этот «восток» все время перемещается, движется, не остается на одном месте. Он и в Московии тоже перемещается с запада на восток.

Этот «восток» исчезает там, где поселения людей уже не окружены сплошным массивом непроходимых, никем не населенных лесов. Где волей-неволей приходится переходить к более сложным формам хозяйства. И к более сложным видам общественных

отношений тоже.

Постепенно, по мере продвижения славян на этот пустой для них Восток, появляются и такие славянские общества, у которых физически нет возможности неконтролируемого использования природных ресурсов и нет перспектив расселения.

Во-первых, исчезала дикая природа, и вместе с ней иссякали и все халявные природные ресурсы.

Во-вторых, на пути к еще нетронутым ресурсам Востока оказывались другие славянские общества. Уже в XIV—XV веках Волынь и Юго-Западная Русь никак не могут воспользоваться пока не тронутыми ресурсами Волго-Окского междуречья, направить туда потоки переселенцев — там, пся крив, лежит Московия!

Глава 6 МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Когда на Земле неурожай, мне надо знать, что Венера шумит в пшенице.

Рэй Бредбери

Славянский мир на своей огромной территории изначально оказывается связан с разными центрами цивилизации. Причем разные его части — с разными цивилизациями.

Византийское притяжение

Часто, слишком часто Московскую Русь называли наследницей Византии. Логика проста: раз православие, значит, та же линия развития. В действительности культурная преемственность Руси и тем более Московии от Византии достаточно спорна. Прямые влияния Византии, конечно же, были, особенно во времена Киево-Новгородской Руси, но об их прочности можно спорить.

Уж если говорить о прямых наследниках Византии, то это славянский мир за Дунаем: Сербия, Македония, Болгария.

А если проводить исторические аналогии с Западом, то задунайское славянство — это Франция православного мира.

Поскольку здесь история славянских народов протекает на имперской территории, в смещении с населением империи.

Если продолжать аналогию, то Пелопоннес можно уподобить Италии, а вторгшихся туда славян — готам, которые вошли в Италию вошли, но быстро оказались там ассимилированы и их потомки заговорили на итальянском языке.

Есть, конечно, немалая разница, и состоит она в том, что там, на Западе, империя пала. Жившим в разных частях Галлии римлянам было некуда деваться. Даже соберись они в Италию (куда их никто не звал), там ведь тоже всем командовали варвары. Римское общество не имело никакой иной перспективы, кроме как слиться с «варварским» обществом завоевателей. В числе прочих никакой другой перспективы не было у людей опытных, богатых и образованных, владельцев поместий и патрициев.

После захвата славянами Фракии и Македонии в ста, в двухстах верстах от завоеванных земель проходила граница никуда не девавшейся, вовсе не уничтоженной Византии. Восточной Римской империи. И туда мог уехать любой, кому по какой-то причине не хотелось жить среди варваров или служить их вождям.

В результате слияние варварских и имперских элементов шло гораздо более вяло. Но

шло!

Храм Софии в г. Сердика (ныне — София) построен в VI веке — в византийское время и на византийской (тогда) территории. Но эта купольная базилика продолжала функционировать и под властью болгарских ханов, а тем более после христианизации болгар и славян.

Первые крепости в Плиске и в Пловдиве обнаруживают поразительную преемственность от византийской традиции.

Знаменитый Мадарский всадник — наскальное изображение всадника с собакой и пронзенного копьем льва — обнаруживает не меньшее сходство с мозаичными изображениями Византии.

Церковная архитектура и церковные росписи обоих Болгарских царств восходят к тем же византийским стереотипам (церкви в Велико-Тырнове). Это касается даже тырновской школы стенописи, которой по справедливости гордятся болгары, как своим национальным достижением (церковь св. Бояна в современной Софии).

Более поздние шедевры культуры обнаруживают все большую самостоятельность от исходного византийского пласта, но речь идет только о возникновении собственной, местной версии восточно-христианской культуры.

И после мусульманского нашествия сохраняется традиция восточно-христианской культуры (церковь Петра и Павла в Велико-Тырново).

Культура сербов обнаруживает такую же зависимость, но собственной стабильной государственности у сербов не было. Потому сербы и не могли создать шедевры монументальной архитектуры и живописи. Некоторые болгарские ученые допускают, что мусульманское завоевание прервало уже шедшее развитие болгарской культуры по европейскому типу.

В орбите западного христианства

Полабские славяне и славяне Центральной Европы оказываются в зоне влияния западно-христианской цивилизации. И в зоне действия *Drang nach Osten* — хищного напора немцев на восток, начавшегося еще в X веке.

Ширмой для «дранга» часто оказывался крестовый поход.

Ведь немцы-христиане завоевывали земли славян-язычников.

Все земли к востоку от Эльбы-Лабы и до Одры-Одера давно видятся нам как коренные немецкие земли, тогда как еще в X веке здесь обитали лютичи, бодричи (ободриты), лужичане — славянские племена. Немцы хорошо знали их, и, случалось, Карл Великий использовал славянские племена как союзников, ограждал свою империю от их набегов, мстил за убийство своих. Но, что характерно, в свою державу их земли не включал, своими подданными не делал. Карл Великий считал, что восстанавливает Западную Римскую империю. Что-то удерживало императора от того, чтобы считать славян частью этой империи и воевать с ними.

Первый раз завоевал земли славян по реке Лабе Оттон I в середине X века и создал там несколько пограничных графств. Уже в 983 и 1002 году славяне восстали и обрели независимость.

Опасный враг заставлял объединяться в государство.

В 1044 году князь бодричей Готшалк объединил бодричей, лютичей и поморян в единую Вендскую державу. При Готшалке и его преемнике Крутом (1066—1093) Вендская держава могла отбивать катящиеся с запада волны *Drang nach Osten*. Державу разрывал на части местный сепаратизм отдельных племен. Одни славяне готовы были принять крещение, другие готовы были воевать до последней капли крови, лишь бы никогда не надевать креста.

Новый король Вендской державы, славянин с немецким именем Генрих, сын Готшалка, призвал немецких епископов. Власти Владимира у него не было, и по Лабе не поплыли

кумиры, как поплыли по Днепру Перун и Хоре.

Возник только новый раскол на христиан и язычников.

Измученная внутренними распрями, Вендская держава, спотыкаясь, шла к своей гибели и окончательно распалась около 1129 года.

А в 1147 саксонские князья Генрих Лев и Альбрехт Медведь начали новый крестовый поход. Князь бодричей Никлот нанес рыцарям ряд поражений, сжег Любек, построил крепость Добрин, заключил перемирие. Но ведь ничто не изменилось. Сильным западным герцогствам, опиравшимся на поддержку всего христианского мира, по-прежнему противостояли разобщенные языческие племена.

В 1160 году война вспыхнула вновь. Генрих Лев заявил, что Никлот нарушил условия мира. Правда ли это?

Конечно, Генрих Лев спал и видел предлог, чтобы продолжить войну. Конечно, язычники могут хорошо воевать, но на их слово полагаться нельзя. Возможно, оба постарались, чтобы война не затихла. Да и с чего бы ей вдруг утихнуть?

Никлот погиб в одной из стычек на границе, а к 1170 году земля лютичей стала основой графства Бранденбург. Земля бодричей — основой графства Мекленбург. Липовый город, Липск, стал Ляйпцигом. Бранный Бор стал Бранденбургом, Мишны — Мейссеном (тем самым — мейссенский фарфор). Берлин образовался из двух славянских поселений, в 1307 году слившихся вместе.

Территория Германии увеличилась вдвое. На новые земли хлынул поток переселенцев, а славяне оказались очень быстро онемечены. В XVII—XVIII веках немецкие ученые будут записывать последние слова и фразы на языках лютичей и бодричей. Язык лужичан проживет дольше, и у немецкого писателя Эрика Шриттматера, который сам говорил, думал и написал несколько книг на немецком языке между 1930 и 1960 годами, был дед, который еще мог сказать несколько слов по-лужицки.

А на землях славян к востоку от Лабы, на этой второй Германии, по размерам больше первой, выросли большие княжества, в которых власть князей была несравненно сильнее, непререкаемее, чем на западе той же Германии. Города на востоке имели меньше привилегий, крестьяне оказывались бесправными крепостными. По словам Киплинга, «десять заповедей не имели силы к востоку от Суэца». Ну, а римское наследие не имело силы к востоку от Лабы. То есть имело, конечно, но эдак слабенько и временами едва теплилось.

Выводы? Первый вывод о том, что у германцев тоже есть свой восток и запад, в точности как у славян, то есть в таком же историческом соотношении. Второй состоит в том, что в X—XIII веках для славян Центральной Европы самым важным, самым судьбоносным событием стал сам факт принятия или не принятия христианства, в любой из его версий. Как бы ни относиться к *Drang nah Osten*, факт остается фактом — германское нашествие окончилось плохо только для языческих племен.

Действительно, полабские славяне были и ушли из исторического бытия язычниками. В 1169 году мекленбургские рыцари разрушили общее для них святилище Арконы (на острове, который славяне называли Руяна, а немцы — Рюген). К этому времени чехи уже 200—250 лет были христианами; поляки — почти 200 лет. Получается, больше двух веков полабские славяне упорно не принимали нового, и даже князья с христианскими именами и титулами королей ничего не смогли изменить.

Может быть, католицизм слишком сильно ассоциировался с агрессией иноязычных, инокультурных пришельцев?

Возможно, племенные боги воспринимались, как знамя сопротивления? Очень может быть. Но это уже ничего не меняет. Язычество тех, кого завоевывают, делало агрессию морально оправданной. А у жертв агрессии оно не создавало достаточно эффективной идеологии племенной (и надплеменной) общности, психологических механизмов сопротивления. Против всего христианского мира каждое племя, чуть ли не каждый род взывали только к своим племенным богам, искали идеала только в уходящей старине,

оказываясь во все более изменившемся, все сильнее отошедшем от этой старины мире. И проиграли, как тремя столетиями раньше саксы.

Не парадокс ли, что христианизировали полабских славян саксонские рыцари — сами жертвы крестового похода Карла Великого?

Точно так же вся Северная Польша, все языческое прусское Поморье было сравнительно легко завоевано крестоносцами. Как и языческие племена эстов, латов, латгальцев.

Там, где идеалом служила только племенная старина, где призывались только местные, племенные боги, там крестоносцы проходили, как нож сквозь масло.

Консолидация нескольких племен под властью Пястов, конечно же, усиливала позиции поляков. Болеслав Храбрый на рубеже тысячелетий полностью остановил немецкую агрессию против Польши. Но ведь и Вендская держава отнюдь не была игрушечной. Мечи бодричей и лютичей тоже были из железа, и не раз удавалось им нанести серьезные поражения нападавшим.

Так что совершенно неизвестно, как сложилась бы судьба и поляков, не начнись христианизация страны и народа еще при Мешко I, с 966 года.

Судьба Чехии, при всей ее самобытности, мало отличается от судьбы других стран Центральной Европы. И в отношениях с германским миром Чехия отнюдь не была обречена выступать в страдательном залоге. Временами Бавария оказывается под властью чешских королей.

Польша гораздо сильнее Чехии отличается от любых германских обществ. Но и ее тип хозяйства, бытового уклада, образа жизни сближает ее с остальной Северной Европой.

Факт есть факт: все племена западных славян, не принявшие христианизации, исторически погибли и были онемечены. Но те, кто пошел по пути христианизации, избежал гибели.

Это повторилось и с балтскими племенами пруссов и литовцев (жемайтов, аукшайтов, ятвягов). От упорных язычников-пруссов осталось только название страны. Жмудь оказалась завоевана немцами, хотя и с огромным трудом.

И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба аукшайтского Великого княжества Литовского, не пойдя оно на Кревскую унию с Польшей (1385 г.) и на принятие католичества в 1387 году.

Вдалеке от цивилизации

А к какой цивилизации тяготела в те же времена Русь? Невозможно ответить однозначно. Приняла православие... Значит, к византийской? Но, во-первых, первоначальное крещение Руси прошло, похоже, все-таки по латинскому обряду [43]. А первоначальное крещение чехов, кстати говоря, — по византийскому.

Во-вторых, в крещении Руси и характере всего русского христианства ярко проявляется как раз то главное, на что просто приходится обратить внимание: на Руси очень быстро, за какое-нибудь столетие, вырастает какая-то причудливая собственная версия православного христианства.

И вообще совершенно все, что заимствует Русь, упорно и незаметно, словно бы само собой, изменяется и переделывается, порой вплоть до полного наоборот.

Есть такое понятие — дистанционное обучение: когда ученик вообще не видит учителя, а учитель ученика и обучение проходит по книжкам, конспектам и выполнению заочных письменных заданий. Это даже не заочное обучение, при котором ученик все-таки нечасто, но является на сессию, слушает лекции и общается с профессурой. Это еще дистанционное. Если говорить о его качестве, то специалисты говорят, что пять заочников — это один очник. А пять дистантников — это один заочник.

Ну так вот, Русь воспринимает импульсы от центров цивилизации дистанционно. И от

Западной, и Центральной Европы, и от Скандинавии, и от Византии — далеко. Из Византии вроде и импульс посильнее, и сама Византия поближе, но и из нее — все очень и очень дистанционно. И от других центров цивилизации вроде бы попадают разные идеи, вещи, монеты, способы обработки земли и выделки кожи. И они тоже принимаются.

Русь не единственная часть славянского мира, которая непосредственно имеет дело с кочевым степным тюркским миром. Славян в бассейне Дуная, к югу от Дуная завоевывали и авары, и тюрки-болгары, давшие имя славянскому народу.

Скорее уж Русь разделяется на две неравные части, на юг и юго-запад, — бассейн Днепра, лесостепь, постоянно имеющий дело со степняками. Юг, открытый влиянию со стороны Великой степи, тюркской скотоводческой цивилизации. И север, где тюрк-степняков если и видали, то разве что мирных торговцев или членов посольства. Страны южных славян если завоевывали, то целиком. Русь оказывается разделена этим неодинаковым историческим опытом.

На экологические различия — северный и южный тип ведения хозяйства — накладывается еще и разный исторический опыт.

А Северо-Западная к тому же оказывается в ряде культур, которые на научном жаргоне называют иногда циркумбалтийскими (от латинского «циркум» — вокруг). Получается — вокругбалтийскими.

Циркумбалтийская Русь

Вроде бы, все понятно. Циркумбалтийские культуры — это те, которые лепятся вокруг Балтики. Те, для кого Балтийское море — это свое, внутреннее озеро. Циркумбалтийские страны — это Швеция, Финляндия, Российская Федерация, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Дания. Однако в число тех, кого считают циркумбалтийскими народами, удивительным образом не попадают ни немцы, ни поляки, ни русские. Наверное, это народы очень большие, в жизни которых Балтийское море играет не особенно большую роль.

Новгородская Русь, русский северо-запад сформировался в качестве циркумбалтийского варианта русской культуры. И оказался, разумеется, в теснейшей культурной связи с лидером циркумбалтийских стран — Скандинавией. Может быть, даже имеет смысл назвать этот вариант «скандинавской Русью»?

Насколько тесно связан Новгород со Скандинавией и как сильно отличается в этом смысле север от юга Руси, показывает забавная история 60 — 70-х годов XX века. Тогда в Ленинграде (в городе Великого Ленина!) объявились вдруг (страшно подумать... Кто бы выдумали?) неонорманисты!

Говоря откровенно, быть норманистом действительно несколько стыдно. Примерно, как быть нацистом. И только одним я могу объяснить желание ленинградских археологов натянуть на себя зловонные одежды норманистов (пусть даже «нео») — это желание как раз позлить, пораздражать лишней раз официальную науку и с нею вместе — весь советский дубовый официоз. Надо признать, что вели себя эти молодые ученые (дяденьки средних лет, от 25 до 40) примерно так, как школьники того же времени, объявлявшие себя, к ярости педсовета, нацистами. Потому что назвать себя неонорманисты могли бы и каким угодно другим именем, — несравненно более приличным и не вызывающим мрачных исторических ассоциаций.

Дело в том, что эти молодые археологи отстаивали тезис: в сложении цивилизации Древней Руси скандинавы играли огромную, и притом положительную роль! Неонорманисты ссылались на раскопки в Старой Ладобе, на южном берегу Ладожского озера, в Новгороде, Пскове и, конечно же, в Гнездово.

В культурном слое всех названных городов влияние Скандинавии прослеживалось однозначно. В культуре Новгорода тоже хорошо заметно многое, что объединяет его со Скандинавией. И вечевой строй, очень похожий на скандинавские народные сходки —

тинги. И обычай организовывать молодежные ватаги ушкуйников.

Ушкуйники появились в 20-е годы XIV века и оставили о своих торгово-разбойничьих экспедициях примерно такую же память, как и варяги, и норманны. Ушкуйники (от слова «ушкуй» — речное парусно-весельное судно) двигались по рекам, проникая в бассейн Волги и Камы. В 1360 захватили город Жукотин на Каме. В 1366 году захватили Нижний Новгород, перебив там татарских и армянских и (что греха таить?) часть русских купцов. В 1371 захватили Кострому и Ярославль. В 1375 году разбили войско костромичей, захватили Кострому, Нижний Новгород и доплыли до Астрахани, где, наконец, были разбиты татарами.

В середине XIV века они открыли и тоже, естественно, ограбили Великую Биармию — на территории современной Перми.

Впрочем, новгородцы отнюдь не брезговали и морским разбоем, порукой чему хотя бы сделанные в Бремене ворота храма Софии Новгородской. История, прямо скажем, разбойничья, вполне в духе эпохи викингов. Потому что новгородцы, вообще-то, планировали разграбить шведский город Сигтуну, — как раз для того, чтобы спереть эти ворота. Но оказалось, что ворота уже похищены эстами и эсты уже возвращаются домой с воротами. Новгородцам, естественно, пришлось отнимать ворота именно у эстов, и вот они, эти немецкие ворота, красуются в храме Софии, вызывая удивление, даже раздражение своей совершеннейшей чужеродностью.

«Вот видите?! — торжествовали неонорманисты. — Ушкуйники есть — те же варяги-норманны. Скандинавских вещей в культурном слое полно. Значит, было влияние, и очень сильное!»

Противники неонорманистов, почтенные московские ученые, были категорически против какого-то там скандинавского влияния на Русь. «Разумеется, влияние было! — ничуть не отрицали мэтры. — Было, но очень, очень незначительное». И мэтры совершенно справедливо ссылались на то, что ни в Киеве, ни в Чернигове, ни в Муроме, ни в Ростове не было никаких таких ушкуйников и вообще никаких обычаев, напоминающих Скандинавию. И что раскопки этих городов тоже никаких признаков влияния Скандинавии не обнаруживают. Вот влияние степи — это пожалуйста.

С московскими археологами полностью соглашались коллеги из Киева, не находившие никаких следов норманнского влияния в культурных слоях Галича, Львова, Переяславля.

Что это доказывает? Только одно: что неонорманизм — совершенно справедливая система представлений для Северо-Западной Руси. Но что она же совершенно неадекватна для Юго-Западной Руси. Потому что на северо-западе скандинавское воздействие было, и сильное, а на юго-западе этого воздействия не было или оно ощущалось крайне слабо.

Так, еле уловимый ветерок.

Но это — Новгородская Русь, северо-запад. А Киевская Русь, юго-запад, дистанцирована даже от такого сомнительного центра цивилизации, как Скандинавия. Киевщина поневоле имела дело не с самими цивилизационными центрами, а с их окраинами. Не с Римом и Италией, а с Германией и Польшей. Не со Скандинавией, а Новгородом. Не с Багдадом и Самаркандом, а с Шемаханским ханством на берегах Каспия. Исключение составляет все-таки Византия, и не случайно. Ее влияние все же сильнее. Но после нашествия монголов и с Византией Киевщина взаимодействует слабее, чем с Сербией и Болгарией.

Получается, что славянский мир благодаря огромности занимаемой им территории изначально оказывается разорван между несколькими центрами развития цивилизации.

А часть территории восточных славян, по существу, вся Русь в ее историческом развитии, оказалась далека вообще от любых центров цивилизационного развития.

Глава 7 ЕВРОПА ДВИЖЕТСЯ НА ВОСТОК

Человечество вовсе не стоит перед выбором между модернизацией и прогрессом или застоём и реакцией. Дух модернизации выпущен из бутылки, и вопрос стоит только так: приведет ли он человечество к самоуничтожению или к дальнейшей жизни?

Э. Шумахер

Вообще-то, Европа — не географическое понятие. По крайней мере, не только географическое. Нет такого материка — Европа. Европа — это такая «часть света», то есть некое условное, исторически сложившееся понятие.

Первым ввел эти понятия Анаксимандр, живший на рубеже VII—VI веков до Рождества Христова в Малой Азии, в городе Милете.

С точки зрения Анаксимандра, центр почти плоской, еле выпуклой Земли занимало Средиземное море, а обитаемая земля, Ойкумена, делилась на две равные части — Европу и Азию. Анаксимандр и не думал приписывать какие-то различия обитателям Европы и Азии. Сначала не думали и другие греки.

Но опыт жизни подсказывал: в Европе и в Азии живут совершенно по-разному!

В Греции-Европе была частная собственность. Собственность, которая принадлежала отдельному человеку и которую никто не мог отнять или присвоить. В Греции и власть, и общество охраняли частную собственность.

В Европе жили граждане: люди, обладавшие неотъемлемыми правами. Никакая власть не могла отнять у гражданина его права или действовать так, как будто у него нет прав. Граждане сходились на площади и выбирали должностных лиц своего государства. У граждан была собственность, а у государства никакой собственности не было.

Если гражданина выбирали на государственную должность, он оплачивал необходимые расходы из собственного кармана.

Чем богаче был человек, тем более высокое положение он занимал. Частная жизнь человека определяла его положение в обществе.

В Азии — в Персии, в городах Сирии, в Египте не было частной собственности. Там была только собственность общины и собственность государства. Если человек делал карьеру и занимал в обществе высокое положение, он становился богаче. Но человек не мог иметь собственность, которая не зависела бы от общины и от государства.

В Азии не положение человека в обществе зависело от успеха в частной жизни, а богатство зависело от общественного положения.

В Азии не было граждан — все были подданными царя.

У любого человека власть могла отнять его собственность, а с ним самим поступить, как угодно.

Община тоже не поддерживала ни прав человека, ни его прав на собственность. Членам общины не хотелось, чтобы кто-то стоял вне общины и не зависел бы от нее.

Во всем тогдашнем мире только в двух обществах были такие же правила жизни: в самой Греции и в Римской республике. Почему именно здесь, каким путем Греция и Рим стали Европой — ученые спорят до сих пор. Но история шла так, как она шла. Только в этих двух маленьких обществах, на полуостровах в Средиземном море, в VII—V веках до Рождества Христова появилось гражданское общество.

В VII, в V, даже во II веке до Рождества Христова те земли, которые для нас неотъемлемо связаны со словом «Европа». — Франция, Британия, Испания, — вовсе не были Европой до римского завоевания. Здесь, как везде, были свои дикие и полудикие племена, свои вожди, свои общины.

И никакой частной собственности, никаких граждан не было и в помине.

Греция не умела передавать главное в своей культуре другим народам. Даже когда при

Александром Македонском греки завоевали почти всю известную им Азию, они не смогли сделать ее Европой. У них не было механизма превращения подданных в граждан, разрушения общины, становления частной собственности.

А везде, где чужие земли завоевывали римляне, появлялись граждане и появлялась частная собственность.

Римская империя несла смерть и порабощение всем, кто не мог отбиться от ее железных легионов. Но еще она несла идею гражданского общества.

На завоеванных территориях строились римские города, а отслужившие свой срок легионеры становились ветеранами, получая право на землю и на помощь в подъеме хозяйства. Если даже ветеран уже имел чисто римскую семью, его дети и внуки женились на местных уроженках.

Захват рабов был чудовищно жестоким действием. Но чем дальше, тем меньший срок раб оставался рабом. Неэффективность рабского труда была уж очень очевидна...

И выучившего язык, начавшего понимать новые правила игры раба старались отпустить на свободу. Вольноотпущенник сохранял связи с хозяином, становился чем-то вроде крепостного, а его дети и внуки, конечно же, тоже становились римлянами.

А кроме того, римским гражданином можно было стать.

Тот, кто был материально обеспечен, кто владел латинским языком и был готов ассимилироваться в римской культуре, легко становился римским гражданином, а затем ромеем, римлянином. В Галлии местные кельтско-галльские языки исчезают уже века через два после завоевания. В Иберии-Испании только на северо-востоке страны, в Басконии, сохранились местные иберийские языки. До сих пор баски, говорящие на своем невероятно сложном, очень древнем языке, резко выделяются среди испанцев, чей язык ближе всего к латыни из современных романских языков.

Те, кого завоевали римляне, сами стремительно становились римлянами. Не случайно же в 218 году император Каракалла издал эдикт, по которому почти все население империи стало гражданами. Итог ассимиляции был подведен.

Римская империя пала, и те, кто ее завоевал, все эти готы и вандалы, были ничуть не лучше тех, кого поглотила империя, — иберов, галлов и белгов: такие же дикие. И еще в одном они оказывались точно такими же, даже вломившись в империю: растерянными перед громадностью того, что увидели.

Потому что можно победить армию и на плечах бегущих вломиться в город, нахально объявивший себя вечным.

В город, куда вели все в мире дороги, и по этим дорогам свозили награбленное со всего мира. Память народов сохранила, как вандалы срывали с храмов позолоченную черепицу, спутав ее с настоящим листовым золотом, как их вождь Аларих запустил копьем в мраморную статую и на всякий случай убежал от гигантского, в два человеческих роста, белого воина, не дрогнувшего от удара.

Можно вломиться в дома и храмы, вытащить на улицы, прямо в грязь, награбленное за века по всему миру. С шумом поделить, тыкая нематыми пальцами, обгрызая траур под ногтями. Захватить клин южной, теплой земли, навсегда избавиться от голода с гарантиями на века. Все можно — завоевали, твое, владей. Владеть — можно. Не получается тихо, тупо радоваться, без размышления. Не получается гордиться собой, чувствовать себя лучше тех, кого завоевал, чью армию позорно гнал с победным племенным воплем и воем.

Потому что есть соблазн не только в богатствах, скопленных за века государственного разбоя. Не только в теплой, не знающей снега земле, покрытой апельсиновыми рощами. Соблазн таится в самих здешних людях: в их мозгах, поведении, в их отношении ко всему сущему.

Потому что империя рухнула, но города живут по римскому праву. А победители, может быть, и сделали бы что-то, но понятия не имеют, что надо делать, что такое вообще города, и почему им самим так неуютно от этого слишком сложного, мало понятного быта, в котором неотъемлемо присутствуют письменность, римское право, космически громадный

Бог, странно не любящий жертвы, который мог бы разметать все человечество одним дуновением своим, но который почему-то полюбил людей и даже умер за них в своем Сыне.

Потому что вокруг, на развалинах когда-то великолепных городов, даже в нищенских деревушках живут люди, для которых свобода — вовсе не светлый идеал и не мечта, а повседневная реальность; то состояние, в котором живет множество людей. Люди, привыкшие стоять не в рядах клана, рода и войска, а стоять совсем одни, сами по себе, перед государством, мирозданием, историей, царем, военачальником, их непонятным, невидимым Богом.

Побежденные, согнутые в покорности люди привыкли, что и самому высокому начальнику можно все-таки совсем не все, чего захочется. И победителю, начальнику, хозяину почему-то тоже хочется такого же. Почему? Он и сам не может объяснить. Жить сложно, быть лично свободным, выломиться из толпы общинников, завернутых в медвежьи шкуры, хочется так же, как хочется смотреть на закат, умываться росой, любоваться красивыми дикими зверями, видеть дальние страны, любить умную, добрую женщину.

Хочется потому, что полудикий варвар, оказывается, сам носит в себе такую возможность, такое стремление. Он только не знал в родных германских ельниках, что этого хочет.

С вандалами, готами, лангобардами происходило то же, что и с иберами, кельтами и ретами — с теми, кого завоевала империя: они становились римлянами. Проникаясь духом Великого Рима, вчерашние варвары сами надували щеки, грезя величием цезарей; они еще мечтали об империи, не ведая, что создали Европу.

В 800 году короля франков, завоевавшего почти всю бывшую империю, Карла Великого, короновали как императора: последняя попытка восстановить Западную Римскую империю. Разумеется, не получилось, и на развалинах построенного Карлом сформировались постепенно страны, известные и теперь: Италия, Франция, Германия.

Впрочем, сам не ведая того по своему невежеству, Карл включил в свою империю и тех германцев, которые отродясь не жили в границах прежней Римской империи. Руками его рыцарей Европа расширилась за счет саксов, крещенных огнем и мечом. А Шотландия и Ирландия сами приняли христианство, добровольно сделавшись Европой.

И теперь, в X веке от Воплощения Христа, граница Европы проходила по реке Лабе и по узким проливам Скагеррак и Каттегат, отделявших пока языческую Скандинавию от уже цивилизованного мира.

К XI веку в западном христианском мире окончательно сложилось новое общество, и похожее, и не похожее на римское.

Новое общество было совершенно не похоже на общество римлян и эллинов: по-другому, устроенное, оно знало совсем другие общественные институты. Это была не единая империя, прорезанная хорошими дорогами, с одним законом и одним языком. Множество княжеств и королевств говорили на разных наречиях, враждовали, даже воевали друг с другом.

Общество цементировали только три сущности, которые признавали все:

1. Единая Церковь, у которой был один глава — папа римский.

2. Язык — латынь — понимали все, и каждый образованный человек должен был знать латынь. Только на латыни писались книги, летописные записи, официальные документы. Латынь учили все, кто хотел быть понятым за пределами самой ближайшей округи. Ведь не было еще ни немецкого, ни французского, ни английского языков. Было множество наречий, диалектов, языков, порой очень различавшихся даже в самой небольшой местности.

3. Римское право. Сложное римское право учитывало много чего и было совершеннее, удобнее бесчисленных «варварских правд». Одинаково чужое всем завоевателям, приемлемое для всех, оно связывало новую Европу со старым Римом не менее прочно, чем Церковь.

Договор, кстати, в западном христианстве считался делом СВЯЩЕННЫМ. Франциск Азисский, одолев силой креста страшного волка-людоеда, не убивает чудовище, а заключает

с ним договор: если люди будут поставлять волку еду, обещает ли он не нападать на них и на их скот? И волк «принимает договор наклонением своей головы». И договор выполнялся до самой смерти волка.

Общественные институты нового общества: университеты, вольные города, система вассалитета напоминали Рим эпохи империи не больше, чем всадник на коне легионера-гражданина.

Новым было отношение к труду. Римская империя презирала физический труд — презренное дело презренных рабов. С XI века западно-христианская церковь стала считать труд необходимым для спасения души. Монахи начали не просто уходить от мира, чтобы созерцать себя и Бога в отдалении от людей. Монахи начали трудиться и считали труд средством спасения.

В античное время горные работы считались проклятием даже для рабов. В рудники ссылали закоренелых преступников, политических врагов, захваченных с оружием бунтовщиков. В рудники продавали самых сильных рабов, и за год-два-три раб, если не убегал с полдороги, превращался в никчемную развалину.

В Европе XI—XIII веков горное дело поднимали свободные монахи, давая мирянам пример нового отношения к труду. И европейское общество становилось все более активным, трудолюбивым, деятельным.

И все же это общество было очень похоже на римское.

Европейское оказалось несравненно сложнее устроено. Римское общество четко делилось на граждан и неграждан. Здесь же сложилось множество самых различных категорий людей. Но практически у всех в Европе была хотя бы частица того, что имели граждане в Риме.

Как и в Риме, и Греции, огромное значение имела частная собственность.

Очень большое значение имел не приказ и не традиция, а договор. И договоры между людьми рассматривались как священные.

Человек в Европе воспринимался как отдельная, особенная личность, вне общины и вне государства. Даже если он лично не свободен, он не свободен именно лично, а не как член какой-то группы.

Церковь и учение Церкви имели колоссальное влияние на общество. И Церковь тоже утверждала идею личности человека. Личность для Церкви являлось понятием священным. Ведь человек живет вечно, а все государства и империи — временны. Человек, душа которого рано или поздно пойдет к Богу, старше и главнее империй, королей и государств, — учила Церковь.

Все члены европейского общества имели хоть какие-то права, и никакая власть над ними не могла быть вполне безграничной.

Даже замороженные мужики-вилланы имели хотя бы ответ личных прав. Даже по отношению к ним было позволено не все.

Вольные самоуправлявшиеся города, воздух которых делал человека свободным, стали рассадниками идеи личной свободы, рыночных и правовых отношений.

И у дворянства — и у высшего, при королевском дворе, и у мелкого, служилого, в глухой провинции — идея личности была в ряду важнейших.

Рыцарь, вообще-то, означает всего-навсего «Ritter» — «всадник» на тогдашнем немецком, и не более. Точно так же, как старофранцузское «шевалье» от «шеваль» — лошадь.

Рыцарская конница была основой армии и в Византии, и в мусульманских странах, и в Индии.

Но только в Европе рыцарь был в первую очередь личностью, носителем идеи личной, персональной чести. Он лично, сам должен был не только ни в коем случае не ронять свою личную, персональную честь и честь всего своего рода; он должен был еще следить за поддержанием порядка и справедливости в мире. Можно сколько угодно смеяться над рыцарскими историями про схватки с великанами, чудовищами и драконами, над

чудовищным самомнением рыцарства, над их поведением забияк, способных вести себя, как мальчишки-хулиганы в возрасте Тома Сойера: «Я тебе покажу!».

Но как бы не устарели одни идеи, не казались странными другие, не вызывали улыбку третьи, а рыцарь был носителем важнейшей идеи — идеи личности. Личной ответственности, личной совести, личной верности, личного благородства.

Рыцарь или свободный барон не могли жить сами по себе, но и не были подданными графа, герцога или короля.

Благородный человек вступал с вышестоящими не в отношения подданного, а в отношения вассала. Это были договорные отношения; вассал и сюзерен договаривались, что они будут делать вместе, и вассал не становился бесправным подданным, зависящим от каприза вышестоящего.

Феодальная, разделенная на множество княжеств, жестокая Европа все-таки не настолько бесправна, как Азия.

В ней нет того повседневного рабства по существу дела всех.

Того рабства, к которому люди привыкают, как к естественному состоянию, и не понимают, что, вообще-то, может быть иначе.

В XI веке на северо-западе бывшей Римской империи родилось очень агрессивное общество. Не успела родиться Европа, как тут же начала крестовые походы и *Drang nach Osten*.

Про «дранг» мы уже говорили. А первый крестовый поход Папа Урбан II провозгласил в 1095 году, и с тех пор их состоялось восемь.

На Переднем Востоке больших успехов крестоносцы так и не добились. Даже то, что удалось завоевать, постепенно оказалось потеряно. Повторилось то же, что и во времена Александра Македонского, когда эллинистические государства простерлись до самой Индии: Восток не принял европейского типа общества, построенного на частной собственности, личной свободе и договоре вместо приказа.

Но Европа постоянно расширялась, включала в себя по крайней мере славянские территории.

Способов было реально два. Они часто применялись вместе, как это мы видели на примере полабских славян:

1. Крещение язычников. Церковь делала новообращенных едиными с остальной Европой. Несла новым христианам идею личности, идею принадлежности к цивилизации.

Язычники, став христианами, постепенно сами становились европейцами.

2. Завоевание, то есть насильственное включение в Европу как рабов или данников завоевателей.

Ирландия и Скандинавия стали Европой через крещение. Саксы — через завоевание и крещение. Славяне... Тут есть случаи и крещения, и завоевания. И действует знакомый механизм: кто принял крещение, тот отбил от завоевания и вошел в Европу уже сам.

К XII веку весь германский мир уже оказывается частью Европы, а славянский между XII и XV веками разделяется на тех, кто принял христианство, отбил от завоевателей «дранга» и построил собственные государства. И тех, кто сам не захотел в Европу, и кого повели, потащили, погнали под конвоем, превращая в рабов и онемечивая по дороге.

Воистину, понимающего необходимость ведет, не понимающего — тащит.

Очень интересно и полезно проследить за тем, как Европа ползет на восток, на средневековых картах. По этим картам очень хорошо видно, кого европейцы считают, а кого не считают людьми своего общества. «Европа тогда кончалась границами Польши», — утверждает Н. В. Гоголь. Он неточен: в XV веке граница Европы проходила по границам Великого княжества Литовского, то есть прошла через Россию.

По мнению европейских картографов, в XV веке Западная Русь была уже частью Европы. А Восточная Русь, Московия, — не была. И еще того хуже... По мнению картографов, и самого слова «Московия» можно было и не применять. Для европейцев были плохо понятны отношения данничества, когда можно платить дань и не быть частью

государства, которому платишь. Европейцы понимали отношения вассалитета: раз Московия платит дань татарскому хану, значит, она его вассал. Значит, не существует никакой самостоятельной Московии, а есть Великая Татария, и Московия — лишь ее часть. И на картах Московию, вполне мотивированно, показывали как Великую Татарию, никак не отделяя от других владений татарских ханов.

И даже хуже... Московию, вернее, владения татарских казанских ханов, называли Великая Тартария. Разница как будто в одной букве, но смысл-то меняется чрезвычайно.

Получается, что Московия — это Тартар, как бы страна чертей.

Так и продолжалось до середины XVI столетия, когда граница Европы опять существенно передвинулась на восток. В конце XV — начале XVI века Московская Русь перестала платить дань татарским ханам, а торговые пути через Новгород и города Великого княжества Литовского связали Московию с Европой. Русских лучше узнали в Европе; западных русских и веком раньше признавали европейцами, а теперь благодаря им стали так же относиться и к восточным.

И в середине XVI века границу Европы картографы проводят по Волге. Не было случая, чтобы границу Европы географы отодвинули назад, на запад. И что бы ни творилось в Московии почти два столетия, рубеж остается тот же.

Еще во времена Петра I Азия начиналась в двухстах верстах от Москвы, а заводы Демидова располагались в самой что ни на есть Азии.

Российская империя становится на цыпочки, изо всех сил хочет быть Европой. Татищев, птенец гнезда Петрова, устраняет обидный географический факт, переносит границы Европы и Азии на Урал. Наверное, многие из моих читателей постарше уже знакомы с системой Татищева, когда граница Европы и Азии проходила по вершинам Урала, разделяя его на две равные части, а потом — по реке Урал до ее впадения в Каспийское море.

Но весь Кавказ — от самых его низких предгорий, от Куры и Кубани, был для Татищева Азией. И все владения Османской империи — тоже. И Крымское ханство, вассал Османской империи, и все владения Турции в Греции и в славянских землях за Дунаем.

Румянцев-Задунайский воевал в Азии. Потемкин отвоевывал берега Черного моря, закладывал Одессу — в Азии.

Мужики переселялись на Кубань и в Ставрополье — в Азию.

Греки боролись с турками за национальную независимость. Российская империя все громче заявляла о своей готовности помочь братьям-славянам освободиться от нечестивых турок. Заявляли и о готовности отвоевать Константинополь, город Великого Константина, крестителя Римской империи.

На рубеже XVIII и XIX веков границу Европы и Азии стали проводить через Босфор и Дарданеллы, а северное побережье Черного моря от устья Дуная до устья Днепра считать тоже Европой. Но еще Александр Сергеевич Пушкин совершил путешествия в АЗИЮ — в Крым и на Кавказ.

Только в конце первой половины XIX века границу Европы стали проводить привычно — по самым высоким вершинам Кавказского хребта, разделяя Кавказ на Северный, европейский, и на Южный, лежащий в Азии.

Вот эту систему и преподавали в школе еще в 60-е годы XX века. И автор этих строк, и другие люди, столь же пожилые и почтенные, которым за сорок, должны помнить из школьной географии это удобное, простое: граница Европы пробегает по вершинам Урала, по реке Урал, по берегу Каспия по главным вершинам Кавказского хребта, по Черному морю, по Босфору и Дарданеллам.

Вот потом опять начались сложности: Европа продолжала расширяться. Во-первых, запротестовали Армения и Грузия. Как же так? Земли почти первобытных мусульманских племен — в составе Европы? Хаджи-Мурат, Шамиль с его мюридами — европейцы? А в то же время, получается, Армения, первая в мире страна, где христианство стало государственной религией — в IV веке по Рождеству Христову, — часть Азии?! Армения и

Грузия настаивают на том, чтобы считать их частью Европы.

Во-вторых, о своей принадлежности к Европе недвусмысленно заявляет Турция. С XVIII века ее территория, как и территория Российской империи, лежит и в Европе, и в Азии. А турки считают, что уже много десятилетий, даже веков в Турции осуществляется европейский тип развития.

По крайней мере, с конца все того же XVIII века. В Турции, между прочим, даже выпускаются карты, на которых все Закавказье и вся Турция — Европа. Вопрос только в том, как скоро это новшество признают остальные европейцы.

Но что признают, я не сомневаюсь.

А кроме того, с 60-х годов XX века произошло странное и до конца необъяснимое событие: граница Европы удивительным образом переместилась на восток и на Урале. Мне не удалось найти автора этого открытия, но теперь уже весь Уральский хребет оказался в Европе, а южнее граница проходит по речке Эмбе, отдавая Европе еще двести километров.

В 90-е годы XX века встал вопрос и о статусе Сибири.

Раньше это особого значения не имело, но в эпоху ослабления национальных границ, «парада суверенитетов» и «построения европейского дома» имеет. С одной стороны, Сибирь — это никак не часть Европы, даже если границу проводить и по Эмбе... А с другой, ну какой же Новосибирск — азиатский город, скажите на милость?! И не один Новосибирск. Мой родной Красноярск — экологически грязный, населенный в значительной части бывшими уголовниками, создававшийся как город большого машиностроения, через который можно качать богатства Сибири, но никак не в качестве форпоста культуры. И тем не менее — не азиатский это город. Испанцы в Америке тоже строили города с одной целью — извлекать и вывозить в Испанию золото и серебро, какао и хлопок. Но это ведь не делает «индейскими городами» ни Рио-де-Жанейро, ни Мехико, ни Буэнос-Айрес.

Сказанное, конечно же, относится и к Иркутску, и к Чите, и к Хабаровску, и к Владивостоку. Относилось бы и к Харбину, но его русское население уничтожено и разогнано коммунистами в 1945 году. Относилось бы и к Дальнему, и к Порт-Артуру, но их Никита Сергеевич изволил подарить Китаю.

Путешествие Европы через территорию Российской империи завершается тем, что в документах СБСЕ появляется формула: Европа и Сибирь. Раз уж нельзя пока что считать Сибирь частью Европы, пусть будет чем-то расположенным неподалеку. Уверен, что даже люди моего поколения доживут до того, как формула «и Сибирь» окажется устаревшей, и Сибирь (и русский Дальний Восток) будут молча признавать Европой. А там и на картах покажут.

Разумеется, на этом приключения Европы далеко не исчерпываются: и обе Америки, и Австралия, и Южная Африка относятся к Европе точно так же, как Сибирь, и по той же самой причине. Но эта тема далеко выходит за рамки нашей книги, и развивать ее я пока не буду.

Для нашей темы важнее другое: Европа оказалась способной пройти ряд изменений, стадий развития, которых не было нигде и которые изменяли саму Европу. Во многих странах сменялись целые эпохи в культуре, менялся политический строй. Иногда — в сторону большей свободы, иногда — меньшей. Но нигде изменения не происходили постоянно, все время, сплошным потоком. И нигде эти изменения не означали все большего нарастания личной свободы и рационализации всей жизни в целом.

Боюсь, тут невозможно обойтись без зубодробительных терминов, да уж ничего не поделаешь. Только в Европе аграрно-патриархальное общество постепенно превращалось в урбано-сциентистское.

Аграрно-традиционное общество — это общество людей, живущих общинами и стремящихся поступать так, как делали мудрые предки. Самостоятельная личность у них не в чести, а создавать новые знания о мире они считают не очень нужным. У них уже есть священные предания. Библия, Коран или сочинения Карла Маркса. В них уже содержится все нужное. Остается только правильно прочесть, чем и занимаются специальные жрецы:

священники, жрецы бога Тота, муллы или сотрудники кафедры истории КПСС.

Урбано-сциентистское общество — это общество, в котором главной единицей становится не община и не группа, а личность. И традиция в нем менее важна, чем знание. Сциенсис по-латыни — знание. Общество индивидуальных людей, для которых важна не традиция, а их личный успех.

И которые знания о внешнем мире черпают из науки, наблюдения, исследования, а не из опыта мудрых предков, которые и так все знают.

В разных концах мира возникали общества, к какой-то степени похожие на европейские, но только в Европе общество прошло несколько стадий развития от аграрно-традиционного к урбано-сциентистскому обществу.

Средневековое европейское общество было аграрно-традиционным. Не в такой степени, как средневековое общество мусульман или китайцев, но все-таки. Если бы китаец или индус в X, XII, даже в XIII веке попал в Европу, он нашел бы там много знакомого. Те же крестьянские общины внизу, те же корпорации воинов, жрецов, администраторов наверху. И каждый из них, и европеец, и китаец, могли бы понимающе кивнуть: да, называется все по-другому, и обычаи другие, но суть одинакова, везде одно и то же. Разве что горожане уже и тогда жили не совсем так.

Но в XIV веке китаец уже не совсем узнал бы европейское общество. В нем уже было то, чего нет в Китае, — огромное внимание к личности человека, к его способности творить, создавая произведения искусства, вторую природу, уподобляясь Богу в этом творчестве. А европеец счел бы Китай несколько пресным и скучным, не придающим должного значения творческой личности.

В XVI веке разрыв оказался бы еще больше, в XVII он стал таким огромным, что трудно стало понимать друг друга.

Чаще всего в развитии Европы выделяют давно и хорошо известные этапы Возрождение — XIV—XVI века. Реформация — XVI—XVII. Просвещение — XVII—XVIII. Индустриализм — самый конец XVIII, весь XIX, самое начало XX века. Но все это деление очень условно, крайне относительно. В действительности идет единый поток событий, стремительные изменения и культуры общества, и внешних форм общежития.

Европа постоянно изменялась, и изменялась вся, полностью, от крестьянских изб до королевских дворцов. С каждым годом жить в ней становилось все удобнее и безопаснее, потому что законы и обычаи придавали все большее значение личности каждого человека. Все важнее становилось соблюдение интересов не только правителя и его окружения, не только верхушки общества, но каждого или почти каждого человека.

Изысканная прелесть безопасности

Боюсь, что эту главу кто-то может принять за некий панегирик, прославление европейского пути развития. Наши люди до такой степени идеологизированы, так привыкли, что всякая информация обязательно должна нести в себе пропаганду, что непременно пытаются ее искать даже там, где ее нет и в помине. Так вот: речь идет не об агитации и не о пропаганде.

И для содержания книги не имеет никакого значения, кто выступает за что или против чего. В том числе не имеет никакого значения, за кого или за что ратует автор этой книги. Имеют значение факты.

Что же касается моего предпочтения свободы холопству и прав гражданина включению в общины, казачьи курени и комсомольские организации, то позволю себе сравнить судьбы двух людей XVIII столетия, двух современников. Опять же не в порядке пропаганды, а в порядке информирования читателя.

...Они жили в одну историческую эпоху, почти что в одно и то же время и были людьми одного общественного слоя: Дарья Николаевна Салтыкова и маркиз де Сад. При стечении обстоятельств они вполне могли бы познакомиться. Роман все-таки маловероятен,

потому что маркиз был младше Салтыковой на 10 лет, но знакомство вполне могло быть.

Помещица Дарья Николаевна Салтыкова родилась в марте 1730 года и вошла в историю, как страшная Салтычиха. Больная женщина, Салтыкова убила по меньшей мере 157 человек, в основном своих крепостных девок. По меньшей мере потому, что, вполне возможно, не стали известны многие, как говорят юристы, «эпизоды» ее преступлений.

Ну, а число тех, кто лишился по вине Салтыковой здоровья — и физического, и психического, — нам и вовсе неизвестно. Никто никогда не считал.

В 1768 году все-таки состоялся процесс. Салтычиху приговорили к смертной казни, но добрая царица Екатерина II не велела казнить смертию, заменила казнь на пожизненное заключение. До самой смерти, до 1800, а по другим данным до 1801 года, Дарья Николаевна Салтыкова находилась в одиночном заключении, на цепи, в полном мраке. Свечу приносили вместе с едой, уносили, когда поест.

Маркиз де Сад попал в заключение по поводу, который может показаться смешным после истории Дарьи Салтыковой: маркиз, написавший к тому времени несколько статей и книг, решил, так сказать, перейти от теории к практике и выпорол бродячую торговку. Всего-то?! Да, всего-то. За совершенное преступление маркиз де Сад был арестован, осужден и попал в тюрьму. Там он провел несколько лет; еще до окончания срока был обследован врачами и переведен в сумасшедший дом. В те времена разница между тюрьмой и сумасшедшим домом была не очень велика, но тем не менее.

Никто не лишал де Сада титула, он и умер маркизом.

Никто не лишал его богатства, он и умер состоятельным человеком. Более того, и в тюрьме, и в сумасшедшем доме он писал книги. Эти книги находили своих издателей и читателей, казна маркиза прибывала.

Только в одном сумасшедший маркиз разделил судьбу Салтыковой — до самой смерти, до 1814 года, он был лишен свободы. Никто, правда, с садистской мелочностью не уточнял, что сидеть он должен на цепи и жить в полной темноте. Никто не мстил ему за отвратительные книги, за большую пропаганду своего уродства. Его даже водили гулять по улицам Парижа, и маркиз развлекался тем, что покупал розы корзинками и с гадостной улыбкой швырял их в грязь, под колеса идущих экипажей. Ему это позволялось. Законов, запрещавших мусорить на улице, еще не существовало, а маркиз, помимо своего «вывиха», оставался вполне вменяемым и тратил свои деньги, как хотел.

Но богатый человек, известный писатель, носитель титула маркиза де Сад, был сочтен опасным для общества — и его лишили возможности причинять вред и быть источником опасности для других граждан.

— А Жиль де Ре? — обрадуется иной читатель. — Он-то убил несколько десятков ребятишек! Вот видите!

Вижу. Вижу, что Франция XV века больше похожа на Российскую империю XVII века, чем на Францию XVIII.

Простите, я об этом как раз писал: что Европа стремительно менялась. Стремительно и в очень большой степени качественно. В XV веке во Франции рабства, бесправия, холопства было очень много. В XVIII веке, даже задолго до революции 1789 года, стало намного меньше.

Вообще фактор времени часто мало понятен россиянину, даже ученому. Мне доводилось наблюдать, как вполне серьезные люди оказывались не способны принимать во внимание быстро идущие изменения.

— У вас в Европе...

— Простите, в какое именно время? — И коллега недоуменно замолкает. Он не принял во внимание, что «у них в Европе» в разное время все было очень по-разному. В Российской Федерации и в других государствах России есть многочисленный контингент людей, очень не любящих того комплекса идей, которые составили «европейскую идею» — гражданства, свободы, равенства людей перед законом, индивидуальности и т.д.

Многовековое извращение русского ума под влиянием холопства и рабства заставило

многих людей упоенно доказывать самим себе и всем окружающим преимущества рабского состояния. И уж, во всяком случае, свыкаться с ним, отращивать как бы оболочку любви к несправедливости и неравенству. Они ищут обоснований, объяснений и причин или того, что рабом быть хорошо, а свободным плохо.

А главное — для того, чтобы обосновать, что все это вранье, всякая там свобода, гражданское общество, независимость личности от государства. Что всего этого на самом деле вовсе и не существует. Что все это — пропаганда, обман, надувательство.

Эти люди, естественно, очень не любят Европы, а уж одна мысль о том, что Европа имеет перед Россией хоть какое-то преимущество, буквально приводит их в бешенство. Этим людям очень важно доказать, что никакого преимущества и нет, что везде было, как везде, и что в Европе тоже происходили такие вещи.

Получается не слишком убедительно. Уже потому, что Европа у русского не только извне, но и внутри. Чтобы отказаться от того, что несет с собой европейский путь развития, приходится топтать что-то очень важное в самих себе, и потому беспокойная, недобрая позиция самоубеждения окончательно перехлестывает у них в натуральнейшую истерику.

Сколько нервов, эмоций и сил тратят эти бедолаги, чтобы обосновать главное вранье: что в Европе человек так же слаб, незащищен, беззащитен, как и в Азии! Сколько сил приложил тот же А. А. Бушков, чтобы показать: Генрих VIII ничем не лучше Ивана Грозного!

Этим людям вполне искренне кажется, что самое главное в том, что в Европе тоже были садисты, подонки, тираны и всякая сволочь. А раз так, то чем же они лучше нас?

Ну так вот: я в этой книге вовсе НЕ ДОКАЗЫВАЛ, что европейцы чем-то лучше неевропейцев. Я также НЕ ДОКАЗЫВАЛ, что Европа не способна порождать разного рода чудовищ. Взять того же Жиля де Ре, считавшегося прообразом Синей Бороды. Барон де Ре в середине XV века садистски убил несколько десятков ребятишек. Частью — приносил жертвы сатане, частью просто развлекался таким образом.

Преимущество Франции перед Российской империей в XVIII веке не в том, что в Российской империи могла быть Салтычиха, а во Франции не могло быть маркиза де Сада.

И тот, и другая вполне могли появиться. И появились. Более того, маркиз, судя по всему, гораздо опаснее Салтыковой.

Во-первых, весь опыт человечества показывает: в совершении аналогичных преступлений мужчины гораздо опаснее женщин. Покрупнее, поактивнее, попредпринимчивее. Они и придумают больше, и осуществить сумеют лучше.

Во-вторых, маркиз ведь несравненно умнее и образованнее. Салтыкова отличается от мужиков только тем, что сидит у них на шее и имеет право их мордовать вплоть до человекоубийства. Ее страшный порок груб, совершенно лишен рафинированности, выдумки, изыска. Ничего похожего на многообразные, яркие фантазии маркиза де Сада, который уж умеет сам себя потешить, расшевелить, развлечь.

Маркиз способен много что придумать и выразить придуманное в виде каких-никаких, а литературных произведений. Салтыкова же если и умела писать, то очень плохо.

И ничего никогда не читала.

Так вот, преимущество гражданского общества, личной свободы и вообще Европы в том, что во Франции смертельно опасному, крупному и сильному маркизу ходу не дали.

Фантазируешь? Фантазируй. Книжки пишешь? Пиши, а найдутся любители, издавай их и продавай, на здоровье. Но вот обидеть хоть кого-то, хотя бы бродячую торговку, уже нельзя. Общество не позволяет этого, и оно умеет оградить своих членов от насилия. И судьи, социально гораздо более близкие маркизу, нежели к торговке, отправляют его за решетку.

А в Российской империи глупая, серая, как мышь, примитивная Салтыкова смогла стать убийцей 157 человек, а скорее всего — и еще больше. Потому что она была помещица, владевшая несколькими тысячами человеческих существ, и все эти люди были в полной ее власти. Кстати, Салтыкова запарывала до смерти дворовых девок отнюдь не в такой уж глуши: в Подольском уезде Московской губернии. Мужики несколько раз обращались с

жалобами, но ведь по ЗАКОНАМ Российской империи жалоба на помещика каралась каторжными работами. Подчеркиваю: по законам. А священники отпевали жертвы, записывая в церковные книги самые фантастические причины смерти, прекрасно зная настоящую причину.

Сохранилась придворная легенда. После осуждения Салтыковой Екатерина II изящно погрозила пальчиком Шеншину: мол, ты тоже смотри, доиграешься! Все ведь прекрасно знали, что Шеншин завел в своих имениях пытошные и подражает инквизиционному трибуналу. Так сказать, развлекается, как может. Я же говорю — мужчины обычно опаснее.

Салтыкова не так уж значительно вышла за рамки допустимого по законам Российской империи. Ее беда еще и в том, что она — не из придворных кругов. Так, мелкая дворяночка, которую вполне можно и осудить.

Так вот: преимущество Франции над Российской империей, Европы над Азией не в том, что люди там — совершенство и чистое золото, а преимущество в законах, защищающих человека. И в правилах жизни, по которым и маркиз не может обидеть торговку.

Право же, в некоторых отношениях лучше быть пресловутой торговкой во Франции, чем помещиком в Российской империи. Безопаснее как-то.

ЧАСТЬ III НА ЗАПАДЕ РУСИ

...Не я увижу твой могучий поздний возраст.

А. С. Пушкин

Что же произошло с землями Киево-Новгородской Руси после ее неизбежного развала в XII веке?

На развалинах огромного государства возникает много государств гораздо меньшего масштаба. Действует одновременно две тенденции: каждое из этих государств постоянно готово дробиться на еще меньшие. И вместе с тем жители этих государств прекрасно осознают, что все они — люди одного народа и обитатели одной страны. И эти государства постепенно, медленно но верно собираются в два больших: Московская Русь и Великое княжество Литовское.

Проследим, что происходило с теми землями Киево-Новгородской Руси, которые расположены вне Северо-Восточной Руси и вошли в состав Великого княжества Литовского.

Начнем с того, что эти земли очень разнообразны. На них присутствуют оба типа ведения хозяйства: северный и южный. Они представлены не одной, а как минимум тремя разными линиями социально-экономического развития: Западной, Юго-Западной и Галицко-Волынской.

Что характерно, в XIII—XIV веках все эти земли — уже не «восток» славянского мира. Перспективы расточительного, бездумного ведения хозяйства здесь не прослеживаются, и бесхозных земель уже нет.

И все русские княжества от Волыни до Новгородка и от Вязьмы до Бреста постепенно прибрала Литва. Исключение составляет Галицкая земля, которая досталась Польше. Галицкая земля во многих отношениях — некое исключение из правил (может быть, за счет своего самого западного положения среди других земель Европы?). Галицкий князь Даниил еще в 1254 году принял католичество в надежде получить поддержку всей Европы против монголов. Папа римский лично возложил корону на его голову, провозглашая Даниила

королем. Галицкая земля была быстро окатоличена и оказалась в составе Польского королевства.

Но еще раз подчеркну — это одно из исключений, а их немного. Наверное, надо для начала выяснить, кто же это «собрал» почти все русские земли, кроме Галицкой земли, Северо-Запада и Северо-Востока?

Глава 8 ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЛИТВА

*Всякая сущность обладает происхождением.
Не всякое происхождение порождает сущность.*
Из высказываний философов

По официальной московской версии, литовские князья — это злобные враги русских, которые при первом удобном случае захватывали их земли, временно оказавшиеся без отеческой руки Москвы, и, как сказано в одном авторитетном справочнике, «поддерживали сепаратистские настроения князей против Москвы».

В современной Литве, похоже, господствуют прямо противоположные, но вряд ли более осмысленные настроения.

Хорошо помню одного литовского археолога... Тогда, в начале восьмидесятых годов, Москва издала очередной секретный указ: не давать специалистам из Прибалтики защищаться и получать ученые степени! В Москве распоряжение выполнялось, а в Ленинграде — нет. Археологи из Эстонии, Литвы и Латвии ехали в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР или в Ленинградский университет.

Тогда у меня и появились знакомые из этих республик.

Ну вот, а знакомый литовец после второй рюмки коньяку стал рассказывать, как русские предали литовских князей и убежали в Москву. А получилось для них же хуже. Вот если бы они не предали Литву, так и жили бы не в диком СССР, а оставались бы в цивилизованном, европейском Великом княжестве Литовском. Моя попытка задавать неудобные вопросы: например, о принятых законах, утверждавших неравенство католиков и православных, воспринимались, как совершеннейшая неприличность. Нечто вроде стремления нукать за столом или неумения есть ножом и вилкой. В этой среде к Великому княжеству Литовскому полагалось относиться молитвенно. А все, не соответствующее иконописному облику этого государства, ритуально полагалось не замечать.

Разумеется, обе позиции не имеют ничего общего с реальностью, причем в одинаковой степени. Это тот самый случай, когда идеология торжествует над историей, логикой, здравым смыслом, исторической памятью... надо всем.

Реальность же, которую мы можем нарисовать, частью по археологическим данным, частью по польским, литовским, русским, чешским, шведским хроникам очень далека от любых идеализации. Все было проще, жестче и грубее, чем хотелось бы любым идеологам.

Из тьмы времен встают непроходимые литовские леса.

Литовцы гордятся этими густыми, дикими пущами. Даже и сегодня литовские леса, что называется, производят впечатление: на десятки верст, почти без разрывов колышутся сплошные дубравы. Высокий подлесок, трава влажная до полудня, даже если день ясный. Шум деревьев под ветром, горьковатый аромат дубовых листьев, море грибов.

Эти леса предки литовцев выжигали, чтобы распахать землю под пашню. В этих лесах они охотились и пасли скот.

Внимательный читатель уже может сделать вывод, что там, где много лесов, общественное развитие как-то не особенно торопится. И действительно, еще в IX—XI веках в Литве цивилизация, строго говоря, не началась. Нет еще государства, торговых городов, школ, знати, каменных сооружений, письменности. Есть только племенные союзы, «земли»,

которые постепенно становятся государствами. Есть племенные вожди, которые все быстрее становятся князьями (как говорили на Литве, кунигасами). Среди кунигасов выделяются «старейшие» — кунигасы самых крупных земель: Деллтувы, Каршувы, Летувы. Самые крупные города — Тракай, Кернаве — начинают превращаться в города с торгово-ремесленным населением.

Уровень развития Литвы в это время примерно такой же, как на Руси веке в VII—VIII, тремя веками раньше.

Разумеется, идет какое-то развитие, но очень неспешно.

Насколько не спешат люди в глуши литовских пущ, говорит такой небезынтересный факт. Железные изделия появились в Литве еще в V веке до Р. Х., но местные железные руды начинают разрабатываться почти тысячелетием позже: в IV—V веках по Р. Х. Да, в лесах не спешат. Ведь лес с его целинными почвами, рыбой, зверем, древесиной — сам по себе огромный природный ресурс.

Цивилизация, конечно, неизбежна. Все идет к ней. Но это очень медленный процесс, и совершенно неизвестно, сколько времени он шел бы еще, если бы не внешние факторы.

В роли одного из внешних факторов выступила Русь, для которой цивилизация уже началась. Пример соседа всегда заразителен, особенно если с этим соседом можно торговать, и не без выгоды.

Но в роли самого главного внешнего фактора выступили немецкие рыцари. Папа Иннокентий III провозгласил крестовый поход против прибалтийских язычников. Целые духовные ордена — Тевтонский, Ливонский, Меченосцев — идут на литовские леса. И с запада, и от захваченных на побережье опорных пунктов типа Риги. Крестоносному войску помогают рыцари из Дании, наемники из разных немецких земель, даже из Франции.

С одной стороны современная для того времени армия, прекрасно вооруженная и обученная, спаянная жесткой дисциплиной. Армия, многие солдаты которой прошли войну на Переднем Востоке, имеют опыт других войн. Эта закованная в сталь, мечущая арбалетные стрелы армия опирается к тому же на ресурсы чуть ли не всей католической Европы.

С другой — разобщенные полупервобытные племена, чьи воины-хлебопашцы не сравнимы с профессиональными солдатами Европы ни по выучке, ни по вооружению. Только что они покоряли куршей и латов, железным сапогом топтали острова Сарему и Хиуму, ловили в рабство круглоголовых молчаливых эстов. Таких же, как литовцы, вряд ли лучше.

Казалось бы, и литовская земля обречена, как все прибалтийские земли. Но, как часто бывает в истории, на передний план выступили факторы, которых никто не ожидал, и они-то, эти совсем новые факторы, и оказались самыми главными.

Перед лицом общей опасности литовские «земли» стремительно объединились. Вот он, первый, крайне важный фактор.

Один из «старейших» кунигасов, кунигас государства Летувы Миндаугас, которого на Руси называли и называют Миндовгом, сумел покорить все остальные «земли» и стать общим кунигасом всей Литвы.

Когда родился Миндовг, неизвестно. Правил он с 30-х годов XIII века, а с 1240 и возникло единое государство.

Железной рукой объединил литовские земли Миндовг: Нальшанскую, Жетувскую, Жемайтскую, часть Ятвяжской; начал включать в состав своего государства и некоторые русские земли: Черную Русь с городами Слоним, Новгородок и Волковыск.

Своей столицей Миндовг сделал Новгородок в более цивилизованной Руси. Так Святослав хотел перенести столицу в Переяславль-на-Дунае. Так вождь франков Хлодвиг перенес столицу в старый галльский город Суассон.

В 1236 году войско ордена меченосцев вторгается в Литву, но противостоят им уже не ополчения отдельных «земель», а мощная централизованная армия князя Миндовга. Под Сауле (Шауляем) орден терпит поражение... Да такое, от которого он уже никогда не оправился.

Сказался, конечно, и еще один, тоже никем не ожидаемый фактор. Литовцы оказались очень хорошими воинами.

Мало того, что рослыми и физически сильными (что тоже немаловажно в эпоху холодного оружия), но и стойкими, дисциплинированными, отчаянными, упрямыми.

Позволю себе маленькое отвлечение. Британцы прошли всю Индию огнем и мечом и нигде не встретили особо ожесточенного сопротивления. Таково уж мировоззрение и мироощущение индусов (если нужно модное иностранное слово, пожалуйста: таков менталитет индусов), что даже члены традиционно воинских каст не проявляли особого боевого неистовства. Как иногда говорят, индусы — невоенный народ.

А вот при своем вторжении в Непал британцы вдруг потерпели поражение от маленького народа гуркхов.

В конце концов и Непал в 1814 году капитулировал, но победа досталась британцам нелегко. Гуркхи уступали британцам и даже местным солдатам-сипаям в выучке, вооружении, очень часто и в здоровье. В конце концов, в сипаи брали самых выносливых, рослых и крепких, а гуркхи были плохо вооруженным, не очень сытым народом, который шел в бой под руководством деревенских старост. Но выкашиваемые артиллерийским огнем, размахивающие дедовскими мечами гуркхи заставили британцев себя очень и очень уважать. По определению генерала Макферсона, «эти коротышки дрались, как черти в аду», и заставили британцев принять, что называется, нетривиальное решение.

Подписывая договор с раджей Непала, британцы особо оговорили очень важный для них пункт: право вербовать в свою армию гуркхов. И вряд ли разочаровались: гуркхи оказались лучшими солдатами, какие служили британской короне. В некоторых случаях они превосходили и британских солдат своим мужеством, дисциплиной, боевыми качествами. В здании Британской империи есть несомненная заслуга гуркхов. А вот заслуги других народов Индии в этом нет, что тут поделаться! Потому что есть на свете народы военные и невоенные.

А вот сведения из менее экзотических мест: в 30—83 годах XIII века Тевтонский орден завоевывает земли пруссов и западных литовцев, в XIV веке — эстов, ливов, латов, куршей. Вся языческая Прибалтика покоряется немцам.

А вот попытка завоевать народ Миндовга сразу же приводит к поражению. Умывшись собственной кровью в 1226 году, крестоносцы вынуждены остановиться.

Аукшайты оказались отчаянными воинами. А их кунигас Миндовг был порою не только умен, но и хитер. Хочется сказать: хитер, как всякий первобытный человек, еще не знающий, что лгать нехорошо. Он умел ждать нужного момента, а до него — лавировать, уклоняться и врать.

Тевтонский орден создан, чтобы нести свет христианства? Отлично! Тогда Миндовг примет христианство и сам будет христианизировать свою страну! В 1250 году Миндовг заключает с Тевтонским орденом мир, а в 1251 году принимает католичество. Не очень молодого кунигаса окунают в купель... И теперь агрессия против него и его земель уже вовсе не бесспорна, уже лишается идеологического оправдания: необходимости христианизировать язычников.

Но вот 13 июля 1260 года при озере Дурбе войско доброго католика Миндовга встречается с войском других добрых католиков — с объединенным войском ливонских, прусских, датских крестоносцев. Скажем коротко: войско доброго христианина Миндовга, совсем недавно принявшего католичество, наголову разбило крестоносное воинство. Настолько наголову, что в схватке погиб магистр Ливонии Бургард и маршал Пруссии Генрих Ботель.

Помогли свои, бывшие в войске немцев. Крестоносцы вели с собой много людей племени куршей, которых они называли куро́нами. Курши — племя, родственное литовцам, жили вдоль побережья Балтики, в самых «янтарных» местах. Куршская коса, на которой добывается 99% всего мирового янтаря, — их племенная территория. В армии крестоносцев курши были на положении обозных мужиков, прислуги, саперов, вспомогательных войск.

Убедившись, что немцы могут и не выиграть, «союзники» взбунтовались и нанесли немцам удар в спину.

После поражения немцев тут же восстали куруны-курши, эсты, жмудь и пруссы. Эти восстания, естественно, всячески поддерживались Литвой и не давали немцам завоевать новые земли, пока не замирятся уже захваченные.

А Миндовг, добившись своего, преспокойно отрекся от христианства. Но от борьбы с рыцарскими орденами крестоносцев он и не думал отречься и уже под конец жизни, в 1262 году, заключает договор с Александром Невским о совместном походе на немцев. Кто знает, какие последствия мог бы иметь такой поход? Как изменилась бы история, которую мы знаем сегодня?

Но в 1263 Миндовг был убит заговорщиками из литовской знати, а его государство распалось на прежние «земли». Увы! И новгородско-литовский поход на немецких рыцарей не состоялся. Тоже увы.

Уже в 1270 году Литва опять собрана кунигасом Трайдянисом, которого на Руси называли Трайден. Княжил Трайден в Кернаве, которую и сделал столицей всей Литвы.

И прожил великим князем недолго, 12 лет, до 1282 года.

К Миндовгу он никакого отношения не имел и государства от него не наследовал, а просто заново собрал страну.

Видимо, подошло время Литве быть объединенной, и ничего уже нельзя поделаться.

А политику Миндовга в основных чертах он продолжал: поддерживал восстания в Земгале, у пруссов и у западных литовцев. С орденов земли люди бежали, и Трайден селил беженцев в Литве и в городах Черной Руси. Русские земли по-прежнему входили в состав литовского государства.

В 1293 году литовские и русские земли снова собирает кунигас Витенис (Витень). Он просидит на престоле великого князя долго, до 1316, и тоже будет вести политику, направленную против ордена. Даже Большая советская энциклопедия упомянула Витеня: «В 1307 им освобожден от немцев Полоцк» [44]. Заметьте, все-таки «освобожден», а не «захвачен». Изгнание крестоносцев из Полоцка, разумеется, не означает, что кунигасы и великие князья литовские — сугубые альтруисты. Говоря попросту, окрепшее литовско-русское государство проводит уже не только оборонительные операции. Изгнав немцев, они воцаряются в Полоцке сами.

Идет расширение Великого княжества Литовского.

В 1316 году Витеню-Витаустасу наследует Гедиминас.

Обстоятельства наследования и степень родства, вообще-то, не очень понятны. В западно-русских летописях Гедиминаса называют сыном Витеня. Польский историк Сгрыковский называет его братом Витеня, а самого Витеня — одним из полководцев Трайдена.

Польский хронист Ян Длугош сообщает, что Гедиминас был конюшим у Витеня, убил его и захватил власть. Вообще-то, Ян Длугош — очень серьезный хронист, и к сообщаемой им информации всегда имеет смысл прислушиваться.

А в некоторых русских летописях сообщаются и еще более пикантные подробности. Что во время нашествия Бату-хана бежал в Литву полоцкий князь Витенец. Что проправил в Литве 30 лет и был убит молнией. А после его смерти его «слуга именем Гедиминик похитил не только его власть, но и старую жену Витенца, и стал править, а от бабы прижил семь сыновей».

Говоря откровенно, в эту версию мне трудно поверить.

Во-первых, сообщаются все эти гадости о Гедимине в «Родословной Велико-Российского государства», писанной в Ярославле в 1668 году. Во-вторых, крайне подозрителен этот полоцкий беглец Витенец, очень уж своевременно затесавшийся в число предков польских и литовских Ягеллонов.

История эта слишком похожа на позднюю русскую попытку наложить лапу на род Гедиминаса. Что Н. М. Карамзин с удовольствием ее передает [45], понять несложно. Но вот

верить в нее очень трудно.

В-третьих, странная эта история с женой. То есть, конечно, женщина вполне могла быть бесплодна с одним мужем и родить семь сыновей от другого. Но воля ваша, дорогой читатель, а в наши-то времена трудно представить себе, чтобы женщина, даже выйдя замуж совсем молоденькой, через тридцать лет лихо рожала бы от другого. Да еще семерых сыновей. А ведь в XIV веке женщина и в 30 лет считалась чуть ли не старухой.

В-четвертых, очень трудно представить себе, чтобы негодяй и убийца вдруг изменился настолько, что стал рыцарем, воеводой и национальным героем. Может быть, так и бывает, но, скорее всего, очень редко.

Так что история сия отдает попросту провокацией. И я буду исходить из того, что был Гедиминас литовец-аукшайт, скорее всего — родственник Витеня, и ни в каких грязных историях, скорее всего, не замешан. Будут представлены более серьезные доказательства — будет и серьезный разговор, а пока для него нет оснований.

Для русских и немцев Гедиминас был, конечно, Гедимин, и под этим-то именем он и вошел в историю, причем не только в историю своей маленькой страны.

23 года просидел на престоле великого князя Гедиминас, до 1341, создав за это время могучее и славное государство литовцев и русских. Он так и титуловался вполне официально: «король литовцев и русских». Он возглавил княжество, где еще не ушел до конца в прошлое родоплеменной строй, а покинул этот мир феодальной владыкой, владельцем нескольких огромных замков, по приказу которого собиралось войско в несколько десятков тысяч сабель.

Гедиминас был первым великим князем, который наследовал родственнику. Когда он восходил на престол, еще было неизвестно, утвердится ли наследственный принцип или после его смерти начнется новый круговорот междоусобиц. После смерти Гедиминаса Литва опять распалась на множество мелких княжеств, но начало было положено: на престоле великих князей литовских осталась основанная им династия, пусть даже вернуть себе престол сыновьям Гедимина пришлось силой. Династия потомков Гедимина и сидела на этом престоле до самого конца истории Великого княжества Литовского.

В политике и Гедиминаса, и его потомков Гедиминовичей было две главные линии: борьба с крестоносцами и с Ливонским и Тевтонским орденами. И собирание русских земель. Именно что русских! Далеко не вся Литва входила в Великое княжество Литовское. Мало того, что ни родственные литовцам пруссы, ни западные литовские племена куршей не имели к нему никакого отношения. А ведь эти народы имеют к литовцам-аукшайтам такое же отношение, какое к русским даже не чехи, а скорее болгары и сербы.

Великое княжество Литовское создавали и жили в нем только аукшайты — один из племенных союзов литовцев.

К Великому княжеству Литовскому не имели никакого отношения другие литовские племенные союзы — жемайтов и ятвягов. Ятвяги влились в состав Великого княжества Литовского только в XIV веке — много позже, чем княжества Черной Руси. А Жемайтия была отвоевана у немцев и включена в состав Литвы только Витовтом в XV веке, когда в Великое княжество Литовское входила практически вся Западная и Юго-Западная Русь.

А это ситуация примерно такая же, как если бы Киевская Русь была государством полян и финно-угорских племен, но ни в коем случае не древлян и кривичей. Или если бы в Польское королевство категорически не брали бы мазуров и поморян, но охотно включали бы литовцев и пруссов. И есть множество признаков, что аукшайты вовсе не считали жемайтов дорогими сородичами, в точности как полянам никакие соображения родства не мешали резать древлян в свое удовольствие.

Остается признать, что Великое княжество Литовское было никак не племенным государством литовцев, не специфическим явлением для балтских народностей. Наиболее точно выразился о нем Гедимин, коронуясь «королем литовцев и русских». Да и само слово «княжество», которым назвал свое государство еще Миндовг, о чем-то да говорит.

Мог ведь назвать и великим кунгасством — прямой, кстати, аналог великого

княжества. Мог назвать и королевством или герцогством, если бы так уж довлел бы к католической романо-германской Европе. Видимо, русское название своего государства и своего титула привлекло Миндовга много больше.

Впрочем, и правители Мазовии тоже называли себя князьями. Родственные великополякам племена мазуров создали собственное государство, независимое до 1526 года.

А в названии своих правителей не стали обезьянничать, назвали их старым славянским словом «князь». Как видно, мазуры чувствовали себя не частью романо-германского мира с их королями и герцогами, а частью славянского мира (как и люди Западной Руси), что и не очень удивительно, впрочем.

Глава 9 СОБИРАНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Сколь достойно желание — скакать мeste со всеми, под командой могучего, славного мужа.

Из Бертрана де Борна

Для описания политики многих государственных деятелей противоречивость — это спасительное слово. Для описания политики великого князя Гедимины в таком слове нет ни малейшей потребности. Даже хитрости Гедимины очень просты, прекрасно видны и подчинены таким же простым, ясным целям. Политика ясная и прямая, как лезвие рыцарского меча. А если сравнение покажется кому-то слишком высокопарным, пожалуйста: политика прямая, как оглобля. Уверен, кстати, что восстань из гроба великий князь и кунигас Гедимины, он бы на «оглоблю» не обиделся.

Самым главным в этой политике, ее ядром было собирание русских земель. Чтобы выжить в этом мире, надо быть большим и сильным. Эта истина оставалась бы истиной и не будь немецкого нашествия. В эпоху же, когда нависла такая страшная опасность, выбор оказался очень уж небогатым: расширять свое княжество, сколько хватит сил, или исчезнуть.

Наивно считать Гедимины и любого другого политика бескорыстным, действующим исключительно во имя исторической необходимости или на благо подданным. Несомненно, Гедимины хотел стоять во главе могучего государства, с которым будут считаться в мире, имя владыки которого будет громко звучать и в Кракове, и в Париже, и в Риме, и в Константинополе. Хотел оставить детям больше, чем получил сам. Хотел славы — и прижизненной, и посмертной. Вопрос в том, что небескорыстные действия Гедимины отвечали самым сокровенным чаяниям Руси, разорванной на десятки государств. Русь помнила о своем единстве и очень хотела опять оказаться единой.

Гедимины, «король литовцев и русских», ни разу не воевал ни с одним из русских княжеств. И тем не менее к концу его правления русские земли составляли две трети его земель (если считать без Волыни, которая была вассалом Литвы, но не вошла пока в ее состав). Если же считать и Волынь, то литовские земли окажутся исчезающе малыми в сравнении с русскими.

В вассальной зависимости от Литвы оказались княжества Минское, Лукомское, Друцкое, Турово-Пинское.

Дело в том, что Литва выступала в роли защитника.

И против немецких рыцарей, и против татар Золотой Орды, и крымских татар. Во главе вассальных княжеств, как правило, оставались князья прежних династий, Рюриковичи, и никто не пытался их смещать или контролировать внутреннюю политику страны. Княжество продолжало жить почти так же, как жило независимым, и только во взаимоотношениях с внешним миром вассалитет что-то реально значил.

Князь не мог сам заключать договоры, не мог вести самостоятельной политики и должен был во время войн выступать вместе с великим князем в составе его войска.

Кому-то такое лоскутное государство покажется странным. Что это за государственность, если внутри страны полным-полно почти самостоятельных территорий, которые имеют своих правителей, свои знамена, чеканят монету, держат собственную полицию и судят по своим законам? Но в Средневековье это было обычнейшим делом. Французское королевство и в XIV, и в XV, и даже в XVI веках было, по существу дела, множеством государств, — каждое со своими вооруженными силами, полицией, традициями, часто даже со своим диалектом. Мелкие государства входили в более крупные — в графства и герцогства; графства и герцогства были вассалами непосредственно короля.

Точно таким же государством-матрешкой были и крупные немецкие государства типа Ганновера или Австрии, и Британия, и испанские Кастилия и Арагон. Такова же была и средневековая Япония, где владетельные князья-дайме до XIX века оставались неограниченными владыками в своих владениях и вассалами императора.

Так что лоскутность Великого княжества Литовского вовсе не какая-то его особенная черта, не проявление местной специфики и не симптом слабости государства. Все было в Литве, как везде.

Другие читатели усомнятся в сообщаемых сведениях по другой причине. Мол, не мог же быть столь благороден литовский великий князь! Какой смысл было ему вести завоевательную политику, если не грабить, не смещать с престолов прежних владык, не ставить своих наместников, не делать государство-монолит?

Я уже говорил, и еще раз могу повторить с полной уверенностью: корысть в завоевании была. Но в том-то и дело, что в разные эпохи и при разных обстоятельствах и сама корысть бывает разная. Корысть Гедиминаса и состояла в том, чтобы стать большим и сильным. Присоединение к Литве русских княжеств на этих более чем либеральных условиях, их вассалитет устраивали его целиком и полностью, потому что достигалась его цель. Возникало государство, организованное почти так же, как феодальная Франция или Англия после нормандского завоевания.

И внутренне даже более сплоченное, потому что и французский феодализм возник как следствие завоевания, и норманны захватили суверенное государство короля Гарольда, разделили между собой землю и жителей.

А Великое княжество Литовское возникало как почти добровольное объединение, и у всех подданных великого князя Литовского были внешние враги, и какие! Крестоносные ордена, это раз. Татары Золотой Орды — это два!

А был, пожалуй, и третий враг — Московия.

Разумеется, Гедиминас проводил антимосковскую политику. Как пишут официальные советские справочники, Гедиминас «поддерживал сепаратистские тенденции Смоленского княжества, поощрял союз Пскова и Новгорода против Москвы» [46].

Действительно, он приложил все усилия, чтобы оторвать Псков и Новгород от союза с Москвой, и ему, прямо скажем, было нетрудно проводить эту политику. Псков и Новгород вовсе не хотели становиться вассалами Литвы, но и сделаться подданными московского то ли князя, то ли хана им улыбалось еще меньше. Вот Смоленское княжество все сильнее тянулось к Литве и в конце концов вошло в его состав.

Гедиминас активнейшим образом дружил с Тверью, и это был как раз тот самый случай: «Против кого дружить будем?». Тут было ясно, против кого — против Москвы, разумеется.

Трудно отделаться от мысли, что за противостоянием, скажу сильнее — даже за нарастающей враждой Москвы и Литвы стояла не только конкуренция двух центров, каждый из которых претендовал на соби́рание русских земель, но и какое-то чисто эмоциональное невосприятие друг друга.

Слишком уж различны сами принципы, по которым живут Литва и Москва, их понимание друг друга и самих себя.

Сталкиваются не просто два сильных княжества, спорящие из-за других, более слабых. Сталкиваются две разные цивилизации. Два мировоззрения, два принципа мироустройства.

Очень характерно, что Москва вовсе не забыла, что Гедиминас был ее врагом; даже когда Великое княжество Литовское давно уже исчезло с карты, москали изо всех сил тщились представить Гедиминаса врагом Руси и русских.

Но концы с концами не сходятся. Гедимин не только окружал себя русскими, не только говорил и писал на древнерусском языке, не только называл себя «королем русских».

Древнерусский язык был официальным языком Великого княжества Литовского, на нем велось и делопроизводство. На нем писались летописи.

А кроме того, Гедиминас еще и смешивал кровь своей династии с кровью русских князей. Начнем с того, что женат он был на Марии Тверской и имел от нее целый выводок детей.

Сын Гедиминаса Любарт был женат на русской княжне и княжил на Волыни, в коренных русских землях. Другой сын, Ольгерд, первым браком женат на витебской княжне Марии Ярославовне, вторым — на тверской княжне Ульяне Александровне. Дочь Гедимина Мария в 1320 году вышла замуж за тверского князя Дмитрия Михайловича. Все это, несомненно, составные части политики по вовлечению Твери в свою орбиту, политика отрыва ее от Москвы. Если в Твери будет сидеть полулитовская династия, многое меняется, и, конечно же, в пользу Литвы!

Но ведь это же факт, что дети Гедиминаса — русские по матери, а его внуки и от сыновей, и от дочери русские еще в большей степени. Трудно представить себе антисемита, имеющего детей от еврейки. Еще труднее — русофоба, так активно смешивающего с русскими кровь.

Так что политику Гедиминаса, конечно же, можно назвать антимосковской. И по справедливости. Но вот антирусской... Гм... скорее уж ее можно назвать прорусской, и в очень, в очень большой степени.

Еще раз подчеркну: трудно сказать, насколько Гедиминас и его потомки считали своими жемайтов. А вот по поводу русских тут вопросы просто неуместны.

Вторым важнейшим направлением политики Гедиминаса была борьба с крестоносцами. Тевтонский орден постоянно вторгался в земли Литвы. Конечно, в бесконечных лесах нетрудно было и спрягаться от нашествия. Не случайно же еще в XIX веке ходила легенда, что в Литве водятся мамонты, но их никак не могут найти в пущах. Но, во-первых, какое это все же не княжеское дело — бежать в леса при приближении противника, отдавая свою землю на разорение. Мамонты — Бог с ними, а вот руководители государства... Во-вторых, лесов-то ведь все меньше. Насчет мамонтов трудно сказать, а вот что прятать армии все труднее — это факт.

От орденских нашествий надо активно обороняться, и в конце XIII — начале XIV веков в Литве идет форсированное строительство замков, здесь Гедиминас продолжает начатое еще Витеном. Строятся замки на берегу Немана, вдоль границ владений ордена — в Каунасе, в Велюона.

Строятся и в глубине страны — Ариогала, Укмерке и другие. В 1323 году в письмах Гедимина впервые упоминается Вильнюс. Развалины замка Гедиминаса сохранились в Вильнюсе, в самом центре города.

Гедиминас не был бы литовским князем-кунигасом, если бы только отсиживался за стенами крепостей. Он совершил ряд удачных походов против ордена и в 1331 году наголову разбил вторгшихся рыцарей под Пловцами. Эту победу долго и с удовольствием вспоминали в Литве, на Руси и в Польше.

Даже кончил свою жизнь Гедиминас очень характерно: в 1341 году он был смертельно ранен в битве при Велюоне.

В этом сражении, кстати, рыцари впервые применили порох: они-то были на высоте всех технических достижений Европы.

Да, если кто-то и был противоречивым государственным деятелем, то уж никак не

старый аукшайт Гедиминас!

Третьим направлением политики Гедиминаса стал поиск надежных союзников.

Немецкие крестоносцы были врагами всей Прибалтики всего севера Восточной Европы. Против такого врага союзники нужны были всегда, нужны всем. Ведь очевидно, что никто не мог разбить его поодиночке.

Великое княжество Литовское, государство литовцев и русских, мгновенно оказывается не просто участником событий, но лидером народов и племен Прибалтики. Великое княжество не только само ведет войну, и очень часто с превосходными результатами. Оно поддерживает, даже организует сопротивление местных племен, их восстания против немцев, а проигравшие могут бежать в Литву. Но и Великое княжество Литовское не может одно противостоять Тевтонскому и Ливонскому орденам. Нужны союзники, и вопрос, так сказать, в качестве этих союзников. Одно дело — племенное ополчение куршей и жмудинов, совсем другое — могучая армия герцога, короля или великого князя. Того, кто сможет бросить против немцев броненосную рыцарскую конницу, повести в бой тысячи, а лучше десятки тысяч воинов.

Уже Миндовг заключил договор с Александром Невским, и не пади он жертвой неуправляемой верхушки собственного государства, как знать, куда завел бы союз, к каким результатам привел бы.

И Трайдент, и Витень не отказывались объединять усилия со всеми, кто мог помочь им против ордена.

Но все это были отдельные поступки, целиком обусловленные ситуацией. Гедиминас и тут оказался первым: он действовал жестко, масштабно и предельно последовательно.

Разумеется, русские князья от Твери до Волыни были его союзниками. Но, во-первых, как говорят афганцы, «один враг — много, сто друзей — мало». Против такого врага, как орден, не может быть «слишком много» союзников. Во-вторых, русские княжества, конечно, союзник понадежнее латгалов. Но ненамного. Русь сама попала под власть татар, и даже Новгород, боясь нашествия, платит Золотой Орде дань. Хорошо бы найти союзников, которые сами никому дани не платят.

В 1322 году Гедиминас заключает союз с князем Мазовии, против крестоносцев, разумеется.

В 1325 Гедиминас заключает союз с Польшей, направленный против крестоносцев. Союз скрепляется браком дочери многодетного Гедиминаса, Алдоны, с польским королем Владиславом Локетком.

Так были заложены основы дружбы с другим славянским государством, а политика Великого княжества Литовского оказалась развернутой не только на восток и на юг, но и на запад.

Сын Гедиминаса Ольгерд княжил с 1345 года по 1377 и продолжал дело отца. Он выиграл битвы с крестоносцами на реке Стреве (1348) и при деревне Рудава (1370). Он присоединил к Великому княжеству Литовскому Смоленск, Брянск, Киев, Подолию и укрепил отношения с другими княжествами, уже вассальными.

В 1362 году Ольгерд Гедиминович наголову разбил татар Золотой Орды при Синих водах, в Подолии, и тем самым подтвердил, что Русь не зря видит в Литве защитника против татар.

Он пытался распространить свое влияние на Псков и Новгород и в этом тоже продолжал дело отца. Но результаты и у него были очень незначительны. Свободолюбивые до анархичности новгородцы не восприняли очень уж указчивого князя, и Новгород в сферу влияния Литвы не вошел.

Москва все выше поднималась над остальными княжествами, все агрессивнее себя вела, и Ольгерд Гедиминович, король литовцев и русских, не собирался смотреть на это сквозь пальцы.

Он даже попытался заключить антимосковский союз с ханом Джанибеком в 1349 году, но татары в очередной раз выказали себя союзниками очень ненадежными, и совместные

походы на Москву не состоялись.

В 1368—72 Ольгерд поддержал Тверь против Москвы и совершил на Москву три похода — в 1368, 1370, 1372.

Москву, правда, Ольгерд так и не завоевал и даже тестю помог весьма слабо. Тверь была захвачена Москвой, правда, не скоро, в 1485 году, но к этому великие князья Литвы уже не имели отношения.

Но все же время правления Ольгерда — это только продолжение, разворачивание того, что начал делать Гедимин. По-настоящему серьезные перемены, своего рода качественный скачок, произошли в годы правления сына Ольгерда, которого в Литве звали Йогайла, на Руси Ягайло, а в Польше — Ягелло.

Кое в чем Ягайло выступил таким же продолжателем, как и отец. Например, он продолжал антимосковскую линию в политике и в год Куликовской битвы, в 1380 году, заключил договор с ханом Золотой Орды Мамаем против Москвы. По договору, Ягайло должен был встретиться с Мамаем, двигаясь с севера по Оке. Мамай шел с юга, и официальная версия состоит в том, что Ягайло просто не успел соединиться с союзником. Московское войско успело разбить Мамаю до соединения с Ягайло, и великий князь испугался и ушел обратно в Литву.

С первой частью этой версии я готов согласиться. Может быть, и правда не успел? А вот про «испугался», тут что-то у меня много сомнений. Не тот был человек Ягайло, чтобы пугаться или опасаться чего-то. Совсем не тот. Не берусь указать на причины, помешавшие Ягайло обрушиться с севера на измученное, растянувшееся в преследовании войско победителей. Или нанести внезапный удар на Москву.

Наверняка причины были. Об одной из них, скорее всего не главной, я осмелюсь сделать предположение. И российская, и советская историография, особенно сталинского времени, изо всех сил тщила изобразить Ягайло чудовищем, которого трясло при виде русского лица, при звуках русского языка.

А на каком языке пела ему колыбельные песни мама, тверская княжна Ульяна Дмитриевна? Какое лицо склонялось к нему с момента появления на свет, впечатавшись навеки в память?

Внук русофила Гедимина, «короля литовцев и русских», сделался маниакальным русофобом? Очень сомнительно, и не только потому, что Ягайло русский по матери. Но и потому, что Ягайло почти во всем продолжал и внешнюю, и внутреннюю политику деда и отца: при нем в Полоцке, Витебске, Новгороде-Северском, Киеве, на Волыни и в Подолии сохранялись местные княжения, во главе которых часто стояли князья-Рюриковичи. Со многими из этих князей сын русской княжны Ульяны поддерживал самые теплые отношения. Русский язык оставался государственным языком Великого княжества Литовского.

Врагом Москвы Ягайло, несомненно, был, причем последовательным и убежденным. Но, может быть, активные действия на Руси вести ему было психологически сложнее, чем против немцев или против Орды? Конечно, это всего лишь недоказанное предположение, не больше того, и любой имеет право в нем сомневаться. Но и автор имеет право сделать такое предположение, пока не доказано обратное. Тем более, что нет в моем предположении ни малейшего покушения на истину в последней инстанции.

Впрочем, в европейскую историю Йогайло-Ягайло-Ягелло вошел вовсе не за свою неудачную попытку окончательно разделаться с Московией. Можно считать эту неудачу перстом Божиим, можно скрежетать зубами по ее поводу, но имя Ягайло обессмертилось совершением совсем других, несравненно более масштабных поступков.

Внук Гедиминаса и сын Ольгердаса заключил унию с Польшей, был избран польским королем и основал династию Ягеллонов, правившую почти двести лет в Польше, Великом княжестве Литовском, в Венгрии и Чехии.

Он же, Ягайло, сокрушил, наконец, мощь Тевтонского ордена. Кроме того, имя Ягелло живет в названии Краковского университета.

Краковский университет стали называть Ягеллонским после того, как король польский Владислав I Ягелло реформировал университет, превратил его в подобие знаменитой Сорбонны.

Глава 10 НЕМЕЦКАЯ ОПАСНОСТЬ

Все, очевидно, несомненно знали, что они были преступники, которым надо было скорее скрыть следы своего преступления.

Граф Л. Толстой

Для того, чтобы сделать вполне понятным и наше повествование, и политику великих князей литовских, нам придется потратить время для рассказа еще об одном явлении — зловещем, неприятном и опасном: о немецком нашествии в Прибалтику и на славянские земли.

Это явление стало едва ли не важнейшим событием во всей внешней политике всего севера Восточной Европы.

Фактором, который действовал на поляков, Литву, народы Прибалтики, на Северную Русь, причем действовал с огромной силой и на протяжении по крайней мере четырех столетий.

С начала XIII века, когда первые рыцарские ордена крестоносцев появились в Прибалтике (фактор начал действовать!), и до полного развала последних орденов под ударами Речи Посполитой, с одной стороны, и Московии — с другой в середине XVI века, вся жизнь нескольких стран и народов не могла быть понята без учета этого явления.

В 1200 году на 23 кораблях в устье Двины ворвался епископ Альберт из Бремена. Место было хорошо известное, весьма подходящее для порта и торгового города. Немцы захватили поселение ливов при впадении речки Ридзине в Даугаву, близ моря, и построили город, который сегодня называется Ригой.

В 1202 году создан новый рыцарский орден «Братья Христова воинства». Создают орден рижский епископ Альберт и папа Иннокентий III, с самого начала предназначая его для захвата восточной Прибалтики. Распространенное название «меченосцы» произошло от того, что на белом плаще рисовали красный меч и крест.

Папа в 1207 году закрепил за новым орденом треть завоеванных ими земель. Легко, наверное, дарить чужое!

Орден не только «обращал в христианство» латгалов, ливов и эстов. Он сразу же начал вторгаться в Полоцкую землю, угрожал Новгороду и Пскову.

С запада, от границы Польши и Мазовии, надвигался Тевтонский орден. Возник этот орден в Палестине, в 1191 году, как объединение немецких рыцарей, о чем говорит уже название. Немецкие крестоносцы использовали имя дикого племени тевтонов, вторгшихся когда-то в земли Рима и наголову разбитые в 102 году до Рождества Христова Марием при Аквах Секстиевых, после чего прочно и навсегда исчезли из хроник.

В 1198 году папа Иннокентий III признал новый орден.

Война на Переднем Востоке во время 3-го крестового похода не покрыла Тевтонский орден неувядаемой славой. Салах-ад-Дином они были часто и позорно биты, и везло им в основном при погромах Византийской империи.

К началу XIII века Тевтонский орден владел большими землями в Германии и в Южной Европе, в Романии, то есть на захваченной крестоносцами территории Византии.

Появлению Тевтонского ордена у себя дома жители Прибалтики обязаны удельному князю Конраду Мазовецкому. В 1205 году Конрад Мазовецкий получил Мазовию, Куявию. Хелминскую и Добжинскую земли от своего брата Лешека. А после смерти Лешека в 1227

году получил также Краков и все относящиеся к нему владения. Конрад Мазовецкий был женат на Агафье Святославовне, дочери перемышльского князя Святослава Игоревича, и имел от нее нескольких сыновей.

Конраду Мазовецкому очень докучали племена пруссов, которые постоянно вторгались в его земли. Есть основания полагать, что Конрад Мазовецкий не меньше докучал пруссам, постоянно вторгаясь в их земли, но об этом можно только догадываться. Неграмотные пруссы не вели хроник.

Польские хронисты, в том числе и Ян Длугошь, описывают Конрада Мазовецкого достаточно черными красками.

Жадный, нечестный король хотел загрести жар чужими руками и для этого позвал крестоносцев. Немецкий хронист Петр из Дусбурга описывает Конрада Мазовецкого как кроткого, богобоязненного монарха, «славного христианнейшего правителя», «человека вполне благочестивого и ревнителя веры», на земли которого все время нападали злые язычники-пруссы. Приходится сделать вывод, что оценка личности Конрада Мазовецкого сделана под слишком большим влиянием собственной принадлежности к тому или другому народу.

В 1226 году Конрад Мазовецкий заключил договор с Великим магистром Тевтонского ордена Германом фон Зальца (1210—1239) и подтвердил его в 1230 году своей жалованной грамотой. По договору орден получил область Хелмно с правом расширять свои владения за счет прусских земель. Грубо говоря, что завоеует орден, надо делить пополам. Половина — ордену. Половина — Конраду.

Действительно ли так был наивен Конрад, рассчитывая покорить пруссов с помощью ордена? Как знать. Во всяком случае, дело было сделано, и крестоносцы утвердились в устье Вислы. Тевтонский орден лихо воевал с пруссами.

Знаменитая рыцарская «свинья» лихо врзалась в неорганизованные толпы не знавших строя дикарей. Стальное оружие, защищенные латами люди и кони шли против деревянных доспехов и охотничьих рогатин. Между 1230 и 1283 годами практически вся Пруссия и земли западных литовцев — ятвягов — были покорены. К 1283 огромная территория между устьями Вислы и Немана оказалась в руках ордена.

Но вот тут-то выяснилось, что делиться крестоносцам не обязательно. Папский престол вынашивал планы создания в Прибалтике независимого орденового государства и полагал, что если крестоносцы завоеуют земли язычников, то с чистой совестью могут взять их себе.

Булла папы Григория IX от 12 сентября 1230 года отдавала все земли пруссов Тевтонскому ордену, «во отпущение грехов, доколе будете выступать... за отвоевание земли сей из рук пруссов» [47].

Тевтонский орден утвердился, окреп и плевать хотел на прежние договоры с Конрадом Мазовецким. Окреп еще немного — и в 1309 захватил у Польши Восточное Поморье с городом Гданьском, который немцы называли Данцигом.

В том же, 1309 году столицей Тевтонского и Ливонского орденов сделалась крепость Мариенбург в Пруссии вместо слишком близкого к польским землям города Торуня.

Из чего, разумеется, вовсе не следует, что орден сразу же отдал Хелмскую землю обратно польским королям.

Вообще отношение к тому, кто имеет больше прав на Хелмскую землю, у историков находится в чересчур большой зависимости от того, поляки они или немцы. Поляки доказывают, что и в Хелмской земле всегда жили одни только поляки. Немцы — что до X века в Хелмской земле жили пруссы и что в XIII веке Хелмская земля была разорена войнами поляков и пруссов. И что владычество ордена было единственным способом прекратить междуусобицу, взаимные набеги, кровную месть и истребление младенцев в люльках.

Разобраться в этом бывает не проще, чем в том, кто же был Конрад Мазовецкий — святой креститель язычников или циничный мерзавец, обманутый еще большими мерзавцами.

Пока же в XIII веке впущенные в Прибалтику ордена множились, как бациллы в благоприятной среде.

В 1237 году Великий магистр Герман фон Зальца, пользующийся огромным влиянием при дворе императора Священной Римской империи германской нации и в Ватикане, решил соединить Тевтонский орден и остатки меченосцев, уцелевших после разгрома под Шауляем. Новый, Ливонский орден изначально создавался как подразделение Тевтонского ордена, для ведения дел на востоке, в Ливонии.

Орден подчинялся Тевтонскому ордену в Пруссии и папе римскому. Ливонский орден тоже рос и укреплялся, не хуже материнского Тевтонского. К концу XIV века, после захватов всей Эстляндии (к 1346) и острова Готланд (в 1398), владения Ливонского ордена составили почти 67 тыс. кв. км. земли.

Стоило орденам объединиться, как в сфере немецкого нашествия оказались Литва и Жемайтия: эти языческие земли лежали между владениями Тевтонского и Ливонского орденов и мешали их общению... Ну, и еще мешали созданию единого государства. А кроме того, в руках у язычников оставались богатейшие земли, когда многие братья ордена оставались голодны и наги. Это нельзя было рассматривать иначе, нежели чудовищную несправедливость, и орден, конечно же, начал несправедливость исправлять со всем рвением детей Божиих, очень чувствительных к несправедливости.

Скажем честно, орденские братья сделали все, что могли. И если на земле еще можно видеть живого литовца — это никак не их вина. С 1340 по 1410 год Тевтонский и Ливонский ордена предприняли 100 походов против Литвы. По военному походу каждый год, во многие годы — по два.

Впрочем, первые попытки вторгаться в Жемайтию были предприняты еще в начале XIII века и с моря. Крестоносцы захватили литовский город Клайпеду и построили на его месте крепость Мемельбург. Отсюда они могли наносить удары почти по всей Жемайтии. Ведь страна это небольшая, порядка 230 километров с востока на запад и сто пятьдесят — с севера на юг. И это плоская, равнинная страна.

В ней нет высоких гор, крутых откосов, бурных горных рек.

Видно далеко, двигаться можно в почти что любом направлении.

Крестоносцы нападали по ночам, истребляя все живое на своем пути. На этом этапе для них было важно не столько захватить, поработить, ограбить, сколько истребить и запугать. Сохранились названия сел, в которых после крестоносцев не осталось буквально ни одного живого человека: Юнигенды, Путеники.

Спасением жемайтов стала система пильякалнисов.

Пильякалнис — это или естественный холм, склоны которого превращены в крутые откосы, или насыпной холм, искусственный. Для таких холмов мужчины носили землю в мешках, женщины — в подолах. Раньше пильякалнисы использовали как родовое святилище главного божества жемайтов — Перуна, которого здесь называли Перкунасом.

Ну, и как высокое, крепкое место, где можно в случае чего отсидеться.

Их было до полутора тысяч в небольшой Жемайтии.

На прусской границе по всем путям, ведущим в глубь Жемайти, пильякалнисы стояли на расстоянии пяти-шести километров.

К каждому пильякалнису вела кольгринда — извилистая дорога, проложенная по дну озера, реки или болота у подножия рукотворного холма. В мирное время у всех изгибов кольгринд стояли вехи — воткнутые в дно жерди или ветки деревьев. В случае войны вешки снимали и пройти становилось невозможно.

Пригодились и парсепилы — длинные узкие насыпи на пильякалнисах, возле изваяний Перкунаса-Перуна. На них и раньше жгли костры в честь божества. Теперь на парсепилах складывали столько хвороста, что хватало бы на сто богослужений. Огонь в алтарях поддерживался круглые сутки. Как только с пильякалниса замечали, что крестоносцы перешли границу, на парсепиле поджигали все запасы хвороста. Днем сигнал подавал дым, ночью — свет костра.

Увидев сигнал, на других парсепилах тоже поджигали кучи хвороста. Огненная цепочка пробежала через страну, с некоторых городищ свет был виден за десятки километров.

Через час-два вся Жемайтия знала, что началась очередная война. Женщин, стариков и детей уводили в дремучий лес, прятали в самых труднопроходимых болотах. Иногда в таких отрядах спасавшихся вообще не было мужчин — женщины сами умели найти тропки в глубь лесов и болот.

Мужчины взбирались на пильякалнисы, и рыцарям приходилось вести трудную, опасную осаду каждого рукотворного холма. А за это время к ставке великого князя стягивались войска, и уже регулярная армия наносила удары захватчикам.

Между прочим, пильякалнисы есть в Литве и сейчас, и к некоторым из них ведут кольгринды, сохранившиеся с незапамятных времен. Отношение к ним у литовцев своеобразное. Всех аспектов этого отношения иностранец, скорее всего, просто не способен понять, но вполне определенно присутствуют сентиментальные чувства и, пожалуй, немножко религиозные. Как у британцев к Вестминстерскому аббатству или у шотландцев к Эдинбургскому замку. Мой литовский приятель-археолог весьма не советовал мне ходить по этим кольгриндам одному:

— Понимаешь. Андреас... свалиться с кольгринды, я так думаю, не очень трудно...

Зная стиль общения литовцев, я перевожу: чужой человек с кольгринды почти обязательно свалится. Литовец же немного молчит, скупно улыбается кончиками губ и заканчивает так же раздумчиво:

— А понимаешь... Не всякий жмудин будет тебя из болота вытаскивать.

Опять перевожу: если чужой полез по кольгринде, туда ему в болото и дорога, нечего соваться на национальные святыни.

К концу XIV века, в 1382—98 годах, крестоносцы захватили почти всю Жемайтию, и спасение пришло только извне, от Великого княжества Литовского. О чем ниже, в свое время.

Северо-Западная Русь не собиралась мириться с немецким господством в Прибалтике. Немцы зарились и на Новгород, и на Псков. Богатства Новгорода принадлежали православным, а православные, с немецкой точки зрения, конечно же, не имели никакого права ими владеть. Богатство Новгорода рассматривалось ими как особенно тяжелая несправедливость, и в начале 40-х годов XIII века папский легат Вильгельм Моденский разработал план захвата Пскова и Новгорода (чем кончилось, известно, Ледовым побоищем 1242 года).

Но война шла и на территории современной Эстонии, порукой чему судьба Вячко из Тарту (ударение полагается делать на первый слог, и притом это — местная кличка, сокращение). Князь Вячеслав Борисович, сын Бориса Давидовича, княжил в Кукейносе. В 1208 году крестоносцы подступили к городу и взяли в плен храброго князя. Вячко бежал на Русь, в Новгород. По предложению новгородцев в 1223 году начал княжить в Юрьеве. В 1224 году магистр Ливонского ордена Альберт подступил к городу. Вячеслав Борисович отказался капитулировать и погиб в рукопашной на стенах.

Для того, чтобы понимать ход всех остальных событий, всей политики и Польши, и Западной Руси, и Северо-Западной Руси, и всех племен и народов Прибалтики, причем решительно во всех остальных областях жизни, нужно хотя бы попытаться понять, что это реально означает — жить под постоянным страхом завоевания, смерти, порабощения.

И какого порабощения! Нашествие степняков, татарское иго — мягко говоря, не сахар. Но тут речь шла об иге все-таки достаточно дикого народа, чей культурный уровень был, по крайней мере, не выше тех, кого завоевывали степняки. И об иге народа, который не собирался жить здесь же, который позволял завоеванным жить по-своему, только уплачивая дань.

Здесь же захватывали чужие земли, крестили язычников те, кто вовсе не собирался уйти обратно, ограничиваясь сбором дани. Нет! Немцы приходили, чтобы прочно осесть на

завоеванную землю, крепко усесться на шею завоеванных народов и доить, доить, доить побежденных целенаправленно и полно, а потом завещать своим детям все то же право доить и доить. Да еще и изменять образ жизни и всю культуру завоеванных, как им хочется.

Завоевание Прибалтики, земель славян и балтов стало продолжением пресловутого *Drang nach Osten*. Первый этап *Drang nach Osten*, натиска на восток, завершился к XII веку завоеванием земель полабских славян. Но и позже те же самые причины заставляли немцев продолжать хищное движение на восток — относительное перенаселение, избыток ртов и рук, которым нет применения на родине.

Крестовые походы, идея крещения язычников оказывались благовидным предлогом для продолжения «дранга».

К немецким рыцарям легко приставала накипь со всей Европы. Благородная идея нести крест в дикие земли и рисковать собой для воцерковления дикарей оказывалась удобным прикрытием для совсем неблагородных поступков, для пешения самых меркантильных делишек. В крестоносцы, конечно же, шли и фанатики, и третьи сыновья многосемейных рыцарей и баронов, которым не было доли на родине.

Тот же контингент, что шел в крестовые походы в Палестину. Но и люди, не ужившиеся в обществе из-за опасных, вредных, попросту патологических черт характера, легко оказывались в крестоносном воинстве.

Так позже среди конкистадоров причудливо смешивались бедные рыцари, так сказать, «избыточное население», и всевозможные психопаты, садисты, пьяницы, патологические грабители, убийцы по призванию и прочая сволочь. По отношению к язычникам допустимо было все, и грехи отпускались заранее. А для «завоеванных» речь шла о полной зависимости от воли всегда приبلудных, всегда случайных и очень часто — не вполне вменяемых людей.

Ордена были страшны не только своим вооружением, дисциплиной и подготовкой солдат. Даже не тем, что религиозная идея позволяла делать из солдата-завоевателя хоть в какой-то степени, но и солдата-фанатика, равнодушного к ранам и самой смерти во имя сияющей Истины.

Самое страшное было в том, что за крестоносными рыцарями стояла вся романо-германская Европа. Рыцари побеждали далеко не всегда. Можно привести множество примеров их, казалось бы, сокрушительных поражений.

В 1234 году новгородский князь Ярослав Всеволодович нанес им тяжелое поражение под Юрьевым.

В 1236 был разгром под Шауляем, славное дело Миндовга. На Чудском озере в 1242 Александр Ярославович Невский утопил основные силы Тевтонского ордена.

В каждом из этих сражений орден терял больше половины своих людей и все руководство. Разгром был абсолютный, окончательный. Ни одно обычное государство уже не оправилось бы от любого из таких поражений... но не орден.

И во всех странах Германии, и во Франции, в Италии продолжали подрастать злополучные третьи сыновья. Из всех обществ Европы извергались злые, подлые, преступные, отягощенные пьянством отцов и одержимые темными желаниями. В обществе, где детей учили креститься раньше, чем подносить ложку ко рту, вырастали новые фанатики, готовые отдать жизнь за воцерковление язычников. На место перебитых приходили новые и новые. Сменялись папы и неизменно поднимали руку в благословении своим верным сынам, прорубающих сквозь орды полузверей-язычников дорогу Святому кресту Господню.

В этом смысле *Drang nach Osten* очень напоминает нашествия викингов или набеги ватаг германцев и славян на империю. Каждый набег викингов можно остановить. Каждую ватагу варваров можно окружить и уничтожить. Но на их место неизменно придут новые и новые, просто потому, что так устроено извергающее их общество. И будет устроено, пока не научится получать больше продуктов на той же территории.

До сих пор не все осмыслили это обстоятельство — в XII—XV веках продолжался типичный *Drang nach Osten*, лишь торопливо и небрежно прикрытый фиговым листочком Идеи. Крестовый поход должен был расширить семью христианских народов, но для

провозглашенной цели были избраны такие средства, что они давали прямо противоположный результат. Множество «язычников» умерли за свою веру вовсе не потому, что были глухи к могучей поэзии Библии, к проповеди евангельских истин и даже не потому, что так уж рвались умирать за своих племенных идолов.

А ровно потому, что слово Христово несли к ним не проповедники, а закованные в сталь разбойники. Язычество стало для них символом нормальной человеческой жизни; жизни племени, семьи и рода. Христианство — символом рева боевых рогов, гопота тяжелых рыцарских коней, столбов дыма за зубчатой стеной леса.

Тому, кто готов осудить упорное язычество жемайтов, пережитки язычества у эстов чуть ли не до нашего времени, посоветую одно: эдак живо, примеряя на себя, представить свою собственную семью, спасающуюся в лесах, бредущую тайными тропками по колено в болотной жиже. Вот это мать ваших детей озирается с искаженным от страха лицом, прижимает к себе малыша: не топает ли позади немецкий кнехт? У вас как с воображением, читатель? А еще лучше — представьте своих мать и отца или своих детей с веревками на шее, уводимых для принятия таинства крещения в каменные недра замка.

Кстати, и само крещение вовсе не было спасением от орденского нашествия. Ну, ладно, пусть православные, по словам крестоносцев, «такие христиане, что от их христианства самого Бога тошнит». Хотя, замечу, само по себе это довольно-таки опасно самим решать, какой способ исповедания христианства правильный, а какой — нет.

Будем даже считать, что литовцы не особенно крепки в католической вере, используя ее порой так же непринужденно, как князь Миндовг, вернувшийся потом в язычество.

Но в конце концов и поляки, и мазуры приняли крещение по католическому обряду, и вовсе не подвергаясь насилию, еще лет за двести до описываемых событий. Крещение последних германских племен и поляков произошло почти одновременно. Поляки молятся в костелах, служат мессу на латинском языке и признают власть папы римского над Церковью. Казалось бы, и для рыцарей орденов, и для папского престола уж они-то должны быть своими.

Но вот в очередной раз дело доходит до новой войны католиков-немцев и католиков-поляков. И всякий раз в рядах немцев-крестоносцев оказывался весь европейский «интернационал», а папа римский благословлял их оружие.

Ни разу папа не запретил орденам воевать с его детьми — славянскими католиками. И сразу становилось очевидно, что даже немецкие разбойники остальной Европе ближе и роднее, чем славяне — добрые католики.

Более того. С поляками и мазурами псы-рыцари воевали еще более жестоко. Ведь сильная современная армия, централизованное государство делали завоевание труднее, но зато и добыча, так сказать, созревший плод войны был бы в случае победы куда слаще. Ведь могучие армии с артиллерией и рыцарской конницей защищали-то как раз тучные, ухоженные посевы, торговые города, поместья и замки, в которых поднакоплено добра.

Централизованное государство к тому же препятствовало завоевывать, обирать, поработать язычников. Литва и Польша страшно мешали крестоносцам, сковывали их силы, мешали завоевать до конца Жемайтию, разделаться с русскими княжествами, вторгнуться в Мазовию.

А сами по себе славяне, балты или финно-угры, вошедшие в число цивилизованных народов, известные в сердце Европы не хуже немцев, вовсе не становились для них своими. Наоборот, вызывали невероятное раздражение.

Став частью цивилизованного мира, причем став самостоятельно, явно без усилий псов-рыцарей, славяне ставили под сомнение сам смысл крестового похода, саму идеологию «дранга». А преступления, чинимые орденом против христиан, все-таки вызывали неодобрение мира, форпостом и защитниками которого хотели показать себя крестоносные разбойники.

Одна из любимейших легенд Московии — что она своей грудью защитила Европу от монголов.

Вспомним хотя бы ставшее классикой. Из А. С. Пушкина: «России определено было высокое предназначение... ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Россию и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией» [48].

И из графа Алексея Константиновича Толстого: «Какой могла бы быть Россия, если бы не проклятые монголы!»

Но ведь с тем же успехом (и с таким же пафосом) можно сказать и иное: «А что осталось бы от России, захвати ее проклятые немцы!».

Весь XIII и XIV века страшная опасность висела над всеми русскими землями и землями всех прибалтийских народов.

Западная Русь своей собственной грудью заслонила Московию и княжества Северо-Восточной Руси от опасности быть завоеванной немецкими рыцарями. Ни одно из этих княжеств ни разу не подверглось ни одному нападению тевтонцев! Ни разу не велись военные действия между Рязанским, Тверским или Владимирским княжествами и армиями Ордена меченосцев или Ливонского ордена.

И нет никакой уверенности, что удар орденской армии могло бы выдержать любое из этих княжеств. Тем более мало вероятно, чтобы княжества русского востока, включая и Московское княжество, могли выдержать удар, сравнимый с ударом Великой войны 1409—1411 годов. И так, чтобы остановить агрессию, потребовались совместные усилия Польши и Великого княжества Литовского, — объединенной Западной Руси и Польши.

Глава 11 РУССКИЕ НА ПОЛЬСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Существует нечто, перед чем отступают и безразличие созвездий, и вечный шепот волн. Это деяния человека.

Мудрость Древнего Египта

Остановить ордена удалось, только объединив два могучих славянских государства — Великое княжество Литовское и Польшу.

Впрочем, Польша в конце XIV века отнюдь не находилась на самой вершине могущества. Со смертью бездетного Казимира III пресеклась древняя династия Пястов. Трудно сказать, действительно ли основоположником рода был крестьянин-колесник Пяст? Вопрос примерно такой же, как: а правда ли, что Киев назван по имени князя Кия? Или от имени перевозчика Кия? Киев перевоз? На такие вопросы всегда крайне трудно отвечать.

Легендарное происхождение Пястов от крестьянина-колесника не роняло их в глазах других дворян, а скорее добавляло им популярности. Ведь Польское королевство родилось не как следствие завоевания, в отличие от всех государств на территории Западной Европы. Польская знать не происходила от завоевателей, захвативших чужую территорию; она имела тех же предков, те же корни, что и весь народ. Знать в Польше не была замкнутой корпорацией, противопоставленной остальному народу, и не боялась остальных поляков.

Тем более, что первым точно известным Пястом был король Мешко I. Известным уже не из легенд, а из исторических хроник; король, огнем и мечом сплотивший первое польское государство в 960 — 992. Вторым Пястом был его сын Болеслав, принявший титул короля.

Пясты — это династия чисто польская, к тому же народная по происхождению. С ней связаны первые века польской истории. Отношение к Пястам у поляков вообще теплое и немного сентиментальное. В XVII—XVIII веках, когда выбирали королей Речи Посполитой,

«пястом» назывался кандидат на престол — поляк. К их чести будь сказано, поляки выбирали в короли вовсе не по национальному принципу; побывали на их престоле немцы, шведы и французы — лишь бы люди оказались хорошие. Но называться «пястом» пусть недолго, пусть накануне провала-невыбора, — это было почетно.

И вот в 1370 году эта династия пресеклась.

Славянские страны часто губила династическая неразбериха. В романо-германском мире действовал свод жестких, но зато удобных и понятных всем правил. У власти стоит одна семья. Отцу наследует старший сын. Ни дядя, ни племянник не могут быть наследниками, если не пресеклась прямая линия наследования. Жесткий закон наследования позволял избегать междуусобиц, страшных семейных ситуаций, когда родные и двоюродные братья вцеплялись в глотки друг другу. И когда любой, кто бы не стал королем, обречен был править с опытом отца — и братоубийства.

Но и страны со старой римской традицией оказывались на грани гражданской войны, если вдруг пресекалась династия. Так в Британии после низложения последнего прямого представителя династии Плантагенетов Ричарда II сложилась ситуация, которая просто не могла не привести к междуусобице. Она и не замедлила начаться, в 1455 году взорвавшись настоящей войной между Йорками и Ланкастерами. Ведь оба клана были родственниками ушедших Плантагенетов, имели равные права на престол. И примерно равные военные и экономические ресурсы. Тридцатилетняя война Алой и Белой роз разорила Британию, привела к огромным материальным и человеческим потерям. Не говоря ни о чем другом, погибла большая часть феодальной знати.

А в XIV веке в Польше бескорольевье продолжалось уже второе десятилетие. В 1383 году дошло до разорвавшей Польшу междуусобной войны феодальных домов — Гжималитов и Налэнчей. Гжималиты отстаивали право на престол одной из дочерей Людовика Венгерского. Его жена была дочерью польского короля Владислава Локетекса, и ее дочери хранили кровь Пястов. Налэнчи отстаивали права Анжуйской династии. До событий в британских масштабах пока не дошло, но дойти могло, если не появится новая династия, которая устроила бы всех.

Польская знать колебалась. Новый король был необходим, желательно, чтоб молодой и перспективный. Но попытка найти и избрать такого короля, одного из знатных и владетельных, вполне могла плавно перейти в гражданскую войну с непредсказуемым результатом.

Гжемалиты вроде бы победили, и на престол села Ядвига Пяст, которой не было и одиннадцати лет и которую Гнездинский архиепископ короновал как КОРОЛЯ, поскольку женщины не имели права занимать польский престол.

Одиннадцатилетняя королева — это было опасно. Государство в любой момент могло сорваться в новую гражданскую войну, и малопольская знать разработала неглупый план: посадить на польский престол человека со стороны. Тоже, разумеется, не кого попало, а, например, великого князя литовского. То есть кандидатуры-то назывались разные, но Ягелло понравился больше.

Польша, как видно, тоже искала союзника посерьезнее.

Да еще такого, который может навести порядок в самой Польше.

Великолепная идея нуждалась в реализации, и для начала неплохо было бы узнать, что об этом думает будущий польский король. Необходимо было встретиться с Ягелло и предложить ему польский престол. На первый раз, конечно, тайно. Известно, что такие встречи были, но сколько состоялось тайных встреч и где, мы, скорее всего, не узнаем никогда.

На поверхности события стало возведение на престол Ядвиги Пяст и подписание договора о династическом союзе Польши и Великого княжества Литовского 14 августа 1385 в замке города Крево. Договор так и называется: Кревская уния.

Согласно пунктам Кревской унии, великий князь литовский Ягайло вступает в брак с Ядвигой Пяст, дочерью Людовика Венгерского. При этом Ягайло переходит в католичество

вместе со всеми своими родственниками и со всеми подданными.

По Кревской унии предполагалась инкорпорация Литвы, а говоря попросту, без жаргонных юридических словечек, включение Великого княжества Литовского в состав Польши. Литва должна была стать частью Польши и одновременно должна была способствовать возвращению отторгнутых у Польши земель.

Трудно сказать, почему великий князь Ягайло подписал такого рода документ. То ли очень уж хотелось ему стать польским королем. То ли его совсем уж «достали» крестоносцы, так что было все равно, с кем иметь дело. Во всяком случае, Ягайло текст унии подписал, хотя не мог не понимать: для очень многих из его подданных, в том числе для большинства литовско-русских феодалов, содержание Кревской унии было совершенно неприемлемым.

Уже сам всеобщий переход в католицизм...

Во-первых, Литва к тому времени оставалась языческой по крайней мере на 50—60%, и местные язычники вовсе не торопились становиться верными сынами Апостольской церкви.

Во-вторых, православные подданные великого князя совершенно не собирались перекрещиваться в католиков.

Судя по всему, византийская вера вполне устраивала их, и даже пример братской Польши не заставлял поторопиться.

В 1387 году новообращенный католик Ягайло дал привилегии феодалам, исповедующим католичество. Подтверждались их вотчинные права, они освобождались от части натуральных повинностей в пользу великого князя. Католики получали право участвовать в сейме, иметь гербы, занимать государственные должности.

Впервые в истории Литвы православные и католики были поставлены в неравное положение, и на православных это произвело не самое лучшее впечатление. Скорее всего, и на многих католиков — тоже. Борьба за правильную веру путем ведения военных действий очень уж напоминала действия Тевтонского ордена...

А кроме того, далеко не все подданные великого князя — и простонародье, и горожане, и воины, и знать — так уж стремились к пресловутой инкорпорации. Великое княжество привыкло числить себя вполне самостоятельной державой, и далеко не без серьезных оснований. Вопрос был только в том, кто сможет возглавить великолитовскую партию и какие формы примет борьба против инкорпорации.

Чтобы понять, кто стал лидером великолитовской партии, необходимо заняться еще немного династическими делами: правящим в Литве домом Гедиминаса.

Из детей Гедиминаса, погибшего в 1341 году под Велюной, фактически княжили двое. Альгердас-Ольгерд и Кейстут, который фактически разделил с Ольгердом великокняжеский престол. Никаких обычаев, а тем более законов о единонаследии и о правилах наследования тогда в Литве не существовало. Фактически власть брал тот из сыновей, у которого были желание и сила. В ходе династических дрязг, дележки наследства Гедиминаса Кейстут явился в Вильно «конно, людно и оружно», выгнал из замка младшего брата и сделал Ольгерду предложение, от которого тот не смог отказаться.

Кейстут не претендовал на первые роли, но если Ольгерд был, по его мнению, не прав, высказывал свою позицию более чем решительно. И Ольгерд фактически правил самостийно до тех пор, пока Кейстута его решения устраивали.

Кейстут пережил Альгердаса и в правление Ягайло пытался навязывать ему свое мнение так же решительно, как и его отцу Ольгерду. Например, Кейстуту очень не нравился союз Ягайло с Тевтонским орденом. Союз, конечно же, был временным, непрочным и нужен был Ягайле ровно затем, чтобы развязать себе руки для борьбы с Москвой. Для «окончательного решения московского вопроса», так сказать, чтобы никто не ударил в спину, пока он будет срывать стены Московского кремля и сажать на московский престол кого-нибудь из своих родственников.

Трудно сказать, кто был дальновиднее в этом раздоре.

Если Кейстут сомневался, что орден способен выдержать договор, то ведь и Ягайлу можно назвать кем угодно, только не жертвой патриархальной доверчивости и наивности.

Уж, наверное, он хорошо знал, что такое орден и насколько ему можно верить. А вот что Ягайло больше боялся Москвы говорит скорее в его пользу. Может быть, Ягайло был умнее или интуитивнее остальных? Может быть, он понимал или просто смутно предчувствовал, что орден доживает последние десятилетия, а с Москвой все намного сложнее?

Во всяком случае, Ягайло не был чересчур прямолинейным, слишком порядочным человеком, не способным на двуличие и подлость. Судя по всему, этот человек был готов очень на многое, лишь бы достигнуть своей цели. Такие, кстати, и впрямь бывают очень дальновидны. Он заключил пресловутый союз с орденом, он подписал Кревскую унию, поставив Литву на грань гражданской войны. Наконец, он стал убийцей Кейстута: в 1382 году Кейстут был захвачен своим племянником Ягелло и убит.

Так вот, Витаустас (Витовт) был сыном, и достойным сыном, своего мятежного отца, Кейстута. Тогда, в 1382 году, Витовт бежал во владения ордена и просил у него помощи — разгромить двоюродного брата и убийцу отца. За помощь в этом Витовт был готов отдать крестonosцам Жемайтию. В смысле, был готов от имени Великого княжества Литовского согласиться не помогать жемайтам и признать Жемайтию законным владением ордена.

Свести счеты с Ягайло тогда Витовт не смог и впоследствии не пытался сделать это ни разу. Простил смерть отца? Не думаю. Отказался от личной мести, чтобы не ослаблять династию и государство? Это более вероятно.

Родился Витовт в 1350 году, и во время подписания унии ему было уже 35 лет. Возраст, в котором и в наши дни людей принимают всерьез; по понятиям же Средневековья это не первый год зрелости.

В 1385 году Витовт не был противником союза Польши и Литвы. Он был сторонником литовской державности. Он не был врагом католицизма, скорее относился к нему так же равнодушно, как и к любой другой религии. Но он был сторонником мирного сосуществования католиков и православных.

Вражда с могучим Витовтом могла дорого обойтись Ягайле: за Витовтом пошло три четверти Литвы. Чтобы не оказаться свергнутым с престола (а тогда и в Польше он был бы никому не нужен), Ягайло предпочел пойти на соглашение и отступить от части положений Кревской унии.

В 1392 году в Острове было подписано, а в 1401 году в Вильно подтверждено соглашение, по которому Витовт был признан пожизненным правителем Литвы (фактически великим князем). Но только пожизненным, без права передачи титула! Витовт умирает — и власть в Великом княжестве Литовском опять переходит к Ягелло. А пока пусть царят в Великом княжестве Литовском прежние порядки, без католицизации и без инкорпорации в Польшу. В документах порой Витовта называют великим князем (*magnus dux*), а Ягелло — верховным князем (*supremus dux*).

Вряд ли родившийся в 1348 году Ягайла рассчитывал пережить Витаустаса, родившегося в 1350. И впрямь, хотя оба они оказались куда как долговечны, ни один не «обогнал» другого. Король Польши скончался в 1434 году в возрасте 82 лет, пережив на 4 года двоюродного брата. Фактический великий князь литовский Витаустас умер в 1430 году в возрасте 80 лет, просидев 38 лет на литовском престоле.

Итак, двоюродные братья поделили королевский и великокняжеский престол. По понятиям того времени, всякий государственный союз был как бы союзом монархов, личным союзом людей, воплощавших в себе государственность.

Уния Великого княжества Литовского и Польши была скреплена брачным союзом Ядвиги Пяст и Ягелло. Родственные отношения Ягелло и Витовта были для современников верным гарантом реализации унии (пусть не совсем такого, какой замыслили поляки, без поглощения Литвы).

Ягелло взошел на престол под крестильным именем Владислава II, оставшись Ягелло, так сказать, в быту. Большинство подданных продолжали называть его так. Он оказался хорошим польским королем: в меру отважным, энергичным, умным. Он умел находить

общий язык с самыми разными людьми, бурно пил и плясал на пирах, радуя сердца буйной шляхетской верхушки. Он был популярным королем, а это очень важно в Польше.

Польская знать была верхушкой народа, а не замкнутой гильдией потомков тех, кто захватил страну. Здоровая общинная демократия жила в сердце шляхты, не очень сильно оттесненная идеей феодальной иерархии. Аристократия не слишком боялась выносить сор из королевского дворца и вовсе не считала себя так уж и ниже королей. Избранный на престол король особенно нуждался не только в формальной власти, позволяющей казнить и миловать; да такой власти у него и было явно меньше, чем у византийского базилевса, московского великого князя, даже у великого князя Литвы. Выбранный польский король особенно нуждался в авторитете, в популярности. Без них, без желания идти за ним и добровольной готовности слушаться он бы просто не смог править Польшей.

Так вот, Ягелло быстро стал популярен. И благодаря светским мероприятиям: пирам, пьянкам, охотам, приемам, общению со множеством людей, в буйном стиле тогдашней шляхетской жизни, пьяноватой и прожорливой. И разумности принимаемых решений. И взвешенному балансированию между силами тогдашней международной политики.

Например, между папой римским, поддерживавшим крестоносцев, и самими крестоносными орденами. Благодаря откровенной подготовке к войне с Тевтонским орденом. Что воевать придется, понимали все, и идея войны с орденом в Польше была очень популярна. Ягелло сумел стать лидером этой популярной идеи.

Авторитета ему прибавило и еще два обстоятельства: Ягеллонский университет и его собственная жена.

Краковский университет основан в 1364 году Казимиром Великим. Это один из первых государственных университетов Европы, и уже тогда он числился в сильнейших.

Слава Краковского университета была велика, и отношение к нему у поляков было горделивым и серьезным. Примерно так относится народ к тому, что на его территории находится самый большой в мире замок или выкопана самая глубокая шахта.

Вторым источником авторитета Владислава II Ягеллона стала его собственная жена, Ядвига Анжуйская-Пяст.

Тошая, как щепка, и легкая, как былинка, всегда в грубых монашеских платьях, она вела жизнь настолько подвижническую, что в народе стали чтить ее, как новую святую.

Воспитанная в роскоши, при богатом дворе, королева совершенно отказалась от золота, жемчугов, ожерелий, перстней, серег и прочих мирских украшений. Она даже скрывала лицо под повязкой, чтобы зрелище собственной красоты не возбудило в ней грех гордыни.

Многие видели в церкви сияние, разливающееся вокруг поднятых в молитве рук королевы.

Некие «заслуживающие доверия почтенные люди» рассказывали, как Христос лично беседовал с королевой во время литургии.

Говорили, что одно прикосновение королевы исцеляет больных и расслабленных членами.

Толпы дворян ломались в Краков, чтобы быть представленным святой королеве. Толпы горожан мчались туда же, чтобы посмотреть на королеву. Толпы крестьян из разных концов королевства прибывали, чтобы просить помолиться о ниспослании дождя, хорошей погоды, об изобилии рыбы в озерах и о здоровье пчел и хорошем медосборе. Все молитвы королевы, естественно, тут же бывали услышаны, и просьбы незамедлительно удовлетворялись, что и отмечалось «всем королевством». Толпы нищих ломались у ворот краковского замка и везде, куда шла королева.

Можно, конечно, спорить: а так ли уж счастлив человек, чья монашески одетая жена передвигается строго в окружении монахов, монахинь, юродивых, нищих, алчущих исцеления калеки, посланцев Ватикана, умиленно сюсюкающих пожилых дам? Но имеют ли вообще всякие глупейшие понятия о счастье или о семейной жизни какое-то отношение к делам государственным? Не для того женятся короли.

Не для того они занимаются лю... гм... гм... не для того занимаются они интимными

детальями важнейших государственных процессов. Постижимо ли нам, простым смертным, где парят души монархов при вершении дел семейных, то есть в смысле династических?

Испорченные простолюдины могут пожалеть королеву (и ее будущего мужа). Еще более испорченные типы даже свяжут судьбу королевы Ядвиги и ее своеобразный, очень уж монашеский образ жизни. Эти испорченные типы могут даже сказать какую-нибудь неслыханную гадость: например о том, что Ядвига Пяст изломала собственную судьбу, и что от несчастной женщины и ожидать ничего другого невозможно. И что понятно, отчего «дикий» Ягелло сам ударился в религиозный фанатизм и что еще хорошо, что не начал заводить любовниц. Некоторые дамы его еще и пожалеют, что уж совершенно нестерпимо.

Но, конечно же, таких гадостей никогда не скажут те, кто понимает: короли и королевы слеплены из совсем особого теста, чем все остальные люди; и что не нам понять высоких мер, Творцом внушаемых вельможам.

Много лет брак остается бесплодным. Трудно сказать, в пылкой ли любви супругов тут дело или в чем-то еще, но факт остается фактом. Только на седьмой год супружества наконец-то совершается то, зачем и задуман был этот династический брак: на свет должен появиться младенец, по материнской линии восходящий к легендарным первым Пястам.

Может быть, иные из читателей сумеют найти что-то возвышенное в этом повороте судьбы. Любуются же люди всевозможными катастрофами, несчастьями и ужасами?

Эстетизируют же они несчастную любовь, развалы семей и ситуации, когда «глядят, глядя в потолок, чужих и нелюбимых»?

По мне же весь этот династический брак Владислава Ягелло и Ядвиги Пяст окончательно приобретает оттенок какого-то мрачного издевательства, когда 17 июля 1399 года 18-летняя королева умерла, пережив свою дочь на три недели.

Позволю себе еще одно циничное замечание дикаря, плохо понимающего суть монархии: давно известно, что в безлюбном браке не живут дети, что поделаешь. И очень жаль несчастной королевы с ее вывернутой, прервавшейся на самом взлете судьбой, не согретой хотя бы детьми.

Владиславу Ягелло все-таки было полегче: даже пока и продолжался постылый брак, он мог много чем заняться: охотой, войной, политикой, Турнирами, пирами-попойками.

Да и, попросту говоря, не он помер родами, и многое оказалось впереди у короля, не разменявшего еще и шестого десятка.

И после смерти Ядвиги Пяст в его праве на польский престол никто не сомневался. Оставалось обеспечить преемственность и основать династию. Пришлось Ягелло жениться второй раз, а потом третий и четвертый. От четвертой жены Сонки (Зофьи) Голшанской у него родились Владислав (1424) и Казимир (1427). Почти наполовину русские, они окончательно утвердили свою полурусскую династию на краковском троне.

Если учесть, что Ольгерд-Альгердас, сын Гедиминаса, долгое время княжил в Витебске, а Ягайло родился от тверской княжны Ульяны, то приходится признать: в 1386 году польским королем стал сын витебского князя и тверской княжны. Человек, в котором не было ни капли польской крови, но на три четверти русский. И более того: человек, находившийся в родстве практически со всеми княжескими дворами Руси — и Западной, и Северо-Восточной.

Судите сами: отец Ягелло, Ольгерд, имел, ни много ни мало, 21 ребенка. То есть в те времена такое число родившихся не вызывало удивления: детей всегда рождалось много уже хотя бы из-за полного отсутствия контрацептивов. В основе демографии и хижин, и дворцов одинаково лежало рождение детей если не каждый год, то почти каждый.

Удивительным было то, что почти все дети Ольгерда выжили, стали взрослыми, и что от них пожилой Ольгерд имел полчища внуков, раскиданных по четырем разным странам. Чаще всего родившиеся тогда дети (процентов 70—80) умирали лет до пяти. И взрослые тоже гибли гораздо чаще, особенно мальчики, начинающие взрослую жизнь. Их убивали на войне и на охоте. Они заболели в путешествиях и странствиях, а тогдашняя медицина в основном помогала им быстрее помереть. И в результате взрослые супруги, родившие 15 или

20 детей, внуков имели от одного-двух-трех. Прямо как в наши дни.

Что помешало Ольгерду избежать общей судьбы, я не знаю. Этот поразительно плодовитый, фантастически удачливый в своих потомках человек стал родоначальником нескольких династий, и каких!

Позволю себе привести здесь всех детей Альгирдаса Гедиминовича, так сказать, в хронологическом порядке.

Дети от первого брака с Марией Ярославовной Витебской: 1. Андрей, князь полоцкий. 2. Дмитрий, князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский. Он стал предком князей Трубецких. 3. Константин, князь черниговский, затем чарторыйский, предок князей Чарторыйских. 4. Владимир, князь киевский, затем копыльский, предок князей Бельских и Слуцких. 5. Федор, князь ратненский, предок князей Сангушко. 6. Федора, которая вышла замуж за Святослава Титовича, князя карачевского. 7. Агриппина-Мария, замужем за Борисом, князем Городецким. 8. За Иваном, князем новосильским и одоевским, была еще одна дочь Ольгерда, но ее имени мы не знаем.

Дети от второго брака с княжной Ульяной Александровной Тверской: 1. Йогайла-Ягайла-Ягелло-Владислав, о котором уже много говорилось, польский король Владислав II Ягеллон. 2. Скиргайло-Иван, князь трокский и полоцкий. 3. Корибут-Дмитрий, князь новгород-северский, збарашский, брацлавский, винницкий, женат на княжне Анастасии Рязанской. 4. Лигвень-Семен, князь новгородский, мстиславский (женат на Марии Московской). 5. Коригайло-Казимир, наместник мстиславский. 6. Вигунт-Александр, князь керновский. 7. Свидригайло-Болеслав, князь подольский, черниговский, северский, брянский, великий князь литовский, затем князь волинский. 8. Кенна-Иоанна, замужем за князем поморским. 9. Елена — жена князя боровского и серпуховского. 10. Мария — за боярином Войдылой, вторым браком — за князем Давидом Городецким. 11. Вильгейда-Екатерина вышла замуж за герцога мекленбургского. Благодаря ей наследники Ольгерда оказались уже в пятой стране, помимо Польши, Мазовии, Великого княжества Литовского и Московской Руси. 12. Александра — замужем за князем мазовецким. 13. Ядвига — замужем за князем освенцимским.

* * *

Добавлю к этому перечислению еще и Анну, дочь Кейстута, сестру Витовта, вышедшую замуж за Конрада мазовецкого, независимого князя Мазовии...

Сказанного вполне достаточно для вполне обоснованного утверждения: в 1386 году на престол Польского королевства вошла Западная Русь. Если чьи-то претензии задеты, а чьи-то великопольские чувства это обижает, я буду рад выслушать возражения и протесты.

Конец ордена

Но вся история про то, как русско-литовская династия села на польский престол, — все это, по правде говоря, лишь вступление к главным событиям.

Все понимали, что большая война с орденом лишь вопрос времени. Такая война, которая решит раз навсегда: сожрет ли орден славянские земли или он сам будет стерт с лица земли? Одной из причин Кревской унии 1385 года и был самый откровенный страх перед орденом, причем страх и в Польше, и в Литве.

Насколько правы были все, ожидая новых неприятностей, показывает: уже в 1394 году началось наступление ордена. Такое страшное, что раздавались даже голоса: а не лучше ли аукшайтам вообще уйти из Литвы? Поискать себе более спокойную землю, где нет немецких орденов? Немцы подступили под Вильно, в очередной раз пытались взять город, разоряли Жемайтию.

В 1401 году жемайты подняли новое восстание против ордена. Ах, как просил орден не

вмешиваться и Витовта, и Владислава Ягелло! Как просил не мешать рыцарям бороться с язычниками! Как хотелось им передуть по-тихому жемайтов, без необходимости не отвлекаться на войну с регулярными армиями!

Польша и мазурские княжества явной помощи не дали (хотя множество беженцев нашли укрытие в лесах Мазовии).

А вот князь Витаустас помощь жмудинам оказал. Еще раз уточню: совершенно не очевидно, что он считал жмудинов дорогими сородичами. Судьба мятежной Жемайтии постоянно становилась разменной монетой в его разборках с орденом. Фактически так было и сейчас. Решительной помощи вооруженной рукой Витовт не оказал, и его брат не начал с орденом войны из-за судеб и жизней десятков тысяч жмудинов. Но Витаустас поддерживал повстанцев оружием, снаряжением и хлебом, стараясь изо всех сил, чтобы восстание продолжалось подольше, обескровливая и Жмудь, и орден.

Восстание кончилось разгромом «язычников» и страшной резней во всех землях, до которых орден смог дотянуться. Если на земле еще оставались живые жмудины и продолжали поить ужей молоком, и кланяться Перкунасу, это, право, никак не вина орденских рыцарей. Они сделали все, что в их силах.

Великая война 1409—1411 годов

«Шел слепец, запнулся о камень и упал...

Упал он потому, что слеп, ну и все-таки причиной стал камень».

Так объясняли в Литве и в Польше значение раздоров из-за крохотного заштатного замка Дрезденко. Замок был ничтожный, и если спор из-за него привел к войне, то только потому, что все и так было готово. И Польша в унии с Литвой, и дряхлеющий, но грозный Тевтонский орден хотели разрешить шаткое равновесие. Каждый, конечно, в свою пользу. Разгромив славянские страны, Тевтонский орден получал если не перспективу (исторической перспективы бытия у него не было), то по крайней мере оттяжку.

Но сначала, конечно же, орден пытался сравить союзников. На роль третейского судьи в споре ордена и Польши орден пригласил великого князя литовского. Отношения Витаустаса и Ягелло не могли быть ни хорошими, ни доверительными после убийства Кейстута. Не так уж давно Витовт просил у ордена поддержки против Ягелло, используя Жмудь как разменную монетку в переговорах. К тому же и Витовт мог вызвать раздражение у Ягелло, который ведь любил сына мятежного Кейстута не больше, чем был им любим.

Будь сказано к чести обоих славянских государей: ни Ягелло, ни Витовт на провокацию не поддались. Зная через своих шпионов, что происходит в Мальборге, Ягелло тоже попросил Витаустаса быть посредником. Витаустас с Ягелло не поссорился, а Дрезденко присудил Польше.

Впрочем, находились предлоги и помимо Дрезденка.

Новый, только что избранный Великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген однозначно вел дело к войне. Когда польские послы приехали поздравить Ульриха фон Юнгингена с избранием, он демонстративно уехал из Мальборга. Он повелел в сношениях с Польшей и Литвой использовать строго немецкий язык вместо традиционной латыни.

Немцы захватили силой старопольский замок Санток.

Витовт спровоцировал новое восстание в Жмуди и помогал уже не только оружием и хлебом, но и людьми, вводя в битвы своих вассалов.

Весной 1409 года война фактически началась, и 6 августа 1409 года магистр Ульрих фон Юнгинген официально объявил войну Польше и Литве.

Орден продолжал получать поддержку из всей Европы.

Союзники были фактически изолированы ото всех; от стран Западной, романо-германской Европы они были уж очень далеки — и по расстоянию, и по культуре.

С теми, кто мог бы помочь, орден вступил в переговоры заранее. Смущенные поддержкой язычников со стороны Литвы и Польши, чешский король Вацлав, венгерский король Зигмунд Люксембургский пошли с орденом на соглашение, не став поддерживать Польшу и Литву.

До 83—85 тысяч человек, считая с наемниками из разных стран Европы, собрал орден. До сотни артиллерийских орудий было у ордена.

Литва и Польша собрали под свои знамена до 100 тысяч человек, в том числе 30 тысяч союзных татар и 4 тыс. чехов и моравов. Эти чехи были вовсе не рыцарями, даже не вооруженными горожанами, а таборитами Яна Жижки.

Народ был страшненький, буйный, но уж, конечно, куда более слабый, чем рыцарская конница и закованные в сталь кнехты с копьями и арбалетами.

Реально силы были неравны, и перевес оставался на стороне ордена. 3 июля 1410 года Ягайло начал наступление на Мариенбург. Ульрих фон Юнгинген тоже выступил на юг, навстречу, и 15 июля 1410 года союзная польско-литовская армия встретилась с главными силами ордена между деревушками Танненберг (Стембарк) и Грюнвальд. Тут шли уже по территории Пруссии. Отсюда и немецкие названия.

В те времена строились долго, не спеша. Армия не вступала в бой сразу, с марша. Правильно выбрать место для боя, построиться было делом небыстрым, требовавшим вдумчивого отношения. Часто проигрывал тот, чье построение оказывалось хуже.

Историки, которым можно доверять, считают: на стороне ордена было порядка 27 тысяч человек, 51 знамя — то есть 51 отряд.

Союзники привели на поле 32 тысячи человек в составе 91 хоругви. Цифры сильно расходятся с приведенными выше; данные Кучинского расходятся с данными Длугоша, Пашуто и Ючаса. Хронисг, современник и участник битвы, писавший на латинском языке, мог и преувеличить масштаб сражения: такое очень часто водилось за средневековыми хронистами, сообщавшими совершенно фантастические сведения о сражающихся армиях.

Все пишущие на эту тему сходятся в том, что войска ордена были лучше подготовлены и вооружены, чем польско-литовско-русские. В их рядах были французские и английские рыцари, накопившие огромный опыт войны на Переднем Востоке.

Преимущество союзников было духовного свойства: они сражались за свою свободу.

Союзники построились в 3 линии на фронте длиной 2 км. Польские войска встали на левом фланге, в составе 42 польских, 7 русских и 2 чешско-моравских хоругвей под командованием коронного маршала Збигнева из Бжезя и мечника Зындрема из Машковиц.

На правом фланге встали 40 литовско-русских хоругвей под командованием великого князя Витовта. На правом же стояла и татарская конница. Ведь привел ее тоже Витовт.

Ставка Владислава II Ягелло расположилась позади всех линий войск.

Немцы сначала построились в три линии, но потом, чтобы расширить фронт до 2,5 км, перестроились в 2 линии.

На правом крыле встали 20 знамен Гуго фон Лихтенштейна, на левом — 15 знамен Валленрода, а в резерве — 16 знамен под личным командованием магистра.

Впереди перед войском были поставлены бомбарды и встали шеренги арбалетчиков.

Сражение началось залпом из этих бомбард, причем ядра не долетели до поляков и литвинов и никакого вреда никому не причинили.

Тогда Витовт бросил на врага татар и 1-ю линию своей конницы. Удар был нацелен на левый фланг армии ордена, на котором находился магистр.

Рыцари Валленрода контратаковали, тронув коней шагом и постепенно ускоряя движение. Удар был страшен.

Грохот столкнувшихся всадников был слышен за многие версты, и конница Витовта побежала. Часть рыцарей поскакала в погоню.

Отбив атаку, орденские войска двинулись вперед с пением победного гимна. Вступили в бой 2-я и 3-я линии литовских войск, но крестonosцы отбили их и продолжали наступать. Наступающие потеснили и польские войска на левом фланге.

Здесь, в самом центре союзной армии и правее всех на польском левом фланге, стояли смоленские войска под командованием князя Семена Лингвена Ольгердовича. В первый момент блестяще атакующие немцы вклинились между смоленскими полками и остальным войском.

«В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами и не приняли участия в бегстве. Тем заслужили они бессмертную славу. И если даже один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков».

Так писал Ян Длугош, крупный католический иерарх, епископ Львова, автор «Истории Польши» в 12 толстых томах. Часть его хроники переведена на русский язык [49].

Пока русские из Смоленска рубились, сковав действия крестоносцев, польские хоругви перестроились и нанесли удар по правому флангу ордена. Им удалось сделать главное — прорвать фронт Лихтенштейна и заставить его рыцарей перейти к обороне.

Одновременно Витовт нанес удар по левому флангу, по рыцарям, возвращавшимся после преследования его отступившей конницы. Вернувшиеся после преследования врага потрепанные рыцари Валленрода пытались атаковать, но были отброшены и уничтожены.

Войска Лихтенштейна оказались зажаты между польским и литовским флангами, фактически окружены, и тогда магистр Ульрих фон Юнгинген лично повел в бой свою армию-резерв, 16 хоругвей.

Но у союзников резерва было больше: Ягайло ввел в бой свою 3-ю линию, до сих пор не участвовавшую в битве.

Подоспели вернувшиеся на поле хоругви Витовта. Крестоносцы оказались окружены, отступили к Грюнвальду; потом, к вечеру, все больше хоругвей предпочитало окружению и гибели бегство. Большую часть отказавшихся бежать быстро перебили победители; почти все бежавшие оказались переловлены или истреблены. С поля боя спаслось буквально несколько сотен человек. Несмотря на перспективу большого выкупа, пленных брали очень мало.

Трудно сказать, каковы были потери обеих сторон. Во всяком случае, погибло более 600 опоясанных рыцарей и руководители ордена во главе с Великим магистром.

И Валленрод, и Лихтенштейн не ушли с поля боя.

Кровавое торжество Польши и Литвы означало практически полное изменение не только хода войны, но и всей политической ситуации в Восточной Европе. Орден зашатался; стало очевидно, что славянские страны его сильнее и могут его уничтожить. До сих пор многие ученые всерьез осуждают Владислава Ягелло за нерешительность. Надо было, мол, сразу же идти на Мариенбург, брать крепость, добивать орден, пока не поздно.

Почему это не было сделано? Почтение к священным религиозным реликвиям, хранившимся в Мариенбурге?

Страх перед мнением Европы, для которой крестоносцы оставались борцами с язычеством? Желание закончить миром с теми, на чьей одежде нашиты огромные кресты? Такого рода чувства могли еще обуять Владислава Ягелло (хотя и на него все это не очень похоже). Но уж у Витовта такого рода соображений возникнуть никак не могло.

Стремление к миру? Но война шла между непримиримыми врагами. Впервые за двести лет (два столетия!!!) открылась возможность нанести страшному врагу окончательный удар, и я с трудом могу представить себе поляка, который бы этого не хотел.

Может быть, союзная армия была истощена, обескровлена на поле боя? Может быть, ее силы оказались подорваны сильнее, чем хотели бы признать и вожди союзников, и их хронисты? По крайней мере, я не вижу других причин для поведения, которое неизменно ставят в вину Ягелло: вялое, нерешительное продолжение войны. Может быть, польский король просто собирался с силами?

По мнению решительно всех историков, Торуньский «вечный мир», подписанный 1

февраля 1411 года Владиславом II Ягайло, великим князем Витовтом и представителями ордена, не отражал масштабов победы [50].

По Торуньскому «вечному миру» орден отказался от претензий на Добжиньскую землю, уплачивал значительную контрибуцию. По Торуньскому миру Жемайтия воссоединилась с остальной Литвой и уже никогда не выходила из состава ее земель.

Наверное, для современников не так уж важны были пункты Торуньского договора или размеры добычи. Сам факт: орден потерпел сокрушительное поражение.

И все-таки проблема оставалась, потому что оставался орден.

Тринадцатилетняя война 1454—1466 годов

Во владениях ордена оставалось польское Поморье и Пруссия, и далеко не всем обитателям этих земель нравилось владычество псов-рыцарей. Ну, допустим, крестьян как-то никто особенно не спрашивал. Но существовали еще и такие беспокойные элементы, как горожане и мелкое рыцарство. Этот слой, не особенно богатый, но и далеко не бедный, без больших привилегий и родословных, уходящих в эпоху Великого переселения народов, но и без неприятной современному человеку крестьянской униженности. Зародыш среднего класса, этой общепризнанной основы современных европейских наций.

В XV веке было горожан еще немного, всего 4—5% населения; крохотный островок индивидуализма, личной независимости и труда по договору и за деньги в море людей, живущих подневольным аграрным трудом; в море замков и крестьянских хижин, общинное и дикого бесправия, можно сказать, решительно всех.

Для государства и для феодалов горожане были одновременно очень полезными людьми: ведь именно через них шла торговля, ремесленное производство, у них скапливались какие-никакие, а деньги. Без денег государство больше не могло существовать, и короли, и герцоги вынуждены были все серьезнее прислушиваться к голосу горожан.

С другой стороны, сам род занятий горожан требовал некоторого образа жизни, — скажем, некоторых гарантий безопасности и человека, и его собственности со стороны государства и закона. Требование казалось феодалам просто вопиюще возмутительным. Почти таким же возмутительным, как требование позволить всяким худородным горожанам, которые и копыта-то держать толком не умеют, самим решать, какие с них надо брать налоги и на что эти налоги будут тратиться.

В результате горожане постоянно оказывались и полезными, даже необходимыми, и в то же время беспокойными, склонными к бунтам и ниспроверганию основ. К тому, чтобы ставить под сомнение то, в чем несколько не сомневались ни дворяне, ни крестьяне: например, в пользу общинной, роевой жизни. Горожане были подозрительны и неприятны: очень уж отличались они и от крестьян, и от дворян, от сословий аграрного, земледельческого общества.

И по роду занятий, и по образу жизни, и по своему мировоззрению.

Феодалы сопротивлялись, как могли, изо всех сил старались дать как можно меньше прав и свобод наглым и развязным горожанам. И останавливал их только страх зарезать курочку-золотые яички. Ну и страх, что сосед разрешит горожанам больше и горожане перекинутся к нему. Так было везде, и вопрос состоял только в том, как много смогут вырвать города из глотки королей и князей и сколько феодалы смогут отнять у горожан.

Но в Польше и Литве города давно уже жили по Магдебургскому праву — сами выбирали должностных лиц, сами собирали налоги и пошлины и были весьма независимы от феодалов и даже от королевской власти.

Ни о каких таких новшествах, как Магдебургское право, и речи быть не могло во владениях Тевтонского ордена.

Здесь действовали совсем иные правила игры, пришедшие из другой эпохи. И не только в эпоху дело, конечно. Государство ордена оставалось государством, возникшим в

следствии завоевания, и со всеми «завоеванными» там и обращались соответственно. В немецком языке до сих пор существует отвратительное слово «Undeutsch» — в буквальном переводе «ненемец». То есть лицо, которое по происхождению не является немцем.

Большинство горожан на территории ордена сначала было немецким. Потом появились, разумеется, и польские ремесленники, и купцы, а в Гданьске-Данциге они составляли большинство: ведь Гданьск уже был захвачен орденом, как крупный морской порт и торгово-промышленный центр. За два столетия жизни в Прибалтике даже сами немцы утратили гонор завоевателей. Это были уже некие местные немцы, Ostseedeutschen, то есть прибалтийские немцы.

От Ostsee — немецкое название Балтийского моря; «восточное озеро» в буквальном переводе. И Deutschen — «дойчен», то есть самоназвание немцев. И эти местные немцы уже совсем не обязательно хотели жить под орденом. Их тоже манило Магдебургское право, привлекали пониженные ставки налогов...

Горожане и мелкое рыцарство Поморья и Пруссии все больше тяготеют властью орденой олигархии, все сильнее хотят отойти к Польше. Основную роль в дальнейших событиях сыграл союз городов Пруссии и Поморья — Прусский союз. На арену истории все увереннее выходили горожане.

В феврале 1454 года, в годы правления Казимира IV Ягеллончика, Прусский союз отказал в повиновении ордену и заявил о присоединении к Польше. За несколько недель городские ополчения овладели всеми городами и крепостями Поморья и Пруссии, вышибли из них солдат ордена и попросили Польшу принять в свой состав эти земли [51].

Младший сын Владислава-Ягелло был яблочком, которое недалеко укатилось от яблоньки. Нежная и, надо сказать, вполне заслуженная любовь к ордену сочеталась в нем с хитростью и государственным умом. Его не нужно было долго уговаривать немножечко помочь повстанцам, и началась новая война.

Эту войну было очень трудно проиграть, и, тем не менее очевидная победа все оттягивалась и оттягивалась. Одна причина ясна. Казимир IV был сыном своего отца еще в одном отношении: он гораздо больше боялся проиграть, чем хотел выиграть.

Вторая причина пикантна: орден смог опереться на балтийские страны, которые опасались выхода Польши к Балтике. Датчане так очень не хотели этого выхода, не желая пускать к морю нового конкурента.

У московитов все происходящее с ними в их представлении ново, все исключительно, все происходит в первый раз и не имеет аналогов. Многие в Российской Федерации до сих пор, наверное, уверены: только Московскую Русь в середине-конце XVII века пытались не пустить к морям!

Вот вам и другой случай, и тоже со славянской державой, в двух шагах от Московии.

Война тянулась тринадцать лет и так и вошла в историю, как Тринадцатилетняя война 1454—1466 годов.

19 октября 1466 года Польша и Тевтонский орден заключили, наконец, мир. По Торуньскому миру орден отдал Польше Восточное Поморье с Гданьском, Хельминскую и Михайловскую земли с г. Торунем, то есть не только вернул Польше ее исторические земли, но и обеспечил Польше выход к Балтике.

Уменьшившийся почти вдвое орден признал себя вассалом Польши. Были и еще стычки и небольшие войны.

В одной из них принимал активнейшее участие епископ города Торуня, неплохой врач, математик и механик, некий Миколай Коперник. Среди всего прочего, он так хорошо расположил артиллерию замка Фромборк, что штурмующие его орденовые войска за два часа стрельбы потеряли половину наличного состава и в панике отступили.

В 1511 году магистром Тевтонского ордена стал Альбрехт Гогенцоллерн, в 1485 году утвердившийся на престоле курфюрстов города Бранденбурга. В 1517 году Лютер прибил свои знаменитые листы к дверям церкви. Началась большая смута, реформация. В ходе реформации население в Германии уменьшилось на треть, кое-где исчезло и совсем.

В обезумевшей стране царил один только закон — право сильного. Воспользовавшись страшной смутой, в 1525 году Альбрехт объявил территорию Тевтонского ордена своим наследственным княжеством — герцогством Пруссия. С тех пор нет никакого Тевтонского ордена на карте, есть Бранденбургско-Прусское государство, потом Пруссия. С Тевтонским орденом было покончено, хотя и не так радикально, как он того заслуживал.

Остался, правда, восточный аппендикс Тевтонского ордена — Ливонский орден, на который не нашлось пока своих Ягелло и Витовта. Военная мощь Ливонского ордена разлетелась вдребезги под первыми же ударами московитских войск.

Ливонская война началась в 1558 году, и тут же Ливонский орден пал. Территорию его начали делить соседи, и этот осколок самых мрачных страниц Средневековья навсегда исчез из истории и с географической карты.

Глава 12 ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО. ВЗЛЕТ ДО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1410—1569 ГОДОВ

Традиции традициям рознь. Одно дело традиция векового рабства и феодального застоя, и совсем другое — традиции свободы, демократии. Нас интересуют именно эти традиции Западной Руси, которые унаследованы от Киевской Руси.

А. Ю. Дворниченко

Витаустас-Витовт княжил как независимый князь до своей смерти от старости, до 1430 года. После него великим князем литовским, русским и жмудским стал младший сын Ягелло, уже упоминавшийся Казимир. Старший сын Ягелло, Владислав, с 1434 года стал королем Польши и с 1440 года — королем Венгрии.

Но в 1444 году Владислав III погиб в несчастной битве с турками при Варне, в битве, открывшей туркам путь к Константинополю. В Польше же настало бескорольевье, и необходима стала уже привычная эклессия. В 1457 году Казимир IV Ягеллончик был выбран польским королем и опять соединил два титула вместе. До 1492 года унии ничто не угрожало.

Но в 1492 году, помимо других событий, произошло и это — преставился, вернул Богу душу Казимир IV, и на два престола выбрали двух его сыновей: Яна на польский престол, Александра на литовский.

С избранием двух сыновей Казимира на разные престолы уния распалась, но в 1501 году Ян I Ольбрахт, король польский, умер, и после избрания Александра польским королем польско-литовская уния оказалась восстановленной все тем же способом — путем соединения двух титулов в руках одного человека.

Младший сын Казимира IV, Сигизмунд I Старый, стал королем Польши и великим князем литовским в 1506 и оказался долговечен, правил до 1548.

Ему наследовал сын, Сигизмунд II Август. После его смерти в 1572 году и в Польше, и Литве династия Ягеллонов прервалась.

Именно на эти годы, на время правления Витовта и Казимира IV, приходится высший взлет государственности Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского.

Потом, в XVI столетии, начались постоянные войны с Московской Русью и постоянные же отъезды в Московию православных князей и бояр.

А XV век — это век присоединений и территориального роста. В начале XV века великий князь Витовт присоединил к Великому княжеству Литовскому Смоленскую,

Орловскую, Калужскую, Тульскую, Курскую земли. Граница государства проходила восточнее Вязьмы, совсем недалеко от Москвы, в районе Можайска.

Поход на татар по наущению Тевтонского ордена привел только к разгрому Литвы в битве на Ворскле в 1399.

Попытка сыграть роль в политике татар, посадить на престол хана Тохтамыша вопреки желанию Тамерлана, провалилась. Но сама затея, кстати, говорит о масштабе литовско-русской политики того времени. Ни одно государство того времени не посмело бы бросить Тамерлану вызов.

Но и проиграв одну кампанию, Витовт умел побеждать татар и присоединил к Великому княжеству Литовскому еще и Нижнюю Подолию — территорию между устьями Днестра и Днепра. Территория Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского простерлась «от можа до можа»:

Балтийского на севере, Черного моря на юге. 90% территории и населения Великого княжества Литовского и в это время оставалось русским. Западная Русь стала могучей европейской державой и оставалась таковой до самого слияния Великого княжества Литовского с Польшей.

Это было государство, население которого пользовалось свободой, неслыханной для Северо-Восточной Руси.

Обитатели вассальных государств

Начать, вероятно, следует с того, что все русские княжества включались в Великое княжество Литовское строго на основаниях вассалитета. Князь становился подданным великого князя, но подданным своеобразным.

И великий князь, как сюзерен, и князь, как вассал, брали на себя обоюдные обязательства. Подчеркиваю — обоюдные.

Из отношений вассалитета вытекали по крайней мере три важнейших следствия, и все они имели прямое отношение к тому, как пошла дальнейшая история Великого княжества Литовского.

Во-первых, как бы ни велика оказалась по договору власть сюзерена, она обязательно имела ограничения. Вассал имел права, и по отношению к нему можно было далеко не все. Отношения вассалитета были договорными, были юридическими, и они воспитывали в духе уважения к договорам, к законности и порядку. И князей, и всех их подданных. В уставных грамотах — грамотах договора, по которому князь «держит» землю, договаривается великий князь с одной стороны, и князь от имени всей земли, всей вечевой земли — с другой.

И в этом нельзя видеть только некую идущую с Запада идею. Нет! Договорный строй государства восходит и к традициям Древней Руси. Привилеи, дававшиеся великими князьями князьям отдельных земель, — это не просто перечисления дарованных привилегий, как можно заключить из названия; это фактически договоры между князем и подданными, и эти привилеи обнаруживают несомненные черты «ряда», то есть договора времен Киевской Руси. Древняя Русь была несравненно более культурной страной, чем Аукшайтия, и ассимиляция шла в обе стороны.

А люди, правившие в городах от имени князя, до XVI века назывались наместниками и тивунами. Слово «тиун (тивун)» в Западной Руси вовсе не исчезает, как в Восточной.

Во-вторых, отношения вассалитета вполне можно было и разорвать, как и всякие договорные отношения. И сюзерен, и вассал, если они оказывались недовольны другой стороной, имели и право, и вполне реальную возможность прервать отношения. Вассал не мог безнаказанно совершить измену — бросить сюзерена во время войны, вступить в сговор с его врагом, соблазнить его жену, подбивать на бунт других вассалов. Это сурово осуждалось и кодексом рыцарской чести, и законами. И население тоже не прощало тому, кто отступался от правил игры.

Если вассал совершал недостойный, подлый поступок, низкий по мнению общества, в

котором он жил, ему грозило не только и даже не столько преследование по закону.

Грозил и совместный поход сюзерена, и всех остальных вассалов на того, кто оказался недостойным.

Но было и другое, более важное. Вассалы нарушителя получали право тоже нарушить клятву верности. А без вассалов самый сильный князь сразу оказывался без войска.

Родственники нарушителя отворачивались от него; самые преданные уговаривали каяться, искать примирения с сюзереном. Жены отказывали в общей постели. И даже простонародье, всегда согнутые в покорности холопы, осуждали.

В темную голову забитого, нищего люда, до сих пор ломавшего шапки, могла вползти опаснейшая мысль, чреватая поджогом, бунтом, невыходом на барщину: а вдруг наш князь — вовсе не настоящий князь?!

Итак, отношения вассалитета были чем-то основополагающим для феодального общества, чем-то без преувеличения священным, и ни сюзерен, ни вассал не могли безнаказанно нарушить условий договора или нанести внезапный удар в спину.

Но вассал вполне мог поменять сюзерена и не становился от этого ни предателем, ни нарушителем обычая.

Вассалитет вовсе не требовал от него, чтобы вассал всегда, всю жизнь был предан только одному сюзерену. Испортились отношения с великим князем литовским? Можно пойти в вассалы Тевтонского ордена. Можно в вассалы Москвы. Можно — в вассалы польского короля. И Швеции.

И Чехии. И Венгрии. Все одинаково можно; все одинаково не будет позором.

В той реальности, в которой жила Западная Русь, князья могли выбирать между Великим княжеством Литовским и Московией. Отъезжая в Москву, князь вовсе не нарушал обычаев, законов и традиций. Он только пользовался своим правом — таким же очевидным, повседневным, как солнечный свет или плодородие земли.

А вместе с князем «отъезжала» и земля. Князь был только живым воплощением; чем-то вроде ходячего символа своей земли. Если разрывалась вассальная связь великого князя и князя Смоленской, Полоцкой и какой угодно иной земли, тем самым разрывалась связь этой земли и Великого княжества Литовского. Князь становился вассалом великого князя московского. Земля входила в состав Московского княжества, Московии. Все на законном основании, все в полном соответствии с традицией. Разрушение Великого княжества Литовского в XV—XVI веках происходило в полном соответствии с его собственными законами, обычаями и традициями.

В-третьих, неукоснительно действовал принцип «вассал моего вассала не мой вассал». Князь киевский, черниговский или пинский становились вассалами великого князя.

Но не их подданные. Русские земли продолжали историю, начавшуюся при Рюрике (а скорее всего и до Рюрика).

Ученые всерьез спорят, на кого распространялись привилегии и статуты великих князей литовских. Есть серьезные основания полагать, что в XIV и даже в XV веках к жителям русских княжеств их указы относились далеко не всегда.

Для русских князей это было и плохо, и хорошо. Плохо потому, что в результате они не получали права участвовать в управлении всем великим княжеством, не становились придворной знатью. Хорошо потому, что каждый из них оставался правителем своей земли; никто не лез в традиции управления русскими землями, и каждая земля продолжала свою историю.

Во всех русских городах сохранялся вечевой строй.

В том числе и в городах, где потом московские князья искоренят самую память о вече: в Смоленске, в Брянске. Не только в Новгороде и Пскове, но и в Смоленске, и в Пинске, в Киеве, в Турове роль князя становится «служебной». Земля договаривается с князем, и отношения земли и князя определяются «рядом». В Полоцке традиция договоров князей и вечевого строя так сильна, что начинают говорить о «полоцком праве» и «полоцком княжении», как об эталоне.

В 1471 году умирает последний князь киевский Семен Олелькович. Великий князь литовский пользуется этим, чтобы упразднить княжество, и сажает своего воеводу и наместника Мартина Яновича Гаштольда. Киевляне восстают, не желая принимать к себе католика. Но восстают очень цивилизованно, вовсе не устраивая русский бунт, бессмысленный и беспощадный. И это не бунт на коленях, подача челобитных и проливание слез. Киевляне собирают вече и предъявляют великому князю ряд требований, опираясь на традицию своей земли. И великий князь Казимир, сын Ягелло, вступает с Киевом в самые серьезные переговоры.

В это самое время, кстати, происходит битва на Шелони, когда войска московского князя разбили новгородское ополчение, а Иван III велел увезти вечевого колокол в Москву. Вечевые традиции на Западной Руси, как видно, продолжают существовать. Более того, они становятся неотъемлемой частью политической традиции Великого княжества Литовского.

Перспектива Великого княжества Русского

В 1430 году умер Витовт, и великим князем стал младший брат Ягайло, Свидригайло Ольгердович.

Может быть, Свидригайло и сидел бы себе на троне (он имел на него полное право), если бы не вступил в борьбу с Польшей. Польша захватила Подолию, и в очередной (в который уже!) раз брат пошел на брата войной.

Войну Свидригайло проиграл, и в 1432 году был свергнут с трона. Попытки Свидригайло снова овладеть престолом в 1435 году завершились его разгромом у Вилькомира, в современной Белоруссии. Так же безнадежны оказались его войны в 1437 и 1440 годах. С 1440 года безвременье кончилось, и на престол великого князя сел Казимир, младший сын Ягайло.

Свидригайло окончательно потерял возможность занять великокняжеский престол и в 1452 году умер в Луцке, владея Волынью.

Казалось бы, заурядная феодальная война и что о ней?!

Но в том-то и дело, что опирался Свидригайло в основном на районы с русским населением и на русских князей. Русские князья провозгласили Свидригайло великим князем Русским; над Западной Русью всерьез реял проект Великого княжества Русского. И активнее всего поддерживали эту идею как раз районы с самыми прочными традициями вечевого строя.

В «Истории Украинской ССР» восстание Свидригайло трактуется даже, как «национально-освободительное движение в Великом княжестве Литовском в XV веке» [52].

Говорить о широком национальном движении, в общем-то, не приходится. За Свидригайло шел феодальный класс, да и то не весь; шли городские вече; говорили эти люди от имени всей «земли», и говорили по традиции очень уверенно, но слой этот был очень узок. И сомнительно, чтобы им удалось поднять широкое народное движение, даже если бы они захотели. Но они и не захотели.

Но «движение Свидригайло», или «восстание Свидригайло» ясно показывает — русские князья уже недовольны существующим положением. Или правительство Великого княжества Литовского включит их в состав своего феодального класса, наравне с литовскими феодалами, или они отделятся, создав собственное государство. А это будет означать, что великие князья литовские останутся с 15% своей территории — с Аукшайтией и давно прикипевшей к ней Черной Русью.

С конца XV века пошел процесс включения русского феодального класса в состав литовского шляхетства. А честнее и правильнее сказать — в это время формируется шляхетство, и русские принимают в его формировании самое активное участие.

Дворянство и шляхетство

Ни в Европе, ни на Руси в IX, X, даже в XIII веке не было никакого такого дворянства. Если бы житель королевства франков, современник Карла Великого, услышал это слово, ему пришлось бы долго объяснять, что это все значило. Рыцарь — это был для него рыцарь, граф — это был граф, а оруженосец — оруженосец. И не было слова, которым можно было обозначить их всех, и много других групп «дворянства». Тем более, что многие «дворяне» Европы имели собственные земельные владения, которых их нельзя было лишиться ни при каких обстоятельствах, и в этом отношении напоминали вовсе не русских дворян, а скорее уже бояр.

И когда под одно слово «дворяне» или «дворянство» подводят все многообразие землевладельцев, служилых людей, обладателей различнейших привилегий, возникает, мягко говоря, некоторая путаница.

Точно так же и в Киевской Руси никакого такого «дворянства» не было и в помине.

Была «нарочитая чадь», «лучшие люди» — местная родовая знать, главы крупнейших и богатейших семей и общин.

Были бояре — владельцы наследственных земельных владений, которые князь не мог отнять.

Были дружинники — служилые люди, прямой аналог западного рыцарства. Старшая дружина с боярами «думали думу» вместе с князем, могли давать ему советы. И бояре, и дружинники могли получать кормления, уделы, то есть территории, дань с которых они собирали в свою пользу.

А дворянства не было, и Русская Правда его не знает.

Ни Правда Ярослава, созданная в XI веке, в эпоху Ярослава Мудрого. Ни Правда Ярославичей, сыновей Ярослава и его внука Владимира Мономаха, переработка и доработка XII—XIII веков.

И дворянство позднейших времен в Российской империи, и те, кого называют этим словом в Европе, по своему происхождению восходят к этим разнообразным группам знати. Вот только способы формирования дворянства там и здесь очень различны.

В русском языке «дворянин» — это человек не самостоятельный по определению. Человек, чье общественное положение определяется не его имуществом, не его привилегиями или правами, а тем, что он находится на боярском или княжеском дворе и несет службу. Разумеется, его положение все же лучше положения дворника или дворовой девки и часто приближалось к положению придворного (так сказать, того же дворянина, но только на царском дворе). Но положение дворянина имело с положением дворника больше общего, чем кажется: и тот, и другой не имели никаких прав, не были самостоятельны экономически и социально и полностью зависели от воли владельца двора.

В XII—XIII веках на Руси бытовало понятие «вольные слуги» — в отличие от феодально-зависимого населения имения боярина. С XIV века боярин жалует «вольному слуге» землю — прообраз поместья.

Складывается централизованное государство — и дворянству даются земли-поместья («по месту»). Земли эти не их, и как только дворянин перестает нести службу или несет ее плохо, так земли уже можно отбирать. Это и называется «условное держание», то есть держание земли на определенных условиях. В отличие от землевладельца, дворянин ест и пьет до тех пор, пока его служба устраивает настоящего хозяина земель, будь то крупный феодал или государство.

Добавим к этому, что в Московии не было ни обоюдных вассальных клятв, ни рыцарского кодекса чести, тоже обязательного и для вассала, и для сюзерена, ни тем более составления каких-либо договоров. Соответственно, ничто не гарантировало дворянину его положения, даже если он будет нести службу самым исправным образом. Назовем вещи своими именами: гарантия прав появляется только там, где отношения сторон строятся на договоре. И там, где есть кому проследить за условиями выполнения договора.

Скажем, в Британии условия соблюдения Хартии вольностей были очень простыми: сто самых знатных баронов Британии обязаны были объявлять королю войну, как только он нарушит хотя бы один пункт этой самой Хартии вольностей. В этом случае был договор, были и силы, способные заставить осуществлять договор, даже если одна из сторон хочет этот договор нарушить.

Если же договор между сторонами отсутствует и если некому проследить, соблюдаются ли писанные законы и традиции, никто не защищен от действий другой стороны.

Разница в том, что дворянину разрывать отношения невыгодно, а порой просто смерти подобно. А вот хозяину земель... В каком-то случае и ему неумно сгонять дворянина с земли. А в каком-то может оказаться и выгодным, если можно посадить на эту землю лучшего «вольного слугу».

Или князь, боярин, государство сгоняют того, кто стал неприятен им, не вызывает уважения, вызвал раздражение или неудовольствие. И сажают на его место вовсе и не лучшего... Но более приятного, так скажем. Ведь в любом случае ответ на вопросы, кто получает поместье, кто остается в поместье, зависит только от произвола хозяина земли.

А ведь лишение поместья будет для дворянина тем же, что и революция для представителя привилегированного класса: потерей и общественного положения, и средств к существованию, и всего привычного мира.

И вот тут-то общественное положение дворянина и впрямь приобретает много, чересчур много общего с положением дворника и даже, увы, дворовой девки. Потому что если он останется условным держателем земли, то вовсе не потому, что проявлял где-то отвагу, переносил тяготы походов, лазил на крепостные стены с саблей в зубах. Не потому, что его седеющая не по годам голова прорублена в нескольких местах, а ноющие кости предсказывают скверную погоду за неделю. Если дворянин останется сидеть и спокойно помрет в своем поместье, если он сам и его дети не будут разорены, то по единственной причине — по милости владельца земли.

Сходство общественного положения порождает и сходство общественной психологии. Дворянин с его «условным держанием» земли, разумеется, приложит все усилия, чтобы его службишкой были как можно более довольны, чтобы не возникало никаких трений, никаких проблем, никаких неудовольствий и сложностей... Конечно же, он окажет хозяину какие угодно услуги, лишь бы он не прогневался, не обиделся, остался бы довольным, явил бы ясное личико, не лишил бы поместья, не пустил бы нагого на снег, пожалел бы малых детушек, благодетель он наш, кормилец, поилец, земной бог и властелин живота нашего.

Слово «дворянин» впервые упоминается в Никоновской летописи под годом 6683 от сотворения мира (1174 по Рождеству Христову) и не как-нибудь, а в рассказе об убийстве великого князя владимирского Андрея Боголюбского.

«Граждане же боголюбств (из города Боголюбове. — А. Б.) и дворяне его (Андрея) разграбиша домъ его» [53]. Сообщение, на мой взгляд, очень однозначное. Дворяне в этом тексте упомянуты именно как дворня, как слуги, живущие на дворе Андрея Боголюбского. И ведут они себя тоже, как дворня и дворники, а отнюдь не как люди, обладающие понятием о чести нобилитета и о поведении, подобающем для элиты.

Осмелюсь напомнить самое ужасное, что такова общественная психология не подонков общества, не идиотов, не нищих на паперти и не бездомных пропойц, променявших жизнь на бутылку с сивухой. Так вынуждены вести себя представители общественной элиты, военная и административная верхушка общества. Вынуждены? Несомненно! Но проходят поколения, психология укореняется, становится чем-то совершенно естественным, даже разумеющимся само собой. Тем более, что дети с малолетства наблюдают за унижением отцов и дедов, за общей обстановкой в своем общественном кругу и совершенно оправданно учатся на примере старших.

А вот в Европе это было совсем не так; дворянства в том смысле, в котором это слово применяется к знати Московии и Российской империи, не было.

В Европе было одно слово, пришедшее еще из Римской империи. И отнести к самим себе это слово не отказались бы ни «нарочитая чадь» и бояре, ни князья, ни дружинники.

В латинском языке есть несколько слов с корнем *gen*, хорошо известных современному человеку хотя бы уже через школьную программу по биологии — гены, генетика, муха дрозофила, передача наследственных признаков.

В поздних вариантах латыни, на которых говорила огромная империя, *gens*, *gentis* означало род, порода. Вообще всякая совокупность живых существ, связанных общим происхождением. Соответственно *gentilis* — по латыни соплеменник, сородич. Непосредственно от этих слов происходят старофранцузское *gentil* — родовитый, благовоспитанный и *gentilhomme*. *Gentilhomme* — слово, существующее и в современном французском языке, и переводимое на русский как «дворянин». От французского слова происходит, учитывая произношение, и английское *gentleman* — джентльмен. Джентльмен — не что иное, как местная, британская модификация все того же корня «гентил» (в британском произношении — «джентил») [54].

Если сделать смысловой перевод, получается что-то вроде «человек, имеющий происхождение». В условиях феодализма это человек, чьи предки уже были известными и благородными. В наше время и в наших условиях про людей этого типа и круга говорят что-то типа «интеллигенция далеко не первого поколения».

Другим словом является также восходящее к латинскому слово «*noble*», что можно перевести как «лучшие» или «избранные».

В современном английском языке *noble* (ноубл) имеет значение «благородный» и может быть использовано, как имя собственное и как слово «дворянин».

Соответственно, *noblewoman* — дворянка. А «из знатной семьи» — *of noble family*.

Принадлежность к мелкому и среднему дворянству обозначается словом *gentry* (джентри), происхождения которого я не выяснил. Причем мелкое и среднее дворянство определяются исключительно по размеру доходов, а не по числу привилегий.

Естественно, во французском и английском языках и двор, как хозяйственная единица, и королевский или императорский двор (в языке эти понятия различаются) обозначаются совсем другими словами.

В английском языке двор — *yard* (ярд); но ярд — это только тот самый двор, который метут, пустое пространство перед домом; а вот домашнее хозяйство, то есть «двор» в русском понимании, со всеми постройками, скотом и огородами — *menial*. При этом дворец правителя обозначается пришедшим из французского словом *court* (курт). Перевести на английский слово «дворник» невозможно, таких реалий в Британии нет. А дворня будет *house-serfs* от *hous* — дом и позднего латинского слова «сервы» — лично зависимые слуги, или *menials*, то есть «люди хозяйства», но в их число включаются не только прислуга, но и садовники, огородники, пастухи; это работники, обрабатывающие поля, и даже зависимые люди, которые самостоятельно работают на фермах. Все это — *house-serfs*.

Как видно, в западных европейских языках нет никакого общего корня для тех слов, которые остаются однокоренными в русском — для дворянина, дворянства, дворни, дворника и двора. Сами языки не сближают эти совершенно разные понятия. И в переводе — ложь! Потому что русский аналог сам собой, по нормам русского языка, заставляет нас предположить совсем другой смысл, которого не было в латыни, во французском и в английском.

В романо-германской Европе дворянство — нобилитет, гентильмены, то есть некие «лучшие» люди. Те, чьи предки уже были известны, благородны, занимали престижное место в обществе.

В русском языке этим словам больше всего соответствует слово «знать». То есть знаменитые, известные, и притом — потомки знаменитых и известных.

Нельзя, конечно, сказать, что на Руси вся знать сводилась к дворянству и что дворянство — это вся русская знать.

Но на Московской Руси дворянство настолько преобладало над всеми остальными

группами знати — тем же боярством, что постепенно поглотило все эти группы, стало само именем нарицательным для всей русской и не только русской знати.

Точно так же и немец прекрасно поймет слово «нобилитет»: а в самом немецком дворянин — E'delnann, то есть знатный. E'delfrau, соответственно, дворянка. E'delleute, A'delige — дворяне.

При этом двор по-немецки Hof, дворня — Hofgesinde; а дворник — Hausknecht (здесь слово производится от Haus — дом, и Knecht — слуга, батрак). Как видите, ни малейшей связи «двора» и «дворника» с «дворянством».

В польском языке есть коренное польское слово, обозначающее дворянина, — «землянин». То есть, попросту говоря, землевладелец, а все же никак не дворник. Есть и еще одно слово, означающее дворянство: «можновладство».

То есть имеющие право владеть. Смысл тот же.

Но, вообще-то, в Польше очень мало использовалось это слово, а в Литву — Западную Русь оно практически не попало.

В Польше было два слова для обозначения разных групп знати, и оба эти слова стали очень известными, международными; они наверняка хорошо известны читателю.

Крупных дворян, владевших обширными землями, называли «магнаты». Слово происходит от позднелатинского pagnas или pagnatus, т.е. богатый, знатный человек. Магнаты — это те дворяне, которые имели свои частные армии, а часто и прочие атрибуты государства в своих владениях.

Дворяне, которые были не так богаты и должны были служить в армиях (в том числе у магнатов), назывались шляхтичами, шляхтой. Польское слово «шляхта» (szlachta) происходит от древнегерманского slahta, что значит род, порода. Слово известно по крайней мере с XIII века. Первоначально так называлось рыцарство, низшая часть военной аристократии, служилое дворянство.

Но отсюда пошло и слово «шляхетство» (szlachectwo), что чаще всего переводится, как «дворянство». И зря переводится, потому что это глубоко не правильный перевод.

Шляхетство никогда не было сословием, значимым только потому, что оно сидело на чьем-то дворе и получало пожалование из чьих-то ручек.

Во-первых, значительная часть шляхетства имела собственность, в том числе землю. А поскольку отобрать у них эту собственность было нельзя в принципе, то шляхтич при желании мог вообще нигде не служить, ничем не заниматься, валять дурака и просто жить в свое удовольствие, не особенно обременяя себя службой. Редко, но примеры такого рода бывали.

Во-вторых, шляхетство имело права. Неотъемлемые права, которые тоже не могли быть отняты без самых веских оснований. Шляхтич, как и дворянин в странах Западной Европы, имел право личной неприкосновенности. Нравы оставались дичайшие, в школах при монастырях шляхетских недорослей монахи секли, — случалось, и девочек, и совсем больших парней, но поднять руку на взрослого шляхтича не мог даже король. Даже по суду к шляхтичу не могли быть применены позорящие наказания. К шляхтичу в любых обстоятельствах обращались уж по крайней мере вежливо.

Более того. Шляхетство имело столько прав и привилегий, что их обилие поставило под сомнение саму польскую государственность. Ни в одной стране — ни европейской, ни азиатской — дворянство, еггелентен, эдельманы не было настолько привилегированным сословием. Польша в этом отношении вполне уникальна.

Оформление шляхетства как осознающего себя сословия со своими привилегиями, ограничениями, своей системой корпоративного управления произошло в XIV—XVI веках, и происходил этот процесс так своеобразно, что результаты его трудно назвать иначе, нежели причудливыми.

Юридическими документами, оформившими шляхту как сословие, стали Кошицкий привилей Людовика I Анжуйского от 17 сентября 1374. Шляхта поддержала Людовика как кандидата на престол Польши, и за это на нее распространились права, которыми до сих пор

обладали только высшие феодалы. В числе прочего — права не платить почти никаких налогов, кроме обязательства служить королю и занимать различные должности (от этого «налога», кстати, шляхта никогда и не отказывалась).

В 1454 году, в разгар войны с орденом, шляхта отказалась воевать, пока король не даст всего, чего требует шляхта. И Казимир IV дал шляхте Нешавские статуты, подтвердив ее привилегии и расширив ее права в управлении государством: например, в выборах короля на сеймах и сеймиках. Кроме того, шляхта получила неподсудность королевским чиновникам, кроме разве что самых тяжелых преступлений.

В 1505 году шляхетский сейм в г. Радом издал постановление, вошедшее в историю, как Радомская конституция. Король признал конституцию, и она стала законом.

Согласно Радомской конституции, король не имел права издавать какие-либо законы без согласия сената и шляхетской посольской избы. Закон об «общем согласии», «либерум вето» означал, что любой закон мог быть принят, только если все дворянство Польши не возражает. Даже один голос против означал, что закон не прошел.

Шляхтич имел право на конфедерацию, то есть право на создание коалиций, направленных против короля.

Шляхтич имел право на рокош, то есть на официальное восстание против короля. Шляхтичи имели право договориться между собой (конфедерация) и восстать (рокош).

Комментировать не берусь, потому что аналогии мне неизвестны. Радомской конституцией окончилось оформление политической системы, в которой сейм стал основным органом государственной власти, стоящим выше короля.

Конечно же, между шляхтичами существовало огромное различие в уровне доходов, а тем самым и в реальной возможности реализовать свои привилегии. Разумеется, какой-нибудь пан Ольшевский в продранных на задку шароварах, родом из Старовареников, где подтекает прохудившаяся крыша, только очень теоретически был равен королю или даже богатому пану. Но магнаты никогда не были отдельным сословием и постепенно вошли в шляхту на самых общих основаниях. Самый богатый пан, обладатель сотен деревень и городов, главнокомандующий частной армии, вынимавший из ножен саблю с рукоятью, осыпанной крупными алмазами, имел в законе те же права и обязанности, что и пан Ольшевский, не больше и не меньше. И на любом сейме и сеймике пан Ольшевский из Старовареников точно так же топорщил усы, выпячивал грудь и был готов хоть сейчас применить свое право на «*liberum veto*».

Разумеется, такого пана Ольшевского было не так трудно подкупить и даже вовсе не деньгами, а просто устроив пир на весь мир. Чтобы оголодавшие по своим Старовареникам паны ольшевские поели от пуза колбас, окунули роскошные усы в немерянное число кружек с пивом и вином... и проголосовали, как их просят, по-хорошему.

Но необходимость покупать, запугивать, убеждать, уговаривать сама по себе ставит богача-магната на одну доску с самым захудалым, лишившемся всяких средств к существованию шляхтичем. Даже самая нищая, не имевшая постоянных доходов шляхта, носившая не очень почетное название загоновой, имела нечто неотъемлемое, присущее ей по определению, и с этим приходилось считаться всем — и королям, и магнатам.

— Цыц! Молчи, дурная борода! — заорал Государь Московский и Всея Руси Иван III на старого, всеми уважаемого князя Воротынского. Только что отъехавший из Литвы князь не набрался еще московского духа; он осмелился, видите ли, возражать царю — нашему батюшке и тут же получил урок.

Можно, при желании, и не пострадать от гнева барина... Я хотел сказать, конечно, от царя. Например, боярин Иван Шигона очень даже выслужился перед Василием III, сыном Ивана III и отцом Ивана IV. Василий III решил постричь в монахи жену Соломонию. Причиной стало то ли бесплодие Соломонии, необходимость иметь наследников, то ли, как говорили злые языки, страстное желание царя жениться на Елене Глинской. Ситуация возникла деликатнейшая, и весьма выигрывали в ней понятливые слуги — например, митрополит Даниил с его проповедями о том, что бесплодное дерево исторгается из сада вон.

Соломония не хотела в монахини; билась, кричала, сорвала с себя монашеский куколь, топтала ногами. Нужен был тот, кто усмирит постылую царицу. Иван Шигона здесь же, в церкви, прошелся по Соломонии плетью, усмирил ее, заставил принять постриг и стал этим очень любезен сердцу великого князя. И сделал придворную карьеру в отличие от всяких шептателей и болтунов, втихаря осуждавших Государя Всея на Свете за развод с женой, возведение на престол девицы сомнительного поведения.

И чем отличается поведение дворянина Ивана Шигоны от дворни, бегущей вязать Герасима по единому мановению даже не руки, бровей барыни (помните сцену из «Муму?»), я не в силах понять. Дворян даже лучше, потому что ни при каких обстоятельствах не могла бы поднять руку на барыню, жену барина, что бы там барин ни выделывал.

Так вот, я не идеализирую политического строя ни Польши, ни Великого княжества Литовского. И не пытаюсь рассказывать сказки о фактическом равенстве всех шляхтичей перед законом. Фактического равенства перед законом, кстати, и сейчас нигде не существует, хорошо, если декларируется юридическое равенство. Но, по крайней мере, шляхтич, как он там ни был порой беден и угнетен, никогда не был и не мог быть ничьим рабом и холоумом, как Иван Шигона и митрополит Даниил.

Любой загоновый пан Ольшевский из Старовареников привык, что он для всех пан, а его жена пани, что говорить с ним надо с уважением, что права его неотъемлемы, и что он не кто-нибудь, а шляхтич. А дети смотрели, как перед их папой снимают шляпу, слышали, как с ним говорят на «вы»... и учились. С детьми и внуками самого занюханного пана Ольшевского, которому мама и бабушка, может быть, только что поставила заплатку на исподнее, не приключилось бы того, что с детьми знатнейшего князя Воротынского, побогаче иного магната. Не получили бы они такого же урока.

При этом в Польше дворян было много, в отличие от прочих стран Европы. В Великой Польше шляхты было до 8% населения, в Мазовии — даже до 20%, в разных областях Великого княжества Литовского — от 3 до 6%. То есть школу цивилизованной жизни, уважения к человеческой личности и в том числе к самим себе проходил довольно заметный процент народонаселения.

Интересно, что слова «шляхетство», «шляхетность», «шляхетный», «шляхетский», широко употреблялись в Российской империи в XVIII веке. Слово вошло даже в название учебных заведений: Сухопутный шляхетский корпус (1732), Морской шляхетский корпус (1752).

По-видимому, было в этом слове нечто достаточно привлекательное, в том числе и для жителей Российской империи.

В Литве долгое время, по существу, до присоединения остатков Западной Руси к Российской империи, сохранялось и слово «боярин». Но слово это имело немного иной смысл, чем в Московской Руси. Там, в Московии, чем дальше, тем больше лишались права неприкосновенности и сами бояре, и их земли. В Литве бояре так и остались людьми, обладавшими полным набором рыцарских шляхетских привилегий и прав, владельцами неотторгаемых земель.

Но бояре не были тогда, в XIV—XVI веках, и не стали впоследствии символом рыцарства, а вот шляхетство таким символом стало. И не только в Литве и на востоке Европы.

В Великом княжестве

Что характерно, процесс становления шляхты, ее превращения в силу большую, чем королевская власть, происходил и в Западной Руси — Литве. Развитие шло в том же направлении — от сильной княжеской власти ко все большему расширению прав шляхты и ослаблению великих князей.

В XIV веке литовские князья имели даже больше власти, чем киевские. Великий князь

литовский был неограниченным правителем. Вече в его землях не существовало. Рада при князе напоминала Боярскую думу — совещательный орган, а не законодательный.

Князь считался верховным владельцем всех земель, и он лично утверждал все акты о передаче недвижимости из рук в руки.

Кроме того, он считался собственником всего достояния государства. Государственная казна носила название «господарского скарба», то есть княжеского имущества.

Земли, в том числе и в Черной Руси, получали из рук князя привилеи, или уставные грамоты. Но это были не договоры князя с местным князем или с населением, а просто пожалования, которые князь может дать, а может и отобрать.

В XIV веке политический строй Литвы больше походил на московский, чем на польский. Но в XV веке все стало меняться, и в ту же сторону, что и в Польше.

С середины XV века Совет великого князя постепенно трансформировался в Раду панов (Совет знатнейших вельмож). По привилею 1447 года и по привилею князя Александра 1492 года Рада панов фактически ставила под свой контроль власть великого князя.

В конце XV — начале XVI века при активном участии Рады был создан новый судебник, а князь Александр обязался не посылать послов, не отнимать должностей, не раздавать в держание пограничных замков, не проводить государственных расходов, не судить, не вести внешнюю политику без участия Рады.

Рада из чисто совещательного органа все больше становится зародышем парламента (пока — по воле великого князя!).

На Московской Руси это — время Ивана III, время закручивания гаек, превращения уже не только дворян, но и бояр в забитых, знающих свое место слуг великого князя. Время, когда царь-батюшка изволил драть свое священное горлышко, не погнушался лично обляять старого князя Воротынского. Время, когда царь Иван III засыпал во время пира, и все бояре и дворяне боялись шелохнуться. Вдруг, проснувшись, царь-батюшка прогневается на них за беспокойство?!

Стоит ли удивляться, что Литва становится весьма привлекательна для бояр и дворян? Ведь в Литве и в Польше шло расширение прав и свобод, когда в Московии их зажимали.

Другой орган власти шляхты, который выдвигал кандидатов на пост великого князя, назывался Тайная рада.

В соответствии с законом 1492 года, носителем власти в Литве становился не князь, а бояре и дворяне, шляхта, органом власти которых был их съезд — сейм.

На Бальном сейме, где выбирался великий князь, присутствовали князья и бояре, на Великих вальных сеймах, где принимались законы, — вся шляхта.

В XV веке православные войти в Тайную раду не могли.

Фактически, конечно, верхушка православной знати участвовала в работе Тайной рады, но тайно, нелегально. Только в 1563 году, когда было уже поздно, вероисповедные ограничения были отменены. Но на Бальном сейме с 1492 года присутствовали и православные — опыт восстания Свидригайло был учтен.

Весь XVI век роль князя все больше становилась служебной, как в Польше и как в Новгороде Великом! Его земли становились не вотчинными, а должностным владением, так как должность князя стала выборной.

Если раньше государственная казна называлась «господарским скарбом», то теперь она стала называться «земским скарбом», то есть общественной собственностью. Князь даже не мог брать деньги из казны без совета с Радой.

В «Общеземских привилеях» XIV и XV, тем более — XVI века великих князей неоднократно подчеркивалось, что князь имеет право подвергать панов и шляхту личным наказаниям и конфискациям не иначе, как по суду и по закону.

Чиновники могли судить шляхтича лишь за некоторые преступления: разбой, убийство, насилие над женщиной, ранение шляхтича. За все остальные преступления судебное разбирательство вел лично князь.

Эти же привилегии давали шляхте корпоративные права: собираться на сеймы, занимать высшие должности в государстве и главное — выбирать великого князя.

Литовские статуты — сборники законов Великого княжества Литовского, вышедшие с 1529 по 1569 годы, — отражают тот же процесс, что и польские законы XIV—XVI веков — отток реальной власти от великого князя, приобретение шляхтой все большей власти, независимости, самостоятельности.

Когда в 1508 году Михаил Глинский «поссорился» с великим князем Сигизмундом и бежал в Московию, это вовсе не было актом протеста против национального или религиозного угнетения. Никто Михаила Глинского и не думал угнетать, а восстал он потому, что великий князь Сигизмунд не отдал ему головой его кровного врага пана Заберезского и даже прямо не велел вести частную войну. «Восстание» Михаила Львовича Глинского и состояло в том, что он напал на Гродно, убил своего врага и велел нести перед собой пику с его отрубленной головой. Великий князь объявил «посполито рушенье» — сбор всех верных великому князю людей, а Михаил Глинский бежал в Московию со всем своим кланом.

В Московии он тоже быстро «восстал», потому что Василий III дал ему в кормление Медынь и Малый Ярославец, а Глинский хотел Смоленск. Ну, и «побежал» обратно в Литву. Тут-то и проявилась коренная разница между этими государствами. Михаила Глинского поймали, заковали, и не сносить бы ему головы, если бы он не заявил о переходе в православие, а Елена Глинская не стала бы женой царя.

Автор совершенно не собирается идеализировать своеволие и сумасбродный гонор феодальной вольницы. Поведение князя Михаила, соответственно, двоюродного деда Ивана IV, отнюдь не было поведением мудрого государственного деятеля, ни даже беглеца от дискриминации. Это поведение совершенно отвратительного и одуревшего от безнаказанности самодура. Когда племянница, став вдовой великого князя московского, заморит дядюшку в тюрьме голодом, свершится страшная, отвратительная, но справедливая: Михаилу Глинскому отольется тем же, что он всю жизнь нес другим людям.

Но «восстание» Михаила Глинского — прекрасный показатель того, что у русской православной шляхты все меньше резонов создавать собственное государство. В Литве у них возможности почти те же, что и у католической шляхты в Польше, и пользуются они ими не менее самоубийственно.

На другом общественном полюсе

Не следует, впрочем, видеть в Великом княжестве Литовском такого уж идеала свободы. Даже и полной аналогии с Западной Европой тоже не было. Там, во Франции, в Италии, постепенно все становилось свободнее. На периферии же Европы свобода одних совершенно последовательно будет покупаться несвободой других. В те же самые века — XV и XVI, когда шляхтич в Великом княжестве Литовском становился все свободнее и свободнее, приобретал действительно очень большой диапазон прав, полным ходом шло закрепощение крестьянства.

Феодальная зависимость крестьян существовала всегда, изначально — уже как обязанность платить налоги, нести повинности в пользу государства или того, кому государство велит нести эти повинности. Крестьянин должен был ремонтировать мосты, давать подводы для перевозки грузов, поставлять панам молоко, яйца и овощи, ткать полотно.

И в законе крестьянин не был равен дворянину. Еще Киевская Правда, родившаяся в XI веке, дополненная в XII и XIII веках, придавала огромное значение тому, кто обижает кого. Если дружинник князя обижает другого дружинника, пусть платит за это такие деньги, чтобы искупить причиненный вред. За оторванное ухо полагается один штраф-вира; за выбитый глаз уже другая, за оторванные пальцы — третья. Нехорошо причинять ущерб друг

другу, и причинивший признается виновным и должен этот вред исправить. Справедливо? Вполне справедливо.

Если дружинник обижает холопа, это тоже нехорошо: пусть платит деньги владельцу холопа за причиненный его собственности вред. В своем роде тоже справедливо, хотя справедливость получается какая-то варварская, отдающая немного то ли временами Древнего Рима, то ли «Хижиной дяди Тома».

Но уж если холоп обижает дружинника!! Тут-то наступает очередь какой-то совсем уже страшенькой, прямо-таки вампирической какой-то справедливости: по Русской Правде дружинник имеет полное право безнаказанно убить холопа, и даже денег его хозяину платить не надо. Хозяин сам виноват: зачем плохо следил за своей собственностью?

Великое княжество Литовское оставалось частью Европы и в конце XII, и в XIV, и в XV веках. Но его правящий класс, конечно же, и не думал вводить законы, по которым начнет жить общество спустя века (да и не имел о них ни малейшего представления). Общество в княжестве оставалось феодальным обществом, и крестьянин был неравноправен. Неравноправен в законе, нес феодальные повинности. Судебник Казимира 1468 года оставался не более демократичен, чем Русская Правда или московский Судебник Ивана III 1492 года.

И здесь постепенно шло закрепощение крестьянства, ограничение его прав и свобод. Формально данные великим князем привилегии относились, естественно, к дворянству. Не вонючим же мужикам давать привилегии, не их же доступ к великому князю регулировать! Но привилегии феодалам давались за счет мужиков. Потому что это были привилегии брать, запрещать, пользоваться и заставлять: и чем дальше, тем таких привилегий делалось больше.

Привилегии 1387, 1432, 1434 годов давали все больше привилегий феодалам, все больше отнимая у крестьянства.

Привилегии 1447 года, данный Казимиром IV, подтвердил все привилегии, выданные в 1387, 1432, 1434, и превратил феодальную зависимость в оформленное крепостное право.

Крестьянин становился «крепок земле» и окончательно не мог с нее уйти по своей воле.

В XVI веке в Великом княжестве Литовском возникло даже что-то вроде конституции. Кодексы феодального права утверждались в 1529, 1566, 1588 годах и назывались Литовскими статутами (от латинского *statuo* — «постановляю»).

Статут 1588 года был подготовлен как свод всего литовского права — и на тот случай, если Литва останется в составе одного государства с Польшей, и если она станет самостоятельной. Статут подробно определял юридический статус разных сословий, их отношения друг с другом и с государством.

Так вот, по статуту 1588 года создавалось единое сословие крепостных крестьян. В это сословие вливались разные группы закрепощенных слуг, разные разряды крестьян.

Раньше каждая группа слуг, каждый разряд крестьян были закрепощены по-своему и каждый индивидуально. Теперь крепостными стали все, и притом одинаковыми крепостными. Больше никто не выбивался из общей картины.

Впрочем, и помимо статуты закрепощение шло через саму систему землепользования.

В 1547 году Сигизмунд Август издал правила переустройства великокняжеских земель: «Уставу на волоки».

И власти провели «волочную померу» — обмер и передел земель в великокняжеских, а потом и в частных владениях.

Это был первый земельный кадастр, первое подробное описание всех земель княжества, введение строгой системы использования всех земель.

Что значит «волочная»? Волок был главной мерой измерения земли в Великом княжестве Литовском. Волок — это было столько, сколько может обработать один человек, если будет пахать на лошади. Считалось, что если один работник поднимает больше волока, то земля окажется попросту плохо обработанной. Если меньше... Ну зачем же крестьянину пахать меньше, чем он физически способен?

Волок равнялся 30 моргам, или 19,5 десятины. По волочной мере каждый

крестьянский двор получал в трех полях по 33 морга земли. Раньше было больше? Отрезали. Раньше было меньше? Давали еще. Почему в трех полях? Потому что трехполье. Не умеешь так хозяйствовать? Научим. Не хочешь трехполья? Заставим.

За каждый волок крестьяне работали на барщине по 2 дня в неделю, кроме остальных повинностей — строительства дорог, поставки панам овощей, молока, птицы.

После «волочной померы» крестьянин не мог ссылаться на то, что его семья держала эту землю с незапамятных времен. Связь с бывшими наследственными наделами земли разорвалась. Всю землю дало государство! Крестьяне были уравнены между собой и все дружно обречены платить, платить и платить. А главное — работать и работать.

Земля в Великом княжестве Литовском родила хорошо, барщина была выгодна, феодалам был выгоден фольварк, то есть собственное хозяйство, клин собственных земель, обрабатываемых мужиками.

Столетия спустя ученые нашли определение: фольварочно-барщинный способ ведения хозяйства.

Глава 13 ГОРОДА РУССКОЙ ЕВРОПЫ

— Я русский и в то же время европеец.

— Так не бывает...

— Почему?!

— Так они там все несчастные...

Разговор на научной конференции

Кто такие горожане

Во всех странах Средневековья были крестьяне и гм... гм... ну, пусть будет так, использую привычное слово: были дворяне. Но не везде были горожане. То есть города были везде абсолютно, в любой минимально цивилизованной стране. Но вот горожане, как особое сословие, как особая группа людей со своими нравами, привилегиями, чертами быта, живущая по своим особенным законам, — такое было не везде.

Города были везде, а вот горожане — только в тех странах Европы, которые приняли наследие Великого Рима.

В Риме каждый город имел свою сельскую округу, и этой округой управлял муниципалитет — выборный орган горожан. Город был привилегированный, потому что в нем жили граждане, имевшие право избирать и быть избранными в местные органы власти. А деревня оставалась бесправной, в ней жили обитатели вилл — вилланы.

Город как административная единица у римлян назывался *civitas*. К концу империи *civitas* было общепринятым названием городской общины. В этом смысле слово сохранилось до сих пор в романских языках. Тем же словом называли совокупность всех граждан (*cives*) римского государства. *Civis Romanus sum!* — Я римский гражданин! — гордо говорил римлянин, носитель неотъемлемых гражданских прав. Тот, за кем стояла необозримая мощь колоссальной империи. Даже вне пределов империи эта формула помогала избежать местного правосудия. Один человек слаб, но в защиту своих граждан империя, не задумываясь, бросала закованные в броню, хорошо обученные легионы.

От этого слова пошло и современное интернациональное слово «цивилизация», — так прочно в сознании западных европейцев утвердилась связь города, культуры и гражданского

общества.

А сельский округ, принадлежащий городу и управляемый из города, назывался *pag*. Житель пага в поздней Римской империи назывался *paganos* или *paganus*, и отсюда как раз происходит современное слово «поганый».

Вторгаясь в пределы империи, варвары грабили, разрушали, сжигали города. Завоевав куски империи, франки, вандалы и бургунды убеждались, что города все-таки необходимы, но что делать с ними — не знали. Ни в одном кодексе законов раннего Средневековья до IX—X веков нет даже упоминания городов. Деревня была варварам понятна, там шло смешение варварских и римских законов, обычаев, образа жизни. Обнищавшие, пустеющие города продолжали жить по римским законам, оставались осколками уже не существующего общества.

До конца Средневековья города оказались крохотными островками гражданского общества в беспредельном море живших общинами деревень.

В странах, возникших на месте Римской империи, сохранялось уважительное отношение к горожанам и пренебрежение к сельским жителям, крестьянству. Виллан — это невозможно перевести ни русским «крестьянин», ни немецким «бауэр». Это — деревенщина, лапотник, холоп. Сиволапое быдло, мордовать которое, издеваться над которым — признак хорошего тона.

В странах, не входивших в империю или в которых практически сменилось население (как в Британии), к крестьянству относились получше. Свободные бонды Скандинавии, английские йоменри — крестьяне-середняки, бауэры Германии вызывали уважение независимым поведением, самостоятельностью, практичностью. Крестьяне не просили ни привилегий, ни земель, а сами могли помогать королям и герцогам, если считали нужным. Составляя 80—90% населения, они хранили вековые традиции народа, его историческую память, его дух. «Купецкое происхождение не есть подлое», — говорят, поговаривал Григорий Шелихов, открыватель Русской Америки.

Жители Скандинавии, Британии, части Германии согласились бы — «крестьянское происхождение не есть подлое».

И польские Пясты скорее выигрывали в глазах шляхетства, скакнув в короли из мужиков.

Крестьяне могли стать рыцарями. Для этого было надо всего-навсего купить полное рыцарское вооружение и боевого коня. В Германии, в Скандинавии бывали периоды, когда короли охотно верстали в рыцари богатых мужиков.

Да и крестьянское ополчение оставалось очень грозной силой: северный тип развития, господа! Столетнюю войну для Англии чуть было не выиграли английские лучники, все как один происходившие из йоменри. И помешали им все те же горожане, французские горожане, вышедшие на историческую арену под знаменами Жанны Д'Арк.

Но и в этих странах, за пределами бывшей империи, тоже появлялись горожане. Общество развивалось, возникало разделение труда, города становились нужны. Эти новые города, выросшие уже после падения Западной Римской империи (Магдебург, Эдинбург, Гдыня, Краков), все равно жили по тем же законам, что и древние города из сердца римского мира — Женева, Орлеан или Неаполь. Жить по этим правилам было удобно и очень привлекательно для горожан. Судите сами: во времена сплошного рабства, сплошной личной зависимости горожанин рабства не знал.

Совсем. Человек, включенный в списки городских граждан, не мог быть продан в рабство, не мог лично зависеть от кого-то. Более того, в городе не мог жить раб. «Городской воздух делает свободным», и всякий, кто проживет в городе год и один день, получает свободу, даже если на нем ошейник раба. В городе нельзя держать рабов.

Город управлял собой сам, через выборный муниципалитет и через выборного голову. В городе улицы расходились от площади, на которой стояли собор, в котором по воскресеньям собирались все жители города, и ратуша — здание, из которого управлялся город. На той же площади по субботам шумел рынок и бил фонтан, из которого горожанки

брали воду.

Феодалы очень любили владеть городами — у горожан водились деньги. Феодалы очень не любили, когда города становились вольными, то есть когда они никому не платили. И город окружал себя стенами повыше и покрепче, чем иной королевский замок.

В городе трудно было сделать большие запасы продовольствия, тем более — воды. Осада дорого обходилась феодалам, но еще дороже горожанам.

Скучившись за тесным пространством, за стенами, город жил грязно, неудобно, без отдельных комнат для детей и без садилов перед коттеджами. Эпидемии косили горожан, и город часто превращался в мышеловку.

Но зато — свободно. В странах, где в деревнях жили вилланы, горожане были единственными свободными людьми, кроме дворянства. И даже свободнее дворян, потому что не были связаны ни службой королям, ни кодексом рыцарской чести.

И за свободу — боролись. Расскажу одну историю... Из тех, которые называют историческими анекдотами, потому что достоверность их сомнительна. Но если даже история и выдумана... Впрочем, надо рассказать саму историю.

Когда-то, в середине XI столетия, на улицах некоего города появился незнакомый человек. Он просил подаяние, брался за какую угодно работу и тем кормился первые несколько месяцев. Потом он стал помогать зеленщику в его торговле; появился свой угол, постоянный источник дохода.

А через один год и один день жизни в городе человек пришел на ратушную площадь и дернул веревку колокола. Такие колокола стояли на многих площадях. Тот, кто просил справедливого суда, мог прийти и дернуть за веревку. Горожане соберутся на сход и дадут тебе то, что сочтут справедливым.

Город согласился дать незнакомцу гражданство, и в списки граждан внесли имя, которое он назвал. А еще через год город осадил войско грозного герцога. На этот раз герцог просил не денег, не подчинения города. Он просил только одного: выдать ему бывшего слугу, человека, который оскорбил его, герцога, обесчестил его дочь, обманул его доверие.

Город должен подумать. Сколько надо думать городу?

Сутки. Хорошо, сутки герцог подождет.

В лагере герцога высоко горели костры, доносились разухабистые песни, стук молотков — сколачивали лестницы. А в ратуше заседал Совет самых знатных семейств города, собиравшийся по самым важным поводам. Прошел день и вся ночь до утра, и городской магистрат вышел к герцогу.

— Человек обманул город, и мы накажем человека сами, — сказали старейшины герцогу. — Но город не может выдать того, кого признал гражданином.

— Но он обманул вас!

— Это дело города. Мы не можем отдать гражданина.

Никто не будет уважать город, который отдает своих граждан.

— Тогда я пойду на ваш город и возьму свое силой.

— Но, может быть, герцог возьмет у нас выкуп?

— Нет. Герцог не возьмет ничего, кроме крови своего обидчика.

— Тогда — война.

— Война.

Раз за разом шло на приступ города закованное в латы феодальное войско. Герцог был богат, и к стенам приставляли широкие лестницы, по которым поднимались по три воина в ряд. Герцог был очень могуществен, и тысячи работников насыпали вдоль стен города валы, чтобы можно было подняться на уровень стен и метать стрелы в защитников, а потом перекинуть мостики. Десятки защитников города полегли в самые первые дни. Собор наполнился гробами.

Не стало подвоза свежей пищи, и сразу начались болезни. Люди болели, умирали.

Специальные машины бросали в город камни, горящую паклю, и было много раненых.

Занимались пожарами, от дыма стало нелегко дышать.

И тогда новый гражданин сам пришел в ратушу и предложил: пусть он уйдет, и пусть герцог сделает с ним все, что хочет, но пощадит остальной город. И опять весь день и всю ночь заседал Совет самых знатных семейств. И Совет постановил наутро: продолжать войну с герцогом до тех пор, пока герцог не отступится от города или пока в городе есть еще живые люди. А обидчику герцога город запрещает уходить и запрещает отдавать себя во власть герцога. Раз он гражданин, его судьба — в руках города, а никакого не герцога.

Конец рассказывают разный: и что герцог взял город, и совершил свою месть. И что герцог города не взял. Называют даже фамилии потомков обидчика герцога, до сих пор здравствующих в Орлеане. Или в Тулузе — есть и такая версия.

Говорят еще, что незнакомец все-таки тайно, среди ночи, спустился по веревке со стены, ушел в лагерь к герцогу, и герцог убил врага, а наутро снял осаду города. А город вычеркнул его из списков граждан. Не за то, что навлек на город бедствия, а за то, что ослушался города. Тот, кто не подчиняется городу, недостойн носить имя его гражданина.

Есть и такой конец истории.

Не буду спорить, насколько подлинна эта история, какие реалии за ней стоят и в каком городе произошли эти события. Гораздо важнее, по-моему, само желание рассказывать такого рода истории, утверждая свое право на свободу. А если говорить о реалиях, стоящих за красивым вымыслом (Или все-таки не вымыслом? Кто знает?)... Реалии в том, что горожане были вооружены не хуже феодалов, отважны, и справиться с ними оказывалось все труднее. Феодалы обожали рассказывать сказки о трусливости, подловатости горожан, которые если и побеждают, то только ударяя в спину, исподтишка.

Но 11 июля 1302 года под городом Куртре, во Фландрии, горожане били вовсе не в спину. В 1300 году король Франции захватил богатую Фландрию, множество городов которой могли дать приличный доход. Вот только горожане думали иначе и в 1302 году восстали, перерезав и разогнав королевских наместников. И раньше не вся Европа так уж хотела стать подданными королей, в том числе и короля Франции. Но раньше против Карла Великого выступало или племенное ополчение саксов, или рыцарская конница Тосканы. Ни рыцари, ни мужики Фландрии не участвовали в Брюггской заутрене, когда жители города Брюгге, а потом и остальных городов Фландрии дружно резали людей короля.

11 июля 1302 года под Куртре королевское войско во главе с родственником короля, графом Д'Артуа, встретилось с народным ополчением Фландрии под командованием башмачника В. Жилье. Граф Д'Артуа вел 10 или 12 тысяч всадников; 7500 из них были опоясанные рыцари имевшие право на всевозможные знаки отличия. Городское ополчение составляло не меньше 13, но не больше 20 тысяч человек. Точнее сказать невозможно. Никто из знатных не сомневался, что все будет как всегда и вечер 11 июля станет вечером резни бегущих горожан. Тех, кто еще сможет бежать. Никто из них ведь не понимал, что на арену истории вышла новая сила и что теперь все будет по-другому.

Земля дрожала и гудела, когда, тронувшись шагом и все ускоряя движение, десять тысяч закованных в сталь всадников пошли в полный опор. Казалось, нет в мире силы, способной выдержать удар рыцарского войска. Но горожане мало походили на шатавшихся от голода вилланов. Их оружие было не хуже рыцарского, а кирасы, может быть, и крепче. Ведь делали их для себя. Рыцари оказались остановлены, потом отброшены. Опять дрожала земля, но уже под копытами бегущих. Горожане бежали вслед и часто догоняли. Рыцарский конь в латах, под тяжелым всадником, не мог долго скакать в полную силу. 4 тысячи рыцарских трупов нашли победители на поле своей славы, 700 пар золотых шпор собрали они, и потому битва у Куртре вошла еще в историю как Битва шпор.

Рыцарство Франции стонало, что никогда не оправится от столь страшного поражения, а гадкие горожане, не умеющие должным образом почитать феодалов и феодальную систему, прибили рыцарские шпоры к городским воротам Куртре. И всякий входящий в ворота волей-неволей вспоминал о победе городов над рыцарским войском.

Время стерло горечь поражения. Но даже в XVII, в XVIII веках вежливые люди не

говорили с французскими дворянами о битве при Куртре, о воротах с прибитыми к ним шпорами. Это была та самая веревка, о которой не надо говорить в некоторых домах.

При каждом удобном случае города старались освободиться от власти даже самых милых феодалов, и к XIV веку мало было в Западной Европе городов, принадлежащих феодалам. Это на окраинах Европы, в том числе в Великом княжестве Литовском, еще и в XVI и даже в XVIII веке оставались частновладельческие города.

Города жили по своим законам, и эти законы прямо восходили к римскому праву. Ведь это были законы для свободных людей, для граждан, и даже королевские грамоты для дворян не очень подходили горожанам. В Германии и славянских землях города управлялись чаще всего по кодексу, разработанному в городе Магдебурге.

Магдебургское право

Большая советская энциклопедия о Магдебургском городском праве не очень высокого мнения: «Оно служило средством закрепления привилегий немецких купцов и ремесленников на заселяемых ими соседних и дальних территориях и сопутствовало немецкой колонизации Чехии, Силезии, Польши, Литвы и Галицко-Волынской Руси» [55].

Можно, конечно, спросить у авторов статьи, где они нашли немцев в Витебске и уж не были ли немцами войт, бурмистр и другие должностные лица во Львове и в Гродно?!

Всплеснуть руками и ужаснуться: это надо же, куда немцы, оказывается, пролезли! Можно спросить и о ином, уже нисколько не издеваясь. Например, не стыдно ли взрослым дядям заниматься такой гадостью, как подтасовка исторических фактов, и науськивать невежественных людей на представителей иного народа — в данном случае на немцев?

Карамзин и Соловьев просто не замечают того, что многие города Западной Руси управлялись по традициям Магдебургского права. Ни строчки они об этом не пишут.

А Магдебургское право — это свод основных законов, по которым может управляться торгово-промышленный город. Сложился этот свод в Магдебурге в XIII веке из разных источников. Из привилегий, данных городскому патрициату архиепископом Вихманом в 1188 году. Из постановлений суда шеффенов Магдебурга. Шеффены — это судебные заседатели, определявшие наказание вместе с судьей; своеобразные предшественники суда присяжных.

Важным источником Магдебургского права стало Саксонское зеркало — сборник феодального права, составленный в 1221—1225 годах шеффеном Эйке фон Репковым.

Это было первое универсальное законодательство, которое можно было применить в любом городе и которое исходило из права города на самоуправление. По Магдебургскому праву город был сувереном и законодателем, и все остальные пункты права исходили именно из этого.

Магдебургское право применялось во многих городах.

Уж очень оно было удобным. По традиции суд Магдебурга был высшим толкователем Магдебургского права и высшей апелляционной инстанцией.

Польские города давно жили по Магдебургскому праву и называли его иногда «немецким». Складывалась пикантная ситуация, когда немцы Тевтонского ордена прилагали колоссальные усилия, чтобы не дать жить по «немецкому праву» городам орденских земель с их смешанным славянским и немецким населением. А польские короли тоже прилагают все усилия, чтобы дать этим городам «немецкое право».

Впрочем, еще до вымирания Пястов и воцарения Ягеллонов Казимир III в 1365 году учредил высший апелляционный суд в Кракове, запретив обращаться в Магдебург по любым спорным вопросам. Поляки сами становились специалистами и не нуждались в других толкователях.

На территории Великого княжества Литовского Магдебургское право получили: Брест (1390), Гродно (1391), Слуцк (1441), Киев (1494—1497), Полоцк (1498), Минск (1499),

Могилев (1561), Витебск (1597).

Велик соблазн описать Магдебургское право, как развитие вечевого строя — от патриархальной сходки до строгой организации граждан, но это не так. Вечевые традиции даже мешали утверждению Магдебургского права. Сталкивались две очень разные традиции. Скорее можно говорить о взаимном проникновении двух традиций демократии, в результате чего городская демократия в Польше и Великом княжестве Литовском сложилась совсем не такая строгая, не такая формализованная, как на романо-германском Западе.

В обеих выборных коллегиях часто менялось число членов.

Иногда в некоторых городах создавалась еще третья, не предусмотренная законом коллегия — Совет тридцати или сорока выборных от цехов, который контролировал Раду в деле управления финансами и благоустройством.

Для решения важных вопросов собиралась громада — сходка всех горожан.

Для управления городом и для суда над горожанами избиралась Рада — совет во главе с бурмистром и лавничий суд во главе с войтом.

Город имел собственные доходы: часть торговых пошлин поступала в распоряжение Рады. Рада отвечала перед громадой за расходование денег.

Спустя века таким же образом будет жить в Российской империи земство — в режиме самоуправления, со своими финансами. Но земства появятся только во второй половине XIX столетия, а Магдебургское право введено в городах Западной Руси в XIV—XVI веках. В Российской империи городское самоуправление никогда не достигнет этого уровня.

В 1802—1808 годах в Киеве воздвигли монумент в честь получения городом Магдебургского права в 1494—1497 годах. Любопытная деталь: в Российской империи ставят монумент чужому достижению; а вот в Великом княжестве Литовском город получает право на самоуправление!

Главную роль в городах Великого княжества Литовского играли не бояре, как в Новгороде, а богатые купцы, которые занимали все выборные должности, как в Италии, Нидерландах, в Германии, в Польше. Тоже европейская черта.

На Востоке, скажем, в Китае или в Индии, были города в десятки раз больше и в сотни раз богаче любой европейской столицы, а тем паче Минска, Львова или Вильно. Но вот горожан на Востоке вполне определенно не было.

В Китае, правда, не было и такого замордованного, нищего, одичалого крепостного крестьянства, как во Франции или в Италии. Но там не возникло и горожан, как особой категории людей, которые резко отличаются и от крестьян, и от дворян. Нигде горожане не выделялись из обычных классов аграрного общества. Так было и в Северо-Восточной Руси, во всей Руси, на которую еще не пришла Европа.

А в Европе было еще что-то третье — горожане. Великое княжество Литовское принадлежало Европе.

Горожане несли особые черты характера, малопонятные (порой — малоприятные) для аграрных классов общества: и для дворян, и для крестьян. Горожане были индивидуалистами. Горожанин очень хорошо отделял самого себя от общества и свой интерес — от интереса общества, короля или города. Горожанин плохо понимал, почему он должен скрывать свое желание нажиться и почему о его добрых делах никто не должен знать. В поведении горожанина проявлялось то откровенное своекорыстие, которого западный русский вовсе не стеснялся. Та показная, широкая благотворительность. Города жили гласно, шумно, открыто... По-европейски.

Два слова о городских ансамблях

Нет ничего нового в том, что городской ансамбль, даже отдельные здания несут в себе информацию и оказывают воздействие на человека. Говорить об этом подробно в этой книге нет ни малейшей возможности. Тут тема для совершенно отдельной книги. Здесь, на этих

страницах, я позволю себе отметить только два очень важных обстоятельства: старые русские города сохраняли хотя бы элементы того, древнего ансамбля, времен Киево-Новгородской Руси.

В Гродно — Борисоглебская церковь, постройки XII века. Во Львове — белокаменная церковь св. Николая XIII века. Особенно многое сохранилось, конечно же, в Киеве.

Это и Софийский собор постройки 1037 года, и церкви Кирилловская (XII век), Спаса на Берестове (1113—1125).

Это и комплекс сооружений Выдубецкого монастыря, известного с 1070 года. Михайловская церковь постройки 1070—1088 функционировала и в XV, и в XVII веках. Это и Киево-Печерская лавра, «печеры» которой известны с языческих времен, отстроенная в 1051 году.

Речь даже не о том, что эти сооружения были священными и очень важными для всего восточно-христианского мира местами и что они привлекали паломников со всего православного мира. А о том, что в совсем не древнем, жившем уже в совсем ином мире городе существовали и совсем не в виде руин вполне «живые», действующие памятники прошедшей эпохи. И это не только очень украшало жизнь, но и давало весомое, грубое, зримое, материальное осознание своего культурного наследия.

И второе... В Великом княжестве Литовском почему-то очень мало строили. Реально возводились в основном крепостные сооружения, а вот в древнерусских городах с XIV по XVI века построено очень мало, и то, что сделано, не идет ни в какое сравнение с сооружениями времен Древнего Киева. И такое положение дел, независимо от чьего-либо желания, показывало русскому человеку: вот, была когда-то великая эпоха. Эпоха, в которую строились достойные ее сооружения. А теперь в Великом княжестве Литовском героической эпохи уже нет, она закончилась. Причем и в Московии, и в Польше в эти годы возводятся величественные сооружения, которые сами по себе демонстрируют мощь создавшего их общества и государства.

Эти сооружения очень различны по назначению: в Москве непрерывно строится и перестраивается Кремль и система связанных с ним сооружений, символизирующих могущество Московского государства. В Польше монументальная скульптура, скажем так, несравненно более многообразна.

Но в любом случае Западная Русь в XIV—XVI веках оказывается не тем местом, в котором продолжается история.

Кстати, и после Люблинской унии в Великом княжестве Литовском строят крайне мало. По все-таки в русских городах появляются мощные каменные сооружения, и, кстати говоря, не только у католиков.

В Минске в 1622 году возводится православная Петропавловская (Екатерининская) церковь, барочные монастыри бернардинцев и бернардинок.

В Гродно — многочисленные барочные монастыри, в том числе иезуитский костел в 1667, костел и монастырь бернардинцев, который начали строить еще в «литовское» время, в 1505 году, да так до конца и не достроили.

В конце XVI века возводится дворец Стефана Батория.

В XVIII веке он столько раз перестраивался, что совершенно утратил первоначальный облик.

В Полоцке строятся каменные православные церкви, которые хоть и не имеют особенной художественной ценности, но ведь строятся!

В Киеве возводится удивительной красоты костел. А в Польше традиция монументального строительства никогда не угасала, и возведение каменных сооружений велось очень активно и в XIV—XVI веках, до Люблинской унии, и в XVI—XVII веках — после принятия ее.

Из всех крупных городов Западной Руси только Львов с 1349 года оказывается в составе коронных земель Польши.

Он был польским городом все время, кроме краткого и совершенно бесследного

пребывания в составе Венгрии (1370—1387). И это очень сказалось на формировании его ансамбля.

Напомню, что Львов впервые упомянут в летописях под 1256 годом. Основан он галицко-волыньским князем Даниилом Романовичем и назван в честь его сына Льва. С XIII века известна не только белокаменная церковь св. Николая, но и костелы Марии Снежной и Иоанна Крестителя. В XIV—XV веках (1360—1493) возводится готический кафедральный собор. В том же XIV веке армянской общиной строится Армянский собор (первоначальное ядро возведено в 1363—1370). В XVI—XVII веках в соборе появятся скульптурные надгробия и резные алтари, капеллы (усыпальницы) в стиле ренессанса, а православная община выстроит комплекс сооружений Львовского православного братства — Успенскую церковь, часовню Трех святителей, колокольню Корнякта.

В XVII веке в стиле барокко возведены костелы бернардинцев (1630), доминиканцев (1749—1764), а вокруг площади Рынок — много сооружений чисто гражданского назначения: королевский арсенал, ратуша в стиле классицизма.

Помимо всего прочего, многообразие постоянно возводившихся и достраивавшихся монументальных сооружений создавало ощущение продолжающейся истории. Во Львове героическая эпоха не окончилась со взятием Киева монголами; причем в устройство и украшение своего города внесли свою лепту и православные, и армяне-монофиситы.

Планировка и Львова, и городов Великого княжества Литовского складывалась в русле европейской традиции.

В Европе вообще не было представления о том, что все центры городской жизни должны быть как-то объединены в пространстве. Сама планировка отражала гражданский дух компромисса, гражданского согласия, внутреннего диалога.

Глава 14 ПРОКЛЯТАЯ ПРОБЛЕМА ЛИТВЫ

*Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и у других ногти нечисты.
Ибо, если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности.
И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.
Граф А. К. Толстой*

Почему же все-таки XV век стал последним веком роста Великого княжества Литовского? Во времена Витовта, в начале-середине XV столетия, достигнут предел территориального расширения княжества.

Еще что-то, конечно, происходит. Идут какие-то войны, принимаются решения, заседают сеймы и сеймики. Впереди — весь XVI век, несколько войн с Московией (1500—1503; 1507—1508; 1512—1522; 1534—1537). Еще будут создаваться Литовские статуты, впереди «волочная номера» и превращение любого шляхтича едва ли не в суверена. Строятся костелы, монастыри, гробницы, частные дома. Создаются великолепные произведения искусства. Иван Федоров, Петр Мстиславец и Франциск Скорина печатают книги на русском и церковно-славянском языках.

Но уже произошел надлом. В конце XV века отъезжают в Москву князья областей с Верхней Оки — Новосильские, Одоевские, Воротынские, Белевские, Вяземские. Вместе с ними «отъезжают» и их земли. Ведь они вассалы, а не рабы великих князей.

В 1500 году от Литвы отторгаются владения князей новгород-северских и

черниговских.

В начале XVI века Литва отдает Москве десятки городов, в том числе Брянск и Смоленск.

К середине XVI века Великое княжество Московское начинает военную агрессию, вторгаясь в пределы Ливонии.

И в 1569 году Великое княжество Литовское принимает унию с Польшей, сливается с ней в одно государство.

Объединительный сейм, в работе которого приняли участие феодалы и Литвы, и Польши, начал работу в январе 1569 года, в пограничном городе Люблине.

Литовская сторона, правда, в марте прерывает переговоры. По их мнению, поляки пытаются не соединить государства, а включить Литву в Польшу. Литва же настаивает на полном паритете объединяющихся государств.

И тогда поляки делают ход неоднозначный, но, несомненно, очень умный: польский король обратился к местным сеймикам и обещал при присоединении к Польше равные гражданские права, участие в совместном сейме и помощь Польши в обороне восточных границ Литвы, то есть против татар и московитов.

Шляхетская республика манит сильнее, чем возможность участия в делах господаря! Шляхта Подляшья, Волыни, в Брацлавском и Киевском воеводствах хочет тех же привилегий, что и в Польше. Сеймики этих областей заявляют, что уходят под польскую корону. Остановить их нет ни закона, ни сил, ни серьезных оснований, и в результате Великое княжество уменьшается более чем вдвое. От государства Витовта отрывается южная, самая теплая, плодородная и населенная часть.

Уния все-таки подписана 28 июня; 1 июля ее утвердили раздельно депутаты польского и литовского сеймов.

Согласно Люблинской унии 1569 года, возникало новое государство, в которое входили и Польша, и Литва, — Речь Посполитая (*Rzeczpospolita*), что в переводе означает «республика». «Польское королевство и Великое княжество Литовское есть один единый и неделимый организм, а также не разная, но единая Речь Посполитая», — говорится в акте унии.

Республика имела общего короля, избираемого совместно шляхтой Польши и Литвы. Единообразное государственное устройство предполагало введение одних и тех же административных единиц: воеводств и поветов. Создавалась одна денежная единица — злотый; отменялись взаимные пошлины. Согласно унии, Ливония рассматривалась как общее владение Литвы и Польши. На международной арене Речь Посполитая выступала как одно государство.

Согласно унии, в Литве сохраняется свое особое законодательство и суды; отдельные высшие административные должности, своя казна, войска. Официальным государственным языком остался древнерусский. На русском языке писались все официальные документы вплоть до 1791 года: Конституция 3 мая 1791 года в Речи Посполитой отменила остатки литовской государственности. Фактически Люблинская уния завершила процесс объединения Литвы и Польши, начавшегося Кревской унией 1385 года.

Уний, подтверждавших общность двух государств, было несколько между Кревской и Люблинской. «По единодушному и обоюдостороннему постановлению, воле и согласию мы присоединили, склонили и привели Польское королевство и Великое княжество Литвы к братскому союзу, желая им быть господином и повелителем» — так говорилось в привилее, который подписал Казимир Ягеллончик в 1447.

Люблинская уния завершала процесс объединения государств.

Поляки любят подчеркивать равноправный характер унии, равенство двух государств, вошедших в единую унию.

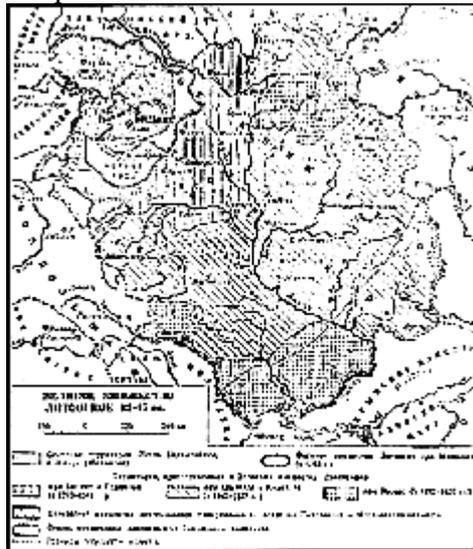
Если многих сведений вы не найдете в учебниках и справочниках Российской империи и СССР, то в польских учебниках и исторических сочинениях для массового читателя вы не найдете ни малейшего упоминания о восстании Свидригайло и о том, что за ним стояло.

Так же точно поляки совершенно справедливо подчеркивают более передовой, более европейский характер Польши в сравнении с Литвой, но очень не любят упоминания того, что в Речи Посполитой польский элемент абсолютно преобладал. Именно в эту эпоху часть летописей Великого княжества Литовского написана на польском языке, а у литовской шляхты обостряется комплекс неполноценности. А «на самом деле» Литва вошла в Речь Посполитую на условиях, которые гораздо ближе к инкорпорации, чем принято полагать (во всяком случае, принято в Польше).

Временами у самих польских историков прорываются убийственные признания. Например, когда на одной из карт Речи Посполитой в учебном пособии под надписью «Великое княжество Литовское» стоит: «к Польше с 1569» [56]. Но, как вы понимаете, под надписью «Польское королевство» отнюдь не стоит аналогичная надпись: «к Литве с 1569».

И становится очень ясно, кто же к кому присоединился.

Что называется, вот и проговорились...

Русь в XII-XIII вв.

В середине XVI века у начавшего отставать и разваливаться Великого княжества Литовского выбор оказался небогатый: или под Москву, или под Краков. И получается, что возможности самостоятельного развития Великого княжества Литовского оказались исчерпаны всего за сто лет после княжения Витовта.

Почему? Официальное мнение советской историографии: потому что разные территории Литвы очень различались по уровню социально-экономического развития и потому, что не было жесткой централизации. Великие князья Литовские сохранили в присоединенных землях большую автономию — и это-то привело к гибели их государственность.

По поводу системы вассалитета уже приходилось говорить. В XIV веке Великое княжество Литовское было ничуть не менее централизованным, нежели любое другое государство, в том числе и в Западной Европе.

Другое дело, что в XV, тем более в XVI веке система вассалитета становится, мягко говоря, несколько архаичной.

Как видно, Литва не прошла ни того же пути, что и страны Западной Европы (но этого пути не прошли и Польша, и Германия), ни пути, аналогичного пути собирания русских земель Московией. Так что главный вопрос следует задавать все же иначе, в иной редакции: не «Почему Литва недостаточно централизована?», а скорее так: «Что помешало Литве в XV—XVI веках стать более централизованным государством?»

Во всяком случае, неравномерность развития тут решительно ни при чем. В Московию вошли цивилизованные земли Западной и Северо-Западной Руси, а вместе с ними — и первобытные племена самоеды, для которых неизвестно не только строительство каменных городов, но и самое примитивное земледелие. И ничего: неравномерность развития нимало

не мешала Москве усесться чугушной задницей что на Новгород, что на самоедь.

Иногда упоминается и «национальный гнет в белорусских и украинских землях». Особенно настаивают на этой версии на Украине и в Белоруссии. Причем если при советской власти они говорили о национальном гнете Польши, то теперь речь последовательно ведется о национальном гнете и поляков, и русских.

Ну, допустим, ни украинцев, ни белорусов не было еще в XVI веке. Но ведь действительно именно русские составляют большинство населения Великого княжества Литовского, но не они создают эту империю. Не они — имперский народ, совершивший завоевания. Они — потомки тех, чьи земли завоевал аукшайт Гедиминас и его полурусские потомки. То есть русские — на положении завоеванного большинства. Как китайцы под маньчжурами или как славяне в империи немцев Габсбургов. Восстание Свидригайло как раз и показывает, что противоречия между русскими землями и аукшайтскими — были.

Ни в Польше, ни в Литве русские не составляют правящего слоя, а вот в Московии составляют, и в этом — ужасный соблазн! Великому княжеству Литовскому приходится совершать специальные усилия, чтобы оставаться королевством литовцев, русских и жемайтов. В этом они очень проигрывают Московии, нет слов.

Но есть много причин сомневаться, что национальный гнет так уж помешал бы единению жителей Великого княжества Литовского. Дело в том, что ну хоть вы меня убейте, а не было никакого такого национального гнета ни в Литве, ни даже в Польше!

Могло быть неравноправие земель, но никак не народов. 90% всей знати Литвы — русского происхождения, включая и саму династию потомков Гедиминаса. Литература, официальное делопроизводство, богослужение, обучение в учебных заведениях — все это в принципе осуществляется строго на русском языке. И если русский человек поднимается в верхи общества, получает образование, он выходит исключительно из своей локальной этнокультурной группки, из своей местности; но получение образования, карьера, проникновение в придворные круги вовсе не требовали отказа от своего языка или национальной принадлежности.

Скорее надо уж тогда говорить о национальной дискриминации литовцев. Им-то приходилось учить неродной язык для поступления на государственную службу, для занятия науками и искусствами.

И в Польше, как хотите, не вижу я никаких антирусских или там антиукраинских настроений. Для них, собственно говоря, не было и никаких оснований до того, как Юго-Западная Русь, будущая Украина, не оказалась в составе коронных земель. Пока совместное бытие под польской короной не оказалось чревато сплошными гражданскими войнами, да еще и прямым приглашением Московии поучаствовать в них (во внутренних, казалось бы, делах Речи Посполитой).

Естественно, антирусские настроения в Польше очень укрепились после разделов Польши и особенно после всего, что наворотили в Польше русские каратели, действовавшие и от лица Российской империи, и Советского Союза. В 1795, 1831, 1863, 1920, 1945. Но это все — дела только грядущих дней; то, что сбудется очень не скоро, после XVI века.

А вот в XV, XVI, даже начале XVII века — определенно не было в Польше никаких дурных чувств в отношении русских. Более того, русская шляхта составила очень заметный процент шляхты Речи Посполитой. Самые знатные, самые богатые магнаты всей конфедерации — русские по происхождению: Чарторыйские, Сапегы, Вишневецкие, Радзивиллы, Огинские, Острожские, Лисовские, Потоцкие. Некоторые из моих читателей наверняка встречали эти фамилии в числе «польских панов» и очень может быть — в числе злейших врагов Руси. Хотя бы в тексте озорной песенки времен Гражданской войны:

Сахар Бродского,
Шинель Потоцкого,
Красна армия жида Троцкого .

В этой песенке потомок русской шляхты князь Потоцкий выступает в роли то ли поляка, то ли еврея, но уж никак не русского человека.

Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны...

Песенка, в которой за одни скобки выносятся «псы-атаманы и польские паны», анекдотична до предела. Ни один уважающий себя «пес-атаман», что называется, не сел бы какать на одном гектаре с «польским паном», и это отношение вполне взаимное. А кроме того, «польские паны», если вдуматься, в лучшем случае наполовину русские.

Эти же фамилии «поляков» мелькают в тексте Алексея Константиновича Толстого, в его «Ночи перед приступом»:

Валя толпою пегою,
Пришла за ратью рать,
С Лисовским и Сапегою
Престол наш воевать.

Лисовский и Сапега — в качестве врагов русского престола, в качестве завоевателей... До чего грустно!

В исторической перспективе русская шляхта переходила в католицизм. При том, что для каждого семейства сроки были, разумеется, свои. Русская шляхта верно служила польским королям; так получилось, что служила даже вернее этнических, природных поляков (об этом — в следующих главах). В отношении русской шляхты Польское государство проявило исключительную терпимость, и именно эта терпимость, полное равноправие православного шляхтича и шляхтича-католика приводила к такой легкой, естественной полонизации.

Разумеется, русская шляхта постепенно смешалась с поляками, перешла в католицизм и постепенно перестала вообще от поляков отличаться.

Но, во-первых, процесс этот очень постепенный, занимающий буквально века. В XVI веке мы имеем дело с русскими православными магнатами. В XVII — начале XVIII века — с уже, как правило, окатоличенными, но все еще осознающими себя русской шляхтой. И только к середине XVIII века, к эпохе разделов Польши, понятие «русская шляхта» полностью утрачивает всякий смысл.

Как прикажете приписывать антирусские настроения, какую-то специфическую русофобию потомкам русских православных людей?! Даже Потоцким и Чарторыйским XX века, отстреливавшимся от банды Тухачевского и подумывавших о судьбе предков, отбивавших казачий «потоп» в XVII столетии, русофобия вряд ли так уж свойственна.

А еще в начале XVII века, как мы увидим, русская шляхта вполне могла мечтать о воссоединении всей Руси в едином униатском государстве... О чем — тоже в следующих главах.

Проклятым вопросом, расколовшим Великое княжество Литовское (да и Речь Посполитую), стал вопрос не национальный, а религиозный.

Волею судьбы вероисповедные проблемы оказались гораздо сложнее, чем проблемы национальные. Хотя, конечно, одна проблема легко накладывалась на другую: для огромной массы русских православных людей католицизм оказывается привилегированной религией привилегированного меньшинства завоевателей.

Ягелло принял католицизм не потому, что таково было его убеждение, а потому, что такова была цена за восшествие на польский престол.

Играло роль, несомненно, и желание принадлежать к богатому и энергичному западно-христианскому миру. Уж коли креститься, то чтобы стать частью этого мира, а не периферийного, все более поглощаемого мусульманами православного.

Возможно, была и еще одна причина...

«Ему самому ведь (Ягелло. — *А. Б.*), его братьям и литовскому окружению Польша импонировала своей культурой и своей позицией... Крещение по латинскому обряду... не только лишало крестоносцев аргумента, оправдывавшего их непрерывные походы на Литву, но и возвышало одновременно великого князя и его братьев... и литовскую знать над русскими князьями и боярами, устраняя присущее им ощущение неполноценности по отношению к русинам» — полагает современный польский историк Юлиуш Бардах.

Итак, религия самоутверждения...

Ну что с того, что часть католиков Речи Посполитой были не поляки, а русины?! Католицизм стал религией шляхты; религией барских фольварков, шляхетских сеймов, богатых городов, управлявшихся по Магдебургскому праву.

И что еще более важно — религией официальной, религией государственной. И притом религией насаждаемой, порой почти что насильственно... а бывало, что и без «почти что».

Кревская уния 1385 с Польшей уже включала такой пункт: переход в католичество всего Великого княжества Литовского. То есть, говоря более конкретно, окатоличивание тогда еще почти совсем языческой Аукшайтии и перекрещивание Руси в католицизм.

В 1387 году Ягелло дал привилей феодалам, исповедующим католичество. Подтверждались их вотчинные права, они освобождались от части натуральных повинностей в пользу великого князя, получали право заседать в сейме, получать должности, иметь гербы.

От положений этого привилея часто отступался Витовт, разумная политика которого удержала Литву от перспективы гражданской войны и выхода из состава Литвы всех православных земель.

Но и Витовт, скорее всего, не очень понимал, насколько серьезные проблемы стоят перед его православными подданными. Сам Витовт в 1382 году стал католиком. Получив во владение русские православные уделы Берестье и Городню, перешел в православие; в 1385 снова перешел в католицизм. Очень может быть, закоренелого язычника, глубоко равнодушного к вере, удивляло, даже раздражало упрямство его подданных. Ну что мешает им менять веру так же легко, как меняет веру он сам? Они что, считают себя лучше своего великого князя?!

Во всяком случае, некоторый ледок между православными и католиками к XV веку уже возник.

А Польша нажимает на Литву, требует заключения нового договора, который еще теснее свяжет государства, и идет Витовт на заключение такого договора. По Городельской унии 1413 года Литва должна иметь своего государя, но под верховенством польского короля. После смерти Витовта великий князь будет выбран, но по совету с Польшей.

А если Ягайло умрет без наследников, нового короля будут выбирать с ведома и совета литовцев.

Пока все замечательно, все только к укреплению союза двух государств. Но тут же и еще один пункт: на литовских бояр распространяются все права польской шляхты. Но — только на бояр-католиков. Гербы могут иметь только католики. И все высшие должности в государстве могут занимать только католики. 50 семей бояр-католиков получают гербы. Православные — нет.

Если в конце XIV века Витовт еще колебался, какую позицию занять, то теперь он однозначно определил православных, как неравноправное, второстепенное по своему значению большинство.

Время от времени православным кидается некая толика привилегий. В 1434 году им разрешается иметь шляхетские гербы. Но по-прежнему только католики входили в великокняжеский совет и занимали высшие должности в государстве.

По мнению многих историков, Польша давила на Литву не только из-за религиозного фанатизма. Пока борьба католиков и православных раскалывала Литву, Польша оставалась лидером в этом союзе. Могучая православная или православно-католическая Литва могла оказаться чересчур равноправным союзником, а то и сильнее Польши.

Мне трудно судить, насколько это мнение обоснованно.

Но вот что православные оказались в положении неравноправном и унижительном — это факт.

Восстание Свидригайло могло изменить положение дел, но Великое княжество Русское не состоялось. Год смерти Свидригайло — 1452 — и есть, по-видимому, год последних надежд на разумное решение вопроса.

И в конце XV века от Литвы откалываются верхнеокские русские княжества.

В начале XVI века, когда Московия отгрызает у Литвы кусок за куском, в смоленской «Аврамкиной летописи», написанной в 1460—1470-е годы, очень недвусмысленно выражена идея объединения с Московской Русью.

Середина и конец XVI века несут новые осложнения.

В 1563 году православные получают те же права, что и католики...

Но большая часть того, что можно потерять, уже потеряна. Люблинская уния 1569 года, возникновение Речи Посполитой мало что меняет для тех, кто продолжает жить в пределах Великого княжества Литовского. Но она меняет очень многое для православных Киевщины, Подолии и Волыни, оказавшихся в составе польских коронных земель.

Шляхта в Польше была свободна до такой степени, что никаких средств заставить пана поменять веру, конечно же, не существовало. Для людей этого круга происходило постепенное, очень медленное ополячивание, процесс сближения с придворными королей, сослуживцами и однополчанами иной веры, с коренными поляками, постепенное растворение уже в польском шляхетстве. Но подчеркну: растворение медленное и добровольное.

А вот православным горожанам приходится гораздо хуже: в некоторых городах им пытаются запретить заниматься торговлей и ремеслом, то есть низвести до положения наемных работников.

Что же касается простонародья, то для него в польских землях как-то даже и забывают о принципе кнута и пряника. Пряник исчезает, потому что, перейдя в католицизм, чужую, барскую религию, мужик или мещанин останется тем же, что есть сейчас — глубоко бесправным, униженным и нищим человеком, чья интеллектуальная, нравственная и духовная жизнь глубоко безразлична тем, кто наверху.

Остается кнут — оскорбительная кличка «быдло», применяемая к крестьянину только что не в официальных документах, ограничения в правах, бесправие, дикий произвол панов — и католических, и православных.

Разумеется, такими методами не только нельзя склонить человека к чему бы то ни было, в том числе и к католицизму. Но совершенно очевидно, что рано или поздно замордованный человек восстанет, и последствия могут быть решительно какими угодно.

Для большинства поляков и для нового короля из династии Ваза совершенно неприемлемым было существование православной церкви, не подчиняющейся папе римскому.

Новый польский король Сигизмунд IV из шведской династии Ваза однозначно считал унию совершенно обязательной для православных. Он считал возможным даже и открытое насилие: вплоть до закрытия церквей, отнятия церковного имущества, вплоть до смещения священников, не поддерживающих унию.

В октябре 1596 года в Бресте собрали Церковный собор.

Специально, чтобы творить унию. И король, и папа римский очень этого хотели: повторения Флорентийской унии в масштабе Речи Посполитой. И доведенной до конца.

Подготовлено было многое, от мнения короля до новых почестей послушным: согласившись на унию, православные иерархи получили бы сенаторское достоинство.

Церковный раскол произошел на самом же Соборе. За унию выступил сам глава православной церкви в Речи Посполитой, Киевский митрополит Михаил Рагоза. Его поддержали епископы: Гедеон Балабан, епископ Львовский; Леонтий, епископ Пинский; Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей — епископы Луцкие; Дионисий, епископ Холмский.

Как видно, многие православные действительно были готовы пойти на унию.

Но были пошедшие против: Киево-Печерский архимандрит Никифор Тур и его преемник Елисей Плегепецкий; ректор Острожской академии Герасим Смотрицкий. Особенно выделился в борьбе против унии монах Иван Вышенский, который писал против сторонников унии обличительные послания (порой очень хулиганские).

Брестская уния 1596 была все же принята, хотя и не всеми православными. Униатская церковь сохраняла многие черты православия: служба велась на церковно-славянском языке; сохранялась православная обрядность, браки белого (немонастырского) духовенства; но все это — при неукоснительном подчинении папе римскому.

Разумеется, униатство страшно не нравилось властям ни Российской империи, ни СССР.

В 1839 году униатам «посоветовали» попроситься «обратно», в состав Московской патриархии, и некоторые приходы «вернулись в лоно православия» (напомню, что православные Западной Руси отродясь не подчинялись Московской патриархии; в Киеве был свой митрополит, подчинявшийся Константинопольскому патриарху).

Но власти Российской империи не додумались опротестовать саму унию. Власти СССР пошли дальше: в 1946 году на Церковном соборе во Львове Брестская уния была официально расторгнута.

Но это — перспектива; то, что будет через века. Пока вернемся в XVI век, в Речь Посполитую, где кроме послушных униатов оказалось еще и немало мятежных православных! Тех, кто отверг унию, не желая сливаться с католиками.

После унии православные стали превращаться в культурное меньшинство на собственной родине. И стали создавать так называемые братства — объединения своих, какие бывают у людей в рассеянии, но редко бывают на Родине. Живущим на Родине такие объединения попросту не нужны.

Вообще-то, братства в Западной Европе известны с XIV—XV веков. Сложились они как объединения ремесленников, выполнявшие роль общины или профсоюза: функцию социальной защиты. Братства собирали взносы, зарабатывали деньги и организовывали похороны, свадьбы, учение членов братства.

В Средневековье подмастерье был учеником, который вполне реально мог сам сделаться мастером. По мере того как подмастерья все больше превращались в наемных рабочих, у которых уже нет шансов стать мастерами, братства все больше превращались в своеобразные профсоюзы.

В XVI—XVII веках братства во Франции были официально запрещены именно потому, что вели работу по типу профсоюзной: боролись за сокращение рабочего дня или за повышение зарплаты.

Так что идея братств пришла из Европы — никуда от нее, подлой, не денешься! Но; как часто бывает в России, пришедшая из Европы идея преломилась так, что ее уже и узнать трудно.

Православные братства стали объединениями не подмастерьев и не мастеров, а православных людей вокруг своей церкви. А целью их существования стала поддержка своей веры и всего пласта православной культуры Западной Руси.

Первые православные братства появились еще в XV веке во Львове и Вильно — там, где давление католицизма было сильнее всего. То, что Вильно находился в Великом княжестве Литовском, а Львов — в Польше, играло меньшую роль.

Во Львове православные испытывали особенно сильное давление: городская рада даже пыталась запретить православным заниматься ремеслом и торговлей.

В Каменец-Подольске и в Рогатине братства появились в 1589; в Могилеве — в 1590; в Бресте — в 1591; в Перемышле — в 1592.

Братства возникали при православных церквях, на основе ремесленных и цеховых организаций. Это были по духу ярко выраженные организации горожан. Братства основывались на самых демократических принципах: войти в братство мог всякий

православный человек, который внес установленный взнос на общие расходы. Основной контингент братчиков составляло местное мещанство, но вступали в братства и шляхта, и духовенство, и крестьяне: все русские люди, всех сословий, кто не хотел принимать католицизм. В 1620 году в Киевское богоявленское братство вписалось все казачье войско во главе с гетманом П. К. Сагайдачным.

Братства имели свои уставы и по своей организации напоминали сразу и средневековые цеха, и рыцарские ордена.

Братства жили на взносы, пожертвования. Имели право на православные праздники варить мед и пиво, доход шел в казну братства.

Первоначально братства ставили задачи очень скромные: религиозно-благотворительные. Объединиться по признаку веры и выжить в мире, который становится все более католическим.

Братства заботились о своих церквях, распоряжались церковным имуществом и церковными должностями, устраивали общественные богослужения, общие праздничные пиры, оказывали помощь нуждающимся членам, хоронили умерших братчиков.

Многое изменилось в XVI веке, особенно в его конце. По мере того как росла общественно-политическая роль братств, они приобрели большое культурно-политическое и общественно-политическое значение. И даже международное: в условиях, когда шляхта стремительно ополячивалась и окаголичивалась, восточные иерархи пытались опереться на православное мещанство Западной Руси. А для Московии — и для властей, и для Московского патриархата — православные братства становились ценнейшим инструментом политической интриги. Внутри Речи Посполитой у Москвы оказывалась «пятая колонна», которую грех было не использовать.

Львовское братство возникло в 1453 году, когда Львовская городская рада пыталась запретить православным заниматься ремеслом и торговлей.

Но уже в середине XVI века Львовское братство пользовалось поддержкой знатнейших могущественных шляхтичей: А. Вишневецкого, К. Острожского, А. Киселя и других.

А это давало и немалые средства, и «крышу». Обидевший скромных, трудолюбивых горожан вступал в конфликт с очень могущественными людьми. Насколько могущественных, можно показать на примере хотя бы Василия Константиновича Острожского (1526—1608), князя из рода князей Острожских, известных с XIV по XVII века. Главные владения Острожских находились на Волыни: города Острог, Заславль, Новоград-Волынский, всего 25 городов, 10 местечек и 670 селений, дававших ежегодный доход более 1 миллиона злотых.

В. К. Острожский, киевский воевода и великий противник унии 1596 года, был убежден: для противостояния католицизму необходимо просвещение, особенно среди священников.

В 1572 он основал школу в г. Турове, в 1577 — в г. Владимире-Волынском, в конце 1570-х — в Остроге и в Слуцке. Школу в Остроге он даже пытался превратить в академию, и не так уж безуспешно, создав первую на Украине школу для преподавания вольных наук: грамматики, риторики, диалектики, арифметики, музыки, астрономии.

После смерти Василия Константиновича Острожская академия оказалась нежизнеспособной, но в конце XVI века она стала основным центром русской культуры в Литве и Польше.

Острожский учредил типографии в Остроге, Дерманском монастыре, в Киево-Печерской лавре, издавал богослужебные и полемические книги, направленные против католицизма. Крупный военачальник, строил крепостей и замков, Василий Константинович организовывал ярмарки заботился о развитии хозяйства. Он широко покровительствовал православным в Литве и в Польше, снабжал деньгами и землями духовенство и духовные учреждения.

Под покровительством таких магнатов, как Острожский и Вишневецкий, Львовское братство могло вести очень независимую политику. И вело. Например, братство

самостоятельно поддерживало связи с Московией и Румынией.

Помня о том, как легко православный Киевский митрополит стал униатом, братство хотело подчиняться не местным православным иерархам, а непосредственно Константинополю: то есть было самостоятельным субъектом внешней международной политики.

Братство имело большую библиотеку, создало школу греческого и славянского языков, поставлявшую учителей в школы Киева и Вильно. И, разумеется, все это позволяло братству вести активнейшую антикатолическую пропаганду и пропаганду против унии 1596 года.

Другие братства тоже поддерживали связи с православными в Румынии, на Московской Руси, в Болгарии и Сербии, вели культурно-просветительскую деятельность, открывали школы и типографии, распространяли книги. В типографии Киево-Печерской лавры печатались «Протест ации» против полонизации и католицизации, «Послания» Исайя Копинского, разоблачавшие и клеймившие Вишневецкого, как предателя.

Вокруг братств собирались немалые культурные силы.

Все, кто не хотел окатоличивания и ополячивания. Другие братства тоже стремились подчиняться не местному духовенству, а непосредственно патриарху в Константинополе.

Киевское братство возникло при Богоявленском монастыре в 1615 году, а уже в 1620 году в братство вступил Петр Кононович Коношевич-Сагайдачный — гетман реестрового казачества, участник и руководитель походов в Крым и в Турцию 1614, 1615, 1616, 1620 годов. В 1621 году он сыграл видную роль в битве при Хотине, где армия турецкого султана Османа II потерпела сокрушительное поражение от армии польского короля.

Наивно рисовать деятелей прошлого строго черной или розовой краской (впрочем, как и настоящего). Одной рукой Петр Кононович пытался расширить число реестровых казаков, тех, кому польское правительство платило жалованье: расширить привилегии казацкой старшины; уверить польское правительство, что если оно захочет опереться на верхушку казачества и не будет посягать на его образ жизни и веру, то Украина останется лояльной короне. Прекратите ополячивать и окатоличивать — и мы будем верны польскому королю! В чем было и стремление оградить от преследования православных, и стремление усилить свою власть и власть своих людей.

Другой же рукой Петр Кононович в 1620 году отправил посланцев в Москву с заявлением: реестровое запорожское войско желает служить московскому царю! То есть, называя вещи своими именами, совершил государственную измену.

Пренебрег и клятвой вассальной верности, и военной присягой.

В том же 1620 году при активнейшем участии Петра Кононовича на Украине восстанавливалась православная иерархия, ликвидированная после Брестской унии 1596 года, а все казачье реестровое войско в полном составе вступило в Киевское богоявленское братство.

Братство тоже снеслось с Москвой и высказалось в пользу присоединения Украины к Москве. А московское правительство помогало Киевскому братству деньгами.

Появление десятков тысяч вооруженных до зубов, провоевавших всю жизнь братчиков тут же сделало Киевское братство уже не мещанским, городским объединением, а своего рода легальной верхушкой мощной православной оппозиции и к тому же агентурой Москвы.

Отмечу еще раз, что скромные объединения горожан возникли из-за внешнего давления: из-за того, что православных пытались дискриминировать. В нормальном обществе, без внешнего прессинга, без попытки заставить православных перекреститься, они или вообще не появились бы, или не вышли за пределы самых скромных, почти бытовых начинаний. Но польское правительство начинает новый нажим в виде унии 1596 года — и скромные объединения превратились в нешуточную оппозиционную силу.

И в мощную культурную силу. Первая братская школа возникла во Львове еще в 1586, всего же известно более 20 братских школ. Это было нешуточное начинание. В школах преподавались: латинский, греческий и церковно-славянский, арифметика, пение. Давались религиозное образование и воспитание.

Великий чешский и польский педагог, основатель существующей до сих пор классно-урочной системы Ян Амос Коменский, многое заимствовал из практики братских школ.

Подчеркиваю это особо, чтобы не возникла мысль, будто православие в Западной Руси только обороняется. Такая позиция совершенно бесплодна в окружении динамичного, активного католицизма. Тут нужно уметь создавать новое, быть гибким и восприимчивым. Братские школы не были простым заповедником, добровольной резервацией православия. Это было конкурентоспособное учебное заведение, способное давать своим выпускникам образование, вполне сравнимое с тем, которое давали гимназии и университеты.

И очень печально, что правительство Речи Посполитой оказалось неспособно отнестись к этому адекватно и оценить таланты своих подданных.

Славяно-греко-латинская академия в Яссах, столице Молдавского княжества, сложилась, как своего рода православный университет. Учили в Яссах церковно-славянский, польский, латинский, греческий, иврит, немецкий и французский, историю, географию, математику, астрономию, катехизис, поэтику, риторику и диалектику (умение вести диспут), философию и богословие.

При Киево-Печерском монастыре архимандритом Петром Могилой была открыта школа. Уже в 1631—1632 годах она объединилась с братской школой и образовала Киево-Могилянскую коллегию (указом Петра I в 1701 году переименована в академию).

В Киево-Могилянской коллегии учились юноши со всей Руси (в том числе из Восточной) и из южных славян. В середине XVIII века там было 1200 учащихся.

Значение Киево-Могилянской академии очень упало после открытия Московского, потом Харьковского университетов. В 1804 году, после открытия Харьковского университета, ее преобразовали в Духовную академию.

Но по крайней мере сто лет славы истории у этого заведения было!

Из братских школ и академий вышло много писателей, ученых, политических деятелей, деятелей книгопечатания, просвещения, искусства: Иов Борецкий, Лаврентий Зизаний, Захарий Копыстенский, Епифаний Славинецкий, Памва Берында, Лазарь Баранович, Ионикий Галятовский, Иннокентий Гизель, Феофан Прокопович, Симеон Полоцкий, Григорий Сковорода, Епифаний Славинецкий. Имена некоторых из них упоминались или еще будут упоминаться на этих страницах. На книгу Иннокентия Гизеля мне доводилось ссылаться.

Братства возникли не от хорошей жизни и обречены были исчезнуть, как только изменится ситуация. Для католиков они были бельмом на глазу и с укреплением католицизма на Украине неизбежно, исчезали.

Во второй половине XVII века львовским епископом становится И. Шумлянский, который все же склонил Львовское братство к унии. Сыграло роль и давление со стороны католиков и официальных властей, и разорение 1704 года.

Захватив Львов, шведские солдаты не особенно разбирались, действительно ли местные православные такая уж агентура Москвы; воспользовавшись предлогом, они ограбили братство. В 1708 году Львовское братство прекратило свое существование.

Киевское братство как будто достигло всего, что хотело: воссоединения с Московией. Пусть даже Киев не раз еще переходил из рук в руки, но с 1710 года остался в составе Российской империи навсегда — до 1991 года. Мавр сделал свое дело, мавр мог и уйти. Никто не запрещал деятельности братства, но никто и не подкидывал ему денег, и уж, конечно, никто не допустил бы, чтобы братство сделалось самостоятельным субъектом внутренней или внешней политики.

Это касается и православных братств в Могилеве, Перемышле и Бресте: они просто тихо зачахли, никому больше не нужные.

Диагноз

Да, пора и поставить диагноз: необходимость выбора между католицизмом и

православием расколола Западную Русь, вбила клин между людьми одного народа. Великое княжество Литовское погубили вероисповедные разногласия.

Иногда мне кажется, что у поляков и литовцев-католиков совершенно отсутствовали не только качества, вроде бы необходимые для христианина, но и элементарное ощущение опасности и чувство самосохранения.

Польский дворянин (в том числе ополяченный русский) рассматривал русские земли, как огромный колониционный фонд, а быдло — как будущих рабов. Примерно так, замечу, смотрел на Польшу и на самого польского шляхтича немецкий рыцарь из Тевтонского и Ливонского орденов. Ну, поляки и пожали серии казацких восстаний, ненамного лучше Жакерии. Но что самое скверное, православные русины так и остались в Речи Посполитой неравноправным большинством. Они были им в Литве со времен Кревской унии.

Что характерно, современные польские историки (вероятно, и многие современные поляки) хорошо видят губительность этой политики.

В 1658 году преемник Хмельницкого украинский гетман Ян Выговский в Гадяче подписал договор, коренным образом менявший структуру Речи Посполитой. Возникла федерация трех государств: Польского королевства, Великого княжества Литовского и Русского княжества, соединенных «как равный с равными, как свободный со свободными, благородный с благородными». Русское княжество включало три украинских воеводства. Казацкая старшина получала шляхетство и земельные пожалования, входила в сенат и в депутатскую палату сейма Речи Посполитой. Гадячская уния не могла быть расторгнута без согласия русского (то есть реально — украинского) народа.

Так вот, современными польскими историками Гадячская уния сравнивается по значению с Люблинской унией, давшей начало Речи Посполитой двух народов. Однако слишком поздно пришло понимание того, что русины должны стать равноправными членами федерации, образованной в 1569 году [56, с. 125].

К этому добавлю одно: русинов неплохо было бы считать равноправными членами федерации не только в 1569, но и в 1385 году. Принимая первую унию, не нарушать того равноправия, которое уже существовало в Великом княжестве Литовском.

Быть может, это в слишком большой степени вывод русина, но попробуйте оспаривать: навязывание католицизма было для поляков способом ослабить Литву, рассматривать ее как второсортное государство, а в Речи Посполитой стать основным и привилегированным элементом.

Эта глупейшая политика:

1. Не дала возможности создать Речь Посполитую, включающую королевство Польское, Великое княжество Литовское и Великое княжество Русское как три равных (хотя бы в декларации равных) государственных образования.

2. Невероятно укрепила Московию, в противном случае обреченную на то, чтобы войти в Речь Посполитую или влачить самое убогое прозябание на задворках цивилизации, вроде государств Центральной Азии.

Такая Речь Посполитая была бы способна не только приобщить к европейскому пути развития всех славян (а не одних за счет других), не только остановить, наконец, агрессию мусульман, выйти к Черному морю, но и сделала бы невозможной бесконечную тупую конфронтацию, принесшую столько горя и бед всем ее участникам.

Польша, по существу, сама вырастила могильщиков Речи Посполитой: Пруссию и Российскую империю. Пруссия возникла потому, что поляки пустили на свою землю крестоносцев. Московия — Российская империя сложилась и окрепла, потому что Польша в своем глупом высокомерии не сумела сделать русинов равноправным элементом Речи Посполитой.

Поляки, чью землю делят Пруссия и Российская империя; Польша, вынужденная судорожно отбиваться от большевистской Советской России в 1920 году, истекающая кровью в 1939 — это прекрасный образ того, как потомки расплачиваются за дурь предков.

Нередко я слышу, и не от самых глупых людей, что, мол, никакого выхода в те времена

все равно не было.

Поскольку в XVI—XVII веках не было равнодушных к вероисповеданию, говоря попросту, не было атеистов, то и не было никакого выхода из клубка вероисповедных разногласий и распрей. Мол, не могли католики не требовать унии любой ценой — даже ценой распада собственного государства; даже ценой гражданской войны, ценой потери Волыни, Киевщины и Подолии.

Не могли православные пойти на унию, не могли проявить большей терпимости к идефиксу католиков — подчинению папе римскому.

Осмелюсь утверждать: выход был. Даже два выхода, на выбор.

Способ первый: объявить религию частным делом граждан, не имеющим никакого отношения к делам государства.

Даже не надо расставаться с католицизмом, как с государственной конфессией. Достаточно определить и четко оговорить в законах, что следовать любой из версий христианства — частное дело каждого и не влечет за собой никаких последствий и никаких ограничений.

Допустим, до этого в XV—XVI веках общество еще не доросло... Хотя почему бы и нет? Вспомним широчайшую веротерпимость польского католицизма в XVI веке. Не вижу причины не сделать следующий шаг... Но есть и еще один способ.

Способ второй: объединение церквей. В конце концов, католическая (кафолическая на востоке) церковь и православная — лишь две ветви единой апостольской церкви, лишь исторически сложившиеся реалии. При минимальной терпимости друг к другу, тем более при понимании последствий разделения, при понимании, как это опасно для всех, объединение вполне могло бы состояться.

Разумеется, состояться такое объединение могло никак не на уровне Речи Посполитой. Тут дело высших церковных иерархов. И решительно никакое православие моих предков, никакая личная вера в Бога не помешают мне назвать политику этих самых высших иерархов несусветной дуростью, идиотской блажью, глупейшей игрой в «кто главный».

Игрой, совершенно недостойной людей взрослых и к тому же облеченных огромной ответственностью.

А по отношению ко множеству рядовых людей в Польше, Великом княжестве Литовском, княжествах Южной Руси эта идиотская политика обернулась прямым предательством. Потому что пока папа римский, патриархи константинопольский и московский науськивали друг на друга православных и католиков, самым преступным образом провоцировали междуусобные войны, мусульмане продолжали набегать на все славянские земли, грабить их и увозить рабов.

Сколько именно людей прошли с арканом на шее по Перекопскому перешейку, уже никто точно не скажет. Называют разные цифры: от 100 тысяч до миллиона человек.

Именно в эти времена, в XV—XVI веках, складывается поговорка, что турок только с отцом и начальником говорит по-турецки. С муллой он говорит по-арабски, с матерью по-польски, а с бабушкой по-украински.

К этому стоит добавить, что людокрады не брали взрослых мужчин, особенно обученных войне. Не брали стариков и маленьких детей, которые наверняка не выдержали бы пути. И из детей 10—12 лет, которых все же брали, до невольничьих рынков добиралась хорошо, если половина. От 300 тысяч человек до трех миллионов — вот цифра человеческих потерь Польши и Южной Руси от мусульманской работорговли.

Так вот: все страдания этих людей, их раны, муки, гибель лежат на совести высших церковных иерархов — и православия, и католицизма в равной мере. Эти люди не сделали того, что должны были сделать по своему рангу, месту в жизни, доверию людей, занимаемому положению.

И на них — кровь. Много крови.

Первая виртуальность

А ведь могло быть и совсем не так. Сбылся, стал реальностью один из многих вариантов истории.

Мы живем в одном из вариантов мира, который в той же степени вероятен, что и все другие варианты. При других поступках людей, при другом повороте даже одного события могли сложиться совсем другие государства, другие правительства, общественные и государственные системы.

Я не уверен, что Свидригайло был обречен проиграть войну за престол. Что было бы, не ввяжись он в войну с Польшей в 1430? А особенно приди он к власти в 1437 году уже как русский великий князь?

Здесь два варианта: провозглашение равенства православных и католических феодалов, распространение на православных действия всех привилегий. В современной Белоруссии указ 1563 года, давший равные права православным, считают как раз временем, когда Белоруссия ассимилировала Литву. В 1563 году было поздно, потому что многие земли ушли в Московию, восточный монстр уже разросся, окреп — и в огромной степени руками и мозгами выходцев из Литвы.

А в 1430, 1440 вовсе не было поздно: отъезды в Москву тогда еще только намечались.

Другой вариант: возникновение Великого княжества Русского со столицей в Слуцке или в Пинске. Фактически сложение Западной Руси как национального государства, уже без псевдонима «Литва». У Литвы остаются только земли Аукшайтии и Черной Руси, и они очень быстро входят в состав Польши.

Разумеется, социальный строй и политика этого государства могли пойти в разных направлениях, но ведь тогда вечевого строя и традиции демократии неизбежно продолжались бы. Очень вероятно, что сложилось бы своего рода Пинское право, регламентирующее и городское самоуправление, и самоуправление земель.

Очень вероятно, что Великое княжество Русское оказалось бы в унии с Польшей, но уже на совершенно, других условиях. Западная Русь смогла бы заявить о себе, как о чем-то едином и целостном. Не было бы раскола 1569 года, когда под Польшу ушло две трети Великого княжества Литовского. Не было бы формирования двух таких разных народов на севере и юге Западной Руси.

А главное — это было бы Великое княжество православных. Православные пользовались бы в нем всей полнотой прав, и не было бы никаких причин для пресловутых отъездов в Москву. Скорее наоборот. Можно себе представить ручеек, текущий в совсем ином направлении. Ручеек умных и активных людей, переезжающих из диковатых полутатарских княжеств Северо-Восточной Руси в богатые и культурные города Западной. И князей, отъезжающих в Великое княжество Русское.

При таком повороте событий Москва, скорее всего, никогда не смогла бы подняться, как лидер Северо-Восточной Руси, а уж тем более как лидер «Всея Руси». Московский вариант русской культуры не стал бы ведущим, не стал бы ассоциироваться с самим словом «Русь».

Вторая виртуальность

Возможен был и другой вариант решения проблемы, более глобальный. 1400 год, Ватикан. Папа римский заявляет, что мелкие вероисповедные различия между Западом и Востоком Церкви несущественны. Что он не претендует на власть над детьми апостольской церкви, которые хотят быть независимы от Рима и подчиняться другим, восточным патриархам. Он их тоже считает своими духовными детьми и будет молиться за них.

Папа также требует немедленного прекращения всех крестовых походов против православных стран, требует примирения крестоносцев с населением стран, в которых они

действуют.

Он сурово осуждает земных владык вроде польского короля Владислава (Ягелло), притесняющего своих православных подданных, и отечески просит его больше так никогда не делать.

Одновременно патриарх Константинопольский заявляет, что все различия в догмах и в отправлении культа он не считает принципиальными, и что различия нисколько не мешают ему одинаково любить всех духовных чад апостольской церкви. Что для него католики — духовные дети, находящиеся под омофором одного из патриархов единой католической церкви, и он не будет никогда ни анафемствовать католиков, ни считать их конфессию ересью. После чего патриархи встречаются где-то между Римом и Константинополем. Скажем, в Венеции или в Дубровнике.

Они обнимаются и дружно призывают своих духовных чад отринуть вражду и заняться самоусовершенствованием, богоискательством и прочими полезными делами, а не шизофренической конфронтацией друг с другом. У каждого из иерархов при этом за пазухой может быть по здоровенному булыжнику, но это уже дела не меняет; политика на каждом шагу так и делается.

Такая встреча патриархов имела бы множество различных последствий в разных концах всего христианского мира — и не только в нем.

Глава 15 РАСПАД ЕДИНСТВА

...Спрашиваю, как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?»» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется.

М. А. Булгаков

Как звучит ария Ленского по-украински? «Чи гепнусь я, дрючком пробертый, чи мимо прошпандорить вин?»

Что такое по-украински: «Попер самопер до мордописни»? — «Поехал автомобиль к фотографии».

Шутки русской интеллигенции в Киеве в 50—60-х годах XX века

Удивительные укры

В непрочное время «парада суверенитетов» на Украине появилась великолепная идея. Оказывается, испокон веку обитало на Украине племя укров. Это укры строили жилища из костей мамонта, делали украшения из мамонтового бивня задолго до конца Великого оледенения.

Конечно же, все археологические культуры и каменного, и бронзового, и железного веков тоже созданы украми, говорившими все это время на родном украинском языке. Стоит ли говорить, что и Атилла был вовсе не каким-то там гунном? Он был, конечно же, укротом, украинским богатырем Богуном Бочилой (по другой версии — Мочилой).

Но загадочные и в высшей степени героические укры остались неизвестны не только современным ученым, но и населению будущей Украины в любом из ранних периодов ее истории.

Более того. Ни житель Москвы, ни житель Киева, ни житель Львова XV или XVI веков

не имел понятия ни о какой такой «Украине». В источниках только появляется это новое слово... Появляется одновременно на Руси и в Польше.

О происхождении слова можно спорить, но, вероятнее всего, применяется оно в самом «обидном» смысле — как обозначение окраины-украины.

Еще в XVI—XVII веках и на «Украине», и в Польше, и в Московии хорошо знали, что такое Юго-Западная Русь.

Называли ее и Южной Русью, и Малой Русью, и даже очень конкретно — Киевщиной. Но даже после появления термина «Украина» название «Юго-Западная Русь» дожило в народном языке до XVIII века и сохранилось как термин в истории и в филологии. А термин «Малая Русь» дожил до XX века, и даже сейчас украинец вполне может назвать себя малороссом и все его вполне поймут: и на Руси, и в Польше, и на Украине.

Заодно уточню, что и в XV, и даже в XVII веках современники очень четко разделяли Юго-Западную Русь (будущую Украину) и Волынь, и Галицию (теперь там тоже Украина).

Конечно же, серьезные люди на Украине морщатся, когда при них заговорят про укров. Отношение к ним примерно такое же, как у нас к творениям Петухова. Но в официальной историографии и Украины, и Белоруссии всерьез считают: история Древней Руси — это и есть история украинцев и белорусов. Белорусам еще как-то сложнее. Ни Минск, ни Полоцк явно не относятся к тем городам, где происходили основные события древней русской истории.

Приходится придумывать... Или ограничиваться тем, что утверждается некая общая идея: мол, местные племена все равно стали основой для белорусов, века с XIV.

А уж на Украине так совсем хорошо, и привязка истории Древней Руси к несравненно более поздним реалиям процветает. История Древней Руси там и рассматривается, как история Украины. Киев — это украинский город. Ярослав Мудрый — украинский князь. Русская Правда — украинский правовой кодекс. И очень многие жители Украины принимают все это всерьез.

Честно говоря, меня удивляет приверженность к этому неудачному слову: Украина. И очень позднее оно, и какое-то... Ну, неполноценное, что ли. Вот слова Белая Русь, Малая Русь — несравненно древнее и, казалось бы, почтеннее. Или их так беспокоит, что их Русь — Малая? Непременно нужно, чтобы была побольше? Проблемы национально озабоченных людей бывает непросто понять.

Но даже если называть Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха не украинскими, а малороссийскими князьями, мало что изменится по существу. Потому что назвать и их, и даже Василия Острожского или Ивана Вишневецкого малороссами можно только в одном случае: если совершенно игнорировать то, что они сами об этом думали.

Можно, конечно, и Франциска Скорину назвать белорусским ученым или даже создателем белорусского литературного языка... Можно считать «Библию русску» переводом именно на белорусский язык, есть для этого даже некоторые основания... Но только вот сам Франциск Скорина так не думал.

Григорий Сковорода уже в XVIII веке тоже не очень осознавал свою борьбу с презирающими народ феодалами, как борьбу с украинофобами. Свой язык он как-то больше называл русским, и пренебрежение ополяченной шляхты к этому языку, этому народу и его традициям так и трактовал, как неприязнь, неуважение к РУССКИМ.

Так же если вы помните, трактовали русских и И. Гизель, и другие люди XVI—XVII веков. Ну что поделать, не выделяли они из русских украинцев и белорусов!

Политическая злоба дня требует выяснить и сказать совершенно точно, чьи это летописи, кто здесь жил и к какому народу принадлежит известный человек. Но сделать это крайне трудно.

Как трудно бывает разделить три славянских народа, показывает хотя бы работа с летописями, которые оказываются то литовскими, то белорусскими, то белорусско-литовскими и в этом качестве вполне загадочно включающими украинские...

А солидный справочник к числу белорусских относит даже смоленскую «Аврамкину

летопись» [57]. Вот ведь путаница!

По-видимому, имеет смысл послушать самих предков: они-то когда стали говорить про Украину и Белоруссию?

Появление украинцев и белорусов

Русь, Россия — это суперэтнос. Это огромный по масштабу конгломерат родственных племен, которые понимают друг друга без переводчика, имеют общую историческую судьбу (жили в одном государстве, пусть недолго), но обитают в разных природных зонах, в разных экологических условиях и находятся в тесных контактах с разными цивилизациями.

В Российской империи вполне официально считалось, что украинцы и белорусы — это некие этнографические группы русского народа, а украинский и белорусский языки — это испорченный русский. Про украинский мне говорили... ну, почти в духе героев М. А. Булгакова: мол, русские тут, на Украине, подверглись сильному воздействию турок, да и поляков (при этом лицо старшего собеседника приобретало такое выражение, что становилось ясно: что поляки, что турки, все едино — гады и нехристи). Приводились примеры, сами по себе любопытные.

Как видно, и здесь официальные власти и образованные слои Российской империи были трогательно едины, считая эти языки признаком некоего «повреждения». Интересно, что никому не приходила в голову элементарная мысль: рассматривать русский язык в качестве некоего отклонения.

Действительно, часть малороссов сбежала куда-то в первобытные леса, изрядно там одичала, смешалась с угро-финскими народностями да потом еще платила дань татарам века до XVIII. И эти вырожденцы еще претендуют на то, что они, их язык — эталон?

Если же исходить не из желания наговорить друг другу гадостей, а честно искать общей истины, то самое честное из всего, что было сказано, это официальная советская точка зрения на три братских народа, имеющих совершенно одинаковые права на происхождение от древнерусской народности. Это и порядочнее всего, и взвешеннее, и наиболее научно.

Но как же, действительно, могли возникнуть пресловутые три народности?

Большинство ученых, занимавшихся этим вопросом, считают, что для возникновения нового этноса мало общности языка, образа жизни, природного окружения; нужно, чтобы возникло противопоставление: мы и они. Чтобы «мы», оттолкнувшись от «них», четко и однозначно осознали бы: «мы» не «они»! Есть серьезные основания полагать, что восточные славяне, будущая Русь, осознали себя во время нашествия готов. И продолжалось-то это недолго, только пока готы двигались из Прибалтики в Причерноморье, около века. И власть готов над славянскими племенами не была ни жестокой, ни особо унижительной. Но появилась метка — «они». «Они» — завоеватели, чужаки, пришельцы, насильники. А «мы» — здешние, «тутэйшия» и естественно — хорошие.

Нет, конечно же, важны и природные, и языковые, и хозяйственные факторы. Без уже существующего, пусть и слабо осознаваемого, даже вообще не осознаваемого единства нечего будет и осознать. Нечего будет противопоставить чужакам и пришельцам.

И тут надо заметить, что раздел территории Великого княжества Литовского по унии 1569 года провели с удивительным знанием экологии. Или чистое наитие? Интуитивное чувство? Не ведаю...

Во всяком случае, разделили землю так, что к Польше отошли территории с ярко выраженным южным типом ведения крестьянского хозяйства: почти полная распашка территории, чернозем, волы, большие села, покорный, забитый мужик.

Будущая Украина уже в момент ее передачи в коронные земли Польши обладала общими чертами природы ведения хозяйства, культуры. Тем, что отделяло ее от более северных территорий. А жизнь в составе именно Польши, а не Великого княжества Литовского сформировала и общность исторической судьбы, и многие черты чисто

этнографические — типа польских заимствований и польских влияний в языке.

Не случайно же другие части Руси, давно оказавшиеся в составе Польши, Волынь и Галиция, тоже стали частью Украины. Особой, Западной Украиной, весьма отличной от Восточной, но тем не менее — частью.

По-видимому, у жителей Юго-Западной Руси уже веке в XVI сформировались черты некой общности, отделявшие их от остальных русских. А осознать свою особость было не так уж сложно: везде враги. С юга подпирает мусульманский мир... хотя, впрочем, он всех славян подпирает — и Польшу, и Московию тоже.

Католическая экспансия тоже помогала осознать свою особость. Даже став униатами, русские люди осознавали себя некой особой частью католического мира, носителями некой исторической специфики.

И польское владычество, чего уж, там, сыграло роль катализатора. Польского народа — в смысле простонародья — на Украине и не видели. Поляк для украинца был или солдатом, или чиновником, официальным представителем короны. Польская же шляхта еще готова была считать себе ровней русскую шляхту, но уж вовсе не хлопков, украинское быдло, деревенщину. Знающие люди уверяли меня, что получить плеткой по морде — очень надежный способ обрести национальное самосознание.

А Московия? «Воссоединение» с Русью? Во-первых, к XVII веку уже сложилась некая местная специфика, осознание украинского единства. И на Переяславской раде 1654 года не часть Руси пришла обратно, в общее государство.

И на Украине, и в Московии понимали: объединяются две страны и два народа.

Во-вторых, москвиты могли восприниматься как свои в основном дистанционно. Как бы ни хотели стать подданными Москвы Сагайдачный и все его войско, сразу же после объединения стало очевидно: украинцы ужасно «развращены» своим пребыванием в составе Польши, привыкли ко всяким европейским правам, законам, правилам, от одного упоминания которых наливались кровью глаза у москвитов.

Конечно, украинец мог сделать карьеру, войти в ряды «образованных». Но в представлении окружающих он тут же переставал быть украинцем! Да ведь и делал-то карьеру он как раз на русском языке! С тем же успехом и в Польше украинец мог выкреститься в католицизм и сделаться чиновником или шляхтичем той же ценой утраты национальной самоидентификации.

С условиями формирования белорусов все предельно ясно: это народ, от начала до конца созданный Великим княжеством Литовским. Только в середине XVIII века, после разделов Речи Посполитой, территория нынешней Белоруссии вливается в Российскую империю.

Объективные предпосылки, создаваемые природой и жизнью в природе, были, конечно, и здесь. Что же касается истории... Рано или поздно западные русские должны были заметить, что вечно кто-то ими командует и их землей распоряжается. То литовские князья, то поляки в Речи Посполитой (вспомнить хотя бы, как в пространном списке летописей по-средневековому наивно пытаются спорить литвины с поляками, выводя предков из Римской империи). То русские-москвиты усаживаются на голову тем, кто всегда жил здесь. Завоеватели меняются, как в калейдоскопе, а разница?

У большинства русских слово «тутэйшия» вызывает только презрительное фырканье... А что, собственно, еще может сказать о себе этот народ? Ну да, они тутэйшия, местные.

Те, кто ниоткуда не приехал и никуда не собирается. По-моему, вполне корректно.

Вопрос только, жители каких именно земель осознают себя тутэйшими, над которыми идет грызня завоевателей.

Смоленск, похоже, очень вовремя отошел к Московии. Уверен, развивайся он и дальше в составе Великого княжества Литовского, сегодня жители Смоленской области рассматривали бы себя как белорусов, а Смоленск был белорусским городом.

Кстати, вот косвенное, но весьма надежное доказательство того, что еще в XV — начале XVI века не было никакой Белоруссии: судьба Смоленской земли тогда напрямую

зависела от того, останется она в составе Великого княжества Литовского или уйдет под Московию. Стала она частью Московии — и стали смоляне русскими. Похоже, то же самое могло произойти и с жителями Брянской и Новгород-Северской земли.

С включением в состав Российской империи начинал действовать простой и безотказный механизм, практически исключавший развитие украинских и белорусских языка и культуры. Жизнь в Российской империи предполагала, что всякий образованный человек уже на самых ранних стадиях получения образования, уже в первых классах гимназии, начинает говорить на литературном русском языке.

В империи не существовало никакого литературного украинского языка. Язык, на котором говорили и писали Гизель, Могила, Острожский, Сагайдачный, рассматривался, как некий недоязык. То ли русский, испорченный татарским и польским, то ли просто средневековый вариант.

Считалось, что русский литературный язык создали Жуковский и Пушкин, и от них-то пошли образцы. А бывшее раньше — или недоразвитое, или не правильное. Украинский и белорусский языки рассматривались как местные диалекты, региональные мужицкие варианты русского языка.

Образованный украинец, естественно, ничем не отличался от русского. Еще в начале XX века было невозможно различить русских и украинских девушек в библиотеке: «Говорю русско-украинских», ибо в то время эти две — по теперешним понятиям — совершенно различные нации было невозможно отграничить ни по виду, ни по разговору» [58].

Невозможно потому, что, даже выйдя из среды, где говорили только по-украински, человек вынужден был выучить русский язык и в дальнейшем никак не проявлял и не осознавал себя украинцем, человеком отдельной от великороссов нации. То есть он мог помнить о своем малоросском происхождении, петь напевные украинские песни, вставлять другое в речь. Так в XVIII веке Андрей Разумовский на вопрос, говорит ли он по-немецки, ответил: «Трохи мерекаю».

Но все это на уровне невинной региональной этнографии, милых детских воспоминаний, вынесенных хоть из Полтавской, хоть из Вятской, хоть из Ярославской губерний.

В XX веке вообще довольно многие люди, особенно деятели культуры, науки, образования, оказались в сложном, даже в ложном положении. С одной стороны, после официальной украинизации советской Украины в 1920—1930 годы их начинали считать украинскими учеными, что было почетно и давало ряд привилегий. Да и украинские националисты всех мастей относились к ним, как к дорогим сородичам. А с другой стороны, эти люди совершенно не ощущали себя украинцами и более того — привыкли считать, что украинский язык — это язык мужицкий, деревенский, на котором для интеллигентного человека говорить даже как-то и неприлично.

Это было поколение, вообще много о себе скрывавшее.

Для определенной части этого поколения скрывать пришлось и свое отношение к «украинской мове», и к своему украинскому происхождению.

Семейная история сохранила память о двух таких людях: об академиках Николае Николаевиче Гришко и Петре Степановиче Погребняке. Особенно хорошо помнят в нашей семье Петра Степановича Погребняка, крупного лесоведа, близкого друга моего деда. Типичный представитель не существующего больше булгаковского Киева, Киева русских людей, искренне считавших украинцев мужичьем, он и на «мове»-то, похоже, научился говорить только после войны, усилиями своей второй жены, рьяной украинской националистки. Злые языки говаривали, что Петр Степанович — внебрачный сын местного предводителя дворянства (и уж, конечно, никак не украинца).

Помню, с каким чувством неловкости я смотрел на бюст на могиле «Петро Степановича Погребняка» на Байковом кладбище, поставленный ему как члену Академии наук Украинской ССР. Скульптор постарался сделать Петру Степановичу длинный жилистый нос с бородавками, превратить породистую барственную мясистость его лика в

некую одутловатость, проистекающую от многих годов тяжкого труда на поле... Да, это зрелище вызывало неловкость! Лгала и надпись, лгала и скульптура.

Академик Погребняк, «украинский радяньский науковник».

Из этих трех слов только одно — «науковник» — соответствовало действительности. Академик Петр Степанович Погребняк почти не участвовал в Гражданской войне, но те два месяца, что участвовал, был-то он у Деникина! Никогда не был он в Красной армии и в душе никогда не считал себя советским человеком. И не был он украинцем, хоть вы меня убейте.

Впрочем, в буче и в кипении украинизации всего и вся возникали перлы и похлеще. Мой дед Вальтер Эдуардович Шмидт — прибалтийский немец, в «Украинско-радяньской энциклопедии» тоже назван «Украинский радяньский науковник». Куда там Богуну Мочиле!

Но в СССР при всех извращениях и перегибах национальной политики по крайней мере хоть не отрицалось само существование украинцев и белорусов. В СССР уже просто приняли во внимание, как факт то, что есть: существование украинцев и белорусов, как народов, осознающих себя, самостоятельных и отдельных от русских.

Но в Российской империи невозможно было легально, в рамках официальной интеллектуальной и духовной жизни, заниматься переводом на украинский язык текстов науки и культуры, преподавать на украинском языке в университетах, писать и издавать на нем книги.

Все это можно было делать только нелегально, вопреки официальному мнению, утвержденному начальством.

Для того, чтобы сформулировать свою «украинскость» и сделать это на украинском языке, необходимо было какое-то духовное, интеллектуальное течение, совершенно неофициальное в Российской империи. И более того — оппозиционное к основным ценностям, пропагандируемым в ней.

Украина — что это такое?

Опыт истории свидетельствует: всякое национальное движение зарождается в верхах общества.

Уже в XVII веке, по мере метаний Украины между Московией и Польшей, становилось все понятнее, что тут не воссоединяются разорванные части одной страны, а фактически соединяются заново два разных народа.

У Григория Грабянки была необходимость обосновывать украинскую отделенность от москалей со ссылками на Священное Писание. Он полагал, что москали пошли от Мосоха. А вот казаки — от первого сына Иафета, Гомера.

Граф Безбородко и Андрей Разумовский вполне определенно осознают свои отличия от людей, среди которых живут. Считают ли они, что это отличия внутри одного народа или осознают себя иностранцами, мне трудно судить.

Также трудно судить, как осознают себя малороссы и как отделяют себя от москалей. Голос Тараса Шевченко, сына крепостного и национального поэта, легко счесть голосом народным. Но все национальные высказывания Тараса Шевченко с равным успехом можно считать и прорвавшимися народными чаяниями, и чисто верхушечными, интеллигентскими представлениями, усвоенными уже в городской среде.

Вполне определенно украинцы осознают себя в Австрийской империи. Это ярко проявилось во время Краковского восстания в феврале 1846 года. Восстание начало «Польское демократическое общество». Захватив власть в Кракове, оно пытается организовать общее восстание, во всей Галиции.

Крестьянство же, в основном украинское, поддерживает правительство Австрии — оно отменило крепостное право! Крестьянство не принимает всерьез демократических лозунгов; оно считает, что дворянами (по преимуществу поляками) движет недовольство отменой крепостного права и что вообще доверять им нельзя. Даже попытка повстанцев тоже

провозгласить отмену крепостничества выглядела неловкой попыткой примазаться к поступку «добротного императора». В сражениях под Гдовом, в подавлении восстания в Кракове украинское крестьянство не поддерживало польских повстанцев и даже помогало австрийским войскам.

27 февраля 1846 года из Кракова вышла процессия во главе с руководителем восстания Дембовским и поддерживавшими восстание священниками. Австрийская пехота давно заняла позиции по доносу украинских крестьян и открыла огонь. Дембовский был убит в числе первых.

Во время революции 1848 года позиция украинских крестьян тоже была совершенно лояльной к австрийской монархии и враждебной к венгерским и польским революционерам. Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф, к чести его будь сказано, захотел наградить лояльных подданных.

Именно тогда в Австро-Венгрии появилось книгопечатание на украинском языке, заработали украинские школы.

Конечно, запад Украины довольно существенно отличается от востока, в том числе и уровнем культуры. «Были эти люди одеты в передних шеренгах в синие одинаковые жупаны добротного германского сукна, были тоньше лицами, подвижнее, умело несли винтовки — галичане. А в задних рядах шли одетые в длинные до пят больничные халаты, подпоясанные желтыми сыромятными ремнями» [59].

Но и в Российской империи стоило пройти реформам 1861 года — и началось... В Одессе, Полтаве, Киеве, Харькове мгновенно стали возникать громады. Как вы помните, громадой при Магдебургском праве называлась сходка горожан. Здесь же громады — культурно-просветительские организации, стоявшие на двух идейных основаниях: либерализма и украинского национализма. В них участвовали такие крупные деятели культуры, как Антонович, Житецкий, Драгоманов, Чубинский, Костяковский, Чекаленко и другие. Что они делали? Собирали фольклор, писали и печатали книги, организовывали культурную работу, просвещение населения, создавали кружки по изучению этнографии. Все это — на украинском языке.

Часть этой работы велась в рамках земства, и русская интеллигенция только приветствовала работу украинских врачей и учителей в селе. Но зачем по-украински?! Ведь нет такого языка! И русская интеллигенция развлекалась байками про китов и котов, отказываясь понимать украинских коллег.

Но что характерно, в отличие от Польши и Австрии украинец ассимилировался в Российской империи легко и быстро. В громады ушли не те, кто не хотел становиться угнетателем-поляком или совсем уж чужаком-немцем. А те, кто осознали себя НЕ РУССКИМИ. И надо быть слепыми и глухими, как... как русская имперская интеллигенция, чтобы не понимать, что это значит.

Громады выступали и против поляков, в том числе против польских восстаний. Они, поляки, отрывают Польшу от России, это плохо! Но в Российской империи не должно быть угнетения народов. Долой централизацию, и пусть местные земства имеют право на самоуправление!

Идеалом громад стала культурно-национальная автономия, сочетание парламентаризма с земским движением, в котором громады видели опору для борьбы с царизмом.

Царское правительство в 1872 году потребовало прекращения деятельности громад, а в 1876 году в административном порядке запретило громады, печатание литературы на украинском языке и ввоз ее из-за границы.

Часть членов громад была арестована и сослана, часть эмигрировала. Из уехавших мало кто отрёкся от своих убеждений.

Профессор Киевского университета Михаил Петрович Драгоманов родился в местечке Гадяч, Полтавской губернии, в 1841 году, в семье мелкопоместных дворян. Окончил Киевский университет и стал в нем с 1864 года приват-доцентом.

А в 1875 уволен за политическую неблагонадежность и в 1876 уехал в Швейцарию. Там

издавал сборник, потом журнал «Громада» на украинском языке. Вышло в общей сложности пять выпусков «Громады». Украинская эмиграция выпускала сочинения Тараса Шевченко, Герцена, Панаса Мирного и нелегально ввозила их в Российскую империю.

Драгоманов домой так и не вернулся. С 1889 года он профессор Софийского университета, где и умер в 1895 году.

Политическая судьба Драгоманова типична для членов «Старой Громады»: для либералов он чужой — слишком националистичен; для социал-демократов и революционных демократов тоже чужой — слишком буржуазен, привязан к идеям парламентаризма и либерализма.

Оставшиеся в России «громадяне» и дальше будут пропагандировать свои взгляды, увлекать своими идеями все более широкие массы. Тут появятся и деятели земского движения 80-х годов XX века, уже скрывающие свои взгляды и гораздо более «близкие к народу» деятели, как тот же Панас Мирный (Афанасий Яковлевич Рутченко), написавший много романов из народной жизни. Идеи украинского национализма он как будто и разделял... но борьба за классовое освобождение ему неизменно оказывалась ближе, чем за национальное. Один из романов назывался: «Разве ревут волы, когда ясли полны?».

Не случайно коммунисты признали его и поставили памятник Панасу Мирному в Полтаве.

В самом же конце века и в начале XX идеи украинского национализма сольются с идеями «революционного преобразования общества» и социал-демократии. Родятся социалисты-федералисты, социалисты-самостийники, Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП); Украинская партия социал-революционеров (УПСР). Практика этих широких «народных» движений прекрасно показана у Михаила Булгакова.

Что это доказывает? Только одно: что национальный социализм совсем недалек от интернационального. Два очень похожих стволика растут из единого корня.

Симон Васильевич Петлюра гораздо моложе членов «Громад» (1879 года рождения), куда «демократичнее» по происхождению. Сын извозчика, он уволен из гимназии за участие в громаде и эмигрировал во Львов. С 1900 — член Революционной украинской партии. Прекрасный пример того, как человек без особенного образования может понять идеи интеллектуалов. Пример того, во что легко превращаются идеи интеллектуалов, «овладевая народными массами». И во что превращается человек, сознанием которого овладела соответствующая идея.

Интересно, а если бы члены громад (Драгоманов, Костяковский) могли бы увидеть Петлюру, его банды и булгаковский Киев «страшного года от Рождества Христова 1918», что делали бы они? Крестились и плевались? Кинулись бы жечь книги на украинском языке? Пытались разьяснить, что хотели совершенно иного?

Поздно, поздно. Джинн украинского национализма вылетел из бутылки и неизбежно должен принять самые различные формы. В том числе и самые отвратительные.

Белоруссия — что это такое?

Справедливости ради надо было бы написать и такую главу. Но лучше честно сознаться: не знаю я толком ничего о генезисе национализма в Белоруссии! Знаю только, что этот национализм существует, хотя и несравненно более спокойный, чем украинский, лишенный эксцессов и не запятнавший себя погромами — ни еврейскими, ни русскими, ни польскими.

Гораздо больше я могу рассказать о другой проблеме: о русской.

Современные русские — кто они?

Разумеется, современные русские никак не тождественны тем русским, о которых шла речь, — русских X, XII, XIV веков. То есть наши предки несомненно присутствуют там, в этой общности, но не все русские тех времен — наши предки. Современные русские — несравненно более локальная, меньшая общность. Корректнее всего было бы называть себя великороссами, но ведь и в этом названии москвиты ухитрятся извлечь «необходимую» претензию:

«Мы — не из какой-то там! Мы из ВЕЛИКОЙ России! Чувствуйте!»

Но, вообще-то, если лишить слово «великоросс» этого извращенного смысла, называться так было бы лучше всего хотя бы для того, чтобы определить свое локальное место в огромной многовековой общности.

Кстати, две территории Российской Федерации вполне реально могут в некоторой перспективе образовать субэтноты, а в перспективе более отдаленной и новые этносы.

Донские казаки уже и сегодня порой заявляют о себе, как об особом этносе. И если эти области какое-то время окажутся оторваны от остальной России (пусть не навсегда, а на время), а тем более создадут собственное государство, этнос родится вполне реально.

Другим местом рождения субэтноса вполне может стать северо-запад (Русь циркумбалтийская). Процесс этот уже шел и был прерван московским завоеванием. Идеология возвращения к новгородской вольности очень заметна в Новгороде Великом. При определенных условиях — создании экономической специфики, появлении политических институтов процесс формирования северо-западного субэтноса может охватить значительные территории.

ЧАСТЬ IV ОЖИВШИЙ КОШМАР РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Народ, у которого совершенно не развита общественная жизнь,
у которого личность подавляема, обречен на разложение и утрату
своей самостоятельности.*

В. М. Бехтерев

Глава 16 В ГЛУХОМ И ДИКОМ ЗАХОЛУСТЬЕ

*Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!*
Граф А. К Толстой

Изучая явление, обязательно следует посмотреть на его происхождение. Откуда оно взялось, какие стадии своего становления прошло, как развивалось. Так мы поступили с Великим княжеством Литовским. Так же и по тем же правилам рассмотрим и Великое княжество Московское. Но чтобы изучить истоки такого явления, как Московия, нам предстоит более внимательно ознакомиться с тем географическим и культурным явлением, которое и породило Московию, — с русским северо-востоком.

На северо-востоке Руси — в Волго-Окском междуречье, в Поволжье, в глухих

заволжских лесах природа гораздо беднее, чем в княжествах Черной, Белой, Малой — Западной или Юго-Западной Руси. Дольше и злее зима, короче лето. В Закарпатье безморозный период длится 230—240 дней в году. В Московской области — только 170.

Приходится гораздо серьезнее готовиться к зиме. Чтобы жить на северо-востоке, необходимы и гораздо более основательные дома, и больше теплой одежды, и хорошая пища.

Голодный человек рискует не выдержать морозов, даже если он хорошо одет.

Не случайно же именно здесь примерно в XV веке изобретают так называемую русскую печь. В такой универсальной печи можно готовить неприхотливую вареную еду — щи, пареную репу, кашу. Огромная печь долго отдает тепло, хорошо греет пространство избы. На плоской поверхности на верху печи можно спать. Там, наверху, тепло, даже когда дом остывает и по полу текут ледяные потоки из-под двери. Русская печь оказалась прямо-таки гениальным открытием. Без нее освоить пространства русского Севера, северо-востока и Сибири было бы куда труднее.

На северо-востоке природа очень небогата. Урожайность одних и тех же культур в Волго-Окском междуречье и на Киевщине различается в несколько раз. Чтобы получить такое же количество зерна, нужно больше земли. Весной надо будет вывезти больше посевного зерна и на большее расстояние. Раз земли нужно много, необходима рабочая лошадь, волы тут не годятся. Лошадь нужно тоже подкармливать зерном, пока она пашет или возит мешки с зерном на поле, осенью — с поля. Значит, приходится засеять больше земли, ездить на большее расстояние.

Бедная земля быстро истощается. Значит, нужно практиковать подсеčno-огневое или переложное земледелие, все время переходя с места на место. Или надо удобрять землю навозом. Без разведения коров, своего рода «навозного скотоводства» тут не может быть ни двуполья, ни трехполья.

Даже при трехполье маленькие деревушки будут окружать непроходимый лес. На северо-востоке Руси леса полностью не сведут никогда и по самой простой причине — лес остается нужен, как необходимый источник природных ресурсов, в том числе и пахотной земли. Уже распаханной может оказаться недостаточно.

Это имеет свои последствия не только для хозяйства, но и для души тех, кто населит такую землю. Естественные ландшафты — лес и степь, река и луга останутся обычными местообитаниями для человека. Даже при высоком уровне развития цивилизации человек будет хорошо с ними знаком, потому что слишком многое придется брать в лесу.

Человек на северо-востоке должен научиться много находиться в лесу, на реке и лугах и должен уметь получать от этого удовольствие. Так англичанин должен полюбить вересковые пустоши, а норвежец — фиорды. В том, что не любишь, трудно жить.

На северо-востоке складывается общество, в духовной жизни которого природа, дикая природа имеет колоссальное значение. Члены которого любят много времени проводить на природе, стараются как можно чаще там бывать.

Чей образ жизни изначально организован так, чтобы они могли как можно чаще бывать в лесу, в поле, на реке. И в решающие минуты жизни житель тех мест будет уходить в эти пространства, чтобы приникнуть к тому, что дает жизнь, побыть в здоровом, «правильном» месте и тем исцелить душу, успокоиться. И просто для того, чтобы побыть одному, уйти от скопища людей в переполненных избах, подумать, прислушаться к себе.

В лесу встречаются влюбленные, в лес ведут детей, в лес уходят отшельники и аскеты, размышляющие о смысле жизни и прочих важнейших предметах. «В ельнике давиться, в березняке жениться, в сосняке трудиться». Как видно, русская пословица хорошо знает, что где следует делать.

В лес тянет в любой ситуации душевного разлада, стресса, крушения.

«Унесу скуку в дремучие леса», — поет девушка, которую бросил любимый.

В лес хочется и на верхнем витке эмоциональной разрядки, радости, веселья, буйства.

Я рвался на природу, в лес,
Хотел в траву и в воду,

— свидетельствует Высоцкий, которого бес поводил «по городу Парижу». Не всем такая склонность понятна, и об этом тоже у Высоцкого:

Но это был французский бес,
Он не любил природу.

Не все хотят уйти в естественные ландшафты в такого рода случаях жизни, и это касается не только французов.

Русские часто высказывают удивление, обнаружив, что вьетнамцы, индусы или китайцы мало эстетизируют дикую природу, мало ее любят, и что для них не очень важно бывать в лесах и лугах.

Зато с монголами, тибетцами, жителями Центральной Африки русскому человеку найти общий язык довольно просто. А из европейцев — со скандинавами, у которых лугов и фиордов еще много и которые любят там бывать. С латиноамериканцами. С жителями США, не с «эмигрантами третьей волны», конечно же, а с коренными «штатниками», с «белыми протестантами англо-саксонского происхождения». У них земли всегда было много, они очень любят пикники.

Вторая важнейшая особенность северо-востока — континентальность. Чем дальше на восток, дальше от океанов, тем короче осень и весна. В Северной Франции зима длится всего три месяца. Сельскохозяйственный год, соответственно, девять месяцев в году. Но при этом весна длится два месяца, и столько же осень. Тепло и наступает, и отступает медленно, постепенно. Не зря же именно из Франции идет демисезонная одежда. Демисезонная от слова де-ми-сезон — между сезонами. Одежда на то время года, когда нет ни зимы, ни лета.

На востоке Германии зима продолжается уже пять месяцев; сельскохозяйственный год сворачивается до семи, а продолжительность весны и осени существенно уменьшается.

На северо-востоке Руси зима продолжается добрых полгода, на севере даже дольше; а весна и осень так коротки, что возникает реальная опасность не успеть с посевом хлебов или с уборкой урожая. Значит, работа на рывок. Тем более тяжелая работа, что вывозить на поля нужно больше зерна, а вспахать и засеять нужно большие площади, чем в любом уголке славянского мира (ведь земли нужно много, а урожайность низка).

Складывается традиция работы на рывок, бешеной «вкалки» без сна и еды, до седьмого пота. Отчаянной гонки за просыхающей землей, за стремительно надвигающимся, наступающим на пятки летом. Лето ведь короткое, и если опоздать с посевом, можно не получить урожая.

Такой же аврал — и при уборке урожая. Только вызрели, склонились хлеба — и тут же может ударить мороз, пойти снег. Или зарядят дожди, постепенно переходящие в снежно-водную ледяную жижу. Убирать урожай надо быстрее!

А после того, как рывок сделан, можно жить спокойно: и летом, после посева, и тем более зимой, собрав урожай.

Сельскохозяйственный год состоит из коротких суматошных рывков и длинных спокойных периодов, в которые решительно ничего не происходит. Перемежаются, сменяют друг друга периоды интенсивнейшего труда и полного ничегонеделания.

И это тоже отражается на народном характере. Те, кто организует сельскохозяйственный год в режиме труда «на рывок», с большой вероятностью так же построят и собственную жизнь, и жизнь общества. Вообще всякое бытие видится человеку, как соединение рывков, сверхусилий, когда «рваться из сил, изо всех сухожилий» не только правильно а единственный возможный способ действовать. А раз так в жизни человека естественным образом чередуются периоды, когда он «до смерти работает, до полусмерти пьет», и периоды, когда он решительно ничего не делает, кроме самого необходимого.

Своего рода «жизнь на рывок» или «судьба на рывок».

Но так же можно рассматривать и историю общества, как «историю на рывок». Сверхусилие совершается уже не индивидуально, в частной судьбе, а коллективно, в истории общества: деревни, общины, семьи, государства. Идет война, переселение, освоение новых земель, нашествие, отражение набега, тушение пожара. Каждый должен принять участие в сверхусилии, в рывке, и каждый оценивается по своей способности совершать такой рывок. Общественная мораль высоко ценит тех, кто сумеет выплеснуть как можно больше энергии и в как можно худших условиях, кто полнее отдастся общему порыву, кто умеет не жалеть ни себя, ни «противника», кто сумеет возглавить, организовать всеобщий «штурм и слом». Осудят скорее того, кто не пойдет на штурм вместе со всеми, или пойдет недостаточно энергично, или проявит меньшую, чем другие, ярость, непреклонность, отчаянность.

Ценность человека вообще будет определяться способностью совершать сверхусилия и рывки такого рода или участвовать в них. А молодой мужчина просто не может не искать возможностей поучаствовать в таких рывках. Ведь угодившие в них считаются уже проверенными жизнью, и те, кто хорошо себя повел, сразу признаются взрослыми мужчинами. А кроме того, после удачного рывка появляются новые земли, делится добыча, и вчерашний малец, чужой птенец, превращается в одночасье в почтенного собственника.

Вспомним героев все того же певца рывка, сверхусилия, риска, жизни на пределе физических и психологических возможностей — Владимира Высоцкого. Его герои, даже совсем не уголовные, вроде бы вполне приличные люди, просто поразительно «криминогенны». Жаждающие сверхусилий, сверхнапряжения, плачущие о том, что родились поздно.

Тоска героев Высоцкого по войне, по смертельному риску, по кровавому поту имеет противовес — их готовность сразу же после сверхнапряжения «расслабляться», по существу дела вообще не жить, а только скулить и пьянствовать в перерывах. Жизнь его героев примечательна только этими короткими рывками, только в эти краткие минуты что-то вообще происходит. И это очень национальное, очень москальское явление. Не случайно другие славянские народы, даже украинцы и белорусы, относятся к Высоцкому гораздо прохладнее великороссов.

Северо-восток Руси — единственная из славянских территорий, которая так никогда и не перестала быть славянским востоком. Северо-Восточная Русь всегда, всю свою историю была «разомкнута» на востоке. Урал и Сибирь так громадны, что это исключало опасность в один прекрасный момент исчерпать потенциал дикой природы и ее даровых ресурсов.

В XII веке было населено в основном Волго-Окское междуречье, а заволжские леса оставались для русских «безлюдными» (хотя там и жили финские племена). В XIV же веке за Волгу устремляется очень большой поток переселенцев. В те времена не вели подробных подсчетов, а даже существовавшие архивы до нас почти не дошли, но большинство ученых считают: только меньшая часть населения Северо-Восточной Руси жила в Волго-Окском междуречье, в пределах досягаемости князей Владимира, Суздаля и Ростова. На этой территории господствует двухполье и трехполье, а земледельцы платят князю налоги. Но большая часть населения Северо-Восточной Руси и в XII, и в XIV веках вела подсечно-огневое земледелие и жила фактически вне зоны досягаемости княжеской власти. Вот он, славянский восток!

В Московии, как это и должно происходить на славянском востоке, крайне долго переживались и самые отсталые формы хозяйства, и самые примитивные, везде уже изжитые формы культуры.

В Московии в Заволжье, в Предуралье подсечно-огневое и переложное земледелие господствовало до XV века.

Исчерпав возможности переложного земледелия, все территории Московии перешли к классическому типу хозяйства — трехполью с навозным удобрением. Почвы были малопродуктивны.

Мало того, этот тип ведения хозяйства тоже не давал особых возможностей для

развития. И в XVI—XVII, и даже в XVIII—XIX веках. По-прежнему не было необходимости в интенсификации хозяйства. Можно было просто перенести привычные формы хозяйства на почти не населенные, практически не освоенные пространства востока и северо-востока, в первую очередь Приуралья и Сибири.

В результате многих вопросов развития «как будто» можно было и не решать. Древние уравнивательные принципы постоянных переделов земли, отказ закреплять землю в пользование отдельных семей и частных лиц, абсолютное господство коллективного землевладения были возможны только потому, что не было действительно острой необходимости получать все больше продукции с тех же или даже меньших площадей. Избыточное население всегда могло выселиться на еще свободные земли.

Переселенческая политика П. А. Столыпина показывает, насколько серьезно относились к идеям земельной тесноты и переселенчества во всех слоях русского общества. Даже культурнейший, образованнейший представитель придворных и правительственных кругов, проводивший политику передачи земли в частные руки, развала общины и модернизации всего русского общества, считал жизненно необходимым дополнять эту политику облегчением переселиться на свободные земли для тех, кого его же политика лишала прежнего места в жизни. То есть помимо необходимости трудиться интенсивнее, искать новые социальные и экономические ниши столыпинская политика одновременно давала возможность избежать этих трудных, неприятных действий и просто переносить привычные формы хозяйствования и жизни в Сибирь и на Дальний Восток.

На Северо-Восточной Руси волей-неволей приходится быть коллективистом. И потому, что в континентальных областях начинается зона рискованного земледелия. Бешеная работа на рыбок ведется без гарантированного результата, и в любой год может выпасть неурожай. И потому, что неосвоенные и малоосвоенные земли просто недоступны одному человеку, даже семье. Чтобы прорываться в земли, населенные угорскими охотниками, поднимать целинные земли, а потом отбиваться и от муромы, и от татарских набегов, приходится действовать сплоченной группой, не расчлененной на индивидов. Взаимовыручка, взаимная поддержка были везде; вопрос, в каких соотношениях с ценностями индивидуализма. На северо-востоке баланс был один, в пользу общины. На Киевщине, тем более на Волыни, — совсем другой.

Поднимать целинные и залежные земли было под силу больше семейной общине. Женатые братья в такой общине не расходились и не начинали вести отдельные хозяйства.

Десятки людей, несколько взрослых мужчин со своими сыновьями, жили вместе, во главе с дедом — большаком. Большак оставался непререкаемым авторитетом при распределении работы, при разделе ее результатов. Он же отвечал за всю семейную общину перед властями.

Большесемейная община была удобна и властям. Через глав общин, большаков, гораздо легче было управлять людьми, чем имея дело с каждым работником в отдельности.

Групповщина, идеализация жизни в «обществе»; требование от индивида отказаться от развития своей личности, от экономической и социальной самостоятельности во имя жизни в коллективе; культивирование общинных ценностей и представлений; глубочайшее недоверие к индивидуальности; неодобрение, насмешливость к любым проявлениям «самости», стремление любой ценой доказать не правоту всякого, кто пытается жить не в группе. Мстительность, злоба по отношению к предателям, которые все-таки выломались из общины, — вот естественнейшие черты общественного мировоззрения; они просто не могут не сложиться.

Северо-Восточная Русь исходно оказывалась некой мировой провинцией. Не провинцией Руси, а именно провинцией мировой, цивилизационной. Слишком долго надо было идти в глухие леса Волго-Окского междуречья, слишком далеко находились любые центры цивилизации от Владимиро-Суздальского княжества. Это было свойственно уже Киевской Руси, а на северо-востоке черты изоляции, провинциальности умножились многократно.

Северо-восток Руси поневоле имел дело не с центрами иных цивилизаций, а с их перифериями. Не с Римом, а с Вильно; не со Скандинавией, а с Новгородом; не с Византией, а с Юго-Западной Русью, в лучшем случае — с Болгарией.

Качество таких контактов, конечно, оставляет желать лучшего при совершенно любых поворотах истории, при любой интенсивности взаимного влияния. Но и сами контакты с внешним миром, пусть с периферией цивилизаций и стран, практически прерываются после нашествия монголов.

С конца XII века Северо-Восточная Русь словно бы выпадает из европейской истории, выпала из поля зрения европейских историков, политических деятелей, писателей.

Контакты с Западной Русью и с Новгородом у Европы вовсе не прервались. А после Кривской унии Великого княжества Литовского и Польши в 1385 году связи стали много крепче. Русских все лучше узнавали в Европе. Но Северо-Восточная Русь прервала контакты и с Западной, и с Юго-Западной Русью. Чем дальше, тем больше Московия впадала в самолюбование, своего рода спазм самодостаточности, исключающее возможность нормальных контактов.

И еще одно... Если население редкое, информация передается медленно. Многие жители Волго-Окского междуречья в XII веке, заволжских лесов в XIV веке видели других людей раз или два раза в год, живя практически в полной изоляции от всего мира. Даже самые важные события тогдашнего мира доходили до них с большим опозданием и к тому же могли и не иметь большого значения для этих людей. Ни от того, что галицкий князь Роман отбил монгольскую орду в 1254 году, ни от захвата монголами Киева в 1240 году, ни от заключения Кривской унии в 1385 году в их жизни не изменилось решительно ничего.

Провинциальность северо-востока имела сразу два достаточно неприятных следствия.

Во-первых, отставание Северо-Восточной Руси от остальных стран и Европы, и Азии. Этому способствовал и монотонный, везде одинаковый ландшафт, и переживание древних форм ведения хозяйства и общественной жизни, исчезнувшие в других местах. Но не только! Изоляция очень мешала северо-востоку Руси просто хотя бы понимать, что же вообще говорит «другой», не навязывать «другому» собственные представления. Для понимания нужен хоть какой-никакой культурный уровень, а его-то порой и не хватает.

Во-вторых, этноцентризм, переживание племенной ограниченности. Если себя не с кем сравнить, свое начинает казаться чем-то единственно возможным, само собой разумеющимся, свойственным всем людям и так далее.

В этих условиях могло произойти только одно: любые идеи, любые духовные ценности, пришедшие из других стран, должны были преобразоваться в соответствии с местными ценностями и установками. Ведь влияние внешнего мира все равно очень невелико; так, вроде еле уловимого ветерка.

В результате все, что приходит извне, чаще всего становится только формой, в которой суть — это местные представления. Эти местные ценности все время могут менять внешние проявления, принимать другую форму, но по существу они от этого не изменяются.

Большесемейная община может считаться угодной местным богам, а может рассматриваться как идеал угодного христианскому Богу соборного общежития... Ну и велика ли разница?

Особый тип славянской культуры

На северо-востоке возникает своеобразный вариант славянской цивилизации, мало похожий на другие.

Здесь формируется, если хотите, особый тип человека; воспитывается россиянин, мировоззрение и мироощущение которого сильно отличается от мировоззрения его собрата из Киевщины или Волыни.

Попробую привести в систему и последовательно показать хотя бы основные черты этого северо-восточного мироощущения.

1. Во-первых, это расточительность. Готовность расточать и природные ресурсы, и человеческие, и в природе, и по отношению к самим себе, и к обществу.

В обществе, где главное — владеть природными богатствами, тот, кто расточает, бросает без толку, портит, кто владеет и не использует — богат. Так было везде, и у индейцев Северной Америки было даже специальное название для пира, на котором не столько едят и пьют, сколько показывают друг другу, сколько могут перепортить и расточить: потлач. На потлаче рубили топорами целые, только что сделанные лодки, выбрасывали в реку новые одеяла и рубахи, сжигали муку и копченое мясо: чтобы все видели я это могу!

Всякий, кто бывал на русской свадьбе, не усомнится — элементы потлача есть и в нашем празднестве! Избыточный, безумно расточительный, многократно перекрывающий удовлетворение любых потребностей пир должен показать всем: вот, мы богатые, мы это можем!

При этом демонстрация даже самой разумной бережливости, трудолюбия, умения сохранить материальные ценности кажется этим людям чем-то почти что безнравственным.

Северо-восток Руси расточителен и в отношении природных ресурсов. Проявляется это так широко и можно привести столько примеров, что остановлюсь только на одном, зато ярком. В России — Московии до сих пор строят дома из круглого леса. Эта расточительная привычка так обычна, так естественна для россиянина, что он способен искренне недоумевать: а что, бывает по-другому? Бывает.

В Китае строить из круглого леса перестали еще во времена Конфуция. В Японии леса шумели еще в конце Средневековья. Сохранилась очаровательная легенда о том, как при строительстве дворцов в городе Киото, в VIII веке, придворные дамы остригли волосы, чтобы сделать из них канаты, подтягивать бревна на высоту: обычные веревки рвались от несусветной тяжести. Но и в Японии века с XV из круглого леса не строят.

В Западной Европе уже в XIV—XV веках перешли на более аккуратную, менее расточительную технологию.

Восточная Европа — единственный регион Земли, где из круглого леса строят после XV века, а Русь — после XVIII.

Так же точно расточителен россиянин и в отношении собственных талантов и способностей.

Нельзя сказать, что он равнодушен к таланту вообще.

Нет, конечно. Скорее россиянин восхищается им точно так же, как и всякий другой человек. Но восхищается им, радуется ему — природному.

Талант хорошо иметь, но развивать его, использовать его — не обязательно и даже нежелательно. Тот, кто слишком уж бережно относится к своему таланту, холит его, боится потерять, обязательно вызовет недоброжелательное, насмешливое отношение. А уж тот, кто потребует от окружающих... нет, не потребует, это вам не Европа и не Япония. Тот, кто захочет, чтобы его способности давали ему какое-то преимущество, могли бы его кормить, вызовет уже не насмешку, а настоящую тяжелую злобу. «Что, умный сильно?!» «Умнее всех быть хочешь?!» И прочие сентенции, которые в более счастливых странах услышишь разве что на Дворе отбросов или на Дворе чудес. Ну, а в России люмпенство духа — вещь самая обычная.

Приумножать природный талант для россиянина — это даже как-то нечестно. Это какая-то попытка выделиться, обогнать кого-то, сделаться лучше — и к тому же «не правильным», нечестным путем. Не за счет того, что и так само собой дано, а за счет собственного труда.

Раз беречь талант глупо, трудиться над ним, совершенствовать его — аморально, то и уважается не тот, кто совершенствует данное ему. А тот, кто владеет, и независимо от того, насколько умно распорядился. А тот, кто владеет и расточает — это вообще прекрасный, в высшей степени правильный человек. Не случайно же русская литература полным-полна в высшей степени положительных, сочувственно подаваемых пьяниц, причем богато

одаренных от природы.

Из зрелища гибнущего таланта россиянин извлекает, похоже, столько же положительных эмоций, сколько индеец — из зрелища горящей лодки или выброшенной в реку муки.

Россиянин последовательно расточителен и в отношении возможностей. Ему и непонятно, и неприятно, что надо уметь «ловить волну», видеть благоприятное стечение обстоятельств, использовать случай. Точно так же, как больше всего уважается тот, кто владеет талантом, но его не развивает, наиболее уважаем тот, кто обладал возможностями самосовершенствования, накопления богатств или политической карьеры, но никак их не реализовал.

Так же, как личность расточительна в отношении своих возможностей, так же расточительно и общество в отношении своих. И в отношении отдельных людей. Действительно, зачем беречь жизни и судьбы людей, если они ничем не отличаются один от другого, а самореализация каждого почти что аморальна?!

Сохранилась история, одна из тех, в подлинности которой трудно быть уверенным. 1703 год, штурм Нарвы. Перед каждым проломом в стене — груды трупов — гвардейцев Петра. Многих Петр знал лично, со многими был дружен.

И Петр заплакал, глядя на эти еще теплые груды мертвецов.

Борис Петрович Шереметев подошел сзади, положил руку на плечо царя. Пятидесятилетний приласкал тридцатилетнего. «Не плачь, государь! Что ты! Бабы новых нарожают!»

Комментариев не будет.

2. Итак, ценится не созданное трудом, а обладание чем-то природным. Обладать чем-то природным — это ценится высоко! И в то же время поразительно малое значение придается труду.

Природное, натуральное ценнее и важнее созданного человеком. Поэтому все, связанное с пассивностью, с экстенсивным отношением к действительности, положительно эмоционально окрашено и высоко ценится в обществе.

«Простой человек» — это у нас до сих пор звучит как комплимент. Как раз интенсивно жить — это по российским понятиям глубоко не правильно. «Деловой!» — вполне определенно слово отрицательной окраски.

3. Режим сельскохозяйственного года заставляет работать на рывок.

Такой режим труда вообще очень уважается и ценится уже и в тех сферах, где труд вполне можно распределить равномерно. Сколько насмешек вызывает у россиян привычка работать по часам, ритмично отдыхая или обедая в точно установленное время! Россиянам действительно удобнее сделать яростный рывок, а потом остановиться и уже долгое время не делать решительно ничего.

Россиянин до сегодняшнего дня неколебимо уверен, что все можно решить через безумный рывок. Что отставание по времени, утраченные возможности, сделанные глупости могут быть и невозможны. Ничего! Сделаем рывок, и все в порядке! Россиянина крайне трудно отвлечь от любого, самого пустого развлечения потому, что «пора работать».

И не потому, что он ленив. Он уверен, что наверстает упущенное во время рывка, а осуждается как раз «деловой» и «гоношистый» человек, который разбивает компанию, суетится и мешает остальным пить чай и курить, чтобы идти работать.

На рывок работать невозможно везде, где необходима строгая технологическая и исполнительская дисциплина.

И потому все наукоемкие технологии и сложные производства вызывают внутренний протест и эмоциональное осуждение россиянина.

Из традиции работы на рывок вырастает и судьба, индивидуальная жизнь на рывок.

И жизнь общества — на рывок. И государственная жизнь.

И сама история — на рывок. А делается история на рывок людьми, живущими как в затычном прыжке, работающими по 20 часов в сутки, не видящими неделями собственных

детей и органически не способных понять, что они обедняют самих себя, собственную жизнь.

Выдумка большевиков? Но таковыми были и сподручные царя Ивана Грозного — самого русского, самого православного царя за всю историю Московии. И Петра I.

И очень многие соратники Александра I и Александра II.

4. Неизбежным следствием изоляции страны и переживания всего, умершего в других странах, становится архаика. Северо-Восточная Русь — невероятно отсталый регион славянского мира. Племенные мифы, племенные представления, давно умершие в других местах, здесь благополучно сохраняются так долго, что начинают уже казаться не признаком отсталости, а проявлением некоего национального духа, культурной специфики или загадочной русской души.

Россиянин и в XVII, и в XIX, и даже в XX веке культивирует представления о том, что человек должен входить в некую общность, что находиться вне общности не правильно и едва ли не аморально, что человек и оценивается по тому, к какой общности принадлежит и какое место в ней занимает.

Реально россиянин даже в XIV, не говоря о XVII веке, живет в мире сущностей, несравненно более сложных, чем род и племя. И его племенные представления естественнейшим образом переносятся на государство, религию, народ, на государственную политику и на отношения людей. И даже иноземцев судят по тому, насколько они хороши по представлениям родоплеменного общества. Хорош, естественно, только тот, кто умеет вести себя по нормам времен вторжения тевтонов в Галлию, взятия славянами Топера и вандалов, срывающих в Риме с храмов позолоченную черепицу.

5. Еще одна важная особенность, без которой трудно понять Северо-Восточную Русь, — ее провинциализм.

Когда у людей нет реального представления о происходящем в мире, о его масштабах и о действительно важных событиях, представления о самих себе, говоря мягко, искажаются.

В одном из писем к первому президенту США Георгу Вашингтону некто писал: «Весь мир с нетерпением следит, продадите ли вы акции этой компании!».

На русском северо-востоке так же наивно были уверены, что «весь мир» только и делает, что следит, как поступит один князь (чаще всего — еле заметный князек) по отношению к другому, или какие важные для всего человечества решения примет вече города или городка. Воистину, «весь мир следит за тем, будете ли вы брать по одной или по две белычьи шкурки с воза товаров»!

Впрочем, и по сей день жители Российской Федерации свято убеждены, что в их стране происходит нечто невероятно значимое. Это представление о своей важности и ценности, от которого за версту разит самым кондовым провинциализмом и комплексом неполноценности, очень важно для многих россиян. А на попытку показать истинное место Российской Федерации в современном мире (Что поделаться? Очень скромное место) они реагируют чисто эмоционально: уходом в истерику, в дурное расположение духа или в прямую агрессию.

Эти люди толком не знают всего остального мира за пределами своих единоплеменных лесов и с легкостью необычайной приписывают ему самые невероятные вещи. Так средневековые географы, несколько веков отрезанные от всего мира, кроме закоулков родной Баварии или Аквитании, непринужденно рисовали «живущих» в Африке лемний с глазами на груди, обитающих на Северном полюсе одноногих людей, копающих индийское золото «муравьев ростом с большую собаку», столь замечательно описанных Хоттабычем.

Но ведь такими же фантастическими представлениями о внешнем мире жила Московия и после того, как весь мир уже вышел из Средневековья. «Говорят, такие страны есть..., где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят.

В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят... они надо всеми людьми, и что ни судят они, все не правильно.

И не могут они... ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. А

дальше земля есть, где люди с песьими головами...». У меня нет причин сомневаться, что такого рода диалог полуграмотной странницы Феклуши и сенной девушки Глаши был вполне возможен. А. Н. Островский всегда точен в своих описаниях и вовсе не возводит напраслины на своих героев — купцов XIX века. Его герои, между прочим, современники героев Жюль Верна и Фенимора Купера.

Впрочем, самые фантастические представления о внешнем мире были обычны и для полуизолированного СССР.

Со стыдом вспоминаю, как в 1989 году многие, и не только деревенские бабки, кинулись раскупать соль и спички: «Германия соединяется! Как соединится — война будет!».

Какое анекдотическое представление должно существовать о ФРГ в головах этих людей, всерьез ожидавших войны! Как далеки их бредни от сколько-нибудь реальной картины!

Так же анекдотичны порой и представления москвитов о том, что же лежит в основании современной им культуры Запада и Востока. Уже в конце XX века Карен Хьюит вынуждена была написать книгу специально для советских людей; объяснить, что Запад — это вовсе не те глупости, которые они про Запад напридумывали [60], Точно так же, разумеется, не ведают они и Востока и только свои предельно невежественные оценки кладут в основу представлений: Восток это или Запад проявляется в их жизни?

Без этого провинциального невежества, вызванного оторванностью от центров цивилизации, нам не понять северо-востока.

Если знать природную обстановку, в которой развивается цивилизация, и знать особенности мировоззрения тех, кто ее создает, можно довольно точно предсказывать «поведение» самой цивилизации. Чем будет эта цивилизация для самих ее создателей? Для соседей? В какую сторону пойдет ее развитие?

Попробую привести особенности цивилизации Северо-Восточной Руси в виде нескольких пунктов... просто, чтобы упорядочить материал.

1. Во-первых, это будет цивилизация, в основу которой лягут очень архаичные, пережиточные формы культуры.

По неизбежности, независимо от своего желания, эта цивилизация будет ориентироваться на экстенсивные формы развития, на общинное сознание, на групповые формы поведения людей.

В этой цивилизации племенные мифы будут переживаться очень долго, а мифологические представления о самих себе будут культивироваться, а всем окружающим народам — навязываться и силой убеждения, и силой оружия.

Племя не знает, да и не желает знать, как оно выглядит со стороны. Для племени ценно только то, что племя изволит считать истиной. И эта истина в последней инстанции будет предъявлена всему миру, а множество юношей и молодых мужчин будут готовы умирать, чтобы отстоять свое понимание истины и заставить окружающих принять их племенные ценности как единственно возможные.

2. Цивилизация будет ценить отделенность от других, изоляцию, отсутствие любых контактов с не своими. Даже принужденные жизнью к теснейшему общению с другими, представители этой цивилизации будут нуждаться в прекращении контактов, во вдумчивом погружении в свое, в традицию. Хотя бы часть своего времени жизни самые знатные, самые элитные носители этой цивилизации будут тратить на уход в привычные ландшафты (в первую очередь — в лес), на ведение привычного образа жизни.

3. Какие бы заимствования из внешнего мира не перенимала Северо-Восточная Русь, она неизбежно обречена на выращивание собственных версий любой заимствованной культуры. Католицизм, православие, ислам — все переплавится в этой изолированной от прочих цивилизации, сквозь любую идею прорастет местная традиция Северо-Восточной Руси.

4. Вполне очевидно, что на северо-востоке может родиться только цивилизация, чья

история пойдет на рывок.

Цивилизация, склонная развиваться рывкообразно; сделать сверхусилие, вплоть до полного расточения своих сил и возможностей, а потом спокойно жить неограниченно долгий срок.

Но на все внешние воздействия, по крайней мере достаточно сильные, такая цивилизация будет реагировать в основном новыми рывками. Хорошо, если в мирном строительстве.

В сущности, это очень опасная цивилизация. Опасная и для самой себя, и для своего же населения, и для соседей — для всех.

Почему центры Руси перемещаются на северо-восток?

Начиная с В. Соловьева, историки упорно говорят о перемещении политического центра Руси из Киевщины на северо-восток. Более корректные, как Костомаров, еще в прошлом веке говорили об одновременном перемещении политического центра на северо-восток; и юго-запад; и на Владимирщину, и в галицко-волинские земли.

Понятны причины упадка сердца страны — Киева: уменьшается роль пути «из варяг в греки», а одновременно растут новые мощные центры.

Понятно, почему в числе этих новых центров, оспаривающих у Киева первенство, остаются богатые и культурные земли юго-запада, плодородные, близкие к Европе.

Но почему же так резко поднимается и северо-восток?

Территория новая, освоенная совсем недавно. Ростов Великий, Ростов с выразительным названием Залесский — единственный по-настоящему старый, упоминаемый в летописях под 862 годом город Северо-Восточной Руси. Владимир основан Владимиром Мономахом, в 1108 году, в глуши диких, неосвоенных лесов. На месте Москвы до 1147 года было село с укрепленным двором боярина Кучки. Может быть, Кучка был и хороший человек, но ни сам он, ни его предки или потомки никак не прославили себя ни в каких областях: ни в делах государственных, ни в науках и искусствах, ни в ведении военных действий. Так, некий первобытный боярин, сидевший всю жизнь за неперелазным дубовым тыном. И вся территория северо-востока такова же...

В X веке на северо-востоке было только одно княжество: Ростово-Суздальское. Уже в начале XIII века княжество разделилось ни много ни мало, как на 12 частей, и возник конгломерат многих княжеств самого различного размера. Владимирское, Суздальское и Ростовское княжества были еще крупными, многолюдными и сильными (даже с учетом перехода населения за Волгу). А были столицы княжеств, состоявшие только из княжеского двора, поставленного посреди непроходимого леса.

Эти княжества продолжают причудливо дробиться, и только в конце XIV века намечается другая тенденция: к собиранию земель. В ряду самых обычных, самых заштатных и Московское княжество — будущий центр северо-востока, а потом и «Всея Руси».

И возникает естественнейший вопрос: а почему вообще на северо-востоке зреют такие мощные силы?

На этот вопрос я в состоянии дать только один ответ: а потому, что на северо-востоке всегда очень много ресурсов!

Границы Юго-Западной, Галицко-Волинской, Северо-Западной Руси неизменны всю их историю, с VIII—IX веков. Северо-Восточная Русь постоянно растет, прирастает, двигаясь на восток — за Волгу, в Приуралье, Башкирию, Сибирь.

С XI по XVI века Северо-Восточная Русь увеличивается в размерах в несколько раз.

Это, конечно же, только экстенсивный рост. Но этот экстенсивный рост так стремителен, что позволяет Северо-Восточной Руси расти, крепнуть, накачивать экономические и военные мышцы значительно быстрее, чем благодатному юго-западу и

динамичному, активному северо-западу.

Деспотия без монголов

Русские ученые, писатели, общественные деятели потратили немало слюны и чернил, чтобы обосновать нехитрый тезис. Мол, русских, коренных европейцев, совратили злые азиаты-татары. Это татары научили самих русских рабству, затворничеству женщин, холопству, жестокости, внедрили в русское общество идею «вековой дремотной Азии», опочившей на московских куполах... одним словом, сделали русских хотя бы частично азиатами.

Теперь же цель русских — преодолеть татарское наследие и опять сделаться европейцами. Ярче всего эта нехитрая идейка проводится, пожалуй, в прекрасных стихах графа Алексея Константиновича Толстого.

Певец продолжает: «И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подыметя русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!

.....

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобный кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожем,
А вы ему стучать и стучать челом
Ой срама, ой горького срама!»

И с честной поссоритесь вы стариной,
И предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом обратимся к обдорам!» [61]

Нехитрая, слишком нехитрая идейка, но потенциал ее велик. Если мы европейцы, лишь временно оторванные от истинного Отечества, то и «возвращение в Европу» закономерно и оправданно, даже решительно необходимо. И меры, принимаемые Петром I и его последователями, правильные, нормальные меры: нечего здесь отпускать бороды, носить сарафаны, блюсти посты, слушать колокольный звон, цепляться за традиции и вообще оставаться русскими.

Нехитрая идейка становилась оправданием почти всего, что выделял со страной «дракон московский» Петр I, напрасно прозванный Великим.

Идейка позволяла и самому народу, без отечески мудрых решений своих царей, постепенно склоняться к Европе.

Никакая культура не любит новшеств — мы об этом уже говорили. А вот вспоминать культура любит. Стоит убедить людей, что новшество — вовсе не новшество, а хорошо забытое старое, что так жили предки, и новшество тут же превращается в нечто почтенное и очень даже желанное. Так было с идеей европейского Возрождения, когда появившиеся

новшества, огромный по масштабу сдвиг в культуре объяснялся просто: возвращением к Греции и Риму.

Так вот и здесь: идея исконного русского европейства, порушенного злыми татарами, обеспечивала процесс русской модернизации.

Но есть, по крайней мере, один пример (пример значительный и яркий) того, как еще до монголов появилось то, что позже приписывалось «повреждению нравов» из-за татарского ига. Чтобы стать властителем всей Суздальской земли, ввести режим жесткого единодержавия, отказа от всего роднящего Русь и Европу, Андрею Боголюбскому не понадобились никакие монголы.

Да и жил он и погиб более чем за полвека до монгольского нашествия. И если даже кто-то получал его вести себя так, а не иначе, то это были точно не татары. Непременно найдутся любители найти у него учителей-евреев или на худой конец хазар... Хотя всякий, кто дал себе труд изучить личность Андрея Боголюбского, сильно усомнится, что на него можно было иметь хоть какое-то влияние и чему бы то ни было подучить. Этого он даже отцу, Юрию Долгорукому, и то не слишком позволял.

Став князем в Ростове, Андрей Боголюбский выгнал оттуда младших братьев и племянников и покинул богатый вечевыми традициями Ростов, перенес столицу во Владимир, где не было веча.

Там он показал себя не самым худшим из русских князей и делал немало разумного: населял Владимир купцами и ремесленниками, заботился о промыслах, построил Успенский собор. Однако не полагался на бояр и старшую дружину. Видимо, были причины. И выслал за пределы княжества старших бояр, служивших его отцу. И правил, опираясь на «молодшую дружину», на «отроков», преданных ему лично.

По словам летописца, он хотел быть «самовластием» Суздальской земли... и стал.

Первым на Руси Андрей Боголюбский последовательно опирался не на землевладельцев-бояр, которые от него мало зависели, а на тех, кто зависел лично от него: от данной им земли, от пожертвований и кормлений. Выставляя вон всех, кто служил его отцу, был экономически независим и мог с ним поспорить, Андрей Боголюбский окружал себя лично преданными людьми.

Первым на Руси пытается вторгнуться Андрей Боголюбский и в дела Церкви: выгнать из Ростова неугодного ему епископа Леона и поставить своего епископа Феодора. Князь хотел даже создать вторую митрополию на северо-востоке, помимо киевской, и все с тем же Феодором, своим человеком, во главе. Получилось плохо, потому что патриарх Константинопольский новую митрополию основывать отказался.

Даже окружив себя «молодшей дружиной» и «отроками», Андрей не остался во Владимире, а построил укрепленный княжеский городок Боголюбове и возле него — знаменитый Спас-на-Нерли, при впадении Нерли в Клязьму. Даже сейчас белокаменное чудо Спаса и Успенского собора производит сильнейшее впечатление. Даже на тех, кто видел Зимний дворец, Кремль и Владимирскую горку, — производит. А тогда свежий тесаный камень сахаристо сверкал на солнце, и Спас-на-Нерли, поставленный на насыпи, посреди заливного Богородичного луга, при слиянии рек, был виден за десятки верст. Храм был первым, что бросалось в глаза купцам, послам, боярам и дворянам, приезжавшим в Боголюбове или Владимир, поднимавшимся по Клязьме или спускавшимся по Перли.

Впрочем, и Спас-на-Нерли, и Успенский собор — это нечто, заслуживающее отдельного разговора. Пока отметим большую религиозность этого нарушителя традиций. Что и не удивительно, по моему. Пока действуешь как часть группы, клана или рода — все просто. Группа, клан и род несут ответственность за то, что происходит с тобой и за результаты твоих дел.

А вот если ты сам, лично, от себя творишь нечто, то ты, получается, лично стоишь перед миром. Не в составе рода и семьи, не как часть правящего клана. А лично. Сам по себе.

Есть ты, и есть Тот, перед Кем, хочешь или не хочешь, нести ответ.

Князь Андрей религиозен? Не удивительно!

Не уберется князь Андрей и был убит мятежными боярами в ночь с 28 на 29 июня 1174 года в своем любимом Боголюбове. В центре заговора стояли дети, внуки боярина Кучки, владельца Москвы. Бояре не любили и боялись Андрея, который правил без них, окружал себя «неказистыми» людьми, старался подавить всех, кто от него независим.

Убит? Так ведь рисковал! Сделал не по традиции, а по своей воле. Пока действуешь по традиции, она за тебя и думает. А если сам строишь свою судьбу, то сам и несешь ответственность за любой возможный результат. Например, за собственную смерть.

Андрей Боголюбский, внук Владимира Мономаха и сын Юрия Долгорукого, родной брат прадеда Александра Невского, первым на Руси осуществил голубую мечту многих и многих князей:

— выехал в город, где можно править без веча;

— установил режим личной власти, без опоры на бояр и на Церковь и даже Церковь попытался подчинить себе.

Мечта осуществилась в Северо-Восточной Руси, и были на то важные причины.

В древности ассирийцы и вавилоняне применяли политику, которая назвалась «вырывание»: завоеванный народ переселяли на другие места. Новые места могли быть и не хуже старых, но там не было старых богов, прежних вождей, приходилось хоть немного, но менять и способ ведения хозяйства, и бытовые привычки. Народ оказывался вынужден опираться на администрацию, поставленную государством, и становился куда покорнее прежнего. «Вырванными» было проще управлять.

На северо-востоке народ, не успевая укорениться ни на одной территории, сам себе устраивает «вырывание». Причем какое-то хроническое вырывание: не успели освоить Волго-Окское междуречье, как приходит время перебираться в Заволжье, потом в Предуралье.

Мало того, что люди оказываются на новом месте. Они постоянно оказываются все на новом и на новом. В таких условиях не могут вырасти новые традиции, новые принципы самоорганизации общества.

Везде в Европе, равно и романо-германской, и славянской, центрами власти были феодалы, города и церковь. Так было и во Франции, и в Германии, и в Великом княжестве Литовском. Так было и в Киевской Руси. На западе Руси вечевые традиции IX—XI веков укрепились, города обретали Магдебургское право. В XII веке к этому только шло, но главное, вечевые традиции в Западной Руси никуда и никогда не исчезали.

В Северо-Восточной Руси города особенно слабы, среди них много городов вообще без веча, тот же Владимир.

Церковь? На западе церковь независима от князей, а католические епископы так и вообще подчиняются только папе римскому, а папа считает себя выше королей и императоров. С церковью приходится считаться, что в Италии, что в далекой от папских глаз Польше.

На северо-востоке у церкви тоже нет устойчивой опоры в традициях, обычаях места. Если князь создаст епископство, тогда и будет епископство, а князь будет его покровителем.

Феодалы? Везде феодалы имеют свои имения, которые нельзя отнять. Они независимы от королей, князей, графов и герцогов; если хочешь стать и остаться владыкой, с ними надо уметь договариваться.

На северо-востоке нет сложившейся системы поместий, переходящих от отца к сыну. А раз так, там в сто раз больше возможностей наступить им на хвост, заменить боярство, владеющее землей, на согнутое в покорности дворянство.

Прогнать старшую дружину и бояр, опираться на молодежь, зависящую только от тебя.

Даже и крестьянство тут удобнее для установления режима своего личного господства. Оно более дикое, архаичное, общинное. Оно не будет вникать в тонкости и в детали закона и традиции, оно еще не понимает важности этих юридических тонкостей.

Для этого общинного, диковатого крестьянства князь — что-то вроде племенного вождя. А мятежные бояре — это «шибко умные» враги единства.

Быть деспотами хотели и другие князья, в других землях. По крайней мере, многие из них. Осуществил это именно Андрей Боголюбский, и осуществил именно потому, что правил на северо-востоке.

И потому вот она, мораль: чтобы утвердить деспотизм восточного типа в Северо-Восточной Руси, не надо никаких монголов.

Может быть, монголы и помогли становлению такого типа власти, но вовсе не потому, что принесли его с собой.

А потому, что сделали северо-восток еще более диким, архаичным, оторванным от остального мира. А князей еще в большей степени племенными вождями, чья главная цель — противостоять внешнему врагу, Вообще же мысль о том, что источник проблем Северо-Восточной Руси лежит вовсе не в нашествии монголов, а в изоляции от всего мира, высказывалась еще в прошлом — начале нашего столетия. Например, эта мысль очень ясно высказана в книге К. Валишевского [62].

Глава 17 СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВИИ XIV—XV ВЕКА

*Никто не виноват в том, что родился рабом...
Но раб, целующий плетку и призывающий благословения на
хозяина, уже не просто раб, а совершенно отвратительный и
вызывающий законное чувство омерзения холуй и хам.*

В. И. Ленин

Из Северо-Восточной Руси — в Московию

Шляхетство Западной Руси собиралось на съезды-сеймы для решения важных вопросов. На эти сеймы не приглашались князья, чьи владения не входили в Великое княжество Литовское, — по понятным причинам. Но вот в 1303 году князья Северо-Восточной Руси проводят общий сейм. Как свидетельствует Н. М. Карамзин, «в сих Княжеских съездах не участвовали ни Рязанские, ни Смоленские, ни другие владетели. Нашествие монголов уничтожило и последние связи между разными частями нашего отечества:

Великий Князь, не удержав господства над собственными Уделами Владимирскими, мог ли вмешиваться в дела иных областей и быть — ежели бы и хотел — душою общего согласия, порядка, справедливости?» [63].

Не будем вспоминать, что великому князю литовскому почему-то удается и удерживать господство над своими уделами, и быть «душою общего согласия» в своих пределах.

Не будем даже фиксировать лишний раз внимание читателя на том, что Н. М. Карамзин сознательно делает вид, будто помимо великого князя владимирского нет в это время на Руси владыки с таким же титулом, и всех, кроме рязанского и смоленского князей, именует эдак общо: «Другие владетели».

Заметим лишь, что пока северо-восток полностью сохраняет свою репутацию дикого, изолированного от всех, мало интересного кому-либо захолустья.

Кстати, не очень понятно и обратное: считают ли на северо-востоке западных русских сородичами? «Южные области России... Быв некогда лучшим ее достоянием, с половины XIII века сделались чужды для нашего северного отечества (Для нашего! — А. Б.), коего жители брали столь мало участия в судьбе киевлян, волынян, галичан, что летописцы Новгородские и Суздальские не говорят об ней почти ни слова», — свидетельствует

Карамзин [64].

И о более поздних временах: «...Шайки Литовских разбойников злодействовали в пределах Торжка. За что Великий Князь приказал своим Воеводам сжечь в соседней Литве несколько городов: Рясну, Осевен и другие, принадлежавшие некогда к Полоцкому Княжению» [65].

То есть в ходе войны с Литвой Иван III велит обращаться с жителями Полоцкой земли, как с врагами, несущими круговую поруку с теми, кто разорял Московию. Отметим это: нет уверенности в том, что Запад и Восток Руси признают друг друга единым народом. Утверждать это с уверенностью трудно, но предположить мы просто обязаны.

На самом же северо-востоке Московское княжество еще в начале XIV века — одно из самых незначительных. Включает оно только два города — Москву и Звенигород и земли вокруг них. Правят в Москве князья из младшей линии наследников Александра Невского, то есть князья, не имеющие права стать великими князьями. Что же такое Москва?

Так, захолустное владение малоизвестных, ничем не примечательных владык сугубо местного разлива.

Только при внуке Александра Невского, Иване Калите (1325—1340), начинается возвышение Москвы, рост ее престижа и значения.

А к концу XIV столетия, к Куликовской битве, Московское княжество оказывается вдруг лидером всего северо-востока и начинает играть исключительную роль в истории всей Руси. И возникает естественнейший вопрос: а что же привело Московское княжество к лидерству, а потом и к могуществу? Почему именно это княжество стало так успешно собирать русские земли и стало центром будущей Российской империи?

Действительно, почему столицей нашей Родины стала Москва, а не Тверь, не Ростов и не Рязань? Какие качества именно московских князей или свойства территории их государства сделали так, что именно Москва собирала русские земли, а не Тверь и не Рязань?

Классический ответ состоит в том, что Новгород, Казань, Киев, даже Рязань лежат на окраинах страны. А Москва лежит в центре, и отсюда собирать земли куда удобнее: во все концы России расстояние примерно одинаковое.

Но и тогда возникают недоуменные вопросы: ведь Ростов, Тверь, Владимир, Суздаль, Калуга, Боровск, Серпухов находятся совсем недалеко от Москвы, в том же самом центре, что и она сама. Почему не могучая Тверь? Почему не древний Ростов? Чем хуже Москвы Серпухов? Вопросы, вопросы...

Есть такое мнение, что московские князья — самые решительные воины с Золотой Ордой, и потому они становятся лидерами для всей Руси. Все русские княжества начинают идти за Москвой и помогают ей.

Но есть и прямо противоположное мнение. И далеко не самое безосновательное. Московские князья — самые большие сторонники монголов. Еще Александр Невский, который стал приемным сыном Бату-хана (Батые русских летописей), помогает подавить восстание против баскаков, которые собирали дань для Орды.

В 1262 году по всей Руси вспыхнуло восстание: в Новгороде, в Суздале, Ярославле, Владимире. Как писал летописец, «и побиша татар везде, не терпяще насилие от них».

Александр Невский, победитель ярла Биргера и Ливонского ордена, к тому времени стал великим князем владимирским и оставался им в 1252—1263, до своей физической смерти. Ярлык на великое княжение он, конечно же, получал от монголов.

И вот Александр Невский вместе с ордынским, собственно татарским войском активнейшим образом подавлял восстание во всех городах Северо-Восточной Руси. Подавление восстания проходило с невероятной, просто пугающей жестокостью.

Во всех городах Северо-Восточной Руси великий князь владимирский запретил вече. Ведь это городские вече принимали решение бороться с татарами, вечевые колокола созывали народ на восстание.

Баскаков татары больше не посылали на сбор дани на Русь. Да и зачем? Сбор дани был отдан на откуп восточным купцам, а в первой половине XIV века собирали дань уже

московские князья. Так сказать, свои же.

Глупо, конечно, судить исторических личностей по меркам сегодняшней морали, которые позволили бы называть Александра Невского плохими словами: «коллорабационистом» или «предателем национальных интересов». Разумеется, ни тем, ни другим Александр Невский не был и в помине, как и поляки, посадившие на свой трон русского Владислава (Ягелло), как и татарские князья, которые, придет время, будут верой и правдой служить московским царям.

Попробуем лучше посмотреть: а чего добился Александр Невский своими действиями вместе с Ордой? Ему-то чего нужно было? И получил ли он то, что хотел?

Ну, во-первых, он, конечно же, получил колоссальное усиление великокняжеской власти. Причем не абстрактного принципа этой власти, конечно же, а вполне конкретно: себе лично и своим потомкам. Орда теперь прекрасно знала, что уж на кого-кого, а на эту линию княжеского рода очень даже можно положиться. И собирать по Руси дань для Орды стал не кто-то, а внук Александра Невского, знаменитый Иван Калита. Не кому иному расчистил Александр Невский дорогу, а своим внукам.

И второе. Александр Ярославович Невский осуществил на практике два родственных, очень близких по смыслу действия. Совершить нечто подобное хотели многие русские князья, что и показал еще Андрей Боголюбский, заплатив жизнью за своеволие. А вот Александр Невский воспользовался монголами, чтобы осуществить эти действия в несравненно больших масштабах и совершенно безнаказанно: он отменил в русских городах вече и ввел режим единоличной деспотической власти.

Еще раз подчеркну: Александр Невский не сделал ничего, что не было бы предметом тайного вожделения и других князей. Разница в том, что они только бессильно мечтали, а он воспользовался случаем и осуществил желанное на практике.

Как и Иван Калита. Многие князья, наверное, могли только мечтать о такой замечательной возможности: собирать дань для татар! Собирать не только в своем княжестве, а во всех княжествах, платящих монголам дань. Самому решать, кто и сколько — хе-хе! — будет платить, в зависимости от отношений с главным сборщиком. И уж, конечно, собирать дань, старательно отводя в собственные карманы ручеек из текущей в Орду золотой речки...

Хотели — многие. Осуществил — Калита. Осуществил в числе прочего и потому, что для него уже за несколько поколений подготовили такую возможность.

Напомню, никакой Московии пока еще нет, она возникнет только в середине — конце XV столетия, не раньше. Пока речь идет только о том, как в недрах Московского княжества вызревает особый тип государства. Весь XIV и XV века московские князья очень последовательно строили государство, характер которого В. О. Ключевский назовет «тяглым».

Потом будут и другие термины: «не правовое государство», «традиционное», «деспотическое». Но по сути они будут обозначать то же самое, что и «тягло».

Тяглый характер государства обозначает, что в этом государстве нет свободных от него людей. Все обязаны нести тягло — служить. Отношения людей, их положение в обществе, их богатство... одним словом, абсолютно все определяется тем, кто и как служит государству.

В Европе (в том числе на Западной Руси) отношения внутри служилого слоя определял вассалитет. Вассал должен был служить сорок дней в году, или два месяца... Одним словом, установленное число дней, и весь остальной год был никому и ничего не должен. Можно сколько угодно смеяться над системой, когда вассалы могли разойтись на 41-й день своей службы, даже прекрасно понимая: еще день-два — и противник капитулирует. Наверное, в своем роде это и правда забавно. Но эта система создавалась свободными людьми, наследниками Рима и Эллады. И воспитывала свободных людей, которые договариваются о службе, честно выполняют условия договоров и которых нельзя принудить исполнять что-то сверх договора.

Никакого влияния античной цивилизации Московия не испытала, традиций вассалитета в ней не было. Служилый человек был обязан служить столько, сколько он физически сможет, безо всяких обязательств со стороны князя. По меткому определению В. О. Ключевского, дворянину давалось поместье не за то, что он служил, а для того, чтобы он служил.

Московия опиралась не на бояр с их вотчинами, с их какими-никакими, а традициями. Москва опиралась на дворян — высокопоставленную дворянскую князей и великих князей, зависимую, неуверенную в себе, которой некуда деваться.

Служить государству до последней капли крови должны не только дворяне, но и крестьянство. У мужиков просто другой способ службы: платить налоги и работать. Если дворянин должен давать все, что может, то и крестьянин тоже.

Древняя Русь знала много типов зависимых людей: рядовича, заключившего ряд-договор. Закупа, «закупившего» себя в неволю. Холопа и смерда, о положении которых до сих пор ведутся споры между учеными. И каждый крестьянин был зависимым ЛИЧНО. Не потому, что он крестьянин, а потому, что именно его обстоятельства таковы.

Московская Русь требовала от крестьян не только работать и «помнить себя». Она давала крестьянам некое место в общей иерархии. Пусть невысокое, но гарантированное место; место, которого никто не мог лишить крестьянина по своему произволу.

А горожан в Московии не было. Города — были, но они не знали вольностей и Магдебургского права. Да и вечевые колокола не звонили больше после того, как подняли народ на восстание против монголов. И особого сословия горожан, не дворянства и не крестьянства, мятежных, самостоятельных, критичных горожан — не было.

Закрепощение крестьян и опора на дворянство, опора на служилые, а не на экономически самостоятельные слои населения означало одно — уменьшение личной свободы всех слоев общества. И «сверху», и «снизу».

Как ни парадоксально, убывала свобода и самого великого князя московского: принципы службы Московскому государству прямо касались и его. Единодержавие, необходимость передать трон только одному из наследников требует, казалось бы, четкой традиции. Кому же трон передавать? На католическом Западе все было ясно: все решало старшинство по прямой мужской линии. По византийской традиции, сидеть на троне мог сын с любым порядковым номером и вообще всякий, захвативший власть.

Сын и наследник Ивана Калиты, Симеон Гордый (1341—1353), сумел избежать дробления Московского княжества: подписал договор с братьями о том, что удельные князья не будут отделять свои владения от владений Москвы. Договор утверждал верховную судебную власть московского князя, передавал в его руки все военные силы. Симеон даже держал одного из своих братьев в тюрьме, и не за преступление, а так... на всякий случай. А то... характер у него плохой: вдруг восстанет?

Этот способ решать вопрос о престолонаследии московские великие князья будут использовать очень охотно, и даже усовершенствуют.

Вот Иван III, скажем, в 1491 году заключает в тюрьму своего брата Андрея, где тот вскоре и помер (в московских тюрьмах жили недолго), гениально решив вопрос о возможных конкурентах. Митрополиту, который приехал просить за Андрея, он так и объясняет: мол, вдруг не сам Андрей... Вдруг его дети и внуки захотят искать престола?

Все правильно: нет детей и внуков, нет проблемы! Молодец, князюшка! И обширный же ум тебе дан, истинно государственный.

Но и после убийства брата Иван имел слишком много, сразу двух наследников престола! Оба равные, оба законные. Царевич Дмитрий, внук от рано умершего сына Ивана, от первой жены. Подозревают, что Ивана отравила вторая жена Ивана III, Софья Палеолог, расчищая дорогу на трон своему сыну Василию.

Сначала Иван III вознес Дмитрия, посадил на трон рядом с собой, а сына Василия посадил в тюрьму на всякий случай. Чтобы не смог бунтовать, оспаривая престол у другого, выбранного Иваном наследника. Потом Иван передумал и засунул в тюрьму уже Дмитрия;

часть преданных ему бояр казнил, часть сослал. А вознес теперь уже Василия и помер так удачно для Василия, что не успел еще раз передумать. И Василий остался наследником, а Дмитрий так и умер в темнице. Ни за что, просто чтоб не мешал. Загубленная судьба? Ну и что? Это всякие там горожане задают ненужные вопросы, всякие там латиняне, ненастоящие христиане болтают глупости, будто у всех одинаковые души — у великих князей и мужиков и что их якобы одинаково нельзя губить. Московиты точно знают, что надо делать, и плевать им на всякую ересь про души, про личность и прочую ерунду, вредную для государственности. А великий князь на то и государь Всея Руси, чтобы ему было виднее, чью именно судьбу губить. Он выбирает, как хочет.

Единодержавие должно иметь основания. На Западе, в Китае и Японии основанием были обычай и закон. В Византии — традиции поздней Римской империи и необходимость сохранять целостность этой империи. В Московии основанием стало то, что великий князь, потом царь — это тоже слуга государства. Все служат — и он служит. Так сказать, общее благо дороже.

Дмитрий Донской, сражавшийся как рядовой воин, прекрасная иллюстрация этому. Он — один из всех и делает то же, что все. Так сказать, действует не по своей воле, а по воле необходимости. Если даже летописи изрядно преувеличили ранения Дмитрия, полученные им на Куликовом поле, приходится признать: Дмитрий Иванович честно выкупил власть своей кровью.

Точно так же и Петр I, который лично вытаскивал застрявшие в грязи пушки, заколачивал сваи, возглавлял атаки на шведские корабли, и Александр I, посвятивший парк в Царском селе «дорогим моим сослуживцам», всего лишь поддерживают «служебную» московскую традицию. Что поделать! Российская империя вышла из Московии и лишь продолжила ее путь.

Традиция тяглого государства позволяет многое что «списывать», оправдывать, в том числе и собственную агрессивность. Агрессивность Московии часто, слишком часто объясняли тем, что на ее границах нет никаких естественных преград: высоких гор, рек, пустынь. Лучше всего эта идея выражена в книге Ф. Ф. Нестерова, где утверждается: Россия открыта во все стороны света, и потому завоевание любых рубежей означает только одно — выход на новые рубежи. А со всех рубежей катятся бесконечные волны вражеских нашествий.

Это, мол, и потребовало от русских невероятной дисциплины и самоотверженности, готовности служить государству до последней капли крови. По Нестерову, Московия постоянно проигрывала по численности и по качеству вооружения, но всегда ухитрялась сосредоточивать максимум войск на необходимом направлении. А сами войска при самом плохом вооружении и невероятной бедности готовы были являть чудеса героизма, безоговорочно отдавая свою жизнь во имя и на благо государства. «Жить не необходимо», если «зато» противник задержался ненадолго, пока резал, и уже собственной гибелью человек внес вклад в общую победу. Если читатель сочтет, что я преувеличиваю, приписывая оппоненту лишнее, то отсылаю Вас к его книге.

Автор приводит пример, когда в память о некой героической рукопашной один из армейских полков получил редкий знак отличия — красные отвороты сапог. «Зачем же было выделять одну воинскую часть, когда весь народ на протяжении своей истории отбивался, стоя по колено в крови?» — патетически восклицает Нестеров [67].

Звучит романтически, красочно, и, наверное, не у одного россиянина возникает эдакое сладкое пощипывание в носу, ощущение некоего воспарения над скверною и гадостью земной, приобщения к чему-то высшему.

Но ведь здесь заколдованный круг: мы служим, вечно воюем со всеми и тем самым создаем необходимость защищаться от нас. Оскаленные железом границы, негативное, опасливое отношение соседей к московитам наглядно показывает: все против нас, надо служить своему государству! И то, что вызвано нашим же отношением к миру, служит превосходным подтверждением: мы, оказывается, правильно живем!

Первый поворот к Европе задом

При Симеоне Гордом начинается и противостояние Москвы с Западной Русью. Пока — на территории северо-востока. В начале XIV века Великое княжество Литовское пытается присоединить Можайск. Вспыхивает война и за Можайск, и за все верховья Оки. Вскоре Тверское и Суздальско-Нижегородское княжества, а затем и другие начинают искать поддержки против усиления Москвы у литовских великих князей.

Увы! Даже очень сильные историки не могут порой отойти от вбитых с детства стереотипов. Я питаю глубочайшее уважение к высказываниям И. Ионова, но и у него прочитал, костенея от изумления: «Московские князья, начавшие как подручные татарского хана, превратились в защитников Руси от литовской агрессии» [68].

«Агрессия» Литвы — Западной Руси, включившей в себя 70% всех земель и всего населения Киево-Новгородской Руси?

Против кого? Против других русских княжеств? Тогда что же называется «собираем русских земель»? А от кого защищает Москва свой дикий северо-восток? От русских подданных великого князя литовского?

Но Литва и у И. Ионова русским государством не признается. Попытка присоединить к себе Можайск, Тверь и Суздаль рассматривается только как попытка захвата. Для Ионова Русь — это Московское княжество, и только оно, это государство, и полномочно собирать русские земли.

Удивительно, но даже позиция Твери и Суздаля, пытающихся опереться на Литву против Москвы, Ионова ни в чем не убеждает. Он достаточно умен и культурен, чтобы не называть действия этих государств предательскими, но логика ведь именно такова.

Получается вопиющий парадокс: 15% русских земель — это и есть вся Русь. 70% — никакая не Русь. Стремление Твери и Суздаля стать частью государства, включающего 70% Руси, — это откол от Руси...

С этого времени, с середины XIV века, и начинается конфронтация Великого княжества Литовского и Московского княжества. К этому времени относятся и документы, в которых трудно понять, про москалей речь идет или про татар. Я совершенно согласен с А. А. Бушковым в одном из его предположений (но только в одном!), что для жителей и Европы, и конкретно Западной Руси часто оказывалось не очень важно, имеют они дело со степняками или с жителями Восточной Руси.

Взаимная вражда естественно возникает, когда Западная Русь оказывается союзником и проводником политики монголов. И когда Москва оказывается носителем иного принципа общественного и государственного устройства, чуждого Европе и большей части Руси.

Там, где сходятся войска Великого княжества Литовского и Москвы, рубятся между собой русские люди. Это одна печаль.

Там, где воюют Москва и Литва, воюют Европа и Азия.

Не зря же граница этих частей света с XV века и до сих пор упорно проводится через территорию Руси. И выбор Суздалем и Тверью между Великим княжеством Литовским и Москвой — это не просто выбор вассала между двумя сюзеренами и не просто решение, в какое государство войти, побольше и посильнее. Это выбор между Европой и Азией.

Именно в это время, во второй половине XIV века, русский король Польши и великий князь литовский Ягайло оказывается союзником татарского хана Мамаю. С трудом могу представить себе столь противоестественный союз, воистину порожденный Москвой. Но он был, этот союз 1380 года: союз Мамаю, рязанского князя и великого князя литовского. Тот самый вариант, когда сбываются самые страшные (они же — и самые сладкие) московские мифы:

«Все против нас!».

Москва тянет в Азию, а русский человек далеко не всегда так уж стремится в нее

попасть — даже на северо-востоке. Если же говорить о Западной Руси, то там цивилизационный выбор как бы уже сделан, и всякое торжество Азии — это отказ от уже достигнутого уровня сложности. В записках некоего М. Литвина в XV веке очень четко объединяются «татары и москвитяне», имеющие сходные обычаи.

Лидер северо-востока

Ну вот, кажется, уже и можно предположить, почему же именно Московское княжество стало собирателем земель всего северо-востока и почему возникла именно Московия, а не Тверия, не Владимирщина и не Серпуховия.

Московские князья более последовательно, чем другие, строили тяглое государство. Не потому, что были хуже остальных и потому не были способны ни на что другое, как на тяглое государство. Не потому, что были лучше остальных и сумели понять то, до чего остальные не додумались.

Другие князья других княжеств северо-востока тоже двигались в ту сторону. Но последовательнее Москвы тяглого государства никто не строил. Никто не использовал особенностей русского северо-востока так полно, так совершенно, как московская ветвь княжеской династии Рюриковичей.

Насколько я могу судить, и сам Александр Невский, и его потомки на троне московских князей вовсе не заслуживают, чтобы их называли ни особенно умными, ни чересчур глупыми, ни героическими и не трусливыми. Они, как говорят разлюбившие дамы, «такие же, как все». И если уж нужен для них специальный эпитет, я выбрал бы для них «решительные». Они очень решительно, гораздо решительнее остальных разрывают с европейской частью славянского наследия. С тем, что роднит славян с Европой.

Они последовательно сделали опору на самые допотопные, самые архаичные традиции русского северо-востока.

В том числе и на общинность, на племенные мифы. На представления о славянах, как о племени, у которого непременно должен быть один вождь-князь.

В Московии сложился тип государства, который порой считают вообще типичным для славян, но которого в других славянских землях практически нигде не было. Нигде власть князей не была такой абсолютной и всепроникающей, настолько ничем и никем не ограниченной, как в Владимире и Суздале, позже — в Москве.

В XIX веке русские интеллектуалы не выдержали соблазна счесть «восточную» деспотию Московского государства неким татарским заимствованием. Тем, что принесло Руси нашествие монголов и подчинение ее Золотой Орде. Но Андрей Боголюбский и в домонгольское время был типичным «восточным владыкой». А Киев и Галич, хоть и были завоеваны монголами и уплачивали дань, развивались по совершенно другому типу.

Московские князья, конечно, зашли несравненно дальше Боголюбского. Но и причину исключительности московской политической власти вполне можно объяснить и без монгольского влияния.

Официальная версия событий и Российской империи, и СССР состоит в том, что злой, жестокий монгол Бату-хан использовал Александра Невского, а если его названный сынок и слушался названного папочку, то исключительно из любви к Родине. Он пил кумыс и ездил на охоту с монгольскими князьями, обхаживал старшую ханшу, чтобы обмануть злого, жестокого, но глупого Бату-хана и чтобы Бату-хан причинил бы Руси как можно меньше всяких неприятностей. То есть, попросту говоря, Бату-хан навязал свое общество Александру Невскому, а самому Александру Ярославичу был он совершенно не нужен.

Но ведь получается-то все наоборот! Если кто-то кого-то использовал, то это скорее Александр Невский использовал Бату-хана! Для осуществления его... нет, скорее всего, все-таки не планов, а пока неясных, для самого себя не очень прописанных стремлений монголы были гораздо более необходимы, чем Александр Невский — для монголов.

Вообще масштабы монгольского погрома не очень ясны.

Особенно для северо-востока. На юге и юго-западе Руси населению некуда было бежать: лесов оставалось не так много, двуполье и трехполье давно сделало людей оседлыми. Население Киева, Чернигова и Львова имело очень небогатый выбор: отбиться от нашествия или лечь под кривыми саблями. Судя по раскопкам в Киеве, большинство и легло.

А вот северо-восток... Может быть, весь монгольский погром здесь произошел-то для меньшинства населения. Ведь большинство обитало не в распаханном, обжитом Волго-Окском междуречье. Очень большой процент населения, а может быть, и большинство сидело в Заволжье, в лесной глухомани. Грабить имело смысл огромные богатые города — Суздаль, Владимир, даже маленькую бедную Москву, но Заволжье тогда было краем отдельных заимок, обитатели которых выжигали леса под посевы, соединенных даже не дорогами, а вьючными и пешими тропинками. Для ограбления Заволжье не представляло решительно никакой ценности и нашествию не подверглось.

Очень интересную версию выдвинул Эдуард Сальманович Кульпин, что мы до сих пор изучаем историю меньшинства населения Руси. Историю тех, кто жил в городах или в небольших областях, где население было уже полностью оседлым и господствовало двуполье и трехполье.

А большинство-то населения могло сразу и не узнать, что на Руси появились монголы. Пока в заволжские леса пройдет слух, просочится по узеньким тропкам...

Мне легко могут задать вопрос: получается, что если бы не монголы, то государства на северо-востоке не возникло бы? По крайней мере такого, тяглого государства? Нет, почему же? — отвечаю я. Вполне могло бы и возникнуть.

Более того, если бы никаких монголов не появилось и в помине, а на северо-востоке Руси возникало самостоятельное государство на основе только местных княжеств, оно неизбежно оказывалось бы тяглым. Потому что тяглое государство, не отягощенное европейскими традициями, соответствовало и способам ведения хозяйства, и мировоззрению местного населения.

Но тут есть три варианта событий.

1. Долгое переживание отдельных княжеств. Княжества дикие, без веча, с деспотической властью князей, но каждое — само по себе. Тогда эти княжества неизбежно остались бы только периферией более цивилизованного запада и юго-запада. Вероятно, тогда княжества северо-востока и были бы постепенно включены в орбиту более культурных стран. Литва ведь и протянулась уже к Можайску, Твери и Суздалью. Не поднимись Москва, уже к XV веку русский северо-восток уходил бы с исторической арены, так и не сыграв никакой самостоятельной роли.

2. В другом варианте на северо-востоке, очень может быть, вместе с Прикамьем, Предуральем, Башкирией, могло бы возникнуть другое, не московское «северо-восточное государство» — скорее всего, тяглого типа. Но, скорее всего, не в XIV, а веке в XV—XVI.

В сложении такого государства вполне могла бы принять активнейшее участие Волжская Булгария, и славяне совсем не обязательно играли бы в нем роль «титупной нации». Это могло бы быть государство, в котором тюрки играли бы такую же роль, какую в Великом княжестве Литовском играли литовцы-аукшайты.

3. Сложение в XIV—XV веках на северо-востоке централизованного государства, но с центром не в Москве, а в Твери, Калуге или в Боровске.

Этот вариант совершенно ничем не отличается от того, который реализовался в истории. Различие только в названии государства и его столицы. Ну, жили бы мы в Тверии или в России, которая образовалась из разрастающейся Тверии. Разница?

Поддержка церкви

Еще один и очень длинный шаг от аморфного северо-востока со множеством княжеств

к единому Московскому государству помогла сделать церковь, которая называет себя русской и православной. Оба эти эпитета вызывают у меня сомнения, потому я и уточнил, что оставляю их на совести самой Московской патриархии.

Поддержка церкви в исключительной, в огромной степени помогла формироваться Московскому княжеству. Уже Иван Калита сумел привлечь в Москву владимирского митрополита Петра. Он подолгу жил в Москве и погребен в Успенском соборе Московского кремля, а после смерти православная церковь канонизировала его как святого — покровителя Москвы. Не забудем, что первым римским папой был апостол Петр! Петр там и Петр здесь... Символично!

Преемник Петра митрополит Феогност окончательно переехал в Москву, сделав ее церковной столицей Руси.

Митрополиты поддерживали московских князей, объявляли их защитниками православия, и получалось, что князья московские — едва ли не святые держатели истинного православия. Спротивление Москве, получается, отступление от православия и тяжкий грех.

Теперь, даже сделав какую-нибудь гадость, московские князья были, вроде бы, и не очень виноваты — ведь старались они не для какой-то пошлой цели, для самих себя; нет, старались они исключительно во имя великой цели; во имя того, что позарез нужно было для всех. То, что церковь категорически осудила бы в поведении любого другого князя, она легко прощала московскому.

Удобная это штука: трудиться не для себя, а для «общества»!

Оформление Московской Руси

Младший сын Александра Невского, Даниил Александрович, сел княжить в Москве после смерти отца.

Был он великим князем, но не московским, а владимирским.

Князь Юрий Данилович стал великим князем владимирским в 1318, но потом ярлык на великое княжение у него отобрали и отдали тверскому князю. Иван Калита подавил в 1327 году восстание в Твери, заслужив этим большое доверие в Орде (в точности как его дед Александр Невский!), и получил ярлык на великое княжение в 1328 году. Заметим: московский князь получает великое княжение, но какое?

Владимирское великое княжение. И становится не великим князем московским, а великим князем владимирским, затем — великим князем владимирским и московским. Владимирское княжество в титуловании — на первом месте.

Иван I Данилович Калита тоже жил в Москве, хотя и был великим князем владимирским и московским. Он заложил традицию: жить в Москве.

Дмитрий Донской передал свой престол и великое княжение сыну Василию как свою отчину, без ханского ярлыка.

Но и он был великим князем владимирским и московским.

И все великие князья до Василия Темного — великие князья владимирские и московские.

Василий Темный стал первым великим князем московским. Вот, пожалуй, дата, которую можно считать датой рождения Московии: 1415 год, год восшествия на престол первого великого князя московского.

В 1480 году великий князь московский и владимирский Иван III, сын Василия II, присвоил себе титул князя Всея Руси, то есть провозгласил себя преемником киевских князей и заявил свои права на земли всех русских княжеств.

Он, впрочем, не был первым из московских князей, кто попытался называть себя государем Всея Руси.

Великий князь Симеон Гордый перед смертью (1353) принял имя инока Созонта, и

сделал духовное завещание, к тексту которого привешаны 3 печати; одна из них, серебряная, вызолоченная, с надписью «печать Князя Великого Симеона всея Руси», и две измятые восковые печати [66].

Конечно же, это еще не настоящее принятие титула. Это так, некое действие исподтишка. Подумаешь, печать на документе сугубо внутреннего пользования, который никак не попадет к иностранцам, не станет причиной раздора. Это что-то вроде поедания вкусного пряника тайком, под одеялом, пока никто не видит.

Но и этот мелкий эпизод интересен как доказательство: уже в середине XIV века сознание московских князей беременно этой идеей: стать государями не просто московскими, даже не просто великими князьями, а государями Всея Руси.

Быть ими ну очень хотелось... Так сильно, что хотя бы перед своими же покрасоваться.

Симеон только тайком откусил от почести; лучше даже сказать, только обнюхал ее и облизал под покровом ночи.

А вот через шесть поколений, в 1480 году, Иван Васильевич принимает титул всерьез, через венчание в церкви, через объявление о принятии титула иностранным владыкам... словом — всем. Эта претензия уже более чем серьезна.

Ни Литва, ни Польша, ни страны Восточной Германии, ни Скандинавия, одним словом, никакие соседи Северо-Восточной Руси не согласились с этой формулировкой. Не только Литва, — подчеркну это! — никто во всем мире не признавал права Москвы на земли Западной и Северо-Западной Руси. Употреблялись названия — Московия, Московское государство. Но Русия — появляется только в странах, далеких от Восточной Европы, от реалий местной политики. Те, кто и далек, и кому в общем-то безразлично.

После венчания на царство Ивана Грозного появляется слово «Россия». Официальное название: Россия, Российское государство.

Но у западных соседей слово «Московия» в ходу еще по крайней мере лет сто пятьдесят, практически до реформ Петра Великого и даже позже.

Первый царь династии Романовых, Михаил, выбран на престол Московского царства Российского государства.

Похоже, работает пресловутая «подкорка» — участники Земского собора понимают, что Российское государство — более широкое понятие, чем Московское царство... И венчают Михаила на царство более скромное.

В 1654 году Алексей Михайлович принял титул: «Царь, Государь и Великий князь, всея Великия и Малыя России самодержец». Насчет «Малыя» — тут все понятно, — претензии на Украину.

Но еще в 1690 году в Голландии известный географ Николае Витсон составил карту России, которую назвал «Новая Ландкарта Северной и Восточной Татарии 1687 года», а позже написал книгу «Северная и Восточная Татария», которую посвятил Петру Великому.

Впрочем, это уже совсем другая история.

Что получилось?

Весь XIV век идет стремительный, неудержимый рост Московского княжества. Все остальные княжества мало и теряют, и приобретают, в целом сохраняя свои территории стабильными. А Московское ханство — я хотел сказать, Московское княжество — растет, растет и растет.

Присоединяются Коломна (1301), Переяславль-Залесский (1302), Можайск (1303), Нижний Новгород (1393). При Дмитрии Донском к Москве отходят Кострома, Солигалич, Белоозеро.

Ко времени правления Василия II Темного территория Московского княжества составляла примерно 430 тысяч квадратных километров, а население — порядка трех миллионов человек.

Это уже было самое крупное русское государство, населенное русскими, после Великого княжества Литовского.

В конце же XV, в XVI веке пошли дела покрупнее.

В 1478 присоединен к Московии Новгород. В 1485 — Тверь; в 1510 — Псков; в 1514 — Смоленск; в 1521 — Рязань.

Каждый виток завоеваний сопровождался витком «централизации», то есть улавливания последних островков свободы. Уже при Дмитрие Донском служба великому князю «без ослушания» стала совершенно обязательной. Если раньше при сборе ополчения боярин мог выбирать, с каким князем выступить в поход, теперь он («без ослушания!») выступал с тем князем, на чьей территории находились его земли.

При Дмитрии же великий князь пытался поставить в митрополиты своего ставленника — Митяя, то есть попытался поставить церковь в прямую зависимость от великого князя (как и Андрей Боголюбский!). Попытка провалилась (как при Боголюбском!)... Но она будет иметь последствия.

Дмитрий же до конца ликвидировал остатки городского самоуправления: упразднил в Москве должность тысяцкого (1373 год). А сын последнего тысяцкого, который пытался восстановить эту должность, был казнен в 1379 году.

Как тут не вспомнить все того же Андрея Боголюбского! Он и бояр резал, и своего ставленника пытался сделать митрополитом...

Ведутся, конечно, и попытки реальной централизации: вводится единая монета, упраздняются внутренние пошлины, вводится Судебник 1497 года, утверждающий единообразие законов в княжестве. Но за каждый шаг к централизации приходится платить шагом из Европы — в Азию.

С завоеваниями на западе проявляется и еще одна черта политики московских ханов-князей, которую во всей полноте унаследуют и императоры Российской империи, и Генеральные секретари ЦК КПСС: постоянное переселение населения с запада на восток и с востока на запад.

Западные области Московии (Смоленщина, Орловщина, окрестности Москвы и других крупных городов) были не только гуще населены и обладали более развитой и современной инфраструктурой, но и более культурны. Чем дальше на восток, тем удаленнее от центров культуры, тем более изолированные и дикие начинались места. На востоке страны воспитывались люди более дикие и более преданные централизованной власти московских ханов-князей.

Ссылка из западных областей страны в восточные очень рано стала использоваться как наказание. Сознательно или нет, но московские князья и цари постоянно перемешивали население, «снимали» наиболее культурные, европейски ориентированные слои городского населения на западе своих владений и заменяли их жителями сельских районов или востока, т.е. людьми с несравненно более архаичным типом сознания. Этим не только ослаблялись и устранялись «опасные» для московского типа правления элементы, постоянно живущие на одном месте, хорошо обеспеченные, образованные люди с европейской культурной и политической ориентацией.

Этим поддерживалась однородность, одинаковость населения империи, а всякая независимая от властей позиция делалась неустойчивой и «непрестижной». Житель империи получал как наглядный пример полной зависимости всех от воли начальства, так и подтверждение тщеты всякого интенсивного труда, накопления имущества, знаний и культуры. Все это оказывалось ненужным перед лицом как природных, так и политических сил.

В петербургский период нашей истории эту эпоху — XIV—XV века — однозначно трактовали как проклятое время, когда естественное развитие Руси — самой большой и самой богатой страны Европы, было прервано татарами.

Когда Русь оторвали от Европы и она, по выражению графа А. К. Толстого, «наглоталась татарщины всласть». Писали об этом и Лев Толстой, и А. С. Пушкин.

В любом случае невольно задаешь вопрос: а так ли и впрямь «испортило» нравы монгольское нашествие? На протяжении всей истории северо-востока Руси идет сложение тяглого государства, как наиболее полно отвечающего диковатой, архаичной культуре северо-востока.

Этот генезис идет до монголов, в XI, XII веках, в начале XIII века. Он получает мощнейший толчок во время нашествия, но в самих ли монголах дело, остается как-то не очень ясным. Тот же процесс полным ходом продолжается в послемонгольское время. В то самое время, когда можно ожидать «изживания» привнесенного монголами, как раз и укрепляется тяглое государство. Если «проклятые татары» (цитирую Пушкина, а татар прошу не обижаться) испортили хороший европейский народ, то как получилось: после освобождения от ига нравы нисколько не улучшаются, а скорее продолжают портиться. Весь XV, XVI века становится все меньше политической свободы. Все свирепее сыск, уголовное право и казни. Все более дикими становятся семейные нравы (уже явно без прямого влияния татар). Монгольская Русь начала XVI века, при Василии III — страна не менее, а более азиатская, чем та же Русь в XIV веке при Иване Калите.

Глава 18 МОСКОВСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

В прошлой главе я уже позволил себе некий выпад в адрес московского православия и не уверен, что встретил понимание читателей. Нынче в России каждый или почти каждый числит себя православным, даже если крещен-то без году неделя, во время одного из массовых крещений 1991 или 1992 годов, больше напоминавших некое спортивное состязание, что-то вроде массового заплыва. А вот серьезных знаний о предмете, боюсь, у людей сильно недостает.

Для очень многих людей как-то и нет разницы между понятиями «православие» и «русское православие». Поразительно большое число русских не знает, что существует еще и «нерусское» православие. И даже те, кто слышал об этом, как правило, не имеют никакого понятия, что сейчас, в данный момент, на земле существует ТРИ русские православные церкви. Как минимум три мощные церковные организации, называющие себя этим именем.

...Но давайте начнем с начала. Единая тогда апостольская церковь сформировалась на первых семи вселенских соборах IV—VII веков. Со всех концов Римской империи съехались священники; обсуждать — во что же они, собственно, верят? На вселенских соборах и были выработаны основные догматы всей церкви, которую стали называть католической и апостольской. На востоке империи западное «К» менялось на «Ц», и «киник» превращался в «циника».

А западное «Т» на востоке менялось на «Ф». Католическая церковь на востоке произносилась — «кафолическая», но значение слова не изменялось: «вселенская». Вселенская апостольская церковь.

Апостольской церковь назвала себя потому, что первыми иерархами этой церкви были двенадцать апостолов, учившихся лично у Христа. Церковь считала, что апостолы могли делиться данной им свыше благодатью. Возлагая руки на тех, кого посвящают в сан, старший иерарх церкви делится своей благодатью с другими. Этот обряд так и называется «рукоположение». Так же и при благословении, когда священник крестит мирянина: он, рукоположенный, владеющий благодатью, делится этой благодатью с мирянином. А мирянин целует благословляющую руку, дающую ему толику благодати, пришедшей еще от апостолов и от Христа.

Не все священники смогли или захотели приехать на Соборы. Не смогли те, кто жил за пределами империи. Враждующая с империей Персия не пропустила послов из Армении — крещенной еще в начале IV века по Рождеству Христову (Армения тогда была в составе

Персидской империи).

Не смогли приехать послы с Малабарского берега Индии.

Не захотели приехать сторонники епископа Якова, конфликтовавшего со всеми остальными епископами. Не приехали сторонники коптской церкви из Египта, эфиопской церкви из-за порогов Нила. Эти пять церквей не вошли в апостольскую церковь; их так и называют — древние восточные церкви.

На Соборах решали вопрос: какова сущность Христа?

Как слита в нем человеческая и божественная природа? Во что должен верить христианин, чтобы быть прихожанином апостольской церкви?

Соборы приняли догматы (от греческого dogma — мнение, учение, постановление) — утверждения, которые должен признавать истиной всякий христианин. Церковь считала себя вправе отлучить того, кто не согласен с ней и не признает ее догматов. Греческое слово «анафема» означает всего-навсего «отделение». Анафемствуя человека или духовное учение, церковь заявляла, что отделяется от него, не считает человека или учение своими, своей частью.

Церковь приняла сложную формулу, согласно которой человеческая и божественная сущности сливались в личности Христа нераздельно, но и неслиянно.

На Никейском соборе, в 325 году, приняли символ веры:

«Веруем во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И в Единого Бога Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, Единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через которого все произошло на небе и на земле. Нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И в святого духа.

А говорящих о сыне Божиим, что будто было время, когда его не было, или будто не было его до того, как родился Он, или произошел он из несущего, а также говорящих, будто Сын Божий из иной, нежели Отец, ипостаси, или сущности, или сотворен или изменяем — тех анафемствует католическая церковь».

Потом будут и другие версии символа веры. В числе прочего, они сильно разойдутся у католиков и православных, но этот, никейский символ веры, был первым — до раскола церкви.

Соборы постарались привести в систему все, что известно о Христе, и отделить достоверные сведения от явно недостоверных. В конце концов, откуда вообще известно о явлении людям Христа? В годы правления императора Тиберия в Иерусалиме произошло НЕЧТО. Многие что-то видели и поняли... уж как сумели, так и поняли. Можно себе представить, какие фантастические и нелепые слухи ходили вокруг богоявления, если невероятнейшими сплетнями сопровождается каждое вообще значительное событие?

А ведь во времена Христа фантазия людей не умерялась никаким образованием: даже таким скверным, какое получаем мы сейчас.

Соборы рассмотрели более 20 одних только Евангелий, и лишь 4 из них были признаны заслуживающими доверия: от Луки, от Марка, от Иоанна и от Матвея. Их церковь считает каноническими, то есть признанными. Остальные Евангелия названы апокрифическими, то есть за их подлинность и достоверность сообщаемого в них церковь не может поручиться.

В той первоначальной церкви не было единого главы.

Церковь признала епископов самых важных городов империи — главнейшими епископами, патриархами. Патриарх сам рукополагал других епископов, и его авторитет был непререкаем на его территории.

В V веке в пяти главнейших городах империи сели пять патриархов: Константинопольский, Антиохийский, Александрийский, Иерусалимский, Римский. Но вот условия, в которых они оказались, очень уж не одинаковы. И в этой разнице таился будущий раскол.

Патриарх римский, римский папа, организовывал церковную жизнь в мире, где рухнула империя, где не было того, кто сильнее папы римского по своей реальной власти.

Папы римские рано стали претендовать на светскую власть: на право занять свое, и очень высокое, место во всей феодальной иерархии.

Папы римские организовывали церковь там, где порой и государства-то не было. На брошенных римлянами землях, где варварские племена и остатки бывшего населения сплетались в какой-то жуткий клубок, где шла, не прекращаясь, война всех решительно со всеми. Все церковнослужители Запада составили одну церковную иерархию — во главе с Ватиканом и с римским папой. Все церковные авторитеты подчинялись одному авторитету римского папы.

На востоке церковь жила под покровительством, под сенью по-прежнему могучей империи. Ей и не нужно было решать слишком много вопросов, связанных с имуществом и властью. Империя готова была дать все, в чем нуждается церковь, — от денежных средств до вооруженной силы; и авторитет священника, готовность светских властей слушать его зависели только от личных качеств и репутации иерарха. На востоке церковь считала, что должна иметь лишь духовный авторитет.

Были и мелкие различия, восходящие к традициям, привычкам и обычаям греческого востока и латинского запада.

Различия настолько мелкие, что они не могли быть причиной разрыва, они могли стать предлогом — и только. Предлогом они и стали, помимо основных причин, выраженных, впрочем, совершенно откровенно: не подчиняясь папе римскому, восточные иерархи ломали единство церкви; Западная церковь стала именовать восточных иерархов раскольниками-схизматиками.

И еще: западная церковь оказалась динамичнее, активнее. Она готова была вносить отличия, поправки в символ веры, изменять догматы, принимать решения, отличные от решений первых вселенских соборов. Для иерархов восточной церкви здесь таился великий соблазн... Еще больший, чем в претензиях западной церкви на светскую власть и римского папы на главенство. Восточная церковь была ортодоксальная: требовала, чтобы решения, принятые в IV—VI веках, оставались неизменны, как бы не изменялась жизнь.

Основные положения христианского вероучения, сформированные первыми семью Соборами, объявляются «боговдохновенными» — абсолютно истинными, непререкаемыми, вечными, неизменными, непостижимыми разумом.

Стоит вдуматься в смысл самого слова «православие»: правильное славление Бога. Правильно — только оно. Славить Бога иначе, делать это по иным обрядам — не правильно! Восточная церковь тоже «обзывалась», называя западных иерархов отступниками, не православными, то есть как бы и не вполне христианами.

В XI веке дело дошло до того, что константинопольский патриарх и папа римский взаимно отлучили друг друга от церкви и прокляли друг друга. Восточная и западная церкви перестали быть единым целым, и более того — стали враждебны. И теперь имело огромное значение, кому подчиняется епископ в варварских землях — Риму или Константинополю.

Можно по-разному относиться к претензиям папства на светскую власть. Позиция православных, настаивавших на том, что церковь должна иметь только духовный авторитет, не вторгаясь в дела государственные и не получая властных полномочий, как-то все же благороднее. Да и больше соответствует евангельским словам Христа: «Богу Богово, кесарю кесарево».

По встанем даже на каноническую позицию православия; будем считать вредной чепухой претензии папства на главенство в христианском мире, а догматы католицизма — заблуждением и ересью. Но и в этом случае централизация приводит к упорядочиванию религиозной жизни западного христианского мира. Католический мир и более однообразен, и более управляем.

Католические священники, окрестившие германцев, скандинавов, ирландцев, кельтов, поляков, чехов, мазуров, литовцев, приобщили их и к античному наследию. Не только все

епископы всего католического мира подчинялись одному авторитету и одному общему центру. Европейцы крестили язычников и делали их европейцами. Священность договора, рационализм, уважение и интерес к личности человека — все это несло с собой западное христианство.

Никакого единого центра у православных не было с самого начала. Патриарх в Константинополе был объявлен «вселенским», но править должен был «соборно» с остальными. А с XII века, после развала Византии, возникли четыре автокефальных патриаршества: в Константинополе, в Антиохии, в Иерусалиме и в Александрии. «Автос» по-гречески «самостоятельный», «кефалис» — «голова». Значит, четыре самоголовых патриаршества.

Скрещивая язычников, греки создавали новые автокефальные церкви. А язычников они приобщали к церкви, но не к тому, что создала античность. На востоке каждый народ строил собственную автокефальную церковь, но мог оставаться вне Европы.

На Руси долгое время не было своей патриархии, был только митрополит, подчинявшийся константинопольскому патриарху.

Но никто с самого начала не исключал, что такая патриархия может появиться и Русская православная церковь станет автокефальной.

Приключения христианства на Руси

Греки крестили славян, но не приобщили их к наследию античной цивилизации.

С первых же десятилетий христианизации Руси шло прорастание местной, языческой культуры сквозь принесенную христианскую. Какое-то время, кстати, язычество и жило себе параллельно с христианством. Еще в XIII—XIV веках в городах могли проявляться самые натуральные волхвы, то есть языческие жрецы, а православные вели с ними нешуточные баталии, и не только словесные. Обилие земли, существование славянского Востока очень помогало сохранять языческую дикость. Крестился только тот, кто хотел. Кто не хотел, мог выбирать, жить ли ему в густо населенных местах, в городах, в долинах больших рек. Там-то креститься придется. Или не креститься и уйти в менее населенные лесные места, где язычника не достанет никакая княжеская или церковная власть. А в случае бедствий, какой-то общей неприятности можно и вылезти из лесных дебрей, поугатать православных, недавних язычников, что все их беды — от забвения правильных богов. Провести, говоря современным языком, свою пропаганду.

Но и крещеные жили сразу и в мире христианства, и в мире язычества. Не случайно же у всех первых князей — по два имени. Ольга крещена, как Елена. Владимир крещен, как Василий. Именем Ярослава Мудрого названы два города: Ярославль и Юрьев. Оба города названы разными именами одного человека, потому что крестильное имя Ярослава Мудрого — Юрий.

Конечно же, два имени имели и приближенные князей, бояре и дружинники, и все простолюдины — все русские-русины, принявшие таинство крещения.

За этим обычаем — иметь имя христианское и имя языческое — стоит огромный пласт представлений, получивших название сначала в церкви: двоеверие. Потом этот термин переняла и наука.

Двоеверие означает, что человек совершенно искренне ходит в церковь, крестится и молится Богу, вешает в доме иконы, крестит детей и уважает священников. Но так же искренне он почитает и языческих богов и может поклоняться им, приносить жертвы, беседовать с ними. Тоже совершенно искренне. А если ему сказать о странном противоречии, он страшно удивится: «Но это же совсем другое дело!». В сознании двоеверцев одновременно существует и христианство, и язычество, и они как-то не особенно мешают друг другу. Постепенно, конечно, языческий пласт культуры тускнеет, слабеет, забывается и через 2—3 поколения исчезает совсем. Об этом можно говорить так уверенно потому, что ничего нового и ничего специфичного для Руси в двоеверии нет. Такую стадию в

своей духовной жизни прошли очень многие народы; ученые изучали явление на примере народов, крещенных в XVIII—XIX веках, и двоеверие изучено очень хорошо.

Особенность Руси скорее в том, что двоеверие в ней задержалось, особенно на северо-востоке. В Волго-Окском междуречье только в XV веке окончательно перестали класть в могилу с покойниками вещи: оружие, орудия труда с мужчинами; иглы, украшения с женщинами. А еще современники Дмитрия Донского и даже Ивана Грозного, особенно в деревнях, оставались немного язычниками.

В XV веке финское население окрестностей нынешнего Петербурга поклонялось деревьям и фантастическим растениям, которые похожи на овец и приносят ягнят. Впрочем, и русские показывали иностранцам шапки, сделанные из шкур этих фантастических существ.

В субботу накануне Пасхи полагалось плясать на кладбищах. В великий четверг сжигали пучки соломы, чтобы вызвать семейных покойников. Клали щепотку соли за оклад иконы, а потом использовали ее от разных болезней.

Православные священники относились к этому очень неодинаково. Были иерархи, воевавшие с язычеством крайне последовательно. А иные сами писали колдовские книги, вводили их в церковную литературу. Вызыватели духов встречались и в монастырях, а в свите Ивана Грозного известно несколько колдунов.

Во время беспорядков в Москве в 1603 году трупы лежали неубранные двое суток, и колдуны срезали жир у мертвецов для своих снадобий. Как видно, были потребители снадобий, и вряд ли колдуны всякий раз ждали народных бедствий, чтобы получить необходимое им вещество. Как видно, некоторая общественная практика по этой части в Московии была.

Известно, что такой образованный человек, как Василий Голицын, держал собственного, домашнего колдуна, беглого монаха или даже бросившего приход священника Сильвестра Медведева. То ли не дождавшись от колдуна чудес, то ли опасаясь много знающего, Голицын в конце концов сжег колдуна в баньке, а было это уже в 1689 году.

Впрочем, это еще что! В непрочные времена «перестройки» не где-нибудь, а в Санкт-Петербурге обозначился Союз венецов — язычников, многобожников, тесно связанных с вязанием веников (так уж понимали члены союза происхождение слова «венецы»). К моему изумлению, в печатных органах венецов, объявивших себя «детьми птицы клеветной матери-Сва», печатались и православные священники. А это уже не 1689, это уже 1989 год. Триста лет прошло со времен разборок Василия Голицына и Сильвестра Медведева.

Так что не все так уж водой утекло. Русское язычество вошло в православие далеко не только невинными жаворонками из теста и блинами — солнечными знаками на Масленицу. Если бы!

Сколько написано о гаданиях в русской бане! Сколько рождественских историй... то веселых, то довольно жутких. Вдумаемся, что стоит за ними: после строительства новой усадьбы священник освящает все строения. Все созданное человеком освящается, изо всего изгоняются бесы.

Кроме баньки. В усадьбе человека, который называет себя христианином, остается строение, не освященное церковью. Строение, в котором не полагается держать икон; строение, в котором может поселиться кто угодно. Атеисты могут веселиться, их дело. Вообще-то, с банькой, с гаданиями в ней связано несколько вполне достоверных и весьма неприятных случаев, в том числе и подтвержденных людьми официальными — врачами «скорой помощи» и милиционерами. Так что ухмыляться — ухмыляйтесь.

Как человек, склонный к злорадству, я даже буду немного доволен, если атеист поухмыляется, а потом прибежит с трясущейся нижней челюстью и без кровинки в лице.

Такую картинку я наблюдал как-то, имел удовольствие.

Но как человек гуманный и не склонный пособлять нечистой силе, я бы вам советовал, дорогие читатели, быть все-таки поосторожнее.

Как происходит гадание, не забыли? В наше время случается, конечно, все что угодно. Как-то мои студентки очень повеселили меня, попытавшись погадать на суженого на пятом

этаже шлакоблочного дома, в ванной комнате и в нейлоновых ночных рубашках.

Но, вообще-то, гадающие девицы должны приходить в баню в полночь, сняв украшения и нательные кресты, раздевшись до нижней рубашки. Белье тоже полагается снимать. Девушки должны выглядеть так же, как выглядели их пра-пра— и еще много раз прабабушки, задолго до прихода христианства на Русь. Если в предбаннике все же повешана икона, ее выносят. То есть остаются в освещенном свечами помещении, которое тоже выглядит, как в незапамятные времена. Ну, и вызывают к неким сущностям, если хотите — к существам, которые и должны открыть им имя и внешность суженого.

Иногда уверяют, что вызывают, мол, к невинным древним языческим богам и нет в этом ничего от бесов. Может быть. Но, вообще-то, есть твердое правило вовремя набрасывать платок на зеркало, в котором что-то приближается к смотрящей. Потому что если вовремя не накинуть, у бредущего по световому коридору к гадающей появляются рога, лицо страшно искажается, и эффекты, что называется, могут быть любыми.

Опять же — можете ухмыляться. Но я видел как-то девицу, не успевшую набросить платок, и у меня (прошло 17 лет) до сих пор много впечатлений. Так что смейтесь — да не досмеяться бы.

По поводу гаданий в бане у меня, собственно, есть два вопроса. Первый очень прост, и мне доводилось задавать его православным священникам: «Скажите, получается, что русское православие сумело договориться с бесами и поделило с ними территорию? Так сказать, включило в себя веру в бесов и отводит место для молитвы бесам?»

На этот вопрос я до сих пор не получил внятного ответа ни у одного православного священника. Были продолжительные речи, и в том числе настойчивые предложения молиться, как только у меня возникнут подобные вопросы.

Порой поднимались очень интересные и сложные проблемы, но вот прямого, ясного ответа, как надо понимать обычай не освящать баньку, я не получил.

Впрочем, и в доме, непосредственно под образами, много кто может обитать. Дом русского православного — весьма своеобразное место, разделяемое с домовым, с кикиморой, с банником, запечником, чердачником, подвальным и прочими созданиями. Кикимору, говорят, могут видеть маленькие дети, по другим данным — еще и совсем молоденькие, непорочные девушки. В этом представлении очень сильно смешивается христианское и языческое отношение к жизни. По представлениям христиан, непорочные младенцы могут видеть то, чего не видим мы, погрязшие в грехах взрослые люди.

Только ведь непорочные могут видеть существ божественного, горнего мира: ангелов и архангелов. Тех, кого мы не можем видеть именно в силу нашей порочности.

А вот бесов могут видеть как раз люди, упавшие ниже обычного человека; те, кто становится «достоин» лицезреть как раз тех, кого мы обычно не замечаем.

В народном же поверье получается так, что непорочные люди могут видеть нечисть — словно нечисть тоже свята и открывается тем, кто ритуально чист.

Не знаю, как православные других автокефальных церквей, но вот что католики не знают никакого сговора с бесами — это факт. Ни гласного договора, ни негласного.

С отношением западного христианина к нечисти очень легко ознакомиться, взяв в руки любую западную «фэнтези»: лучше всего Р. Толкиена или Пола Андерсона. Из этих книг легко выяснить, что чем дальше от жилья людей, чем дальше от священных мест, тем больше вероятность встретиться с нечистой силой. Мысль же, что можно лежать в собственной кровати, а под тобой возится один... над тобой, на чердаке, второй... По огороду ступает мягкими лапами третий...

Или что утром, когда семья садится за стол, пятилетняя девочка относит блюдце молока к печке: кикиморе, которую не видят папа и мама, но которую отлично видит девочка (сюжет нескольких народных сказок). Такая мысль европейцу непонятна, да, пожалуй, и неприятна.

Помню, я сопровождал по Сибири двух пожилых немцев.

Крестьяне из Вестфалии на старости лет решили попутешествовать. Для меня это был

способ попрактиковаться в языке, пообщаться с новыми людьми, тем более из-за рубежа. Стояло лето 1992 года, и валютные деньги тоже были не лишними.

В деревне, в доме, где надо было ночевать, я стал подробно рассказывать, кто где должен жить в русской усадьбе. И вот эти немолодые, рассудительные, очень практичные люди, в молодости видевшие войну, люди, прожившие всю жизнь на уединенной ферме, где полагаться можно было только на самих себя, эти люди не на шутку испугались. Испугались, может быть, и сильно сказано, но было им очень не по себе. Настолько, что я тут же попытался свести все к шутке и рассказывал больше о том, что такое клуб и леспромхоз. Впрочем, Ильза чуть позже не преминула спросить, крещен ли я и верю ли в Бога.

И даже на церковную атрибутику в русском православии переносятся представления язычников.

До середины XVII века в Московии в церквях висели вовсе не «общие» иконы. Каждая икона принадлежала данной семье. Молиться на нее имели право только члены семьи или нескольких связанных родством семей — рода.

Члены другой семьи или рода не имели права молиться на эту икону. Если они нарушали правило, их подвергали штрафу. Иконы рассматриваются не как изображение, а как своего рода воплощение святого. От них требуют исполнения желаний семьи и обещают жертву: украшают цветами, вешают яркие тряпочки; свечка тоже рассматривается, как жертва. Бывали случаи, когда иконы мазали куриной кровью или салом. Если иконы не исполняли просьбы, их наказывали: выносили из церкви, поворачивали лицевой стороной к стене, вешали вверх ногами, секли розгами.

Чем такое «христианство» отличается от идолопоклонства и чем такая икона отличается от вырезанного из дерева семейного божка-идола, я не очень понимаю. Видимо, многие европейцы тоже понимали это плохо.

Потому что и эти, и многие другие факты (например, о приносимых в жертву Христу курах) приводятся в интереснейшей книге, название которой предельно ясно отражает возникающие у европейца вопросы: «Христиане ли русские?».

Для заинтересовавшихся могу сообщить, что автор выносит положительное решение: да, несмотря ни на что, русские все же христиане! Книга на русский язык, разумеется, не переведена, а жаль. Читается она, как увлекательнейший детектив.

По тут необходимо важнейшее уточнение: со всеми чертами двоеверия, со всеми признаками проросшего в церковную жизнь язычества происходит совершенно то же самое, что и со всеми другими чертами русской архаики: они медленно но верно дрейфуют с запада на восток. И наступает момент, когда Западная и Восточная Русь не очень понимают друг друга.

На рубеже XV и XVI веков сорокашестилетний Василий III (седина в бороду, бес в ребро) женится на двадцатилетней Елене Глинской. Глинские только что выехали из Литвы; Елена просит молодого мужа сбрить бороду. Оказавшийся под каблуком царь сбрасывает... Церковные иерархи посвятили специальный собор этой важнейшей проблеме и сочли: бритье бороды есть тяжкий грех! Всякий сбрывающий да будет отлучен от церкви! Царь вынужден был снова бороду отпустить.

Но ведь Елена-то, русская девушка Елена Глинская, дрянная девка, влезшая в постель к пожилому царю, она-то ведь исходила из другой НОРМЫ. На Западной Руси православные бороды БРИЛИ.

Когда Дмитрий Иванович, так называемый Лжедмитрий, в 1605 году не будет спать после обеда, священники сурово выговорят ему: нечего вводить тут «латынские» обычаи! Православные после обеда спят!

Но на Западной Руси сон после обеда никогда не превращался в религиозную догму, оставаясь личным делом каждого.

Так обычаи и традиции Московии пронизывают христианство, и вырастает совсем уж причудливая версия православия, которую неточно будет назвать русской. Это — московитское православие.

Церковь северо-востока

Все сказанное до сих пор касается всего русского православия в целом. Все православные Руси подчиняются одному митрополиту, сначала киевскому, с 1299 года — владимирскому. Долгое время вовсе не очевидно, что в разных концах Руси формируются разные версии русского православия; это стало заметно только в XV веке.

Пока это не очень заметно, но православная церковь на северо-востоке тоже все больше становилась носителем местной, архаичной системы ценностей: ведь церковный клир формировали тоже местные уроженцы. А самыми «твердыми» носителями самых архаичных ценностей были заволжские старцы: те, кто удалялся в пустынные леса Заволжья, показывая пример и становясь носителями качеств, особенно ценившихся на северо-востоке.

Хранителями таких ценностей, впрочем, были и все пустынножители. Те, кто осваивали ненаселенные, пустые земли — пустыни. Ведь под пустынями имели в виду не географический ландшафт, где метут пески, а вполне пригодные для жизни леса и ополья, не населенные или населенные угрофинскими племенами.

Это были самые «правильные» из священников, обладавшие самым большим авторитетом.

Духовным символом, воплощением религиозного идеала Московии стал Сергей Радонежский — ученик заволжских старцев и, конечно же, пустынножитель.

Биография святого проста и в высшей степени поучительна. Отец Сергия, ростовский боярин Кирилл, видя подчиненность своего князя Московскому княжеству и надменность московских чиновников, переехал в маленький городок Радонеж. Радонеж лежал к востоку от Москвы, в мало населенной тогда местности и давал переселенцам разного рода льготы. Там княжил брат Симеона Гордого Андрей.

Сыновья боярина Кирилла, Стефан и Варфоломей, стали монахами. Стефан сделался игуменом Богоявленской обители в Москве, Варфоломей, ставший в монашестве Сергием, ушел в заволжские леса, к заволжским старцам. Потом уже, ища духовного подвига, поселился в совсем ненаселенной местности, среди «лесного уединения и диких зверей». К все более известному пустынножику подсеялись те, кто жаждал ученичества. С помощью буквально нескольких людей Сергей Радонежский построил церковь Св. Троицы. Рядом очень постепенно выросла Троице-Сергиева лавра.

Город Радонеж, кстати, не выдержал конкуренции с монастырем. Он захирел и превратился в село. Сейчас это село Городок Загорского района Московской области.

Святые, ставшие духовными символами западного христианства — католичества, были очень образованными людьми. Они создавали свои версии христианства и умели убедить других людей пойти за ними. Таков и неистовый итальянец Савонарола, и ласковый, добрый ко всем Франциск Азисский, и фанатик Игнасий Лойола, основатель ордена иезуитов. Таковы же и византийские святые: Козьма Индикоплов, Михаил Пселл, Григорий Палама. Они одновременно и ученые, и философы, и их духовный подвиг невозможен без сильного личностного начала.

Одним словом, и на западе, в католицизме, и на востоке, в православной Византии, святой — это личность! Выдающаяся личность, сумевшая сказать нам о Христе, о мире и о самих себе то, чего мы до сих пор не знали.

Но Сергей Радонежский совсем не таков. Он не создавал никаких собственных пониманий ни веры, ни мира, ни человека. Он, строго говоря, ничему и никогда не учил от собственного имени. И вообще старался демонстрировать свою незаметность, незначимость, неважность. В представлении москвитов он стал святым потому, что был кроток, смиренен, скромнен, трудолюбив и умел тихо, незаметно, но неуклонно и твердо совершать свой духовный подвиг, нести свой крест служения...

Христианство, уже приобретенное на Руси весьма специфические черты, теперь

становится еще более... гм... гм... своеобразным. Это все в большей степени своего рода северо-восточное, или московитское христианство.

В XV—XVI веках нарастает фанатизм, культ жертвенности, культ принадлежности к группе. Особо почитаемы стали юродивые, блаженные, пустынники, затворники, отшельники, то есть те, кто добивается сошествия на них горнего духа, но добивается путем не усложнения, а примитивизации своей личности. В московском православии все больше почитают тех, кто познает Бога не рационально, путем сознательных усилий и духовного совершенствования, а путем упрощения и даже разрушения своей личности, как бы создания некоей области в душе, которая может быть заполнена высшей силой. Почему именно высшая сила должна заполнить пустующую душу? Откуда такая уверенность?

Но это, конечно, презренный вопрос латынянина, который вечно задает всякие там вопросы, чего-то там понять намерен, умнее всех быть хочет.

Почитание сумасшедших, одержимых, психически неполноценных, вообще-то, само по себе предельно далеко от христианства. Культ одержимых — это культ тех, в кого вошла какая-то неведомая сила. Вопрос: какая? Если не очень важно, что это за сила, такому человеку легко поклоняться...

Культ блажененьких, юродивых позволяет провести аналогии с культом шаманов. Шаман — это тот, в кого входит какая-то иная сила и кто благодаря ей становится посредником между миром людей и миром духов. Трудно, конечно, сравнивать шаманов, выдающихся людей своего общества, и одичалых грязных созданий, не вполне вменяемых и еще более диких, чем средний обитатель Северо-Восточной Руси. Но в этом смысле аналогия точнейшая — и в юродивого, и в блажененького, и в шамана входит неведомая сила (совершенно не очевидно, что благая).

Юродивый оказывается своего рода шаманом христианского мира, и это уровень еще более примитивный, чем древнеиудейский культ пророков VII—II веков до Р. Х. Для иудеев то как раз было очень важно, от кого исходит весть, разносимая пророком. Кто говорит его языком? Для иудеев в мире существовали силы добра, источником которых является Господь Бог, и силы зла, источник которых — падший ангел Господень, сатана. Приходится признать, что для московитов XIV—XVII веков это разделение гораздо менее важно. Была бы сила, а наше дело — поклоняться. Что-то в духе поклонения черному камню Каабы, посланцу космоса, или молнии, ударившей в дуб.

Черты, усиливающиеся в религиозной жизни Московии XV—XVI веков, свидетельствуют только об упрощении мировосприятия людей. Вероятно, это тоже следствие изоляции, прорастания местного мировоззрения сквозь христианскую проповедь. Во всем этом христианства все меньше, местного язычества — все больше.

Мне не удалось установить множества мелких, но в данном случае очень значительных деталей. Кстати, за их сообщение я буду очень благодарен любому из читателей. Но, во всяком случае, в православных церквях Киева юродивых не было. Во Львове — тоже. Как видно, одичание и упрощение христианства — вовсе не общерусское явление. Это явление московитское, лишь позже распространившееся на всю многострадальную Россию.

Если сопоставлять духовную жизнь Северо-Восточной Руси и Европы, то сравнивать придется исключительно с реалиями Средневековья. На Руси не происходило того, что началось в Европе с эпохой Возрождения: не происходило никаких изменений в культуре. Культура Московии и в 1400, и в 1500, и в 1600 годах — это средневековая культура.

И московское православие если в чем-то оказывается подобно католицизму, то католицизму средневековому.

Католический мир пережил ожидание конца света в 1000 году — в год, круглость номера которого сама по себе наводила страх.

Православные на Руси ожидали конца света в 1492 году, — в 7000 году от сотворения мира. Седьмое тысячелетие означало седьмой космический день, субботу Господню, которой кончается история.

Дата светопреставления была известна совершенно точно: ночь на 25 марта 1492 года.

Ни в одной другой православной стране такой истерики не было, но на Руси расчеты пасхалии доводились только до 1491 года. Применительно к 1492 году делались записи: «Горе, горе достигшим до конца веков». Или еще «веселее»: «Зде страх, зде скорбь, аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лего и на конце явися, в нем же чаем и всемирное твое пришествие».

Патриоты очень не любят говорить об отставании Руси от Европы... Но вот вам пример, когда на Руси в 1492 году происходило то же самое, что в Европе — в 1000. А ведь 1492 год — это время открытия Америки. Время, предшествующее Реформации.

Христианство сильно тем, что главное внимание обращает на личность человека, требует личностного ответа на самые фундаментальные вопросы бытия. Человек лично, индивидуально ставится перед лицом персонифицированной Вселенной — Господа Бога. Человек просто вынужден, исповедуясь и причащаясь, соотносить себя с идеалом и осознавать свою греховность. В нем самом происходит борение данной Богом души и тварной, то есть сотворенной, плоти, такой же, как и у других животных. Несовершенный человек помещен в несовершенный мир, и его важнейшее дело — совершенствовать себя, совершенствовать мир, борясь со злом по мере своих сил, неся в мир искру Божественного духа.

Везде и всегда христианская церковь работала с душой отдельного человека, изо всех сил помогала этому личному совершенствованию. Само понятие личности для церкви исключительно важно. В конце концов, магометане ведь тоже почитают Бога-Отца, сотворителя мира и человека под именем Аллаха. И они считают, что человек одновременно несет в себе начало божественное и тварное. У магометан есть поэтичное и точное определение, охватывающее мусульман, иудеев и христиан: «Люди книги». Люди, чье мировоззрение вырастает из Библии, единобожники.

Христиан от магометан и всех других единобожников отделяет вера в божественную личность Христа, который сам принимает решение искупить грехи людей. Христиане считают, что человек обладает сознанием и волей для того, чтобы отделить доброе от злого и свободно выбрать добро.

Свобода воли, личность, самостоятельность человека — фундаментальные понятия для христианства.

Но православная церковь в Московии меньше всего учила идее личного совершенствования. Личность для нее была и не особенно важна.

Основное, чему учила здесь православная церковь, — это покорности судьбе, смиренню, идее религиозного подвижничества, жертвы как бы во имя Христа, а на практике — во имя своего общества и государства.

Идея жертвенности, отдачи себя для некоего общего блага все сильнее сближается с идеей религиозного подвижничества и с подвигом во имя Христа. Сама идея жертвенности приобретает религиозные черты. Важно то, что ты готов пожертвовать собой, отдать себя во имя чего-то... А во имя чего именно ты себя отдаешь — это уже вторично.

Образ Сергия Радонежского — это просто образец, эталон, идеал того, кто вовсе не стремится к личным свершениям. Образ человека, принципиально отказавшегося умствовать и выделяться. Так сказать, идеал коллективиста.

В условиях изоляции сквозь православие прорастают не только многие черты русского язычества... и это бы еще полбеды. Но прорастают и многие черты русского, а точнее сказать, московитского народного характера. Того характера, который сформировался в условиях изоляции от всего мира, да к тому же еще и в условиях славянского востока — избытка природных ресурсов и сохранения пережитков, давно исчезнувших в остальном мире.

В XV веке православный мир стал особенно нуждаться в поддержке католиков: православная Византия под ударами мусульман сокращалась, как шагреневая кожа. Западные страны, страны католического мира давно научились успешно воевать с миром ислама. Пусть в конечном счете оказались потеряны все завоевания, сделанные во время крестовых походов. Сами эти походы принципиально изменили расклад сил. В VII—X веках ислам наступал — и в числе прочего завоевал 70% территории огромной Византийской империи. В XI—XV веках ислам только оборонялся, вел позиционные войны на своей собственной территории, а католический мир лихо наносил ему удары.

Перед лицом все более реальной опасности завоевания турками остатков когда-то славной и могучей Византии православные патриархи Константинополя, Антиохии и Александрии обратились к папе римскому с предложением о церковной унии. Расчет был на то, что тогда весь христианский мир поможет Византии против турок. Особенно если папа провозгласит еще один крестовый поход...

Папа римский благосклонно отнесся к предложению православных патриархов. Вселенский собор, посвященный проблеме объединения церкви, должен был произойти во Флоренции, в 1439 году.

И вот тут-то... Нет, даже не русская православная церковь, а скорее Московское государство во всей красе заявило о своем непринятии унии.

Великий князь московский Василий II Темный самым настоятельным образом «не советовал» митрополиту Исидору (греку по происхождению) ехать на Собор и даже прямо предупреждал: Московия не примет унии! Мятежный Исидор поехал. 5 июля 1439 года папская курия и константинопольская патриархия подписали акт о принятии православной церковью католических догматов и о верховолавенстве папы римского во всем христианском мире. При этом православные обряды и богослужение полностью сохранялись.

Исидор вернулся в Московию в 1441 году с твердым намерением проводить в жизнь решения флорентийского Вселенского собора. Как видно, он-то действовал вполне в духе византийской традиции и считал себя совершенно вправе решать церковные проблемы без апелляции к светской власти. Возможно, бедняге Исидору и в голову не приходило, что светская власть может сама начать решать, какие догматы веры устраивают ее больше, какие обряды правильнее и допустимо ли объединение церквей.

Василий же Темный действовал в традициях вовсе не византийского, а своего собственного, московитского общества. Митрополит Исидор был по его приказу арестован, как «латинский злой прелестник», и заключен в Чудов монастырь. Только после многих злоключений Исидору удалось бежать в Рим.

Позже Рим попытается добиться выполнения Москвой Флорентийской унии (ведь законный глава Московской митрополии Исидор участвовал во Вселенском соборе и уехал с него в ранге кардинала) — и, конечно же, безрезультатно.

А 15 декабря 1448 год Собор русского православного духовенства по прямому предложению Василия II Темного избрал митрополитом епископа рязанского и муромского Иону: разумеется, без санкции константинопольского патриарха.

С тех пор более ста лет московские митрополиты избираются епископами на Руси без рукоположения константинопольского патриарха. Если принимать всерьез такие вещи, как апостольская преемственность, божественная благодать и рукоположение, придется признать: русская православная церковь на долгое время перестает быть апостольской. То есть внешние-то формы, конечно же, сохраняются, но именно что внешние. Благодати, идущей от апостолов, не было в русской православной церкви; не было весь период, пока она лаяла константинопольских патриархов за латынство и не желала поддерживать связи с остальными православными.

В самой же Московской Руси, впрочем, действия местных епископов и великого князя Василия оказалось очень популярным.

После кончины митрополита Ионы и поставлении преемника митрополита Феодосия, но еще при жизни Василия II (примерно в 1461—1462) неизвестный автор написал «Слово

избрано от святых писаний еже на латыню и сказание о составление осмаго сбора латыньского и о свержении Стидора прелестного и о поставлении в Рустей земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василью Васильевичи) всея Руси».

В этом длинно и коряво названном и таком же корявом сочинении греческое православие объявлялось покрытым «мраком тьмы», и ему противопоставлялось «правильное православие», русское. Василий II же объявлялся новым Владимиром и вместе с тем и новым Константином. Претензия нешуточная, но падение Константинополя в 1453 году очень подтверждает все претензии русских православных.

Столица православия приняла унию и почти сразу оказалась захваченной «погаными»! Можно ли представить себе более убедительное доказательство кары Господней и не праведности Константинополя?!

Мусульмане, вряд ли желая этого, оказали огромную, хотя и медвежью, услугу Московской Руси: в конце XV века все православные страны, кроме Руси, оказались завоеваны магометанами. Вот подтверждение правильности выбранного пути: Господь сохранил истинную, правильную, праведную... называйте, как хотите, православную церковь, а не праведная, греховная, погрязшая в латынстве, — пала.

После Флорентийской унии и падения Константинополя Московия, по своему собственному мнению, оказывается в центре православного (тем самым и христианского) мира.

А московский царь занимает место византийского императора — хранителя и блюстителя истинной веры.

Это убеждение в своей исключительности и единственности, конечно же, очень архаично и не имеет ничего общего с христианством. Христианство по определению наднационально. Цитировать Христа насчет «несть ни эллина ни иудея пред ликом Моим» стало навязшим в зубах общим местом. Но ведь христианство не может быть племенной верой или некой истиной, открытой только для своих по национальному или по этнографическому признаку.

А если становится, это уже не христианство. Мне уже доводилось говорить о том, что обрядовое — вовсе не христианство, даже если имитируются обряды и священнодействия христиан. Но точно так же и здесь — нет и не может быть никакого такого «национального христианства», по определению.

На западе Руси, кстати, это прекрасно понимают. Убедившись, что в Москве не шутят и что действительно московские епископы самовольно выбирают себе особого митрополита (то есть фактически ставят себя вне остальной церкви), в 1458 году от Московской митрополии откололись епископства русской православной церкви в Литве. Константинополь дал русским православным другого митрополита, и этот митрополит снова сел в древней столице, в Киеве.

С этих пор православная церковь в Юго-Западной Руси подчиняется собственному митрополиту и находится под омофором Константинополя.

Назовем вещи своими именами: Московская митрополия откалывается от православной апостольской церкви.

И тогда православная церковь Западной Руси откололась от Московской митрополии и осталась в составе апостольской церкви.

Фактически это означало далеко не только то, что Московская Русь считает себя свободной от Флорентийской унии.

Но действие русского государства в лице Василия II Темного имело еще несколько последствий, и притом несравненно более глобальных:

1. Скандальное объявление Московской патриархии независимой, т.е. автокефальной. Так сказать, объявление с позиции силы.

Любопытная деталь: официально на Руси патриаршество введено только в 1589 году. Больше ста лет Московская митрополия, вопреки всем каноническим законам, существовала

де факто, как автокефальная патриархия.

И никого в Московии не волновало, что это совершенно незаконно!

2. Разрыв не только с католицизмом, но и с Византией и всем европейским православием.

3. Объявление своей версии православия единственно верной и отрицание права других на существование.

Есть старая шутка: «Быть святее папы римского». Не знаю, как насчет папы, а вот быть большим православным, чем константинопольский патриарх, Василий Темный сумел.

Великий князь в своем наивном, первобытном зверстве был от души убежден, что ни какому-то там константинопольскому патриарху, даже не всему Вселенскому собору, а именно ему, великому князю московскому, дано познание истины. Истины в последней инстанции.

Кстати, позже патриарх Никон будет вести себя так же, как и Василий Темный. Когда ему потребуется реформировать русское (читай: московское) православие, он обратится к авторитету восточных патриархов. Пусть они подтвердят, что креститься необходимо, складывая щепотью три перста, а не два!

Восточные патриархи отнюдь этого не подтвердят, а константинопольский патриарх Паисий даже утверждал, что вообще неважно, сколькими перстами креститься и благословлять, лишь бы и «благословляющий и благословляемый помнили, что благословение исходит от Иисуса Христа» [69].

Но это не помешало Никону поступить так, как он считает нужным, при этом прямо опереться на авторитет царя, поставив мнение главы государства выше, чем мнение высших иерархов православия.

Ересь нестяжателей... или ересь иосифлян?

В Европе XI—XIV веков священники первыми начали относиться к труду, как к делу доблести и чести, и тем подавали пример всему обществу.

На Руси в XV столетии появились люди, думавшие почти так же. Нестяжатели получили свое название потому, что выступали против «стяжания» церковью земель и другого имущества. Мало того, что великие князья щедро одаривали церковь и землями, и крепостными мужичками, и казной. Люди небедные, готовясь перейти в мир иной, жертвовали церкви с тем, чтобы святые старцы отмолили грехи этих людей.

Вообще-то, православные пообразованнее часто гордятся тем, что на Руси не было торговли индульгенциями — бумажками об отпущении грехов. Католическая церковь исходила из того, что у нее за века молитв и подвигов святых людей есть как бы некий резервуар святости, и из этого резервуара можно черпать, искупая любой, даже самый страшный грех. А раз так, почему бы не продать часть этой святости за деньги? Пусть грешник заплатит малость, и тогда на него изольется благодать... созданная вовсе не этим человеком, а святыми людьми за десятилетия и века. Грех побольше? Придется заплатить побольше, потому что тогда для искупления греха надо будет потратить больше чужой святости. За супружескую измену платишь золотую монету, за преднамеренное убийство — сотню... И катись, ты уже чист и безгрешен!

Страшненькая идея? Еще бы... Но чем лучше то, что делала официальная русская православная церковь? Перед концом земного пути плати нам, человеке. Мы помолимся, изольем на тебя накопленную нами благодать, и войдешь ты в царствие небесное... нашими молитвами. То есть молитвами толстого игумена спастись, пожалуй, трудновато, да зато у нас в земляной яме святой подвижник сидит. Так ты, грешник, плати давай отцу игумену, а уж отец игумен разъяснит подвижнику, за кого надо молиться и сколько.

Если читатель думает, что я шучу или преувеличиваю, отсылаю его к нескольким довольно впечатляющим книжкам [69]. И я решительно не вижу, чем эта практика

отличается от практики продажи индульгенций. Та же самая индульгенция, спасение чужим трудом, за деньги. Только разовая индульгенция.

Нестяжатели полагали, что каждый может спасти душу только личным трудом, персональным усилием и рук, и души. И что нет иных путей спасения. Лидер нестяжателей Нил Сорский, основавший скит на реке Соре, завел у себя режим неустанный труда. А если к нему приходили за спасением души миряне, Нил накладывал на них послушание — трудиться или принуждал к покаянию. Личностному, самостоятельному покаянию, стоянию перед Богом. Это было дешево, но требовало затрат личного времени, душевных сил и труда.

Сторонники официальной церкви называли себя иосифлянами по имени своего лидера Иосифа Волоцкого (1439). В своем монастыре Иосиф охотно принимал материальные дары и освобождал дарителей от бремени грехов молитвой братии. А монахам велел не трудиться и размышлять, а нести груз непонятной, зато и безответственной епитимьи. Общение с Иосифом Волоцким могло влететь в копеечку, но зато не требовало ни усилий мысли, ни работы души, ни физического труда.

Верховным арбитром в богословских спорах, как заведено на Московии, стал великий князь Иван III. С одной стороны, Иосиф Волоцкий возглашал божественную природу царя, который только естеством подобен человеку, «властию же сана яко от Бога». Волоцкий призывал подчиняться великому князю и выполнять его волю, «как если бы Господу работали, а не человеку». Нил же Сорский неуважительно полагал, что у великого князя душа такая же, как и у всех людей, и спасти ее надо, как и всем.

Но и в проповеди Нила Сорского было нечто очень полезное. Нил Сорский и другие нестяжатели ничего не имели против отнятия земель и другого имущества у монастырей и передачи их государству. Это было так привлекательно, что Иван был готов уже поддержать нестяжателей на церковном Соборе 1503 года.

И тогда иосифляне двинулись на Москву. Не в переносном — в прямом смысле слова. При жесточайшем подчинении низших высшим в системе иосифлян им было нетрудно собрать буквально десятки тысяч людей, многие из которых даже не очень понимали, что происходит. Непрерывно анафемствуя и проклиная Ивана III, полчища иосифлян двигались к Москве, на церковный Собор.

Когда Иван III узнал об этом, он страшно разгневался.

Зная характер великого князя Ивана, можно быть уверенным — иосифлянам не сносить головы. Речь шла уже не об отнятии монастырей, о самой жизни тех, кто покусился изрыгнуть хулу на священную особу.

Но там гнев обратился против пожилого уже князя.

С Иваном случился удар, а говоря современным языком — инсульт. Отнялась вся правая половина тела: правая рука, правая нога, правый глаз, правое ухо. Естественно, и сам Иван, и его современники истолковали удар однозначно — как Божью кару. Царская длань, уже занесенная над иосифлянами, опустилась, не ударив.

Нестяжатели, конечно же, никуда не исчезли, но и выше уже не поднялись.

Учение нестяжателей обсуждалось на церковном Соборе 1531 года и было там осуждено — не было больше у них высочайшего покровителя. С тех пор оно считалось еретическим, но после смерти Нила Сорского учение об отнятии у церкви земель подробно обосновал Вассиан Патрикеев.

Многие идеи нестяжателей использовал духовник Ивана IV Сильвестр, а уж для еретиков второй половины XVI века (Артемия, Феодосия Косого и других) нестяжательство оказалось очень ценной идейной подпоркой.

Наивно, конечно, считать, что прими тогда, в 1503 году, Иван III сторону нестяжателей и все волшебным образом изменилось бы, что и московское православие, и вся Московская Русь изменились бы до неузнаваемости. Но тогда, на рубеже XV и XVI веков. Московская Русь могла сделать шаг в сторону европейского пути развития. И не сделала. От одного шага, конечно, изменилось бы не все абсолютно, но все же московское православие утратило хотя бы часть своего северо-восточного облика.

Принятие идеи «молись и трудись, тогда спасешь душу» означало бы, что рядовой человек не передает кому-то свои проблемы, а решает их сам.

А если мы о ересях... В конце концов, не лично Господь Бог объявил ересью учение нестяжателей. Это сделали люди, и не самые лучшие люди. Сам Господь не явился в столпах пламени и в грохоте и не объявил громовым голосом, что Он Сам почитает за истину. И потому я позволю себе усомниться, что в этом споре еретиками были именно нестяжатели.

Может быть, пора говорить всерьез об «ереси иосифлян»?

Мифотворчество Московии

Любое государство нуждается в обосновании своих претензий. Хотя бы тем, что оно — очень большое и сильное. Как писалось в официальных заявлениях Российской империи второй половины XIX века: «Для решения спорных вопросов между Российской империей и Британией, а также стремясь к дальнейшему расширению пределов Империи, ...войска вступили в пределы Кокандского ханства...».

Конечно же, Московское государство нуждалось в обосновании своих претензий. За отсутствием реальных прав на земли всех русских и оснований для надувания щек приходилось эти основания выдумывать.

Ранние версии Большого московского мифа по неизбежности отличались от более поздних. Единственными частями этого мифа, сохранившимися во всей красе, являются архаичные представления о племенном единстве славян и их обязанности подчиняться Москве. И, конечно же, представление об особой роли Руси-Московии в мире, ее исключительности и превосходстве над прочими землями. Остальные составляющие мифа были отброшены позже, как не соответствующие никаким сведениям о мире и не способные выдержать хотя бы самую робкую критику.

Но в XVI веке, тем более — в глухом и диковатом захолустье, совсем не обязательны были осмысленные аргументы, имеющие своим основанием науку; не было нужно вообще никакое рациональное осмысление реальности. В основу тогдашнего БММ оказались положены две нехитрые истории: о происхождении Ивана Грозного от императора Римской империи Августа и о невероятной древности христианства на Руси, в том числе — в Московии.

На рубеже XV—XVI веков в Московии род Рюрика начали выводить из Римской империи, считая его потомком императора Августа. На встрече с польскими послами Иван Грозный вполне серьезно, даже с законной гордостью поминал, что его род идет от «сродника Августа-кесаря». История не сохранила свидетельств того, как отреагировали поляки.

Вообще-то, послу не пристало веселиться, услышав, что уважаемый монарх, с которым ведутся переговоры, — прямой потомок Небесного Бегемота или что он брат Солнца и Луны.

В конце концов, умение управлять мышцами лица входит в число качеств, необходимых для дипломата. Послы европейских держав сохраняли зверскую серьезность, ведя переговоры с турецким султаном — братом Солнца и Луны и с вождем африканского племени кано, потомком очень большого, истинно небесного бегемота. Общаясь с Иваном IV, царем московским, польские послы, наверное, тоже не позволили себе усомниться в сообщаемых сведениях. Веселиться они начали, наверное, если и не в Кракове, то уж, по крайней мере, не раньше, чем вернулись на свое подворье в Москве.

Неслыханная древность русского христианства

Этот миф еще красочнее Ивана Грозного, происходящего от Августа. Миф о том, что

побывал, тоже в евангельские времена, на Руси Андрей Первозванный. По одним версиям легенды (более достоверным), побывал он в греческих городах Причерноморья: Карикинтии и Пантикапее. По другим, уже вполне фантастическим версиям, он побывал и в Киеве... Вернее, на том месте, где стоял Киев.

И что Андрей Первозванный предсказал возникновение могучего христианского государства на Восточно-Европейской равнине. Легенда обрастала подробностями. Известны несколько ее версий, по большей части совершенно фантастических.

Принимая послов от папы римского, Иван Грозный говорил им, и тоже вполне серьезно: «Мы с самого основания христианской церкви приняли христианскую веру, когда брат Апостола Андрей пришел в наши земли... а когда Владимир обратился к вере, религия была распространена еще шире» (Новиков М. Н. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М., 1991. С. 35).

Рим гордился древностью своего христианства. В Рим веру принес апостол Петр, лично видевший Христа в евангельские времена. I век по Рождеству Христову считался официальной датой христианизации Рима. Сомнительная легенда про пришествие Андрея Первозванного как бы уравнивала Москву с Римом... да и с Константинополем.

Легенда заставляла учащенно биться сердца и выпячивать грудь: ведь если принимать всерьез легенду, то православная церковь в Московском государстве идет с апостольских времен и у ее первоисточков стоит фигура не менее значимая, чем апостол Петр. Русские приобщились к христианству в то же время, что Римская империя, и независимо от нее. Ни Рим, ни Константинополь не имеют права первенства, и не от них шла христианизация Руси, а непосредственно от апостолов.

Есть в этом очень пикантная деталь, имеющая прямое отношение к теме книги. В конце концов, по легенде Андрей Первозванный вовсе не добирался в своем странствовании до Москвы и произносил свое пророчество с гор над Днепром. Там, где сейчас стоит Киев. Возникает элементарный, прямо-таки детский вопрос: а почему, собственно, в пророчестве речь идет именно о Московии? Почему «могучее христианское государство» — это не Киевско-Новгородская Русь? Не Новгородская республика? Не Великое княжество Литовское, наконец? Действительно, какие основания у москвитов считать, что пророчество имеет к ним хотя бы малейшее отношение?

Единственный вывод, который я в состоянии сделать: в Московии так убеждены, что Москва — не то чтобы единственно правильный, а попросту единственно возможный наследник Киева, что с легкостью необычайной считала своим все, что происходило в Киеве. Вопрос, который я только что задал, по-видимому, просто не приходил и даже не мог прийти в голову москвиту. Преемственность по оси «Киев-Москва» была очевидной, сама мысль о преемственности от Древней Руси Новгорода и Великого княжества Литовского была дикой, неприличной, а возможно, отдавала и религиозным кошунством.

Киев и Новгород, даже Владимир и Суздаль прекрасно осознавали, что принимают эстафету у более древних центров цивилизации. Москва не собиралась принимать эстафету ни у кого. Она намеревалась укорениться в христианском мире, как один из первоначальных центров христианства.

Несколько позже, уже в XVII веке, предпринимались попытки связать начало русской истории со Священным писанием, с Библией. Ведь правнука Ноя, великого праведника, спасшегося в ковчеге со всеми зверьми и растениями во время Всемирного потопа, звали Скифом. А сыновей Скифа звали Словеном и Русом. Отсюда делались и выводы — славяне и русские происходят непосредственно от праотца Ноя!

Из этих мифов так естественно складывается идея Москвы — Третьего Рима! Ученый инок Филофей из Елизаровского монастыря под Псковом учел и разгром Рима варварами (не говоря о том, что этот итальянский Рим «впал в латынство», то есть тоже в своем роде пал), и взятие Второго Рима, Константинополя, безбожными турками, выводя свою классическую формулу: «Два Рима падоша по грехам своим, третий же стоит, а четвертому не бывать». И обожествление Московии и ее монарха отдает откровенным язычеством, особенно в одном

из трех «Посланий» старца Филофея «Послание о крестном знамении» [70], но москвиты совершенно не замечают этого, казалось бы, важнейшего о обстоятельства.

Впрочем, была Москва и вторым Иерусалимом. Каждый год, празднуя Пасху, патриарх московский въезжал на осли в Москву, имитируя восшествие Христа в Иерусалим. Кошунство? Наверное, зависит от точки зрения: москвиты, во всяком случае, так не считали.

И спорить, конечно же, не имеет ни малейшего смысла.

В разговоре с Поссевино, пытавшемся склонить Ивана IV к унии с католицизмом, Иван заявил: «Что говорить о Византии и греках? Греческая вера называется потому, что еще пророк Давид задолго до Рождества Христова предсказывал, что от Эфиопии предварит рука ее к Богу, а Эфиопия все равно что Византия». Но ему Ивану, нет дела до греков.

Он держит веру православную, христианскую, а не греческую. И что говорить ему о союзе с людьми, которые бреют бороду?

Логика в этом потоке бреда не больше, чем в «Соколе» Жириновского или в сочинениях Фоменко. Тот самый случай, когда люди с умом и с квалификацией вынужденно прекращают спор, ведущийся на совершенно разных уровнях.

Поссевино пытается что-то доказывать или обосновывать, Иван же вываливает на него груды дичайших предрассудков, доказываемых другими предрассудками, выдумками и притянутыми за уши доводами.

Обожествление царя

Действительно, начиная с Ивана III, московские монархи становятся не только верховными арбитрами в церковных делах, своего рода светскими главами Московской митрополии, потом и патриархии. Они становятся объектами вполне натурального поклонения, о чем и свидетельствуют решительно все иностранцы, побывавшие в Московии в конце XVI — начале XVII веков.

Исак Масса полагал, что москвиты «считают своего царя за высшее божество» [71]. С ним согласен Г. Седерберг: москвиты «считают царя почти за бога» [72]. И Иоганн Георг Корб: «Москвиты повиновались своему государю не столько, как подданные, сколько, как рабы, считая его скорее за бога, чем за государя» [73].

В более позднее время, конечно, и подданные Российской империи осознают, что их официальная религия обладает этим странным, не вполне христианским свойством.

Павел Флоренский прямо заявлял, что «в сознании русского народа самодержавие есть не юридическое право, а проявленный самим Богом факт, — милость Божия; а не человеческая условность» [74]. М. Н. Катков писал, что «русский Царь есть не просто глава государства, но страж и радатель восточной Апостольской Церкви, которая отреклась от всякой мирской власти и вверила себя хранению и заботам Помазанника Божия» [75].

«Истина самодержавия царей православных... возводится некоторым образом на степень догмата веры» — говорится в брошюре «Власть самодержавия по учению слова Божия и Православной Русской церкви», вышедшей в 1906 в Москве.

Интересное суждение высказал Всероссийский поместный собор 1917/18 годов: для императорского периода «надо говорить уже не о православии, а цареславии». Как видно, по крайней мере, в XX веке для самих русских-москвитов тут нет никакого секрета.

Старообрядцы, впрочем, еще в XVIII веке заявляли, что их вера отличается от официального православия тем, что у них «в религии царя нет». Характерен старообрядческий текст: «Послание против поклонения двуглавному царскому орлу и четырехконечному кресту» (1789 год).

Защищая каноничность обожествления человека, москвиты ссылаются на опыт Византии... Напрасно.

В Византии православие и империя были взаимосвязанными, но не сливающимися

неразрывно началами. Император никогда не обожествлялся, и православие вполне могло быть представлено вне империи и уж тем более независимым от императора.

Константин VII Багрянородный (X век) в своих сочинениях утверждал, что император должен править «ради истины», «в согласии с законом и справедливостью», «как раб и слуга Божий». Если же император впадет в грехи, превратится в деспота, то станет ненавистен народу и может быть свергнут. Свержение впавшего в грехи императора Константин Багрянородный считал не только чем-то естественным, а положительным явлением, проявлением воли Божьей.

В полном соответствии с этими представлениями добрая половина византийских императоров была насильственно отстранена от власти, свергнута. Судьба их различна: убиты, ослеплены, заточены в монастырь.

На Московской же Руси полагают, что только в общении с Богом проявляется человеческая природа царя. В отношениях же с подданными он — Бог.

Иван Грозный вполне серьезно считает себя Богом, спрашивая у Курбского: «Кто убо ты постави судию или владетеля надо мною?.. Про что не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?»

Переведем? Царь вполне серьезно считает, что его подданный (Раб? Слуга? Холоп? Холуй? Не знаю, как точнее передать, что имеет в виду Иван Грозный) должен страдать и принять смерть по воле царя. Так же, как должен принять судьбу, даваемую ему Богом. Для подданного он, Иван IV, — то же самое, что Бог. Не уверен, что любой из византийских императоров мог бы додуматься до такого.

Обожествить самого себя попытался китайский император династии Цинь Шихуанди во II веке до Рождества Христова, и, насколько мне известно, это единственный случай такого рода.

На Московской Руси речь идет не об эксцессе — скорее о норме. А. К. Толстой высказывается в духе, что, мол, были эпохи, когда «общественное мнение отсутствовало полностью». Не уверен. Скорее, это общественное мнение Московии XVI века даже сами бесчинства Грозного считало показателем его божественности. Религиозно-нравственные критерии для определения, праведный ли царь над нами правит, здесь неуместны. Царь имеет право на полный произвол, и нельзя ждать от него разумности, логики, доброты, вообще постижимости земным разумом.

Впрочем, сам способ изображения царя, способ писать о царе в Московии свидетельствует об обожествлении — и совсем не в каком-то переносном смысле.

Изображение царя в настенных росписях, на фресках, производится по тем же правилам, что и изображения святых.

На Московской Руси писание титула «царь» в официальных текстах производится по тем же правилам, что и «Бог». Писец не различает царя небесного и земного царя, человеческую личность, сидящую на престоле. По-видимому, для всего общества эти две личности перестают различаться, по крайней мере — принципиально.

На царя даже переносятся самые натуральные литургические тексты. Феофан Прокопович встречает появившегося на вечеринке Петра I словами тропаря: «Се жених грядет во полунощи», относимыми к Христу. И никто не выражает возмущения, не останавливает Феофана, в том числе и сам Петр.

В «Службе благодарственной... о великой Богом дарованной ...победе под Полтавою», написанной в 1709 году по заданию Петра Феоктилаком Лопатинским и лично отредактированной царем, Петр прямо называется Христом, его сподвижники — апостолами, а Мазепа — Иудой [76].

Получив благословение от священника, православные целуют руку священнику, как благословляющему. Византийский император тоже целовал руку священнику. Но русский царь и император сам получал поцелуй в руку от священника! Кто же кого благословляет?!

Набожный Александр I поцеловал руку священника, поднесшего ему крест в селе Дубровском. Все общество восприняло поступок царя, как нечто совершенно особенное и

экстраординарное. Священник так изумился «поступком благочестивого христианского царя, что до самой смерти своей ни о ком более не говорил, кроме Александра, целовал руку свою, которой коснулись царственные уста» [77].

Архимандриту Фотию Александр тоже поцеловал руку.

Но когда Фотий, благословив уже другого императора, протянул свою руку для поцелуя Николаю I, тот велел вытребовать его в Петербург, «чтобы научить его приличию» [77].

Сошлюсь на письмо Екатерины II Н. И. Панину: «В одном месте по дороге мужики свечи давали, чтобы предо мною их поставить, с чем их прогнали» [78]. Видимо, для крестьян императрица была своего рода живой иконой, а может быть, и живым божеством.

Но самый яркий памятник царебожия отлично известен каждому из моих читателей и без меня. Этот памятник стоит посреди Санкт-Петербурга, и без него просто невысказано представить себе ансамбль набережной Невы, Сенатской площади, окрестностей Адмиралтейства и Исаакиевского собора. О нем писали стихи, рассказы, поэмы, и добрая половина из них так и называется: «Медный всадник».

Огромный Медный всадник, дар «Петру I от Екатерины II», изображает русского царя в обликах Георгия Победоносца, то есть святого Русской православной церкви. Вы можете вообразить себе, читатель, более наглое и циничное кощунство?

Имеет смысл добавить еще, что в эпоху Московской Руси, вплоть до эпохи Петра I, умерших в государевой опале хоронили вне кладбища так же, как казненных преступников, опившихся, самоубийц, утопленников. То есть как людей, умерших не христианской смертью.

С точки зрения московского общества, служение царю есть религиозная норма, и царь сам решает, соответствует ли эта служба предъявляемым к ней требованиям. Отлучая от своей особы и от службы себе, он тем самым отлучает от церкви и ввергает преступника в ад (то есть проявляет власть, равную власти Бога).

А отлучаемый от службы впадает в смертный грех, сравнимый с грехом самоубийства.

Священная страна святого народа

Впрочем, зачем же ограничиваться обожествлением царя, если можно обожествить и самих себя, и всю свою землю? Начиная с конца XIV века, москвиты начинают называть себя эдак скромненько: «христиане». Так называют всех, о ком нельзя сказать, что он — дворянин, боярин, священник. Это название «черного» народа в целом, простонародья. Лишь много позже, века с XVI—XVII, слово начинают относить к сословию земледельцев.

Но ведь всякое самоназвание народа — этноним — предполагает противопоставление себя всем остальным. Если мы — русские, то все остальные кто угодно, но не русские.

Если мы китайцы... немцы... голландцы... А если мы христиане что тогда? Все правильно, тогда все остальные — никакие не христиане. Не иначе, просто притворяются.

«Они думают, что она, Россия, есть государство христианское; что в других странах обитают люди поганые, некрещеные, не верующие в истинного Бога, что их дети навсегда погубят свою душу, если умрут на чужбине вместе с неверными, и только тот идет прямо в рай, кто скончает свою жизнь на родине», — свидетельствует Конрад Буссов в своей «Летописи Московской» [79].

«Если бы в России нашелся кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, то ему бы этого не позволили, а, пожалуй, еще бы пригрозили кнутом, если бы он настаивал на выезде, желая немного осмотреть мир. Есть даже примеры, что получали кнута и были сосланы в Сибирь люди, которые настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения. Они полагают, что того человека совратили и он стал предателем или хочет отойти от их религии... А тех, кто не принадлежит к их церкви, они и не считают истинным христианином», поддерживает его А. Шлейзингер, написавший это в 1584 году.

В те столетия был обычай, по которому послы иных держав целовали руку царя во время приема, и царь, «поговорив с послами любого государства, он мое руки в серебряном тазу, как бы избавляясь от чего-то нечистого и показывая этим, что остальные христиане — грязь» [80].

Напомню, что в те века был еще обычай умываться после похорон или после встречи погребальной процессии. Так что же, царь считает послов пришельцами с того света?!

А собственно говоря, почему бы и не считать их пришельцами оттуда? Первобытный человек очень долго считал только существ своего народа — людьми. Все остальные человеческие существа вовсе и не были для него людьми. Соответственно, только свою страну, страну своего народа, он считает местом, где обитает человек. Те, кто населяют другие страны, — это или такие двуногие животные, лишь похожие на человека, или... покойники. Считали же папуасы Миклухо-Маклая «человеком с Луны», то есть человеком, пришедшим из царства мертвых.

А на Руси еще времен Нестора сами себя называли «словене», то есть имеющими слово, умеющими говорить. Говорящие на других языках назывались эдак общо — «немцы», то есть лишенными членораздельной речи, не умеющими говорить. По свидетельству Гоголя, слово «немец» в Малороссии дожило до XIX века не как название конкретного народа, а именно в своем первоначном значении: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец» [81].

А древнерусское «гость» в значении — «купец» прямо производится от названия пришельца из потустороннего мира. Первоначально «гостем» называли покойника, пришедшего домой с погоста, с кладбища. Так что еще древнерусские купцы до крещения Руси, которых описывает ибн Фадлан или Аахенские анналы, бывало, побаивались есть пищу, предложенную «гостями». Ведь живые люди не могут есть пищу мертвецов. И на скандинавском купчине, беседующем в Новгороде с Садко, тоже почивало нечто потустороннее. Ну не знал точно новгородец, где грань между купцом из чужой страны и выходцем из царства Кашея...

С принятием христианства вроде бы что-то меняется, но многое ли? Своя земля, Русь, начинает рассматриваться, как святая земля. Земля, где живут христиане. Любая иная земля — как не праведная, грешная, населенная то ли чудищами, то ли страшными грешниками.

А ведь в Средневековье ад и рай мыслились в пределах географического пространства: их тоже можно было посетить. Проникновение в ад или в рай — это ПУТЕШЕСТВИЕ, перемещение в пространстве. Данте Алигьери совершил в ад, чистилище и рай необычное, но ПУТЕШЕСТВИЕ.

Новгородский архиепископ Василий Калика в своем послании к тверскому епископу Феодору Доброму приводит примеры, когда новгородские мореплаватели попадали в ад или, скитаясь по морям, вдруг приплывали к острову, который оказывался раем.

Если есть земли святые и грешные, становится очень важно паломничество: путешествие в Святую землю само по себе приобщает к святости, просто в силу пребывания в святом месте. Это как путешествие в рай.

Тогда как путешествие в грешную землю, особенно в нехристианскую, — дело очень сомнительное с точки зрения религиозной.

Есть свидетельства, что при Петре, когда юношей отправили в Западную Европу учиться, их матери и жены оделись в траур. А патриарх умолял Петра на коленях не ездить на запад и ограничиться рассмотрением географических карт. Путешествие царя за границу было событием совершенно беспрецедентным и даже просто пугающим, «антихристовым». Как желание сделаться покойником и продолжать править страной.

Сохранилась повесть о человеке, который попал в плен в Персию. Родные поминали его, как покойника, и это помогло ему чудесно вернуться из плена. Персия — это тот свет. Поминать попавшего туда вполне правильно, и такое поведение родственников помогает вернуть человека.

Духовник в средневековой Руси спрашивал у прихожанина на исповеди: «В татарех

или в латынях в полону или своейю волею не бывал ли еси?» Или даже: «В чужую землю отъехать не мыслил ли еси?» И накладывал епитимью на того, кто был в чужой стране или даже собирался туда поехать.

При обсуждении брака Ксении Годуновой с герцогом Иоганном Датским «Семен Никитич Годунов (дядя царя) говорил, что царь верно обезумел, что выдает свою дочь за латина, и оказывает такую честь тому, кто недостоин быть в святой земле — так они, русские, называют свою землю» [82].

Это разделение мира на свою, праведную, страну и все вместе взятые чужие, не праведные, имеет много самых неожиданных последствий. Например, отказ рассматривать по отдельности, дифференцировано все эти «чужие» страны.

А. А. Бушков считает признаком славянского происхождения Мамаю то, что летописец приписывает ему обращение к «богам своим», «Перуна и Салавата, и Ракляя, и Хорса, и великого своего пособника Магомета» [83].

Но в том то и дело, что для летописца совершенно неважно, о какой земле и о каком народе идет речь. Все обычаи всех народов, все их привычки, все их религии и традиции смешиваются у него в одно невыразительное, везде одинаковое пятно: не праведный, чужой, отвратительный мир.

Для него совершенно допустимо мечеть назвать костелом, костел — синагогой, а папе римскому приписать «Латинскую молитву Перуну и Магомету». У всего нерусского общее свойство — не праведности. Например, после поражения Кучума в Сибири казаки, по их собственным словам, «размета нечестивая их капища и костелы...». Если Кучум молится в костеле, почему Мамай не может воззвать к Перуну? Или Кучум, святая сила с нами, тоже поляк или немец?!

Другим интереснейшим следствием стали многие особенности «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

«...Грешное свое хождение за три моря»... — так называет автор свое сочинение. Почему грешное? А потому, что путешествие совершено в не праведную землю: это антипаломничество, паломничество чуть ли не к сатане.

К тому же заморскими в XV веке называют и сухопутные страны, куда можно проехать посуху: Францию, Германию. Море, по традиционным представлениям, отделяет царство мертвых от царства живых. Таким образом, совершенно реальные страны оказываются как бы частью царства мертвых, потусторонним миром.

В этом свете «За три моря...» — это, право же, приобретает совершенно особый смысл. Афанасий Никитин, получается, путешествует как бы на тот свет. В землю, обладающую свойствами ада.

Нормальное христианское поведение оказывается невозможным в нечистом, нехристианском месте.

Афанасий Никитин мучится тем, что не может молиться Христу (а только Богу-Отцу), не соблюдает праздника Пасхи, постов и т.д. Но в «бесерменской» земле их и нельзя соблюдать. И нельзя писать и говорить на «святых», «праведных» языках — русском, церковно-славянском.

И Афанасий Никитин писал на татарском, персидском, арабском языках. В нечистом, нехристианском пространстве надо пользоваться нечистым, басурманским языком.

Афанасий Никитин постоянно молится, в его «Хождении...» много молитвенных обращений, религиозно-лирических отступлений. Он выступает как ревностный и притом вполне ортодоксальный христианин. Но к Богу ему приходится обращаться то как к «олло» (по-арабски), то по-персидски («худо»), то по-татарски (тангыры). Он использует и мусульманскую молитву, но рядом вставляет «Иса рухолло, ааликсолом», то есть «Иисус, дух Божий, мир тебе».

Плохо ему без поминания имени Христа, но и назвать его должно на «бесерменском» языке.

«Это восприятие, вероятно, имеет глубокие корни и, возможно, восходит к

архаическим, дохристианским представлениям, которые затем переосмыслены в христианской перспективе. С принятием христианства святость Руси определяется ее вероисповеданием, и замечательно, что жители этой страны — и прежде всего простой народ, поселяне — именуется „кержестьянами“, то есть „христианами“. Обозначение простонародья христианами едва ли не столь же беспрецедентно, как и наименование „Святая Русь“ [84], — свидетельствует такой крупный ученый, как Борис Андреевич Успенский.

Да, перед нами ярчайший пример того, как глубочайшая архаика, которая в более счастливых землях исчезла еще в языческие времена (например, ритуального разделения на «свою» и «чужую» землю не было в античном мире), а на Московской Руси прорастает в отношения внутри христианского мира.

Сменился только знак, метка «своего» и «чужого». Теперь «свое» — это истинное, русское православие. Православие, суть которого требует уточнения: что это именно русское, правильное православие.

Между прочим, это совершенно языческое, вполне первобытное отношение к себе и другим дожило в России до XX столетия и в совершенно первобытных формах.

Обычай при отъезде за границу носить с собой землю в мешочке, возле креста, то есть уносить с собой свою, праведную землю. В XX веке русская эмиграция массово воспроизводила этот обычай, пришедший из родоплеменного общества. При похоронах Шаляпина в его могилу ритуально бросали родную землю, чтобы он был похоронен хотя бы частично в своей, в праведной земле. И причем бросали-то кто? Высоколобая интеллигенция, дворянство, профессура, люди искусства; люди, казалось бы, очень современные, образованные и умные.

Насколько сильно все иностранное не праведно для многих русских людей еще в XIX веке, свидетельствует текст такого тонкого знатока народных обычаев и поверий, как Н. В. Гоголя: «...Вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море... По левую руку видна была земля Галичская» [85].

Прошу Вас, читатель: возьмите карту и мысленно встаньте на Украине лицом на юг, чтобы впереди перед Вами «засинел Лиман», а «за Лиманом разливалось Черное море».

Ну, и с какой стороны окажется у Вас «земля Галичская»?

Ну конечно, по правую руку! Но правая сторона в народных представлениях — это «правильная» сторона. И Гоголь уверенно поместил «не правильные» страны с левой, «не праведной» стороны. Естественно, он вряд ли думал об этом специально и написал, как написано. Но тем ценнее свидетельство. Отметим, что и «земля Галичская» для него — земля не праведная, земля иностранная. Любопытно...

Оболгали!

Даже такой тонкий знаток истории и культуры Руси, ученый международного класса, как Б. А. Успенский, говорит об архаизме русской культуры в целом. Но сам же он анализирует, сам того не желая, тексты, свидетельствующие о московской культуре!

Все, что было сказано выше о культе царя и о культе страны и народа, вообще-то, не свойственно западным русским или новгородцам — Северо-Западной Руси.

Новгородские мореплаватели, дети своего времени, могли пристать к острову, который на поверку оказывался раем или адом. И я не стану гадать, имеем ли мы дело с проделками нечистой силы, пресловутыми параллельными мирами или с галлюцинацией. Гораздо интереснее и важнее то, что новгородцы уже окончательно перестают смешивать потусторонний мир и страны хорошо знакомых им «циркумбалтийских» стран. Попадая в Скандинавию, в Германию или в Данию, они и не думают ритуально очищаться или переходить на «не праведные» языки.

А в самом Новгороде находится Немецкий двор, довольно большой квартал, где живут

немцы. И нет никаких свидетельств того, что новгородцы ненавидели и презирали их хотя бы в пятую долю так, как это делали москвичи в отношении немцев Кукуйской слободы. И уж, во всяком случае, у новгородцев хорошо знакомые им эсты, немцы, шведы, финны, датчане, латгалы и ливы никак не вызывают опасений.

Ничего подобного нет и быть не может в Великом княжестве Литовском. Если бы православные жители Великого княжества Литовского ритуально очищались после каждой встречи с католиком, они просто не смогли бы заниматься решительно ничем другим. Не говоря о том, что русская шляхта, православные, постоянно бывают при дворе и великого князя, и короля Речи Посполитой, а то и ездят с посольствами в иные страны.

Кроме того, даже если Поссевино, Герберштейн, Буссов, Масса Седерберг, Корб и называют посещенную ими страну Россией, все они очень точно показывают, где именно начинается эта страна и где они въехали в ее пределы. Это Московия.

Великое княжество Литовское вовсе не является страной, о жутких нравах которой так смачно повествуют иноземцы.

Расправа с западным русским православием

Имеет смысл напомнить, что почти сто пятьдесят лет, с 1458 по 1596 год, существовала Киевская митрополия, подчинявшаяся непосредственно Константинополю. Существовал целый культурно-исторический мир, больше десяти епископств, объединявших православных Западной Руси. Это были русские православные люди, но притом не желавшие иметь и не имевшие ничего общего с Москвой.

Позволю себе предположить, что западному русскому православию не было свойственно ни обожествление монарха, ни обожествление своей страны и самих себя, ни слияние церкви и государства. Да и какого монарха сделали бы подобием Бога западные русские? Великого князя Александра, убежденного католика? Первого короля Речи Посполитой Сигизмунда, требовавшего от православных пойти на унию с католицизмом?

Перестать различать православную церковь и католическое государство? Это подобно скверному анекдоту.

Обожествить самих себя? Не очень простое мероприятие в тех условиях, в которых жила Западная Русь.

Несомненно, русское православие Киевской митрополии было и несравненно более современным, лишенным архаических черт православия Северо-Восточной Руси. Вот только отпущено ему было немного, западно-русскому православию.

После унии 1596 года православная церковь в Западной Руси вообще исчезает на время. То есть православные-то остаются, а вот церковь как общественный институт исчезает. Восстанавливается православная церковь только в 20-е годы XVII века и уже с однозначной ориентацией на Москву.

Вот времена, которым близок мир гоголевского «Тараса Бульбы». Ну-с, а с середины XVII века, когда два братских народа воссоединились навеки, православные Украины оказались, даже и не входя в Московскую патриархию, под ее мощнейшим давлением. В 1839 году даже униатов, сохранявших православную обрядность, оторвали от католической церкви и, так сказать, влили в ряды прихожан епископатов Московской патриархии.

И я сейчас не могу с уверенностью сказать, чем объясняются черты народного мировоззрения, подсмотренные Гоголем: то ли были они искони на Украине, то ли уже исчезли и были потом снова насаждены в десятилетия и века господства Московской патриархии и насильственного внедрения в души московской версии православия?

Но имеет смысл помнить, что больше ста лет, с 1458 по 1596 год, существовала Киевская митрополия, подчинявшаяся непосредственно Константинополю. Русские православные, не желавшие иметь и не имевшие ничего общего с Москвой.

Итоги

Одна из составляющих Большого московского мифа: русскому православию в целом или даже всему православию вообще приписывается специфика одной из версии православия — московского. Но это ложь, имеющая смысл только в том случае, если сводить общее к частности: историю всего православного христианства к истории Московии.

Давайте четко назовем те пункты, по которым московское православие однозначно отличается от любых других его версий:

1. Обожествление своего царя;
2. Обожествление своей территории;
3. Слияние церкви с государством;
4. Принятие обычаев одного народа (москвитов) как священных обычаев и как эталона обычаев, обязательных для христианина.

Заявляю с полной уверенностью: этих черт нету не только у католиков, но и в европейском православии. В греческой, сербской, болгарской, грузинской, кипрской, албанской автокефальных церквях нет ничего подобного. К сожалению, я не могу добавить этого и о православной церкви Западной Руси. На рубеже XVI и XVII веков Киевская митрополия прекратила свое существование, не успев дорасти до того, чтобы стать Западно-русской патриархией.

Но в то время, когда существовала Киевская митрополия, к ней относится все, сказанное о других православных церквях. На Западной Руси православие не было московским.

Глава 19 МОСКОВИЯ ХОЧЕТ БЫТЬ РОССИЕЙ, ИЛИ УДАВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ В САМИХ СЕБЕ

*Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи, —
Его милость собираются тешить,
Там кого-то рубить или вешать.
И во гневе за меч ухватился Поток:
«Что за хан на Руси своеволит?!»
Но вдруг слышит слова:
«То земной едет бог,
То отец наш казнить нас изволит!»*
Граф А. К. Толстой

Начало

В 1547 году семнадцатилетний великий князь Иван Васильевич официально принимает титул царя.

Происхождение титула мне установить не удалось. Одна версия — это восточный вариант латинского caesar, то есть цезарь. На западе империи слово произносилось, как «кесарь», и от него — «король». На востоке то же слово произносилось, как «цезарь», и отсюда — «царь». В XIX веке отсюда же пошел и германский «кайзер».

Другую версию дает Н. М. Карамзин: «сие имя... древнее восточное, которое сделалось у нас по славянскому переводу Библии и давалось императорам византийским, а в новейшее

время ханам монгольским, имея на языке персидском значение трона или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен монархов ассирийских и вавилонских: Фалассар, Набонассар и проч.».

Говоря откровенно, версия Карамзина (ни у кого больше я ее не нашел) мне представляется на удивление неубедительной сразу по многим причинам. В книгах на славянском языке безразлично назывались царями государи вавилонские, персидские, ассирийские, египетские, а также римские и византийские императоры. Путаница царила невероятнейшая.

На Руси, начиная с Ярослава Мудрого, великие киевские князья носили титул цесарей. Тогда цесарей-императоров в мире было три: Византии, Священной Римской империи германской нации и цесарь Руси. Так что по своему реальному содержанию титул московского царя явно выше королевского.

Иван III титуловал себя великим князем, Государем Московским и Всея Руси, а неофициально — и царем.

Василий III в договоре со Священной Римской империей в 1514 году именовался цесарем. Правда, договор не подписывали, пока претензии Василий не снял и не остался просто великим князем.

Иван IV завершает процесс превращения московских князей в царей, претендующих на все русские земли. Как мы увидим позже, реально Москва претендовала вовсе не только на русские земли, но уже и это, первоначальное название, было весьма агрессивным.

Впрочем, и за ним этот титул европейские страны признали очень даже не сразу, а Великое княжество Литовское и Польша не признали этот титул вообще. Так и остался он для них просто великим князем московским.

И это при том, что формально Иван IV имел право и на литовскую корону. Когда сын Дмитрия Донского, Василий I, бежал из татарского плена и попал в Литву, великий князь Витовт отпустил его, только женив на своей дочери.

А внук Софьи Витовтовны Иван III сам женился на племяннице византийского императора. И Софья Палеолог привезла ему три воза богослужебных книг, двух золотых павлинов, когда-то сидевших у трона византийского императора, герб — двуглавого орла и право на титул императора Восточной Римской империи. Подбивая Василия III, отца Ивана IV, на участие в крестовом походе, иностранцы готовы были именовать его царем, если согласится на поход. Правда, Василий Иванович отказался.

Иван IV соответственно имел право и на этот титул, но в цари его упорно не пускали. Если применять слово «самозванец» в буквальном смысле, то московские великие князья до Федора Ивановича — самозванцы: они сами себя называют царями, а для окружающих этот титул не существует.

Первая из «избранных рад»

Безумный, безнадежный кошмар правления Ивана Васильевича Грозного, Ивана IV, веками привлекает исследователей и чудовищными эксцессами, и их полнейшей необъяснимостью. Многие в его правлении уже в XVII—XVIII веках начали объяснять личными причинами. И как бы не относиться к этому человеку, надо признать: судьба самого Ивана тяжела, полна потерь и жестокостей, совершенных по отношению к нему; и далеко не только у сентиментальных дам больно сжимается сердце при мысли о трехлетнем сироте, ставшем вдруг великим князем. Трехлетний малыш, потерявший отца, — это всегда тяжело. Трехлетний малыш, которого делают монархом, потому что его отец был великим князем, — это особенно непросто; и нужно доброе, умное окружение, нужна согласная любовная работа многих людей, чтобы из малыша вырос бы нормальный человек, без психологических травм, без желания их компенсировать, а то и просто отомстить за себя. А маленький Ваня, сын покойного великого князя Василия III, стал монархом в очень

неблагополучной стране.

Даже значительно позже, когда сложится до конца тягловое государство, против него будут бунтовать. В начале же XVI века еще шла борьба между центральной властью и пережитками иных времен. А если называть вещи своими именами, речь шла не о пережитках, речь шла о выборе пути развития.

Конец XV—XVI век — это ведь не просто время огрубения нравов Руси. Это время, когда вся страна, включая высшую аристократию, превращалась в холопов и быдло.

Торговые казни существовали и для бояр, и для князей, и не было никого, чьи права защищены; никого, кто защищен от произвола, жестокости и насилия.

«Властью, которую он (московский князь. — А. Б.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов мира. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством... Все они называют себя холопами, то есть рабами государя...», — свидетельствует Герберштейн [86]. При необходимости можно привести множество свидетельств, и все они очень похожи.

XV—XVI века — как раз то время, когда, по словам Р. Пайпса, «государство заглатывало» общество кусок за куском».

Русская Правда знала множество общественных групп, и каждая со своими правами и обязанностями, каждая отлична от других, у каждой свое место в жизни.

«Судебник» Ивана III не знает никаких общественных групп, кроме служилых и неслужилых людей. Если верить «Судебнику», нет на Московской Руси ни вотчинников, ни разных групп крепостных, ни различий между крестьянством и дворянством. Нет вообще или они вообще не имеют никакого существенного значения. Есть разница только между теми, кто служит государству и не служит.

В 1491 году били кнутом ухтомского князя, дворянина Хомутова и архимандрита Чудовского. Эти люди были виновны, представив подложную грамоту, как бы от имени брата великого князя. За дело? Наверное. В конце концов, и крестьянку молодую в 1856 году на Сенной, часу в шестом, тоже били, наверное, за какое-то преступление. То ли убила кого-то, то ли не заплатила недоимку. И так ей и надо.

Почти все княжества, захваченные Москвой, кроме, может быть, Рязани, испытали сильное влияние Великого княжества Литовского и прекрасно знали, что нравы Московии — не единственный возможный вариант государственного устройства. Память о власти Литвы и о местных вольностях особенно сильна была в Твери, столь тесно связанной с династией Ягеллонов. Князья из бывших самостоятельных княжеств, для которых придумано было уничижительное словцо «княжата», хотели жить в православной Московии, но так же сильно хотели и отношений вассалитета, отчаянно сопротивлялись превращению их в «холопей государевых» и в уравнивание их со всем остальным тягловым населением.

Даже в самой Москве бояре изо всех сил отстаивали свою независимость от властей. Отстаивали, опять же называя вещи своими именами, не тягловый, а европейский вариант феодализма. С неотъемлемыми правами хотя бы верхушки феодалов, ограниченными правами монарха, с коллективным принятием важнейших решений... Складывалось явление, которое до начала XVIII века будут называть «страшным» словом «боярская оппозиция». И в историографии Российской империи, и в историографии СССР явление это будут отчаянно ругать. Бояре ведь, страшно подумать, никак не хотели быть «холопами государевыми». Все дурака валяли, все требовали каких-то прав, каких-то гарантий.

Действительно, с крестьянством было сравнительно просто, дворяне служили, вставая на задние лапки за пайку... я хотел сказать, за поместья. Горожан, на счастье московских князей, в их стране не водилось. А вот бояре еще огрызались.

И где-то под боком мозолил глаза еще и пережиток Древней Руси, Новгород, будь он неладен, и подавал ужаснейший пример неповиновения властям и даже ненужности самой княжеской власти.

А к западу от Вязьмы, стоило пересечь литовскую границу, как «холоп государев» становился опять человеком и более того — шляхтичем, имевшим право посылать

посольства к иностранным дворам, обладателем права конфедерации и рокоша. Вонючий купец, которому писаться «с вичем», то есть по имени-отчеству, — излишняя честь, сукиному сыну, Ванька Иванов какой-нибудь, становился почтенным негоциантом, членом громады, а то и самого магистрата. И даже уж совсем вонючий, придавленный к земле мужичонка, только перебравшись за границу, становился вдруг не тварью дрожащей, но тем, кто хоть какие-то права имеет.

И это обстоятельство тоже оказывало свое растлевающее воздействие на все классы и сословия.

Очень часто раздаются утверждения, что в Московской Руси XVI века были только две силы: общинные, догосударственные структуры и деспотическая власть царя. Как только ослабевала власть царя, центральной власти в целом, общины утрачивали связи между собой, начинали пренебрегать целями и целостностью страны. Государство распадалось, приходилось вновь закручивать гайки...

Осмелюсь утверждать — была еще и третья сила, и называлась она — европейский путь развития. И в новгородском, и в литовском варианте.

Правительницей при малолетнем великом князе стала его мать, Елена Васильевна Глинская — жестокая, властная женщина, которой власть нужна была не для сына. За Глинской, по общему мнению, стоял ее любовник, князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский. Ну и, конечно же, феодальный клан князей Глинских.

Говорят, что потерявший отца — только полсироты и только потерявший мать — полный сирота. Трехлетний малыш сразу станет полным сиротой при живой матери.

Никогда не любившая, не уважавшая мужа, Елена Глинская занималась чем угодно — любовником, нарядами, книгами, но больше всего, конечно, властью. Но не сыном. У маленького Ивана будут забывать сменить рубашку, дать ему поесть или попить. Тем более, никому не будет интересно, хорошо ли он спал, не грустно ли ему, не скучно ли, не страшно ли, не одиноко.

Боярскую же оппозицию возглавляли братья умершего Василия III — удельные князья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий. Первый был посажен в тюрьму почти сразу, второй — в 1537 году. Оба были уморены голодом. Русь перенимала у Византии многое, нет слов, но кто сказал, что только хорошее?

На глазах трехлетнего малыша в смертной борьбе сцепились самые близкие, кровно родные ему люди. И когда в спальню ворвутся рычащие, злорадно похохатывающие люди с оружием, напрасно малыш будет просить умолять не обижать, не убивать, оставить с ним любимого дядьку. Когда кровь залила рубашку, лицо малыша, ребенка грубо оторвали от умирающего, бьющегося дядьки. А когда годы спустя мольбы и вой бояр и их детей вознесутся к нему, чей голос он услышит за мольбами?

В 1538 году умерла (скорее всего, отравлена) его мать, Елена Глинская. Об этом шептались в Кремле, и трудно сказать, что слышал мальчик, что он понял из шепотов. Власть же Бельских, Шуйских, Глинских при дворе отзывалась диким произволом не только по отношению к податным слоям или к дворянству. Взрослым, уже став смертельно опасным чудовищем, Иван IV будет вспоминать, как разваливался на постели покойного отца Шуйский, забрасывал на нее ноги в сапогах. Стаканами собственной крови заплатит боярство за каждую трещинку, за каждую пылинку на этих сапогах Шуйского. Но ведь и будет за что платить.

Тогда же, в 1538, 1540 годах, великий князь, мальчик в возрасте ученика начальной школы мог попросту мешать боярам, решавшим или государственные, или какие-то свои вопросы. И этого ребенка могли отшвырнуть, унижить, прогнать, публично выразить свое пренебрежение.

Большинство людей, к сожалению, больше всего интересуют в правлении Ивана всевозможные подробности жестокостей, преступлений и казней: кого «резали по суставам», кого жарили в сковородке, чью тринадцатилетнюю дочь Иван собственноручно забил посохом, а чью сперва отдал на потеху опричникам. Чьих детей скормил медведю, а кого

сажал на кол под смех дикой черкешенки Марьи Темрюковны.

Сладострастное смакование гнусных и жалких деталей — увы! — отвечает пристрастиям великого множества людей и в наши, и в те времена. Но если задаться всерьез ответом на вопрос «почему», неплохо бы представить себе не раскрасневшуюся оскаленную морду царя-садиста с горящими от восторга глазами, со слюной, текущей сквозь желтые пеньки зубов, глядящего на художества палачей. А бредущего кремлевскими переходами малыша лет 4, 7, 10, глотающего слезы обиды, пока его никто не видит. Абсолютно одинокого в мире маленького сироту, которому никакие великокняжеские знаки власти и золототканые одежды не в силах заменить папы и мамы.

Давно известно, что самые страшные преступники вырастают не вследствие недостатка, а вследствие избытка строгости. С большинством убийц, палачей, разбойников очень плохо обращались в детстве. Иван IV — типичный пример того, во что может вырасти никому не нужный ребенок, которого жестоко обижают. А для того, чтобы отвлечь великого князя от государственных дел, бояре развивали в нем не лучшие черты. Историки Российской империи, по крайней мере, осторожно касаются «жестоких наклонностей» и «неподобающих игр» маленького Ивана [87].

Советские историки как воды рот набрали, ни слова не рассказывая о том, как будущий самодержец в 5, в 6 лет развлекался, сжигая живьем, вскрывая кошек, собак, голубей, ломая или отрывая им лапы. Казалось бы, в это время была еще жива его мать, а случай как раз тот, чтобы маленький поганец с неделю не мог бы сидеть и попросту не смел бы повторять подобные гадости. Но, по-видимому, у Елены Васильевны и впрямь были другие, более важные для нее занятия. Бояре же, называя вещи своими именами, просто развращают будущего царя. Лишь бы он им не мешал, не интересовался управлением страной.

Не в первый раз и не в последний сотворенное зло падет на самих развратителей; примеры этого можно увидеть хотя бы в данной книге. Человек верующий не может не увидеть здесь перста Божьего; атеисты пускай видят Эволюцию, Киспород или проявление законов наследственной косматости козлов.

В 1543 году Иван по совету своих дядей, князей Глинских, произвел своего рода дворцовый переворот, только не снизу, а сверху. Отстранив от власти бояр, Иван поставил на ключевые посты своих людей, то есть придворных-дворян.

16 января 1547 года Иван венчался на царство, а в июне того же года отстранил от власти и последнюю боярскую группировку, еще стоявшую у трона: родственников матери, князей Глинских. В Москве началось народное восстание, один из Глинских был убит. А родственников Иван не любил и в лучшем (для них) случае оставался совершенно безразличен. Или (тоже в лучшем случае) пользовался случаем и отбрасывал в сторону, как ветошь.

Тогда же в Польшу посланы доверенные люди. Среди всего прочего они должны намекнуть, что царь входит в надлежащий возраст, хотел бы жениться. Намеков поляки не поняли. Лояльные к Ивану историки Российской империи объясняют это тем, что, мол, прошли времена Ярослава Мудрого, не было у Руси прежней силы и богатства. Я же скажу просто и грубо: Московия — не Русь, и нечего примазываться к чужой славе. Нет у Московии ни той силы, ни богатства, ни репутации Киевской Руси.

И пришлось Ивану венчаться с Анастасией Захарьиной.

Читатель пусть судит сам, что является большим издевательством над здравым смыслом, естественным порядком вещей: семнадцатилетний великий князь или семнадцатилетний муж. Но как неженатый поп не мог получить прихода, так и неженатый царь не мог править. Ивану было необходимо жениться, Анастасия же, по общему мнению, оказалась девицей ласковой, доброй и неглупой и оказывала на царя только хорошее воздействие.

К 1548 году сложилось то, что стали называть «избранная рада», то есть «избранный совет». Вошли в него родственники жены, постельничий царя Алексей Федорович Адашев, родом из костромских дворян, духовник Ивана IV Сильвестр, митрополит Макарий, еще

несколько людей, включая и князя А. М. Курбского.

И позже будут возникать такие же кружки доверенных лиц при царях, особенно при молодых царях. Не может же царь сам за всем следить, быть в курсе всех совершенно Дел и при этом еще реформировать государство?! Нужны помощники, а в государственном аппарате, тем более в рядах аристократии, — слишком много противников как раз реформ. Слишком мало лично преданных людей. И царь создает группу единомышленников. Потом дороги разойдутся, это ясно, но тогда-то, в этот-то момент, они, конечно же, единомышленники! На тех, кого он сам лично поднял из небытия, царь может опереться без страха, как на верные, надежные орудия (так и подмывает сказать «винтики»).

В кругу этих людей можно обсуждать все, что угодно.

Связи их неформальны, и никакими слишком уж сильными узами ни с кем они не связаны. Это как кружок интеллектуалов, решающий проблему средствами «мозгового штурма».

Собрались, выехали на базу отдыха или в уединенный отель, поработали неделю... проект решения готов!

В условиях, когда аппарат ненадежен, аристократия оппозиционна (и тот, и другая малокультурны и неинтеллектуальны), ценность такого кружка может быть очень высока. Такой кружок действительно может дать царю очень большой интеллектуальный капитал, который он потом выдаст за свой собственный. А потомки, в том числе историки, будут удивляться ясности мысли царя, и глубине, и силе высказанных им мыслей.

Но вот судьба участников кружка предрешена, и надо быть самому наивным, как москвит, чтобы этого не понимать.

Сами «избранные» могут, конечно, быть уверены в своем светлом будущем и в уже совершенной карьере... Но, во-первых, они уже сделали свое дело. То, что нужно было царю, уже есть. Во-вторых, царь повзрослел, вызывает подобающую его рангу почтительность, и пусть аристократия или высший слой бюрократии что-то там попробуют вякнуть... Цена первых друзей все понижается. В-третьих, они же. «избранные» некогда, теперь — обладатели сведений о том, кто на самом деле придумал то или иное, кто автор новшества или удачной формулировки. А зачем царю эти свидетели?

А ведь в «избранную раду» попадают строго по монаршей воле; нет никаких формальных критериев принадлежности к ней, нет никакой защищенности ее членов от произвола. Ведь даже формальных чинов за членство в «раде» не дается. Велел царь — есть «рада» Фукнул царь — и нет «рады». Удобно!

Свою «раду» имели в молодости и Петр I, и Петр III, и Александр I, и Александр II. И все члены всех «рад» кончали одинаково печально. Похожие, только менее известные «рады» бывали и у крупных царедворцев, реформаторов, разного рода «начальства».

Судьбы членов «избранной рады» достаточно печальны. Ни один из них не пережил своего недолговечного, болезненного государя, при том, что только Макарий был его значительно старше.

Но только Макарий, защищенный к тому же положением митрополита, главы всей Русской церкви, наверняка умер своей смертью и в преклонном по понятиям того времени возрасте: в семьдесят один год.

По иронии судьбы он единственный из членов «избранной рады» убежденный сторонник усиления самодержавной власти.

Архиепископ новгородский, с 1542 года — митрополит Всея Руси, иосифлянин и враг отхода к государству церковных земель, он даже пишет «Степенную книгу», обосновывая укрепление самодержавия и позицию церкви, которая должна, по Макарию, поддерживать государство и его главу, следить за всеми формальностями культа, а заодно и стяжать земли.

Сильвестр, священник из новгородцев, с 40-х годов XVI века служил в Благовещенском соборе московского кремля.

Как попал он в Москву из Новгорода, и не стоит ли за этим очередная мрачная тайна, мне не удалось установить. Выдвинулся он во время московского восстания 1547 года и

очень понравился царю.

В дальнейшем Сильвестр сблизился с двоюродным братом царя Владимиром Андреевичем Старицким, а через него и с оппозиционными боярскими группировками.

В 60-е годы XVI века Сильвестр обвинен в смерти жены Ивана Анастасии, удален от двора, постригся в монахи, жил в северных монастырях. Умер в 1566 году, скорее всего своей смертью, но возможно, что и был отравлен. А что Сильвестр оказался отстранен от управления государством, это уже не мнение, а факт.

Самым известным из деяний Сильвестра стала списка и доработка «Домостроя». В те времена «верхи» на Московской Руси были куда большими христианами, чем полуязыческие «низы», и к ним-то, к боярству и верхушке дворянства, обращался Сильвестр.

Михаил Федорович Адашев много лет ведал личным архивом царя, хранил печать «для скорых и тайных дел».

Руководил составлением материалов для официальной разрядной книги и «государева родословца», материалы официальной летописи «Летописец начала царства».

Вел дипломатическую подготовку к присоединению Казанского и Астраханского ханств, возглавлял инженерные работы при осаде Казани.

Вел дипломатическую переписку для подготовки Ливонской войны вместе с дьяком И. М. Висковатым и ведал внешними сношениями Московии в первые годы войны.

В 1560 Адашев обвинен в отравлении Анастасии, послан воеводой в Ливонию, где проявил себя «плохо», как противник дальнейшего ведения войны. В том же году заключен под стражу в Юрьеве, где вскоре и умер накануне расправы.

Имеет смысл проследить судьбу еще одного выдвигенца того времени, Ивана Михайловича Висковатого. Глава Посольского приказа с 1549 года, думный дьяк с 1553, с 1561 года — печатник, то есть хранитель государственной печати, он рьяный сторонник ведения Ливонской войны и готовит ее вместе с Адашевым. Но стоит Висковатому увидеть реальную войну и оценить ее последствия, как он тут же становится ее последовательным врагом.

За участие в боярском заговоре, сношениях с Польшей, Турцией и Крымом Иван Михайлович Висковатый казнен в июле 1570. Если не ошибаюсь, разрезан по суставам... или поджарен на сковородке? Не помню. Во всяком случае, не посажен на кол и не сожжен, это точно.

Нужно ли объяснять, что с Польшей и Крымом он никогда не сносился и что все обвинения — совершеннейшая мура?

Впрочем, какая разница, кто как кончил из помощников царя? Главное ведь — это интересы государства. А тогда, в конце 40-х, сопьяк с патологическими наклонностями, ставший великим князем и царем, получает целую пачку превосходнейших идей.

Например, «Судебник», изданный в 1550 году, вошедший в историю как «Судебник Ивана IV» — что, лично царь его писал в свои 20 лет?

Пока же идеи получены, люди больше не нужны. Аппарат со скрипом, но берется за исполнение того, что ведено.

Пошли реформы 50-х годов.

Иван IV издал в 1550 году «Судебник». Ввел выборные земские власти вместо наместников. Создал систему приказов. Ввел перепись земли и населения с раздачей этой земли и людей дворянам. При большой помощи Макария создал в 1551 году даже новое законодательство — Стоглав. Текст нового уложения состоял из ста глав, откуда и название.

В 1550 году из «нетяглых» людей Иван создал шесть пехотных полков, главным вооружением которых стала пищаль — заряжавшееся с дула ружье. Стрелецкие полки все время росли в числе, и к концу правления Ивана стрельцов было уже не 3 тысячи, а 12 тысяч.

Уложение о службе 1555 года подробнейшим образом определяло ратные и прочие обязанности служилых людей в зависимости от того, каких размеров у них было поместье.

Появляются роды войск: конница, пехота, наряд (артиллерия). Всего было 200 орудий, что совсем не мало по тем временам.

В 1571 году воевода князь М. И. Воротынский разработал устав сторожевой службы, и Иван утвердил этот устав.

В этот период все удается Ивану, в том числе и внешняя политика. Казанские походы 1547—1552 годов завершаются 2 октября 1552 решающим штурмом и взятием Казани. При штурме впервые в истории были применены минные работы: когда под стены подводятся подкопы, а в них закладывается пороховой заряд. Вели работы голландские инженеры, с которыми богобоязненные московиты за одним столом не ели, чтобы не опоганиться. Первыми в проломах стены стали биться союзные татары — тоже «поганые».

Впрочем, помогли и христиане, армянские пушкари.

Мусульманских пушкарей у казанского хана не было, а армянские не хотели стрелять в русских, как в христиан.

Чтобы все-таки стреляли, хан велел поставить над каждым пушкарем по человеку с обнаженной саблей. Пушкари давали залпы, но так, что все ядра зарывались в землю или уходили в небо и в сторону от войск.

Иван IV достойно отблагодарил армян, посадив их всех на кол. Столь же блистательно русское войско, сплаваясь по Волге, захватило Астрахань в 1556, разграбило ее и устроило великолепнейшую резню, а потом такую же попойку.

Мало того, что этими славными победами добиты последние остатки Золотой Орды и под вековым спором подведена последняя черта. Открыт путь для переселенцев в Башкирию, в Предуралье, на Урал и в Сибирь. Открыт путь к минеральным и пушным богатствам Урала и Сибири.

Вот на западе завоевания спорились несравненно меньше.

Ливонская война — мать опричнины

Ливония в ту пору была конфедерацией из пяти государств: Ливонского ордена, Рижского архиепископства, Курляндского епископства, Дерптского епископства, Эзель-Викского епископства. Формально вся конфедерация находилась под властью папы и германского императора. Фактически была предоставлена самой себе и переживала не лучшие времена.

Ливонский орден распадался, и фактически никто уже не подчинялся гроссмейстеру ордена, бедному Фюрстенбергу.

В приморских богатых городах завелся протестантизм, и города не желали подчиняться католикам-гроссмейстерам, а еще меньше желали платить денежки кому бы то ни было.

А денежки у них были, и немалые.

Разгромив Новгород и Псков, уничтожив Немецкий двор в Новгороде, царь Иван невероятно обогатил прибалтийские города — Ригу и Ревель. Ведь теперь вся торговля с Московией шла через них. Города принимали самые лихорадочные меры, чтобы золотая жила не иссякла и потоки денег не прошли мимо карманов горожан.

В Риге и Нарве иностранцам запрещалось заключать с русскими сделки, открывать русским кредит и даже учить русский язык. Зачем — понятно: чтобы самим иметь монополию.

А одновременно протестанты-фанатики закрывали русские церкви. Дошло дело до русского погрома.

Ливонские же рыцари совершенно выродились. Их состояние было несравненно хуже, чем во времена Грюнвальда. Легко счесть, что это поляки или западные русские злорадно описывают педерастию, пьянство, патологические пороки своих злейших врагов. Но в том-то и дело, что вовсе не славяне описывали упадок ордена. И в немецкой литературе, и в немецкой народной поэзии XVI века московское нашествие изображалось, как наказание, посланное Богом за грехи. Грехи были.

Себастьян Мюнстер в своей «Космографии» 1550 года очень мрачно описал состояние

дел в Ливонии, Разнузданные пиры, окруженные нищими и калеками замки, полные роскошных вещей и хорошей еды.

Тильман Анверский описал нравы высшего орденского духовенства, окруженного наложницами и незаконными детьми.

Раздираемая протестантизмом Риги, Ревеля, Мемеля... всех крупных торговых городов, Ливония судорожно ищет, куда бы ей прислониться. А союзников — нет, и неудивительно. И Польша, и Великое княжество Литовское, и Новгород, и Московия только ждут, когда можно будет поживиться за счет издыхающей Ливонии.

Сначала чаша весов склоняется к Польше. Потом пересиливает страх перед Польшей, потому что она пытается заключить договор с Литвой, а значит растет и усиливается, грозит проглотить бедную Ливонию.

С Московией заключается договор 1551 года, которым Ливония фактически ставит себя в положение вассала.

Но в 1557 году Сигизмунд-Август II, король Польши и великий князь литовский, вмешался в борьбу между Ливонским орденом и архиепископом Рижским и заставил заключить в Посволе военный союз между Литвой и Ливонией.

Разумеется, этот договор категорически противоречил договору с Московией 1551 года.

И тогда по приказу Ивана IV Адашев попросту отыскал предлог. На основании договора 1551 года Московия потребовала от Дерптского епископства уплаты дани. Когда-то ливонские землевладельцы спорных областей между Ливонией и Псковом должны были вносить 10 фунтов меда с каждого владельца. Потом, с исчезновением лесов, должны были платить деньгами.

Долг был давно забыт. Долг был не Москве, а Пскову.

Но какое это имело значение? Царь Иван хотел воевать, и плевать он хотел на законность. Годилось все, годились любые предлоги, лишь бы воевать. Московия вспомнила об этой дани, начислила большую пеню за все годы. Епископ Дерпта затягивал переговоры, как только мог, надеясь на помощь от германских князей.

— Если вы не хотите дать денег царю, царь сам придет за ними, — по легенде, так сказал посол Ивана IV, боярин Терпигорев.

В конце 1558 года войска Московии вошли в Ливонию.

Во главе армии стоял казанский хан Шах-Али, и в основном армия состояла из казанских татар и черемис. Воеводами были еще Михаил Васильевич Глинский и Даниил Романович, брат царицы Анастасии, но не они правили бал.

Армия вторглась на 200 верст в глубь страны, практически не встречая сопротивления, и собрала огромные материальные ценности. 11 мая штурмом взята Нарва, 19 июля — Тарту.

Ливонские немцы деморализованы, не готовы к войне, боятся и не хотят воевать. Фюрстенберг собрал всего 8000 человек и поручил командование своему помощнику Кеттлеру (вспомним фамилию одного из героев Сенкевича).

Но войска отступают, крепости сдаются очень легко.

«Везде царило малодушие и предательство», — по словам летописца.

Орден обращается к Дании и Швеции за помощью.

Но Швеция вышла из тяжелой войны с Московией 1554—1557 годов, а во время этой войны Ливония ее фактически предала — вышла из войны, заключив мир с Московией через голову союзника. А Московия даже отказалась вести переговоры «на высшем уровне», вела их через новгородских воевод, нанеся Швеции тяжелое оскорбление.

Дания претендовала в основном на острова и побережья и логично полагала, что при развале ордена и так все получит, без военных действий с Московией.

После Шах-Али в Ливонию вторгается армия Петра Ивановича Шуйского. Этот меньше режет, порой прекращает уж совсем страшные зверства, но проводит политику планомерного, регулярного ограбления. В Дерпте у одного только купца Тизенгаузена «обнаружили» 80 000 марок золотой монетой. Общие же суммы «обнаруженного» в Ливонии

считать надо на миллионы. Шуйский по-своему прав: население уже и так напугано, а грабить надо планомерно, аккуратно, а не как эти дикие, не знающие цивилизации татары. Шах-Али и он — это как два сменяющих друг друга следователя, злой и добрый.

В мае 1559 года, под угрозой крымских татар, Иван пошел на перемирие, но уже 2 августа 1559 года князь Андрей Курбский разбил одним ударом всю ливонскую знать под Феллином и захватил всю верхушку ордена в городе, вместе с Фюрстенбергом. Всех их отправили в Москву.

По одним данным, пленных водили по Москве, избивая железными палками, подвергли страшным пыткам, убили и бросили на съедение зверям и птицам.

По другим данным, Фюрстенберг был пощажен и ему дали землю в Ярославской области. В 1575 году он в письме к брату сообщал, что у него нет оснований жаловаться на свою судьбу.

При первом же ударе Ливония, этот пережиток средневековья, разлетелась вдребезги, и, казалось бы, самое время ее попросту оккупировать. Но, во-первых, Ливония вовсе не хочет под руку московского царя. Как ни трудно рыцарям униженно просить о помощи поляков, а приходится. Богатые же приморские города, принявшие протестантизм, не хотят ни московитов, ни поляков, а хотят под власть шведского короля.

Во-вторых, сами великие державы Европы приходят в движение, стремясь поделить лакомые куски.

В 1558 году король Дании Христиан отправил посольство в Москву и потребовал «возвращения» Эстонии (у ордена, замечу, Дания не требовала «исторической справедливости»). «Мы имеем больше прав на Эстонию. Ярослав Мудрый завоевал ее пятьсот лет назад и всю покрыл православными монастырями», — ответил Иван IV. После чего продолжал покрывать Эстонию развалинами, не позволяя всем другим делать так же.

Сигизмунд Август действует, не посылая посольства.

В 1560 году виленский воевода Николай Радзивилл Черный во главе своей армии появился у Риги и объявил о принадлежности всей территории Ливонии Великому княжеству Литовскому. За спиной Литвы стоит Польша, готовая помочь всей силой своего шляхетства.

Последний гроссмейстер и военачальник ордена Кеттлер прослыл у немцев предателем, но, простите, что было ему делать? Из двух зол он выбирал самое меньшее, какое было в его силах.

21 ноября 1561 года он как глава Ливонского ордена признал соединение Ливонии и Литвы. Став герцогом Курляндским, Кеттлер 5 марта 1562 года отдал Радзивиллу свою крепость, крест гроссмейстера, ключи от рижского замка и мантию.

Тогда же происходит на первый взгляд малозначительный эпизод. В 1561 году в Ревель поляки ввели свой гарнизон. А шведы вооружили местных немцев и вместе с немецким городским ополчением разбили и выгнали польский гарнизон прочь. Тем самым 4 июня 1561 года были заложены основы польско-шведских войн, продолжавшихся всю первую половину XVII столетия.

А заодно стало очевидно, что и Литве не позволят «так просто» прикарманить всю Ливонию. «Теперешняя Ливония как девица, вокруг которой все танцуют», — сказал кто-то из современников. Все верно, только вот слово «девица» предполагает и честь, и сохранение какого-то личного достоинства, и право соглашаться и отказывать. Тогда уж — публичная девка.

Впрочем, с 1561 года Ливонии больше нет. И война, и сама история закончились для этого государства. Иван IV бросает свои войска уже против Великого княжества Литовского.

В 1563 год удастся взять Полоцк, но уже 26 января следует поражение на р. Улле, 2 июля 1564 года — поражение под Оршей.

А 26 апреля 1564 бежит в Литву воевода из Дерпта, князь Андрей Михайлович Курбский. Тот самый, что пленил всю верхушку ордена и фактически кончил войну.

Андрей Михайлович Курбский (1528—1583) происходил из смоленско-ярославской

линии Рюриковичей и был когда-то «другом» царя и влиятельным членом «избранной рады».

Когда боярин или князь отъезжал из Литвы в Московию — это целое государство уходило из состава Литвы в состав Московии. Потому что разрывались отношения вассалитета. Теперь у вассала появлялся другой сюзерен — и вся страна входила теперь в состав другого государства.

Если бежит подданный, естественно, он уносит с собой только то, что может унести на себе. Князь Курбской не только не принес ничего с собой, но польский король и великий князь Литвы дали ему новые владения в компенсацию оставленного в Московии: Кревскую старостию, десять сел с 4000 десятин земли, город Ковель с замком и 28 сел на Волыни.

Ничем особенным князь Андрей себя не прославил.

Воевал на стороне Литвы и Речи Посполитой, в том числе и с Московией, но подвигов, подобных моментальному окончанию войны, больше никогда не повторил.

Бегство Курбского — только первое из событий такого рода. До сих пор ручеек людей тек как раз в другую сторону: православные бежали в Московию. Теперь уже вместе с Курбским бегут по одним данным несколько сотен, по другим — несколько тысяч бояр и дворян со своими ратными людьми. А поток только нарастает! В основном бежали люди как раз того слоя, на который опирался Иван IV (и его отец и дед), — служилая мелкота. Знатный человек был исключением в потоке беженцев. Знать надеялась «пересидеть», выжить, договориться, использовать свою родовитость. У дворянства таких шансов не было. Бежали горожане, зажиточное крестьянство. Бежали целыми семьями, целыми ватагами. Земля лежала разоренная, на сотни верст пустая. Между освоенными землями оставались огромные участки непроходимых лесов. Если попытки остановить беглецов и делались, особого смысла они изначально не имели.

В конце 60-х годов XVI века наш главный герой Иван IV всерьез рискует остаться в положении Карабаса Барабаса, от которого убежали все куклы.

Да еще приходит в действие другая сила. В 1569 году турки идут под Астрахань. В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей нападает на Русь, захватывает Москву. Татары — это далеко не литвины и не поляки! Число убитых называют разное — от 50 тысяч до 500. Колоссальное различие в оценках доказывает одно: никто, как всегда, не считал.

Москва выгорела полностью, и только одно обстоятельство позволяло ее быстро восстановить — обилие пока не вырубленных лесов в верховьях Москвы-реки. Материальный и моральный ущерб просто не поддается описанию.

При подходе татар Иван IV бежал в Серпухов, потом в Александровскую слободу и, наконец, в Ростов.

Хан писал Ивану: «Я разграбил твою землю и сжег столицу за Казань и Астрахань! Ты не пришел защищать ее, а еще хвалишься, что ты московский государь! Была бы в тебе храбрость и стыд, ты бы не прятался. Я не хочу твоих богатств, я хочу вернуть Казань и Астрахань. Я знаю дороги твоего государства...».

Иван IV вступил в переговоры и слал письма, полные смирения, предлагал ежегодную дань. Предлагал посадить в Астрахани одного из сыновей Менглы-Гирея, но как вассала Москвы, под контролем боярина. Словом, вел себя психологически правильно, играл хорошо.

В 1572 году Девлет-Гирей понял, что Иван тянет время, и опять двинулся через Оку, но уже в 50 верстах от Москвы, на берегу речки Лопасни, столкнулся с войском Михаила Ивановича Воротынского. Хан отступил, а Иван отказался ото всех уступок и уже не унижался перед ним, а слал издевательские письма.

Михаил Иванович Воротынский тут же попал под «следствие»; из него выжималось «признание» в очередной «измене», и в 1573 он умер под пытками.

Историческая логика давилни, или Удавление Европы. Про опричнину

Царь Иван хотел бы продолжать войну.

А всякие, говоря современным языком, оппортунисты, не хотели. Или хотели вести военные действия не так энергично. Даже члены «избранной рады» — Адашев, Сильвестр, Курбский — не так уж рвались воевать. Может быть, именно потому, что знали, что такое война?

Переход на сторону Литвы князя Курбского и множества последовавших за ним людей тоже наводил на размышления. Ливонский орден — это ладно... Ткнули его, и он рухнул. Но стоило вмешаться в дело Литве, и тысячи русских людей перешли на сторону неприятеля. Как их остановить? Что противопоставить соблазну шляхетской жизни в Литве?

В начале 60-х годов XVI века царь-батюшка вступил в конфликт с боярами и изволил «опалиться» на многих князей и бояр. Опала означала прекращение отношений царя с подданным и могла повлечь самые разные последствия: от запрещения являться при дворе до суда, тюрьмы и смертной казни. Чаще всего опала была предупреждением, угрозой о возможных репрессиях.

Тут опасность репрессий нависла над доброй половиной московитского общества.

Назрел конфликт воли одного, возглавляющего покорную, нерассуждающую систему, подобную пирамиде. И общества, опиравшегося на не всегда четко осмысленный, но надежный коллективный опыт.

Некоторые историки связывают начало опричнины со смертью двух людей: митрополита Макария, с которым Иван все-таки считался, и его первой жены Анастасии. От чего умерла Анастасия, до сих пор неизвестно. У молодой женщины внезапно хлынула горлом кровь, когда они с Иваном ехали в карете. Иван был до конца дней своих убежден в отравлении. Во всяком случае, Анастасия тоже умела останавливать вспышки ярости Ивана.

Может быть, исчезновение этих двух людей и впрямь было камнем, увлекшим за собой лавину. Как знать?

Опричнина началась в декабре 1564 года, когда царь-батюшка изволил уехать из Кремля в Александровскую слободу, а 3 января 1565 года заявил о своем отречении от царства из-за «гнева» на бояр, детей боярских, дворян, приказных людей, духовенство... одним словом, на все остальное население страны.

Явившаяся к нему депутация вынуждена была принять идею опричнины... Да и куда бы они делись? Отказались бы, и их зарезали, а назавтра пригнали бы новых.

Идея опричнины проста: вся территория Московии разделялась на земщину, где действовали обычные, прежние органы власти. И на опричнину, на все, что «оприч»; на области, где правит только лично царь.

При этом к опричнине отошли почему-то как раз те области, где находились вотчины бояр и князей (Можайск, Вязьма, Ростов, Козельск, Перемышль, Медынь, Белев).

Боярская знать переселялась оттуда в другие места, в земщину. Мало того, что «три переезда равны одному пожару», так еще рвались старые, традиционные связи князей и земель. Земли утрачивали самобытность, историю, специфику. Все, что служило хранилищем исторической памяти, превращалось просто в фонд земель, служащих для извлечения доходов и прокормления служилых несслужилыми.

Князья становились тоже просто так, одним из лиц в толпе слуг государевых, уравнивались в бесправии с самыми захудалыми холопами. Да и зачем им что-то иное, если личность ничто, а «коллектив» — страна, народ, государство — это все? Пустой соблазн только, не более того.

Земли в опричнину выделены очень не случайно. Это земли, имеющие с Литвой, с остальной Европой, во-первых, устойчивые экономические и культурные связи. Во-вторых, в которых медленно, но шел процесс складывания элементов общества, во многом подобных европейским.

Теперь европейские элементы были поставлены под контроль государства и лично царя или подлежали уничтожению.

Разгрому подвергались и независимые от государства собственники: что бояре, что свободные крестьяне-общинники, которых опричники силой делали своими крепостными, «вывозили» в свои поместья.

Опричный террор был направлен против трех категорий населения:

1. Против «старого» боярства, которое блюло традиции времен Киева и Новгорода и выступало за автономию земель от верховной власти;

2. Против тех служилых людей и бояр, которые хотели в Московии западного, шляхетского устройства.

3. Против всех элементов общества, которые существовали независимо от власти — как хотя бы лично свободные крестьяне. А непосредственные слуги государевы, как называет их почтенный справочник, «прогрессивное войско опричников» [88], сложилось из двух групп населения: из дворян и из уголовников. Из дворян — понятно почему... но и про уголовных — понятно. Потому что даже из дворян и бюрократов и дворян, верной опоры Ивана, далеко не всякий стал бы по доброй воле надевать рясу с капюшоном, прицеплять к луке седла метлу и отрубленную собачью голову (ну и воняло же от них!): знак собачьей преданности царю и готовности выметать вон крамолу. В народе опричники быстро получили определенное название «кромешники», то есть как бы существа, вырвавшиеся из кромешной тьмы преисподней.

Среди кромешников оказались и люди из верхушки дворянства, согласные на все карьеры ради. Все тот же Григорий Скуратов-Бельский (Малюта), князь А. И. Вяземский, боярин А. Д. Басманов. А были и совершенно фантастические, невесть откуда взявшиеся личности, вплоть до типов откровенно уголовных и до приبلудившегося немца Генриха Штадена.

Цель опричнины была проста — выжигать крамолу. Для того с земщины взят был разовый налог в 100 тысяч рублей.

Для того опричников щедро жаловали землей, казной и людишками. И для того земщина была отдана в полнейшую власть опричнины. Называя вещи своими именами, речь шла об экономическом и физическом уничтожении всех, кто не нравился царю (а ему почти никто не нравился).

Общее число истребленных в опричнину вряд ли будет названо когда-нибудь — разве что на Страшном суде. Историки называют цифры от 70 до 200 тысяч человек. Это — непосредственно тех, кого пытали и убивали. Для поддержания опричнины и ведения Ливонской войны вводились непосильные налоги, выжимавшиеся пытками и казнями.

Повинности крестьян возросли, опричники вывозили их из земель опальных бояр «насильством и не до сроку». Люди болели, голодали, разбегались. Не менее миллиона людей умерли с голоду и от мора, столько же бежали на окраины страны или в Литву.

Трудно сказать, достиг ли Иван Грозный своей цели, уничтожив более 3 тысяч князей и бояр — большинство вместе с семьями. Осталось-то ведь не меньше, и «окончательное решение боярского вопроса» не состоялось.

С другой стороны, несколько покушений на Ивана были предотвращены... Хотя, справедливости ради, все известные покушения — чистейшей воды акты отчаяния, когда после истязаний, гибели близких обезумевшие люди бросались на Людоеда Бесноватого.

До сих пор как-то неясно, существовал ли в 1569 году заговор с целью выдать Ивана Грозного польскому королю. Грандиозный боярский заговор во главе с двоюродным братом царя князем В. А. Старицким или это все же выдумка опричников, доказывавших свою нужность. На этом «деле» выдвинулся Григорий Скуратов (Малюта), а это само по себе очень и очень подозрительно.

Вполне определено, что не было никакого заговора князя Воротынского и что только один человек был виноват, что войска Девлет-Гирея ворвались в Москву, — московский царь и великий князь Иван IV. Все остальные — невиновны.

Так же ясно, что не было никакой крамолы и измены в Новгороде, а были там разве что богатства, которые хотели захватить опричники.

Известно, что не был ни заговорщиком, ни колдуном боярин И. П. Федоров, по делу которого казнено более 400 человек, в том числе его крестьян. Знали-де, что колдун, а молчали!

Многие вещи вообще невозможно понять никакими государственными интересами.

На Земском соборе 1566 года группа дворян подала челобитную с просьбой об отмене опричнины. Все они были казнены страшными казнями.

Недовольство опричниной выразил митрополит Афанасий. Ему повезло — он покинул престол 19 мая 1566 года.

Новый митрополит пытался утихомирить Ивана и был задушен лично Малютой Скуратовым.

Многие вещи вообще выходят за пределы понимания психически нормального человека. И случайность выбора жертв казней, под конец жизни Ивана IV доходящая до откровенного безразличия, кого пытаться и за что. Для Ивана IV, начинавшего с собак и кошек, все в большей степени важен был процесс сам по себе.

Психически нормальному человеку трудно понять, как можно плясать под крики людей, пожираемых в яме специально прикормленным человечиной медведем-людоедом.

Трудно понять садистскую игру с женами и дочерьми казненных, которых то пугали, то давали тень надежды, постепенно доводя до безумия. Огромный «репертуар» пыток и казней, гурманский перебор вариантов: что попробуем на этот раз?!

И не только об одном царе речь. Если людей жарили живьем на сковородках, то ведь кто-то же делал эти сковородки и прекрасно знал, зачем он их делает? То же касается и металлических крючьев для подвешивания, и металлических решеток, устанавливаемых над кострами, и специальных копий с крючьями, чтобы вырывать внутренности, и много другого в том же духе.

И существовало множество людей, десятки тысяч, которые производили все эти снаряды, необходимые для развлечения царя, использовали их и даже похвалялись друг перед другом, что хорошо умеют.

Число кромешников возросло с 1000 до 5—6 тысяч людей и готово было еще расти, когда царь отменил опричнину. Но ведь эти люди никуда не исчезли! Они продолжали жить и «трудиться» на московской Руси, занимали в обществе высокое положение и несли свои представления в более широкие слои.

Существовало, действовало, разрасталось огромное общество, в котором садизм был попросту бытовой нормой.

Жизнь в таком обществе с самого начала требовала отбора патологических типов. А если даже вполне нормальный человек и попадал в него, он тоже хоть немного, но должен был повернуться рассудком, чтобы оставаться в рядах кромешников.

Шел широкомасштабный, охватывающий десятки, если не сотни тысяч людей противоестественный отбор.

А о воздействии на общественные нравы, на представления о приличиях и т.д. я просто вообще умолчу.

Мне легко могут возразить, что чудовищная жестокость суда и казней характерна не только для Московии и что горожан, «наслаждающихся» зрелищем казни, можно было найти и в Париже, и в Риме. Несомненно! Разница, во-первых, в масштабах. Все-таки не везде изготавливались огромные сковородки и десятки крючьев для людей. Во-вторых, в Московии каждый или почти каждый и в любой момент мог оказаться в роли жертвы. А это очень изменяет нравы.

Нет, я несколько не сомневаюсь, что царь Иван IV Грозный не был вполне вменяемым человеком. Тяжело искалеченный с детства, к зрелым годам он впал в тяжелую душевную болезнь и был попросту опасен для окружающих. Но тут возникает два очень важных вопроса, и я намерен последовательно задать их:

1. Как же получилось, что больной человек занял такое место в обществе? Как допустили его до власти?

Почему не отстранили сразу же, как только стали очевидны его патологические наклонности? Как только он стал опасен для окружающих?

Ответ на это может быть только один: потому же, почему Салтычиха была остановлена только после смерти ста пятидесяти человек. Почему Шеншин вообще не был остановлен? Ведь разницы, по существу, нет: вопрос только в масштабе явления.

В истории уже не Московии, уже Российской империи был период, когда дворянство было свободно, уже не в рабстве, а крестьянство и все простонародье оставалось в потемках крепостничества. С эпохи Екатерины по 1861 год продолжалось это, и русские писатели XIX века проклинали крепостничество. Тогда родились и «Записки охотника», и знаменитая формула про «все рабы». Но эти писатели принадлежали даже не к третьему непоротому поколению дворян, а к четвертому и к пятому. Если об Иване Тургеневе этого, увы, никак нельзя сказать, так ведь свою «поротость» он и переживал так трагически, потому что уже был исключением. А для окружающих его изуродованная душа была и предметом самого горячего сочувствия, и прекрасной иллюстрацией, как ужасно истязание людей и вообще крепостничество.

Было ли в Московии XV, в XVI веке свободнее, лучше, благороднее? Конечно, нет. Было еще более глухо, страшно, отвратительно — хотя бы уже потому, что рабство существовало не только для мужиков. Оно поднималось в самые верхи общества, вплоть до царского дворца.

Это рабство было естественнее, органичнее, потому что никто не сомневался в его разумности и справедливости.

Никто не бегал, хватаясь за голову. Никто не стонал:

«Господи, а что же делается? Что же за страна у нас такая?! Сверху донизу... Сверху донизу все рабы!». Более того, для москвитя все было не только естественно, но и неким проявлением Божественного устройства. Безобразие не только не замечалось, не только клеймилось, как безобразие. Оно было символом избранничества, превосходства.

Чтобы человеку «открылось, может быть, самое страшное в крепостном праве — проникновение его в самую плоть и кровь людей, примирение с ним, которое заставляет — особенно при отсутствии кровавых истязаний или обмена людей на породистых гончих — смотреть на крепостничество, как на обыкновенное житейское дело» [89]. Чтобы думать «об этом рабстве, тихо, невидно, но насмерть калечащем человеческие судьбы», нужно самому находиться вне этого самого крепостного права.

Во времена Ивана IV в Московии таких людей не было.

Разве что иностранцы, но о них другой разговор.

2. Второй вопрос: что во всем этом безумии, в вакханалии террора, просто сумасшествии одного, но занявшего особое место человека или нечто большее?

Иван IV ввел опричнину в 1565 году, и продержалась она в общем-то немного: до 1572. По своему существу опричное войско и мало отличается, и ничем не лучше и не хуже «избранной рады». Тот же принцип отбора тех, кто вызвал доверие у царя.

Если все это имело смысл, то какой? Попробуем понять, в чем этот смысл?

Идеология безумия

Знаменитая переписка А. М. Курбского может стать темой особой книги. Отмечу главный камень преткновения: для Андрея Михайловича в неограниченном самодержавии видится некий вызов, перебор, присвоение человеком полномочий Господа Бога. Потому во времена «избранной рады» находит он идеал, от которого дерзко отступает царь, повторяя грех сатаны, взявшего на себя слишком много: «...яко Сатана, Богу себя возомнивший» [90].

Но ведь Иван IV и правда считал себя богом для своих подданных! И совершенно не считает, что это плохо.

Мало того, что, по мнению Ивана, Курбский и должен был поклоняться ему, как Богу. Но все вообще государи, которые правят иначе, признает он, как бы и не настоящие:

«Понеже те все царствами своими не владеют; како им повелят работные их, тако и владеют».

Стоит привести отрывок из письма Ивана IV английской королеве Елизавете (1570 год): «А мы чаяли того, что ты на своем царстве государыня и сама владеиш своей государьской чести смотриш, и своему государева прибытка... Ажио у тебя мимо тебя люди владеют, и не только люди, но мужики торговые, и о наших о государьских головах и о честех и о землех прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица» [91].

Многим можно восхититься в этом письме хотя бы оборотом: «Не только люди, но торговые мужики». Право же, в Московии ужасно не хватает дона Тамэо: «Дабы вонючие мужики...», — фразеология та же. Становится куда понятнее, почему Московия запустела к концу правления Ивана. Но просматривается и идеология.

Иван IV органически не принимал светского государства, в котором у людей есть права и свободы. Государства, в котором важны общественные интересы, а не блажь одного человека. Над шведским королем, «старостой в волости», он изволил всячески издеваться. Сигизмунд тем более был постоянным объектом насмешек. Идеалом и естественным местом обитания для него была деспотия восточного типа, в которой дела государства санкционированы церковью, а монарх — что-то вроде полномочного представителя Господа Бога на земле.

Государственная бюрократия и дворяне (дворня) — опора такого государства, где нет граждан, нет вассалов, а есть только подданные.

Московские князья требовали беспрекословного подчинения и покорности и имели практически неограниченную власть. Не только простолюдин, но и боярин и князь должны быть «холопами государевыми», и в этом — вовсе не утрата прав или какие-то иные глупости, а высший государственный смысл.

И при этом совершенно неважно, КАКОВ сам государь...

Вот ведь удобство-то! Подданный может быть сколь угодно умен, опытен, достоин, совершенен. Великий князь московский может быть сколь угодно туп, бесчестен, лично ничтожен, ублюдочен, отвратителен. Но дело подданного — служить князю-ублюдку, как он служил бы самому Господу Богу, терпеть любые его качества и исполнять приказы, любые, в том числе и самые идиотские.

Какая удобная идеология!

Эпопея первопечатника Ивана Федорова, или Кое-что о русском книгопечатании

Называть его первопечатником могли только в Московии. Вероятно, не знали, что официальной датой начала книгопечатания считается 1455 год — Иоганн Гутенберг выпустил первую печатную Библию. Демон книгопечатания выпорхнул из бутылки, и печатные книги стремительно завоевывали Европу. В 1465 году они появляются в Италии, в 1468 — в Чехии и Швейцарии, в 1469 — в Голландии, в 1470 — во Франции, в 1473 — в Польше и Венгрии, в 1474 — в Испании и в Бельгии, в 1477 — в Англии.

Конечно, это печать латинскими буквами, но и начало русского книгопечатания относят к 1491 году, когда в Кракове Швайпольтом Фиолем выпущены первые книги кирилловского шрифта.

А после Ш. Фиоля был еще и Франциск Скорина, сын купца из Полоцка. Этот Франциск Скорина мало того, что печатал книги на церковно-славянском и на русском языках, так еще и имел ученые степени! В 1504 году получил степень бакалавра философии в Краковском университете, в 1512 году в Падуанском университете, в Италии, сдал

экзамены на степень доктора медицины.

А за 1517—1519 годы Франциск Скорина издал в Праге 19 отдельных книг Библии, в том числе выпустил «Пражскую псалтирь» на славянском языке и «Библию русску» — свой перевод с церковно-славянского на русский язык.

В 20-е годы XVI века Скорина переехал в Вильно, где на средства, получаемые им от русских, членов виленского городского самоуправления, издал «Малую подорожную книгу» и «Апостол» на церковно-славянском языке.

По некоторым данным, Франциск перешел в католицизм.

Это не достоверно, но если даже Скорина жил и умер православным (что маловероятно — последние годы он провел в роли придворного врача и садовника короля Карла в Чехии), дело мало меняется. Сторонник веротерпимости и просвещения, старавшийся быть другом для всех, он последовательно ставил задачу просвещения всего народа: «своей братии Руси». Всей Руси.

Московский же первопечатник пришел после него и был первым только для Московии. Иван Федоров. Иван Федоров Москвитин. Родился где-то около 1510 года (Скорина уже учился в Италии) и, конечно же, никакого систематического образования не получил. Начинал как дьякон церкви Николы Гостунского в Кремле. В 1563 году открыл типографию вместе с Петром Тимофеевичем Мстиславцем.

Есть основания полагать, что именно Мстиславец, уроженец Западной Руси, принес саму идею книгопечатания на Московию.

Но и в этом случае — талантливый он был человек, Иван Федоров! Сам разработал печатный шрифт — на основе московского полуустава, которым писали писцы официальные документы. Стандартный почерк, стандартная величина буквы, стандартизированные приемы писцов помогли Ивану Федорову создать так называемый старопечатный стиль.

В марте 1564 года был напечатан «Апостол»: обильно орнаментированная, роскошная книга. В 1565 году вышло два варианта «Часовника».

В Московию печатная книга приходила с опозданием в полвека. Скажу откровенно, я плохо знаю, какие претензии возникли к Ивану Федорову со стороны официальной церкви. Но возникли. И в 1566 году Федоров и Мстиславец бежали в Литву. И там их союз распался. Мстиславец на средства купцов Мамониной стал печатать книги в Вильно.

А Федоров по предложению гетмана Г. А. Ходкевича основал в его имении в Заблудове типографию и в 1569 году напечатал «Евангелие учительное», в 1570 — «Псалтирь».

Позже он переехал во Львов, основал новую типографию, издал в 1574 году «Азбуку» с грамматикой — первый русский печатный учебник и новое издание «Апостола» со своим послесловием «Повесть... откуда начаса и како сверится друкарня сия».

Чуть позже принял Иван Федоров предложение князя К. К. Острожского об основании типографии в Остроге и выпустил там «Новый завет» и «Псалтирь» в 1580, «Хронологию» Андрея Рымши и первую полную славянскую библию — «Острожскую библию» в 1581. Он же выпустил первый в мире книжно-предметный указатель: «Книжка, собрание вещей нужнейших». Вот тут он был и правда первым!

Умер первопечатник во Львове, похоронен в Онуфриевском монастыре. В католицизм не перешел.

Он был действительно прекрасный мастер, знавший и любивший свое дело: прекрасные шрифты, множество гравированных на дереве украшений, заставок, концовок, заглавных букв, изображений Луки и Давида. Книги украшались гербами Ходкевича, Острожского, города Львова, а также издательским знаком самого Ивана Федорова. Все издания снабжены предисловиями издателей и послесловиями, написанными самим Федоровым прекрасным разговорным русским языком.

Он был очень разносторонний мастер. Уже на Западной Руси изобрел многоствольную мортиру, отливал пушки.

Глава 20 МОСКОВИЯ: ЯВЛЕНИЕ МИРУ 1568—1598 ГОДЫ

Итог войны

В 70-е годы XVI века, изо всех сил подхлестывая уже зашатавшуюся, уже предельно изнуренную Московию, Иван бросается на Ливонию, захватывая ряд важных опорных городов: Пернов (Пярну), Венден, Пайду и Другие.

В 1577 году московитская армия не смогла взять Ревеля, но последний раз захватила большую часть ливонской территории. Был захвачен в плен маршал Гаспар фон Мюнстер, которому тогда уже за шестьдесят, ослеплен и бит кнутами, под кнутами и умер.

Военачальников других городов сажали на кол, разрубали на части. В Амерадене можно было в течение 4 часов слышать крики сорока девушек, которых московиты насиловали в саду.

А тем временем, пока московиты тешились своей последней страшной пляской в Ливонии, в Речи Посполитой произошло событие, которое царь Иванушка, по свойственному ему уму и учености, не считал нужным принимать всерьез: в 1576 году королем Речи Посполитой избран трансильванский (румынский) господарь Стефан Баторий.

Яркий, интересный человек был Стефан Баторий. Человек, сочетавший в себе качества великолепного политика, умелого воина и щедрой, душевно здоровой личности. Человек с широкой, обаятельной улыбкой, умевший вместе с тем рявкнуть и хрястнуть кулаком по столу так, что подсакивали рюмки на столе и своевольные польские вельможи перед столом, за которым закусывал Стефан Баторий. Речи Посполитой нужна была сильная рука, нет слов. И этому государству очень повезло, что ее державу взяла рука рыцаря, а не полусумасшедшего развратника.

В 1579 году Стефан Баторий, получив необходимые средства от сейма, начал наступление на Полоцк и быстро взял город. Допустим, это был еще город Литвы, только захваченный Московией. Верно! Но Стефан Баторий тут же пошел на Великие Луки и тоже захватил город после нескольких сокрушительных штурмов. Тут-то и возникла резня в городе, когда венгры не пощадили даже монахов, и Стефану Баторию пришлось останавливать резню лично.

На поражение Иван реагирует в уже знакомом духе: он пишет письма виленскому воеводе, уже знакомому нам Николаю Радзивиллу и канцлеру Литвы Воловичу, где объясняет, что отказался от защиты Полоцка из соображений гуманности, не желая кровопролития, и надеется, что они поступят так же.

Стоит вспомнить его переписку с Девлет-Гиреем! Но и здесь он так же виляет, льстит, подличает и лжет.

Тогда же за войском Батория начинает ездить посольство Московии, предлагающее отдать Литве две трети Ливонии (65 городов, а 35 оставить у Московии) и все время готовое на новые и новые уступки. Баторий просто не обращал на него внимания.

Тогда же Иван пытается вступить в переписку уже с самим Стефаном Баторием, о котором много раз отзывался крайне пренебрежительно. Даже когда Баторий согласился принять послов Ивана и обсуждался церемониал, Иван не утерпел: послы должны были сказать, что Иван-де «государь не со вчерашнего дня». А коли спросят, что послы имеют в виду, следовало ответить: «Кто государь со вчерашнего дня, тот и знает, что имеется в виду».

Баторий готов был пропустить мимо ушей оскорбление, но окружение короля Речи Посполитой настояло на подробном ответе.

Письмо Батория сохранилось, и все оно, от первой до последней страницы, — плевок в физиономию Ивана. Помянув преступления армии Ивана в Ливонии, убийства им своих же людей, бегство московитов в Литву, Стефан Баторий прямо обвиняет московита в трусости. «И курица прикрывает птенцов своих крыльями, а ты, орел двуглавый, прятаться!» — писал

Баторий. И вызвал Ивана на поединок, на дуэль.

Здесь я вынужден констатировать факт: никто в мире Ивана IV не уважал. И грозным он не был ни для кого, кроме своих замордованных подданных. Я привел фрагменты из писем крымского хана, теперь — польского короля, и вы сами видите, что мнение мусульманина полностью совпадает с мнением рьяного католика. Константинопольский патриарх, кстати, тоже высказался об Иване, как о человеке «лживом, слабом и нечестивом», и не случайно патриаршество на Московии ввел только Борис Годунов, в 1589 году.

А что говаривал об Иване IV Николай Радзивилл, на бумаге не воспроизводимо; если я и напишу, все равно редактор вычеркнет. Так что православные Западной Руси были об Иване точно такого же мнения, как мусульмане и католики.

Презирал Ивана, без преувеличения, весь мир.

Ах да! Насчет вызова на поединок. Ну конечно, Иван в очередной раз перетрусил.

А Стефан Баторий со своей армией — 7—8 тысяч поляков и венгров, 10 тысяч литвинов — в 1581 году осадил город Псков и вовсе не скрывал намерения идти на Новгород и на Москву.

Иван Грозный собирает армию ни много ни мало в 300 тысяч человек. По крайней мере, таковы планы; в реальности собрать такую армию, конечно, невозможно. Кстати, население Московии в то время — порядка 4—5 миллионов человек, а Речи Посполитой — 7—8. Как видно, пропорция говорит сама за себя.

В это же время, загребая жар чужими руками, пошла делать захваты Швеция. Раньше она поставила гарнизоны только в городах, где жили протестанты-единоверцы, где можно было рассчитывать на поддержку. Теперь же Швеция воспользовалась случаем, вторглась в населенные православными области, захватила Нарву, Корелу, всю Ижорскую область.

1582 год ознаменовался двумя событиями: царь Иван совершил еще одно убийство — на этот раз уже взрослого сына, Ивана. То самое, что изображено на картине И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

И второе важное событие 1582 года: Московия все-таки вымолила у Речи Посполитой... ну, не мир, но уж хотя бы перемирие. Стефан Баторий согласен был на перемирие, чтобы подготовиться к настоящей войне. Ям-Запольское перемирие на 10 лет, по которому восстанавливались прежние границы между Московией и Великим княжеством Литовским, а в Ливонии Московия не получала совершенно ничего.

Разоренная страна физически не могла воевать, как бы ни хотел этого ее полусумасшедший властелин. И тогда со Швецией тоже подписали Плюсское перемирие 1583, по которому Московия признавала за ней Ям, Копорье, Ивангород, Ижорскую землю — в общем, все сделанные шведами захваты, и в Ливонии, и в Северо-Западной Руси.

Здесь уместно напомнить, что полузабытая Ливонская война изменила карту Европы не меньше, чем наполеоновские войны или Вторая мировая. Благодаря в первую очередь ей, с карты Европы исчезло три государства: Ливония была разделена, а Великое княжество Литовское и Польша объединились в Речь Посполитую.

А для Московии итоги войны были только отрицательными: полное отсутствие каких-либо приобретений, важные потери на северо-западе. До разорения Новгорода Московия могла торговать с Европой через Новгород. Теперь Новгород был уничтожен опричниками, а от Балтики Московию отрезала Швеция.

Масштаб экономического и социального разорения Московии после войны оказался поистине колоссален.

С 1550 по 1580 год (за тридцать лет) население Московии сократилось примерно на четверть. Не нужно думать, что непременно все погибли. Многие бежали за пределы страны: к казакам на Дон, в Литву, в восточные области, которые формально входили в Московию, но куда длинные руки московского царя фактически не доставали.

Клин пахотных земель тоже сократился на четверть.

Стало меньше хлеба, тем более, что число свободных крестьян-общинников уменьшилось наполовину. А что рабский труд непроизводителен, давно известно.

Урожайность хлеба стала даже ниже и уж по крайней мере не росла.

В 1569—1571 разразился грандиозный голод, причем по всей территории Московии. Раньше голод возникал в одной какой-то области и можно было подвезти хлеб. Теперь голодали везде. Везти хлеб было неоткуда.

Кстати, вот явственное доказательство политической природы голода: в Московии голод был везде: и на черноземах юга, и на подзолах севера, во всех экологических зонах. А в Речи Посполитой голода не было нигде: ни на роскошных черноземах Киевщины, ни в благодатной Волыни, ни на торфяных почвах гомельского и моголевского Полесья.

Так что хлеб, конечно, можно было ввезти из Великого княжества Литовского, но с ним как раз воевали. И в Московии в эти годы дело доходило до людоедства, и погибли сотни тысяч человек.

Но еще страшнее оказался разгром торговли, ремесла, всего городского хозяйства. Большая часть городов Московии была совершенно разорена, во многих и населения почти не осталось. Например, в городе Гдове осталось 14 домохозяйств. Даже в Москве население сократилось втрое.

Исчезли такие мощные самостоятельные центры, как Псков и Новгород.

К концу правления великого князя и царя Ивана IV страна пришла в такое состояние, как будто она потерпела сокрушительное поражение от неприятельской армии, как будто на ее территории велись военные действия, а потом ее долго грабила и вывозила все, что возможно, оккупационная армия. В таком состоянии находилась Германия после Тридцатилетней войны 1618—1648 годов.

Но кто же разгромил страну? Большую часть территории Московии не тронул неприятель. Даже Стефан Баторий не пошел дальше Пскова. Шведы не сунулись даже туда, остались в цепочке приморских городов на Балтике. Более того, совсем недавно в страну хлынул поток материальных ценностей из Ливонии! Куда же все делось?!

Историки давно уже говорят о том, что разгромил Московию ее великий князь и царь Иван IV Грозный. В XVIII веке Карамзин писал об этом еще робко, осторожно. Соловьев — уже откровеннее. Ключевский на рубеже XIX и XX веков — совершенно прямо. Костомаров, меньше связывавший себя с официальной идеологией Российской империи, тоже писал о разгроме, учиненном в стране собственным правительством. И о том, что Смута 1606—1613 годов прямо вызвана действиями Ивана IV.

Князь Щербатов в своем знаменитом сочинении «О повреждении нравов в России» прямо писал, что эпоха Ивана — это время, когда любовь к отечеству «затухла, а место ее заняла низость, раболепство, старание о своей только собственности».

Но действует, действует обаяние Большого московского мифа! Для большинства историков и XVIII, и XIX века все равно важно оправдать политику Ивана, любой ценой извернуться и доказать, что чудовищные жертвы имели смысл. «Критерием Татищева и Ломоносова было национальное могущество России, понимаемое исключительно как ее устрашающий потенциал, а не ограничение власти, не процветание ее интеллекта, не благополучие ее граждан» [92, с. 289].

В его истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастия
Необходимость самовластия
И прелести кнута.

Так писал А. С. Пушкин об «Истории» Карамзина.

И даже убежденный западник Герцен писал, что «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни». И понимает, что «задушила», но ведь продолжает верить, что «спасла». Вот ведь упорство!

Были, конечно, и князь Щербатов, и ехидный Пушкин, и убежденнейший сторонник

русской свободы граф А. К. Толстой, который написал и опубликовал большими тиражами своего «Князя Серебряного» и «Василия Шибанова».

Существовали и учебные пособия, и литературные произведения, в которых Иван IV выглядел весьма непривлекательно, а мнение ученых об его эпохе доводилось до сведения неспециалистов.

При советской власти писать «клевету» на прогрессивного Ивана и оправдывать «реакционных бояр» никто не позволил бы, потому что уже в 1930 году советские историки получили четкое задание ЦК и лично Сталина — найти исторические оправдания репрессиям эпохи Ивана и опричнине!

Даже вторая серия фильма Эйзенштейна «Иван Грозный», в угоду властям сделанная в духе апологетики и всяческого возвеличивания этого мрачного персонажа, не была выпущена на экраны и осуждена в специальном постановлении ЦК ВКП (б). В этом постановлении опричное войско однозначно определялось, как «прогрессивное», а князья и бояре как «реакционные».

«Иван IV не чувствовал себя в безопасности в Москве, покинул столицу и бежал в Александровскую слободу».

«Бояре-изменники хотели сдать Ивана польскому королю, а на престол посадить князя Владимира Старицкого или даже отдать страну польскому королю», — вполне серьезно повествует «Всемирная история» [93].

Удивительное государство — Московия — Российская империя — СССР! И унтер-офицерские вдовы там сами себя секут, и бояре сами виноваты в собственном истреблении...

И до сих пор при всех «разоблачениях культа личности» и при всех идеологических отступлениях от крайностей сталинщины, от «культа Ивана IV» коммунисты отступаются медленно и с неохотой. Даже многие националисты тоталитарного толка солидарны с ними. Ведь осудить сделанное Иваном — значит осудить Русскую Азию и считать скверным то, что она сожрала Русскую Европу.

Мнение Европы

За годы правления Ивана IV с Московией происходит одна удивительная вещь. В начале XVI века она становится все лучше известна европейцам, включается в границы Европы, а к концу как будто снова погружается во тьму полного неведения.

В начале правления Ивана русские воспринимаются довольно благоприятно, и во всяком случае — они хорошо известны.

После разгрома Грозным русские (имеются в виду, конечно, москвиты, а не обитатели Киевщины) становятся не знакомым никому народом, который чуть ли не «открывает заново» Ченслер, открывший Северный морской путь вокруг Скандинавии в Белое море.

Можно приводить множество интереснейших фактов, но гораздо полнее и интереснее освещена проблема в книге А. А. Янова, которая называется: «Происхождение автократии» [92].

И я настоятельно рекомендую любознательному читателю непременно найти эту книгу и прочитать ее.

Но мало того, что страна Московия становится на рубеже XVI и XVII веков «никому не известной». Сам народ начинает оцениваться весьма негативно.

Можно приводить много, очень много высказываний иностранцев, посетивших Московию в XVI и XVII веках.

Одним иностранцам (Маржерету, Олеарию) москвиты скорее нравились. Другим (Смиту, Рейтенфельсу) — скорее нет, хотя пресловутой русофобии я ни у кого не обнаружил.

Эти иностранцы прибывают и из протестантских, и из католических стран, и из крохотной Голландии, и из империи Габсбургов; среди них — недавний «сэр» с

простонародной фамилией Смит и придворный Рейтенфельс. И приبلудный немец Штаден, ставший опричником, и аристократ, посол папы римского, Поссевино.

Очень разношерстная публика написала эти несколько десятков книг [94]. И тем важнее, что во всех этих сочинениях (повторяю — во всех, даже в написанных наиболее благожелательно) нравы народа оцениваются очень невысоко.

«...чванство, высокомерие и произвол составляют присущие свойства всякого русского, занимающего более или менее почетную должность», — свидетельствует Смит.

«...те, кто счастьем и богатством возвышаются над положением простонародья, очень высокомерны и горды, сего они, по отношению к чужим, не скрывают, но открыто показывают своим выражением лица, своими словами и поступками... Они не придают никакого значения иностранцу сравнительно с людьми собственной своей страны...», — поддерживает Олеарий.

«Они отличаются лживым характером... Москвичи считаются хитрее и лживее всех остальных русских...», — вторит Герберштейн.

«...они очень склонны ко злу, — соглашается Барберини. — Сверх того они хитры, лукавы, упрямы, невоздержанны, сопротивляющиеся и гнусны, развращенные, не говоря бесстыдные, ко всякому злу склонные, употребляющие вместо рассуждения насилие...», — продолжает Ульфельд.

«Он (русский народ. — А. Б.) совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах», — пишет Коллинз.

«...крайне ленивы и охотнее всего предаются разгулу до тех пор, пока нужда не заставит их взяться за дело», — Пальмквист.

Высказывания этого рода можно продолжать бесконечно, но, по-моему, и так уже все ясно. Если кого-то опять потянет жевать жвачку про русофобию, рекомендую также книгу Н. М. Костомарова, колорит в которой еще более мрачен [95].

В те времена и в Британии, и во Франции идея равенства женщин могла вызвать разве что взрыв хохота. Но все иностранцы (еще раз подчеркиваю — ВСЕ) удивлялись садистским нравам московитов, избиениям жен и детей, сквернословию, супружеским изменам, бытовой жестокости.

Опять русофобия? Тогда давайте прочитаем кое-что из «Домостроя», написанного духовником Ивана IV Сильвестром. Отмечу только, что «Домострой» изначально предназначался для верхушки общества. Да ведь и христианство тогда гораздо больше укоренилось в верхах общества, чем в простонародье [96].

Стало классическим вспоминать: «Учащай ему раны, и, не жалея сил, бей сына». Менее известно, что Сильвестр особо оговаривает, что бить надо и дочерей (а то вдруг, не дай Боже, кто-нибудь не распространит сказанное про сына, на ребенка вообще, и забудет избить дочку до кровавых рубцов, страшно подумать). И вот: «И за любую вину ни по уху, ни по глазам не быть, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ничем железным или деревянным не бить; кто ...так бьет, многие беды оттого бывают: слепота или глухота, и руку и ногу вывихнут и палец... а у беременных женщин и преждевременные роды. Плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за великую вину и под сердитую руку, за великое и страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря...

Если муж сам не поучает, то накажет его Бог, если же и сам так поступает и жену и домочадцев учит, милость от Бога примет».

«Трудно представить себе большее извращение христианства, чем отвратительный Домострой», — полагал Н. А. Бердяев. Соглашаясь с Николаем Александровичем, я только замечу: в „Домострое“ речь идет не о сексуальных фантазиях господина де Сада, а о некой бытовой практике.

Причем «Домострой» пытается эту практику еще улучшить, отметить крайности, ввести в некие рамки и т.д. Причем и гуманиста Сильвестра можно понять так, что порку

беременных и кормящих жен он вполне приемлет: от плети, мол, выкидышей не бывает.

Как видно, речь идет уже не о делах государства, не об особенностях религии, а о самом народном характере.

Причины, в силу которых взрос именно такой характер, тоже не остались тайной за семью печатями. Полнее остальных высказался, пожалуй, Д. Флетчер, чьи слова и я и привожу:

«Что касается до их свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть для развития их дарований воспитанием и наукою. Правда, они могли бы заимствовать в этом случае от поляков и других соседей своих, но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран. Отчасти причина этому заключается и в том, ...что образ их воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство. С этой целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допустить ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи. Такие действия можно было бы сколько-нибудь извинить, если бы они не налагали отпечаток на самый характер жителей. Видя грубые и жестокие поступки с ними всех главных должностных лиц, ...они так же бесчеловечно поступают друг с другом, особенно со своими подчиненными и низшими, так что самый низкий и убогий крестьянин, ...унижающийся и ползающий перед дворянином, как собака, и облизывающий пыль с его ног, делается несносным тираном, как скоро получает над кем-нибудь верх... Жизнь человека считается ни по чем.

...Я не хочу говорить о странных убийствах и других жестокостях, какие у них случаются. Едва ли кто поверит, что подобные злодейства могли происходить между людьми, особенно между такими, которые называют себя христианами» [97].

Умный он человек, этот Флетчер! Отмечу один грустный факт: большинство иностранцев начинают все чаще называть Московию Россией. Я не стану посвящать этому специальной главки, но очень прошу у читателя отметить этот важный факт: в представлении иностранцев понятия «Россия» и «Московия» начинают сближаться, соединяться.

Для многих из них, вероятно, уже не совсем очевидно, что есть еще какая-то Россия, которая мало что имеет общего с Московией.

Отметим это обстоятельство. Ведь западных русских Европа знает, конечно же, несравненно хуже московитов: своего государства у них нет, а в Речи Посполитой преобладает все же польский элемент. Может быть, просто часть русских живет за пределами своего государства?

Но там, где иностранцы все же вступают в контакты с русскими Западной или Северо-Западной Руси, звучат совершенно другие оценки. Настолько другие, что приходится прийти к выводу: западные русские не имеют ничего общего с московитами!

В Германии и в Скандинавии до начала XVI века неплохо знали новгородцев. Немецкие купцы из ганзейских городов, регулярно торгующих с Новгородом, высоко оценивают как раз те качества русских, которым, по мнению всех посетивших Московию, как раз им сильно недостает. Немцы считают русских очень честными и надежными людьми, которым можно доверять на слово большие суммы и которые хорошо умеют вести дела: с размахом и принимая во внимание интересы всех участников сделки.

Шведы о новгородцах еще более высокого мнения, причем как о воинах, так и о торговцах. Русские из городов Ижорской земли, кстати, очень быстро получают все права шведских горожан. Нет никаких сведений о том, что их поведение удивляет или настораживает шведов. Русских охотно принимают на службу, считая их людьми умными и способными к любому обучению. Впрочем, это же не московиты — это русские из Новгородских земель, совсем недавно захваченные Москвой и не успевшие одичать... я хотел

сказать, не успевшие приобрести характерные московские черты поведения.

В 1666 году на шведскую службу поступает подьячий Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин.

Шведское правительство заказывает ему книгу, которая издавалась и в Российской империи [98]. Г. К. Котошихин выступает как ценный консультант... а уже в 1667 году его казнят за практически немотивированное убийство хозяина дома, который сделал ему замечание.

Шведы получают возможность сравнить поведение своих русских подданных и по крайней мере одного москвитя.

По мнению шведских чиновников и офицеров, работавших с русскими Ижорской земли, русские честны и не склонны к совершению преступлений. Как видно, беженец из Московии попался какой-то «ущербный». Но как тут не вспомнить слов мудрого Флетчера о «множестве странных убийств»!

Русских Великого княжества Литовского и коронных земель в Волыни и Киевщине знают меньше и в Скандинавии, и в Германии. Тем более, к ним не ездили послы Британии и империи Габсбургов. Но те, кто сталкивался с ними, в своих оценках никак не повторяют посетителей Московии.

Шведы считают русскую шляхту Литвы сильным противником. У отцов-иезуитов, начавших подготовку русских юношей в Вильно в 1589 году, сложилось самое благоприятное отношение к большинству обучаемых. Во всяком случае, они ничего не писали о низких качествах характера, вороватости своих подопечных или об их склонности к жестокости.

Во времена Франциска Скорины (начало XVI века) в Краковском университете училось несколько русских юношей, и все они благополучно окончили курс. Впрочем, русские кончали Ягеллонский университет и в более поздние времена, и нет никаких свидетельств того, что наставники или население замечали у них какие-либо порочные склонности.

Отношение этнических поляков к русской шляхте с самого начала не только не было высокомерным, но скорее в высшей степени комплиментарно. Это отношение только усиливается по мере того, как шляхта все больше развращается своими фантастическими привилегиями и становится все менее боеспособной. Ян Замойский весьма высоко оценивал боевые качества русской шляхты и в самой ехидной тональности советовал полякам у нее учиться.

Объяснять, что поляки не считали ворами, зазнайками, жуликами и прохиндеями князей Вишневецких, Чарторыйских, Радзивиллов, Сапег и Огинских, а их жен — проститутками, я не буду — как-то, право, даже несерьезно.

Догнать и перегнать!

Уже для современников было вполне очевидно — многие крайности политики Московии идут от ее отсталости. В самой Московии свое положение просто не могли не понимать. Московии ничего не стоило разнести вдребезги осколок Средневековья, сам Ливонский орден.

Но как только на арену выходят Швеция, Польша и Великое княжество Литовское, как Московия тут же терпит поражение за поражением. Потому что можно сколько угодно и кому угодно рассказывать про свое «истинное православие», можно сколько угодно заирать пятачок, высокомерно трясти бородицей и поносить иноземцев. А только солдаты шведского короля походя очищают Ижорскую землю от обитателей святой территории и подданных наместника Господа Бога; и никаким церковно-славянским языком и маханием иконами их не остановить. А конница Стефана Батория в атаках превращает дворянское ополчение в судорожно драпающее месиво, и ничего с этим нельзя поделать.

То есть сделать-то можно еще много чего. Можно еще больше надуться спесью

посреди разоренной страны, превращенной в руины собственным великим князем. Можно повесить вверх ногами все иконы в Успенском и Архангельском соборах; повелеть митрополиту побить в бубен и поплясать, вызывая дух Святослава, чтобы попросить его совета; поставить в угол Грановитой палаты архистратига небесного воинства Михаила. Можно устроить грандиозное гадалище, всем царским двором забиться в полночь в баньку, сняв кресты; назвать полный дворец бабок-волховиц, колдунов и чародеев.

Но все эти средства не могут сделать одного, самого главного. Они не могут сделать так, чтобы московиты били шведов, тем более — при равной численности и равным оружием. От проклятий и воплей, от неприличных скороговорок бабок-шептуний не станут слабее польские и литовские рыцари.

Можно еще доразорять страну вконец, собрать еще одну армию, ввести снова опричнину, подпереть армию опричниками, чтобы никто не смел бежать. Можно издать приказ «ни шагу назад!» и ввести смертную казнь за его нарушение.

Но как в страшном сне, опять замаячат на горизонте всадники Стефана Батория и разнесут они в очередной раз собранную армию. А опричники драпанут так же позорно, как в 1570 бегали от крымского хана. Потому что приторачивать к седлу голову бедной собаки, налижаться до блевотины за здоровье царя и петь разбойничьи песни — еще не значит быть боеспособными солдатами. Не бывают хорошими воинами ни палачи, ни жополизы, что поделаешь...

В середине XVI века Московия оказывается перед фактом своей отсталости от Европы. Хочет она или нет, ей надо заимствовать то, что сделало европейцев такими сильными.

Встает необходимость развиваться.

Московия не первая сталкивается с этой проблемой.

В таком же положении находились галлы и иберы, когда легионы проходили через их землю железным строем и тоже ничего нельзя было поделать.

Так же точно пришлось всем славянам, на которых обрушился *Drang nach Osten*. Так было везде и всегда, где европейское общество сталкивалось с неевропейским.

И никого никогда не спасли совершенно никакие заклинания. Выход у всех был один: как можно быстрее стать сильным, а стать сильным можно было только одним способом: учиться у европейцев. Никакая Вендская держава не спасла полабских славян от завоевания и онемечивания. Спас страну и народ только тот, кто принял христианство и стал строить государство уже на совсем иных принципах.

Если отсталое общество вынуждено догонять более развитое, это называют «догоняющая модернизация». Московия начинает догонять Европу. Что ей еще остается делать!

Но вот только способов догонять может быть по меньшей мере два...

Если догоняет общество, оно пытается быть таким же, как европейское, — более свободным, более динамичным, меньше связанным запретами. Личность высвобождается из любых общин и корпораций, человеку все чаще говорят «ты свободен», «твое право» и «думай сам». Общество становится все больше похожим на европейское и тем самым — все сильнее и сильнее.

В I веке Юлий Цезарь завоевал Британию, не заметив.

В IV—V веках Британия могла существовать и вне империи и даже пыталась завоевать Италию руками императора Максенция. В VIII веке Карл Великий мог завоевать саксов и заставить их принять христианство. Уже в IX, тем более в X веке немецкие земли стали так сильны, что германские княжества начали диктовать свою волю западным, лежащим в Галлии, в старых имперских землях. А в XIII веке дошло до того, что стало неясно, кому же владеть самими итальянскими княжествами: римским папам или германским императорам...

Если догоняет государство, оно тоже пытается стать похожим на того, кого догоняют — на побеждающее государство. Иметь такую же армию. Такую же артиллерию. Таких же пехотинцев с ружьями, как иноземные государства.

Общественная модернизация не стоит денег, но для нее общество должно сильно

измениться. А ох как оно этого не любит...

Государственная модернизация не заставляет общество развиваться, а если и заставляет, то не прямо; просто потому, что приходится учить людей. Для артиллерийской стрельбы — математике, для управления войском — географии...

А учение раскрепощает ум, дает представление о многом, в том числе и о не нужном для выполнения узкой задачи, показывает, как можно узнавать новое в самых различных сферах жизни. В том числе и в тех, о которых узнавать вовсе не ведено.

При государственной модернизации рано или поздно начнется конфликт государства и его слуг. Потому что государство для модернизации нуждается в деньгах, а взять их можно, только изнасиловав общество. Оно нуждается и в работниках, солдатах — в «винтиках», за которые так серьезно бил в свое время Сталин. Взять их можно, только сделав «винтиками» государства множество вчера еще свободных, вполне самодостаточных людей. Самоценные жизни и судьбы надо сделать НЕ самоценными, а зависимыми от всемогущего государства.

В Московии — Российской империи — СССР — Российской Федерации общество изначально раздавлено государством. На всех этапах жизни этого государства оно сильное, хотя бы в некотором отношении современное. Так было и во времена Ивана IV: при взятии Казани проводились минные работы — ВПЕРВЫЕ В МИРЕ! 200 орудийных стволов было в армии Ивана IV; калибр и качество этих стволов были не ниже, чем в любой стране тогдашнего мира.

Масштаб построек в Москве был не ниже, чем в европейских столицах... А пожалуй, что и побольше. Ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Риме в XVI веке не могли строить такого Кремля, такого Василия Блаженного, такого Ивана Великого.

А на фоне этой армии в десятки тысяч человек, этого перенимания самых современных способов ведения войны, на фоне огромных построек 99% людей вели образ жизни первобытных общинников: в больших, неразделенных семьях с непререкаемой властью большака. Жили, даже не зная, что вообще бывает как-то иначе. Жили в избах, протопленных по-черному, со всем набором первобытных обычаев.

С колдунами, ворожеями, с кикиморой за печкой и домовым в подполье; с битьем жены плетью и порками взрослых сыновей; с похабными свадебными песнями, от которых покраснеет боцман парусного флота, и гнусным пьянством до полной потери самоконтроля.

Государство вполне устраивает, чтобы его подданные были дикарями. Они хуже работают, хуже воюют, чем люди образованные, инициативные и сытые. Но зато они очень послушны, очень простодушны и наивны. Они легко, даже с удовольствием становятся «винтиками» государства, справедливо видя в этом путь к карьере и материальной обеспеченности. Они не ставят под сомнение существующее положение дел и даже не очень его понимают. И если шляхтич толкнет москвитя конем, бросив ему: «С дороги, москальский раб!», он даже не поймет, за что. Он только решит, что этот шляхтич «воображает про себя много», что он — «кичливый лях» и обидится на самого же шляхтича, потому что тот «дразнится такими словами». Но не обидится на себя — за то, что согласился быть рабом. Не обидится на свою жизнь раба. Не обидится на своего великого князя — за то, что сделал его рабом.

Но государство неизбежно будет ограничивать развитие общества. Прав! Ох, тысячу раз прав господин Флетчер!

Чтобы поменьше было тех, кто владеет информацией о жизни людей в других странах, кто понимает происходящее.

Тех, кто может задавать вопросы, кто анализирует, думает, сравнивает. Даже обучая свой «винтик», государство позаботится о том, чтобы он знал только от сих до сих. Математику? Да, но лучше прикладную, чтоб рассчитал траекторию полета бомбы. Механику? Совсем хорошо, будет отливать новые пушки. А философию зачем? От нее пользы никакой, только отвлекает «винтик» от более разумных дел.

Книги читать? Смотря какие. Нечего, например, читать книги иностранцев о Московии. Советую посмотреть в пункте 2, когда было выпущено большинство рекомендованных книг.

И вы убедитесь — то, что выпускалось в XVI—XVII веках, на русский язык НЕ ПЕРЕВОДИЛОСЬ до XIX века. И при Советской власти — не переиздавалось, разве что в кратких выдержках. А есть много книг о России, которые на русский язык так и не переведены. Вообще. Например, книги Миллера, работавшего в Российской империи в первой половине XVIII века. В этих книгах про население Российской империи сказано слишком много обидных слов.

Получается, что «винтик» учат, но сразу же и ограничивают. Стараются удержать его в положении только «винтика», пусть даже важного, хорошо обеспеченного всем необходимым. Наступает момент, когда бунтуют сами «винтики». В Российской империи в середине XVIII века пришлось вводить «Указ о вольности дворянской».

Любое общество не хочет развиваться. При государственной модернизации любое государство хочет, чтобы общество не развивалось. Но общество в Московии могло не развиваться, а государство могло его притормаживать, потому что таковы уникальные условия Московии, каких не было нигде и никогда: сказочное богатство Московии природными ресурсами, обширнейшими незанятыми землями.

Мало того, что не все знают... Не все в состоянии представить, что строительство московского Кремля, взятие Казани, отливание огромных пушек совершалось людьми, по-прежнему не знавшими уборной, а в городах — самой примитивной канализации. Людьми, патологически неаккуратными и небережливыми, способными загадить любое количество земли отходами своей жизни и своего производства. Способными срубить кедр, чтобы добраться до орехов и перенести на новое место истощившиеся хлебные поля.

До середины XVI века все складывалось еще стихийно.

Азиатский уклад боролся с европейским и проиграл. Государство отгрызало у общества кусок за куском, но еще стихийно, как бы само собой.

В середине XVI века сложилась ситуация, хорошо знакомая современным жителям Российской Федерации, особенно тем, кто постарше: могучее современное государство поддерживает диковатое отсталое общество в его дикости и отсталости. Так будет и в XVIII веке, при Петре и сразу после Петра. Так будет при Александре I и при Николае.

Отсюда — ощущение напряжения, драмы, даже трагедии, в цвета которых окрашены огромные слои русской истории и вся история России на протяжении всей истории русской модернизации. Общество если не понимает ясно, то чувствует, что развивается — с опозданием, проигрывает множество возможностей.

На краткий миг государство ослабеет, выпустит из лап общество в 1861... и снова схватит его уже прочно после 1917. В этот промежуток времени и выйдет большая часть книг иностранцев про Московию.

Бессмертные традиции опричнины

Надо сказать, что Иван IV начал еще одну поганую традицию, дошедшую до нашего времени: обычай правителей Московии — Российской империи — СССР — Российской Федерации патологически не уважать собственный народ и самому находиться как бы вне этого самого народа.

Рейтенфельс передает историю того, как Иван IV велел некому ученому немцу сказать, что думают о нем за границей. Немец все боялся говорить, и наконец, получив обещание не гневаться, сказал, что Ивана за рубежом считают кровожадным тираном.

Покачав головой, Иван ответил ученому немцу, что иностранцы ошибаются, не зная в точности всех обстоятельств.

Ведь иностранные владыки повелевают людьми, а он — скотами.

Штаден передает историю того, как Иван сказал ему:

«На Руси я немец».

Если вспомнить, как Иван пытался бежать из Московии в Англию и даже списывался

по этому поводу с королевой Елизаветой, в первые два случая невольно верится.

Вспомним же о сословной морали в Российской империи, в которой до 1861 года совершенно официально 85% населения рассматривалось, как «вонючие мужики», подлежащие перевоспитанию. А дворянство и интеллигенция всерьез спорили, кому из них руководить народом. Но самих себя, что характерно, ни дворяне, ни интеллигенты частью народа не считали. Образованный слой жил вне народа.

И не будем даже говорить о нашем времени, когда правительство буквально захлебнулось в потоках собственного вранья и проводит политику откровенно антинародную.

Проблема перенаселения

Государство решает и проблему относительного перенаселения, открывая путь на Урал и в Сибирь.

Малоизвестная деталь: всего за 80 лет во всей Сибири истребили почти всех соболей. Государство объяснило все коренное население, то есть заставило платить ясак (налог) соболями. Русские промысловики добрали все, что возможно. Соболю превратился в нечто из Красной книги, а государство Российское получило огромный прибыль. История с соболями, прочно исчезнувшими везде к началу XVIII века, — прекрасный пример расточительности самого государства. Это — первый природный ресурс, который государству удалось быстро исчерпать. Потом настанет очередь лесов, металлов, угля, чернозема, чистой воды и чистого воздуха. Все еще будет.

Тогда же, в XVI веке, удастся быстро решить проблему кризиса природы и общества — в основном за счет восточных территорий. Попытки завоеваний на западе не удалось, но зато сильно уменьшилось население. По мнению Эдуарда Сальмановича Кулышна, мысль о том, что людей слишком много, может буквально засесть в подкорке, и все начинают действовать так, чтобы население неуклонно сокращалось. Не сознательно, конечно же.

Если Эдуард Сальманович прав (а мне не доводилось ловить его на неверных утверждениях), то логика поведения Ивана IV понятна и понятно его историческое место. Это — самый большой, самый свирепый и кусачий лемминг, который сбесился и со страшным верещанием, воем, кусая и пугая остальных леммингов, разгоняет их во все стороны, подальше от перенаселенного центра.

Цивилизация подростков

Один неглупый человек сказал, что авторитарные государства ведут себя так, словно их жители — подростки. А тоталитарные ведут себя так, словно их жители — дети.

Известно и то, что более развитым, более цивилизованным народам более первобытные кажутся подростками или детьми. «Большими детьми» называли африканцев и индейцев почти все европейские переселенцы; кто с раздражением, кто с умилением, но называли. Менее известно, что «большими детьми» считали окрестные племена жители Древнего Египта еще во II тысячелетии до Рождества Христова, а Овидий, сосланный на берега Черного моря, писал о «взрослых детях» этих краев.

Русские часто, слишком часто оказывались в этой же малопочтенной компании. Но позволю себе заметить, что немцы и жители Западной Европы никогда не держали за великовозрастных детишек ни поляков, ни западных русских — по крайней мере, мне не известны такие примеры.

А ведь еще в XIX веке для Андрея Штольца от Обломова исходит очарование большого подростка, такого переростка-резвунчика. Да что в XIX веке! На моих глазах одна британская дама восхищалась, как хорошо, как интересно жить в России — все такие

спонтанные, эмоциональные!

У всех такая непосредственная реакция! Можно в гости среди ночи! Ну прямо как в Африке!

Боюсь, что «подростковость» москвитов — вовсе не следствие национального характера, а прямое следствие давления общины и государства. Община, корпорация не дают развиваться личности.

Не сам человек определяет границы «хорошо» и «плохо» и живет, соглашаясь с ними, а община и государство. Потому москвит так легко «отпадает» от нравственности и закона и так же легко с ними примиряется, путем чисто формальных действий. Как разбойничек в народной легенде: «Смолоду было много бито-граблено. Теперь пора душу спасать».

* * *

И в общине, и в государстве очень узок круг тех, кто может принимать ответственные решения. Этих «единственных взрослых» и называют «отцами родными», произнося без малейшего юмора формулу: «Вы наш отец, мы Ваши дети» или называя князя отцом народа.

Реально совершеннолетними в Московии считались разве что царь да патриарх. Подданные, в том числе и высшие, оставались «духовно младыми» и вполне серьезно именовали себя «худыми и малоумными» холопами. Младшим считался вообще всякий подчиненный по отношению к господину или к начальнику.

А «отцы» непосредственно вторгаются решительно во все сферы жизни «детей», при необходимости наказывая их вполне так, как неумные отцы — детей. «Взрослые» черты характера вовсе не нужны почти никому; большинству людей и большую часть жизни нужны как раз качества подростка: эмоциональная преданность своему клану, храбрость, доходящая до беспечности, умение не задумываться, не задавать вопросы, жить больше руками и ногами, нежели головой.

Большинство населения Московии, вырастая, уже имея собственных детей и даже внуков, остается большими детьми; государство и общество такие черты только культивирует, и это проявляется во множестве чисто бытовых деталей. В спонтанности поведения людей, в принятии ими чисто эмоциональных решений. В легкости, с которой они идут сами и посылают на смерть. В неумении видеть причинно-следственные связи, в нелюбви ко всему вообще сложному.

И даже в чисто бытовом аспекте.

Не только простолюдины проявляли удивительную спесь в сочетании с таким же удивительным отсутствием чувства собственного достоинства и элементарного самоуважения.

Бояре в Боярской думе вполне могли плевать, пинаться, таскать друг друга за бороды, то есть вести себя, как малые дети. Драки бояр в думе — это не поединки по неким правилам, не «божий суд», а примитивный мордобой, в котором «порвать пасть» или «выткнуть моргалы» — вещь совершенно обычная. И это не вызывало осуждения.

Потребность в самоуважении в таком обществе не распространяется на индивида. Сам себя москвит, естественно, не уважает (как прикажете уважать человека, который и в 50 лет «духовно млад» настолько, что его можно публично высечь?). Уважения он требует к той группе, к которой себя причисляет.

Подросток агрессивен и охотно дерется с другими только для того, чтобы «знали наших» или чтобы «показать им, чтоб не дразнились, а то они дразнятся». Подросток жесток, плохо понимая разницу между игрой и реальностью. Подросток любит объединяться с другими, чтобы быть сильнее других и чтобы было с кем конкурировать, кто больше, сильнее и агрессивнее. Подросток легко принимает самую примитивную иерархию и хочет только занять в ней подходящее место.

Государство, запрещающая «бесовские игрища» или вторгаясь в частную жизнь людей,

тоже обращается с ними, как с подростками или даже как с детьми. И эксплуатирует особенности подросткового возраста, давая взрослому младенцу то, чего жаждет его душа: иерархию, «свой» клан, полную возможность самоутвердиться, делая карьеру или побеждая кого-то. И возможность обожать и ненавидеть одновременно коллективного жестокого «отца», на месте которого каждый подросток легко может себя представить.

Подросток легко доходит до крайностей во всем, а как раз умеренность, самоограничение, дисциплина раздражают его и кажутся предельно скучными. Он уже может освоить какие-то занятия взрослых, особенно чисто технические, не требующие особого ума и умения планировать (работать на станке, водить машину, стрелять), но сам образ жизни взрослого ему непонятен и скучен. Если бы он имел такие возможности, как папа и мама, он бы не вылезал из ресторанов, все время куда-нибудь ездил и купил бы большой черный пистолет! А глупые родители почти не бывают в ресторанах, много работают и вечно заняты какой-то сучищей...

Подросток еще не понимает, что сами-то возможности взрослых, вызывающие его зависть, тесно связаны именно с этими скучными занятиями и не существуют отдельно от них.

Так же и биологически взрослый москвит любит бежать в «своей» группе, вторгаться в Ливонию и Великое княжество Литовское, показывая всем окружающим, что он и его стая большие, сильные и страшные. Он может рубить саблей и стрелять почти так же, как настоящие солдаты (чтобы совсем так же, надо учиться, а вот этого он не умеет и не любит). Он наводит страх на европейцев — на скучных взрослых! — и получает от этого такое же наслаждение, какое получает в подворотне шайка четырнадцатилетних хулиганов, при виде которых пожилая пара ускоряет шаги.

Но они не понимают, как выглядит их поведение со стороны, а если им это показывают, способны только на совершенно ребяческую обиду (или не переводят книги о себе, делая вид, что их вовсе не поставили в угол). Так же точно они не понимают, что богатство страны определяется вовсе не количеством награбленного золота, а занятиями населения этой страны. И что сколько бы сокровищ они не увезли из Ливонии в Москву, Москва останется скоплением темных изб, окруженных грудями навоза и человеческих фекалий, опасных для здоровья и вонючих, а в Риге и Кракове «поганые немцы» и «чертовы ляхи» все равно будут жить интереснее и богаче.

Московиты с огромным трудом способны понять (и то далеко не все), что если они хотят быть богатыми, надо не завоевывать чужие земли и не бежать за соболями и песцами в Сибирь, а работать интенсивнее и лучше. Эта мысль им неприятна и скучна, как двенадцатилетнему подростку; подросток ведь сто раз предпочел бы не копить деньги в банке, а получать богатство таким же увлекательным способом, как герои «Острова сокровищ».

Глава 21

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Легко показать, что любая теория, односторонне определяющая общество каким-то одним аспектом общественной жизни, ложна.

Раймон Арон

В числе исторических виртуальностей — не сбывшихся, но в принципе возможных вариантов, называют и создание единого Польско-Литовско-Московского государства. Первой обсуждавшейся кандидатурой на пост монарха такой унии был наш старый

знакомый Иван IV.

Попробуем выяснить — что же за перспектива светила и Московии, и Речи Посполитой?

Скипетр Ивана над Польшей

Принято полагать, что Иван IV очень любил первую жену, и именно поэтому она могла играть роль светлого ангела при нем. Но когда в 1560 году Анастасия внезапно умерла, скорее всего, была отравлена, Иван ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ начал поиски новой жены.

В то время Польша и Великое княжество Литовское еще не объединились и находились в «личной унии» — то есть имели одного короля и великого князя — Сигизмунда-Августа. У короля были две незамужние сестры, и боярин Федор Иванович с прекрасной фамилией Сукин был послан с посольством и уговаривал Сигизмунда-Августа выдать одну из них за Ивана.

Младшую сестру короля, Катаржину, Сукин видел тайком в церкви и расписал Ивану как мог. Иван тут же увлекся Катаржиной, по одному лишь описанию. Кроме того, Сигизмунд-Август не оставлял наследников... Помимо красоты невесты, брак с ней давал еще право на две короны, и вот тут-то впервые замаячила идея объединить все три государства под одним скипетром.

Сигизмунд-Август не хотел родниться с Иваном, Катаржину при одной мысли о таком женихе била дрожь. Ивану передали, что Катаржина уже просватана, и она быстро, в 1562 году, вышла замуж за брата шведского короля Юхана, герцога Финляндского.

История эта имела продолжение в Швеции. Старший сын Густава I, основателя династии Ваза, Эрик, был королем. Младший сын Густава, Юхан, мог наследовать трон, если у брата не будет детей. Детей не было, а отношения между братьями были очень скверные, тяжелые. Настолько, что когда Иван IV через несколько лет опять просил руки Катаржины Ягеллонки, Эрик, король Швеции, готов был даже отдать Катаржину, посадив в крепость ее мужа.

Сказалась ли любовь к мужу или Катаржина знала, что такое Иван IV (или и то, и другое), но она показала московитским послам кольцо с надписью: «Ничто, кроме смерти». Вроде бы должно было дойти, что даже резать Юхана бессмысленно.

В 1567 году в Александровской слободе был подписан один из самых фантастических договоров за всю историю человечества. По этому союзному договору Московия признавала все уже сделанные в Ливонии захваты Швеции и давала согласие делать новые. Рига отходила Москве, но Москва поддерживала примирение Швеции с Данией и Ганзейским союзом, а если Швеции откажут — то Московия была готова оказать Швеции вооруженную поддержку. Все это было совершенно не нужно Московии. Но выполнение всех статей союза обуславливалось выдачей Ивану IV Катаржины Ягеллонки.

Следует учесть, что к этому времени женщина уже пять лет была законной, венчанной женой Юхана, а Иван второй раз женат, все выглядит особенно дерзко.

В 1568 году Эрик умер, герцог Финляндский Юхан стал королем Швеции. Иван домогался не кого-нибудь, а королевы Швеции и матери наследника престола.

По своему обыкновению, Иван IV тут же начал выкручиваться и лгать, причем совершенно открыто. Не мог же он не знать о замужестве Катаржины... Что бы она делала в Швеции, не будь замужем за Юханом?! Потом Иван утверждал, что был якобы введен в заблуждение, будто Ягеллонка овдовела. Это ему плохие рабы передали, что она вдова, это все они виноваты.

Не просто жену себе искал Иван, а ему маячила корона... Даже две, сопряженные вместе, короны.

И как бы Иван IV ни изображал презрения к каким-то там выборным королишкам, как ни напяливал тогу потомка Августа, а всякая власть, даже тень власти, была ему не безразлична...

А тут короны сами пошли в руки! В 1572 год умер бездетный Сигизмунд-Август, последний прямой потомок Владислава (Ягелло). Возникло безкорольевье, и шляхта думала о выборе нового короля. Кандидатуры предлагались разные...

В том же 1572 году в Москву явился уполномоченный Речи Посполитой официально известить о смерти Сигизмунда и заодно о том, что там возникла среди прочих идей и такая: возвести на престол Речи Посполитой младшего сына Ивана IV, Федора Ивановича.

В это непросто поверить, но факт остается фактом: Иван IV пытается отговорить поляков посадить на трон своего сына. Он пытается убедить шляхту, что сажать на трон нужно его самого. Волей-неволей шляхта начинает обсуждать уже эту кандидатуру...

Много сторонников Ивана было среди мелкой и средней шляхты коронных польских земель, среди этнических поляков. Мелкая шляхта верила, что Иван станет пресловутой «сильной рукой», наведет порядок и возьмет в руки магнатов. Многие понимали, что шляхетские вольности достигли полного маразма и нужно их как-то... вводить хоть в какие-то рамки. А жили они все-таки подальше от Московии и слабо представляли себе Ивана.

Характерно, что Иван моментально завел с послами разговоры о том, что он, конечно, злой, но для кого? Для злых. А для добрых он готов снять последнюю рубашку, вот он какой человек! Неясно, насколько верили ему послы, но уже видно, что Иван прекрасно знал свою репутацию.

Сложность, впрочем, была не только в репутации Ивана IV и в вероисповедных различиях.

Ивану было не очень понятно, что такое вообще «избрание». Что не к нему в ноги упадут поляки, умоляя взять их под свой скипетр, а что надо понравиться шляхте. Тем более, в числе выборщиков будет и шляхта из Великого княжества Литовского, а западные русские вряд ли будут голосовать за москаля, слишком хорошо они его знают...

Констатирую факт: Иван так и не сделал ни малейшей попытки начать собственную политическую игру. И более того — начинает вести себя так, словно вопрос об его избрании — дело уже решенное. Он ведет с поляками мелкую торговлю по поводу территориальных уступок, рядится чуть ли не за каждое село. Если он скоро будет и королем Речи Посполитой, и великим князем московским... то какая, казалось бы, разница?

А потом вдруг и заявляет Иван, что короноваться будет только русским митрополитом, никакого участия католические прелаты в венчании на царство принимать не будут.

Иван оставляет право строить в Польше столько православных храмов, сколько захочет, и на старости лет уйти в монастырь.

Поляки разумели само собой, что Иван перейдет в католицизм... и его заявление было, выражаясь мягко, несколько неожиданным.

Так все и заглохло, при полной неготовности Ивана сделать хоть что-то для собственного избрания. Речь Посполитая избрала Генриха Валуа, потом Генрих сбежал домой, как только «освободился» французский престол.

Спектакль избрания короля Речи Посполитой повторился... Иван опять произносил какие-то речи о своей готовности... Но уже несравненно более вяло. Видимо, и он уже понял, что дело бесперспективное, и королем стал Стефан Баторий.

Так каков все-таки был шанс? И был ли он? Разделим два понятия: «шанс на избрание Ивана» и «шанс на создание Польско-Литовско-Московской унии». На мой взгляд, первого шанса, шанса на избрание Ивана, реально не было.

Нет, не избрали бы его. Слишком хорошо знали Ивана на Западной Руси, а выбирался король голосами всей шляхты, в том числе и литовской, и православной. Хоть кто-то да крикнул бы: «Вето!». Не прошел бы Иван и потому, что многие магнаты были против его кандидатуры, а у них были и собственные голоса, и возможность их покупать.

Генрих Валуа устраивал всех в несравненно большей степени.

По поводу унии... Уверен, что, даже став королем Речи Посполитой, Иван усидел бы недолго. Не было бы прочной унии, не возникло бы устойчивого государства. Потому что, сев на престол Речи Посполитой, он стал бы королевствовать так, как привык царствовать в

Москве.

И с большой степенью вероятия, он привел бы с собою своих, привычных ему и послушных бояр и дворян из Московии — ведь король Речи Посполитой почти не имел собственной армии, не имел возможности творить насилие.

Подключив к управлению Речью Посполитой Московию, Иван обрел бы такую возможность.

Допустим, за первые несколько срубленных голов шляхта, оцепенев от изумления и ужаса, не отомстила бы. А потом?

Допустим, Иван сумел бы подавить первые мятежи усилиями верных московитов, покрыл бы Краков плахами, сгонял бы студентов Ягеллонского университета и горожан на зрелища поджаривания на сковородах и травли медведями.

И что же? Это только лишь сделало бы неизбежным наступление на Краков армий крупнейших магнатов, в том числе западно-русских.

Не удалось бы сразу? Появился бы новый, альтернативный Ивану король, постоянный или временный, и даже если ухитрился бы Иван унести ноги, уния-однодневка все равно бы приказала долго жить. Не потому, что вообще невозможна. А потому, что очень уж неподходящей личностью на роль создателя такой унии был Иван IV, только и всего.

Скипетр Батория над Московией

Странно, что до сих пор учеными не рассматривается другая кандидатура создателя такой тройственной унии. То есть, возможно, в Польше такое обсуждение и ведется, но мне эта литература мало доступна, а на русском языке вполне определенно никто не называл Стефана Батория как возможного царя Московии.

А ведь планы Стефана Батория были сродни наполеоновским! Стефан Баторий вполне серьезно хотел отвоевать у турок Константинополь. Сделать это без Московии было невозможно, а Московия на унию не шла, общий крестовый поход отвергала. Более того, Московия как раз воевала с Речью Посполитой. Воевала... Воевала? Воевала! Вот она, возможность! Надо покорить Московию, сделать ее частью Речи Посполитой или посадить там дружественного короля.

В 1581 году Стефан Баторий шел на Псков с тем, чтобы следующий удар направить уже на Москву. А потом, основательно подготовившись, сплавиться по Дону, взять Азов и выйти в Черное море. Дальше — понятно: дальше только Константинополь.

Реальная ль задача? Зная Стефана Батория, можно уверенно сказать, что да. У него как-то все получалось. Увы!

В 1586 году Стефан Баторий помер в Гродно, и было ему тогда всего 53 года, и многое могло быть впереди.

Уверен, если бы не помер, завоевание Московии становилось бы вполне возможным.

Потому что невозможно представить себе более подходящую для таких дел, более крупную и более привлекательную личность.

Во-первых, Стефан Баторий обладал всеми качествами, которыми не обладал Иван, вплоть до «полного наоборот».

Храбрый, великодушный, невероятно энергичный, он терпеть не мог и не прощал двух качеств: предательства и вранья.

Стефан Баторий соединял в себе качества, делавшие из него великолепного бойца: он совершенно не боялся противника и в то же время был очень осторожен и разумен.

И прославился как великий воин и полководец задолго до избрания на польский престол.

И соединял эту заслуженную славу с талантом политика и организатора. Уж его-то шляхта выбрала, и не было ни вето и ни рокоша.

Поляки повидали на своем престоле многих выдающихся личностей. Но и они до сих

пор считают Стефана Батория одним из самых знаменитых своих королей. Это была поистине выдающаяся личность!

Во-вторых, уж если искать твердую руку для усмирения и мятежных польско-русских магнатов, и пьяных московских бояр, то, право же, сильнее не найти, вот она!

Это была рука администратора и воина, а не трясущая длань истеричного палача.

Если кому-то было суждено в это время создать единое славянское государство, то нет кандидатуры привлекательней.

Трудно сказать, что это могло бы быть: тройственная уния Польши, Литвы и Московии? Московия ли в качестве завоеванной территории, права которой не равны правам двух других? Завоеванная ли страна, постепенно подымающаяся к равному положению с двумя прочими? Или же несколько стран, несколько княжеств, каждое из которых входит в Речь Посполитую на своих условиях?

Не хочу гадать, потому что здесь возникает слишком много вариантов, просчитать которые одному человеку невозможно.

Назову только две важнейшие проблемы на пути новой унии. Во-первых, это особенности самих москвитов. Что с того, что они и поляков-то понимают без переводчика, а уж с западными русскими говорят почти что на одном языке?!

Западная Русь и Польша говорят на разных языках, но они близки в культурном отношении. А москвиты в культурном отношении совершенно иные, и это главное.

Модернизация означала бы для великого множества, для миллионов людей необходимость выйти из-под отеческой опеки общины и государства и в одночасье стать взрослыми людьми. Думать самим... Право же, легче сказать!

В Речи Посполитой москвитам от многого придется отказаться. Им очень многому придется научиться. А общество, как вы помните, терпеть не может изменяться.

Между прочим, московскую спесь и московский изоляционизм часто питали как раз выходцы из западных областей Московии и даже Западной Руси — тех мест, где модернизация уже началась и уже дала свои плоды. Старец Филофей — уроженец Пскова; Вишенский, «зачапившийся» с «мудрым латынником», — уроженец Западной Руси.

Столкнувшись с необходимостью быстро изменяться, часть москвитов могла бы пойти на гражданскую войну, на культурный раскол.

Могли бы навязать войну за право Московии опять выйти из состава Речи Посполитой, даже переходя в наступление по мере сил.

Могли бы и уйти в глубь континента, основав «Новую Московию» в Сибири, на Урале, в Заволжье. Столицы в виде Казани, Обдорска или Тюмени просто напрашиваются.

В любом случае — это война. И вторая, главнейшая по важности проблема: в Московии возникли бы те же самые столкновения католиков и православных, что и на Западной Руси. А отъезжать, решая проблему любимым московским способом, уже было бы некуда.

И вариантов тут только два: или веротерпимость, примирение между собой двух ветвей одного древа апостольской церкви, или гражданская война православных и католиков, по типу того, что происходило в Малороссии в начале-середине XVII столетия. Исход такой войны непредсказуем, и каждый вариант исхода имеет свои плюсы и минусы...

И не разорвала ли бы религиозная нетерпимость новую, не успевшую возникнуть державу? На вопрос нет однозначного ответа.

Глава 22 МЯТЕЖНАЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ

*Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здравого русского веча*

Вам, мои государи, далече!

Граф А. К. Толстой

Опыт жизни показывает: все что угодно можно объяснить, как угодно. Западная Русь живет по другим правилам, нежели Московия? Так это потому, что там живут другие народы, украинцы и белорусы. У нас, у русских, традиции совсем другие.

Истина здесь в том, что, действительно, существует ведь и народ, который до сих пор называет себя русским, что не совсем верно. Если уж одни из наследников Киевской Руси стали белорусами, а другие — малороссами, то логичнее всего называть нас великороссами. Не за «величие», которого, уж простите, в этом названии нет. А по названию области Великой Руси, где произошло формирование этого народа.

А ложь утверждения в том, что особенности цивилизации относятся за счет особенностей народа, и наоборот. Что бы там ни плели националисты самого дешевого разлива, великороссы вовсе не обречены ни на архаическое мировоззрение, ни на дикие формы государственности.

Дело в том, что Новгородскую землю населяли как раз великороссы, из чего уже вытекает, что сложение великоросского народа вовсе не связано непременно с Московией.

Впрочем, и украинцы еще в начале XX века обитали в трех разных государствах.

Только в самом конце XV — середине XVI веков кроткий пастырь народа Иван III и его внучек, живой бог Иван IV, объединили всю Великороссию, и только будущие белорусы и украинцы еще не имели счастья с ними тесно иметь дело. А до этого каждое государство на территории Великороссии имело свои обычаи и могло само выбирать, в каком направлении развиваться.

Новгород развивался так не правильно, так гадко, что особенно сильно огорчал московских подручных татар. Даже сильнее, чем Великое княжество Литовское.

Уже сам государственный строй Новгорода словно придумали назло москалям.

Еще в 1017 году Ярослав Мудрый даровал Новгороду особые грамоты за помощь новгородцев в освобождении Киева от поляков и от князя-братоубийцы Святополка.

Каждый новый князь клялся на этих грамотах не нарушать вольностей Новгорода и только тогда мог приступить к исполнению своих обязанностей.

Москали так ненавидели эти грамоты, данные Ярославом, что в XV веке, завоевав Новгород, не только уничтожили сами грамоты, но и вымарали из летописей всякое упоминание о них. Из своих летописей, конечно. До летописей в Великом княжестве Литовском руки у них были коротки.

С 1136 года, с восстания, утвердившего вечевой строй в Новгороде, Новгородом правило вече, то есть народное собрание. С князем вече заключало ряд — договор. К князю обращались «государь», а не «господин». Князья не имели права владеть собственностью на территории Новгорода, раздавать волости, давать особые преимущества своим людям, торговать иначе, чем через посредничество новгородцев, даже охотиться и косить сено вне определенной зоны.

Если князь нарушал вольности, переставал нравиться новгородцам, они поступали очень просто: открывали городские ворота и сообщали, что «перед князем путь чист».

Перед Александром Невским, к примеру, ворота открывали трижды.

Всего же с 1095 по 1304 год князей сменили 58 раз.

Многие князья сидели по два раза на новгородском столе, а Александр Невский — даже три раза. Всего же княжило в Новгороде за эти годы 40 человек.

Отношение же к Александру Невскому в Новгороде было иное, гораздо более прохладное, чем на Северо-Восточной Руси. Его осуждали за уступки, которые он делал Золотой Орде, за пособничество дикарям.

А если даже князя в Новгороде какое-то время и не было, город почему-то не

проваливался сквозь землю! Вече выбирало посадника, и он вел управление и суд; выбирало тысяцкого, который возглавлял ополчение в случае войны, нес полицейские функции в дни мира.

Не князь, вече решало, быть ли войне. С 1142 по 1446 год Новгород воевал 26 раз со Швецией, 5 раз с Норвегией, 14 раз с Литвой, 11 раз с Ливонским орденом.

В принципе, Новгород вполне мог существовать и без князей, и это уже было личным оскорблением для москалей.

Второе, чем Новгород служил истинным укором для Северо-Восточной Руси, была его культура. Уже в XII веке Новгород был огромным торговым городом, известным всей Европе. Новгородская республика очень похожа на города-республики Италии: Венецию, Геную, Флоренцию. И, конечно же, на города-республики Ганзейского союза: Любек, Гамбург, Штральзунд.

И вообще Новгород входил в Ганзу — союз торговых городов Европы. В конце XIV века Ганзейский союз (от средненемецкого Hanse — союз, товарищество) включал больше сотни городов, в том числе и Дерпт, Ригу, Ревель и владел монополией на торговлю в масштабах Европы.

Столицей Ганзы был город Любек. В нем собирались съезды Ганзы. Любек решал споры между членами Ганзы, решал, будет ли Ганза воевать и какие города выступят с войском.

Основой торговли и финансовых операций Ганзы были конторы в Брюгге, Лондоне, Бергене, Венеции, Новгороде.

Новгород лежал в начале торговых путей, связывающих Балтику с Черным и Каспийским морями, Восточную Европу с Западной. Новгород стал очень важным, непременным членом Ганзы, одним из основных ганзейских городов.

А русских купцов немцы считали очень честными и надежными. Действовал закон, что даже проторговавшийся русский купец не мог быть арестован в других городах Ганзы. Финансово несостоятельного купца отправляли в Новгород, чтобы он мог отдать долги.

Как не похоже на записки иностранцев о Московии!

Именно Ганза определяла движение товаров и сырья по всей Европе, посредничая между всеми центрами ремесла и торговли. Центральное место в Ганзе занимали немецкие города, а главными были немецкие купцы. Это было с одной стороны удобно всем, с другой затрудняло развитие местного купечества, в том числе фламандского и английского.

Поэтому Ганза отошла на второй план и начала тихо хиреть в XVI веке, когда во многих странах Европы поднялось свое купечество (формально Ганзейский союз прожил до 1669 года).

Любимая байка «патриотов» советского разлива (тех самых, про россича, который, бедняжка, сразу захиреет, как станет работать на самого себя, не на общину) еще и в том, что Новгород был неравноправным членом Ганзы. Некоторых прав Новгород действительно не имел: например, самому возить свои товары в города Ганзы (а в неганзейские — возил).

В самом Новгороде находился Немецкий двор и посольство Ганзы. Политика Ганзы была проста: монополия немцев на торговлю (не членам Ганзы запрещалось учить русский язык и давать русским ссуды) и поддержание высоких цен на свои товары. В ответ русские купцы создавали свои артели для установления цен. Немцы пытались вытеснить новгородцев с Балтики, ликвидировать их морскую торговлю. Но то же самое они пытались сделать и во Фландрии, и в Англии (английских купцов Ганза давила несравненно жестче, чем русских). Морскую же торговлю Новгорода уничтожили вовсе не немцы, а московитский великий князь Иван III.

Новгород был не неравноправным, а своеобразным, самобытным членом Ганзы, как и почти каждый из ганзейских городов.

Но ведь из этого всего вытекает: в Новгороде жили (страшно и вымолвить) горожане! По всей Северо-Восточной Руси их татары с московитами уж душили, душили...

Да, почтенный читатель! Я вынужден тебя напугать!

В Новгороде и правда жили самые отпетые горожане. В чем была их слабость, так это в удивительной неспособности развивать свой вечевой строй.

Города Европы начинали с того же, что и Новгород, но постепенно вводили строгий подсчет присутствующих и голосующих, защиту прав меньшинства, формализовали все правила. В Новгороде этого не сделали, и в XV веке победа той или иной группы определялась «на слух», кто громче заорет. Было невозможно достижение компромисса, и не раз бывало, что оставшиеся в меньшинстве уходили в один из районов города и там проводили свое вече. И начинались столкновения, гражданские беспорядки, вплоть до насилия, грабежей и поджогов.

Тем более, в Новгород не пришло Магдебургское право, и провинциальный Гродно управлялся лучше, чем огромный, богатый Новгород.

Это вообще удивительная особенность православных стран в сравнении с католическими — большая замедленность в развитии. Даже двигаясь в одном и том же направлении, католики движутся быстрее православных. В богословии это принимает порой забавные формы, когда православные с обидой восклицают: «Но мы ведь тоже всегда так думали!» Резонный вопрос: «А если вы так думаете, почему веками ничего не говорите об этом?!»

Но все жители Новгорода были равны перед законом, и в XV веке даже зафиксировали принцип: «Судити всех ровно, как боярина, так и житего (Богатого. — *А. Б.*) и молодчего (Бедного. — *А. Б.*) человека».

Основой гражданственности новгородцев становится преданность не феодалу, не отвлеченной идее, а городской общине — Господину Великому Новгороду.

Новгородцы почти поголовно были грамотны. Известны надписи, сделанные мальчиком Онфимом, переписка супружеских пар. Или вот втопанная в грязь мостовой записка, написанная на рубеже XII и XIII веков: «Я посылала к тебе трижды. Какое зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил?».

Из чего приходится сделать еще два вывода: новгородские девушки сами выбирали себе мужей. И у новгородцев не было теремов. И небо не рухнуло! Бедные москвиты!

Правда, иностранцы отмечали высокую нравственность новгородских женщин. Немцы считали, что новгородки ведут себя приличнее немок, и что любвеобильным подмастерьям нечего ловить в Новгороде. Вот по поводу москвиток они высказывались прямо противоположно.

Была у Новгорода и третья ужасная особенность, и состояла она в положении там церкви...

С 1156 года епископа в Новгороде стали выбирать. Вече называло трех кандидатов: наиболее авторитетных служителей церкви. Их имена записывались на пергаменте, посадник запечатывал пергамент своей печатью. Запись несли на другой берег Волхова, в Софийский собор, где шла литургия. После окончания службы слепец или ребенок брал одну из записей, и оглашалось имя, на которое пал выбор. Лишь затем выбранный епископ ехал в Киев для посвящения и рукоположения.

С 1168 году новгородский епископ стал архиепископом, и его по-прежнему выбирали. Архиепископ стоял во главе исполнительной власти Новгорода — Совета господ.

Городская казна хранилась в Святой Софии, и получается, что хранил ее архиепископ. Архиепископ ведал внешней политикой города, имел право суда, наблюдал за мерами весов, длины, объема при торговле.

Получается, что Новгород выбирал в архиепископы своего человека и относился к нему, как к должностному лицу Господина Великого Новгорода. Архиепископ меньше зависел от церковной иерархии, чем от города, и его положение очень напоминало то, которое имел епископ в городах Западной и Центральной Европы.

Вообще-то, православие всегда настаивало на том, что церковь не должна иметь светской власти, а должна жить под ее покровительством. Но в Новгороде думали иначе... примерно так же, как в Германии.

Новгородские купцы составляли артели по специальности (суконники, рыбники, хлебные) или по районам торговли (купцы заморские, купцы низовские, то есть поволжские). Общую казну, товары корпорации, книги, в которые записывались сделки, тоже хранили в церкви святого — покровителя артели.

Для архиепископа построили двор, подобный княжескому, окруженный крепостными стенами и башнями. У него было свое войско и множество слуг и работников, объединенных в артели — дружины переписчиков книг, строителей, иконописцев. Боевой клич новгородцев: «Постоим за Новгород и Святую Софию!» отражал соединение идей демократии и православия.

Впрочем, кто это придумал, что православие не может освятить демократию, противоречит ей?

Новгородские священники, дышавшие воздухом вольнолюбивого города, часто выступали против канонического византийского православия, даже оставаясь в рамках церковной догматики. Они ведь тоже были независимы от официальной церковной иерархии, ничто не мешало им думать собственной головой.

В середине XIV века Людогощинский конец Господина Великого Новгорода заказал мастеру крест. Само по себе в этом нет ничего удивительного, и мастер сделал удивительной красоты резной крест. Ставший собственностью заказчика, крест так и стал называться: Людогощинский крест. Тоже — похвально, но ничего из ряда вон выходящего.

Необычна надпись на кресте, хулящая официальную церковь. А еще необычнее то, что заканчивается надпись какой-то нечитаемой бессмыслицей. Историки весьма логично предполагали, что мастер хотел подписаться, оставить имя на своем изделии. А поскольку опасаться мести церковников у него были все основания, то подпись он зашифровал... Расшифровать абракадабру пытались множество раз.

Уже в XX веке археолог-славист И. Г. Рабинович пессимистически заметил, что, наверное, мастер хотел, чтобы его имя было понятно только Господу Богу. А спустя несколько лет Борис Александрович Рыбаков сумел расшифровать надпись, о чем есть забавный рассказ Б. Г. Федорова [99].

Мастера звали Яков Федосов.

И, может быть, дело не только в «поносных словах», вырезанных мастером на кресте. Церковь не только не любила и считала богохульниками своих оппонентов. Церковь требовала от автора анонимности. Средневековая норма однозначна: не возвеличивай себя — хотя бы попыткой оставить о себе память! Не гордись деянием! Твой талант, твои силы — ничто! Не ты поднялся над суетой и будничным стяжанием! Только Господь дал тебе то, чем ты воздвиг собор, совершил необычное!

И многие уходили из мира, так и не оставив памяти о совершенном. Кто он, строитель Софии Новгородской? Спаса-на-Нерли? Софии Киевской? Мы до сих пор не знаем, кто возвел Василия Блаженного. То ли два человека: Барма и Постник? То ли один — Барма Постник? Личность зодчего не интересовала летописца. Стремление оставить память о себе было грехом гордыни.

Вдумаемся: неведомый нам Яков Федосов страстно хочет оставить свой след. Ему невероятно важно, чтобы люди знали: этот крест вырезал именно он! Не Федор Иванов, не Михаил Андреев, а он, он, Яков Федосов! Это желание так сильно, что он идет на поступок, однозначно осуждаемый церковью, рискует спасением души (а атеистов не было в те дни). Из XIV века словно бы раздается крик: «Да вот он я! Вот! Это вот я сделал! Я!»

Позвольте безнадежному клерикалу верить: Господь захотел явить чудо, и крик достиг ушей потомков. Не ставши, разумеется, Богом, археолог стал орудием Провидения, и мы услышали этот крик Якова Федосова. Жаль, не удастся посмотреть, как он выглядит, поговорить с ним (по крайней мере, на Земле). Нет, но какое сильное желание выделиться, какой отчаянный, упрямый индивидуализм! Какое мощное осознание себя мастером, творцом, имеющим право требовать и властно требующим: «Люди! Послушайте меня!»

А ведь это европейское Возрождение возвеличило фигуру мастера, возвысило его над

людьми, приблизило к Творцу. Это в эпоху Возрождения на место средневековых анонимов встали и Джотто, и Микеланджело, и да Винчи... Творцы русских храмов XI—XIII веков по-средневековому анонимны. Новгород и тогда выделился. Известно имя архитектора Петра, строившего в Новгороде в XII веке, но это исключение из правил. В Московии анонимность мастера остается культурной нормой и в XVI веке.

В Новгороде же от средневековых норм в культуре явственно отходят, и это никак не связано с национальностью его жителей.

А кроме того, в XIV—XV веках Новгород был рассадником ересей для всей Руси и даже, пожалуй, для всего православного мира.

В XIV веке официальную церковь очень огорчали стригольники — сторонники дьякона Никиты и брадобрея (стригольника) Карпа. Стригольники отрицали церковную и монашескую иерархию, монашество, отвергали поклонение иконам, отрицали троичность божества и божественность Христа. Были даже сверженные люди, отказывавшиеся верить в бессмертие души. Даже казнь Карпа и Никиты в 1375 году не помешала ереси распространяться на многие районы Западной Руси.

Стригольники откровенно вырабатывали систему ценностей, весьма близкую ко многим ценностям европейского Возрождения. В их движении вообще очень многое выбивается далеко в сторону от «народных ересей» Средневековья, от антифеодальных движений. В нем легко узнаваемы черты европейского Возрождения с четкой ориентацией на независимую человеческую личность, отрицание церковного официоза.

В XV веке новая ересь «жидовствующих» отрицала божественную природу Иисуса Христа и признавала Ветхий Завет более важным, чем Новый.

Все это доказывает одно: в православном Новгороде шла активнейшая интеллектуальная жизнь. Самая активная во всем мире русского православия. Рождались, обсуждались идеи, шли открытые споры, складывались мнения, возникали согласия и разногласия.

Почему именно здесь? А потому, — что Новгород был независим, никем не завоеван... и притом оставался обществом европейского типа. Здесь отдельный человек был и достаточно развит, чтобы мочь, и достаточно свободен, чтобы сметь свое суждение иметь.

Для московитов разве что проблема бритья бороды и послеобеденного сна приобретала смысл богоискательства.

В этом обществе зависимых, необразованных и забитых все было омертвлено изоляционизмом и примитивнейшим обрядоверием. Православные в Литве слишком были озабочены тем, чтобы сохраниться, им было, в общем-то, не до развития.

А новгородцы, в конце концов, жили в собственном государстве и развивали собственную культуру на своей земле. Без комплекса неполноценности. Да у них и основания не было для этого поганого комплекса. И центром всех религиозных «бесчинств», очень похожих на идеи Возрождения, на идеи Реформации, осталась Северо-Западная Русь.

Я уже говорил о том, что, как правило, развитие православных культур шло медленнее, чем католических. Но вот стоило православному Новгороду оказаться в обстановке, благоприятной для развития, и в православии появились тенденции Возрождения, Реформации... В XV—XVI веках множество православных русских людей в Новгороде почему-то утрачивают средневековые черты самосознания. Они начинают осмысливать окружающее в категориях, для Средневековья совершенно не характерных; они пытаются утвердить другое мироощущение, другой образ жизни, иную концепцию человеческой жизни.

Если бы это движение оказалось масштабным не только в Новгороде, на Руси произошел бы переворот, по смыслу и по масштабам похожий на немецкое или по крайней мере на польское Возрождение. Переворот не состоялся, потому что вне Новгорода русских людей, думавших иначе, было больше. Настолько больше, что ни нестяжатели, ни стригольники даже не устроили гражданской войны, смуты или хотя бы «бунта на коленях». Кучка «русских Возрождения» не перешибла плетью обуха.

Новгород и Москва

Не в первый раз в истории человечества Новгород сам помог подняться своему основному душителю. Дело в том, что Новгород зависел от хлебного подвоза с юга, «с низа». Новгородцы стремились ладить с низовскими князьями, с самыми сильными из них.

Они даже подкупали татарских вельмож, чтобы Москва получала ярлык на великое княжение. Без богатств Господина Великого Новгорода не так просто было бы бороться и с Тверью. В таких ситуациях наивные люди рассчитывают на благодарность, не понимая, что есть общественные системы, в принципе лишённые и благодарности, и чести.

И более того: для которых независимый помощник неприятен и опасен уже потому, что он независимый. Такого помощника необходимо уничтожить именно для того, чтобы не было ничего независимого от тебя самого...

В конце XIV века Москва присоединяет поволжские земли. Теперь Москва может в любую минуту отрезать подвоз хлеба в Новгород, вызвать рост цен на хлеб и даже голод.

Новгород с ужасом обнаруживает, что Москва вовсе не помнит сделанных благодеяний, но все туже сжимает костлявую руку на горле их города. И бросаются искать противовес.

...Они были современниками, почти ровесниками: Иван III, называвший себя Государем Всея Руси, и Казимир IV, тоже Господин Русской земли, младший сын великого Ягелло. Казимир вошел в историю как Казимир Великий и как Казимир IV Ягеллончик. С 1440 года он был великим князем Литвы и с 1447 — королем Польши. Эти два титула он соединял до своей физической смерти в 1492.

Казимир Великий не отменял обычаев и прежний порядок управления в землях вассалов. Он предоставлял большие привилегии городам, признавал шляхтичами не только бояр, но и их дворню-дворян.

Весь XV век под напором Москвы в Новгороде все громче звучат речи о присоединении к Литве. Негативно воспринимается все московское. Новгород колеблется, еще не зная, куда двинуться лучше.

Оппозицию Москве составил клан бояр Борецких, Привлеченные фигурой вдовы посадника Исаака Андреевича Борецкого, Марфы Посадницы, демократы прошлого века часто делали из нее эдакую демократку, защитницу новгородского народоправства. Скажем однозначно и четко: никакой такой демократкой Марфа Борецкая не была. 1458 крестьянских дворов принадлежали Борецким. Позиция и Марфы, и ее сыновей Дмитрия и Федора оставалась аристократической: типичная позиция реакционных бояр.

В роли демократов выступали скорее московские великие князья, стремившиеся отобрать богатства Борецких, уравнивать их с остальной дворней и все поделить между своими верными людьми.

В 1471 году вече отказало великому князю московскому в праве собственности на новгородской земле и в дани.

Началось преследование наместников и дворян великого князя. Новгородцы защищали свои вольности, свое право на самоуправление. Москва объявила Новгород отчиной великого князя, обвинила в измене, отправила войско — завоевывать город.

Есть старая испанская поговорка: «Дьяволу нельзя продать половину души». Нельзя, потому что продающий и 1% души уже впадает в смертный грех; и потому, что дьявол все равно ведь заберет всю душу. Не разрежут твою душу на две части, чтобы одна часть пошла в свет, другая — во тьму.

Новгород принял вызов Москвы. Навстречу завоевателям выступило ополчение во главе с посадником Дмитрием Исааковичем Борецким, сыном Марфы. Но не решился Новгород окончательно пойти под католиков. Переговоры — велись. Грамоты Казимира на вече читались. Но окончательное решение принято не было, и Новгород не пошел ни под

Государя Всея Руси, ни под Господина Русской земли. И Новгород остался один, без поддержки сильного союзника.

14 июня, между устьем впадающей в Ильмень Шелони и городом Сольцы, неожиданно встретилось войско князя Дмитрия Холмского, ведшего 5 тысяч московских дворян на Новгород, и новгородского ополчения во главе с Дмитрием Исааковичем; численность новгородцев историки называют по-разному — от 2 до 40 тысяч человек.

Весь бой продолжался не больше двух часов. Новгородцы не сумели сделать то же, что фламандцы, превратив битву на Шелони в Битву шпор. Атака московской конницы мгновенно расчленила новгородское войско — растянувшуюся, неорганизованную толпу. Московиты погнали одну толпу новгородцев вдоль Шелони, другую — в сторону Сольцов.

Было убито примерно 12 тысяч человек (точно никто не считал), порядка 2 тысяч было взято в плен. В числе пленных был и Дмитрий Исаакович; он был отвезен в Москву и казнен.

Условия мира оказались неожиданно милостивыми.

Вольности города не были уничтожены. Скорее Новгород стал более зависим от Москвы, пока что оставаясь самим собой.

Вот только одного требования Москвы новгородцы не были в силах выполнить: чтобы в центре Новгорода жил московский наместник и вершил суд по законам Москвы, не спрашивая воли горожан.

Шел торг, нагнеталась взаимная ненависть, становилась неизбежной новая «ругань, мятеж и нелюбовь».

В мае 1477 года на вече разъяренный народ убил трех посадников — по обвинению в предательстве интересов Новгорода: они пытались найти у князя московского помощь в борьбе с противоборствующей группировкой бояр.

В летопись внесены были слова: «не было от начала, как земля наша стала» такого предательства. Война с Москвой снова становилась неизбежностью.

Но новгородцы второй раз попытались продать дьяволу только половинку души. Вече снова не решилось идти под католическую Литву, признать своим владыкой Казимира.

Не помню, кто это сказал: «Народ, который жалеет денег, чтобы кормить свою армию, будет кормить вражескую».

У новгородцев был выбор между двумя владыками и двумя армиями, и они его фактически сделали.

Ведь ополчение против Москвы было по-прежнему бессильно, и в 1478 году Иван III ввел свои войска в Новгород.

Теперь вольности города были уничтожены, вечевого колокол увезен в Москву, а Иван III заставил новгородцев принять присягу, по которой они стали подданными великого князя московского.

Марфа вместе с внуком Василием Федоровичем (сын Федор уже умер) была арестована, отправлена в Москву, и следы ее теряются. Все имущество Борецких конфисковано.

Но и тогда Иван III не решился до конца уничтожить все новгородское своеобразие.

Первое время город сохранял непосредственные связи с Ганзой, со скандинавскими и прибалтийскими государствами. В дипломатических действиях наряду с наместниками Москвы принимали участие и представители старого Новгорода — бояре и купеческие старейшины.

Но это была лишь инерция. В 1494 году Иван III закрыл Немецкий двор и посольство Ганзы, конфисковал все товары и все капиталы немецких купцов и запретил Новгороду самостоятельную торговлю с иными странами.

Тем самым была закрыта одна из тех контор, на которых вообще держалась Ганза. Тем самым отсекался Новгород от всей остальной Европы. Тем самым пресекалось русское мореплавание.

До сих пор российские неучи, то ли вылезшие из кельи немытого старца Филофея, то ли сбежавшие из Морского шляхетского корпуса, курят фимиам Петру Великому. Построил

флот! Прорубил окно! В Европу! Воздвиг Петербург!

Отвоевал выход к Балтике!

Ну что сказать людям, которых до такой степени, до потери логики и разума, чарует культ силы и власти? О чем спорить?

Так вот: ДО ПЕТРА И ДО ИВАНА, ЕЩЕ В XVI ВЕКЕ ФЛОТ НА РУСИ БЫЛ. Это раз. ВЫХОД К БАЛТИКЕ БЫЛ. Это два. РУССКОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ — БЫЛО. Это три. СВЯЗИ С ЕВРОПОЙ БЫЛИ, ИНТЕНСИВНЫЕ И РАВНОПРАВНЫЕ. Это четыре. И все это было уничтожено Москвой. Если была необходимость все это создавать в XVIII веке, то только по одной причине — потому что все это уничтожили в XVI. Зачем уничтожили? А очень просто! ЧТОБЫ НА РУСИ НЕ БЫЛО НИЧЕГО, ЧТО НЕ ЗАВИСИТ ОТ МОСКВЫ И ЕЕ КНЯЗЯ. Вот и все.

Еще через 10 лет, в 1504 году, церковный Собор принял решение о беспощадном искоренении ересей. Нечего этим новгородцам чего-то там болтать! Ишь, умные выискались!

Наивные люди всерьез считают, что на Руси никогда не было инквизиции. На Западной не было — факт. И в Польше тоже не было. Есть что-то в характере славян, не давшее работать у них инквизиционным трибуналам.

Но в Московии не раз с «еретиками» расправлялись зверски. А кого считать еретиком? Если уж великого князя чуть не отлучили от церкви за бритье бороды, куда идти дальше!

Трудно сказать, сколько людей было живьем сожжено в клетках, сколько ввержено в страшные монастырские тюрьмы. Называют цифры и в 2 тысячи погибших, и в 5 тысяч. Все цифры примерные, конечно же. Кто и когда считал живых и мертвых на Московии? «Людишков хватит!»

В 1510 и Псковская республика, остаток Северо-Запада, ликвидирована Василием III, который предъявил псковичам ультиматум: снять вечевой колокол, подчиниться великокняжеским наместникам. Во Псков вошла московитская армия; под ее чутким руководством 300 самых богатых семейств были переселены в глубь страны. Взять с собой позволялось только то, что на теле. На детей надевали по две-три шубы, прятали золотые монеты в женское белье и в задний проход... В общем, сцена из времен раскулачивания.

А имущество высланных жителей раздали верным слугам московского великого князя. После чего во Пскове завели такую же систему наместников из Москвы, как и в Новгороде.

Все, конец Северо-Западу. Но и это оказалось не последним преступлением Москвы.

Говорит Костомаров

Я сильно боюсь, что иной читатель сочтет мои слова преувеличенными, а суждения пристрастными. Хорошо! Вот рассказ одного из лучших русских историков за всю историю России — Николая Ивановича Костомарова:

«Московский царь давно уже не терпел Новгород. При учреждении опричнины он обвинял весь русский народ в том, что в прошедшие века тот народ не любил царских предков.

Видно, что Иван читал летописи и с особенным вниманием останавливался на тех местах, где описывались проявления древней вечевой свободы. Нигде, конечно, он не видел таких резких, ненавистных для него черт, как в истории Новгорода и Пскова. Понятно, что к этим двум землям, а особенно к Новгороду, развилась в нем злоба... Собственно, тогдашние новгородцы не могли брать на себя исторической ответственности за прежних, так как они происходили большею частью от переселенных Иваном III жителей из других русских земель; но для мучителя это проходило бесследно.

...В это время какой-то бродяга, родом волынец, наказанный за что-то в Новгороде, вздумал сразу и отомстить новгородцам, и угодить Ивану. Он написал письмо, как будто от архиепископа Пимена и многих новгородцев к Сигизмунду-Августу, спрятал это письмо в

Софийской церкви за образ Богородицы, а сам убежал в Москву и донес государю, что архиепископ со множеством духовных и мирских людей отдается литовскому государю. Царь с жадностью ухватился за этот донос и тотчас отправил в Новгород искать указанные грамоты... Чудовищно развитое воображение Ивана и любовь ко злу не допустили его до каких-либо сомнений в действительности этой проделки.

В декабре 1569 года предпринял Иван Васильевич поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел, как на войну; это была странная сумасбродная война с прошлыми веками, дикая месть живым за давно умерших... И Тверь была осуждена на кару, как бы в воспоминание тех времен, когда тверские князья боролись с московскими предками Ивана... На пути разоряли и убивали всякого встречного, кто не нравился. Подступивши к Твери, царь приказал окружить город войском со всех сторон и сам расположился в одном из ближайших монастырей. Малюта Скуратов отправился, по царскому приказу, в Отрочь-монастырь к Филиппу (митрополит, глава московской православной церкви, которого Иван прогнал из Москвы за попытки заступаться за жертвы Ивана. — А. Б.) и собственноручно задушил его, а монахам сказал, что Филипп умер от угара. Иноки погребли его за алтарем.

Иван стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили духовных, начиная с епископа. Простые люди думали, что тем дело и кончится, но через два дня, по царскому приказанию, опричники ворвались в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары: воск, лен, кожи и пр., свозили в кучи, сжигали, а потом удалились.

Жители опять начали думать, что этим дело кончится, что, истребивши их достояние, им, по крайней мере, оставят жизнь, как вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого ни попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащат и бросают тела убитых в Волгу. Сам Иван собирает пленных полочан и немцев, которые содержались в тюрьмах, частью помещены были в домах. Их тащат на берег Волги, в присутствии царя рассекают на части и бросают под лед. Из Твери уехал царь в Торжок; и там повторялось то же, что делалось в Твери...

Еще до прибытия Ивана в Новгород приехал туда его передовой полк. По царскому велению тотчас окружили город со всех сторон, чтоб никто не мог убежать из него.

Потом нахватали духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей, заковали в железа и в городище поставили на правеж; каждый день били их на правеже, требуя по 20 новгородских рублей с каждого, как бы на выкуп. Так продолжалось дней пять... Принадлежащие к опричнине созвали в детинец знатнейших жителей и торговцев, а также и приказных людей, заковали и отдали приставам под стражу, а дома их и имущество опечатали.

6 января, в пятницу вечером, приехал государь в городище с остальными войсками и с 1500 московских стрельцов. На другой день дано повеление перебить до смерти всех игуменов и монахов, которые стояли на правеже...

Вслед за тем Иван приказал привести к себе в городище тех новгородцев, которые были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собою, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками, между прочим поджигать их каким-то изобретенным им составом, который у него назывался поджар, потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко вести вслед за собою в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, кто всплывали» [100].

Я думаю, нет смысла комментировать рассказанное.

Добавлю только, что на протяжении пяти недель «ввергали по воду» каждый день по

500—600, а часто до полутора тысяч человек. Общее число убитых составляет никак не менее 30—40 тысяч. Точного числа истребленных уже никто не назовет, в том числе и количества грудных младенцев, особенно сильно не любивших предков Ивана.

И не заводите, Бога ради, дурацкий мотив самооправдания: «Везде было то же самое! Время было такое!». Неправда! Нет! Ни в одной стране Европы подобный эксцесс был невозможен в принципе. В 1570 году речь идет не о действиях гражданской войны наподобие Варфоломеевской ночи или событий Тридцатилетней войны в Германии. Речь идет о царе, истребляющем в мирное время собственный народ, совершенно лояльных людей.

Немного виртуальности

...А впрочем, стоит ли описывать, что смогло получиться... собственно, уже получалось, из Новгорода?! Москвой уничтожен вариант русской культуры, который сам по себе, самым своим существованием решал все вопросы, которые якобы стояли перед страной со времен Ивана IV. И которые якобы решали и Иван, и Петр... и, конечно же, не решили.

Можно много рассуждать о том, что же уничтожила Москва в стремлении к неограниченной ничем власти. Я же замечу только одно: исчез вариант православной культуры, который мог оказаться не менее динамичным, не менее активным, чем католицизм. А может быть, и породил бы русский вариант протестантизма.

Заколдованный северо-запад

Впрочем, русский северо-запад так и остался неким странным местом в истории государства Российского, где народ был образованней, активней, предприимчивей других русских, больше склонно к индивидуализму.

Русский северо-запад упорно, неискоренимо тянулся в сторону Европы. Иван IV уничтожил остатки Новгорода и Пскова. Тогда Ижорская земля оказывается под шведской оккупацией. Не все знают, что не все русские жители Ижоры остались в Российской империи после отвоевания Прибалтики Петром. «Мы привыкли быть свободными...», — кратко объясняли ижоряне, садясь в шведские корабли.

А потом Петр построил на северо-западе столицу всей Российской империи образцово-показательный москальски-бюрократический город! И через этот город, через северо-запад, на Русь хлынуло все европейское... Как будто бы на всю империю. Но вот она распалась, столица переехала в Москву, а созданный Петром город так и остался «окном в Европу» и все больше превращался в град вольнодумный и мятежный.

Есть в этом нечто очень назидательное и очень радующее душу: город, построенный как столица империи, превратился в неофициальную столицу люто нелюбимого, всеми силами искореняемого северо-запада!

Из чего мораль: никому, даже царям, не дано идти против естественного течения событий. А будет все равно то, чему должно сбыться.

Глава 23 ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Если цель — распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты.

Граф Л. Н. Толстой

Начало

Все началось с того, что в имение князей Вишневецких пришел новый работник. Никто не знал, кто этот человек, откуда пришел и чем занимался до этого.

В мире, где очень важно принадлежать к какому-то клану, иметь известных предков, такие люди оказывались самыми незащищенными, малозначащими и находились в самом низу общества. Человек этот был работник Вишневецких.

И вот уже начинаются неясности! Работник... А что именно он делал? По какой части работник? Конюх он был, шорник, столяр, маляр, огородник? Об этом предание молчит. Может быть, из почтения к тому, кем оказался этот молодой человек? Может быть...

А есть другая история, что вырастили его монахи, из совсем маленького, грудного почти мальчика. Был голод, на дороге нашли мертвую мать. Руки трупа стискивали еще пищавшего младенца. Всякого, склонного идеализировать прошедшие времена, отсылаю к этой сцене, не такой уж редкой во всем мире.

Малыш был здоров и умирал только от голода. Монахи вырастили малыша, дали ему новое имя. На тощей шейке болтался крест, но кто знает, каким именем нарекли его первый раз? В таких случаях давали имя в честь святого, в чей день нашли ребенка. Ведь именно этот святой привел ребенка к спасению. Ребенок вырос и пошел в работники в одно из бесчисленных имений Вишневецких.

А может, эта легенда потом прилипла к нашему незнакомцу? Прилипла позже, когда стали соединять его и Гришку Отрепьева, слепливать этих двух совершенно различных людей? Ведь первоначально эта история была как раз про него, про Гришку, и вроде бы соответствовала истине. Более чем вероятно, что истории двух разных людей соединили.

Говорят еще, что однажды, когда монахи сидели в трапезной, зашел с улицы некий странник, и его усадили вместе с братией. Странник сел напротив подростка и вдруг вперился в него глазами...

— Он!!! Это он, я узнал его! — страшно закричал странник и грохнулся в обморок. Кинулись к нему, уложили на лавку. Странник все не приходил в себя. А утром хватились — нет странника!

Так, мол, парень и начал узнавать, что с его происхождением связана какая-то тайна.

А еще говорят, что к работнику знатных магнатов, вельможных панов Вишневецких, приходили какие-то неизвестные люди и вести с ним долгие беседы, тоже неизвестно о чем.

Но все это — только подготовка к главному. Впрочем, о главном тоже рассказывают по-разному. Один вариант таков, что парень как-то сильно заболел и рассказал священнику на исповеди свою тайну. И это была такая тайна, что священник не выдержал, поступился даже страхом погубить душу и открыл тайну князю Вишневецкому.

Другая версия «главного» проще. В один прекрасный день парень попросил о встрече с князем Андреем Вишневецким и открылся ему. Он, работник князя, на самом деле не невесть чей сын; на самом деле он чудесно спасшийся царевич Дмитрий, сын царя Московии Ивана Грозного.

Не будем оспаривать легенд. Не очень важно, как именно все начиналось, через священника, чье имя легенда не приводит, или без него. Важно другое: князь Вишневецкий ПОВЕРИЛ. Стоило ему засмеяться, махнуть рукой, сказать что-то в духе: «Ты, видать, грибов дурных наелся, парень?» И не было бы ничего. Стоило князю решить, что парень сошел с ума, что после болезни у него ум заворачивается за разум, — и вся эта история окончилась бы совершенно иначе. Прямо скажем, непонятно как. А если бы князь решил, что его человек сознательно морочит ему голову, пытается выжать из него обманом денег, все могло бы кончиться и совсем плохо для Дмитрия. Но князь Вишневецкий ПОВЕРИЛ. И у незнакомца начались совсем другие приключения.

А доверчивость князей Адама и Константина Вишневецких меня, честно говоря, сразу же настраивает в пользу Дмитрия. Потому что получить огромное состояние может каждый или почти каждый, было бы везение, обстоятельства, толика собственных усилий. Но вот удерживать огромное богатство, быть богаче королей из поколения в поколение — это совсем другое дело. Для этого нужен не только ум, работоспособность и удача. Нужны еще недоверчивость, хитрость, проницательность; нужно умение видеть, понимать людей, оценивать их быстро и верно, как можно реже ошибаясь. А Вишневецкие были не просто богатыми. Они были богатейшим семейством Речи Посполитой и одной из богатейших семей Европы Золотой посуды, земель и денег у них было больше, чем у английских королей, и никак не была характерна для них погоня за внезапным «фартом», «удачей — мгновенной и ослепительной, как ночной выстрел в лицо» [101]. Так жили поколения Вишневецких, и ни одно их поколение не потеряло богатства. А если бы хоть в одном из поколений Вишневецких жил тот, кто склонен был бы верить аферистам, следующее поколение такого состояния уже не имело бы.

Так что если Вишневецкие поверили Дмитрию — это большой плюс для признания его подлинности. Очень большой.

Адам и Константин Вишневецкие рассказали о Дмитрии тестю Константина, Мнишеку. О феодальном клане Мнишеков придется рассказать особо. Хотя не всегда ясно, что рассказывать, а главное — в каких выражениях. Начать с того, что сам старший Мнишек раза три переходил из одной веры в другую. Его сыновья «прославились» поставками юных дев любвеобильному королю Сигизмунду-Августу, а после смерти короля дочиста обобрали его. О поведении Марины Мнишек говорить и неприятно, и главное — очень непросто. Повторять ряды грязных сплетен не хочется, а ничего хорошего об этой даме так никто ничего и не сказал.

Клан насчитывал десятки семейств, и все были примерно таковы же. История сохранила слова княгини Камалии Радзивилл, сказанной кому-то из своих внуков. Смысл сказанного в том, что дети приличных людей не играют с детьми воров и проституток.

Что делало Мнишеков ценными союзниками — это невероятная искушенность в интригах и сплоченность клана.

Если ставка была высока, клан прекращал внутреннюю грызню и дружно образовывал единый фронт.

И вот он, первоначальный расклад: богатейшие люди Речи Посполитой и ее виднейшие интриганы получают в руки не что-нибудь, а царственную особу. Законного наследника всех четырех престолов: Московии, Великого княжества Литовского, Польского королевства и Речи Посполитой. Близкий родственник Ягеллонов, родной брат последнего великого князя Московии, сын Ивана IV, Рюрикович по прямой правящей линии! Сажать его можно было буквально на любой из престолов и с полным на то основанием.

Сначала возникла идея посадить Дмитрия на престол Речи Посполитой. Подумали, прикинули варианты, поняли — слишком трудное занятие, слишком многие окажутся против. Не говоря ни о чем другом, существующий король шляхту в общем-то устраивал, и менять его она не собиралась.

Оставался престол Московии, и это даже было лучше.

Мало того, что заговорщики восстанавливали справедливость, разумно устраивали мир — а это мужское занятие было в цене тогда, осталось и теперь. Люди не любят несправедливости и любят справедливость, что характеризует их не очень плохо... как мне кажется. А кроме того, посадив Дмитрия на московский престол, великокняжеский или царский — один пес, можно было на практике осуществить давнюю идею Польско-Литовско-Московской унии. Что сулило не только колоссальное усиление всех трех государств, но и еще сразу несколько важных итогов:

1. Польская шляхта могла найти применение своим силам — несравненно лучшее, чем делить и переделывать земли нынешней Украины.

2. Открывался фонд неосвоенных земель, и избыточное население Польши и Западной

Руси — и шляхетское, и крестьянское — могло переселяться на Урал и в Сибирь.

3. Открывалась реальная возможность вести войны за Крым, Причерноморье — за территории, которые отвоюет только Потемкин спустя полтора столетия.

4. Московия стала бы не особенной и пугающей, а нормальной и органичной частью русско-польского мира.

Тут, конечно, возможно легкое возражение: сами же польско-литовские католики не давали ей стать этой частью... Сама же негибкая, уродливая политика непременного окатоличивания порождала отъезды русских князей в Москву и тем самым усиливала Московию. Не будь этой дурацкой проблемы, вызванной к жизни нехваткой гибкости, терпимости и даже попросту ума, Московия сама давно бы пала или превратилась бы в периферию Речи Посполитой.

Но люди XVII века если и понимали это, то очень смутно. А посадить Дмитрия на московский престол было, в общем-то, вполне возможно.

Московия после Ивана

После смерти убийцы собственных детей Ивана IV 18 марта 1584 года (в 54 года) на престол сел его слабоумный сын Федор. Степень его слабоумия описывают по-разному, вплоть до истории, как, сидя на троне, Федор как-то обмочился. Но эту смачную историю передает шведский посланник, а он-то вряд ли симпатизировал Федору...

Да и любому московитскому царю.

Федор очень любил колокольный звон и сам был прекрасным звонарем. Федор любил и умел мирить поссорившихся супругов; умел найти убедительные слова, показали людям друг друга с самой выгодной стороны. Федор был добр, хлебосолен, и виноват ли он, что править и не мог, и не хотел? Из него, вероятно, вышел бы добрый русский барин XVIII—XIX веков — придурковатый, но приятный.

Брат жены царя Борис Годунов забирал власти себе все больше и больше, а с 1587 года стал фактическим правителем государства, с правом личных дипломатических отношений с другими странами... От имени Московии, конечно.

Единственное дитя Федора, Ирина, прожила недолго; сам Федор Иванович помер 7 января 1598 года.

Был, правда, и еще один сын Ивана IV, Дмитрий. После смерти отца мальчик получил в удел город Углич, где и жил себе с матерью. 15 мая 1591 года мальчик был найден с перерезанным горлом, здесь же валялся и нож. Богдан Бельский, дядя Дмитрия и князь Василий Шуйский провели тщательнейшее расследование и пришли к выводу: мальчик страдал падучей болезнью и зарезал себя сам. Как могли дать нож больному мальчику? На этот вопрос ответа не было.

Итак, все дети Ивана IV померли, и 17 февраля 1598 года Земской собор избрал Годунова на царство. Не то чтобы так уж не было никаких других претендентов, но с этими претендентами обязательно что-то приключалось или в лучшем (для них) случае их никто не поддерживал.

Был ли Борис Годунов плохим царем? Нет, скорее всего был хорошим. Решения принимались разумные, государство укреплялось. Примерно до 1602 года Борис был умеренно популярен во всех классах общества, ничто не прочило ему падения.

С именем Бориса Годунова связано введение патриаршества на Московской Руси в 1589 году и отмена Юрьева дня. Теперь крестьянин уже НИКОГДА не мог уйти от одного барина к другому.

Менее известно, что Годунов первым послал нескольких «робят» учиться в Европу. Потом, правда, началась смута, и ни один из посланных не вернулся, а один так вовсе стал англиканским священником в Британии.

Во многих городах Годунов развернул типографии, всерьез планировал создание школ

и университетов по европейским образцам.

Стремясь сблизиться со странами Европы, Годунов разрешил свободно передвигаться по стране и за ее пределами немецким купцам, вывезенным Иваном из Ливонии, дал им большие ссуды из казны, позволил открыть лютеранскую церковь на Кукуе.

Свою личную охрану Годунов сформировал из наемников-немцев, а больше всего любил вести беседы с иностранными медиками о порядках в Европе.

Многие ученые всерьез полагают, что будь у Бориса Годунова несколько спокойных лет правления, реформы по типу Петровских начались бы уже при нем: и притом более органично, естественно, без жутких перегибов начала XVIII века.

Беда Бориса Годунова состояла вовсе не в том, что он был скверным царем. Во всяком случае, был он куда лучше Федора и уж тем более — Ивана. Беда Бориса Годунова состояла в том, что он был незаконным царем. Даже Федор был законным, привычным, потомком Рюрика. А вот Борис Годунов, хоть его и избрал Земской собор, потомком Рюрика не был. И потому в глазах современников права на престол имел самые сомнительные.

Поэтому сидел он на престоле на самом деле непрочно, и достаточно было толчка, чтобы упал. Современники считали, что таким толчком был голод.

Летом 1601 года на всем протяжении Восточной Европы зарядили холодные дожди. Двенадцать недель шли дожди.

В июле выпал первый снег. В конце августа по Днепру ездили на санях, «яко посреди зимы». Урожай в этом году не было.

Весна 1602 года выдалась ранняя, теплая. Показались ранние всходы озимей... И снова грянули морозы в конце мая. А яровые хлеба погубила невероятная жара и засуха.

Все лето не было дождей. И снова не было урожая. А ведь даже в наше время человечество живет от урожая до урожая. 1603 год был самым обычным, но не везде остались запасы семян, и голод охватил больше половины страны.

Можно долго нагромождать страшные и жалкие подробности: как умиравшая с голоду женщина изгрызла своего еще живого младенца. Как продавали пироги с человечинной, выкапывали покойников, резали и ели постояльцев на постоялых дворах. Стоит ли?

Считается, что умерла треть населения страны. Из двухсот пятидесяти тысяч населения Москвы умерло по одним данным сто двадцать тысяч, по другим — даже сто двадцать семь.

Разумеется, и с этой бедой можно было бороться. В Курской, Владимирской земле, на черноземных окраинах урожай 1603 года был такой, что хватило бы на всю Московию.

Чтобы бороться, нужно было только лишь два фактора. Во-первых, авторитетный царь, имеющий бесспорные права.

Во-вторых, хотя бы относительно нормальное общество. За годы правления Ивана IV что-то поломалось в людях. Спасаться от общей беды можно только вместе, а тут никто не думал ни о чем и ни о ком, кроме самого себя.

Общество пережило уже страшный голод 1569—1570 годов и такое количество жестокостей, что уже было равнодушным и к смерти, и к страданиям людей. Всем было на все наплевать.

Борис требовал отправлять хлеб в голодающие районы.

За взятки хлеб не отправляли или отправляли гнилье, а владельцы ждали «настоящей цены» (при том, что стоимость хлеба поднялась в 25 раз).

Зажиточные люди массами выгоняли хлопков, обрекая их на смерть, а сами продавали сэкономленное зерно.

Пекарей обязывали выпекать ковриги определенной величины, а они продавали хлеб почти непропеченным, а то и добавляли воды для веса.

Государство раздавало хлеб, но должностные лица раздавали хлеб друзьям и родственникам, а их сообщники, переодеваясь нищими, оттесняли беженцев от раздачи.

Нельзя сказать, что Борис Годунов не делал так уж ничего. Делал вполне разумно и дельно.

Строил каменные палаты в Кремле, давая работу тысячам людей, издал указ, что

брошенные хозяевами холопы тут же получают свободу, автоматически. Боролся с разбойниками, как мог.

Будь он Рюрикович и не переживи страна всего ужаса правления Ивана, что-то еще можно было сделать. В реальности же правительство Годунова все больше переставало контролировать ситуацию.

В спокойной, обычной обстановке, когда не нужна особая самодисциплина, не надо совершать больших усилий, Борис мог бы и дальше править и даже проводить реформы.

Но от общества потребовались какие-то усилия, самоограничение и дисциплина — и общество развалилось.

А кроме того, в том же 1601 году в Польше появился человек, называвший себя Дмитрием Ивановичем, чудесно спасшимся сыном Ивана IV и Марии Нагой.

Само существование Дмитрия, его общение со знатными поляками и западными русскими невероятно напугало Бориса Годунова. Полное впечатление, что он просто понятия не имел, с кем же это он имеет дело? Если за убийством Дмитрия и впрямь стоял Годунов, то, казалось бы, уж он должен был знать точно, жив царевич или мертв. Но что, если исполнители выполнили приказ по-своему? Зарезали похожего ребенка, а настоящего царевича припрятали?

И если за убийством Дмитрия стоял вовсе и не Годунов?

Интересно, что после своего избрания на престол Борис Годунов некоторое время выжидал... Может быть, не исключал возможности, что появится другой претендент, имеющий побольше прав?

Во всяком случае, Борис перепугался не на шутку; настолько, что характер его общения с московской знатью очень сильно изменился. То он был царем в общем-то достаточно заурядным, вовсе не свирепым, даже мягким.

Теперь же мог быть счастлив князь или боярин, которому всего-навсего запретили жениться. А то ведь и постригали в монахи, и душили в тюрьмах, и ссылали в Сибирь, и отбирали имущество. Богдану Бельскому велели выщипать по волоску бороду, которой боярин гордился.

Очень, ну очень поощрялись доносы друг на друга.

Некий холоп Воинко донес на князя Шереметева: мол, князь колдует. Борис демонстративно дал холопу волю, наградил поместьем, и о том объявил всенародно.

Дальнейшее понятно: доносы посыпались градом.

«И сталося у Бориса в царстве великая смута; доносили и попы, и чернецы, и проскурницы; жены на мужей, дети на отцов, отцы на детей доносили». Это — из летописи.

В те патриархальные времена мужчины доносили на мужчин и жаловались царю; женщины доносили на женщин и жаловались царице.

Знатные и богатые стали кабалить людей особенно жестоко, «беспредельно» — слово это уже было. Хватали на дорогах бродяг, объявляли холопами тех, кто нанялся на временную работу, и даже дворян, отбирая у них поместья.

«Между господами и холопами была круговая порука: то господин делает насильство холопу, то холоп разоряет господина», — ехидно замечает Костомаров.

Среди доносчиков был, кстати, и князь Д. М. Пожарский, обвинивший в колдовстве своего недруга князя Лыкова. А его мать, соответственно, — на мать Лыкова.

«Колдунов» и «ведьм» страшно пытали, и большая часть их погибла. Или умерла под пытками, или были повешены за упрямство. Ведь если молчит, значит, запирается. Легче всех было «сознавшимся» — их только» разоряли и ссылали.

Полное впечатление, что Борис Годунов просто не знает, куда надо нанести удар. Кто-то из «них», из ближних, «что-то знает». И про то, жив ли Дмитрий, и что надо делать с голодом, и как прекратить смуту... Знает, а молчит, выжидает, поблескивает глазами, ухмыляется в бороду. Как вычислить его, страшного невидимку?! И Борис наносит удары вслепую, лишь бы куда-нибудь падали.

А жалкое в своей трусливости боярство, конечно же, не способно ему дать отпор.

Каждый народ заслуживает своего правительства.

Цепь событий

Благодаря авторитету Вишневецких и связям Мнишек Дмитрия представили двору.

На престоле Речи Посполитой сидел король Сигизмунд из шведского семейства Ваза, сын уже знакомых нам Юхана III и Екатерины Ягеллонки. От родственников отца Сигизмунд отличался рьяным католицизмом, что в протестантской Швеции вовсе не было преимуществом.

В Речи Посполитой оценили и католицизм, и происхождение от Ягеллонов (пусть и по материнской линии). Однако в 1592 году Сигизмунд был избран шведским королем, возникла личная уния, но в 1604 году эту личную унию прервали, избрав на престол Карла IX, сына основателя династии Ваза, Густава I. Швеция боялась католического короля, боялась новой гражданской войны.

А в Речи Посполитой Сигизмунд правил долго и счастливо, в 1587—1632 годах, а после него правили сначала старший сын Владислав IV (1632—1648), потом младший сын Ян Казимир (1648—1668).

Положение короля было стабильно, государственности не угрожало решительно ничего. Даже утрата Польшей своего места в мире из-за своеволия и дурости шляхты была еще впереди. И возникал вопрос: а стоит ли рисковать? Ну, поддержат Речь Посполитая Дмитрия как кандидата на престол Московии. А если Московия Дмитрия не примет и правительство Годунова нанесет ответный удар?

Как «изящно» выразился коронный гетман Ян Замойский, «кости в игре падают иногда и счастливо, но обыкновенно не советуют ставить на кон дорогие и важные предметы. Дело это такого свойства, что может нанести и вред нашему государству». Дело и впрямь было такого свойства, что становилась уместна картежно-косяная, какая-то кабацкая терминология Замойского. И впрямь, твердый расчет тут не применишь, сплошной «авось» и «как-нибудь». А стоит ли?

Такую же позицию заняли и другие государственные и военные деятели Речи Посполитой. Так сказать, лица официальные.

Но и запретить магнатам вести частную войну они не могли. Более того, совершенно неизвестно, чья поддержка вообще была важнее для Дмитрия — короля или Вишневецких?

Король Речи Посполитой обладал только кварталовым войском: от силы 4 тысячи человек пехоты, нанятых с четвертой части доходов от королевских имений. У Вишневецких же было раза в три, в четыре больше одной только конницы.

Самое большее, что мог сделать король и чего не могли Вишневецкие, — это объявить «посполитое рушение», то есть шляхетское ополчение. Но созыв армии означал войну с Московией, а во-первых, ее хотели не все. Во-вторых, война с Московией означала утрату спокойствия государства, азартную игру — пан или пропал.

Правительство Речи Посполитой отказалось иметь с Дмитрием Ивановичем дело и не имело никакого отношения ко всем его дальнейшим приключениям (хотя и имело отношение к его смерти).

Иезуиты хорошо контактировали с Дмитрием (тот обещал в одночасье окатоличить Московию), но тоже ведь не рвались помогать. Ватикан в подлинность Дмитрия не поверил, о чем сохранились документы, и никакой реальной поддержки не оказал — ни людьми, ни вооружением, ни деньгами. А контакты... Мало ли кто с кем трепался?

Историография и Российской империи, и СССР не жаловала Дмитрия, в подлинность его не верила и рисовала самыми черными красками.

«Совсем не правдоподобна версия, что убит был не Д. И., которому удалось спастись, а другое лицо. Последняя версия была широко использована феодалами Польши и широко распространялась в период Крестьянской войны и военной интервенции начала 17 в.» [102].

«Появился в 1601 году в Польше и был поддержан польскими магнатами и католическим духовенством», «тайно принял католичество» [103].

О проблеме «подлинности» Дмитрия Ивановича скажем ниже. Но вот насчет «поддержки» и «тайного принятия католичества» — прямо скажем, вранье.

Ни один из польских магнатов... в смысле католических магнатов польского происхождения, не признал Дмитрия и никак его не поддержал.

Справедливости ради скажем: обещал Дмитрий всем и очень, очень щедро. Отдать Польше Северскую и Смоленскую земли, организовать общий поход против турок, помочь Сигизмунду в его войне со Швецией, за год-два окатоличить всю Московию, жениться на Марине Мнишек, отдать ей Новгород и Псков, а ее папе Юрию Мнишеку выплатить 1 миллион злотых.

Марина Мнишек... Единственное, что в официальной легенде о Лжедмитрии I соответствовало действительности — это его пылкая влюбленность в Марину Мнишек.

Марина была старше Дмитрия лет на пятнадцать, прошла (будем вежливы) огонь, воду и медные трубы, и очаровать царственного мальчика для нее не было сложно. А уж папа Мнишек, естественно, сделал все необходимое, чтобы роман завертелся. Перспективой-то было увидеть своих внуков на престоле.

С Лжедмитрием I шли люди трех категорий: 1. Русские православные люди, которые абсолютно преобладали. 2. Польские авантюристы «модных» вероисповеданий — ариане и протестанты. 3. Польские магнаты Мнишеки, справедливо имевшие репутацию рвачей, поганцев и людей бесчестных.

Войско Дмитрия составляло от силы 4 тысячи человек и, за редчайшим исключением, состояло из западно-русских людей, литовцев, исповедовавших православие, казаков или беглецов из Московии. В числе последних был и Гришка Отрепьев — беглый запойный дьякон Чудова монастыря в Москве, чьи художества были хорошо знакомы в Московии. Гришка собирал по городам и весям милостыню как бы для сооружения храмов и милостыню эту пропивал.

* * *

Из такой «лепты трудовой» был возведен и Храм Христа Спасителя в Москве.

Пропить ТАКИЕ деньги было и чудовищным кощунством, и плевком в физиономию всем православным по земле московской. А трудно было, наверное, найти человека, который никогда бы никаких денег на возведение храмов не давал.

Когда преступление Отрепьева вскрылось, ему не оставалось ничего другого, как бежать в другое государство. Не только официальные власти, для него были опасны и все сограждане, потому что множество людей, поймав Гришку, преспокойно вздернули бы его на самой ближайшей осине.

13 октября 1604 года Дмитрий с войском перешел границу Московии. Сообщение о том, что самозванцу присягнула едва ли не вся Комарницкая волость, вызвало у Годунова приступ ярости и едва ли не апоплексический удар.

Сбывался его старый кошмар.

Почти сразу же Дмитрий со своей не то свитой, не то армией встретился с войском Бориса Годунова. Потому что кто-кто, а Борис Годунов принял самозванца более чем серьезно.

Армия Годунова без особенных трудностей разбила разноплеменную то ли свиту, то ли армию Дмитрия под Добрыничами. Из тех, кто перешел границу вместе с ним, осталось от силы полторы тысячи; сам Дмитрий тоже хотел бежать, но удержали жители Путивля. Как видно, они сочли Дмитрия настоящим сыном Ивана, законным царем.

В результате Дмитрий зиму 1604—1605 годов зимовал в Путивле, куда стекались его сторонники; а тем временем «годуновцы свирепствовали особенно в Комарницкой волости,

за преданность Дмитрию мужчин, женщин, детей сажали на кол, вешали по деревьям за ноги, расстреливали для забавы из луков и пищалей, младенцев жарили на сковородах... (Вопрос неисправимого европейца: младенцы что, тоже присягали Дмитрию? — А. Б.) Людей ни к чему не причастных хватали и продавали татары за старое платье или за жбан водки, а иных отводили толпами в неволю, особенно молодых девушек и детей. В московском войске было наполовину татар и прочих инородцев, и они-то особенно варварски свирепствовали. Ничего подобного не делалось народу от дмитриевцев, и эта разница утверждала народ в убеждении, что Дмитрий настоящий царевич» [104].

Многое объясняется тем, что во главе армии Годунова стоял Симеон Бекбулатович, «царь» всех союзных татар касимовского княжества. Пользуясь опытом Ивана IV, Годунов пытается утратить и деморализовать Камарницкую волость, как Иван IV — Ливонию, бросив на нее дикарей.

Результат такой же: кто и не собирался воевать против Годунова, оказывается перед необходимостью защищать самого себя и свою семью.

Патриарх Иов писал, что Лжедмитрий явился кознями «Жигимонта Литовского», который намерен «разорить в Российском государстве православные церкви и построить костелы латинские, и лютерские, и жидовские». Уже зная московитов, читатель не удивится, что Иов приписывает Сигизмунду желание построить неведомые науке «костелы жидовские». Все «не праведное» ведь сливалось воедино, не требовало разделения.

Заодно и объявили самозванца Гришкой Отрепьевым, отлучили от церкви и прокляли. Связать самозванца с такой редкой гнидой, как Отрепьев, само по себе было неплохой затеей. Мало кто пошел бы за Отрепьевым. Только вот незадача: Гришка-то был лет на восемнадцать-двадцать старше Дмитрия, и видели их несколько раз одновременно: вон Дмитрий, а вон там, в обозе, — беглый поп-расстрига Гришка.

В результате народ стал говорить, что «прокляли Отрепьева — и бес с ним, а царевич-то настоящий...».

Агония Бориса Годунова у Пушкина выглядит очень красиво, что и говорить. Весьма, знаете ли, благородные, хотя и запоздалые раскаяния, все эти ставшие классикой «мальчики кровавые в глазах».

В реальности Борис Годунов буквально не знал, что делать. Кинулся он к Марии Нагой с вопросами: мол, жив ее сын или нет? Трудно было придумать более идиотский вопрос, и Борис, что называется, нарвался. Мария Нагая честно ответила, что не знает. Как это не знает? А так.

Говорили ей люди, что сына ее увезли из страны, а вместо него зарезали попова сына. Кто говорил такое? Да они померли все...

Назовем вещи своими именами: «Мария Нагая полностью подтвердила самые черные страхи царя Бориса. Самое страшное, что может представить себе любой узурпатор, захвативший трон обманом или силой: на него, восстав из гроба, идет настоящий наследник.

Борис призвал тех, кто в свое время вел следствие о гибели царевича Дмитрия: Богдана Бельского и Василия Шуйского. Честно округлив глаза, Шуйский даже целовал крест в том, что настоящий Дмитрий мертв, но... Верили ли ему? Если да, то многие ли?

Годунов отправил посла в Речь Посполитую, упрекая за оказание поддержки самозванцу. Упреки удивили короля и его окружение: ведь никакой поддержки они и не думали оказывать! Тут проявлялась, в который раз, культурные различия Речи Посполитой и Московии. Для московитов все, что делали любые из подданных Речи Посполитой, в том числе частные лица, тем самым делало государство, а король нес всю ответственность за последствия.

В Речи Посполитой же никак не могли понять, почему государство и король должны отвечать за частную войну магнатов? Канцлер Литвы Лев Сапега даже высказался в том духе, что «этот человек уже вступил в Московское государство, и там его легче достать и казнить, нежели в наших владениях».

Борис, истинно православный человек в московском понимании слова, призвал

ворожей, то есть колдуний; колдуньи предсказали великие потрясения, до полусмерти напугав Бориса. Более практические меры состояли в том, что Годунов пообещал ближнему боярину Басманову дочь в жены и полцарства (Казань, Астрахань, Сибирь — если быть точным), если зарежет Дмитрия. Трем попам было дано задание отравить Дмитрия, а обещано разве чуточку меньше.

Однако Басманов перешел на сторону Дмитрия, попов разоблачили, а Борис Годунов очень своевременно помер.

13 апреля 1605 года у него вдруг хлынула кровь изо рта, носа и ушей, и царь прожил еще только два часа. Среди всего прочего, он потребовал от бояр присягнуть его сыну Федору.

Вообще в Москве люди часто умирали очень странными, но зато очень своевременными смертями: и Елена Глинская, и Анастасия Захарьина, и теперь вот Борис Годунов.

Немецкие врачи тут же сказали, что царя отравили... Но кто слушал их, неприличных не православных врачешек, бривших бороды? Вот если бы колдуны сказали это, поцеловал бы крест Василий Шуйский или нагадали бабки-ворожеи...

Впрочем, в Москве еще сидела династия Годуновых: 13 же апреля сын Бориса Годунова, Федор Борисович, официально венчан на царство. Сцена из оперы, где патриарх преграждает Федору путь к трону, от начала до конца — вранье. Федор стал царем не менее законным, чем отец.

Только вот возникло двоецарствие. Потому что на юге страны Петр Басманов, как только стало известно о смерти Годунова, очень легко склонил на сторону Дмитрия всех влиятельных командиров: князей Голицыных, Салтыкова, Ляпуновых, командира «полков иноземного строя» фон Розена. На часть войска, оставшуюся верной Годунову, ударили казаки Дмитрия, и все было кончено быстро.

В результате под Кромами армия Годунова перешла на сторону Дмитрия Ивановича и готова была двигаться на Москву.

А пока в Москву приехали посланцы Дмитрия — Пушкин и Плещеев. 1 июня 1605 года под радостный рев народных масс прочитали они грамоту от Дмитрия. Народ потребовал Василия Шуйского и Богдана Бельского: они же всего несколько дней назад клялись, что царевич Дмитрий мертв! Пусть скажут, живой он или мертвый...

И теперь с высоты Лобного места Василий Шуйский и Богдан Бельский взволнованно рассказали, как спасали малолетнего царевича. Несколько недель назад они говорили прямо противоположное, но что тут поделаешь? Тогда жив был еще Годунов. Теперь народ узнал «истину» и приветствовал ее воем многотысячной толпы.

Москвичи составили повинную грамоту, приглашая Дмитрия занять престол своего отца. Подписали грамоту все слои населения. Все хотели видеть на троне законного царя Дмитрия Ивановича.

Вдову Годунова, несостоявшегося, но пока еще царя Федора и дочь Годуновых Ксению отвезли в простой дом, где жила семья Годуновых до того, как он стал царем.

Народ же разгромил дворы Годунова и его сторонников и пьянствовал, и было то ли 50, то ли 100 опившихся до смерти.

Всех родственников и свойственников Годунова (семьдесят четыре семейства) погнали в ссылку. Никто из них, разумеется, ни в чем не был виноват, но разве это важно?

В родоплеменном обществе нет личностей, а есть кланы, племена и роды. Они и отвечают за любой поступок каждого из своих членов. Должна же была Речь Посполитая повиниться за то, что Вишневецкие поддерживали Дмитрия?! По той же логике все 74 семейства и были виноваты в том, что Годунов зарезал царевича и сел на престол вместо него.

А имущество их можно было разграбить по старой москальской традиции.

Тем более виноваты были члены семьи Годунова. Князя Голицын и Рубец-Мосальский отдали дворянам приказ, и те удавили царицу, оглушили дубиной бешено

сопротивлявшегося Федора и тоже задушили. Их трупы выставили напоказ, сообщив, что они отравились.

Ксения была пострижена под именем инокини Ольги.

По одной из версий, до этого девушка успела побывать в качестве наложницы Дмитрия.

В общем, почти три недели шло по Москве злое, пьяное, жестокое безвременье-междоусобица, пока 20 июня 1605 года в Москву торжественно не вступил Дмитрий. Все улицы, все крыши были запружены народом, даже церковные кровли.

«Славу» кричали так, что оглушенные галки падали с неба.

Замечу: никакой Смуты пока еще нет и в помине. Наоборот: законный наследник династии садится на трон, очень укрепляя государство.

Вопрос подлинности

Естественно, возникает вопрос: а настоящий ли царевич сел на трон? В Российской империи в этом и усомниться не полагалось. Высочайше утверждена была версия, что Дмитрий — это Гришка Отрепьев, и сомневаться в ней было опасно.

Действительность же вовсе не так однозначна, и уж кем Дмитрий никак не мог быть, так это как раз Гришкой Отрепьевым.

С царевичем же Дмитрием, якобы зарезанным в Угличе, все с самого начала было неясно. Царевичу и впрямь угрожала нешуточная опасность: и со стороны полубезумного отца (вспомним хотя бы старшего, любимого Ивана), и со стороны Бориса Годунова. К тому времени было уже ясно, что Годунов в средствах не стесняется, и что там для него, видевшего опричнину, жизнь одного восьмилетнего мальчика!

В этих условиях бояре, которым было поручено охранять царевича, вполне могли бы и припрятать его подальше. А как надежнее всего припрятать? Убить кого-то похожего, имитировать покушение, похоронить подменыша так, как хоронили бы Дмитрия. И пока все считают Дмитрия Ивановича покойником, вывезти его подальше... Например, в Западную Русь.

А кроме того... Насколько мне известно, эту версию никто никогда не рассматривал. А странно, потому что она буквально напрашивается, эта версия. Дело в том, что Дмитрий вполне мог быть сыном Ивана Грозного, но вовсе не Марии Нагой.

Общее число детей, родившихся от Ивана IV, мы не знаем, и скорее всего никогда не узнаем. Очень может быть, что его кровь течет и по сей день в людях, которые и не подозревают об этом. Известно, что Иван задушил больше ста собственных детей сразу после рождения: ведь незаконные младенцы, как известно, не угодны Богу. Это мы знаем.

Но кто сказал, что нам известны ВСЕ сексуальные связи великого князя?* Более того, кто сказал, что все его связи были известны современникам?

Предлагаю на выбор две версии.

1. Случайная связь, которая длилась несколько дней (а может быть, и несколько часов) и о которой Иван IV тут же и намертво забыл.

Рождается ребенок, о котором страшный отец не имеет ни малейшего представления. Но окружающие-то знают, что этот пищащий сверток — не что-то и не кто-то, а «цареныш». Если близкие молодой матери располагали хоть какими-то связями и средствами, вполне могли отправить ее (и до рождения младенца, и после) на Западную Русь.

В этот вариант, кстати, ложится и вариант мертвой матери живого младенца... В конце концов, откуда мы знаем, какие приключения ждали молодую женщину на Западной Руси?

2. Должен родиться малыш, а будущая мать и ее семья прекрасно знают, какова судьба ждет его сразу при рождении. Даже в Московии могли жить люди достаточно смелые для подмены: подсунуть кремлевскому чудовищу какого-то другого новорожденного младенца — купленного, украденного, вымененного за земли и казну. И тем сохранить своего... Не

очень гуманно? Но во все времена матери, спасая детей, проделывали и не такое.

В том-то и дело, что внебрачных детей у Ивана IV было много. Кто из них остался в живых, кто знал о своем происхождении, мы не знаем. В принципе, «царевичи Дмитрии» могли маршировать отрядами — и никакого самозванства.

Наиболее реален, на мой взгляд, вариант «неизвестного цареньша» и «подменьша»; причем обе версии вероятны примерно одинаково.

Возможно, к Вишневецким пришел и настоящий царевич Дмитрий, сын Марии Нагой, обязанный спасением тому, что его мать и князь Бельский шестнадцать лет назад убили какого-то другого, похожего на него мальчика.

Косвенные признаки

Этот человек был убежден в себе; он точно знал, что он — Дмитрий.

Современники, в том числе такие, которые видели не согнутые спины бояр и княжат, а настоящих феодальных владык: иностранцы на русской службе, послы иностранных держав многожды отмечали природное величие Дмитрия. «В нем светилось некое величие, которое невозможно выразить словами и невиданное прежде среди русской знати и еще менее среди людей низкого происхождения», — писал Маржерет.

Для людей XVII века было очевидно, что величие — штука наследственная, неопровержимо изобличающая как раз высокое происхождение. Не случайно же в среде польского шляхетства, где не очень популярен был Иван, шел слух, что Дмитрий — внебрачный сын Стефана Батория.

В наследственное величие, передающееся с генами, простите, совершенно не верю. Зато видел проявления природного величия у людей, чьи деды пахали землю, но сами эти люди были уверены в своей значительности. Величие, дух превосходства появляется у людей, когда они действительно верят в свое превосходство над окружающими. Такие люди, кстати, обычно скромны, доброжелательны, приятны в общении. Им ведь не надо ничего и никому доказывать!

Прекрасно сказано у Роберта Уоррена: «Честолюбивый человек — это тот, который хочет, чтобы другие верили в его величие. Судья уверен в своем величии, и ему все равно, что думают другие» [105]. От спеси московских бояр просто воняет комплексом неполноценности, поведение же Дмитрия убеждает — уж он-то о своем величии нимало не беспокоится. И потому не честолюбив.

Кроме того, Дмитрий вел себя предельно странно для авантюриста и самозванца. Пойти в Московию так, как пошел он — с несколькими тысячами людей против огромной армии, против всего государственного аппарата, мог только человек, совершенно уверенный в себе. Тот, кто убежден так же, как в солнечном восходе, что, по словам Наполеона, «солдаты не будут стрелять в своего императора».

Человек, совершенно убежденный в своем праве на престол и на полную возможность довериться «своему доброму народу», как в Путивле.

Странно вел он себя и войдя в Москву. Казалось бы, первое, что надо было сделать в столице, — это устроить хор-рошую резню, перепугать до полусмерти бояр с князьями, заменить неверных и чужих людей, служивших всякому, кто платит, на своих, верных, надежных.

Говоря коротко, ничего-то этого он не сделал. Наоборот, осыпал милостями всех, кого только успел. Заплатил долги Ивана IV. Вернул из ссылки всех сосланных при Годунове, всем вернул отнятые имения, всем разрешил жениться.

Объявил свободу свободного выезда из Московии и свободного въезда, а также свободу торговли. Сохранились его слова: мол, от свободной торговли государство только богатеет.

Стал приглашать иностранцев, знающих ремесла и науки. Стал готовиться к войне за

овладение Крымом: проводить маневры, готовить оружие. Начал политику сближения с европейскими странами. Любопытный, умный, живой и доступный в обращении, он любил новое, охотно вступал в беседы с боярами и постоянно уличал их в невежестве. «Вы поставляете благочестие только в том, что сохраняете посты, поклоняетесь мощам, почитаете иконы, а никакого понятия не имеете о существовании веры...», — говорил он попам и боярам.

И был при этом снисходителен. Невероятно, не по-московски снисходителен.

Вскоре после венчания Дмитрия Ивановича на царство Василий Иванович Шуйский начал собирать у себя по ночам именитых московских купцов и бояр и вести с ними разговоры, что царь не настоящий, самозванец, хочет уничтожить православную веру и продать Святую Русь чертовым ляхам. А потому его необходимо свергнуть.

Шуйские пытались забросить эти идеи в массы. Массы донесли куда следует. Трех старых дураков братьев Шуйских, Василия, Дмитрия и Ивана, арестовали. Дмитрий Иванович судить сам их отказывается; пусть их судит специальный Собор из представителей разных сословий. Собор приговорил Василия Шуйского к смерти, его братьев — к ссылке.

Дмитрий Иванович простил всех трех, отменил приговор, вернул трех негодяев ко двору. Почему?! Что двигало Дмитрием?

Могу только провести две аналогии. Одну — с византийским императором Юстинианом, обронившим как-то вполне серьезно: «Ну что поделать, если нет в людях моего совершенства...». И простил явного подонка и изменника.

Вторую — с папой римским Иннокентием III. Когда кто-то из приближенных к папе лиц стал говорить о кознях германского императора, папа снисходительно заметил: «Но ведь это только я безгрешен».

Поступить таким образом мог только человек, абсолютно убежденный в своем праве на трон, смотревший на всех москвитов, как на неразумных детишек, в которых — что поделать! — нету царственного совершенства...

Еще в XVIII веке высказали предположение: может быть, иезуиты воспитали Дмитрия? Воспитали приبلудного парнишку, уверили его, что он и есть чудесно спасшийся Дмитрий. Он и рад стараться.

Почему именно иезуиты? А потому, что в Российской империи именно иезуитов полагалось ритуально ненавидеть.

Так сказать, как исчадий католицизма и ходячих воплощений «польской опасности». Если уж в появлении холеры в 1830 году немедленно обвинили поляков, то как же могли не быть виноваты иезуиты?

Да только вот беда... Во-первых, Дмитрий, неплохо говоря по-польски и по-немецки, совершенно не владел латынью и делал очень наивные, очень смешные ошибки. Буквально не мог написать собственного имени: вместо *imperator* — писал *in Perator*; вместо *Demetrius* — *Demiistri*.

Трудно поверить, что отцы-иезуиты совсем не научили бы воспитанника латыни. Они ведь и общались на латыни, дети разных стран европейского материка.

Во-вторых, Дмитрий оказался совершенно равнодушен к католицизму. Католический костел в Кремле он создал, резонно объяснив взъерепенившимся москвитам, что ведь лютеранские кирхи в Москве разрешено построить? Ну так пусть будет и костел. Но и только.

Ни одно из обещаний, данных в Польше королю Сигизмунду и его окружению (в том числе и Ватикану), Дмитрий Иванович не исполнил. А когда от короля Речи Посполитой прибыл некий пан Гонсевский поздравлять с восшествием на престол, напоминать о данных обещаниях, Дмитрий развел руками, ссылаясь на состоявшийся порядок вещей и что он еще непрочно сидит на троне. В общем, не будет ни войны со Швецией, ни окатоличивания Руси.

Так же точно огорчил Дмитрий и посланца римского папы, Александра Рангони, и хитрого польского иезуита Лавицкого. Дмитрий встречает их роскошно, с пушечной стрельбой и вкусными обедами, но ничего не обещает, а только просит. То о союзе против

турок, то о закупках оружия, то о печатании в Европе церковной православной литературы на церковно-славянском языке.

А одновременно он ввел в Боярскую думу высшее православное духовенство и отправил в Львовское православное братство «соболей на триста рублей» и грамоту, в которой благодарил за твердость в православии и за отстаивание интересов православных в Речи Посполитой.

Больше всех получает от него папа Мнишек. Не знаю, был ли там именно миллион злотых, но денег ему дали много.

А вот Новгорода с Псковом — не дали, что тут поделаться...

Папа Мнишек надеется на влияние многоопытной дочки Марины. Но, похоже, здесь и женская власть Марины кончается. При приезде Марины в Москву Дмитрий потребовал, чтобы она перешла в православие. И Марина... куда деваться, перешла. И публично приняла причастие по православному обряду. Если Париж стоит мессы, то Москва, наверное, стоит заутрени.

Становится очевидно, что Дмитрий категорически не хочет ни ополячивания, ни окатоличивания.

Да и за что? Разве поляки и католики помогли ему получить трон? Нет, они только болтали. А помогали — русские православные люди. Ну, и он с поляками и католиками, будем считать, только болтал, когда обещал им золотые горы.

Уже в XX веке сделано другое предположение: некая боярская группировка отправила кого-то в Речь Посполитую, «сделала» Лжедмитрия из какого-то приبلудыша, создала свое орудие.

Это уже теплее... Но хоть убейте, я не могу представить себе ни Богдана Вольского, ни тем более Василия Шуйского в качестве тонких интриганов, способных просчитать не то что на несколько ходов... а хотя бы на полшага вперед.

Я могу представить себе, что Бельский и Шуйский зарезали попова сына, а настоящего царевича отправили за границу. Я могу себе представить, что эта сладкая парочка получила от Годунова недвусмысленный приказ, но обманула царя, подсунув попова сына, а настоящего царевича спасла, чтобы создать Борису Годунову противовес.

Но представить себе «царя Васюку», который в 1592 году планирует сложную интригу, избавление от Годунова руками выросшего Дмитрия, потом от самого Дмитрия? Хоть убейте, не в состоянии. И еще одно, самое простое соображение, которое почему-то никому до сих пор никак не может прийти в голову. Царевичу Дмитрию в момент его смерти в Угличе было 8 лет. Извините, но я не в силах представить себе человека, который не помнит в этом возрасте себя и свое окружение. Внушить восьмилетнему мальчику, что он — совсем не тот, кем он себя помнит... Нет, это просто нелепо. И потому рассуждения о «выкормыше иезуитов» или о «подмешах Шуйского» я смело отношу к той же категории подлых и неумных баек, что и «попытка продать Святую Русь чертовым ляхам» или о «колдуне соанском и шпионе ируканском».

Перспектива унии: Дмитрий

Итак, Дмитрий ведет политику осторожного, но отхода от московского изоляционизма. Может ли это не вызывать раздражения? Не может.

Проводит независимую политику, уличает в невежестве бояр. Опять враги...

А кроме того, от него просто «пахнет» Западной Русью.

Множество бытовых деталей: способ прикладываться к иконам, здороваться, говорить с людьми, одеваться — в глазах современников делали очевидным: перед ними западный русский.

Для Василия Шуйского, его гнусных братьев и приспешников стало сильным аргументом: самозванец бредет! Не спит днем! Значит, не православный. Тем самым — не

христианин!

Конечно же, это был русский православный человек, но не приверженец московского православия. Крестился на разные иконы, не думая, кому они принадлежат, не считал себя богом, не был привержен обрядам.

Веротерпимость Дмитрия, его знание богословия раздражали еще больше. Вместо того, чтобы упереться в обрядные детали, молодой царь говорил о СУТИ, доказывая как дважды два невежество и грубые предрассудки московитов.

«Он заговорил с русскими голосом свободы... все это должно было освоить русских с новыми понятиями, указывало им на иную жизнь» [106].

Многие реформы, их специфические детали тоже «улучали» в нем западного русского. Например, Дмитрий дал отсрочку в уплате налогов пострадавшим от татарского набега. Но ведь точно так поступали в Великом княжестве Литовском!

Кто являлся реальной опорой для Дмитрия? Речь Посполитая? Стоит выполнить обещания, данные польскому королю и католикам — и поддержка совершенно точно будет! Но так же ясно и ему, что ничего хорошего из этого не получится, разве что гражданская война.

Опереться на бояр? Делать нечего! Как раз для этого и нужно воспользоваться папочкиным опытом: рубить головы, травить людей медведем, запойно пить. Такой царь только и нужен этой тупой и грубой своре.

Но... дальше-то что? Даже если он и срубит десяток... ну, сотню голов? Что делать с дремотной страной, которую он хочет расшевелить?

Что делать западному русскому, то есть русскому европейцу? Тому, кому для того, чтобы быть европейцем, вовсе не нужно ни менять веру, ни натягивать немецкий кафтан, ни ритуально пить кофе?

По большому счету, время упущено лет на сто — сто пятьдесят, потому что в реальной политике нет никакой такой Западной Руси. Есть Польша, за которой хвостом метется, обезьянничает, постепенно ополячивается уже почти утратившая собственное лицо Юго-Западная Русь.

И есть дремотная восточная деспотия — Московия, еще более чужая для западного русского. Если не на Киевщине, то в Великом княжестве Литовском, в Белой и Черной Руси, по крайней мере, он пока еще дома... А в Московии... По правде говоря, не уверен.

Но и теперь не все потеряно! Есть еще шанс. Маленький, безумный, увлекательный. И состоит он в том, чтобы свести в единый организм три великих славянских государства: Польшу, Литву и Московию.

Обстоятельства благоприятствуют, потому что Сигизмунд женится на Констанции Габсбург, и в Польше это вызывает страх, что «немецкая партия» усилится. Шляхетская оппозиция предлагает Дмитрию корону Речи Посполитой. Он — очень удобный претендент, чтобы собрать все три короны: западный русский, знающий и тех, и тех. И в Московии, и в Речи Посполитой он приходит к власти способом, приемлемым для этих стран. Возникает, по крайней мере, личная уния, а там все что угодно может быть.

Но ведь и Сигизмунд не дремлет! Уже однажды попавшиеся на жареном, уже однажды прощенные Шуйские сносятся с Сигизмундом и объясняют ему, что он поставил им какого-то не такого царя и что этого не такого надо свергнуть. А вот не захочет ли сам Сигизмунд сесть на московский трон или посадить туда сына Владислава?

2 мая в Москву приезжает невеста Дмитрия, легендарная Марина Мнишек, с нею 2 тысячи поляков. По классической версии, «прибывшие с ним (Лжедмитрием. — А. Б.) польские авантюристы... вели себя в Москве, как в завоеванном городе, позволяли себе всякого рода насилие» [107], что и вызвало «народное восстание».

Восстания не было, это ложь, а что в поведении поляков было проявлениями высокомерия, а что просто отталкивало и пугало москвичей, трудно сказать. Вот во время бракосочетания Марины и Дмитрия 68 музыкантов играли им и гостям, а поляки плясали под музыку. В обществе, ориентированном на монашеские идеалы, на спасение души, на

строжайшее соблюдение обрядов, это произвело очень плохое впечатление. А поскольку на Руси давно стало популярным указывать на тлетворное влияние поляков и вообще всякого «латынства», этим и воспользовался Шуйский.

Уж что-что, мятеж-то Васька Шуйский сумел организовать превосходно. 17 мая москвичей разбудил набат. Все дворы, где жили поляки, литвины, западные русские, оказались заблокированы. Только Константин Вишневецкий вырвался и поскакал на Кремль, повел своих 400 всадников. Но и его остановили, перегородив улицу, наведя пушку. А чтобы никто ничего не понял, по улицам бегали люди с воплями: мол, поляки царя убивают, царя спасайте! Поди разберись, кто кого убивает.

В Кремле убили верного царю Басманова, перебили наемников-немцев, всех, не сложивших оружие. Стрельцам пригрозили, что если не оставят Дмитрия, ворвутся в их слободу, перебьют их жен и детей. Стрельцы складывают оружие, и Дмитрий Иванович оказывается в руках заговорщиков.

Он и сам готов сражаться за свою жизнь. Грозит топором из окна, кричит: «Я вам не Борис!» И при прыжке из окна то ли ломает, то ли вывихивает ногу. Словом, даже убежать не может. Но и захваченный, он требует предъявления обвинений и чтобы на Лобном месте, при стечении народа, его мать опять признала бы его. Словом, если он ненастоящий царь, пусть его прилюдно уличат и осудят. Господа, скажите по совести... Самозванцы так себя ведут?

Но заговорщики плевали на суд... Кто первым открыл огонь, уже трудно установить. Потом на трупе царя насчитали 22 огнестрельных ранения.

* * *

Труп самозванца закопали в чистом поле, как нечто поганое, не православное: не спавшее после обеда, танцевавшее под музыку. Но в народе скоро пошли слухи о пугающих знамениях на могиле Дмитрия; стало ясно, что он еще и колдун. Тогда труп вырыли, сожгли, выстрелили прахом из пушки в сторону Польши. Очень назидательный, очень символический поступок!

День же 17 мая завершился, конечно, польско-немецким погромом. Убиваемые кинулись в польское посольство, но ворота были наглухо закрыты, и ни одного человека не впустили. Сигизмунд последовательно избавлялся от сторонников конкурента.

Убито было то ли две, то ли три тысячи человек; как обычно бывает в Московии, никто не считал. В это число надо включить и музыкантов, игравших на свадьбе Дмитрия, — их перебили за оскорбление чувств православных.

Разумеется, опять насиловали женщин.

И на всем этом безобразии взбирается на трон тот, кто уже много лет непрерывно врал, подличал и предавал, — Василий Шуйский, вскоре прозванный «царь Васька». Сколько раз он говорил прямо противоположное о том, жив ли Царевич Дмитрий, и о том, кто же сидит на троне? Раз восемь, кажется. Сколько покойников положил в основу своего трона? Не счесть.

И началось...

Обвал в Смуту

Сроки Смутного времени отсчитывают по-разному. Традиционно считали с 1601 года — с голода, со времени слухов про Дмитрия Ивановича. Некоторые историки отсчитывают дни с 1598 года — год восшествия на трон Годунова.

На мой же взгляд, как раз с венчания на царство Василия Шуйского и надо отсчитывать сроки Смуты. Потому что до этого времени власть все-таки существовала, хоть какая-то. А

реальная власть «царя Васьки» редко когда выходила за пределы Москвы и ее ближайших окрестностей. Появились пять, шесть разных «правительств» с разными силами и с разными возможностями захватить власть, но всегда с одинаковыми «правами». Московская Русь, называя вещи своими именами, развалилась.

Появились буквально десятки «Дмитриев», «чудом спасшихся царевичей» и их «родственников» и «воевод». Иван-Август, Гаврилка, Брошка, Лавер, Осиновик, Федор, Климентий, Савелий, Симеон... все, сразу видно, царевичи.

Началась срамота, которую и описывать не хочется: когда Лжедмитрия II (то ли крещеный еврей из города Шклова, то ли беглый холоп, пес его знает) «признает» Мария Нагая, а Марина Мнишек не только «признает» «чудесно спасшегося супруга», но и рождает от него ребенка.

Когда «семибоярщина» демонстрирует свою полную несостоятельность, а князья и бояре лихо шастают из Москвы в Тушино, от боярской Москвы и «царя Васьки» к приبلудному псевдоцарю, Лжедмитрию II и обратно, всякий раз что-нибудь да приобретаая.

Когда из Польши вторгаются жуткие банды кондотьеров-«лисовчиков» во главе с Лисовским и Яном Сапегой, поставленные в Речи Посполитой вне закона.

Когда одни бояре стремятся к максимальной неизменности, а другие готовы пойти на частичную модернизацию страны, но при полной неприкосновенности крепостного права.

Когда предлагают на престол сына шведского короля Карла IX, чтобы стать «с немецкими людьми заодно», то есть европеизировать страну.

Когда Марина сходится с атаманом Заруцким и бежит на Яик, казаки выдают их и ребенка. Заруцкого казнят, Марина умирает в заточении, а ее трехлетнего сына вешают.

И в 1613 году восходит на престол, по словам убежденнейшего монархиста Пуришкевича, «скверная полунемецкая династия», которая в Готтском альманахе упорно называется «Романовыми-Голштинскими».

Пришла новая династия в разоренную, страшную, но «не поступившуюся принципами» страну. В Московию, которая намерена и дальше жить экстенсивно, губя свою природу и своих людей, но только бы не развиваться, не изменяться.

Потом так повторится не раз: восточные, дикие районы Московии спасут экстенсивный путь развития.

Камешком, столкнувшим Московию в Смуту, стал Василий Шуйский. «Этот приземистый, изможденный, сгорбленный, подслеповатый старик с большим ртом и реденькой бородкой отличался алчностью, бессердечием, страстью к шпионству и наушничеству; он был невежествен, занимался волхвованием и ненавидел все иноземное. Он проявлял мужество и крайнее упорство только в отстаивании своей короны, за которую уцепился с лихорадочностью скряги», — так описывает его русский историк А. Трачевский.

Но не будем опять сводить все дело к тому, что этот царь плохой, а тот хороший.

В каждом обществе «взбираются» на верхние этажи пирамиды те, кто больше других соответствует предъявляемым требованиям. В университетах самые престижные места занимают самые яркие ученые и самые лучшие лекторы. Армию возглавляют те, кто лучше других приспособлен к карьере профессионального офицера. В тюремных камерах верховодят самые злобные и самые отпетые уголовники.

«Царь Васька» — порождение своего общества, не более того. Самый подлый, самый хитрый, самый ничтожный?

Может быть. Лучше всех умеющий преследовать свои и только свои эгоистические цели? Допустим, что все это так.

Ну, а остальные-то... Вся огромная страна куда смотрела?!

Московия видела, кого выбирала, это раз. Готовая к смуте страна выбрала того, кто ее стряхнет в Смуту. Настанет день, и «царя Ваську» скинут с трона, постригут в монахи, отдадут полякам. На заседании сейма он будет валяться у поляков в ногах, плакать и просить прощения, а потом незаметно помрет в 1612 году, уже никому не интересный.

Но в 1606 лавина — пошла. Дело — сделано. И, как следствие лавины, к 1613 году

последний шанс остался не использованным. Последний шанс, во-первых, для Польско-Литовско-Московской унии. Во-вторых, для того, чтобы Западная Русь могла бы сыграть собственную роль во всей Русской истории.

Глава 24 МАРАЗМ КРЕПЧАЛ, ИЛИ «ТИГР НИКОН» И ЕГО «ТИГРЯТА»

*Если вы считаете, что миру нужен целитель, стоит подумать
— не нужен ли он вам самому?*

Кун Фу Цзы (Конфуций)

Необходимость реформ

Поколениями писалось о том, что реформы Никона диктовались совершеннейшей необходимостью.

Мол, русское православие отошло от канонов, «испортилось» и зашло в полнейший тупик. Несомненно, так оно и есть. Беда только в том, что авторы как-то не уточняли, что же вызвало странную «порчу» православия на Московской Руси. Не сознаваться же, что причиной — два века глупейшей самоизоляции.

В полупервобытной культуре оставалось совершенно Московии непонятно, где кончается государство и начинается церковь. Даже и для современного россиянина такие сущности, как страна, государство, народ, религия, политический строй, причудливо слепляются друг с другом, и чтобы их разделить, нужны специальные усилия. На нерасчленном видении мира, увы, воспитывались поколения.

В XVI же веке, скажем, взятие Казани Иваном Грозным праздновалось как религиозный праздник в течение 150 лет.

Необходимо было восстановить нормальные отношения с остальными православными, выйти из изоляции, исправить, насколько возможно, все последствия этих двух веков.

Еще в первой половине XVII века священные тексты читались в церквях так быстро, что даже читавший часто не улавливал смысла. Причем прихожане ставили в заслугу священнику, если он умел прочитать много молитв, не переводя духа, и кто опережал других в скорости чтения, считался лучшим.

При службе царило многогласие. Одновременно священник читал молитву, чтец — псалом, дьякон — послание. Читали в три-четыре, а порой и в пять-шесть голосов сразу.

А присутствовавшие в храме, естественно, ничего не могли разобрать.

В церквях прихожане вынужденно занимались каждый своим делом. Кто молился каждый своей иконе, кто просто беседовал и общался со знакомыми. Царь Алексей Михайлович, кстати, постоянно занимался делами в церкви и был всегда окружен там боярами, решавшими свои вопросы.

Про церковное пение высказался Павел Алеппский, православный священник из Сирии: «А москвиты, не зная музыки, пели наудачу... они даже укоряли своим пением малороссов, которые, по их словам, в этом случае подражали полякам».

Иконы оставались семейными и родовыми идолами.

Богослужebные книги переписывались множество раз, и в них появлялось все больше отклонений от образцов. Среди священнослужителей было много неграмотных, а то и просто диких и безнравственных людей. Не только юродивый, но и священник в представлении многих москвитов был чем-то вроде если и не шамана, то языческого волхва.

Реформы до Никона: ученые киевляне

Реформы начались задолго до того, как патриархом стал Никон. В 1649 году Алексей Михайлович приглашает из Киева ученых иеромонахов: Арсения Сатановского и Епифания Славинецкого. Киевляне должны были подготовить переиздание Острожской Библии — первого славянского печатного текста Священного Писания, подготовленного на средства и усилиями нашего старого знакомого — князя Василия Острожского. Внеся некоторые изменения, священники и выпустили в 1663 году в Москве первопечатную Библию.

Кроме того, киевляне должны были учить москалей. На правом берегу Москвы-реки, напротив Воробьевых гор, учрежден был Андреевский Преображенский монастырь, а в монастыре — первая в Московии славяно-греческая школа. Из этой школы и выросла постепенно Славяно-греколатинская академия, формально открытая в 1689 году.

Провинциальное духовенство очень плохо относилось к самой идее изучения языков: и латинского, и даже греческого. Греческие служебные книги признавали только древние, рукописные. А те, которые печатались после падения Константинополя, в «иноверных землях», считали «погаными» и «исполненными ересей». И очень плохо относились к ученым киевлянам и грекам.

Столичные же ревнители благочестия признавали несостоятельными основы традиционной русской жизни и считали необходимым исправить как богослужебные книги, так и русские обряды и чины по греческим образцам.

При этом сама логика «провинциалов» и «столичников» совершенно различна. «Столичные» ревнители благочестия, во-первых, заботятся о СОДЕРЖАНИИ того, чему учит церковь и что написано в богослужебных книгах. Во-вторых, они хотят, чтобы прихожане сами понимали службу и учились бы основам веры.

Для «провинциалов» же важно совсем другое. Для них священным является не только и даже не столько СОДЕРЖАНИЕ книги или службы, сколько ФОРМА. Священно не только содержание Библии, но и язык, на котором написана Библия. Если написать ее по-латыни или на русском языке, но не по московским правилам грамматики, а по правилам грамматики нарождающегося украинского языка, то содержание Библии тоже окажется искажено. Это будет еретическая, не правильная Библия. Не потому, что в ее содержании допущены какие-то неточности, а потому, что она написана на латинском, польском или ином не праведном языке.

Изменения в церковной службе тоже вносить нельзя, потому что изменение ФОРМЫ есть само по себе грех и преступление — вне зависимости от того, что именно изменяется.

По этой же причине нельзя (по крайней мере, грешно) учить латинский язык; а уж если учить, то только после греческого, более праведного. Между прочим, всякое учение вообще сурово осуждалось «общественностью», и были случаи, когда ученики славяно-греческой школы просто вынуждены были забрасывать учебники, «издирать» свои тетради и бросать «книжное учение», чтобы не вступать в конфликт со всем своим кругом. Ведь всякий, кто учится чему-нибудь, неизбежно выламывается из ФОРМЫ, данной раз и навсегда мудрыми предками. И еще...

И еще учиться, думать, сравнивать — означает уходить от мистического, не проговоренного словами познания Бога, мира и человека к другому, более европейскому, рациональному способу познания. Там, где форма и содержание — разные вещи, где они отделены друг от друга, нет и запрета на рациональное познание. Более того, познавать содержание разными способами даже лучше, потому что важно само содержание.

А если форма и содержание друг от друга НЕ ОТДЕЛЕНА? Тогда, получается, думать — это как-то даже опасно.

Можно ведь этак ненароком прийти к чему-то, чего нет в традиции и что традиция не признает...

Характерно, что протопоп Аввакум, в своих обличительных писаниях помещая в аду

Алексея Михайловича, Никона и всех своих врагов, туда же отправляет и всех греческих философов и ученых: Аристотеля, Диогена, Платона, Сократа. И что всякие попытки учиться греческому и латыни он категорически запрещал всем своим духовным чадам.

В эти же времена, кстати, впервые на Руси, слово «глупый» употребляется в положительном значении. Иван Вишенский в своем трактате «Зачапка мудраго латынника з глупым русином» [108] уверяет не только, что «латынскогои языка вседушне дьявол любит», но и что «глупым» быти хорошо. «Глупый» у Вишенского, конечно же, означает не современное «дурак», а употребляется в смысле, хорошо знакомом россиянину по сочинениям графа Льва Толстого, где «глупость» — это умение знать истину без рассуждений, превосходить ее умозрительно и не нуждаться в рациональных способах ее узнавания. Так (только у Толстого, конечно) знают истину те, кто не хочет «умствовать» и рассуждать.

Можно, конечно, отнести маниакальную вражду Аввакума к учению и учености на счет его собственной личной причины. Первоначально Аввакум должен был участвовать в «книжной справе» вместе с Никоном и его людьми. Но очень быстро был отстранен от этой работы по прозаической причине: он не знал греческого языка.

Очень возможно, что «зелен виноград» — одна из причин ярости Аввакума и упорной ненависти к тому, чего он не желает понимать. Но и в этом случае остается важнейшее различие между «столичными» и «провинциальными» священниками, да и мирянами, в их восприятии ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ службы и священных текстов. Я не могу отделаться от мысли, что не протопоп Аввакум становится врагом греческого потому, что не знает греческого. А скорее он не знает греческого из высоких принципиальных соображений; потому, что он его враг.

Интересно, что еще совсем недавно и в Москве думали точно так же, как в провинции. Вынужден был уехать в Западную Русь московский первопечатник Иван Федоров. Еще в 1627 году, когда малоросс Кирилл Ставровицкий привез в Москву свое «Учительное Евангелие» (сборник проповедей), московские книжники отнесли к его книге резко отрицательно — и в огромной степени из-за правописания. Так, Кирилл Ставровицкий писал слово «Христови» вместо принятого в Московии «Христова» — по тем же правилам орфографии, которые приняты в современном украинском языке. «Скажи, противниче, — спрашивают его, — от кого та речь: суть словеса „Христови“!? Ежели Христова, для чего литеру переменял и вместо аза иже напечатал»? [109].

Московские книжники считают «не правильную» форму имени Христова убедительным свидетельством не православия Кирилла, впадения его в ересь. А «не правильный» текст, по их мнению, исходит уже не от Христа, а от дьявола. Об этом свидетельствует уже обращение: «противниче», то есть враг. Книга Кирилла Ставровицкого была торжественно предана огню, поскольку ее слог (именно слог!) был признан еретическим.

По-видимому, в самой Москве произошло «что-то» очень важное за двадцать лет: между 1627 и 1649 годами. Появилась группа влиятельных столичных священников и мирян, которые уже не считают «противниками» и «еретиками» тех, кто пишет одну букву «не правильно» и, следовательно, «неправедно».

«Нам... всем православным христианам, подобает умирати за един аз, его же окаянный враг выбросил из Символа» — писал диакон Федор. Речь шла о том, что патриарх Никон вместо того, чтобы писать в Символе веры «Рожденна, а не сотворенна», стал писать «Рожденна, не сотворенна», приблизив текст к современному русскому языку.

Это не пустые слова — дьякон Федор действительно отдал жизнь за свое исповедание веры, принял мученическую смерть на костре вместе с протопопом Аввакумом, Елифанием и Лазарем — духовными вождями раскола.

В чем крылась ошибка?

Самое пикантное в реформах Никона то, что в принципиальных вероисповедных вопросах правы были не никонианцы, а как раз старообрядцы. Никон заявил ведь не о сближении московской церкви с остальными православными. На самом-то деле он стремился вовсе не к возвращению к древнему благочестию, а к тому, чтобы учесть изменения, происходившие в православии за двести лет изоляции.

Но заявлено-то было именно «возвращение»! Наверное, другого выхода и не было у Никона (и у царя Алексея Михайловича). Откровенное провозглашение такой цели могло бы вызвать набат, восстание, бунт, уход в раскол не трети населения, а 90%. Но, произнеся лозунг «выправления» и «возвращения» назад, реформаторы страшно подставились.

Потому что в IX—XI веках, когда шло становление русского православия, в Византии крестились не тремя перстами, а двумя. Позже нравы православных во всем мире изменились, а на Московской Руси, изолировавшей себя от мира, сохранили верность старине.

Тем самым самая главная идея реформы оказывалась поставленной под сомнение.

В 1649 году на Восток был послан иеромонах Арсений Суханов и привез оттуда около 700 экземпляров богослужебных рукописей для «книжной sprawy». Но это были не древние, а новые греческие книги. И именно с тем, что появилось в последние века, Никон сверял русские богослужебные книги. И он, и царь по сути дела просто обманывали подданных. Эдакий вариант: «Если цены поднимутся, положу голову на рельсы», в исполнении людей XVII века.

Рельсов-то еще не было.

Дьякон Федор Иванов, будущий «соузник» протопопы Аввакума, прекрасно понимал, что «справа» ведется вовсе не по «старинным и греческим и славянским книгам», как торжественно утверждалось в первом правильном «Служебнике», а по новым греческим, имевшим много расхождений с древними церковными обрядами православия, и писал в челобитной царю: «А нынешние книги, что посылал покупать патриарх Никон в Грецию, с которых ныне переводят, слынут греческие, а там печатают те книги под славтью богоотступного папы римского в трех градах: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради zde переведенные со старыми несогласны, государь, и велия смута».

Для Никона, конечно же, важным было никакое такое не «благочестие», а унифицировать с греческими церковные чины и обряды, дать царю основания объединять под своим скипетром все православные народы.

Не случайно же, примирившись с Нероновым, Никон сказал ему о книгах старой и новой печати: «обои-де добры, все равно, по каким хочешь, по тем и служишь». И разрешил пользоваться старым «Служебником» не где-нибудь, а в Успенском соборе.

Позиция восточных патриархов

Казалось бы, восточные патриархи должны на руках носить Никона... Но в том-то и дело, что позиция их была скорее весьма осторожной, а некоторые из них прямо считали, что Никон глубоко не прав. Они поддерживали переход на единогласие, считали важным давать образование священникам, но вот необходимость троеперстного крещения вызывала у них, скажем так, некоторые сомнения.

В 1654 году патриарх обратился к константинопольскому патриарху Паисию с письмом, в котором было 28 вопросов и просьба дать на них соборный ответ.

В мае 1655 года пришел ответ, очень обширное послание, подписанное кроме Паисия еще 24 митрополитами, одним архиепископом и четырьмя епископами. Этот ответ невозможно понять иначе, чем попытку сдержать неумеренное и неразумное рвение Никона.

Мнение восточных иерархов было таково: разнообразия в церковных порядках и в

богослужбных делах вполне терпимы и исторически неизбежны.

Никон, что характерно, плевать хотел на попытки остановить его реформу. Соборы 1654 и 1655 годов одобрили нововведения... а куда бы они делись? Но раскольников пока еще нет; пока есть только послушники, но не еретики и не негодяи.

Пройдет чуть больше десяти лет, и произойдет обычнейшее в истории «пожирание» реформатора. Надо сказать, что крайне редко начавший любую революцию доживает до ее конца! Хорошо еще, если он будет всего-навсего свергнут и потеряет все, как Никон. Этому еще повезло! А как правило, теряли головы... Чтобы затевать подобные революции, надо быть не только глупцом, надо полностью потерять инстинкт самосохранения.

Никон же попытался обосновать, что «священство выше царства» и патриарх должен командовать царем, а не наоборот. Алексей Михайлович, естественно, стал «укорачивать» недавнего любимца, и дело кончилось расколом между царем и патриархом.

Чтобы осудить Никона, опять же необходимо было мнение восточных патриархов, архиепископов и епископов, и как в можно большем числе. 2 ноября 1666 года в Москву прибыли Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский.

Но вот ведь что интересно: константинопольский патриарх Парфений, преемник Паисия, вообще запретил патриархам Макарию Антиохийскому и Паисию Александрийскому вмешиваться в русские дела. Когда же патриархи самовольно поехали на Русь, Парфений собрал собор восточных архиереев, и собор лишил их патриарших престолов. Так что судили Никона фактически никакие не иерархи, а частные лица.

Для Никона важно было не мнение восточных иерархов (он уже и так владел истиной в последней инстанции), а важна была возможность опереться на авторитет. Мнением же он пренебрег.

И для судящих его важны оказались не каноническое право и не закон, а желания царя. Царь хотел осуждения Никона и получил его.

Авантюристы вокруг Никона

Фактически же судьями в русском церковном споре окажутся вовсе не те греки, которые олицетворяли восточное православие, а самые настоящие авантюристы.

Например, Паисий Лигарид — выпускник Римской коллегии св. Афанасия. Рукоположен в священнический сан униатским митрополитом Рафаилом Корсаком.

Как платный миссионер униатства, он послан был в Константинополь, потом в Валахию. Паисий Иерусалимский, от которого Лигарид скрыл свою биографию, рукоположил его в митрополиты Газские. Но в Газу тот отнюдь не поехал; зачем ему Газа, где и голову недолго потерять?

Лигарид сидел в Валахии, слал бравые репортажи в Рим и получал жалованье за то, чего и не думал делать.

Попав в Москву, Паисий Лигарид был именно тем человеком, который советовал на Великий собор 1666—1667 годов позвать восточных патриархов и был с ними неотлучно, переводил и т.д.

К тому времени в Палестине афериста давно разоблачили, и новый иерусалимский патриарх Нектарий написал об этом Алексею Михайловичу.

«Даем подлинную ведомость, что он отнюдь ни митрополит, ни архиерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, и всякого архиерейского чину лишен...» — недвусмысленно писал Нектарий.

Но даже такое письмо не отвратило царя от авантюриста. Лигарид рассказывал царю, что это его и царские враги, сторонники Никона, пакостят ему. И Алексей Михайлович даже просил восстановить «великого учителя и переводчика нашего» в сане митрополита Газского. В ход пошли такие веские аргументы, как соболя и рубли.

На время Лигарида был восстановлен в сане, но ненадолго, на полгода...

В 1673 году он отпущен царем в Палестину для решения своих вопросов, но не уехал дальше Киева.

В Киеве аферист повел себя так, что 21 августа 1675 года Алексей Михайлович повелел специальным указом доставить Лигарида в Москву. Однако здесь сам царь с ним встречаться не пожелал, хотя и в тюрьму не заточил. Похоже, про авантюриста просто забыли.

В 1678 году, уже после смерти Алексея Михайловича, Лигарид попросил у Федора Алексеевича разрешения уехать в Палестину. Отпущенный восвояси, он остался в Киеве, где и помер в августе того же года.

Другим то ли авантюристом, то ли разведчиком, подвизавшимся вокруг Никона, был Арсений, знаменитый правщик книг. Все православные историки раскола считали Арсения строгим ревнителем православия и очень ученым человеком.

Появился он в Москве в 1649 году в свите иерусалимского патриарха Паисия, ехавшего, называя вещи своими именами, за милостыней.

В Москве он понравился, а его личность не вызвала сомнений — в чьей свите прибыл! И Арсений остался на Московской Руси преподавать риторику, как человек ученый.

Никто ведь не знал, что Арсений пристал к свите Паисия только в Киеве.

Когда же Паисий возвратился в Константинополь, он узнал такие вещи про Арсения, что в панике кинулся срочно писать в Москву. По тексту этого письма боярин Никита Иванович Одоевский и думный дьяк Михаил Волошенинов учинили допрос, и когда стали пугать острогом, Арсений повинился.

Оказалось, что он — воспитанник греческой иезуитской коллегии в Риме, которая специально воспитывала греков-униатов. Прибыв домой, в Константинополь, Арсений перед своими родными братьями проклял латинство и стал православным, но ненадолго, и при неясных обстоятельствах стал магометанином (уверял, что повинуюсь насилью).

Вскоре он бежал в Валахию, потом в Молдавию (где, естественно, стал православным). Перебравшись во Львов, Арсений снова униат. В Варшаве некоторое время живет при королевском дворе, и король посылает его в киевскую православную школу в качестве учителя: ясное дело, для пропаганды униатства.

Информация о прошлом Арсения обошлась ему дороже, чем Лигариду: его сослали в Соловки. Там Арсений, как и следовало ожидать, воспылал особой любовью к православию и восхищался благочестием соловецких иноков.

В 1652 году Никон так очаровался Арсением при посещении Соловков, что привез его обратно в Москву. Человек, о котором в приговоре говорилось: «своим еретическим вымыслом хотел и в московском государстве свое злое дьявольское учение ввесть», официально признанный еретиком, стал преподавать в греко-латинской школе и назначен книжным правщиком.

Естественно, своего благодетеля Никона Арсений в трудную минуту предает с обычной для него легкостью.

Известно, что он и после отстранения Никона от дел переводил и издавал несколько книг, участвовал в правке богослужебных книг. Конец его неизвестен. Трудно поверить, что столь известный «волхв, еретик, звездочетец, исполненный смрада иезуитских ересей», тихо помер, никому не известный. Более чем вероятно, что последние годы Арсений окончил в Риме, ведя степенные беседы с отцами-иезуитами. Так сказать, консультируя тех, кто должен пойти вслед за ним.

Никон заложил и традицию делать генералами дезертиров европейских армий и учителями детей — полуграмотных французских кучеров и бродяг.

Реформа — выбор способа

Итак, реформа началась еще в 1649 году, до Никона, а закончил ее сам царь, после ухода Никона от дел. Гораздо правильнее было бы назвать ее не никонианской, а

романовской, потому что задумал ее, начал и провел до конца Алексей Михайлович Романов.

15 апреля 1652 года помер не брезговавший ростовщичеством патриарх Иосиф, оставивший после себя денег на сумму 130 тысяч золотых рублей. Никона поддержали все — и царь, и столичные ревнители благочестия, и провинциальные. Везде-то он оказался своим.

Будучи избранным, патриарх Никон начал рассылать по всей Московской Руси «память» (если угодно, постановление) с требованием служить по-новому и по новым книгам.

Общее содержание реформы уже достаточно ясно: исправление книг, переход на единогласие, изменения в церковном пении, крещение не двумя перстами, а тремя.

Характерно, что приказ переходить на новые богослужебные книги уже был, а вот самих-то книг еще не было. Не напечатали.

И что приказ-то креститься тремя перстами тоже был, но этот приказ вступал в некоторое противоречие с решением Стоглавого собора: «Иже кто не знаменуется двумя персты, яко же и Христос, да есть проклят».

Вот и выбирайте между непослушанием патриарху и проклятием. Не нравится? Тогда не создавайте тяглового общества и государства. Потому что Никон только лишь первым провел такой тип реформ, который потом будет воспроизводиться много раз.

В обществе, прочно изолированном от любой информации и от любых внешних влияний, люди поневоле живут в мире искаженных, порой самых диких представлений. Исключение составляет административная верхушка, столичная по неизбежности. Эта верхушка владеет лучшей информацией о том, что же происходит и делается в мире. Под рукой у этой верхушки — вся мощь тяглового государства, и велик соблазн использовать эту мощь для просвещения серых, диких людей, не знающих, «как надо».

Так же обрушит свои реформы на Российскую империю Петр I, у которого, кстати, не так уж мало общего с Никоном. Только Петр любил все голландское и немецкое, а Никон — греческое.

Так же в 1830-е годы правительство будет раздавать картофель для посадки, никак не объясняя, что это такое и зачем вообще дается. И посылать карательные команды, когда крестьяне поднимутся на «картофельные бунты». А крестьяне будут уверены, что это злые поляки подучили царя заниматься такой ерундой...

А в 1991 году московское издание цекистских гангстеров будет высокомерно ухмыляться серости и невежеству «красной номенклатуры». А провал своего курса будут объяснять тупостью и злостным саботажем.

Несомненно, столичные ревнители веры гораздо современнее провинциальных. Они относятся к проблеме формы и содержания так же, как малороссы, и потому так хорошо находят общий язык.

До Никона в Юго-Западной Руси киевский митрополит Петр Могила провел аналогичную «книжную справу» и такие же богослужебные изменения, но не вызвал этим ни дикого отторжения, ни гражданской войны, ни эпидемии саможжений.

Может быть, имеет значение личность того, кто проводит реформы? Только не надо понимать меня так, что преимущества Петра Симеоновича Могилы над Никоном в том, что он был очень знатным человеком — сыном господаря Молдавии и Валахии.

Преимущество в том, что он был очень образованным человеком. Никита Минов, будущий Никон, родился в крестьянской семье в селе Вельдеманово Нижегородской губернии (90 верст до Нижнего Новгорода). Отец его был мордвин. Мать умерла, когда Никите было всего 3 года. Мачеха невзлюбила малыша и несколько раз даже пыталась от него избавиться.

От опасной мачехи Никита бежал в монастырь и оставался там, пока отец не заболел. Тогда он ушел из монастыря и в 19 лет стал священником в своем селе. У него была жена и трое детей. Дети умерли, как это часто бывало в те недобрые, грубые времена. И тогда

Никита Минов уговорил жену постричься в монахини, и сам тоже в 1635 году постригся в монахи, ушел в Соловки. Началась жизнь монаха Никона.

Петр Симеонович Могила старше Никиты Минова — 1597 года рождения. Он окончил Львовскую братскую школу, постригся в монахи в 1625 году, в 1627 стал архимандритом Киево-Печерского монастыря и митрополитом киевским и галицким в 1632—1647 годах.

В 1632 году он добился у польского короля Владислава IV признания независимой от униатов православной церкви и передачи ей ряда монастырей и церковных зданий. Написал, помимо прочего, и антикатолический трактат «Лифос» («Камень») на польском языке в 1644.

Петр Могила был националист и патриот, защищавший, как мог, свой народ. И кроме того — просветитель и умница, который утверждал православие просвещением и отлично умел воевать на поле противника.

А Никон чуть ли не хвастался своим невежеством.

И вот вам тоже своего рода традиция — реформы в Московии-Российской империи-СССР-Российской Федерации всегда идут как АНТИНАЦИОНАЛЬНЫЕ!

Реформа проводилась таким образом, что не могла не нанести удар по национальным чувствам москвитов. На первый взгляд, она содержит некие национальные идеи.

Например, Никон запретил строительство столпных храмов, пришедших из Италии, разрешил строить только крестово-купольные храмы, пришедшие из Византии. Поскольку в Византии к тому времени уже строились и столпные храмы, это очередная попытка быть большим православным и большим византийцем, чем патриарх Константинопольский.

В 1655 году Никон произнес проповедь против икон фряжского письма, проникавших на Московскую Русь с немецко-польского рынка и через новгородско-псковских мастеров. Целую кипу таких икон принесли из боярских домов. Никон называл владельца очередной иконы, Макарий Антиохийский высказывал свое суждение через переводчика — уже знакомого нам Лигирида, и Никон вдребезги разбивал икону об пол.

Уже говорилось, что греки, на которых опирался Никон, были не подлинными иерархами и богословами, а скорее сборищем аферистов. Невозможно отделаться от мысли, что на соборе 1667 года судили они не сопротивлявшихся реформам старообрядцев, а «посадили на скамью подсудимых всю русскую московскую историю» [110].

Писанное на Стоглавом соборе было объявлено нерассудной простотою и невежеством, и собор 1667 года ни много ни мало, как «разрушал тот собор не в собор, и тую клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть».

В другом месте собор 1667 года оговаривал невежество и безрассудство святителя Макария, почитаемого на Московской Руси, как святого.

Состоялся своего рода реванш греков за московскую религиозную самоуверенность и склонность к самопревозношению, причем руками довольно сомнительных греков.

Есть, право, много общего между Никоном и Петром I.

«Их роднит... странная легкость разрыва с прошлым, эта неожиданная безбытность, умышленность и надуманность в действии. И Никон слушал греческих монахов и владык с такой же доверчивой торопливостью, с какой Петр слушал своих „европейских“ советчиков» [111].

Так что, в отличие от малороссов, Никон и царь проводили пусть и полезную реформу совсем не так, как это делал Петр Могила. И в самом способе проведения реформ кроется важнейшая, может быть, из особенностей раскола. Причина, по которой реформы плавно перешли в раскол.

Всею мощью государства

Московский Собор 1656 года указал, что русские могут креститься и благословлять и двумя, и тремя перстами, «лишь бы только благословляющий и благословляемый имели в мысли, что это благословение исходит от Иисуса Христа» [111, с. 169—170].

Константинопольский патриарх Паисий специально указывал, что не следует придавать большого значения правилам «неважным и несущественным для веры, которые не касаются главных членов веры, а относятся к числу незначительных церковных порядков» и что «это не должно производить никакого разделения, если только сохраняется неизменно одна и та же вера» [111, с. 169].

Собор 1666 года прошел без участия иноземцев. Начался с выступления царя перед боярами и служилыми людьми.

Шел поиск разумного компромисса, и примирение было почти достигнуто. Неясно только, что было делать с решениями Стоглавого собора 1551 года. Но спустя какие-то полгода собирается новый собор, с участием фиктивных восточных патриархов (так потом военные советы Петра будут «освящаться» присутствием фиктивных генералов и полковников-иностранцев, сбежавших из Австрии в чине кто сержанта, кто поручика). На соборе 1667 года сторонники старого обряда были объявлены не просто послушниками, как на русских соборах 1654 и 1655 годов, а еретиками, отлучены от церкви и прокляты.

Греки посоветовали царю предать упорствующих «градским казням», то есть ввести ту же практику, что была в инквизиции: «передать светской власти».

Совет иноземцев пришелся царю по душе. Государство обрушилось на общество, требуя неукоснительного послушания. А для оправдания своего своеволия и жестокости государству служил авторитет иностранцев.

Общество сопротивлялось, как могло. «Соловецкое сидение» 1668—1676 — осада Соловецкого монастыря длилась долгие 8 лет. Московское восстание 1682 года; казнь Аввакума с его сторонниками в Пустозерске в том же 1682 — вот вехи войны правительства со своим (казалось бы) народом.

Суриковский портрет боярыни Феодосии Морозовой известен каждому. Менее известно, что Феодосия Морозова и ее сестра Ефимия Урусова погибли в земляной тюрьме (в яме) в Боровске вместе с женой стрелецкого полковника М. Г. Даниловой в 1675 году.

А ведь Феодосия Морозова была дочерью окольного П. Ф. Соковнина, родственника Милославских, то есть человека, состоявшего в свойстве с царем. А замужем состояла за боярином Г. И. Морозовым, братом царского любимца Б. И. Морозова.

И даже эта женщина за «противление» царю и патриарху арестована в ночь на 16 ноября 1671, ее огромное состояние конфисковано, а сама она погибла после страшных мук.

Собор 1666/1667 гг., так старательно собиравшийся царем и его советчиками — греческими авантюристами, закрепил существование у нас старообрядчества не как оппозиции, которая могла бы постепенно и угаснуть, а как широкого народного движения. По разным данным, от четверти до трети москвитов ушли в раскол (и нелегко их осудить).

Старообрядцы стали проповедовать уход от зла, совершаемого антихристом. Проповедь, очень хорошо ложившаяся на типично московский способ решать все проблемы, а точнее, способ избегать решения любых проблем.

Старообрядцы бежали в Сибирь, в Поволжье, в казацкие области на юге (атаманы Разина крестились двоеперстно), в Литву.

Сколько пользы той же Литве от этих энергичных людей!

В Сибири старообрядцы заселили и освоили Алтай. Они провели немало экспедиций по совсем «неизвестным» местам в поисках «сокровенного града Китежа», Беловодья. Много позже экспедиции государевых людей поведут проводники-старообрядцы.

Способом уйти от антихриста стали и огненные крещения. Только в 1675—1695 гг. известно 37 гарей, в которых сгорело 20 тысяч человек, а старообрядческие агитаторы грозились «пожечь всю Русь». «Пойдем в огонь, на том свете рубахи будут золотые, сапоги красные, меду и орехов и яблок довольно; пожжемся сами, а антихристу не поклонимся».

На чьей стороне прикажете быть тому, кто хочет добра своей родине? Чего желать своему народу? Изменений любой ценой или сохранения «древлего благочестия»?

А ни на чьей. Я охотно был бы на стороне «столичных» — от Никона до «чикагских мальчиков», если бы они не были такие самовлюбленные, не презирали бы до такой степени

всех остальных и не были так привержены к грубейшим методам подавления и насилия. Я охотно был бы на стороне провинциалов, если бы они не были откровенно отсталыми и готовы к каким-то изменениям, к движению вперед.

А так... позвольте, я буду сторонником не Никона, не старообрядцев, а малороссов, у которых попросту не возникает такого рода проблем.

Миф о старообрядцах

И в Российской империи, и в СССР старообрядчество описывалось, как тупое нежелание понять очевиднейшие вещи, а сами старообрядцы в этих писаниях всегда выступали то ли маньяками, то ли сборищем идиотов.

Позволю себе привести одно только место из полузабытого романа М. Н. Загоскина, в котором главный положительный герой Левшин попадает в лапы к злым раскольникам.

Двое из них — типы совершенно жуткие и мрачные, но типажи фанатиков и фарисеев известны, третий же заслуживает отдельного описания:

«На огромной и вдавленной в широкие плечи голове не было ни единого волоска; но зато необычайно длинная борода его, которая, покрывая всю грудь, опускалась ниже пояса, была предметом явного уважения и тайной зависти всех раскольников Брынского леса. Ученик знаменитого наставника черноболцев, Антипа Коровьи ножки, он сам был известен во всех скитах под именем Волосатого старца. Прямой и узкий лоб, его бездушные, оловянные глаза, бессмысленные взгляды и совершенное отсутствие выражения в этих пошлых чертах лица, безжизненного в высочайшей степени, — все носило на себе отпечаток и природной глупости, и совершенного невежества. Если б борода этого лысого старика была не длиннее обыкновенных бород, то, вероятно, он прожил бы незаметно свой век в толпе безграмотных раскольников, которые повинуются своим наставникам из-за того, что они говорят с ними языком, похожим на церковный язык, которым писаны все наши духовные книги.

Казалось, случай как будто нарочно свел вместе этих трех раскольников, чтобы олицетворить перед глазами Левшина три главных начала почти всякого раскола: безумный фанатизм, фарисейское лицемерие и глубокое, закоснелое невежество» [112].

Комментарии нужны? А ведь перед нами — только один из романов, сеющий неприязненное отношение к старообрядчеству. Вплоть до того, что становится неприятен всякий, объявляющий себя старообрядцем. За все время, отпущенное историей Российской империи, разве что Мамин-Сибиряк и Д. Л. Мордовцев не внесли своей лепты в говорение всевозможных гадостей [113].

Отвращение, неприязнь, презрение к старообрядчеству формировались и в Российской империи, и продолжали формироваться в СССР.

Имеет смысл вспомнить и талантливый роман А. Н. Толстого «Петр Первый», в котором старообрядцы редко называются иначе, нежели «раскольники», и выступают как сборища садистов, мракобесов и изуверов. И то, что статья критика Латунского, «разоблачавшая» булгаковского Мастера, называлась «Воинствующий старообрядец».

Есть, конечно, и тут исключение — романы Черкасова [114]. Но не случайно же эти романы при советской власти издавались недостаточными тиражами и представляли собой библиографическую редкость.

При советской власти старообрядец был даже в меньшей степени «внутренним врагом», чем в Российской империи. Со времен же Алексея Михайловича и Петра I в империи из старообрядца активнейшим образом сформировался образ внутреннего врага, тупицы и негодяя.

Только в 1905 году, когда многое, всегда бывшее «нельзя», стало все-таки «можно», оказалось, что большая часть русских предпринимателей — старообрядцы. Самая активная, самая современная, самая предприимчивая часть национальной буржуазии — Милюковы,

Гучковы, Прохоровы, Солдатенковы, Грачевы, Рябушинские, Третьяковы — все, как один, старообрядцы. В начале XX века 64% всего торгово-промышленного населения Российской империи имели предков-старообрядцев. В начале этого столетия только купцы-старообрядцы умели вести дела так, что вытесняли из торговли немцев, армян и евреев. Купцы же, сторонники официозного православия, как правило, проигрывали инородцам и иноземцам. «Волосные старцы» в роли самой активной и предприимчивой части русского народа?! Как же так?!

Последствия

Пора ответить все же на вопрос: чего же хотел Никон? Не что он декларировал, а чего же он хотел на самом деле?

Фактически, если не принимать всерьез разного рода заверений, он хотел только одного — послушания и покорности. Происходил отбор тех, кто хотел открытости Руси, стремился к более современным формам религиозности — это несомненно. Но такой отбор действовал все же в основном на столичную верхушку, на интеллектуалов церковной организации.

А одновременно шел другой отбор, по другому признаку: отбор послушных.

Оруэлл считал, что все диктатуры всех времен очень отличались от тоталитарных режимов: они требовали принимать за истину одно и то же, а тоталитарные режимы постоянно требуют считать истиной то одно, то другое.

Плохо он знал русскую историю! Царь и патриарх в XVII веке делают именно это: требуют от населения страны начать верить во что-то другое, не так, не тем способом...

В итоге русские люди разделились не просто на старообрядцев и новообрядцев. Не в обряде тут дело. Ничуть не в меньшей степени русские люди разделились на послушных и непокорных.

Послушные были готовы отказаться от права участвовать в решении сложных бытийных и философских проблем; и от какой-то части социальной, даже хозяйственной самостоятельности. Сказали вышестоящие, что прежние книги — неверные? Значит, неверные. Велела правящая Церковь (а с ней и государство), креститься тремя перстами? Значит, ей виднее. Будет теперь ставить «сверху» священников в приходы (а не паства будет их избирать)? Значит, так надо. А мы что? Мы — люди маленькие. Наше дело — слушать, молиться, как приказано... и делать, как чиновники велют.

Непокорные отказываются понимать, почему за них должны принимать решения власти — будь то государственная администрация или церковная верхушка. Они намерены сами решать, что для них хорошо, а что — плохо. Старообрядцы весьма однозначно, весьма категорически отвергают любое навязывание им идей или образа жизни. Да, они отстаивают консервативные формы быта (в точности, как пуритане). Но это были их нормы быта. Они их сами устанавливали и сами намеревались ими распоряжаться.

При всей своей прогрессивности никонианство подчиняло Церковь государственной машине. Вплоть до того, что Петр, то ли в порыве холуйского энтузиазма, то ли со страху названный Великим, смог легко взять и отменить патриаршество. Дал монахам «Устав Святейшего Синода»: «Вот вам патриарх». Окончательно сделал священников видом государственных чиновников.

А потом была — и весьма закономерно — секуляризация церковных земель Екатериной, окончательное превращение духовенства не просто в неподатное, но вместе с тем и в служилое, тысячами нитей привязанное к государству сословие. Да и вообще насколько позволительно считать духовными лицами тех, кому вменялось в обязанность... донести, если на исповеди слышал о злоумышлении на государственную власть. В глазах очень многих людей никонианское духовенство было вовсе не духовенством, не совершенно особым сословием, а просто «такими чиновниками». Ну, в рясах они ходят. Вицмундиры у

них, стало быть, такие. И для этого отношения были свои основания.

Весьма характерно, что позже, в XIX — начале XX века, русское дворянство и вообще образованные слои общества оказались поразительно мало привержены к православию.

Будет наивно изображать людей того времени поголовными атеистами. Но почему-то образованные русские люди или «впадали в ересь» (типа О. С. Булгакова или того же Л. Толстого), или начинали проявлять повышенный интерес к католицизму и все тому же протестантству. Остается предположить, что официальное русское православие не было в силах ответить на вопросы, более всего их волновавшие.

А старообрядчество, со всем его консерватизмом и, скажем мягко, нелюбовью к Западу, сохраняло одну из важнейших черт, сблизивших Русь с остальной Европой, — независимую от государства Церковь. Церковь, которая не только была отдельным и самостоятельным источником власти, ограничивающим государственный произвол, но и была способна возглавить развитие культуры. Как в Европе эпохи Возрождения... Старообрядчество сохраняло, «консервировало» дониконианские нормы: общество, живущее и развивающееся в относительной независимости от государства; общество, сохраняющее контроль даже и над Церковью — хотя бы уже через выборы священника паствой. Никонианство было от начала до конца государственным. Старообрядчество было построено на идее главенства общества над государством. А это очень характерная черта протестантизма.

Явление, которое стало называться старообрядчеством, отнюдь не представляло из себя чего-то единого. Чем-то сравнительно цельным выступала как раз официальная Церковь. В неофициальной, «непослушной», протестантизирующейся части Церкви общее число «согласий» (направлений, течений, движений) превышает три десятка [115]. Движение духоборов, зародившееся во второй половине XVIII века среди крестьян Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской губерний, было настолько протестантским по духу, что возникли подозрения: а не проникло ли к крестьянам учение квакеров? И впрямь: неужели вонючие мужики могли сами до этого додуматься?! То есть английские-то могли. Они цивилизованные, им можно. Но... русские — да в черноземных губерниях?! Нет, тут без квакеров никак...

В той же Тамбовской губернии в конце XVIII века Семен Уклеин, примыкавший ранее к духоборам, основал молоканство (что, тоже беглый квакер? или пуританин, сбежавший от Кромвеля и слегка заблудившийся?). «Это же была кучка сектантов», — морщились священники в разговоре с автором статьи. Да нет, не кучка! В начале XX века молокан на Руси было порядка 1,2 миллиона. Это — после всех запретов, ссылок, преследований... При том, что духоборов и молокан официально, по закону, ограничивали в правах, высылали на Кубань и в Сибирь, а в 1889—1900 гг. принудили к переселению в Канаду [116].

Свято место пусто не бывает. Не имея возможности развивать собственные культурную и религиозную традиции, россияне ударялись в баптизм, но упорно отстаивали свое право иметь религию неофициальную, негосударственную, свободную от средневековой иерархичности и допотопной обрядности. Беспоповцы говаривали, что у них «в религии царя нет» [117] и что им «что поп, что черт»*. Они считали, что каждый может (и чуть ли не должен) искать собственные пути к Богу. И нет посредников в общении между человеком и Высшей силой.

Но это ведь тоже — важнейшие, сущностные черты протестантизма... Результатом раскола стало улавливание самых активных элементов населения. Тех, чья деятельность сближала Русь с Европой не по форме, а по сути.

Результатом стало формирование мощных центров старообрядческой эмиграции, имевшей в Российской империи свою агентурную сеть и немалую поддержку в некоторых кругах. В местности Ветка в Литве возникает неофициальная столица старообрядцев.

В Московии принятие старообрядцев в Литве видится, как симпатия к старообрядчеству. Симпатия, сочувствие к гонимым — возможно.

Но есть ведь и принцип: «Я категорически против вашего мнения, но я отдам жизнь за

то, чтобы вы имели право его свободно высказывать».

А есть и чисто хозяйственное дело: понимание полезности старообрядцев для хозяйственного развития.

Старообрядцы активнее, чем кажется, вмешивались в жизнь Российской империи, пока Литва не вошла в ее состав, — до 1795 года. Например, они активно поддерживали «Петра III» — то ли Пугачева, то ли не Пугачева... В числе всего прочего, старообрядцы похитили одно из четырех знамен голштинской гвардии Петра III, чтобы Пугачев легче мог бы выдавать себя за Петра III.

Глава 25 **ПОЛЬША: СОБЛАЗН И ЖУПЕЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ**

И находились даже горячие умы, предрекавшие расцвет искусств под присмотром квартальных надзирателей.

М. Е. Салтыков-Щедрин

После 1613, тем более после 1634 года, когда Владислав окончательно отказался от московского трона, само слово «Литва» фактически становится синонимом слова «Польша».

Нет ведь никакой специальной политики Великого княжества Литовского; нет в нем ничего такого, чего не было бы в Польше, разве что кириллица и русский язык, все больше становящийся белорусским. Литва выступает только и исключительно как часть Польши, и все.

Конечно же, нет никаких «выходов из Литвы».

А Московия, что очень важно, продолжает с Речью Посполитой отчаянную конфронтацию. Частично — из-за претензий Владислава на московский престол, частично — из-за Украины. Ведь Московия продолжает считать себя царством всех русских, то есть и тех, кого мы сейчас называем украинцами и белорусами.

А после унии 1596 года на Украине все нарастала тенденция — присоединиться к Московии. Правда, не у всех и не везде.

Волынь и Галиция, ставшие коронными землями с XIV века, плевать хотели на все казацкие дела, и даже Православное братство во Львове под Москву уже не хочет. Территории, вошедшие в Польшу недавно, с 1569 года, еще выбирают. Православное простонародье на Левобережной Украине однозначно хочет «под Москву», а русская шляхта Украины практически полностью окатоличена и ополячена, и под Москвой не осталась даже после присоединения.

Единственно, чего не сделало польское правительство, так это не уравнило в правах католическое и православное население. С 1633 года православная церковь в коронных землях легализована, в смысле — официально дозволена, и часть приходов и зданий церквей ей возвращена.

Но равенства нет, и вопрос стоял только о том, когда именно произойдет взрыв. В современных польских школьных учебниках, кстати, о давлении на православных вообще ничего не говорится. Причины войны остаются загадочными, констатируется только, что «украинцы объединились с татарами и русскими против поляков» [118]. Учебники не говорят правды, потому что не было единого акта объединения, и потому что само польское правительство и польская шляхта отталкивали от себя людей.

В 1638 ограничение числа реестровых казаков спустило механизм события, которое в советской историографии называлось всегда очень торжественно: «Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг.».

Что можно сказать о войне, которая ведется под лозунгом: «Возьмите нас к себе в дворяне»? А именно таков был лозунг: казаки требовали расширить число реестровых казаков. Польское государство отказалось идти на поводу у шантажистов.

«Где жили казаки, там не могло быть настоящего хозяйства, где паны правильно вели свое хозяйство — там неприемлем был бродячий образ жизни казаков... Казацкий элемент был отрицанием... принципа общества, отрицанием принципа государства», — так считает украинский историк Пантелеймон Кулиш. Подчеркну — украинский историк.

Довольно много писалось и о том, что казаки не выиграли ни одного сражения, в котором не участвовали бы татары.

Татары отходят... вслед за ними бегут и казаки. Очень похоже, что кроме социальных причин, тут опять срабатывали четко прослеживаемые проблемы избыточного населения.

В запорожцы шел тот, чьи руки и чей рот оказывались «лишними» где бы то ни было, а это всегда вояки еще те... Вопрос был, собственно, только в том, как быстро удастся полякам задавить восстание. Единственной внешней силой, готовой помочь Украине, была Московская Русь.

В октябре 1653 года Земский собор в Москве высказался за присоединение Украины, и дело встало за официальными актами объединения.

Переяславская рада 8 января 1654 года в Российской империи и в СССР считалась исключительно важным событием, а Б. Хмельницкий — значительнейшим государственным деятелем. Настолько, что сам город переименовали в Переяслав-Хмельницкий. Наверное, это справедливо, если смотреть на все исключительно из Москвы: ведь если этому событию и придавать важное значение, то только как этапу роста будущей Российской империи.

После русско-польской войны 1654—1667 годов Польша по Андрусовскому перемирию признает присоединение к Московии всей Левобережной Украины и возвращает Смоленское и Черниговское государства. Правобережная, Западная Украина, осталась в составе Речи Посполитой.

Но в истории самой Украины все было вовсе не так однозначно. Сословиям на Украине предоставлялось самоуправление. Сохранялись права казаков на выбор гетмана, войсковой суд, наследование имений и земель. Но есть тут одна заковыка... Украинцы, как выясняется, очень развращены своим пребыванием в составе Речи Посполитой. Эти зловредные крамольники воображают, будто они — свободные подданные московского царя, и что соблюдение условий перемирия странами обязательно. А царь, естественно, считает их... кем? Ну конечно же, холопами! И не особенно затрудняет себя данными обещаниями.

Казацкая старшина в этих условиях раскалывается. Может быть, лучше уж остаться в составе Речи Посполитой?!

В 1657 году помирает Хмельницкий. Что характерно, памятники ставило ему правительство Российской империи, но никогда — сами украинцы.

В 1658 году новый гетман Иван Выговский заключает с Польшей договор о восстановлении ее прав на Украину.

Тогда, осознав, наконец, опасность потери Украины, Речь Посполитая готова включить в себя третий элемент федерации — Княжество Русское. Заметим — отнюдь не Великое княжество (да и не тянут на Великое княжество три украинских воеводства), но хоть что-то.

Против присоединения к Московии были и другие гетманы — Юрий Хмельницкий, Павло Тетеря, Петро Дорошенко. Одни — за воссоединение с Польшей. Самойлович хочет создать независимое украинское государство, но под Московию никто уже не хочет.

Но все решается уже без Украины. Проклятая судьба Западной Руси! Вечно она — между Польшей и Московией, и вечно ее судьбу решают другие! Попытка Петра Ивановича Мазепы создать независимую Украину в 1709 году — это уже последнее движение, последняя судорога политической агонии.

Разумеется, эти события не особенно способствуют взаимопониманию славянских стран, и без того оставляющего желать лучшего.

Единственный случай, когда Речь Посполитая и Московия выступают единым

фронтом, это польско-турецкие войны, ведущиеся с 1620 по 1699 — почти все XVII столетие.

В Тридцатилетней же войне (1618—1648 гг.) Московия занимает позицию странную и в то же время объяснимую...

Тогда сложились две большие коалиции: католических континентальных держав — Испании, Речи Посполитой, Священной Римской империи германской нации. И антигабсбургской коалиции, в которой только Франция была католической державой. А Дания, Швеция и Голландия — соответственно, протестантскими.

Какая коалиция была ближе Московии — во всех отношениях? Тем более, что Швеция до 1617 года владела Новгородом, а еще почти столетие продолжала владеть Ижорской землей и устьем Невы?

Поэтому поддержке Московией коалиции Франции, Швеции, Голландии и Дании я назвал странной.

Но если помнить о маниакальной нелюбви к Речи Посполитой в Москве, поддержка становится объяснимой.

Не в последнюю очередь эта поддержка не дала полякам помочь Священной Римской империи и сделала Тридцатилетнюю войну такой затяжной и свирепой. Население Германии сократилось на треть, местами — наполовину. Шведы добились крупных военных успехов, а чуть позже, во время Северной войны 1655—1660, Речь Посполитая оказалась на грани завоевания Швецией и утраты самостоятельности. Эти события вошли в польскую историографию под мрачным названием «Потоп» и, конечно же, очень ослабили Речь Посполитую. По мнению большинства историков, польско-шведские войны и ослабили Речь Посполитую так, что в XVIII она не смогла больше существовать.

Второй причиной ослабления Польши было своеволие и дерзость шляхты.

XVII—XVIII века — это эпоха пана Ляша, приговоренного за «буйства» к «баниции», то есть изгнанию из Речи Посполитой 28 раз. Пан Ляш подшил приговорами бекешу, и, разгуливая по столице, вслух сожалел, что приговоров мало, остались неподшитые места.

В начале XVIII века Сапеги вели частную войну с Польшей. На них за «самоуправство» был объявлено «посполито рушенье». Сапеги проиграли войну, и повинились перед королем, но ведь какой масштаб! Какой цинизм! Какое бессмысленное расточение материальных ценностей, времени, сил и самих человеческих жизней...

Это эпоха магната Франца-Ксаверия Потоцкого, гайдуки которого высекли судей, выносивших ему приговор за «бесчинства». Разложили на пергаменте с текстом приговора и высекли, спустив штаны.

А сын Ксаверия, Феликс Щенсный-Потоцкий, имел неосторожность влюбиться в дочь небогатых шляхтичей, Гертруду Комаровскую. Родители были категорически против; они хотели женить Феликса на Юзефине Мнишек — из того самого семейства. «Зато» папа Юзефины был краковским каштеляном, и такой брак был бы «равным».

На семейном совете решено было похитить Гертруду и постричь ее в монахини (как видно, Потоцкие мыслили сходно с московскими князьями и царями). А может быть, получить у папы римского разрешения на расторжение брака...

Возможности такого рода были. Свиту Франца-Ксаверия Потоцкого составляло 30 шляхтичей во главе с мажордомом, князем Четвертинским, а частная армия состояла из двух полков — уланского и драгунского.

Тридцать гайдуков во главе со шляхтичем Загурским ночью напали на дом Комаровских, похитили Гертруду, и увезли ее, завернув в несколько перин. По одним данным, Загурский просто не рассчитал веса перин. По другим, похитители встретили по дороге крестьянский обоз и решили не рисковать. Во всяком случае, когда опасность миновала и перины сняли, беременная Гертруда была мертва. Труп бросили в пруд, а потом тайно похоронили.

Комаровские начали уголовный процесс, и, по одним сведениям, стоил Потоцким местечка Витков и трех селений в Белазском воеводстве. По другим, суд приговорил убийцу

Гертруды к смерти. Франц-Ксаверий к тому времени помер, и его труп извлекли из могилы и повесили. По еще одной легенде, повесили не труп Ксаверия, а труп Загурского. Во всяком случае, Потоцкие откупились, и никого живого не повесили. А Феликса вскоре женили на Юзефине Мнишек, дочке краковского каштеляна.

По словам Феликса, Юзефина не принесла ему девичьей невинности, а в браке не была верна. Феликс не жил с ней в одном доме, а развлекался, меняя любовниц и имения.

Владелец ста тридцати тысяч крестьянских душ, городов Умань, Браилов, Могилев, Немиров, тридцати местечек, четырехсот двадцати девяти селений, Феликс Щенный-Потоцкий жил владетельным князем и имел частную армию в две тысячи человек.

Уже стариком, после всех разделов Польши, Феликс Потоцкий влюбился в жену графа Витта, Софию Витт. София была, по одним данным, гречанкой, по другим — валашкой; и по всем имеющимся сведениям ее прошлое таково, что принимать эту даму в приличных мещанских домах не стали бы. Впрочем, деньги могут почти все.

Феликс Потоцкий купил графиню Витт у графа за два миллиона злотых. Прелестная графиня происходила из горной местности и изволила скучать среди равнин. Феликс построил в Умани роскошный парк: насыпали искусственные холмы, провели речки, выкопали пруды, устроили водопады. Насажено было несколько десятков стволов деревьев. Парк называли «Софиевкой» — в честь Софии Витт.

Что делала шлюшка после смерти Потоцкого, я не знаю, но парк великолепен, и он стоит до сих пор.

Ничего, кроме подрыва мощи Речи Посполитой и отставания Польши, от такой шляхты быть не могло: что от магната, что от его слуг.

Тем более, третье сословие в Польше традиционно оставалось слабым, промышленность развита совсем не так, как в странах Западной Европы; противопоставить шляхте было нечего и некого. А к концу XVII столетия промышленность имеет большее значение для мощи государства, чем храбрость его солдат или высота крепостных стен.

Еще при Яне III Собесском (правил с 1674 по 1696) Московия не вмешивается во внутренние дела Польши. Но после него уже появляется шанс... Швеция хочет поставить своего короля, Станислава Лещинского. Московия другого — саксонского курфюрста Августа. Швеция оккупирует Речь Посполитую, Лещинский сидит на престоле; Август бегает, как заяц, от шведских гренадер. Неосторожный Август много раз отзывался о Карле XII Шведском самыми гадкими словами... И теперь Карл XII особенно сильно хочет встречи, а Август ее особенно сильно не хочет.

Победа под Полтавой, — и Лещинский бежит во Францию, а Август садится на престол.

Во Франции Станислав Лещинский не растерялся и быстро выдал дочку замуж за французского короля. Французская дипломатия очень озаботилась вопросом: а как же это Станислава Лещинского, законного короля, да вдруг поперли из страны? Франция традиционно уважаема в Польше, и на сейме 12 сентября 1733 Лещинский избран королем. Но Российская империя, Австрия и Саксония начали войну за польское наследство 1733—1735 и снова посадили на престол саксонского курфюрста Августа II.

Давно ли Польша и Московия так же решали судьбы Украины? А теперь Швеция и Московия так же точно решают судьбы самой Речи Посполитой.

Казалось бы, что должен испытывать москвит, кроме «чувства глубокого удовлетворения»? Заканчивается «старый спор славян между собою», и заканчивается в пользу «верного росса». Торжествовать? Есть, конечно же, и торжество. Но чувства москвитов поневоле оказываются куда сложнее, и связано это с ходом модернизации.

Диалог со странами Запада, прерванный Иваном в середине XVI века, к середине-концу XVII становится постоянным и все более расширяется. Без этого страна уже не может.

При Алексее Михайловиче треть вооруженных сил Московии — полки иноземного строя, то есть регулярные войска под командованием, как правило, иностранных офицеров. К правлению Петра это половина всех вооруженных сил Московской Руси — 63 солдатских

(пехота) и рейтарских (конница) полка, 90 тысяч солдат.

В Москве во времена Алексея Михайловича открываются аптеки, работают польские и немецкие портные. «Ура-патриоты» возмущаются и протестуют. Патриарх Никон выпросил у одного из придворных немецкие и польские одежды — «посмотреть»; и изрезал их в мелкие клочки ножницами — «не православные одежды!» Нельзя их носить!

Но, судя по всему, польских и немецких портных не убывало. В посольском приказе переводили книги по космографии, риторике и фортификации, а в Туле создавались первые мануфактуры по европейскому образцу.

Сын Алексея Михайловича Федор (правил в 1676—1682 годах) в совершенстве знал латынь, неплохо польский, писал на этих языках стихи. Его родная сестра Софья сама сочиняла пьесы и создала домашний театр. В Москве, кстати, театр был с 1672 года, и ставились в нем пьесы, сочиненные или переведенные учителем царевича и царевны Симеоном Полоцким. Он же всю вел подготовку к открытию Славяно-греко-латинской академии (открыта в 1687, уже после Федора).

Войдя в надлежащие годы и став царем, Федор Алексеевич отменил местничество и сжег все «поместные росписи», провел церковные реформы: отменил «собственные иконы», сильно смягчил суд и следствие. Ворам перестали отрубать руки, ноги и пальцы.

А кроме того, всем придворным, военным и чиновным лицам ведено одеваться в польское платье. А тем, кто упорно одевался в русское, царским указом в Кремль вход запрещен. Тому же кругу лиц рекомендовано было брить бороду. Заметьте — не «приказано брить», а «рекомендовано».

Вполне можно было и не брить.

«...На Москве стали волосы стричь, бороды брить, сабли и польские кунтуши носить, школы заводить», — как говорили современники.

Все это, конечно, только государственная модернизация или придание некоего внешнего колера, придание формы.

Но и в этом «внешнем колере» появляется некая личная свобода, особенно когда брадобритие не вводится приказом, а «рекомендуется».

Весь XVII век образцом европейской страны служила Польша, а Украина оказывалась страной-посредником (и здесь, как часто с ней бывало, Московия имела дело не с другим центром цивилизации, а с ее периферией). О западниках типа князя Василия Голицына или Ордын-Нащокина говорили, что они «чтут книги ляцкие в сладость».

Но Польша все сильнее отстает, все меньше способна явиться образчиком успешной модернизации. Вопрос, на кого ориентироваться, если не на Польшу? Какая страна Европы может выступить как образец?

Похоже, что Петру просто «пришлось» сменить образец для заимствования — слишком уж поляки похожи на нас, слишком уж государственная модернизация, которая за образец берет «их», провоцирует модернизацию общественных отношений у «нас». Если обезьянничать с «чертовых ляхов», это может плохо кончиться...

Я уже говорил, что слова «шляхетный», шляхетский», «шляхтич», «шляхта» употребляются очень широко. И в официальных документах, и в частных, заменяя «дворянин» и «дворянство».

«Шляхетские вольности» упоминаются в «Кондициях», которые верховники пытались заставить подписать Анну Ивановну в 1730 году. И в «Указе о вольности дворянской» 1762 года.

А одновременно отсталость, истощение сил и своеволие шляхты поставило под сомнение само бытие Речи Посполитой.

Основную роль в экономике и в политике играли магнаты, владевшие колоссальными латифундиями, тысячами сел и городов. Феодалные кланы свели на нет не только власть короля, но и власть сейма, и все тонуло в хаосе, в сплошной феодальной анархии. А горожане были слишком слабы, не были в силах взять власть. Попытки избавиться от анархии, укрепить центральную власть, наталкивались не только на сопротивление магнатов,

на эгоизм феодальных кланов, но и на политику Пруссии, Австрии, Российской империи. Три соседские державы как раз изо всех сил поддерживали анархию и разброд в некогда сильной державе. Могучая Речь Посполитая, способная проводить независимую политику, не была нужна никому.

Все разделить!

Сначала Российская империя пыталась отвергнуть планы Пруссии о разделе Польши. Не из благородных побуждений, а потому, что хотела держать ее в своей и только своей сфере влияния, ни с кем не делиться.

Для того Екатерина II и посадила на престол Речи Посполитой любовника (полагается говорить — фаворита, но какая разница?), Станислава Понятовского в 1764 году. Был такой расчет — постепенно создать зависимое от Российской империи польское государство во главе со «своим» королем.

Шла очередная русско-турецкая война 1768—1774 годов, и оказалась она очень затяжной. Екатерина II боялась, и не без оснований, сближения Австрии с Турцией; Пруссия давно предлагала разделить бесперспективное государство, и существовала угроза ее сближения с Австрией, если Российская империя откажется. Война еще и с Австрией и Пруссией была уж очень не нужна, и желание срочно улучшить отношения с двумя немецкими государствами заставило Российскую империю пойти на соглашение с ними... за счет Польши.

5 августа 1772 года в Петербурге три державы заключили конвенцию о частичном разделе Речи Посполитой, и войска каждой из них заняли «свои» территории. В 1773 году польский сейм все же признал частичный раздел страны (а интересно, куда бы он делся?).

Над Речью Посполитой нависла опасность полностью потерять страну. Тут даже шляхту проняло. В стране все активнее действовала Патриотическая партия и требовала реформ, позволяющих хоть как-то, но выжить. Все ведь понимали, что, махая дедовскими саблями, отечество не отстоять.

В 1788 году собрался и проработал четыре года сейм, который так и называется: Четырехлетний сейм. Явление само по себе уникальное. Сеймы так долго не работали.

Съезжались, побыстрее решали все вопросы, и после вкусного банкета разъезжались. А этот сейм работал всерьез и создал даже конституцию 3 мая 1791 года.

По конституции численность польской армии поднималась до 100 тысяч человек, мещанству открывался доступ к чиновничьим и военным должностям, приобретению земли и получению шляхетства. Отменялись выборность королей (только после пресечения династии можно было выбирать нового короля!), *liberum veto*, рокош и конфедерация. Теперь меньшинство на сейме не могло срывать принятие решений. Они принимались простым большинством голосов.

Король присягнул конституции (ему, правившему в тот момент, тоже была выгодна конституция), и казалось, Польша вскоре изменится до неузнаваемости.

Но ведь шляхтич имеет право на конфедерацию и рокош! Никто не смеет покушаться на эти священные права!

Трое польских магнатов собрались в местечке Торговцы, под Уманью, и провозгласили Акт своей конфедерации.

Их имена прекрасно известны и в современной Польше, и вызывают скрежет зубовой у поляков: К. Браницкий, С. Жевуский, Ф. Щенсный-Потоцкий. Три изменника. Совсем недавно этот Акт собственноручно редактировала Екатерина II, а 14 мая 1792 года, в день провозглашения Акта Тарговицкой конфедерации, войска Российской империи пересекли границу Речи Посполитой. Вскоре и Пруссия начала интервенцию.

Войска, верные сейму, быстро стали проигрывать войскам конфедерации. Король поддержал конфедерацию. Речь Посполитая оказалась оккупированной, а 12 января 1793 Австрия, Пруссия и Российская империя в Петербурге подписали Конвенцию о втором

разделе Речи Посполитой.

Реформы Четырехлетнего сейма были отменены, а собранный в Гродно сейм в 1793 году утвердил новый акт раздела части Польши.

Только зиму 1793/94 годов было спокойно. А в марте грянуло знаменитое Польское восстание 1794 года под руководством Тадеуша Костюшко — личности вполне легендарной. Настолько легендарной, что сказать о нем несколько слов необходимо...

В наше время пылкая революционность, мягко говоря, не находит понимания у общества. Политиканством, а тем паче потугами «железной рукой загнать человечество в счастье» все накушались выше крыши. Но что поделать!

В XVIII веке находилось немало людей, по внешнему виду вменяемых, которые стремились к «Свободе, Равенству, Братству»... И стремились именно путем создания клубов, тайных обществ, революционной фразеологии, сколачивания вооруженных шаек, поднятия восстаний, убийства монархов, подавления всех несогласных и прочего безобразия. Отдал этому дань и Александр Сергеевич Пушкин; помните:

Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Кто бы мог подумать, что мальчик из приличной семьи, окончивший Царскосельский лицей, напишет такое?! Человек, просивший своего царя быть его цензором, человек, несомненно религиозный?!

И точно так же кто бы мог подумать, что мальчик из семьи старопольского помещика средней руки, выученик школы монашеского ордена пиаров, вдруг возьмет и уедет в США участвовать в Войне за независимость? И не романтики ради, не на бизонов же охотиться! А воевать за независимость США на стороне колонистов? А Тадеуш Костюшко уехал и воевал довольно лихо. Первая крупная победа колонистов под Саратогой в 1777 году во многом есть его заслуга.

В 1784 году Костюшко возвращается в Польшу, но никакой должности в ее армии не получает. Бригадный генерал армии США высказывает слишком свободололюбивые взгляды, называет магнатов... примерно так, как их следует называть.

Но в 1789 году Костюшко идет служить Четырехлетнему сейму, в чине бригадного генерала участвует в действиях против войск Тарговицкой конфедерации. Это как раз по нему! Борьба за демократию, с феодалами, клерикалами, консервативными элементами!

Но правительство капитулирует перед Тарговицкой конфедерацией, и Костюшко опять делать нечего; он уезжает за рубеж, появляется в якобинском Париже, уговаривает «патриотов» помочь воюющей Польше. Понимания он не находит.

А тут — национальное унижение 1793 года! Вот она — та революция, в которой соединяется наивный национализм первых национальных государств и еще более наивный, восторженный реформизм. «Все поменять!». И всем сразу станет хорошо.

Польское восстание началось под лозунгами национальной единой Польши, воссоединения земель, отторгнутых Российской империей, Австрией и Пруссией, и продолжения реформ Четырехлетнего сейма.

Это было как раз то, что нужно, и 24 марта 1794 года в Кракове Тадеуш Костюшко провозгласил Акт восстания и произнес текст присяги как диктатор. Был он объявлен и главнокомандующим национальными вооруженными силами.

«Я не буду биться за одну шляхту, — провозгласил шляхтич Костюшко. — Я хочу свободы всей нации и только за нее буду жертвовать своей жизнью». По тем временам это было и благородно, и «прогрессивно».

А с другой стороны, страшненький он был человек, этот Тадеуш Костюшко, друг Вашингтона и якобинцев. Мало кому известно, что в мае-июне 1794 года в Варшаве польские якобинцы практикуют революционный террор против лидеров тарговичан. И людей не просто пугали, их вполне серьезно убивали за «неправильные» убеждения...

Но и отдадим должное Тадеушу Костюшко, причудливому гибриду якобинца и помещика — он умел идти до конца там, где останавливались люди умные, умудренные и решительные. 7 мая 1794 года Костюшко издал Поланецкий универсал, в котором твердо обещал крестьянам свободу, если польские патриоты победят. И это дало сразу же десятки тысяч новых волонтеров. Косиньеры, то есть косцы, называли этих крестьянских парней. В Средневековье польский крестьянин мог идти в бой с косой, и считался грозным бойцом. У косиньеров Костюшко были, конечно, и ружья, но даже приток крестьян в армию мало что менял.

Опомнившись от первых поражений, Пруссия и Российская империя бросили в бой все свои силы. Суворовские чудо-богатыри, переходы по 40, по 60 верст, с пением храбрых песен, блестящие лобовые атаки на супостатов, послушавшихся матушку-царицу, умелая поддержка конницы и артиллерии.

А главное и сумей Костюшко разбить именно эти армии — ведь все равно пришли бы новые. В сравнении с Пруссией и Российской империей Польша была подобна ребенку, затеявшему всерьез драться с двумя здоровенными мужиками.

К сентябрю «очищены от бунтовщиков», как писал в рапортах Суворов, вся Литва и вся Галиция. И украинские, и белорусские области полыхают; никто не хочет под Российскую империю. Всем приходится объяснять, как нехорошо бунтовать против русской матушки-государыни, до конца дней изъяснявшейся с сильным акцентом.

10 октября под Мациевицами тяжело ранен и взят в плен Тадеуш Костюшко. Сохранилась легенда, что Костюшко лежал на земле, раненный в живот, истекая кровью. Прошел дождь, Костюшко дрожал от холода.

Казачий полковник Денисов нашел Костюшко и узнал его. Он велел казакам положить на землю несколько плащей, перенести на них Костюшко и перевязать. После чего спросил, не нужно ли еще чего-нибудь вражескому генералу.

— Ничего не нужно, — кратко ответил Костюшко.

— Я знаю Вас, генерал, как великого человека, и всегда готов оказать вам любую услугу, — сказал Денисов.

— И я тоже знаю Вас, полковник Денисов, — ответил Костюшко.

Казаки сделали из своих пик носилки и понесли Костюшко в лазарет. И до конца своих дней полковник Денисов гордился этой беседой и охотно рассказывал о ней.

И все, стоявшие возле этих носилок.

Вот она, двойственность отношения к Тадеушу. Воевать с ним надо, и взять его в плен — доблесть. Но уважение к нему огромное, и даже взять в плен его особенно почетно не потому, что он страшен и опасен, а потому, что он «великий человек», творящий великие дела. И даже на того, кто видел, как его несут, падает отсвет славы Костюшко.

Потом, естественно, Т. Костюшко был заключен в Петропавловскую крепость как опасный смутьян, бунтовщик и вольнодумец.

Обезглавленное восстание продолжалось, но все, конечно, уже было ясно. 4 ноября царские войска овладели предместьем Варшавы — Прагой, и в Праге русская армия устроила чудовищную резню.

Версий, собственно говоря, две...

1. Ворвавшись в Прагу, казаки кинулись насиловать католических монахинь и бегали с грудными младенцами на штыках. Солдаты Суворова в резне участия не принимали, и более того — многие поляки нашли спасение как раз у солдат русской регулярной армии.

2. По второй версии, в зверских убийствах принимали участие и суворовские чудо-богатыри.

Какая из версий более соответствует действительности?

Адам Чарторыйский в своих записках рассказывал про плохих казаков и благородных воинов Суворова, которые помогали полякам. Домбровский же поднимал войска в атаку, вспоминая, как москали резали поляков в Праге, и совсем не разделяя разные части русской императорской армии.

По моему мнению, все это — совершеннейшие частности.

Во-первых именно потому, что и казаки, и гренадеры — это разные рода войск, разные части одной армии одного государства.

Во-вторых, потому что сам по себе случай резни, случай зверств в истории походов XVIII и XIX веков — уникальный.

Ни один жестокий, кровавый штурм, который гораздо страшнее любого польского похода, вместе взятого, — взятие Измаила или Очакова, например, — вовсе не завершался резней мирного населения. И голодный, разутый-раздетый швейцарский поход не сопровождался и не завершался зверствами. Не было этого. Какая же муха укусила вдруг русских солдат? Кто бы они ни были — казаки или бывшие крестьяне, родом с Дона или из средней полосы.

Конечно же, была обыкновенная бытовая обида на поляков — что сами они ведут себя «не правильно», нарушают славянскую общность, а вот живут все равно лучше. Такой обиды не могло возникать при виде нищенских хижин румын или зловонных турецких казарм Измаила.

А вот полякам же приписывали даже то, чего они никогда и не думали о русских. В самом их богатстве, в спокойной организации жизни, даже в чистых уборных читался наверняка некий упрек. Некая демонстрация. Попытка унижить, обидеть, попрекнуть собственным неустройством, неряшеством.

...Вот злоба такого рода, наверное, и прорвалась в Праге, в позорный для русского оружия день 4 ноября 1795 года.

10 ноября столица Польши капитулировала, и восстание на этом кончилось.

До этого 13 октября 1795 года подписали новую Конвенцию 1795 года, а 25 ноября Станислав Понятовский отрекся от престола. Последние года, до смерти в 1798 году, он жил в Петербурге, презираемый всеми поляками.

По условиям Третьего раздела Польши 1795 года к Российской империи отошли все земли, населенные русскими, то есть те, которые называются сегодня Западной Белоруссией и Западной Украиной. Отошла Литва с Вильно, Тракаем и Шауляем. Отошла Курляндия, т.е. латышские земли.

Австрия получила Волынско-Галицкие земли с Львовом и Галичем, великопольские земли с Краковом, историческое сердце страны. И владела до 1918 года, до развала Австро-Венгерской империи.

Пруссия взяла себе весь запад и север этнической Польши, множество городов: Мальборк, Гданьск, Варшаву, Познань, Гнезно, Плоцк.

Между прочим, интересная деталь: три «Раздела Польши» вошли в историю как некое важное событие.

А кому пришло в голову, что разделили-то не только Польшу?

Что разделили еще и Великое княжество Литовское?

Ведь формально разделили и его. И вообще — делили не Польшу, делили-то Речь Посполитую...

26 января 1797 года коалиция трех стран — Пруссии, Австрии и России — утвердила раздел Польши и ликвидацию польской государственности. Упразднение польского гражданства, упоминания Польши в титулах. Теперь уже официально, вплоть до мелочей, не стало уже не только Великого княжества Литовского. Не стало и Речи Посполитой. Московия, принявшая сначала псевдоним Россия, а затем Российская империя, одолела, наконец, своего извечного врага.

Был ли хоть какой-то шанс у восстания? Пожалуй, нет.

Имело ли смысл восставать? Наверное, да.

Чтобы были расставлены точки над *i* и чтобы за «польским вопросом» видели бы не «семейный спор» тех, кто «должен» быть в подданстве императора Российского и не «просто» расширение Российской империи, а преступление и гадость.

Когда Российская империя распространялась на Кокандское ханство или на

государство Шамяля, в Европе это могли только приветствовать. Наверное, и ксенофобия в таких оценках тоже есть. Но это ведь чечены торговали людьми, и это в Коканде, а не в Варшаве и даже не в Москве в 1827 году приходилось 1100 русских рабов из 30 тысяч населения.

Когда Скобелев, небрежно поплевав на пальцы, пообещал кокандцам, что через два часа города не будет на месте, если через час не будет капитуляции... Когда горная артиллерия, задрав стволы, поливала Гуниб навесным огнем, — это Европа шла на Азию. Вместе с Российской империей в Азию приходила Европа, несла совсем иные нравы и традиции. Те, кто не торгует рабами, запрещал торговать тем, кто ими торгует.

А вот в Польше все было наоборот. В Праге русские солдаты показали себя как азиаты, вломившиеся в Европу, и затеявшие «мясо белых братьев жарить», — так, кажется, у Блока?

И Прага стала символом. Навсегда. И для европейцев (в том числе и для поляков), и для русских. Насчет русских, правда, маленькая, но важная деталь: преступления русских солдат в Праге из всех сил пытались скрыть.

Ни в одном художественном произведении, ни в одном фильме не было образа «чудо-богатыря», идущего по Варшаве с польским младенцем на штыке. В советское время сам факт погрома ни упоминался НИ В ОДНОМ учебном или справочном пособии. Само упоминание Праги как заключительного эпизода военных действий упоминается в более поздних справочниках — БСЭ и Советской исторической энциклопедии. Во «Всемирной истории» и самого слова этого нет. В школьных учебниках и в учебниках для педагогических институтов скрывалось, что Суворов возглавлял царские войска при подавлении Польского восстания 1794 года: нельзя же «бросать тень» на национального героя.

И уж, конечно, до сих пор — ни малейших упоминаний русских зверств! О погроме, учиненном в Праге, нет НИКАКОГО упоминания ни в ОДНОМ учебнике, ни в одном справочном пособии, вышедшем в Российской империи или в СССР.

Насколько русские и советские власти боялись памяти о Праге, говорит хотя бы хитрая подтасовочка, сделанная в польских учебниках времен «народной республики».

В учебнике 1968 года все еще более-менее корректно:

«Войска Суворова 2 ноября (1795) подошли к Праге. 4 ноября, после кровавого штурма, во время которого погиб генерал Ясинский, он взял Прагу и устроил резню ее жителей. Король приказал жителям капитулировать».

В учебнике 1976 года — уже другая версия. «Главнокомандующий царских войск Суворов прибыл к Праге и в течении двух дней успешно провел заключительный штурм.

Во время защиты Праги погиб генерал Ясинский, возглавлявший восстание в Литве. Немного погодя капитулировала Варшава, и восстание завершилось».

Как видите, нет ни слова о жестокой расправе над жителями. Нет и классово ненавистного слова «король». Но и это не все! В учебнике 1979 года возникает предместье Прага, но уже в связи с событиями совсем другого времени.

12 мая генерал Пилсудский «расправился с рабочими Праги», поднявшимися на восстание. «Бои продолжались три дня, 400 человек были убиты и более тысячи ранены».

Разумеется, тут сплошные передержки. И восставали вовсе не только рабочие, а самые широкие слои населения, оставшиеся верными режиму Войцеховского. И не играла именно Прага особого значения в событиях.

Но придумано хитро, ничего не скажешь! Теперь слово «Прага», всегда бывшее для поляков символом русской жестокости, должно стать символом жестокости «буржуазного националиста» Пилсудского [119].

К счастью, было это уже в 1979 году, накануне действий «Солидарности», когда Польша окончательно перестала быть «послушной» Москве. Впрочем, и раньше в Польше сосуществовали как бы ДВЕ национальные истории. Одну, официальную, изучали в школах, а другую, неофициальную, дети узнавали от родителей и из книг. Так было и после разделов во всех трех зонах оккупации — российской, австрийской и прусской, так было и при

советском режиме.

Поляки ухитрялись прямо-таки мастерски доносить до сведения то, что считали истиной.

Разумеется, одной из страшных тайн советского времени было то, что советские войска сознательно прекратили наступление на Варшаву, чтобы дать нацистам подавить восстание: Советам не нужно было независимое польское правительство.

Но вот Анджей Вайда выпускает фильм «Канал». В этом фильме все достаточно «правильно» — польские повстанцы, нацистские каратели, все «верно». В фильме повстанцы, скрываясь в туннелях городской канализации, ждут, когда их спасет советская армия. Вот нарастает канонада, вот они!

Повстанцы выходят, и канонада смолкает: советские войска остановились. Повстанцы погибают под немецкой картечью, и тоже все вполне «идейно».

Но зрители, посмотревшие фильм по «легальной» версии истории, получают импульс из «нелегальной» сферы. Они и как будто подмигивающий им режиссер прекрасно знают, ПОЧЕМУ прекратилась канонада. Это остановились советские войска, чтобы обречь на смерть польских патриотов [119].

Очень может быть, и с упоминанием Праги поляки со временем что-нибудь да придумали бы...

Бой после победы

Но и третий раздел Польши, оказалось, еще не конец, и после наполеоновских войн Польшу «пришлось» переделывать еще раз. И тоже в пользу Российской империи. Как ни странно, на этот раз нигде не воевал Костюшко, — то ли стал стар, разменяв шестой десяток, то ли разочаровался во всем уже окончательно.

В 1796 году Павел I, назло покойной матери, освободил 12 тысяч пленных поляков, в том числе и Костюшко. Тот уехал в США, в 1798 — в Париж. Сохраняя верность принципам, отверг предложения Наполеона в 1806 году — республиканцы не служат тиранам! Позже (1815) отвергнет и предложение Александра I о сотрудничестве.

Так он и жил в почти добровольном изгнании в Швейцарии до смерти в 1817 году, нуждаясь с годами все больше и все более недовольный всем на свете.

От неистового поляка осталось немного: записанная секретарем Т. Костюшко Ю. Павликовским со слов шефа брошюра — «Могут ли поляки добиться независимости?».

И это все.

Новый передел Польши стал возможен потому, что польскую карту стал разыгрывать Наполеон. Польские легионы в составе войск Наполеона появились еще в 1797 году, молитвами пана Я. Г. Домбровского.

И это не просто классический иностранный легион, отнюдь нет! Наполеон Бонапарт держал перед носом поляков очень сладкую морковку: восстановление независимости Польши. Вот, мол, закончим завоевания... В 1807 году Наполеон, разгромив Пруссию, из части польских земель создал герцогство Варшавское. Сбывалась мечта поляков?

Костюшко служить тирану не пошел. А племянник последнего короля Речи Посполитой Юзеф Понятовский — пошел.

Офицер австрийской армии, он поверил в Наполеона и шел с Наполеоном до конца: в 1812 году сформировал 100-тысячную польскую армию и принял участие в войне с Россией.

Из Великой армии очень немногие вернулись. Много позже, на острове Святой Елены, Бонапарт займется подсчетами, сколько же жизней стоили его походы «любезной Франции»?

И выяснит, что цена сходная: от силы 100 тысяч жизней французов. Остальные были «немцы и прочие поляки». В том числе и приведенные Понятовским в Российскую империю в 1812.

Юзеф Понятовский вернулся и в 1813 году в Саксонии соединился с основными

силами Наполеона. Под Лейпцигом он командовал 8-м корпусом, и Наполеон произвел Понятовского в маршалы и поручил прикрывать отход французских войск. Что стояло за красивой сценой: искреннее желание воздать сторицей, соблности хоть такую справедливость или очередной финт, действие мелкого дворянчика, пролезшего в императоры... новое принесение в жертву «немца и прочего поляка»?

19 октября Юзеф Понятовский утонул в реке Эльстер во время переправы. Он был тяжело ранен и переправлялся вплавь. Ему было пятьдесят лет.

На Венском конгрессе 1815 года герцогство Варшавское отошло к Российской империи. Пруссия также получила часть герцогства Варшавского, выделенного в Великое княжество Познанское, и оставила в своих руках Поморье и Силезию.

А из своей части герцогства Варшавского Российская империя сделала себе Королевство Польское. Игрушечное такое, даже не вассальное. В его истории большую роль сыграл еще один поляк.

Адам Ежи Чарторыйский моложе на семь лет, — и полная противоположность Понятовскому. Один из ближайших друзей Александра I, член Негласного комитета. В 1802 году товарищ министра иностранных дел России, в 1804—1806 — министр иностранных дел. Уже в те годы Чарторыйский выдвинул программу объединения польских земель под властью России и долго, очень долго вела его эта идея!

Перед его носом покачивалась та же самая морковка, что и у Юзефа Понятовского — надежда на воссоздание национального Польского государства. Связанного унией с Россией? Пусть связанного. Тем более — есть понимание близкого родства двух народов, знание истории, надежда на дальнейшее сближение. Да, и надежда на реформы! Надежда на то, что лучший друг, русский император, сделает все то, что горячечным шепотом передавали друг другу на собраниях Негласного комитета. Ну, пусть не абсолютно все... Хотя бы часть.

Откуда было знать князю Адаму, что императору Негласный комитет нужен, только пока он не вошел в силу?

Как Ивану IV нужна была «избранная рада»? Что место Адама Чарторыйского в затеях императора-«реформатора» — место пешки в чужой игре.

Откуда Александру знать, что князь Адам воспринимает все всерьез? Что он действительно считает — император будет давать новые законы! Будет конституция, будет свобода крестьянству, все люди всех сословий станут гражданами без всяких наследственных прав! Откуда знать императору, что князь Адам предан ему потому, что поверил и пошел за ним? А вовсе не потому, что очаровала его монаршая улыбка? Что князь Адам, сам Рюрикович, вовсе не считает особу императора священной? Что ему свобода вонючих мужиков, какие-то противные заводы, жалкие дела жалких мещан и купцов... что все это ему дороже, чем карьера при царском... бери выше, при императорском дворце?!

Они общаются друг с другом без переводчика, даже если каждый будет говорить на родном языке — языки ведь и правда близки. Но понимают друг друга хуже, чем каждый из них мог бы понять духовно близкого ему жителя Занзибара и Лимпопо. Потому что каждый из них действует по правилам СВОЕЙ цивилизации. О мой Бог, как это безнадежно и трагично.

С 1815 и до восстания 1830—1831 годов Адам Чарторыйский — сенатор Королевства Польского. Во время восстания он — глава Национального правительства, а после поражения восстания, конечно же, должен уехать.

В польской эмиграции он был невероятно популярен.

В 1834 году Чарторыйского даже объявили «королем де факто». Право на корону он имел.

Князь еще интриговал, встречался со множеством людей, очаровывал и сколачивал коалиции. Разочаровавшись в Российской империи и ее царях, Адам Ежи Чарторыйский не разочаровался в идее восстановления Польского государства. Теперь он вынашивал планы восстановления Польши с помощью западных держав. Памятуя, наверное, эмоциональные выступления во французском парламенте.

Прожил Чарторыйский долго, 91 год, не дотянув двух лет до очередного польского восстания 1863 года.

Отношение русских — и царя, и офицерства к полякам просто не правдоподобно рыцарственное. Не как к восставшим подданным. К декабристам оно было принципиально иным. Вот она, классическая русская двойственность!

Даже недостатки национального характера выглядят чуть ли не достоинствами. Когда согнут в дугу перед любым «начальством», не говоря о царе, так хочется, закрутив усы, облить все вокруг «шляхетным гонором»!

Даже неприкаянность поляков оборачивается новыми возможностями. Они могут выбирать... У них дядя-король досиживает дни в Петербурге, а племянник служит Наполеону. Одни могут служить Александру, а другие — якобинствовать в Варшаве... Ах, как хочется свободы выбора!

Дело в том, что все поляки, названные здесь, на этих страницах, — это русские. Исключение, кажется, Домбровский, но и в этом я не уверен. А остальные — точно русские, все до единого. Или это уже поляки, но имеющие русских предков?

Но поместья Костюшко — на Волыни, и не будь он шляхтичем, быть бы ему украинцем. Понятовские — из князей Белой Руси. Чарторыйские — потомки Гедимины и многих русских князей, православные еще в XVI веке. В XVIII веке они и сами себя осмысливают как поляки, и в глазах всего света — польского происхождения. И для поляков, и для русских.

До какой степени «русская шляхта» и ее потомки — «свои» в Речи Посполитой, показывает хотя бы избрание Михаила Вишневецкого на польский престол в 1669 году.

При том, что «Михаил оказался человеком слишком слабым, чтобы править самостоятельно», выбрали именно его, а не предлагавшихся немецких и французских кандидатов.

После войн XVII века Польше нужен был «Пяст» — польский кандидат на престол. «Михаил Вишневецкий был сыном героя войн с казачеством, Иеремии Вишневецкого...

Для избирателей важнее были фамилия и польское происхождение, чем сама личность кандидата» [120].

Человек «польского происхождения», в котором не усомнился ни сейм 1669 года, ни современные историки, — сын православного Иеремии Вишневецкого, перешедшего в католицизм уже взрослым, и двоюродный внук Константина Вишневецкого, который признал в свое время Дмитрия Ивановича. Каково?

Русский по происхождению и род Огинских, владевший поместьями по всему Виленскому краю. Род, давший Польше автора ее национального гимна, Михаила Огинского (в Польше произносят с мягким «н» — Огиньский). Этот Огинский-Огиньский сочинил не только знаменитый полонез, но и «Еще Польша не погибла» («Ще Польска не сгинела»). Помните? Национальный гимн поляков, который в 1831 году они будут петь под пулями москалей.

В конце XVIII века все они, что Костюшко, что Огиньский, воспринимают себя совершенно однозначно, как поляки. И для русских они тоже поляки. Для всех русских, всех наследников Киевской Руси — для украинцев, белорусов, великороссов, — они все иностранцы, иноземцы.

«Польские магнаты — Вишневецкие и Потоцкие...», — пишется в современном украинском учебнике. В том самом, где несколькими страницами раньше рассказывается о князе «Дмитро Вишневецком», «особе исторической и легендарной» [121]. Только «князь Дмитро» жил и сложил голову в середине XVI века. Тогда это была русская семья. А внуки «князя Дмитро» — уже как бы для всех и поляки...

И как хотите, но все это очень печально.

ЧАСТЬ V ВОДЫ НАД РУССКОЙ АТЛАНТИДОЙ

*Что такое телеграфный столб? Это хорошо
отредактированная сосна.*

Писательская острота

Глава 26 ВОДЫ СМЫКАЮТСЯ 1815—2000

*Я, сказал Иван Петрович,
Вижу все, как я хочу!*
А. Барто

Я бы жил совсем иначе,
Я бы жил не так.
Не бежал бы, сжав в комочек
Проездной пятак.
Не стоял бы я в вагоне,
Стоя бы не спал.
На меня б двумя ногами
Гражданин не стал.
Я бы жил в лесу усатом,
В наливном саду,
Эдак в тыща восьмисотом
С хвостиком году.
И ко мне бы ездил в гости
Через жнивь и гать
Представитель старой власти
В карты поиграть [122].

Хорошие стихи, правда? И сами по себе хорошие, и хорошо показывают тоску замученного транспортом москвича по более простой, здоровой жизни.

И своеобразный культ XIX века, созданный уже совсем недавно российской, в основном столичной интеллигенцией.

XIX век... В этот век было хорошо с экологией. И люди были здоровее. И жили спокойнее. И образование в гимназии давали лучше, чем в школах. Последние несколько лет так же добавят: и друг в друга не стреляли.

Не буду разоблачать явных несообразностей. Конечно же, в XIX веке и стреляли, и пытали, и пороли, и бегали на тихий Дон, и пускали красного петуха. XIX век — век не только Пушкина и Толстого, но еще и век крепостного права.

Много чего было в XIX веке. И среди всего прочего XIX век был и веком самых невероятных выдумок. Часть этих выдумок создавало государство: «Самодержавие. Православие. Народность». А уж общество могло принимать эти выдумки или не принимать. То есть все делали вид, что принимают (все то же тоскливое — куда деваться?), но одни принимали истово и с душой, другие все-таки искали чего-то другого.

Например, начинали культивировать причудливые идеи про «народ и интеллигенцию».

Или удивительные концепции патриотического толка, где причудливым кекуоком проходили панславизм, самодержавие, народ-богоносец, имперская идея, общинность, превосходство России во всем, крепостное право и необходимость начальственной строгости.

Мозги разжижаются при виде «патриотов» и «националистов», для которых сцены типа «здесь били женщину кнутом, крестьянку молодую» вполне нормальны и чье нравственное чувство и гражданское достоинство совершенно удовлетворяются тем, что женщина-то — «не их круга». Но именно на том стояла «официальная народность», и именно такова была позиция правящего дома, что в исторической перспективе и привело к тому, к чему привело... А наивные люди все всплескивают руками, все ужасаются: с чего бы это на Святой Руси да вдруг стали возможны Ипатьевский дом и Алпатьевские шахты?

А главное — весь «идеальный» XIX век происходило давление государственной машины на русское общество.

Общество только иногда могло развиваться, не спрашивая разрешения у городского. Судите сами: 1801—1811 годы — «дней Александровых прекрасное начало». Затем — война.

Аракчеевщина. Николаевская «империя фасадов». «Оттепель» 1855—1878 годов. Новое (во многом вынужденное) «похолодание» политического климата. Итого за весь XIX век — всего 31 год хотя бы относительно свободного общественного развития. Да и эти годы отравлены необходимостью проораться после долгих десятилетий молчания, сведением счетов, выплескиванием на поверхность всевозможных нравственных и культурных уродств, ранее «придавленных» полицейскими мерами и потому как бы не существовавших.

Если мы хотим действительно понимать, а не просто выдумывать русскую историю, нам придется заметить, что XIX век для Российской империи — век погубленных, утраченных возможностей. Век, в котором политический строй Российской империи, буквально не дававший дышать обществу, как будто нарочно, назло делал решительно все необходимое, чтобы век окончился страшным социальным взрывом.

И это век смешных, нелепых попыток не замечать многих реальностей, которых полагалось как бы не видеть. Не полагалось замечать, что все реальнее становится взрыв.

Маркиз де Кюстин очень понятно объяснял, что еще полвека такой политики, и в России разразится революция; так внятно, что, казалось бы, не понять уже никак нельзя. Но маркиза объявили просто русофобом — одним из тех, кто дразнится такими вот словами и кого нужно не слушать, а высмеивать.

Ни государство, ни общество дружно не желают видеть, что вовсе не все народы империи рвутся оставаться в ней.

Что совсем не все, кого официально называют русскими, сами себя ими считают.

Эпоха создания мифа

Эпоха Александра I — время вбивания последних гвоздей в гроб Великого княжества Литовского.

В последние же годы Александру, тем более Николаю I уже не нужно ничего изменять; ни с кем не надо воевать, ничьей страны разделять, никаких армий никуда вводить.

Если что, так это уже только бунты, а их и подавляют по-другому, и с бунтовщиками уже можно поступать совсем не как с военнопленными. В Сибирь их, что украинцев, что и поляков! По старой москальской манере — с запада на восток, и чем восточнее — тем лучше.

Цель Николая не в том, чтобы вбивать гвозди, а скорее в том, чтобы сделать вид: а никогда и не было гвоздей.

А что, была какая-то особая Киевская митрополия? Что, подчинялась Константинополю? Так не будет подчиняться!

Есть еще и какое-то там униатство? А мы им, униатам, «порекомендуем» от католицизма отойти и прибиться опять к православию. И не куда-нибудь, конечно, а к Московской патриархии. И это будет такое предложение, от которого никакие униаты отказаться никогда не смогут.

В Галиции с 1848 года работают украинские школы. На Левобережной Украине буквально мечтают о том же, но правительство с шизофреническим упорством делает вид, что все в порядке, что малороссы — никакой не самостоятельный народ. Нет никакого такого украинского языка, а есть простонародный жаргон, все идет от низкого уровня культуры.

Русская интеллигенция отделяется шуточками в духе героев Булгакова при китов и котов, и только увидев Петлюру, только осознав стынущим черепом, под вставшими дыбом волосами КАКОЕ чудовище спустили они сами с цепи, эта самая интеллигенция начнет соображать, что, кажется, мир устроен все-таки не совсем так, как они себе его придумали. Но до этого они по крайней мере лет шестьдесят не желали в упор видеть то, чего не желали.

Но это что! Украина не вся находилась в составе Российской империи, и про нее врать приходилось осторожно.

А Белоруссия вся лежала в пределах Российской империи, да и народ там не в пример спокойнее. То ли национальный характер такой, то ли сложение нового народа началось на Украине все раньше, самостоятельнее и бурнее, а в Белоруссии — потише, помягче.

Да, кстати, никакой Белоруссии вообще никогда и не было. Вот так. В 1840 году окончательно отменяется действие Литовских статусов, то есть законов, выработанных в Великом княжестве Литовском. В том же году особым указом запрещено произносить само слово «Белоруссия». Папа Николай, Павел I, запретил даже слова «республика» и «парламент», но у кого что болит! У Николая I вот «болела» «Белоруссия», и он решил ее взять и запретить. Одно скажу: в каком же выдуманном мире нужно жить, как сильно нужно поверить в самого себя, как в Господа Бога (или, как минимум, его заместителя), чтобы «вводить» или «запрещать» целые страны и народы! В каком причудливом, искаженном, предельно далеком от реальности мире существовала императорская семья!

И уж, конечно, весь XIX век — это сплошные попытки забыть Великое княжество Литовское и русскую шляхту в Речи Посполитой, как страшный сон.

Формируется тот самый комплекс представлений-предрассудков, который будущим поколениям достанется как нечто разумеющееся само собой, как нечто шедшее от веку.

Москва — наследник Киева. Александр Невский действовал единственно возможным способом. Иван Калита — мудрый государственный деятель. Московские князья — патриоты, светлые величества. Их слуги — тоже патриоты; верные, не знающие сомнений. Дмитрий Донской — основатель новой Руси, преодолевший раздробленность. Иван III и Иван IV, может быть, в чем-то и ошибались, но в главном всегда были правы.

Литва — враг Руси № 1, еще хуже «чертовых ляхов».

Поляки — хитрые, подлые твари, затеяли извести Русь, всегда нас ненавидели. Лжедмитрия придумали иезуиты и тайно приняли в католицизм. Сусанин — спаситель царя от поляков. Ну, и так далее, вплоть до позднейшего момента.

Время Николая I — как раз эпоха формирования Большого московского мифа в его современном виде. В той форме, которая приемлема для людей неглупых, современных, не снедаемых шовинистическими проблемами.

Это время создания действительно талантливых произведений, справедливо вошедших в понятие «классика», известных каждому с малолетства. Произведений, которые уже сами по себе формируют некоторое отношение к жизни, Время, когда Гоголь пишет «Тараса Бульбу», Пушкин «Клеветникам России» и «Бориса Годунова», где повторяет зады официальной пропаганды, что Лжедмитрий — это Гришка Отрепьев.

Загоскин публикует «Юрия Милославского», а Кукольник — пьесу «Рука Всевышнего отечество спасла», где высокопарно и напыщенно излагается, как Сусанин принимал смертные муки во имя патриотической и монархической идеи.

Ну ладно, юноша, окончивший гимназию, тем более университет, по крайней мере, получал хоть какие-то представления о Великом княжестве Литовском, о Западной Руси, о Господине Великом Новгороде, пусть в самом диком, искаженном виде и в обрамлении весьма спорных оценок.

Ну, а каково тем, кто НЕ окончил гимназию?! Кто не читал Пушкина, кроме самых простеньких стихов, и никогда не слышал о графе Алексее Константиновиче Толстом?

А ведь по мере распространения грамотности, образования, культуры, как бы к этому не относиться, в России все рос в численности слой грамотных, но не очень образованных людей. Которые учились, но не в гимназии, а у знакомого дьячка или в церковно-приходской школе. Которые читали, но не Толстого, а книжки про сыщиков. И году к 1900 этот слой соотносился со слоем худо-бедно образованным как 10:1, если не как 30:1.

А вы думали, читатель, в умильном XIX веке все читали Льва Толстого? Нет, дорогой читатель, это очередной миф! То есть Льва Толстого читали массово. Лев Толстой — это тоже бестселлер XIX столетия. Но «Кроваво-кошмарные приключения действительного статского советника Ивана Путилина» шли намного лучше, потому что покупали его больше. «Иван Путилин» — это такой сериал, какого никогда не создать ни Бушкову, ни Марининой, ни Незнанскому вместе взятым! И перед которым всякая «Просто Мария» должна скромно потупиться и отступить.

И в «Путилине» были свои градации, потому что для публики чуть более чистой эта пакость выходила в мягких, но обложках и с неразборчивым портретом самого Ивана Путилина. А для публики еще более непритязательной текст начинался на обороте первого листа и не был обременен ни выходными данными, ни именами автора и издателя.

Ох, Путилин, Путилин... В одном творении из этой серии (которое в обложке и с портретом) повествуется о том, как некая идеальная девушка дает себя увлечь, несчастная, гаду по имени Феликс. А потом понимает, что он гад, и предается беззаветно ангелу по имени Ванечка. И исчезает, несчастная! И если бы не Иван Путилин, так бы и померла бедная Машенька, замурованная в скале в тайном подземелье католического монастыря. Этот Путилин! Как он принялся за Феликса!

А в серии, где автора и выходных данных нет, среди прочих своих приключений Иван Путилин изобличает иезуитов, рассыпающих в Петербурге отраву. Ездят, гады, на извозчиках, и сыплют белый порошок на мостовую. Утром ветер подымет, разносит яд! Болеют люди! Хорошо хоть патриотические извозчики во всем покаялись Путилину.

Национальности иезуитов не названа, но одного зовут пан Юзуф (так в тексте), другого — патер Ян.

Так что мерзкие поляки из «Юрия Милославского», Гришка Отрепьев на троне, Сусанин, спасающий династию Романовых, и прочая антиисторическая мура — это для кончивших гимназии. Так сказать, для образованных. А вот для «простецов» — белый порошок иезуитов.

Смешно, конечно, смешно, как «протоколы сионских мудрецов» и «Завещание Петра Великого». Совсем было бы смешно, если бы не человеческая кровь, в том числе и кровь поляков.

Дело в том, что во время холерных бунтов 1830—1831 годов народ, случалось, убивал не только докторов, «разносящих» холеру, и не только царских администраторов, пытавшихся запретить, скажем, передвижение людей из охваченных холерой районов в неохваченные («всех выморить хотят!»). Холера стала предлогом не только для «антифеодальных движений» (как показывал на следствии один неглупый крестьянский парень: «Кому мор да холера, а нам надо, чтоб вашего дворянского козьего племени не было»).

А был в холерных бунтах еще и такой аспект — народ, случалось, ловил и убивал поляков — тоже, разумеется, как разносящих холеру. А царская администрация Российской империи то спасала поляков от бездны народного гнева, то сама же объясняла, кто это тут разносит холеру. Что поделат — время евреев еще не пришло.

Но поляки хотя бы вообще продолжают существовать в народном представлении. Они — есть. А Великое княжество Литовское для огромного большинства народа все больше и больше исчезает. Оно как бы сливается с Польшей, и становится непонятно, где одно явление, а где второе. Западной же Руси как самостоятельного явления попросту не существует.

Что изменилось при советской власти? Принципиально — ничего, а если и изменилось, то к худшему. В СССР число людей с хорошим гуманитарным образованием было значительно меньше, чем в Российской империи. Значит, меньше было и тех, кто хотя бы теоретически мог противостоять Большому московскому мифу и основанной на нем пропаганде.

В результате абсолютное большинство населения в СССР если и слышало о Великом княжестве Литовском, то искренне считает, что современная Литва и историческая — одно и то же. Большинству людей и невдомек, что та жемайтійско-аукшайтская (и все-таки в первую очередь жемайтійская) Литовская республика, которая возникла в 1918 году при развале Российской империи, имеет весьма косвенное отношение к Великому княжеству Литовскому. Попытки современных политиков делать исторические экскурсии — особая тема для анализа; замечу только: ни Рагозин, ни Жириновский, ни «демократы» всех возможных разливов, судя по всему, просто НЕ ЗНАЮТ, что Литва, Белоруссия и Украина еще в XV—XVI веках составляли ЕДИНОЕ государство. Что это государство вело летописные своды и имело литературу на русском языке.

Что ее правители называли себя русским словом «великий князь» и считали себя владыками Руси. Что русские православные люди составляли 90% населения этого государства и называли его Русью. Что очень многие литовцы-аукшайты перенимали русский язык и русскую культуру и растворялись в Руси. Что династия Ягеллонов была, по сути дела, русской.

Весь XIX век и весь XX Великое княжество Литовское погружается в воды истории. В конце XVI века было первое извержение вулканов и первые катаклизмы. Там, где стоял великий Западный Русский материк, образовалась цепочка крупных, но отдельных островов. На рубеже XVIII—XIX веков рванула новая катастрофа. В реве извержения, под грохот набегающих цунами остатки Русской Атлантиды погружаются в океан. И продолжают погружаться. В начале-середине XIX века их можно разглядеть еще без особенного труда, слой воды еще не очень толстый. Тогда еще живы были те, кто своими глазами видел Великое княжество Литовское и жил в нем. Кто знал, как же оно было устроено. В конце XIX века поколение свидетелей померло. Уже нельзя нырнуть туда, где затонула Русская Атлантида, и ходить по ее дорогам, между развалинами ее городов и статуй. Уже нужно очень напрягать зрение, чтобы хоть что-то разглядеть.

В середине-конце XX века Русская Атлантида практически неразличима. Так, смутные образы на большой глубине.

Встречная мифология

Наивно думать, что забыть Западную Русь и извратить ее историю пытались и пытаются только в России. Поляки делали и делают то же самое изо всех своих сил.

Позиция поляков, справедливости ради, как-то понятнее и симпатичнее: разделенный между тремя державами, лишенный права на дальнейшую историю народ весь XIX век, до провозглашения независимости в 1917, отчаянно борется за свое право на собственное государство и на историческое бытие. И он не может позволить себе широты взглядов или великодушия. Ему не нужна память о русской шляхте или о русинах, отстоявших общее государство и общую историю славян на поле Грюнвальда.

Этому народу нужна память, пусть даже и наведенная, ложная память, но о своих великих предках. СВОИХ! То есть о чистокровнейших поляках по обеим линиям и чтоб без

единого изъяна.

На создании образов истории и становится великим писателем Генрик Сенкевич. Мне, честно говоря, просто страшно думать: а что, не набреди он на историческую тематику?!

Ведь до своих знаменитых романов был Сенкевич очень заурядным «деревенщиком». Ну очень, очень заурядным.

А на исторических романах стал по-настоящему велик.

Сенкевич смог сказать польскому обществу то, что оно хотело услышать о себе и своих предках, нет слов. В этом отношении он очень напоминает Гоголя. Даже не так важно, что сказал, гораздо важнее, как поняли. Но тем интереснее понять его интерпретацию событий.

Очень характерно его видение отношений Польши и Великого княжества Литовского в «Крестоносцах». Роман поздний, написан в 1897—1900 гг. В числе «польских хоругвей» называет «львовскую» и «галицкую». С точки зрения Сенкевича, там живут поляки. А как думают сами галичане, для него не так уж важно, в точности, как и для русской интеллигенции. Бедная Галиция! Всякий объявляет ее тем, чем хочет видеть.

Вроде бы Сенкевич нимало не отрицает многонациональный характер битвы под Грюнвальдом: «Витовт... был военачальником литвинов, жмудинов, русинов, бессарабов, валахов и татар». Но вот вам фраза: «Двадцать два народа участвовали в этой битве ордена против поляков». Так против кого?! Против двадцати двух народов, включая валахов и татар, или против поляков?! В обозе орденцев нашли много «повозок, груженных цепями для поляков». Опять — исключительно «для поляков». Вероятно, заковывать и поработать жмудинов, русинов, валахов, бессарабов и других «диких воинов Витовта» в планы орденских немцев не входило.

«Ser gut!» — сказал бы магистр ордена, похлопывая их по плечу и отпуская на свободу.

Впрочем, со всеми, кроме поляков, как будто и воевать не стоило. На слова тех, кто предупреждает о силе союзного войска, магистр Ульрих якобы заявлял: «Только с поляками придется повозиться, а все прочие, будь их хоть тьма тем — просто сброд, который не оружием ловко орудует, а ложкой».

Это — после Юрьева, Вильно, Шауляя, Ледового побоища, Велюоны? С трудом верится... И уж, простите, но во всех этих сражениях поляков-то как раз и не было.

Литвины предстают у Сенкевича дикарями в звериных шкурах. Чего стоит сцена гибели магистра Ульриха, когда он падает, пораженный рогатиной в шею, и «целая орда воинов в звериных шкурах ринулась на него».

По поводу разгрома крыла Витовта: «Да и как могло быть иначе, если с одной стороны сражались рыцари, закованные в броню, на защищенных броней конях, а на другой — крепкий и рослый народ, но на маленьких лошадках и покрытый одними звериными шкурами».

Книга Сенкевича великолепна с художественной стороны и очень точна исторически. Это прекрасный роман, и колорит времени выдержан в нем так замечательно, что остается только удивляться мастерству рассказчика и радоваться его таланту. И тем заметнее гниловатая националистическая жилка, очень мешающая восприятию. Роман написан так, словно только поляки остановили орден, а остальные народы, которым он угрожает, — только некий фон для событий или пассивные жертвы завоевания. Конечно же, никакой такой Западной Руси в романе вообще нет. И уж, конечно, никак не показано русское происхождение расхваленного на сто рядов Владислава Ягелло. Ягеллонов поляки чтут не меньше, чем Пястов, и, конечно же, вспоминать о полурусском происхождении династии непопулярно. Интересно, а современные поляки поумнели хоть немного? Вроде, воевать уже ни с кем не надо...

Произведение, которое могло стать памятником истории и Польши, и Руси, написано исключительно о поляках.

Но знаменитым сделала Сенкевича трилогия про польский XVII век. «Огнем и мечом» — польско-казацкая война (1883—1884). «Потоп» — польско-шведская война (1884—1886). «Пан Володыевский» — польско-турецкая (1887—1888). Меньше чем за шесть лет — три

монументальных полотен. Огромная работа «на рывок».

В Польше эти книги мгновенно стали знамениты и так известны до сих пор, что их называют попросту «трилогия» — и все понимают, что бы это значило.

Трилогия написана польским националистом, написана с откровенно националистических и с имперских позиций.

Ее герои — польские рыцари, противопоставленные казакам. Уже в момент выхода романа ни для кого не была секретом его исключительная политическая актуальность.

Для поляков романы стали своего рода литературным символом самостоятельности и права на национальное бытие.

Действительно — но мыслимо ли разделить на три чужие империи страну, имеющую ТАКУЮ историю, и народ, имеющий ТАКИХ предков?! Одно категорически исключает другое: или то, о чем пишет Сенкевич, или пресловутые разделы. Или героизм защитников Ченстохова, или запрещение издавать газеты, вести преподавание в школах и печатать книги на польском языке.

И вызов не остался незамеченным! Романы Г. Сенкевича были запрещены на территории Австро-Венгрии. — то есть поляки, подданные австрийского императора, не имели права эту книгу читать ни на каком языке. Читали, разумеется, читали. Но — тайком, как бы творя государственное преступление. Как в СССР еще недавно читали Солженицына и журнал «Посев».

Так, пятнадцатью годами позже в Пруссии роман Г. Сенкевича «Крестonosцы» вызвал такое возбуждение общества, что полиция принимала меры: разъясняла жителям, что нельзя бросить в тюрьму Сенкевича только за книжку. Это — в традиционно законопослушной, не склонной к эксцессам Германии!

У образованной части русского общества трилогия вызывала чувства почти агрессивные. Подростки и молодежь зачитывались Сенкевичем, и, конечно же, не в силу его национализма, а высоко оценив авантюрные сюжеты и динамизм повествования. Да и написано ведь очень хорошо!

Но вместе с тем считалось, что Сенкевич «все наврал» и что все его оценки неверны. Не были подданные польского короля так отважны, так рыцарственны, так достойны. Не производили они такого сильного впечатления! Не были они такими... такими привлекательными для молодежи! Русское общество отнеслось к романам не только как к литературному произведению, но и как к акту пропаганды.

Уже в советской тюрьме такой интеллигентный писатель, как Олег Волков, только из вежливости не говорит поляку, католическому священнику отцу Феликсу, «что он думает о романах Сенкевича». А думает он о них, конечно же, плохо.

Парадоксально, но факт — русские фактически отказываются и от своей истории, и от части собственных предков!

Отрекались тогда, в момент выхода в свет романов, продолжают это делать и сейчас. В романах Сенкевича, по мнению много раз цитированного мною справочника, «тенденциозно идеализируется борьба шляхетской Речи Посполитой с Украиной» [123], — оценка советского времени.

Но ведь в трилогии Генрика Сенкевича действует, строго говоря, только один поляк — пан Заглоба. Все остальные герои всех трех романов — это русская шляхта или как Кетлер, прижившийся в Речи Посполитой иноземец. Конечно же, в романах нет ни малейшего упоминания, никакого намека, что это именно русская шляхта. Но стоит посмотреть, откуда они происходят, их имена, многие детали биографий...

И что характерно — ни одна из сторон, спорящих вокруг романов Сенкевича, совершенно этого не замечает.

— Вот какие у нас предки! — кичливо говорит Сенкевич. И за его кичливостью ясно звучит: а вот восстанут из гроба Кмитиц и Володыевский, они вам всем еще покажут...

— А они вовсе и не такие были, ваши предки! Ты все про них наврал! — голоса русские в ответ. И им совершенно не приходит в голову, что несравненно более сильным

пропагандистским ходом стало бы тихое недоуменное замечание:

— Позвольте! Но ведь это же вовсе не ваши! Это вовсе даже и наши предки!

Точно так же легко выбить полемическую шпагу из рук Н. В. Гоголя. Не сомневаюсь, что его «Тарас Бульба» должен вызывать у поляков примерно такие же эмоции, какие трилогия — у старой русской интеллигенции. А парировать — элементарно:

— Позвольте! Какие поляки?! Откуда поляки в Дубно?!

В повести же нет ни одного поляка!

При наличии некоторой природной пакостливости можно даже высказаться в духе: мол, почему русских Гоголь назвал поляками — это у него и спросите, но только на страницах повести русские воюют с украинцами... Читайте — там все написано! Украинцы нападают, русские осажены в Дубно... Вы что, не знаете? В XV веке там жили русские!

Между прочим — вполне серьезно дарю эту идею для полемики. Не исключаю, что и пригодится.

Но у Генрика Сенкевича, конечно же, русская шляхта попросту никак не обозначена. Ему нужны предки-поляки (интересно, современным Огинским и Чарторыйским — тоже?).

И в одном, причем в главном, позиции русских москалей и поляков трогательно совпадают: ни тем, ни другими не нужно никаких «не своих» предков.

А Западная Русь отодвигается все дальше и дальше и от русских, и от польских потомков. И в Польше над Русской Атлантидой, Западной Русью, смыкаются воды истории, и Западная Русь погружается все глубже, и ее видно все хуже.

С каждым десятилетием — все больше толща вод над огромной частью нашей общей Родины.

Глава 27 ПОЧЕМУ?!

Петр I Борису Петровичу Шереметеву:

— Ну как, Петрович, возьмем Нарву?

— Возьмем, Государь... Людишков хватит.

Подлинный диалог

Наверняка у многих читателей уже возникли вопросы. У заинтересованных и доброжелательных они могут прозвучать примерно так:

— Грубо говоря, почему же Московия смогла завоевать Великое княжество Литовское? Почему Восточная Русь одолела, — завоевала, подчинила себе Западную Русь, а потом и Польшу? Если она была грубее, примитивнее, первобытное, тогда тем более все непонятно. Почему же?

Читатель агрессивный задаст те же самые вопросы, но, конечно же, совсем в другой форме, обвиняя автора в преувеличениях, вранье, подтасовках и вообще в русофобии.

Объясняться в любви к собственному народу не стану, и попробую сразу перейти к вопросам содержательным.

Увы, это не единственный пример в истории, когда более высокая цивилизация терпит поражение от более примитивной. Более высокая может развалиться, переживать период ослабления и пасть жертвой внешнего нашествия. Так Китай завоевали монголы, Древний Египет гиксосы, а Римскую империю — вандалы и готы.

В какой-то степени это верно и для Западной Руси, расколотой борьбой католицизма и православия. А польские короли и большая часть польского общества не только не остановили этого раскола, не только не постарались достигнуть примирения, но с какой-то

шизофренической, полубезумной горячностью раздували проблему, ставили во главу угла принадлежность к католицизму. Религиозная упертость поляков дорого им обошлась. Немалая доля их собственных стараний привела к тому, что их собственная страна стала частью Российской империи, а посреди Варшавы построили православный храм.

Мне рассказывали поляки, что взрыв этого храма стал едва ли не первым мероприятием польского национального правительства в 1918 году. И что не только варшавяне и варшавянки, но и жители окрестных деревень приходили, чтобы унести и выбросить хотя бы кусочек стены этого православного храма и тем самым избавиться от этого наглого вызова. В литературе я этой истории не нашел, а мои информаторы могли и ошибаться. Но даже если это только легенда, характерно, что такая легенда родилась и живет поколения.

Но замечу: поляки сами сделали все необходимое, чтобы стал возможен этот храм, построенный владыками Российской империи им назло; этот каменный плевок во все польские физиономии.

И правители Великого княжества Литовского вели себя нисколько не умнее. Глупейшая дискриминация православных (которая ничем решительно не лучше дискриминации евреев или любого другого этнического, культурного или религиозного меньшинства) заставила многих отъехать в Московию.

Великие князья литовские сами своей идиотской политикой усиливали Московию... Впрочем, все это я уже говорил.

Итак, с конца XIV века Великое княжество Литовское оказывается расколотым. И в перспективе одна его часть окажется в составе католической Польши, другая — в составе православной Российской империи.

Есть и другая, еще более значимая причина. Эту причину я лично считаю основной, и, думаю, многие читатели уже и сами начали догадываться, в чем тут дело.

В конце концов, если воюют две страны или две цивилизации, что может быть причиной победы одной из них?

Причин может быть всего несколько:

1. Более высокое боевое искусство.
2. Более высокий дух войск.
3. Более высокий уровень развития науки и техники.
4. Наличие большего ресурса.

Чем дольше воюют страны и государства, тем менее важны первые два фактора. Боевому искусству всегда можно научиться, было бы желание. Патриотический дух зависит от ситуации; если он возникает постоянно на протяжении веков, как у славян и балтов в противостоянии ордену, тут дело уже не в охватившем войска порыве, тут все гораздо серьезнее.

Если речь идет о долговременных событиях, о том, что длится века и поколения, исход борьбы решают два фактора:

1. Более высокий уровень развития.
2. Большой объем материальных ресурсов.

Уровень развития славянских земель однозначно повышается в направлении с востока на запад: и экономический, и социальный, и культурный. Казалось бы, тем более странно, что восток одолевает запад...

Но у востока всегда больше материальный ресурс. И не просто больше на сколько-то процентов, а в несколько раз как минимум. А то и в несколько десятков, сотен раз. Природные ресурсы и Польши, и Великого княжества Литовского всегда конечны. У Московии, которая все время движется на восток, природный ресурс не только не рискует иссякнуть, а все прирастает — Заволжьем, Предуральем, Западной Сибирью, Восточной Сибирью, Дальним Востоком, Русской Америкой, Крымом, Новороссией, Кубанью, Северным Кавказом, Закавказьем, Средней Азией. Московии-Российской империи всегда есть чем прирастать, тогда как вся история Польши и Великого княжества Литовского протекает в одном и том же географическом контуре, на одной и той же, не очень большой

территории.

Стало общим местом обвинять польскую шляхту в хищном движении на восток, в стремлении считать земли Руси фондом, из которого они могут пополнять свои богатства.

Но если это и так, то шляхта не достигла своей цели. Присоединение к Польше Киевщины, Подолии и Волыни не дало никаких новых земель, свободных от прежних хозяев. Скорее уж русская шляхта тех богатых краев оттеснила и поставила на второй план коренную польскую шляхту. Земли Московии Польше так и не достались, а отвоевать богатое Причерноморье тоже удалось Московии, а не Речи Посполитой. Так что же она получила, шляхта, от своего Drang nach Osten?

А вот Московия увеличилась в 20 раз за XIV—XV столетия... Ну это, допустим, в основном за счет присоединения других, уже заселенных и освоенных территорий. Но в XVI—XVII веках территория Московии вырастает еще в 12 раз, и теперь по преимуществу за счет новых земель, ранее не освоенных славянами. Российские и советские историки плаксиво повествуют, что земли это плохие, холодные и неудобные, не то что в теплой, благодатной Европе. Но позвольте! Как раз в XVI—XVII веках Московская Русь обрела ТРИДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ всего мирового чернозема! Еще почти столько же она приобретет в XVIII веке, став обладателем ни много ни мало — 55% всего мирового чернозема — 130 миллионов гектаров из 240 миллионов на всем земном шаре... А земли Севера и Сибири если и холодны, то, во-первых, не больше, чем земли Норвегии и Швеции, а во-вторых, уж очень их много.

Не говоря о том, что овладение Уралом и Сибирью сделало невозможным никакой сырьевой голод. Ни в СССР, ни в Российской Федерации, судя по всему, и не очень понимают, что такое металлический голод или дефицит нефти.

Не говоря о том, что вывоз соболей в XVII веке, железа и золота в XVIII, разнообразнейшего сырья, включая лес, в XIX и XX давало государству огромнейшие валютные запасы. И если даже Европа воевала с Российской империей, даже если ей не нравилась политика Российской империи и СССР, даже если по поводу миролюбивых деклараций СССР возникало множество сомнений, Европа вынуждена была, при любой конфронтации, интересоваться и получением этого сырья. Выигрывал из европейцев тот, кто получал такую возможность, и с этим ничего нельзя поделать.

Московская Русь поразительно быстро поднималась после всех разорений, бедствий и войн. Девлет-Гирей сжег Москву.

В 1571 году на месте Москвы было только пепелище — сгорел практически весь деревянный город. Но через год город отстроили на 70%. Через два года город стоял весь. Потому что в верховьях Москвы-реки рубили и ладили срубы, ставили их на плоты, и река сама несла вниз, к Москве, почти готовые дома.

Ни Варшава, ни Берлин, ни Лондон, ни Краков, ни Львов никогда бы не смогли подняться с такой скоростью. Доберись Девлет-Гирей до любого из этих городов, подниматься им гораздо дольше, и не только потому, что они — каменные. Но и потому что в XVI веке в верховьях Вислы, Шпрее, Темзы, Буга давно уже нет таких лесов. То, что москвитам дано практически даром, придется покупать за серьезные деньги, везти за тридевять земель и полякам, и немцам, и англичанам, и западным русским.

После погрома крестоносцами Константинополь — город не правдоподобно богатый — поднимался больше двадцати лет. Москва же после пожара 1812 года отстроится уже к 1816. Еще были леса и были неограниченные средства в громадном, до Тихого океана, тылу. Имея в тылу Урал с Сибирью, не так уж страшно потерять Москву.

Иван IV разорил страну, превратил Московию в руины.

А через 15—20 лет почти все уже восстановилось. Население разбежалось из центра — есть ведь куда разбежаться.

Везде, куда разбегались люди, были свободные земли, которые можно было распахать, и места, где удобно поселиться.

Пока ресурсов было много, выживал чуть больший процент крестьянских детишек, чем

обычно. Как правило, взрослая женщина рожала раз 15—20, и 12—15 детишек умирало до 5 лет. А теперь, в особо благоприятных условиях, выживало не 2—4 ребенка на семью, а 3—6. Повзрослевших сыновей было на ком женить, были земли, куда отселать...

В любой стране Европы или Азии страна, потеряв треть населения, была обречена веками восстанавливать потенциал: и демографический, и экономический. А в Московии проходит не так много лет — жизнь всего лишь одного поколения, и следы катастрофы заживляются.

Так будет и после Смутного времени, и после страшных лет Петра Великого.

То же будет и во время войн. «...Произойдет огромное расточение богатств, труда, даже человеческих жизней. Однако сила России и тайна ее судьбы в большей своей части заключаются в том, что она всегда имела волю и располагала властью не обращать внимания на траты, когда дело шло о достижении раз поставленной цели» — свидетельствует Конрад Валишевский.

Как бы ни вел себя противник, какое бы сокрушительное поражение ни потерпели московиты, а у Московии всегда больше ресурс. Так Тевтонский орден был особенно страшен тем, что подпитывался силами всей Европы, и разбить его в одном сражении и даже в нескольких не означало почти ничего.

Великое княжество Литовское выигрывает многие сражения войн XV—XVI веков. Ну и что? На смену истребленным подходят новые враги.

Четыре раза Иван IV пытался взять Казань, и каждый раз армия, приготовленная для вторжения, гибла. Ну и что?

Всякий раз собиралась новая армия, а казанские татары такой возможности были лишены и проиграли войну.

Если бы Стефан Баторий потерпел такое же поражение, которое он сам нанес Ивану IV, это был бы конец не успевшей начаться Речи Посполитой. А Иван IV, и теряя армии, получает полную возможность их восстановить. Останься король Речи Посполитой жив и начни он новую войну с Московией, ему пришлось бы не развивать победу, а начинать сначала.

Под Азовом Петр I теряет армию, а через год приводит новую. Под Нарвой Петр опять теряет армию. Через два года его армия восстановлена.

При этом ни один московитский царь или военачальник никогда не будет осужден за потери своих людей или за то, что вымотал их сверх всякого предела. Организация любых действий «на рывок», невероятное напряжение всех сил в краткий момент, расточение материальных ценностей, жизней и судеб — вполне в традициях московитского общества.

Скорее вызывает удивление военачальник или царь, который станет поступать иначе.

Пруссия славянского мира

Тут возникает одна навязчивая ассоциация, от которой просто невозможно отделаться. В германском мире тоже есть страна, возникшая на восточных землях, за пределами первоначального расселения германских племен.

В этой стране тоже оказались ослаблены традиции общественного самоуправления, а сильные епископства не успели укрепиться. Ничто не препятствовало укреплению необычайно прочной власти герцогов Бранденбургских, потом — королей Пруссии.

Пруссия — это большая площадь земель, чем площадь всей остальной, исторической Германии. Это больше ресурсов, чем во всей остальной Германии. Это особенно сильная власть монарха. Это слабость общества и сила государства.

Это бесконтрольность и безответственность государства. Это архаика во всем: в экономике, в отношениях людей, в культуре. Это крепостное право в те века, когда в старых германских землях по Рейну о нем и думать забыли. Это стремление решать возникающие проблемы чисто экстенсивными средствами: завоеваниями и грабежами.

Именно эта страна, бледной поганкой выросшая на крайнем востоке германского мира,

в конечном счете подмяла под себя все остальные германские княжества, железом и кровью сколотила германскую империю, вторую империю после Священной Римской империи германской нации. И, между прочим, без особенной благодарности от всех остальных немцев.

Пруссия — это примитивизм. Пруссия — это тупое... чуть не сказал — пруссачество. Слово стало нарицательным, прямо как «прусская военщина» — тоже символ своего рода.

Пруссия — это отсутствие гибкости. Пруссия — это неумение договариваться. Пруссия — это привычка решать проблемы кулаком, а не языком. Пруссак — это почти ругательство.

В дневниках В. И. Вернадского есть прелестное описание, как в Геттингене некий юноша из земли Пфальц облил его всяческим презрением и вел себя крайне задиристо и нагло.

«Неужели это потому, что я русский?» — не мог не подумать Владимир Иванович. Назавтра обидчик пришел извиняться и вел себя крайне смущенно: «Простите, ради Бога. Меня ввели в заблуждение... Мне сказали, что Вы из Пруссии...».

Быть пруссаком в Германии — не комплимент. Ассоциации уже возникли, да, читатель? Вы правы. Московия — это Пруссия славянского мира.

Глава 28 ГРОЗЯЩАЯ ОПАСНОСТЬ

*Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет.
Никто.*

М. А. Булгаков

Опасность для России

Победа Московии над всей Русью-Россией — не только достояние истории. Московия — это образ жизни, система ценностей, представления о должном и о правильном. Одним словом — это культура. Культура, которую Московия положила в основу Российской империи, та — в основу СССР.

И в этом кроется опасность для людей — жителей Российской Федерации. Тех, кто называет себя русскими и кого правильнее было бы называть великороссами.

Трудно отрицать, что бытие в недрах огромной империи, в прочных тисках государства и «коллектива» страшно уродует людей. Мало того, что человек отвыкает (точнее — смолоду не приучивается) жить сам, без подпорок государства и общины, — об этом уже сказано немало. В самом обществе утверждаются самые примитивные формы общежития, даже «вспоминаются», казалось бы, давно умершие. Защищая себя и свой образ жизни, люди придумывают самые несусветные способы идеализировать эту архаику, показать всем (и самим себе), до чего же им хорошо без свободы.

Бывший советский, нынче российский человек так привык быть несвободным, что вообще плохо понимает эту потребность и еще хуже понимает, до какой степени несвободен.

Один невозвращенец рассказывает историю, после которой сбежал из СССР. Сотрудник Внешторга, он долго жил в Дании и завел там роман с местной дамой. От лишних глаз они часто уезжали за город. Как-то рассказчик во время свидания заметил подозрительную машину, решил, что его выследили, и страшно занервничал. К его удивлению, женщина ударилась в слезы.

— Я знала, что вы рабы, — плакала она, — но чтобы до такой степени... Чтобы тебя могли так перепугать этой проверкой...

И предлагала все, что угодно, любые усилия, любые деньги: только, мол, беги, пока не поздно, пока еще можешь, беги изо всех сил, чтобы никто не смел выяснять, с кем проводит время взрослый человек.

А до русского впервые, в общем-то, дошло, как выглядит он сам и его поведение для западного человека. И бежал.

«И сейчас чиновники не понимают — как это кто-то что-то произведет, продаст, купит, зарегистрирует сам, без команды. Как это кто-то получит много денег... Благие желания, искреннее стремление к реформам упираются в непонимание самой их сути — свободы и права» [124].

В системе «московско-советско-российского» мировоззрения (как сейчас модно говорить — «ментальности») так же сильна и непривычка к дисциплине.

Всякий запрет, всякая рекомендация вызывает сильнейшее отторжение: а вдруг это начальство придумало, чтобы нас в очередной раз притеснить? В российской действительности подозрение, прямо скажем, далеко не беспочвенное.

Но если мыть машину — это не необходимость, а блажь инспектора ГАИ, то ведь и соблюдение скоростного режима, и правил обгона — это тоже его вредная выдумка. Что водку вредно пить, придумали врачи, чтобы им больше досталось. А уж что надо вовремя приходить на работу, так это вовсе черное измышление начальства. И «всякий порядочный человек» просто обязан гнать по улицам города под 100 километров, напиваться до бесчувствия, опаздывать на работу и вообще быть максимально расхлюстанным.

Об этом блестяще пишет Марина Влади [125], а Карен Хьюит так объясняет одно из коренных отличий британца от россиянина: «Когда британец обнаруживает знак, запрещающий ему въехать в улочку, он рассуждает примерно так: „Я вместе с другими запретил себе въезд“. Русский же исходит из того, что это „кто-то запретил мне сюда въезжать“ [126].

Но точно так же рассуждает русский, когда ему «запрещают» курить, обжираться, пить крепкие напитки или «заставляют» заниматься своим здоровьем и не употреблять экологически вредных дезодорантов. А! Это какой-то иностранный гад придумал, что я не должен использовать это вещество, когда я его-то и хочу использовать! Так я же ему назло буду делать так, как привык!

Так же и с соблюдением любых правил и законов, правил общежития в любой стране.

Поведение туристов из СССР или Российской Федерации в аэропортах или в гостиницах, конечно, можно и пережить.

Это же не советская оккупация, в конце концов! Самое большее, чем чревата проблема, это просто приступ раздражения... Делов! Но людям, которые не могут управиться с самими собой в элементарной житейской ситуации, особенно-то не доверишься и на борту терпящего аварию самолета или во время наводнения. Если они так пихаются только для того, чтобы попасть к стойке первыми, что будет, если от попадания к стойке будут зависеть и правда серьезные вещи?

Отсутствие дисциплины в поведении взрослых мужчин и женщин не вызывает уважения. А современные русские выпестованы Москвией и недисциплинированы, что поделать.

И агрессивны. Невероятно, неприлично агрессивны.

Много раз мне доводилось наблюдать, как иностранцы удивляются этой агрессии российских коллег.

Как он любит, холит, пестует свою агрессивность, средний россиянин! И в малом, и в большом он инстинктивно стремится разделить мир на «их» и «нас». Отделиться, спрятаться от «них», отдалившись на северо-восток или закрывшись за колючей проволокой закрытых городов — комфортабельных и добровольных концлагерей для победителей. А если удастся, то напасть на «них», стукнуть, обидеть, уничтожить!

Очень часто россиянин даже не понимает, что он агрессивен, что его поведение прочитывается, как угроза.

— Эти французы какие-то странные! Рывкнешь на них — они улыбаются и отступают! — со смехом рассказывала мне одна дама.

Помнится, я спросил эту даму: а что, по ее мнению, думают французы при этом? И оказалось, что моя собеседница, в ее почти тридцатилетнем возрасте, об этом просто НЕ ЗАДУМЫВАЛАСЬ. Ах, эта прелестнейшая незамутненность совкового сознания! С чем сравнить? Разве что с такой же незамутненностью сознания москвитя времен Иванушки... Плюнешь в общую миску — эти дураки-шляхтичи из нее перестают есть! Смех с ними, да и только!

Россиянин привык решать все вопросы самым примитивным способом. Он вообще не любит ничего сложного, требующего усилий. Все, для чего нужно учение, квалификация, затраты интеллекта, ему несколько подозрительно.

«Простой» — это у нас до сих пор положительная характеристика человека. «Простейшее решение проблемы!» — радуются люди.

А все, над чем надо еще потрудиться, люди не любят, что поделывать...

Интенсивный подход к решению любой проблемы многим россиянам чужд органически, утробно. Ну просто душа не приемлет. И это обеспечивает легчайшую замену разумных, эффективных, но сложных технологий вредными, но зато очень простыми в применении.

Это прекрасно описывает Лев Толстой в «Анне Карениной», когда мужики ломают сложную машину, потому что им не хочется сосредотачиваться, думать во время работы.

Они готовы трудиться, они вовсе не бездельники, но им нужен веселый артельный труд, а не сосредоточенность на том, что они делают [127].

А в политике эта же черта позволяет очень неплохо существовать всем, кто предлагает упрощенные решения разного уровня, от ловли «жидов» под кроватью до омовения сапог в водах Индийского океана. В 1996 году Жириновский имел серьезные шансы стать президентом, и на 90% — усилиями этих любителей простоты.

Столетиями природорасточительная технология отбирала тех, кто работает на рывок, снимает сливки, не задумываясь о последствиях. Веками община и государство отбирали «простых» — тех, кто меньше склонен к размышлению, анализу, сравнению, рефлексии.

А «ширко умные», умеющие и любящие думать, склонные вычленять себя из любой общности и добиваться успеха, истреблялись поколениями, веками.

На государственном уровне господство «московской» культуры уже привело к нескольким катастрофам разного масштаба — от экологических до политических. Назову самую страшную из них: разрушение природной среды.

* * *

Разрушение природной среды — прямое следствие культа расточительности.

Веками никто особенно не заботился о том, чтобы одна и та же земля сохраняла, а тем более преумножала свое плодородие. Для многих в наше время стало своего рода идеалом крестьянское хозяйство. Мол, там заботились о природе, вели себя хорошо, плодородие почв не падало. Эти представления странным образом расходятся со сведениями, полученными основоположником российского (и мирового) почвоведения Василием Васильевичем Докучаевым.

В. В. Докучаев как раз доказал, что плодородие почв при ведении традиционного хозяйства падало, да еще как!

Но никого это особенно не волновало: ни крестьян, ни правительство страны. Подумаешь, истощение почв! Перейти на другое место — и все... Еще при Столыпине идея переселения или идея раздела помещичьей земли была несравненно сильнее идеи рационального использования того, что есть. А тем более идеи интенсификации.

Вроде бы советская власть даже начала с природоохранных мероприятий. В лесах

опять появился лось, а в заповедниках — и соболь. Но вот проведение такой масштабнейшей акции, как освоение целины, дает знакомые примеры.

Если хотите: то же переселение избыточного населения на новые территории, на своего рода Новое Заволжье или Казахстанскую Сибирь.

От более ранних актов переселения это отличалось, во-первых, огромной ролью государства, намного большей, чем даже в пору Столыпина. Государство организовывало, везло, отводило, поставляло технику, скупало продукцию, обеспечивало и заставляло. Во-вторых, большая часть целинных и залежных земель просто не подлежала земледельческому освоению. Как правило, это территории, где ураганные ветры мгновенно могут унести плодородный слой. Не случайно русские никогда не селились тут и не заводили своего хозяйства.

Последствия понятны: огромные массивы земель, которые могли использоваться века и тысячелетия, оказались загублены в считанные годы. Масштаб разрушения явился мне во время работы нашей экспедиции в Хакасии. Мы стремились комплексно изучать интересующие нас территории, и среди прочего выяснилось, что хакасской степи, строго говоря, больше не существует. Там, где произрастали ковыльные и разнотравные степи, завели хлебные поля. Два года ходили по уши в зерне, не успевали вывозить. На третий год хлеб не вырос и не вырастал уже никогда, потому что плодородный слой исчез.

Пытались вернуться к скотоводству, но безнадежно: там, где росли степные травы, стал вырастать бурьян и прочие сорняки. На месте прежних степей сейчас лежат так называемые «бэдлэнды» — «дурные земли». Характерно, что в русском языке это явление и не осмысливается никак, приходится переводить с английского. Американцы столкнулись с таким же явлением на Среднем Западе, отследили его и описали. Русские сталкивались с ним множество раз, но не объясняли его, не описывали и не осмысливали. Они просто переселялись на еще пока нетронутые земли.

Впрочем, за последние десятилетия погибло и много «старых» земель, которым как будто ничто и не угрожало. Оказывается — очень даже угрожало: использование земель не по назначению. Когда пахотные земли зарастают лесом, кочкарники приходится распахивать. Заливные луга ушли на дно очередного рукотворного моря, а скот приходится пасти то в лесу, то на бывших пахотных землях. Рано или поздно начинается деградация и гибель земель, что поделаешь.

Сельскохозяйственные земли СССР погубили старые стереотипы Московии: неаккуратность, расточительность, привычка к избытию земли и упорная вера в то, что обязательно должны быть территории для расселения и для ведения привычного хозяйства. Ну никак не может быть так, чтобы таких земель не было...

Точно так же, как пахотные земли, экстенсивно использовались леса и недра. Леса повырублены так, что давно уже нет никакого такого «зеленого моря тайги». В песнях есть, а в реальности — нет. Есть огромные площади старых и новых вырубков, заваленных гниющими деревьями. Площади, по которым можно бродить целый день, не встретив ничего живого.

Мало кто знает, что в Сибири сегодня охотничьи угодья куда более скверные, чем в Германии, Польше или тем более в Канаде. Плотность расселения косули, благородного оленя, лося или медведя несравненно меньше, и дело не в суровом климате (в Канаде он примерно такой же), а в бедности выхлестанных, истребленных, обнищавших угодий.

Почему же «от них» охотники едут к «нам»? А они и не едут, успокойтесь. В одних США зарегистрировано 15 миллионов охотников и охотниц. Ну и многие ли хлынули в Россию, как только представилась возможность? Единицы, верно? Остальным вполне хватает дичи там, у себя. И даже в Германии и чудовищно перенаселенной Чехии охотничье хозяйство поставлено лучше, а дичи на единицу площади больше в 20, в 30 раз.

Так же вычерпаны недра. Никто ведь не думал, что не все можно сразу же хапнуть, что завтра может понадобиться то, что берем сегодня. Все было просто: наши недра неисчерпаемы, только знаем мы еще не все! Будет надо, пойдем и найдем! А когда к 1980-м

годам вдруг оказалось: найти ничего нового уже не удастся, совки-москвиты развели руками. Даже к прилету марсиан они были готовы больше.

Добавим к этому, что многие культурные ландшафты разрушались совершенно сознательно, из высоких идейных соображений. Например, царящие над Русской равниной белокаменные храмы превращались в склады или в магазины. Другие культурные ландшафты — например, Москва — переделывались до неузнаваемости, а третьи (большая часть Петербурга) превращались в натуральные помойки.

Добавим, что все в чудовищной степени загажено: завалено отходами, в том числе токсичными и радиоактивными, загазовано и залито бензином, мазутом, прочей гадостью.

Никто ведь никогда не соблюдал хоть какого-то порядка.

Наивные люди часто не понимают — охранять в России природу, естественные ландшафты поздно. Больше попросту нечего охранять. Те ландшафты, в которых выросли предки, которые были для них родными, исчезли. Не существует ни целинных степей, ни девственных лесов, в которых водились можжевельниковые рябчики.

Природная составляющая России погибла, и тут ничего не поделаешь.

Опасность для мира

Жизнь огромной страны по законам экстенсивного развития и заставила европейцев играть с сочетаниями звуков «Татария-Тартария», а Рейгана говорить об «Империи зла». Страшно сознавать, что огромная страна вдруг может непредсказуемо, неожиданно навалиться на соседей, как огромная Запорожская Сечь, только с ракетами и бомбами.

Многие в России до сих пор не в состоянии понять, как много людей в разных странах отерли холодный пот, когда в 1989 году ЦК КПСС все-таки снял тезис о неизбежности мировой революции (то есть, называя вещи своими именами, тезис о мировой войне).

И Российская империя, и СССР были невероятно агрессивны на государственном уровне. Развивать и интенсивно использовать то, что было в империи (а было-то невероятно многое), считалось несравненно менее важным, чем завоевание чего-то. СССР задуман и осуществлен был как страна-колония собственного ВПК. А ВПК задумывалось как орудие мирового господства.

Остается только удивляться, как много людей, особенно старшего поколения, готовы буквально на любые жертвы, чтобы «принести им, не ведающим, как надо жить, счастливую жизнь».

И как много людей страдают первобытной нерасчлененностью сознания, мгновенно обнаруживая «нелюбовь к Отечеству», «русофобию» и прочие ужасы там, где развращенные цивилизацией европейцы увидят всего-навсего экологические или социальные лозунги.

«Коварно, как видим, устроен механизм государственного мифа. Апология тирании искусно переплетена в нем с патриотизмом. Оправдание террора — с национальным чувством. И потому, поднимая руку на тиранию, протестуя против террора, можете оскорбить национальное чувство, борясь за ограничение власти — превращаетесь в изменника Родины» [128].

Глава 29 ИСТОРИЧЕСКАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

*Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.*

Шекспир

Очень может быть, обсуждая лучшие варианты, которые могли бы сбыться и не сбылись, мы просто не замечаем возможности каких-то других и очень скверных вариантов. Ну, например...

Одна плохая виртуальность

...Бату-хан делает своей ставкой, своим Сарай-Бату не город в Поволжье, а Севастополь или Бахчисарай. Вся степная и лесостепная зона славянских земель, от Волыни до Рязани, находится в непосредственной зоне досягаемости от Сарая-Бату. Большая часть населения в этой зоне исчезает, убежав на север и на запад или уведенная людокрадами. Дикое поле, ненаселенные пространства начинаются не к югу от Полтавы, а к югу от Ярославля.

Киев — мертвый город, вроде столицы тангутов Хара-Хото или Сарай-Балык — столицы енисейских кыргызов. Веке в XV русин из Львова, торговец Ян Кобыла, случайно натывается на развалины города и очень удивляется. Он никогда не слышал ни о чем подобном!

Все, конец. Могут сохраниться Польша, Волынь как ее периферия-пограничье, где идут вечные войны. Может сохраниться Новгород со своим своеобразным вариантом православия — в таких условиях по неизбежности еще более самобытным. Но большая часть Руси исчезает совершенно безнадежно и уже навсегда. Не сбывшись вообще никак.

Между прочим, несколько цивилизаций Центральной Азии и Южной Сибири действительно исчезли полностью.

Совсем. Нашествие монголов смело с лица земли уже упомянутые цивилизации тангутов со столицей в Хара-Хото и енисейских кыргызов. У кыргызов были города, земледелие, своя письменность, государство. Численность населения в XI—XII веках достигала порядка 500 тысяч человек. И все исчезло в прекрасно датируемом по данным археологии, известном по ряду письменных источников нашествии монголов (еще один привет Фоменке и Носовскому!).

Так же печально завершилась в XII веке история цивилизации чжурчженей — небольшого народа, жившего на юге современного Приморья.

Почему, собственно говоря, Русь никак не могла разделить судьбу кыргызов и чжурчженей?

Вторая страшная виртуальность

Есть и другой, и тоже жутковатый вариант. Бату-хан полюбил причерноморские степи, поселился именно там и сделал своей столицей Сарай-на-Днепре, на Днепровских порогах. До всей Руси отсюда близко, и до Северо-Восточной даже дальше, чем до Киева, Чернигова и Галича. Названными сыновьями Бату-хана становятся не только Александр Невский, но и его современники, князья Западной Руси. Князья тверские, рязанские, московские и владимирские, пинские, киевские, черниговские, волынские и переяславльские — вся Русь кишит в Сарая-на-Днепре гадит друг дружке, укрепляет самого Бату-хана... и постепенно сама отатаривается, конечно. Разве что Польша и Господин Великий Новгород имеют шансы отбиться, не войти в Татарию.

Правда, тогда становится неясным, смогли ли эти два государства отбиться от ордена без помощи Великого княжества Литовского? В нашей-то реально сбывшейся истории именно Литва остановила немцев... Если Западная Русь состоялась так же, как Восточная, в

роли татарской периферии, более чем вероятно, что орден будет иметь дело непосредственно с татарами и их вассалами, так называемыми русскими. А границу Европы придется проводить в районе Львова и дальше — круто на север, к Новгороду.

После восстания в Киеве в 1280 году вечевые колокола снимают уже во всей Руси руками князь-хана Алексея Полтавского, любимца и любителя татар, вернейшего собутыльника всех ханов. Весь XIV век, начиная с Василия Калиты Полтавского, идет сбор налогов для крымского хана, но самими великими князьями полтавскими и Всея Руси. Рождается татарско-славянская держава, охватывающая действительно почти всю Русь.

В 1480 году под кривыми саблями подданных великого князя и кагана падет Волынь, и ее включают в Великое княжество Полтавское. В 1500 возьмут Краков. К 1520 почти доберутся до Новгорода, да он уйдет под Швецию, и начнется новая война: скандинавы будут воевать с Великим княжеством Полтавским и Всея Руси...

Зачем я здесь пишу все эти ужасы? Чтобы показать: действительно все сбылось не самым чудовищным образом.

Были у нас перспективы и страшнее Московии.

Но и оптимального варианта своей истории Русь не смогла разыграть: и Западная, и Восточная.

Самая хорошая виртуальность

Наверное, пора попробовать заглянуть и в положительную вероятность. В то настоящее, которое смогло бы возникнуть и быть нашей сегодняшней реальностью, реализуйся Великое княжество Русское или стань Великое княжество Литовское княжеством православным и католическим одновременно. Словом, какое общество могло бы возникнуть, стань не Восточная, а Западная Русь центром собирания всех русских земель? А почему бы нет?

Ведь Белоруссия — самый прямой потомок Великого княжества Литовского. В ней история Великого княжества продолжалась и в XVII, и в XVIII веке. Это в отторгнутых от Литвы районах Украины шла война православных с католиками. В Великом княжестве Литовском с 1563 года православная шляхта имела те же права, и кто не хотел католицизироваться — тот этого и не делал. Это в коронных землях Польши православным и русским приходилось биться за свои права. А здесь никто на них не посягал, и, поистине, «Русь ассимилировала Литву».

Конечно, в Речи Посполитой Великое княжество не было ведущей частью государства. Первый удар ему был нанесен еще в 1569 году, нет слов. Но до 1791 года здесь, в провинции Речи Посполитой, защищенной своими законами, продолжалась история Великого княжества Литовского. Уже не имеющая международного значения, местная история, провинциальная, — но продолжалась.

Польские «прогрессивные люди» успели отменить «пережитки Средневековья» в виде особого статуса и особых законов Литвы, но не успели уничтожить их на практике, не успели поставить в Минске и Вильно по гильотине для сторонников «Средневековья». Это не их вина, конечно: «прогрессивные люди» сделали все, что успели; но на практике статуты Великого княжества Литовского действовали в Белоруссии до 40-х годов XIX века.

К этому можно относиться по-разному (никто ведь не обязан, в конце концов, любить ни белорусов, ни их историю), но, по-видимому, победы Западная Русь свою жуткую восточную сестрицу, мы сегодня были бы примерно такими же.

Это не значит, что мы этнографически были бы похожи на белорусов. Что во всех концах Руси говорили бы с таким же акцентом, носили бы такие же юбки и кунтуши и отпускали бы такие же усы. Конечно, нет. Победа Западной Руси означала бы совсем другую русскую историю, появление и государства, и народа с совсем иными параметрами. Да, и народа тоже!

В исторической реальности украинцы сложились в той части Руси, которая оказалась под Польшей. Значит, в нашей виртуальности украинцами станут только жители Галиции и еще Подолии, если Ягелло ее захватит, а Свидригайло не сможет и не захочет отстоять. Белорусы тоже возникли в особом государстве — Великом княжестве Литовском. Если государство у русских единое, эти три народа, скорее всего, просто не сложатся. Возникнут только украинцы Галиции, современные западные украинцы, и, скорее всего, с более «положительным» названием. Скажем, «галичане»...

На остальной же территории Великого княжества Русского складывается единый народ, пусть со множеством этнографических групп и группочек. С большой степенью вероятности в разных землях начинают жить свои диалекты.

С этими диалектами никто не борется, как с символами отсталости и «мужиковства», они существуют наряду с литературным русским языком. Так в Германии помимо литературного немецкого, Hochdeutsch в каждой земле есть свой местный немецкий, Pladeutsch. И национальной целостности Германии это ничуть не угрожает.

И расселение русских происходит совсем иначе. На востоке, в Предуралье и Сибири их колонизация, наверное, напоминает немецкую. В нашей реальности русские очень легко осваивали «местные» формы хозяйства, легко разрушали природу, «снимая сливки». Им нужно было много территории. А немцы стремились к более «точечному» освоению части территории, но зато осваивали более плотно. Примерно так осваивали старообрядцы Алтай, создавая «пятна» густо населенных, освоенных земледельцами территорий, вокруг которых местные жители продолжали вести свое хозяйство.

Возможно, в этой виртуальности заселена была бы не вся территория Сибири, а русское расселение дошло бы только до Енисея, максимум до Байкала. Ведь в реальности Сибирь часто заселяли или ссыльные, или люди, вынужденные бежать от своего обезумевшего государства. А государство использовало Сибирь как огромный сырьевой придаток. Из нормального государства никакой дурак не побежит; сам факт бегства людей из страны показывает, что государство больно.

Нормальному государству меньше нужна разработка сырья. Зачем нужно мчаться на Северный полюс за соболями, если переработка своей же пеньки и льна в средней полосе даст в несколько раз больше?!

То есть ватаги русских людей в XVII—XVIII веках, скорее всего, проникают за Енисей и на северо-восток Азии, за Лену, но сплошное русское расселение кончается на Енисее.

До XIX века Восточная Сибирь, Дальний Восток — ничьи.

Не возникает ни Русской Америки, ни Русской Маньчжурии.

Но виртуальность, которую мы изучаем, — это общество, которое так и не задавлено государством. Это общество далеко не свободное от противоречий и проблем, но несравненно более открытое, более свободное, более самостоятельное, чем сложившееся в нашей реальности.

Это общество русской православной шляхты, живущей по законам, а не служилых людей тяглового государства.

Общество немногочисленных, но реально существующих и осознающих себя горожан. Общество крестьян, по отношению к которым не все возможно и которые обретают свободу рано и без фактического выкупа своей свободы (как при Александре II).

Это общества, где науки и искусства не таятся в неведомой дали времен, а присутствуют в жизни общества и в XV, и в XVI веках. Здесь психов, сжигающих светские картины, сажают в сумасшедшие дома, а галерея портретов предков — нормальная часть богатого знатного дома.

Общество, в котором сельские девицы пляшут с парнями и водят хороводы, а шляхетские дамы из городов и фольварков в приталенных платьях разных цветов и покроев танцуют сложные танцы под музыку. В этом обществе для парня не получить хоть какого-то образования и не знать истории и географии, а для девушки — не уметь хотя бы читать попросту стыдно. Это как бы и не стать взрослым человеком.

В долгие осенние вечера, под свист зимних вьюг молодежь знакомится, выбирая друг друга под одобрительные покачивания головой «старых хрычей и хрычовок», а девицы будут зачитываться любовными романами и (уже тайком) Апулеем и Катуллом.

Первый университет в Великом княжестве Русском откроют в 1500 году; Полоцк, Киев и Новгород — наиболее реальные кандидаты на место такого университета. Вполне может быть, что откроется одновременно католический, униатский и православный университеты, профессура которых безобразно переругается между собой. Скажем, в Киеве — ортодоксальный православный университет, в Полоцке — униатский, в Вильно — католический, а в Новгороде возникает университет стригольнический. Профессура этого университета отстаивает местную, новгородскую ересь, а во всех остальных столпах науки и саму ересь, и Новгородский университет имени Садко поносят самыми последними словами.

В этом обществе совершенно невозможны ни один из «героев» четвертой части этой книги. Появление в этой виртуальности царя Ивана, Малюты Скуратова и прочих кромешников вызовет действия однозначные и односмысленные: посполито рушенье, объявление вне закона, двести золотых лично от царя за голову каждого... Такого рода веселое оживление охватывало, вероятно, двор князя Владимира, когда проходил слух о появлении вблизи Соловья-разбойника, Змея-Тугарина или другого чудовища поганого.

Если в этом обществе появится протопоп Аввакум и начнет колотить посохом танцующих, пугая их геенной огненной; если тут бледной поганкой взрастет какой-нибудь Сильвестр и станет поучать людей, как именно надо бить жену, ими займутся даже не ретивые полицейские, а скорее добродушные немецкие доктора и их русские ученики. Прозвучат мудреные термины на латыни и немецком, доктора станут переглядываться с озабоченным видом, скорбно качать головами, а потом на возмутителей спокойствия навалятся дюжие санитары, и они как-то исчезнут надолго, а может быть, и навсегда.

Печальна будет здесь судьба Ивана Вишенского. Православные, озабоченные просвещением, в лучшем случае просто его не услышат. А князь Острожский или перековавшиеся Воротынские могут его попросту зашибить, чтоб не хулиганил и не мешал. Тот — бежать в католические области, да и там православным не до идейных параноиков, а отцы-иезуиты пригласят Ивана в уютное, хотя и несколько прохладное подземелье, где одни люди разложат инструменты, а другие с доброй, ласковой улыбкой поинтересуются, откуда он так хорошо знает, какой именно язык любит дьявол? И где именно познакомился Иван с этой особой? При каких обстоятельствах? Кто его познакомил? Что дьявол еще ему рассказывал? А кого он, Иван, успел лично познакомить с дьяволом?

И в Новгород не очень убежишь — карпианцы таких даже не допрашивают, а попросту сразу кастрируют. Так сказать, насильственно «убеляют» для обретения девства и тем самым — для спасения души.

Но вот что самое-самое главное в Великом княжестве Русском — это общество и государство, за которое никогда не придется краснеть потомкам. В истории каждого народа есть страницы, заставляющие морщиться потомков. Такие страницы есть и в истории Польши, и Великого княжества Литовского, и вообще любых народов, государств и стран.

Недавно, например, Испания принесла Израилю официальные извинения за инквизицию XVI века, и эти государства примирились. Но вот в исторической реальности, в сбывшейся истории Московии-Российской империи-СССР, слишком много такого, за что приходится краснеть.

А вот победы Западная Русь — под любым из возможных названий, тогда, очень возможно, Русь и не вызывала бы страха. Но не вызывала бы и отвращения, и гнева, и брезгливого недоумения.

Сбудься этот вариант, очень может быть, что сегодня Россия тянулась бы узкой полосой от Карпат до Енисея, ограниченная с юга Областью Казачьей, а с северо-запада Господином Великим Новгородом. Может быть, было бы и единое государство... Не знаю и не считаю это важным. Но вот краснеть не придется. Или, честнее сказать, придется не больше, нежели всем остальным.

Глава 30 НА БУДУЩЕЕ

*Я пью свой бокал за варяжскую Русь,
Татарской Руси нам не надо!*
Граф А. К. Толстой

Страшная тайна Московии

Кроме Большого московского мифа, существует и Великая московская тайна...

Поколения воспитывались на том, что Московия — это и есть Русь. И что у Киевской Руси вообще не было никакого выбора, кроме как превратиться в Московскую. А у Московской Руси не было никакого выбора, кроме как превратиться в восточную деспотию с набором отвратительных и злых обычаев. Какой там выбор, если народ веками отбивался «по колено в крови», бедняжка!

Так вот, самая страшная тайна, которую москвиты скрывают уже не первое столетие: что АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВАРИАНТ РУССКОЙ ИСТОРИИ БЫЛ!

По разным причинам он не смог реализоваться. Не появилось цивилизованной, европейской Руси, способной поглотить и ассимилировать Московию. Но даже та Западная Русь, которая сложилась, реализовалась между Московией, Польшей и Литвой, дала нам очень, очень многое. Наверное, надо говорить даже не об альтернативном варианте, а о нескольких, трудно сказать, о скольких именно возможных вариантах русской государственности.

И вторая часть страшной тайны, удерживаемой москалями до синевы под ногтями, до капель холодного пота на лбу:

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ СУЩЕСТВУЮТ СЕЙЧАС!
Каждый вариант прошлого создавал для нас и новый вариант настоящего, нет слов.

Но и каждый вариант настоящего создает другие версии будущего.

И один из вариантов будущего делаем мы здесь и сейчас. В каждый момент времени мы совершаем поступки — и тем самым выбираем судьбу. И свою собственную, и для детей и внуков. Так было вчера, так есть сейчас, так будет завтра и послезавтра. Мы сами решаем, что взять в сегодняшний день из необъятного русского прошлого. Мы сами решаем, о чем сказать: «Вот это наше». И о чем сказать: «Оно появилось случайно».

Современный русский человек часто так привык считать своим только московское наследие, что ему непросто освоится в этой беспредельности. Непросто даже просто понять: его наследие создается не только в Московии.

«Значение Юго-Западной Руси остается навсегда важным, но всегда второстепенным; главное внимание историка должно быть постоянно обращено на север» — полагал С. М. Соловьев.

Я же полагаю, что современному русскому человеку неплохо бы посмотреть и на юго-запад, и на северо-запад, и осознать как свое наследие и Новгорода, и Литвы. От наследства можно и отказаться, но это ведь две совсем разные вещи: не иметь наследства и отказаться от того, что у тебя есть по праву.

И даже в Московии есть много чего, и очень разного, совсем не одна только жестокость, батоги, безумие владык разного ранга и калибра.

Русский человек вовсе не создан как-то особенно. Так что демократия, собственное достоинство, достойная и полная уважения жизнь — не для него. На этом изо всех сил

настаивают и русофобы всех мастей, и «наши плюралисты», бравые интеллигентики. Те, кто хотели бы вечно вести народ к сияющим вершинам прогресса... Но никогда не привести — потому что как только приведут, сами окажутся никому не нужны.

Но это — грубая и очень небескорыстная ложь.

Самая главная, самая лучезарная истина, какую только может уяснить себе россиянин: он вовсе ни на что НЕ обречен.

Русский человек вовсе не был обречен и сегодня тоже не обречен на общинную жизнь, в которой ему будут рассказывать, какие у него есть потребности; он вовсе не обречен на службу своему обезумевшему государству.

Русские создали такие современные, культурные государства, как Новгород и Великое княжество Литовское.

Страны, для жителей которых свобода не была отвлеченным принципом и демократия — словом из книжки.

И разорванность россиянина между отсталостью, но своей, и развитием, но чужим, тоже не неизбежно.

Традиция эта сложилась в Московии, когда передовое государство с самыми современными способами ведения войны развивалось за счет отсталого, несамостоятельного общества.

В XIX веке, в сложном, очень может быть, решающем веке русской истории с крайней определенностью сказалась разобщенность русского общества, наличие в нем по преимуществу только двух крайностей. Русский человек мог быть «прогрессистом», «левым», но тогда обычно глубоко равнодушным к судьбам отечественной культуры, народной жизни, религии. Вместе с «прогрессивными» настроениями почти непременно шло негативное отношение к русской государственности, в клинических случаях доходящее до желания «отменить всех солдат-с», чтобы «нация умная» могла бы легче «завоевать нацию глупую-с».

В другом варианте россиянин был лояльным подданным империи и почвенником, с любовью принимавшим культурное наследие предков. Но тогда, за редким исключением, он стоял на сугубо охранительных политических позициях. «Православие — самодержавие — народность». И никаких перемен.

Пусть мужики любят помещиков. Ах, не любят?! Перепороть!

И сейчас в основном это так. Россиянин или охранитель — и тогда никаких перемен! Вернуться в социализм — и ни-ни!

Или он сторонник прогресса, развития, человек динамичный и активный, но тогда, за редким исключением, убежденный сторонник американско-европейского пути развития и отказа от национального наследия.

Ну так вот: мы не обречены ни на одну из этих крайностей. Нам нет ни малейшей необходимости заимствовать демократию, европейский тип развития в Америке. Это — тоже часть нашего наследия; не меньшая часть, чем традиция политического сыска, преследования за убеждения или пресловутого коллективизма. Если в жизни россиян были такие общества, как новгородское, кто сказал, что это никогда не может повториться?

У меня было много причин написать эту книгу. И среди прочих я хотел показать своим соотечественникам ту часть нашего наследия, которую изо всех сил скрывали от нас тираны и XIX, и особенно XX столетия.

Уверен, что это заметно, но на всякий случай сознаюсь: книгу я писал откровенно с националистических позиций.

Только я был националистом Руси, а не москалей, и патриотом Руси, а не Московии, вот и все.

Большая часть резких оценок, возмущений, протестующих слов вызвана во мне как раз любовью к своему народу и убеждением, что он заслуживает лучшей судьбы. В конце концов, это детей моего народа московиты привязывали к матерям перед тем, как швырнуть с моста в Волхов. Это мой народ в Смоленске московиты выморили голодом, лишь бы не

дать ему вернуться домой, в Великое княжество Литовское. Это первопечатник моего народа Иван Федоров бежал из Москвы во Львов, потому что в Москве православных теснили хуже, чем в Речи Посполитой. И это славную историю моих предков скрывали от меня большую часть моей жизни.

И не надо. Бога ради, путать Божий дар с яичницей, грешное с праведным.

А из этого следует, что русский вовсе не обречен быть азиатом. Во все не сидит в нем татарин, который вылезет наружу, только поскреби русского. Это глупое и подлое вранье.

С тем же успехом из вас может вылезти оборотистый купец, член магистрата в Полоцке или Витебске, русский шляхтич или бойкий новгородец. Русские вообще невероятно пластичны. Если уж непременно нужно искать пресловутую национальную специфику, она, пожалуй, именно в этом. Русские веками жили в невероятно разнообразной стране, от субтропиков до субарктики, от Камчатки до Прибалтики. Есть русские олениводы и русские виноградари, русские моряки и русские таежники. И все это у них как-то получается.

Так же мы веками сидели между разными цивилизациями, и русский татарин с ублюдочной кличкой Малюта выл и размахивал саблей в сотне верст от того места, где русский поляк Николай Радзивилл, европейский русский вельможа, вытягивал ноги к камину своего замка. Мы легко можем быть очень разными.

Русский человек НЕ обречен бежать в стаде бесхвостых двуногих собачонок очередного тирана.

Русский человек НЕ должен отказываться от личного успеха для процветания государства. Более того — такой отказ с его стороны будет величайшей глупостью, а его народу не принесет ничего хорошего.

Русский человек НЕ обязан строить огромную империю, кого-то завоевывать и покорять. Он может это все ДЕЛАТЬ, а может и НЕ ДЕЛАТЬ.

Другой разговор, что декларации здесь не помогут.

Народу дается не по тому, что он заявляет, а по тому, что он делает. Ищущий — обрящет, и жизнь обычно щедро дает то, чего мы хотим на самом деле. Хотим демократии? Будет демократия. Хотим севрюги с хреном? Получаем севрюгу, а вот демократии — хрен.

Народ всегда получает то, за что он готов умирать. Это может показаться чрезмерным, вычурным, какой-то лживой красотой, диким преувеличением. Но жизнь показывает на тысячах примеров — это так.

Римская империя ничего не смогла сделать с христианами. Веками, поколениями русские люди хотели империи. Так хотели, что готовы были умирать за нее... Ну вот мы ее и имеем. Довольны? Счастливы?

Веками, поколениями русские люди не были готовы умирать за свободу, за свои права. Для них само сочетание слов «умирать за свободу» означало войну с внешним врагом, и только. А вот за свои собственные — не за корпоративные, не за государственные, а за свои личные — права, за них россиянин не был готов бороться, и уж тем более — умирать. Чаще всего ему казалось это просто диким — умирать за то, чтобы иметь какие-то права. Это британцы пели национальный гимн со словами: «Никогда, никогда, никогда Англичанин не будет рабом!». А мы не пели ничего подобного.

Но вот мы ее и не имеем, свободы, а нашей судьбой, нашей страной распоряжается мафия. Мы ведь не были готовы умирать за то, чтобы распоряжаться сами собой.

Сегодня мы имеем то, за что готовы были умирать вчера. Завтра мы будем иметь то, за что готовы умирать сегодня. Но в любом случае мы, собственно говоря, вообще ни на что не обречены и сами выбираем собственную судьбу. Сейчас. В настоящий момент. Вот и все.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема личного выбора

*Возможно, быть живым шакалом лучше, чем мертвым львом.
Но еще лучше быть живым львом. И легче.*

Р. Хайнлайн

У каждого — своя Европа и Азия, и выбор совершает каждый сам и делает его в своей душе. Я могу представить это образно. Представьте, что вы стоите на проселочной дороге, только что выйдя из леса. Утро, не вполне рассеялся туман, в лесу поют птицы. Большая развилка дороги. Огромный камень с надписью: «Налево пойдешь... Направо пойдешь...».

Кстати, нигде в мире нет больше этого мифологического образа — развилки и камня с надписью. Есть что-то глубоко русское, российское в этом образе разных дорог, необходимости принять решение. Случайно ли именно у нас сформировался этот образ, если веками, поколениями страна жила в положении выбора?

Стойте. Думайте. Решайте. По-моему, слева, на западе, играет скрипка, летит по нотам легендарный полонез. Справа тоже звуки: какие-то дикие вопли. Не обязательно думать, что непременно кого-то режут. Может, это запорожцы пишут письмо римскому папе или канцлеру ФРГ, упиваются любимой фекально-генитальной тематикой. Может, вцепились друг другу в бороды Аввакум и Никон.

От этих звуков мужчины шарят за голенищем, взводят в кармане курки, а мамы берут на руки детей. Не стоит: это, слава Богу, только призраки. И нет смысла творить крестное знамение — жуткие твари справа не исчезнут: ведь ад точно такое же творение Бога, как и совсем другое место. И вам не обязательно направо; вы здесь как раз для того, чтобы выбрать.

Вы можете отправиться в чистый, уютный город, где по булыжной мостовой скребет, будит по утрам метла дворника, где стража у ворот поставлена не от вас, а прохожие при виде вас вежливо приподнимают шляпу. Здесь труд глубоко уважается, и никто не пострадает из-за того, что заработал больше других. Здесь не любят только жуликов, и если у вас срезали кошелек, тут же зовите полицейского! Видите, вон прохаживается вдоль площади?

В этом городе много призраков, но не страшных, а интересных. Здесь в окнах старинного красивого дома мелькает тень Адама Чарторыйского. Здесь Николай Радзивилл что-то рассказывает Петру Могиле, а Иннокентий Гизель стучит пастырским посохом об пол, не в силах снести языческой тупости другого собеседника, Гедиминаса. Здесь Яков Федосов поет разухабистые песни с ватагой ушкуйников, и шум их пира смешивается с перепалкой Франциска Скорины и Петра Мстиславца. Никак не решат, какой способ печати лучше.

Да, совсем забыл! Ведь это виртуальный город. Он внутри.

И вам никак не удастся поселиться в нем, пользуясь уютом и порядком, а вести себя... по-московитски. Если вы поселитесь в этом городе, вам тоже придется быть вежливым со всеми, много работать и вести себя прилично. Вы ведь оказались в этом городе только по собственной воле, потому что вам самому этого захотелось. Никто, кроме вас, изгнать вас отсюда не может, но зато сами вы очень легко можете этот город потерять.

Потому что как только у вас возникнет желание спереть что-нибудь, навалить кучу посреди торговой площади, придумать единственно правильную идеологию или проголосовать на ближайших выборах за Жириновского, Баркашова, как тут же окажетесь где-то в совершенно другом месте. Пусть это тоже будет город, курные избы которого то ли шарахаются от приказной избы, то ли сбегаются к каменной громаде храма.

И не успеете вы облизать онемевшие губы, ощутить вкус местного соленого тумана, как из курных изб, из-за перелома кривых улочек вылезут ваши новые друзья и сподвижники — опричники, «козаки», татары Симеона Бекбулатовича, а на плечо ляжет трупная, синюшная рука Ивана Грозного: «Привет новоприбывшим!»

Почти каждый русский человек побывал в этом городе и в этой компании, что тут

поделаешь, но задерживаться здесь попросту опасно. Ведь пока мы вглядывались в бездну, бездна вглядывалась в нас, и лучше удалиться побыстрее.

Должен сказать с полной определенностью: если вам когда-нибудь вздумается строить русскую Азию, неважно каким способом, вы непременно попадете именно в эту компанию и в компанию их современных друзей и наследников.

Вот понравится ли вам, я не уверен.

...Вот развилка. Вот дороги. Выбирайте. В Европу или в Азию. Европейский или азиатский путь развития. В каменный город Дубно или полуземлянку-курень к атаманам Картошке и Шишке. В граждане или в холопы. В общество Петра Могилы, Василия Острожского, клана Борецких или протопопы Аввакума, Малюты Скуратова и «царя Васьки».

А я пока прощаюсь с вами, читатель. Выбор этот каждый русский может сделать только сам, тут советчиков не может быть. Я сделал выбор давно, честнее будет сказать что выбор сделан за четыре поколения до меня и что я сам — продукт выбора.

Очень может быть, я еще вернусь к сюжетам этой книги, и не раз. Может быть, дождусь, что скажет мне читатель, и напишу: «издание второе, дополненное и исправленное». Еще не знаю. Но пока что я прекращаю свои высказывания и удаляюсь.

...А вы что топчетесь на развилке?! Выбирайте, выбирайте, господа!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Часть I. МИФЫ ИСТОРИИ

Глава 1. ПРОПАВШАЯ РОССИЯ

1. Большая советская энциклопедия. М.: Гос. науч. изд-во «Большая сов. энциклопедия», 1952. Т. 15. Вып. 2. С. 245.
2. Там же. 1953. Т. 23. С. 621.
3. Там же. 1953. Т. 23. С. 518.
4. *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала русского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: Изд-во Российской АН, 1766. С. 103—104.
5. Псковские летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. второй. С. 10.

Глава 2. БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ МИФ, ИЛИ ЛЕГЕНДЫ МОСКАЛЕЙ О САМИХ СЕБЕ

6. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 225.
7. Большая советская энциклопедия. М.: Госуд. науч. изд-во «Большая сов. энциклопедия», 1956. Т. 44. Вып. 2. С. 169.
8. Детская энциклопедия. М.: Изд-во АПН СССР, 1961. Т. 7. С. 246.
9. Там же. С. 252.
10. Всемирная история. М., 1957. Т. III. С. 711.
11. Советская историческая энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. Т. 13.
12. *Георгиев В. Д., Георгиева Н. Г., Орлов А. С Сивохин Т. А.* История России. С древнейших времен до наших дней. М., 1999.
13. История России (IX—XX вв.): Учеб, пособ. / Отв. редактор Я. А. Перехов. История российской культуры / Отв. редактор В. П. Мещеряков. М., 1999.
14. *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.

15. *Григорьев А. А., Мезит Э. Л., Михалев С. Н., Славши Л. Н., Федорова В. И.* История России с древнейших времен до наших дней: Учеб. пособ, для абитуриентов. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998. С. 17.
16. Там же. С. 21.
17. *Иванов В. Д.* Русь изначальная. М.: Советская Россия, 1969. Т. 2. С. 401.
18. *Иванов В. Д.* Повести древних лет. Екатеринбург: Изд-во «Каменный пояс», 1993. С. 442—443.
19. *Никулин Л. В.* России верные сыны. М.: Сов, писатель, 1974.
20. *Борщаговский А. М.* Русский флаг. М.: Сов, писатель, 1971.
21. *Седов А. Д.* К истокам тоталитарного сознания // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Изд-во ВИНТИ, 1989.
22. *Гоголь Н. В.* Собр. соч. М., 1949. Т. 6. С. 264.

Часть II. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ — РОССИЯ?

Глава 3. ОТКУДА МЫ ВСЕ ЭТО ЗНАЕМ?

23. Полное собрание русских летописей. Западно-русские летописи. СПб., 1907. Т. 17.
24. *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1940. Т. 1.
- Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. Т. 2. Вып. 1., 25.
- Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1893 — 1908. Т. 1 — 2.
- Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л.: Наука, 1947, 26.
- Писарева Е.* Миссия Блаватской: теософия и теософское общество // Журнал «Аум». 1989. № 3.
27. *Кандыба В. М.* История русского народа до XII в, н.э. М., 1995.
28. *Демин В. Н.* Тайны русского народа. М., 1997.
29. *Петухов Ю. Д.* Колыбель Зевса: История русов от «античности» до наших дней. М., 1998.
30. *Фоменко А. Т., Носовский Г. В.* Новая хронология Руси. М., 1997.
31. *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1965. Т. 1—2.
32. *Морозов Н. А.* Христос. М., 1999. Т. 1—7.
33. *Бушков А. А.* Россия, которой не было. М.: Олма-Пресс, 1997.
34. *Древняя Русь: Город, замок, село.* М.: Изд-во АН СССР, 1985.

Глава 4. СТРАНА РОССИЯ

35. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 59.
36. *Манкиев А. А.* Ядро российской истории. М., 1899. С. 151.
37. *Гизель Иннокентий.* Синописис. СПб., 1810. С. 7.
38. *Архимандрит Августин.* Любек и Новгородцы // «Родина». 1994. № 5. С. 76.
39. *Ковалевский П.* Психология Русской нации. Пг., 1915. С. 16.

Глава 5. ГЕОГРАФИЯ СЛАВЯН

40. *Проконий из Кесарии.* Война с готами. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

41. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М.: Наука, 1960.
42. *Левандовский А. П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. М.: Соратник, 1995.

Глава 6. МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

43. *Бушков А. А.* Россия, которой не было. М.: Олма-Пресс, 1997.

Часть III. НА ЗАПАДЕ РУСИ

Глава 8. ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЛИТВА

44. Большая советская энциклопедия. М.: Гос, науч. изд-во «Большая сов, энциклопедия», 1951. Вып. 2. Т. 8. С. 199.
45. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. IV. С. 279—280.

Глава 9. СОБИРАНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

46. Большая советская энциклопедия. М.: Гос, науч. изд-во «Большая сов, энциклопедия», 1952. Вып. 2. Т. 10. С. 316.

Глава 10. НЕМЕЦКАЯ ОПАСНОСТЬ

47. *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. М.: Наука, 1997. С. 263.
48. *Пушкин А. С.* О ничтожестве литературы русской // Полн, собр. соч.: В 16 т. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 268.

Глава 11. РУССКИЕ НА ПОЛЬСКОМ ПРЕСТОЛЕ

49. *Длугош Ян*. Грюнвальдская битва. М. — Л.: Наука, 1962.
50. *Пацито В., Ючас М.* 550-летие Грюнвальдской битвы // Военно-исторический журнал. 1960. № 7.
51. История Польши. М.: Политиздат, 1956. Т. 1.

Глава 12. ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО. ВЗЛЕТ ДО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1410—1569

52. История Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2.
53. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1993. С. 233.
54. Там же. С. 248.

Глава 13. ГОРОДА РУССКОЙ ЕВРОПЫ

55. Большая советская энциклопедия. М.: Гос, науч. изд-во «Большая сов, энциклопедия», 1954. Вып. 2. Т. 25. С. 602.

Глава 14. ПРОКЛЯТАЯ ПРОБЛЕМА ЛИТВЫ

56. *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.

Глава 15. РАСПАД ЕДИНСТВА

57. Большая советская энциклопедия. М.: Гос, науч. изд-во «Большая сов, энциклопедия», 1954. Вып. 2. Т. 25. С. 52.

58. *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. 1905 — 1945. М.: Изд-во «Посев», 1999. С. 66.

59. *Булгаков М. А.* Белая Гвардия. Баку: Моариф, 1988.

Часть IV. ОЖИВШИЙ КОШМАР РУССКОЙ ИСТОРИИ

Глава 16. В ГЛУХОМ И ДИКОМ ЗАХОЛУСТЬЕ

60. *Хьюит К.* Понять Британию. М.: Книга, 1993.

61. *Толстой А. К.* Змей Тугарин // Собр. соч.: В 4 т. М.: Худ, литература, 1963. Т. 1. С. 258—259.

62. *Валишевский К.* Иван Грозный. М.: ИКПА, 1989. Репринтное издание 1912 года.

Глава 17. СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВИИ XIV—XV ВЕКА

63. *Карамзин М. Н.* История государства российского. М.: Наука, 1995. Т. IV. С. 95.

64. Там же. С. 122 — 123.

65. Там же. С. 140.

66. Там же. С. 321.

67. *Нестеров Ф. Ф.* Связь времен. М.: Мол, гвардия, 1987. С. 69.

68. *Ионов И. Н.* Российская цивилизация. М.: Мирос, 1998. С. 87.

Глава 18. МОСКОВСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

69. *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М.: Политиздат, 1991.

Кулыгин Э. С. Путь России. М., 1996.

70. *Гольдберг А. Л.* Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). 1974. Т. XXIX. С. 87.

71. *Исик Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII века М., 1937. С. 68.

72. *Седерберг Г.* О религии и нравах русского народа. М., 1873. С. 37.

73. *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг) СПб., 1906. С. 217.

74. *Флоренский П.* Около Хомякова (Критические заметки) Сергиев Посад, 1916. С.

19.

75. Катков М. Н. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 14.

76. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом СПб., 1862. Т. II. С. 202.

77. Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. II, С. 700.

78. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 т. М.: Изд-во АН СССР, 1966. Т. XIV. С. 52.

79. Конрад Буссов. Московская хроника: 1564 — 1613. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 133.

80. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 63.

81. Гоголь Н. В. Ночь перед рождеством // Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М.: Худ, литература, 1970. С. 94.

82. Сигизмунд — Герберштейн. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

83. Бушков А. А. Россия, которой не было. М.: Олма-Пресс, 1997. С. 266.

84. Успенский Б. А. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Б. А. Успенский. Избранные труды. М., 1996. Т. I.

85. Гоголь Н. В. Страшная месть // Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М.: Худ, литература, 1970. С. 163.

Глава 19. МОСКОВИЯ ХОЧЕТ БЫТЬ РОССИЕЙ, ИЛИ УДАВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ В САМИХ СЕБЕ

86. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

87. История Отечества. Люди, идеи, решения. М.: Прогресс, 1991. С. 35.

88. Сталин И. В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Политиздат, 1950. Т. 4.

89. Муравьев В. Б. Московские литературные были и предания. М., 1981. С. 257.

90. Сочинения князя Курбского. Русская историческая библиотека. СПб., 1915.

91. Семеникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 114.

Глава 20. МОСКОВИЯ: ЯВЛЕНИЕ МИРУ 1568—1598

92. Яте А. Иваниана // Нева. 1992. № V — VII.

93. Всемирная история. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. IV. С. 492.

94. Барберчи Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веке. СПб., 1840.

Витсен Николас. Путешествие в Московию. 1664—1665: Дневник. СПб., 1996.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1866.

Гейденштейн Р. Записки о Московской войне 1578—1582 гг.: В 5 кн. СПб., 1889.

Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.

Майерберг А. Путешествие в Московию. М., 1874.

Мармсерт Я. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского с 1590 по 1606 г. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1905.

Пальмквист Э. Несколько замечаний о России, ее дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего Королевского посольства к Московскому царю // Размышления о России и русских. М., 1994.

Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. Кн. 2.

Принц Д. Начало и возвышение Московии. М., 1877.

Рейтейфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.

Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874.

Стрюйс Я. Путешествие по России голландца Стрюйса // Размышления о России и русских. М., 1994.

Ульфельд Я. Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI в. М., 1889.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

Фан-Кленк К. Посольство Конрада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

95. *Костомаров Н. М.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.

96. Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Наука, 1985.

97. *Флетчер Д.* О государстве Русском или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // О государстве русском. СПб., 1906.

98. *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича // Бунташный век. М., 1983.

99. *Федоров Г. Д.* Как археолог стал богом // Дневная поверхность. М.: Худ., литература, 1966.

Глава 22. МЯТЕЖНЫЙ СЕВЕРО-ЗАПАД

100. *Костомаров Н. М.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Чарли, 1973. С. 488—489.

Глава 23. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

101. *Пикуль В. И.* Богатство // Молодая Гвардия. 1987. № 9. С. 139.

102. Большая советская энциклопедия. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1972. Вып. 3. Т. 8. С. 359.

103. Там же. 1973. Вып. 3. Т. 14. С. 393.

104. *Костомаров Н. М.* Смутное время Московского государства. М., 1994.

105. *Уоррен Р. Л.* Вся королевская рать. М.: Правда, 1988. С. 232.

106. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Чарли, 1993. С. 372.

107. Всемирная история. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. IV. С. 518.

Глава 24. МАРАЗМ КРЕПЧАЛ, ИЛИ «ТИГР НИКОН» И ЕГО «ТИГРЯТА»

108. *Иван Вишенский.* Сочинения. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

109. *Кирташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1959. Т. 2. С. 179.

110. *Бушуев С. В.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. М.: Книжная полка, 1994. С. 183.

111. *Бугачов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М.: Политиздат, 1991.
112. *Загоскин М. Н.* Брынский лес // Загоскин М. Н. Русские в начале 18-го столетия. М.: Кронос, 1994. С. 131.
113. *Мельников П. И.* В лесах. На горах.
Мордовцев Д. Л. Великий раскол. М.: Худ, литература, 1991.
114. *Черкасов А. Т.* Хмель. Конь рыжий. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1979.
115. *Новицкий О.* Духоборы. Их история и вероучение. Казань, 1882.
116. *Дружинин В.* Молокане. Л., 1930.
117. *Белоусов А. Ф.* Литературное наследие Древней Руси в народной словесности русских старожилов Прибалтики // Дис. Канд. филологических наук. Тарту, 1980.

Глава 25. ПОЛЬША: СОБЛАЗН И ЖУПЕЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ

118. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 214 — 215.
119. Там же. М., 1992. С. 207.
120. *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.
121. *Швидько Г. К.* Історія України XVI—XVIII скмпття. Киев: Генеза, 1997. С. 29.

Часть V. ВОДЫ НАД РУССКОЙ АТЛАНТИДОЙ

Глава 26. ВОДЫ СМЫКАЮТСЯ 1815—2000

122. *Величанский А. А.* Стихи. М., 1984.
123. Большая советская энциклопедия. М.: Изд-во «Сов, энциклопедия», 1976. Вып. 3. Т. 20. С. 257.

Глава 28. ГРОЗЯЩАЯ ОПАСНОСТЬ

124. *Трифонов Е.* Рабство во имя свободы, или перестройка № 1 // За Россию. 1994. № 12.
125. *Влади М.* Владимир, или прерванный полет. М., 1989.
126. *Хьюит К.* Понять Британию... М.: Книжная палата, 1992.
127. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина // Собр. соч.: В 12 т. М.: Худ, литература, 1951. Т. 5.
128. *Янов А.* Иваниана // Нева. 1992. № VII. С. 201.